СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

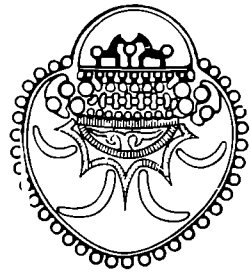
4

1973

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



Журнал основан в 1957 году
Выходит четыре раза в год

№ 4

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1973

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. В. Арциховский (главный редактор),
О. Н. Бадер, *С. Н. Бибиков*, *В. Д. Блаватский*, *И. С. Каменецкий*,
М. К. Каргер, *В. М. Массон*, *Р. М. Мунчаев*, *Б. Б. Пиотровский*,
С. А. Плетнева, *Б. А. Рыбаков*, *А. П. Смирнов* (зам. главного редактора),
В. С. Титов (отв. секретарь)

Адрес редакции:
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19
Тел. 126-94-45

© «Советская археология», 1973

Ю. Н. ЗАХАРУК

ПРОБЛЕМНЫЕ СИТУАЦИИ В АРХЕОЛОГИИ

В ходе археологических исследований в разных областях, разделах и уровнях археологической науки возникает множество различного рода вопросов, задач и проблем, подлежащих внимательному изучению и конкретному решению. В силу многих как объективных, так и субъективных условий, складывающихся уже на самом начальном этапе постановки проблем, а также при формулировке и особенно решении, в науке возникают ситуации, обычно именуемые проблемными или конфликтными. Последние, в частности, выражаются в чрезвычайной противоречивости предлагаемых разными исследователями решений, в спорности взглядов археологов по важнейшим актуальным проблемам археологической науки.

Проблемные ситуации уже давно привлекают внимание многих ученых и являются предметом специального исследования различных наук, в том числе таких, как теория и история науки, психология научного творчества, логика и методология науки, эвристика и др.[1] В частности, эвристика, наука, исследующая закономерности творческой деятельности, не без оснований рассматривается некоторыми исследователями как учение о постановке и решении научных проблем[2]. Каждая из указанных наук имеет свой особый подход к проблемным ситуациям, исследуя и решая свои специфические задачи. При рассмотрении проблемных ситуаций в археологии каждый из упомянутых аспектов нельзя не учитывать, тем не менее все они должны быть подчинены главной задаче — раскрытию специфически археологического содержания проблемных ситуаций и выяснения их значения для развития археологической науки.

Наличие проблемных ситуаций — естественное состояние науки. Однако это никак не означает, что проблемные ситуации на всем протяжении развития науки остаются неизменными. С развитием науки возникают все новые и новые проблемы, а с ними и проблемные ситуации. Проблемные ситуации в нашей науке характеризуются рядом специфических черт, обусловленных особенностью современного этапа ее развития. Остановимся на некоторых из них.

Вопросы научной классификации исследуемых объектов, как известно, относятся к непременным, элементарнейшим задачам эмпирического уровня исследования любой науки. Важное значение имеет проблема классификации вещественных источников и в археологической науке. Как же решаются вопросы археологической классификации в настоящее время?

[1] Различные аспекты проблемных ситуаций рассматриваются, в частности, в таких работах: Логика научного исследования. М., 1965; Э. Цацковский. Проблемы, вопросы и общие принципы их постановки. «Вопр. философии», 1968, 1, стр. 34—42; Д. Б. Богоявленская. О структуре проблемной ситуации. Научное творчество. М., 1969, стр. 382—386; А. Поликаров. О методологии решения научных проблем. Диалектика и современное естествознание. М., 1970, стр. 70—76; Юл. Минков. Научни проблеми и научни решения. Списание на Българската Академия на науките, 1970, стр. 60—67.

[2] А. Поликаров. Ук. соч., стр. 70.

Рассмотрим некоторые применяемые археологами классификации археологических памятников и их номенклатуру (табл. 1).

Таблица 1

Некоторые классификационные системы археологических памятников

Автор	Классификационные элементы и номенклатура			
А. Я. Брюсов (1952)	Вариант культуры	Археологическая культура	Племенная общность	
А. А. Формозов (1959)	Археологическая культура	Этнокультурная область	Культурная зона	
Ю. Н. Захарук (1964)	Тип памятников	Археологическая культура	Культурная провинция	
Д. Я. Телегин (1968)	Вариант культуры (тип памятников)	Археологическая культура	Этнокультурная область	Культурно-территориальная зона
Н. Я. Мерперт (1968)	Хронологическая группа	Районы КИО	Варианты КИО	Культурно-историческая область (КИО)
М. П. Грязнов (1969)	Вариант культуры	Этап культуры	Археологическая культура	

Данная таблица является выборочной, далеко не исчерпывающей всего разнообразия применяемых в археологических исследованиях классификаций. Тем не менее для характеристики современного состояния и уровня археологических исследований она представляется вполне приемлемой и весьма показательной. При рассмотрении данной таблицы бросается в глаза значительный номенклатурный и структурный разнобой. При этом обращают на себя внимание два момента (табл. 2). Оказывается, нет ни одного классификационного термина, который применялся бы всеми без исключения авторами. Даже такая, казалось бы, исключительно широко распространенная универсальная классификационная единица, как «археологическая культура», и то применяется не всеми археологами. Классификационная система Н. Я. Мерперта, как видим, вполне без нее обходится. Затем, из 13 перечисленных в таблице классификационных терминов их большинство — девять — применяются только одним автором. Каждый исследователь, как правило, применяет только свою собственную классификационную номенклатуру. Однако дело не только в одном номенклатурном разнобое. В тех случаях, когда исследователями применяется одна и та же номенклатура и термины, последние, однако, отражают различное содержание. И наоборот, одни и те же классификационные по содержанию единицы обозначаются различными терминами. Таблица 3 отражает попытку сопоставления однопорядковых по содержанию классификационных терминов, применяемых различными авторами. Как видим, то, что А. Я. Брюсов, М. П. Грязнов, Д. Я. Телегин называют «вариантом культуры», А. А. Формозовым обозначается термином «археологическая культура», Ю. Н. Захаруком — «типом памятников», а Н. Я. Мерпертом — «районами культурно-исторической общности» (КИО). В свою очередь то, что А. Я. Брюсов, М. П. Грязнов, Ю. Н. Захарук, Д. Я. Телегин обозначают термином «археологическая культура» (АК), для А. А. Формозова «этнокультурная область» (ЭКО), а для Н. Я. Мерперта «варианты» (КИО). По-разному обозначается классификационная единица, объединяющая родственные или близкие по характеру АК. У А. Я. Брюсова это — «племенная общность», у Ю. Н. Захарука — «культурная провинция», у Д. Я. Телегина — ЭКО, а у А. А. Формозова — «культурная зона». Классификационный разнобой еще больше усугубляется, когда авторы одним и тем же термином обозначают различные по содержанию классификационные единицы: например, АК у А. Я. Брюсова, М. П. Грязнова, Ю. Н. Захарука, Д. Я. Телегина имеет иное содержание, чем у А. А. Фор-

Таблица 2

Классификационные элементы и номенклатура	А. Я. Брюсов	А. А. Формозов	Ю. Н. Захарук	Д. Я. Телегин	Н. Я. Мерперт	М. П. Грязнов	Частота использования номенклатуры
Вариант культуры	×			×		×	3
Этап культуры						×	1
Тип памятников			×	×			2
Археологическая культура	×	×	×	×		×	5
Племенная общность	×						1
Этнокультурная область		×		×			2
Культурная провинция			×				1
Культурная зона		×					1
Культурно-территориальная зона				×			1
Культурно-историческая область (КИО)					×		1
Хронологическая группа КИО					×		1
Районы КИО					×		1
Варианты КИО					×		1

Таблица 3

Сопоставление номенклатуры однопорядковых элементов классификаций

А. Я. Брюсов		Вариант культуры	Археологическая культура	Племенная общность	
А. А. Формозов		Археологическая культура	Этнокультурная область	Культурная зона	
Ю. Н. Захарук		Тип памятников	Археологическая культура	Культурная провинция	
Д. Я. Телегин		Вариант культуры	То же	Этнокультурная область	Культурно-территориальная зона
Н. Я. Мерперт	Хронологическая группа	Районы КИО	Варианты КИО	Культурно-историческая область	
М. П. Грязнов	Этап культуры	Вариант культуры	Археологическая культура		

мозова. Равным образом различны по своему содержанию ЭКО у Д. Я. Телегина и у А. А. Формозова. Бросается в глаза также разнобой самих классификационных принципов. В одном случае, если, по крайней мере, судить по применяющейся номенклатуре, они выражают хронологическое членение памятников: «хронологические группы», «этапы», в другом — территориальное членение: «районы», «провинции», «зоны», «области», а в третьем, например у Н. Я. Мерперта,— и то и другое. В свою очередь некоторые классификационные системы отражают принцип структуры са-

мих археологических объектов: «тип памятников», «вариант культуры» и т. д.

Итак, даже из этого очень беглого, чисто формального и весьма приближенного рассмотрения применяемых классификационных схем следует вывод об исключительном номенклатурном разнобое и разнобое исходных классификационных принципов, а следовательно, об отсутствии единой общепринятой археологической классификации памятников. В известной мере это обстоятельство может быть объяснено тем, что в одних случаях классификационные системы создавались на основании исследования одних только могильников, а в другом — одних только поселений. Однако и в этом случае эти классификационные системы могут иметь практическое значение, если они будут органически дополнять друг друга, образовывать единое соподчиненное целое, применяемое при классификации археологических памятников, представленных как поселениями, так и могильниками. Отсутствие же выработанной строгой классификации археологических объектов самым отрицательным образом сказывается на уровне и эффективности археологических исследований.

До недавнего времени вопросы археологической классификации источников решались, как правило, археологами в каждом отдельном случае, исходя из наличного археологического материала и применительно к задачам данного конкретного исследования. Последние годы вопросы археологической классификации становятся предметом специального внимания и изучения, а также целевых разработок. Об этом свидетельствуют, в частности, опубликованные в последнее время работы, посвященные специальному исследованию объективных критериев классификации, формированию соответствующего аппарата, разработки конкретных методов и приемов классификации различных категорий археологических объектов [3]. В связи с этим заслуживает быть упомянутым ряд интересных докладов по проблемам археологических классификаций различных категорий источников, заслушанных на секции теории и методики Пленума Института археологии АН СССР, посвященного итогам археологических исследований за 1971 г. [4] Не случайно выработка методов археологической классификации тесно связана с внедрением в эту область статистико-математических приемов и методов. Чрезвычайно важно, чтобы разрабатываемые методы классификации были тщательно изучены, соответственно оценены, проверены на практике и определены наиболее перспективные из них, с тем чтобы они получили широкое применение в исследовательской практике археологов.

Пока что мы касались одной из элементарных и непременных процедур любого археологического исследования — археологической классификации. Не мудрено, что с усложнением познавательных задач соответственно возрастает как терминологический разнобой, так и разнобой в применяемых археологами методах и приемах исследований. В итоге, естественно, растут усложняются и проблемные ситуации. Рассмотрим в качестве примера результаты монографических исследований одной из лучше изученных к настоящему времени на Украине неолитических культур — днепро-донец-

---

[3] Д. В. Деопик, Г. М. Добров, Ю. Ю. Кахк, И. Д. Ковальченко, Х. Э. Палли, В. А. Устинов. Количественные и машинные методы обработки исторической информации. М., 1969; Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970.

[4] См. Тезисы докладов на секциях, посвященных итогам полевых исследований 1971 г. М., 1972. (А. Н. Рогачев. Методические и методологические основы классификации и номенклатуры каменных орудий, стр. 410—414; Г. Н. Матюшин. К вопросу о методах классификационного анализа пластинчатых изделий, стр. 336—339; В. Ф. Генинг. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок, стр. 10—13 и др.)

кой (табл. 4). При этом следует особо подчеркнуть, что речь идет о результатах исследований, фактически одновременных, опубликованных в 1968 и 1969 гг.[5]. Основные итоги изучения днепро-донецкой культуры явились результатом осуществления ее авторами широкой программы исследований, применения комплекса различных приемов и методов: анализа и систематизации большого вещественного материала, классификации различных видов археологических памятников, выделения их в отдельную культуру, определения территории ее распространения, а также решения вопросов, касающихся происхождения и этнической принадлежности

Таблица 4

Точки зрения специалистов на днепро-донецкую культуру

Характеристика культуры	Д. Я. Телегин (1968)	В. Н. Даниленко (1969)
Основа сложения культуры	Волыно-донецкая группа мезолитических памятников	Протонеолитическая культура прибалтийско-маглемозского типа
Территория распространения	Включая Приазовье	Исключая Приазовье
Локальные группы	5	3
Периодизация	3 периода (в том числе 2 этапа)	6 фаз
Датировка	Середина V — середина III тысячелетия до н. э.	Вторая половина VI — первая половина IV тысячелетия до н. э.
Этническая принадлежность	Балто-славянская	Протоугрофинская

днепро-донецкой культуры. Как видно из табл. 4, по важнейшим, принципиальнейшим вопросам, касающимся изучения днепро-донецкой культуры, обоими специалистами в этой области получены совершенно различные, взаимоисключающие выводы. Приведенная таблица иллюстрирует пример более сложной по своему содержанию и структуре проблемной ситуации. Речь идет о комплексе тесно взаимосвязанных проблем. Эта таблица отражает проблематику различных уровней археологического исследования, как эмпирического, так и синтетического. Ее эмпирический уровень касается анализа вещественных комплексов и классификации памятников данной культуры. Показательно, что эти задачи уже на самом начальном этапе археологического исследования решаются по-разному. Если Д. Я. Телегин относит к днепро-донецкой культуре приазовские памятники типа Мариупольского могильника, то В. Н. Даниленко, напротив, их исключает. В свою очередь, если Д. Я. Телегин выделяет пять локальных групп, то у В. Н. Даниленко их только три. Существенные расхождения имеются и в решении таких принципиально важных вопросов эмпирического исследования, как периодизация и датировка днепро-донецкой культуры. И конечно, нет ничего удивительного в различных решениях проблем, касающихся синтетического уровня исследования. Сюда относятся куда более сложные и менее разработанные в нашей науке проблемы историко-социологической интерпретации, в частности такие, как проблема происхождения археологических культур и их этнической атрибуции.

Таблица 4 отражает не только данный, частный пример проблемной ситуации, связанной с изучением одной лишь днепро-донецкой культуры. Она является весьма типичной, характеризующей современное состояние археологических исследований вообще. Это положение можно было при

[5] Д. Я. Телегін. Дніпро-донецька культура. К., 1968; В. Н. Даниленко. Неолит Украины. Киев, 1969.

необходимости проиллюстрировать на множестве примеров из других областей изучения археологических культур. Возьмем как пример вышедший в 1970 г. сборник «Каменный век на территории СССР». Не случайно редактор сборника А. А. Формозов указывает в предисловии к нему на дискуссионность, на незавершенность споров и недостаточную разработанность периодизации и терминологии, разное понимание исследователями важнейших фундаментальных археологических понятий, таких как мезолит и неолит, различие мнений по этногенетическим проблемам и т. д.[6]

Особенно остро сказываются несогласованность, противоречивость предлагаемых решений различных вопросов и проблем археологической науки в так называемых коллективных обобщающих работах. Работы этого типа весьма условно могут быть названы коллективными, так как они по-настоящему не связаны с целенаправленным исследованием темы соответствующим коллективом исследователей, а только формально суммируют и только в этом смысле обобщают взгляды отдельных исследователей по частным аспектам темы. Проблемные ситуации в одинаковой мере характерны для различных уровней археологического исследования и для разных областей археологического знания.

О чем же говорят упомянутые выше проблемные ситуации? Прежде всего о том, что они касаются самого существа археологического познания, его исходных принципов и методов. Они свидетельствуют о том, что наша наука не располагает пока общепринятыми принципами и выработанными приемами обобщения и объяснения сложных категорий археологических фактов. Когда речь идет об археологической классификации памятников, мы вправе говорить лишь о классификациях отдельных исследователей (Брюсова, Грязнова, Захарука, Мерперта, Телегина, Формозова), а не о единой, научной археологической классификации. Аналогично, когда речь идет об археологических культурах, мы вправе говорить об археологических культурах в понимании отдельных исследователей.

В связи с отсутствием общей теории предмета археологической науки, общепринятых приемов и методов исследования каждый археолог, естественно, при решении аналогичных вопросов вынужден пользоваться своей «домашней» методологией. Практически каждым исследователем приемы и методы археологической интерпретации и обобщения формируются в ходе конкретных научных изысканий. Каждый археолог интерпретирует исследуемые им археологические факты по-своему, как правило, мало заботясь о согласовании своих взглядов со взглядами других исследователей. В результате такой практики неизбежен разнобой в решениях и взглядах исследователей по различным актуальным вопросам археологической науки.

Никто не оспаривает положение о том, что решение научных проблем является важнейшей задачей научного исследования. Однако вправе ли мы на этом основании утверждать, что всякое решение научно? Вопрос о том, относятся ли памятники мариупольского типа к днепро-донецкой культуре, имеет важное принципиальное значение. Равным образом чрезвычайно важное значение имеет проблема датировки и хронологии памятников днепро-донецкой культуры. А проблема ее этнической принадлежности? Является ли она балто-славянской, как утверждает Д. Я. Телегин, или протоугрофинской, как утверждает В. Н. Даниленко? Или сама постановка проблемы этнической принадлежности днепро-донецкой культуры неправомочна по существу, так как некоторые исследователи упорно продолжают утверждать, что археологические культуры не отражают и не могут отражать какие бы то ни было этнические общности вообще? Эти и многие другие вопросы далеко не праздные. Они не могут не волновать не только интересующихся древнейшей историей нашей Родины, но и

---

[6] Сб.: «Каменный век на территории СССР». М., 1970, стр. 5, 6.

специалистов, пристально ее исследующих. О том, что эти вопросы вызывают серьезную озабоченность археологов, что их исследования приобретают чрезвычайно важное значение, свидетельствуют, в частности, все чаще организуемые совещания, специально посвященные проблемам исследования культур отдельных районов страны, например Сибири или Средней Азии. Однако было бы наивным полагать, что успешное решение проблем отдельных культур или целых их районов может быть достигнуто путем простого количественного увеличения новых вариантов решений или может быть сведено к формальному согласованию имеющихся, как правило, разноречивых решений. Все это приводит неизбежно к тому, что проблемные ситуации сами рано или поздно должны стать предметом специального внимания и исследования.

Успешное развитие научного познания, научное решение возникающих в ходе исследования проблем возможно лишь при условии так называемого прогрессивного сдвига проблем [7]. Для большей наглядности саму структуру и логику этого прогрессивного сдвига проблем выражают символически в виде следующей формулы [8]

$$P_i \rightarrow TT \rightarrow EE \rightarrow P_к$$

В данной формуле буквенными символами обозначены отдельные, непременные звенья этого процесса, а стрелками — их последовательное решение. Под символом P_i или P_1 обозначена исходная проблема, под TT — ее первичное, предлагаемое решение, под EE — критическое исследование этого решения, а под $P_к$ или P_2 — проблема, возникавшая в результате решений исходной проблемы. Проиллюстрируем эту схему на примере проблематики, связанной с изучением памятников трипольской культуры. Как известно, долгое время одной из остро дискуссионных проблем трипольской культуры была проблема назначения так называемых площадок. Проследим в обобщенной форме этапы и логику ее решения в свете схемы прогрессивного сдвига проблем.

P_i — исходная проблема	назначение «площадок» (В. В. Хвойко, 1899)
↓	
TT — первичные решения	а) погребальные, культовые сооружения (В. В. Хвойко, 1899; Э. Р. Штерн, 1905; В Данилевич, 1913
	б) остатки жилищ (Н. Ф. Беляшевский, 1900; В. А. Городцов, 1900; Ф. К. Волков, 1900; А. А. Спицын, 1904; С. С. Гамченко, 1926)
↓	
EE — критический анализ TT	Проблема не может быть решена вследствие несовершенства раскопок и фрагментарности материалов. Нужны новые полноценные источники (Н. Ф. Беляшевский 1926; С. С. Магура, 1935; Т. С. Пассек, 1937)
$P_к$ — проблема, возникающая в результате EE	

В результате применения новой методики раскопок и фиксации объектов на трипольских поселениях Коломийщина I и II (1934—1939) и Владимировка (1939, 1940, 1946) было полностью исследовано около сотни

---

[7] В. С. Швырев. Анализ научного познания в современной «философии науки», «Вопр. философии», 1971; 2, стр. 110.

[8] Там же, стр. 111; Н. И. Родный. История науки, науковедение, наука. Вопр. философии, 1972, 5, стр. 57.

площадок, материал раскопок которых позволил решить долго дискутируемую проблему (P_i) и одновременно поставить новую ($P_к$).

P_i — исходная проблема	назначение «площадок»
↓	
TT — предлагаемые решения	а) погребальные, культовые сооружения б) остатки жилищ
↓	
EE — критический анализ TT	Решение а) — не подтвердилось. Площадки — остатки жилищ и хозяйственных сооружений (Е. Ю. Кричевский, 1940, 1941; Т. С. Пассек, 1940, 1941)
↓	
$P_к$ — проблема, возникающая в результате решения P_i	проблема реконструкции трипольских жилищ

Приведенные примеры решения исходной проблемы свидетельствуют о плодотворности и применимости концепции и схемы прогрессивного сдвига проблем для анализа проблемных ситуаций в нашей науке.

Рассмотрим в свете указанной концепции и схемы характер и особенности современных проблемных ситуаций в археологии.

Постановка проблемы — важнейшее звено в познании проблемной ситуации. Возникает проблемная ситуация тогда, когда в процессе исследования обнаруживается несоответствие между имеющимися в наличии знаниями и познавательными средствами, с одной стороны, и возникающими в ходе исследования новыми задачами,— с другой [9]. Постановка проблемы представляет собой выход за пределы изученного в сферу того, что еще должно быть исследовано. В отличие от других логических форм проблема специально фиксирует внимание исследователей на отсутствии или недостаточности наших знаний [10]. Действительная ценность проблемы, как отмечают теоретики и логики науки, в том, что она не только указывает на неполноту наших знаний, а выражает стремление к преодолению этой неполноты [11].

Возникновение проблемы как новой задачи исследования обычно не вызывает особых разногласий среди исследователей. Иное дело сама постановка исходной проблемы, ее восприятие и понимание. Здесь, как правило, одни и те же научные проблемы воспринимаются и истолковываются каждым исследователем по-своему, что уже на самом начальном этапе их постановки неизбежно приводит к большой противоречивости взглядов среди исследователей. Это в свою очередь предопределяет неизбежный разнобой и несопоставимость первичных решений, являющихся непременным звеном прогрессивного сдвига проблем (по схеме TT). Обычно этому звену научного познания исследователи уделяют главное внимание. Каждый исследователь, археолог, считает свою задачу выполненной, если им предложено то или иное решение данной проблемы. В этом отношении увидевшие свет археологические книги, монографии, сборники и статьи обобщающего характера представляют собой огромнейшее скопление различных, преимущественно первичных, решений множества современных проблем нашей науки. Однако согласно формуле прогрессивного сдвига проблем эти первичные решения, несмотря на непрерывное их количественное увеличение, сами по себе еще ни о каком реальном сдвиге в решении проблем никак не свидетельствуют. Если с точки зрения отдельных исследователей предложенные ими решения тех или иных проблем действительно завершают процесс исследования, то с точки зрения проблемных ситуаций эти решения не столько завершают, сколько открывают дли-

[9] А. В. Славин. Наглядный образ в структуре познания. М., 1971, стр. 252.
[10] Логика научного исследования. М., 1965, стр. 24.
[11] Э. Цацковский. Ук. соч., стр. 35.

Таблица 5

Аспекты исследования проблемных ситуаций

		Содержательный аспект	Логико-методологический аспект	Уровни исследования	
Предмет исследования	некоторые вопросы археологической культуры	Территория, локальные группы	Принципы и методика классификации	эмпирический	
		Периодизация, датировки	Принципы и методика хронологизации		
		Основа сложения	Принципы и методика генетических исследований	синтетический	
		Этническая принадлежность	Принципы и методика этнической атрибутации		
		Конкретное решение исследовательских проблем	Критическое исследование конкретных решений проблем		
		Задачи исследования			

тельный, сложный и противоречивый процесс синтетического исследования, отражаемый проблемными ситуациями. И тем не менее, несмотря на неизбежную условность и незавершенность первичных решений, последние ни в коем случае нельзя игнорировать. Поскольку первичные решения отражают огромный научно-исследовательский опыт каждой науки, они заслуживают и требуют самого пристального и серьезного внимания.

Как это явствует из приведенной выше формулы, реальный сдвиг в решении любых проблем возможен лишь при условии осуществления в процессе познания следующего звена формулы, обозначенного буквами *EE*. Речь идет о критическом исследовании, анализе и оценке первичных, предлагаемых решений. Ибо только осуществив подлинный научный анализ, возможно должным образом оценить научно-познавательное значение как самих конкретных решений, так и принципов и методов, с помощью которых они были получены. Вот что говорят по этому поводу логики и методологи науки: «Так как результаты исследования зависят от характера, последовательности применения и степени совершенства приемов и методов, используемых в исследовании, то сам процесс исследования должен стать объектом научного изучения» [12]. И еще: «...анализ методов, которыми пользуется ученый, не является чем-то внешним по отношению к науке, а представляет необходимое условие ее развития» [13].

Таким образом, на современном этапе развития нашей науки прогресс научного познания связан с усложнением исследовательских задач, с включением в него наряду с традиционными задачами археологических исследований новых, ранее чуждых, задач логико-методологического характера. Последнее обусловлено рядом причин, и в том числе, во-первых, тем, что большинство имеющихся в нашей науке решений спорных проблем относится именно к этой категории первичных решений. И, во-вторых, археология, как и общественные науки в целом, в отличие от естественных наук не обладает возможностью экспериментальной проверки большинства своих выводов и решений.

Рассмотрим в свете изложенного аспекты и задачи исследования проблемных ситуаций на примере проблематики, касающейся изучения некоторых вопросов археологических культур (табл. 5).

[12] А. И. Ракитов. К вопросу о структуре исторического исследования. Сб.: «Философские проблемы исторической науки». М., 1969, стр. 61.

[13] А. И. Уемов. Логические основы метода моделирования. М., 1971, стр. 3.

Любая проблемная ситуация (независимо от предмета и уровня исследования) с точки зрения решаемых задач может рассматриваться в двух аспектах. Во-первых, в содержательном, собственно археолого-историческом аспекте проблемные ситуации предполагают решение различных конкретных задач археологического исследования. Первая колонка табл. 4 отражает перечень исходных проблем (P_i) днепро-донецкой культуры, а вторая и третья колонки — конкретное решение (TT) этих проблем Д. Я. Телегиным и В. Н. Даниленко. В табл. 5 эти же вопросы в обобщенной форме представлены в качестве одного из примеров таких задач конкретного решения (содержательный аспект исследования проблемных ситуаций). Конечно, это могут быть и любые другие вопросы и предметы археологического исследования. Как видим, предметы исследований касаются различных уровней, как эмпирического, так и синтетического. Во-вторых, проблемные ситуации наряду с решением конкретных задач археологического исследования, как это явствует из формулы прогрессивного сдвига проблем, полагают также решение особых задач логико-методологического аспекта. Последние осуществляются в форме критического анализа конкретных первичных решений проблем (EE). Предметом логико-методологического анализа становятся не только конкретные проблемы, исследуемые данной наукой, например указанные в табл. 4 и 5 различные вопросы изучения днепро-донецкой культуры, а исходные принципы и процедура, применяемая при их решении. В нашем примере это должен быть анализ исходных принципов и применяемых методов и приемов решения конкретных вопросов днепро-донецкой культуры Д. Я. Телегиным и В. Н. Даниленко. Анализу подлежат средства и приемы получения каждым исследователем эмпирических данных (археологических источников), способы и приемы их систематизации и построения, обобщения и интерпретации. Эффективное рассмотрение проблемных ситуаций включает в себя анализ и сопоставление существующих точек зрения, выявления логики построения концепций каждого автора, изучение правомочности и обоснованности их исходных посылок. При анализе проблемных ситуаций и оценке имеющихся решений важно учитывать их различную природу и характер. Ученые, специально исследующие научное творчество [14], различают, например проблемы, не имеющие принципиального решения, и проблемы, принципиально решимые. В последнем случае различаются проблемы, требующие для своего решения привлечения новых дополнительных данных, и проблемы, для решения которых требуется развитие формального или понятийного аппарата данной науки или привлечение соответствующего аппарата других областей знания. В свою очередь различают также особую категорию проблем, решение которых неопределенно, неоднозначно, так как их решения зависят от невыясненных еще наукой обстоятельств.

Без осуществления глубокого и разностороннего критического аспекта исследования проблемных ситуаций невозможно выяснить и установить реальное состояние наших знаний по любой проблеме, а следовательно, и определить новые проблемы, возникающие в результате такого исследования ($P_к$ — согласно формуле прогрессивного сдвига проблем).

При всем разнообразии решаемых конкретных проблем анализ современных проблемных ситуаций неизменно будет указывать на ряд общих для всех их моментов, а именно: отсутствие унифицированной археологической терминологии и понятийного аппарата; отсутствие общепринятых принципов и выработанных методов и приемов решения проблем; неразработанность археологической теории.

Случайно ли это? По-видимому, нет. Отражает ли это в таком случае какую-то существенную особенность современного этапа развития нашей

---

[14] Э. М. Мирский. Проблемное обучение и моделирование социальных условий научного творчества. В кн.: «Научное творчество». М., 1969, стр. 407.

науки? Несомненно отражает. Универсальный, всеобщий характер указанных моментов лучшим образом характеризует современное состояние нашей науки, ее важнейших формирующихся структурных элементов. Последнее особенно характерно для переходного периода развития любой науки от эмпирического этапа к синтетическому. Переход на высший, синтетический, теоретический этап развития науки строго обусловлен упорядочением и унификацией научной терминологии и понятийного аппарата, выработкой и совершенствованием методов и приемов исследования, разработкой теоретических основ данной науки. Важнейшим условием осуществления этого перехода на новый, высший уровень развития науки является огромнейшая работа по конкретному критическому анализу всего многообразия решаемых наукой современных проблем. Все это ставит перед нашей наукой сложную и ответственную задачу проанализировать, оценить и определить соответствующее место в общей системе археологических знаний применяемой исследователями номенклатуры и терминологии, исходных принципов и понятий, методов исследования, а также всего объема первичных решений современных проблем. Пока что все они образуют весьма пеструю мозаику несоразмерных и не соподчиненных друг другу терминов и понятий, различных исходных принципов и положений, разных по своему значению и эффективности применяемых методов исследования, разных по значению и доказательности объяснений археологических фактов и их историко-социологической интерпретации.

Разобраться во всем этом очень сложно. Это потребует огромных творческих усилий большого коллектива исследователей. К тому же эту работу не сделает за нас никакая философия, логика или методология науки, эвристика или кибернетика. Эту поистине титаническую работу должны осуществить мы сами, археологи, вооруженные выработанными научными принципами и приемами, опирающимися на последние достижения и философии, и логики, и методологии науки, и эвристики, и кибернетики.

Археологи, обычно целиком поглощенные решением тех или иных конкретных задач археологического исследования, мало внимания уделяют логико-методологической стороне археологического познания, критическому исследованию проблемных ситуаций. Это в свою очередь также обусловлено рядом объективных и субъективных причин. Среди археологов довольно широко распространен взгляд, согласно которому работы, так сказать, критического жанра рассматриваются как некие второстепенные или второсортные в научном отношении. Некоторые искренне полагают, что аналитико-критические работы по своему значению и исследовательскому уровню уступают обычным, традиционным исследованиям, предметом которых является археологический источник. При всей курьезности и наивности подобных взглядов с последними нельзя не считаться, так как они оказывают заметное влияние на положение дел в области нашей научной критики. Что же касается значения и существа научной критики, следует особо подчеркнуть, что она не только ни в чем не уступает любому конкретному научному исследованию, а более того, характеризуется значительно большей сложностью решаемых задач, хотя бы уже потому, что предметом критического анализа имеет сами эти конкретные исследования, решения. Нелишне напомнить в связи с этим, что научная критика, с точки зрения В. И. Ленина, отличается от любого научного исследования не по своему уровню и методу, а только своими специальными задачами, которые могут быть успешно решены только благодаря применению принципов подлинно научного исследования.

Не меньшее распространение среди археологов имеет и другой взгляд, согласно которому универсальную причину, затрудняющую решение научных проблем в нашей науке, склонны усматривать преимущественно в ограниченности источниковедческой базы исследования. Никак не отрицая исключительно важного значения источников в археологическом исследовании (вспомним историю решения проблемы назначения «площадок»),

было бы, однако, ошибочно объяснять только ограниченностью источников недостатки существующих решений современных проблем. Пожалуй, в настоящее время более типично положение, когда исследователи на основании одного и того же круга источников приходят к совершенно различным заключениям. В этом случае ссылкой на источниковедческую базу исследований не объяснить множество и остроту проблемных ситуаций. Более существенным представляется другое. Нередко публикуемые работы, посвященные решению какой-либо археологической проблемы, далеко не в равной мере отражают так называемые контекст решения и контекст обоснования. Обычно исследователи полагают, что только изложение самого решения имеет интерес для читателя, а изложение обоснования — это сугубо внутреннее дело, касающееся только самого автора, в то время как между этими двумя контекстами существует тесная, органическая, неразрывная связь, поскольку форма, характер и уровень решения проблемы в значительной степени определяется прежде всего формой, характером и уровнем самого обоснования. Это часто встречаемое заблуждение нередко создает непреодолимые трудности при критическом разборе и оценке первичных решений.

В иных, тоже нередких, случаях оказывается, что сами исследователи не всегда в состоянии объяснить применявшуюся ими исследовательскую процедуру, зачастую объясняя принятое решение интуицией. В силу указанных условий куда более результативным оказывается предложить свое решение какой-либо задачи или проблемы, чем посвящать свой труд и время на поиски погрешностей, изучение и критический анализ методов и приемов исследования у своих предшественников и коллег. И хотя в диссертационных работах и монографических исследованиях, как правило, в большей или меньшей мере еще касаются этих вопросов, тем не менее налицо серьезное отставание в этой области. Кстати, в историографических разделах археологических исследований нередко подлинно научно-критический разбор взглядов и концепций подменяется простым пересказом существующих точек зрения и очень общей, не конкретной их оценкой. Особенно остро ощущается отсутствие специальных исследований, посвященных критическому анализу и исследованию конкретных проблемных ситуаций в археологической науке.

Однако каким бы трудным, сложным и неблагодарным ни представлялся аналитико-критический аспект исследования проблемных ситуаций, развитие этого важного направления исследований в нашей науке неизбежно. К сожалению, археология в этой области заметно отстает не только от естественных наук, в значительной мере преуспевающих благодаря традиционно развитой научной критике, но и от наших коллег по общественным наукам, например философов [15]. Проблемные ситуации, о чем свидетельствует история и опыт мировой науки, неизбежно должны привести к тому, что в научном исследовании все большее и большее место будет уделяться критическому логико-методологическому аспекту, который касается самого существа, принципов, теории и методики научного познания в целом. Не случайно в ходе развернувшихся в последние годы дискуссий по различным актуальным проблемам археологической науки на первый план неизменно выдвигается одна и та же методологическая, аналитико-критическая сторона, касающаяся теории, методики и принципов археологического исследования. Изучение, обобщение, совершенствование исследовательской работы в нашей науке, поиски путей и способов повышения объективности и точности археологических исследований на современном этапе развития нашей науки приобретают решающее значение. Важнейшая роль в этом процессе справедливо отводится логико-методологическому анализу проблемных ситуаций. Развитие нашей науки настоятельно тре-

[15] Показательна в этом отношении публикуемая в течение многих лет серия работ под общим названием «Над чем работают, о чем спорят философы».

бует, обязывает археологов к специальному их исследованию и широкому обсуждению.

Стоит ли серьезно доказывать, что постановка новых задач, новых методологических проблем нашей науки никак не отрицает ее величайших достижений и выдающихся открытий? Было бы глубоко ошибочным переносить данную оценку состояния современных проблемных ситуаций на всю нашу науку, на всю ее терминологию и номенклатуру, на все применяемые в ней методы, на все ее научные результаты. Следует особо подчеркнуть, что без огромных, неоспоримых достижений нашей археологической науки всего предшествующего периода была бы невозможна сама постановка новых, более сложных исследовательских задач, которые отражаются в современных проблемных ситуациях. Величайшая сила науки в том, что она не только ставит, но и решает возникающие в ходе ее развития проблемы. Вспомним, что еще сравнительно не так давно, на заре становления археологической науки, в начале XVIII в. во французской Академии наук горячо дискутировалась проблема, считать ли находимые в земле кремневые наконечники стрел и каменные топоры «небесного происхождения» или творением рук человеческих. Не более 100 лет тому назад некоторые видные ученые оспаривали само существование медного века в Восточной Европе. Мы уже упоминали в другой связи многолетнюю дискуссию о назначении трипольских площадок, которой ознаменовались первые десятилетия нашего века. Еще сейчас нередко археологи, исследующие вопросы первобытной экономики, ограничивают свои исследования простой констатацией наличия у древнего населения различных видов хозяйственной деятельности (охоты, рыболовства, земледелия, скотоводства). Успешно разрабатываемый и внедряемый в научную практику в последние годы советскими археологами (С. Н. Бибиков, В. М. Массон) метод палеоэкономического моделирования позволяет осуществлять более углубленное изучение первобытной экономики, ее структуры, объем производства, соотношение отдельных отраслей хозяйства населения различных эпох. Показательно, что разработка этого нового направления исследования также была обусловлена важными достижениями предшествующего периода развития нашей науки, в частности сплошного исследования стоянок и поселений. Без опоры на огромные достижения нашей науки невозможен ее прогресс: положительное решение научных проблем и возникновение и постановка на их основе новых. Именно благодаря этому выдающемуся качеству наука все глубже и глубже проникает в сущность исследуемых ею объектов, явлений и процессов. Археологическая наука в этом отношении не исключение.

Jou. N. Zakharouk

SITUATIONS PROBLÉMATIQUES EN ARCHÉOLOGIE

Résumé

Dans l'article sont considérées les situations dites problématiques, conflictuelles qui se présentent lors de l'étude et la résolution des problèmes actuels de la science archéologique d'aujourd'hui. Les situations problématiques concernent les branches et les niveaux divers de la connaissance archéologique. Du point de vue des problèmes à résoudre les situations problématiques sont considérées sous deux aspects: substantiel qui représente les résultats concrets de la résolution des problémes de recherche et logico — méthodologique qui suppose l'étude critique des résolutions proposées. A l'étape actuelle du développement de la science archéologique l'importance décisive revient à l'aspect logico — méthodologique de l'étude des situations problématiques qui touche à l'essence même de la connaissance scientifique, de sa théorie, de ces principes et méthodes. L'étude critique des résultats concrets de la résolution des problèmes différents, la recherche des voies et des procédés de leur perfectionnement, de l'augmentation de l'exactitude et de l'objectivité des investigations archéologiques est une condition indispensable du développement toujours plus grand et plus efficace de la science archéologique, des progrès croissants dans la résolution de ces broblèmes actuels.

Х. ТОДОРОВА

НОВАЯ КУЛЬТУРА СРЕДНЕГО НЕОЛИТА В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ БОЛГАРИИ

В своей работе «Неолитический период в Болгарии» Дж. Голь [1] сообщает о существовании неолитического поселения у дер. Аспарухово (округ Варны). Долгие годы этот объект оставался неидентифицированным. Лишь в 1971 г. болгарский краевед Д. Златарски сумел найти упомянутое Голем поселение на высоком плато, известном под названием Усое, у дер. Аспарухово вблизи г. Долгопол.

Памятник представляет собой однослойное неолитическое поселение с землянками и полуземлянками, чьи культурные остатки залегают под стерильным слоем мощностью 30—50 *см*. Даже долголетняя вспашка, производимая до глубины 25—28 *см*, почти не затронула остатков поселения. Только глубокая вспашка под виноград, произведенная в 1971 г., выявила черный гумус, заполнявший землянки, пятна которых выступили на площади в 4 *га*. По диагонали через поселение был прорыт глубокий котлован, который прорезал и частично уничтожил шесть землянок. Эти работы были приостановлены до проведения регулярных археологических раскопок под руководством автора.

В первый сезон на поселении Усое I было исследовано восемь землянок, несколько полуземлянок и хозяйственных ям (рис. 1) принадлежавших новой средненеолитической культуре Златарски [2]. Землянки были заполнены совершенно черным смолистым гумусом, четко выделявшимся на фоне красновато-желтого суглинка террасы. Их средние размеры 15 × 7 *м;* форма — неправильная овальная (рис. 1, *1, 3, 4*) с постепенно углубляющимся в направлении к очагам дном. Очаги находятся в самых глубоких (доходивших до глубины 1,50—2,00 *м*) частях землянок. В очагах обнаружено несколько слоев обугленного дерева и золы. Около них были сконцентрированы находки: отходы производства кремневых орудий, кости животных, орудия труда и керамика. Дно землянок около глубоких очажных ям неровное. Местами оно углублено так, что создается впечатление, будто около очагов расположено по нескольку овальных «гнезд», более или менее отдаленных друг от друга. Землянки, вероятно, имели крышу, сооруженную из толстого слоя жердей и соломы, засыпанного тем же желтым суглинком, который был вынут при рытье землянок. Часто встречались следы этого перекрытия в виде слоя желтого суглинка, перекрывающего у периферии землянок заполняющий их культурный слой (рис. 1, *2*). Следы жердей, однако, обнаруживаются очень редко. Возможно, их сохранности помешал характер грунта и долгое произрастание леса на этом месте.

[1] J. H. G a u l. The Neolithic Period in Bulgaria, BASPR, 16, 1948, p. 41.

[2] Культура названа в честь замечательного болгарского краеведа и археолога Димитра Златарского, благодаря самоотверженной деятельности которого науке стало известно огромное археологическое богатство Лонгоза (микрорайон восточных Балканских гор у рек Голяма и Луда Камчия).

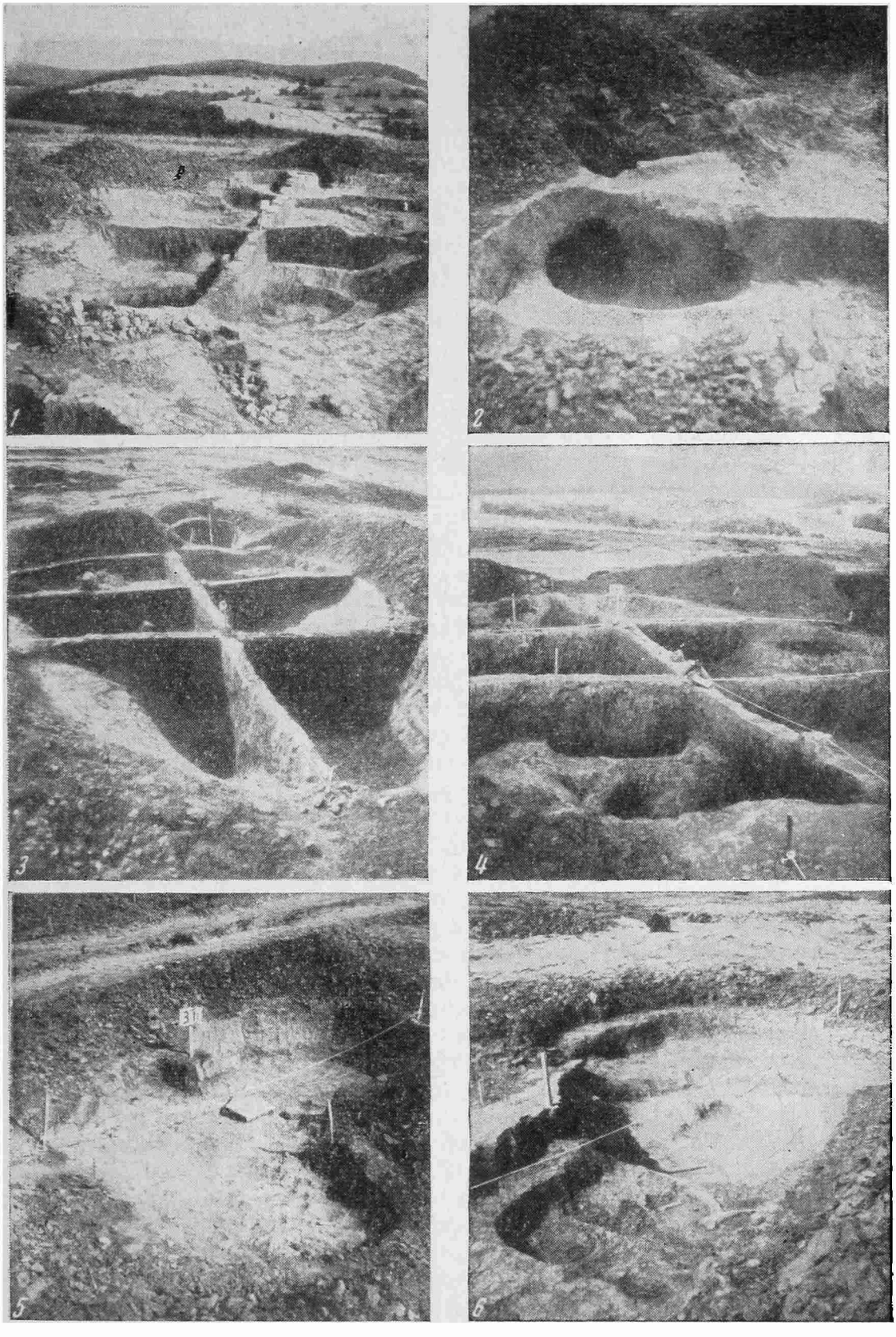


Рис. 1. Землянки поселения Усое I

1, 3, 4 — большие землянки; *2* — следы потолочного перекрытия; *5, 6* — восьмеркообразные в плане полуземлянки

Наряду с большими землянками найдены маленькие полуземлянки, в плане напоминающие восьмерку (рис. 1, *5, 6*). Их глубина доходит до 50—80 *см*, а средние размеры — 2 × 4—5 *м*. В них четко прослеживаются два сектора, один меньших размеров — хозяйственный, где находилась печь, жернова, небольшое количество посуды, костей и отщепов. Сохранившихся in situ печей, однако, пока не было обнаружено. Об их существовании свидетельствует нагромождение больших комьев обожженной глины с отпечатками жердей от каркаса и фрагменты пода. Во второй части полуземлянок находки почти отсутствуют, и ее можно считать жилым помещением, в котором, однако, едва ли могли поместиться больше пяти человек. Полы полуземлянок были обмазаны белой глиной. Полуземлянки, вероятно, имели весьма легкую конструкцию стен и крыши, не засыпавшуюся глиной, так как следы подобной засыпки не обнаружены. Заполнение этих объектов имеет темно-коричневый, а не черный цвет, что подтверждает предположение о более легкой конструкции крыши. Так как археологический материал, найденный в жилищах обоих типов, одинаков и, следовательно, одновременен, можно предположить, что большие землянки были зимним жилищем и в них ютились многочисленные «большие семьи», состоящие из самостоятельных парных ячеек, о чем свидетельствует внутреннее разделение площади землянок. В этом случае полуземлянки могли бы служить летним жилищем для отдельных парных семей. Если это так, то перед нами такая степень развития семейных отношений, где в большой (матрилинейной?) семье четко оформились отдельные маленькие семьи, которые, однако, остаются неотделимой составной частью большой семьи. Последняя же является большим совместно производящим и потребляющим коллективом.

Интересно отметить, что по своим характерным особенностям поселение культуры Златарски на плато Усое в точности повторяет поселение культуры Цонево (конец раннего неолита) в Голямо Делчево [3], находящееся в 5 *км* восточнее Усое и исследованное нами полностью в 1969 г. И там наблюдается параллельное существование больших землянок и маленьких полуземлянок в форме восьмерки. Однако в аллювиальном лёссе пойменной террасы, в которой углублены землянки Голямо Делчево, хорошо сохранились следы нетолстых жердей от конструкции крыш. Жерди были запущены косо в верхние части стен землянок и располагались в несколько рядов. И здесь местами хорошо сохранилась желтая глина от перекрытий крыш. Землянки Голямо Делчево и Усое являются первыми неолитическими объектами этого типа, исследованными в Болгарии.

Инвентарь поселения Усое I довольно богатый. Было найдено около 6 тыс. фрагментов, несколько целых сосудов, лепешкообразные глиняные таблички со знаками, большое количество каменных изделий, пластика и очень много кремневых орудий, нуклеусов и отщепов. Количество костяных орудий незначительно. Керамика изготовлялась вручную из трех видов теста. 70% черепков принадлежало сосудам, изготовленным из теста с значительной примесью половы. При таком составе теста приходилось наносить на грубую фактуру сосуда второй, поверхностный слой чистой, хорошо отмученной глины типа толстого (до 1 *мм*) ангоба, который позволял наносить орнамент, моделировать каннелюры и производить лощение и полировку посуды. У совершенно черных сосудов поверх слоя ангоба наблюдается еще один очень тонкий слой черного цвета, втертый в сырую поверхность сосудов. 25% черепков изготовлены из глины с примесью песка и шамота. Эти фрагменты происходят чаще всего от пифосов. 15% сосудов изготовлялись из чистой глины без заметных примесей. Это тесто шло на изготовление маленьких тонкостенных сосудов. Поверхность этой

---

[3] H. Todorova. Die frühneolithische Kultur Tsonevo in Nord-Ost Bulgarien. Доклад на VIII Международном конгрессе наук о доистории и протоистории в Белграде, 1971.

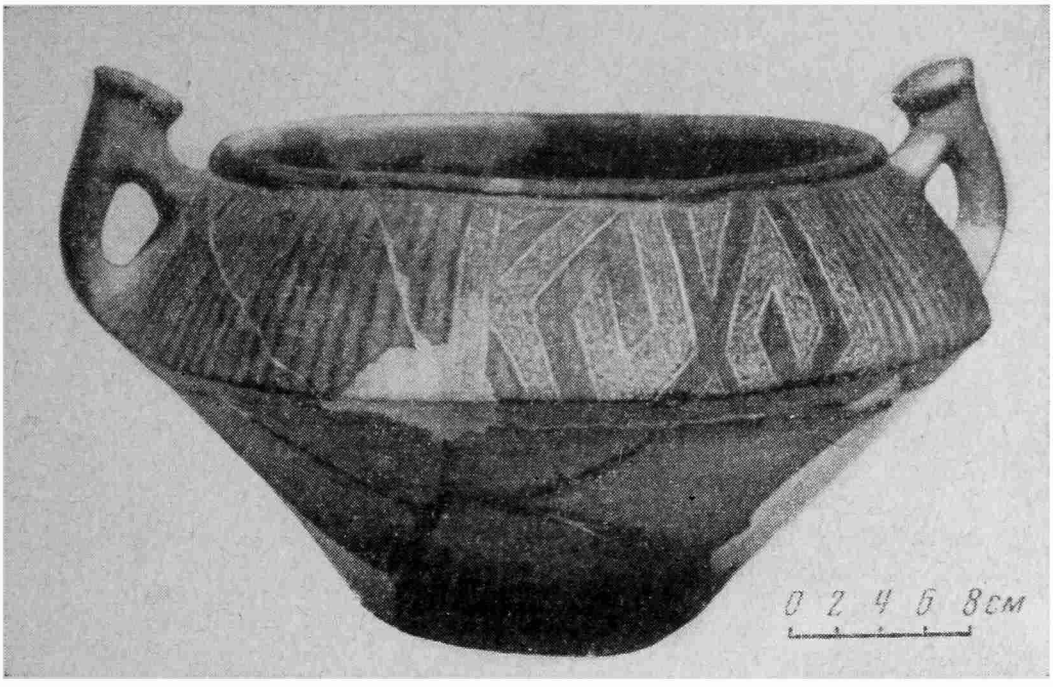


Рис. 2. Сосуд культуры Златарски

керамики всегда хорошо полирована и имеет черный, черно-серый или черно-коричневый оттенок. Грубая хозяйственная керамика полировалась только с внутренней стороны и имеет более светлые тона поверхности. Качество обжига сосудов очень низкое. Температура обжига была весьма умеренной, так что в изломе черепки всегда черные или темно-коричневые, а поверхностный слой ангоба сероватого оттенка. У черных сосудов поверх этого сероватого слоя наблюдается еще один, очень тонкий черный слой. Обожженные докрасна фрагменты редки в категории грубой керамики. Во влажной почве землянок эта плохо обожженная керамика легко распадалась, а некоторые сосуды и фрагменты сохранились только в виде черных пятен.

Формы керамики весьма разнообразные и развитые. Особенно это относится к категории столовой керамики, где встречаются конические миски с утолщенным венчиком, большое количество биконических сосудов различных размеров с венчиком, утолщенным с внешней стороны (типа Lippenrand). Большой интерес в этой категории керамики представляет биконический сосуд с двумя ручками типа Веселиново (Караново III) (рис. 2). Его плечики украшены вертикальными каннелюрами и двумя полями, заполненными орнаментом типа Винча — меандроидной спиралью из лент, заполненных наколами, инкрустированными белой пастой. Форма и характер орнамента, равно как и тип каннелюр этого сосуда, очень типичны для начала культуры Винча А. В то же время его ручки являются одним из определяющих типологических элементов культуры Веселиново (Караново III) во Фракии [4]. Биконические миски более низких пропорций — очень частый компонент керамического инвентаря (рис. 3, *8*, *14*, *15*). Они орнаментированы чаще всего каннелюрами.

Вазообразные сосуды с невысокой шейкой, почти горизонтальными плечами и выпуклой верхней частью биконического тулова украшены накольчатым орнаментом, который изображает спираль типа «морского прибоя», зигзагами или просто продольными полосами, заполненными наколами, чередующимися с лощеными полями (рис. 4, *1—5*, *7*). По найденным

[4] G. Georgiev. Kulturgruppen der Jungstein- und Kupferzeit in Thrazien (Südbulgarien). L'Europe à la fin de l'âge de la pièrre. Praha, 1959, Taf. XII, *1* (aus Jasatepe), Taf. XI, *1*, *3—4* (aus Karanovo).

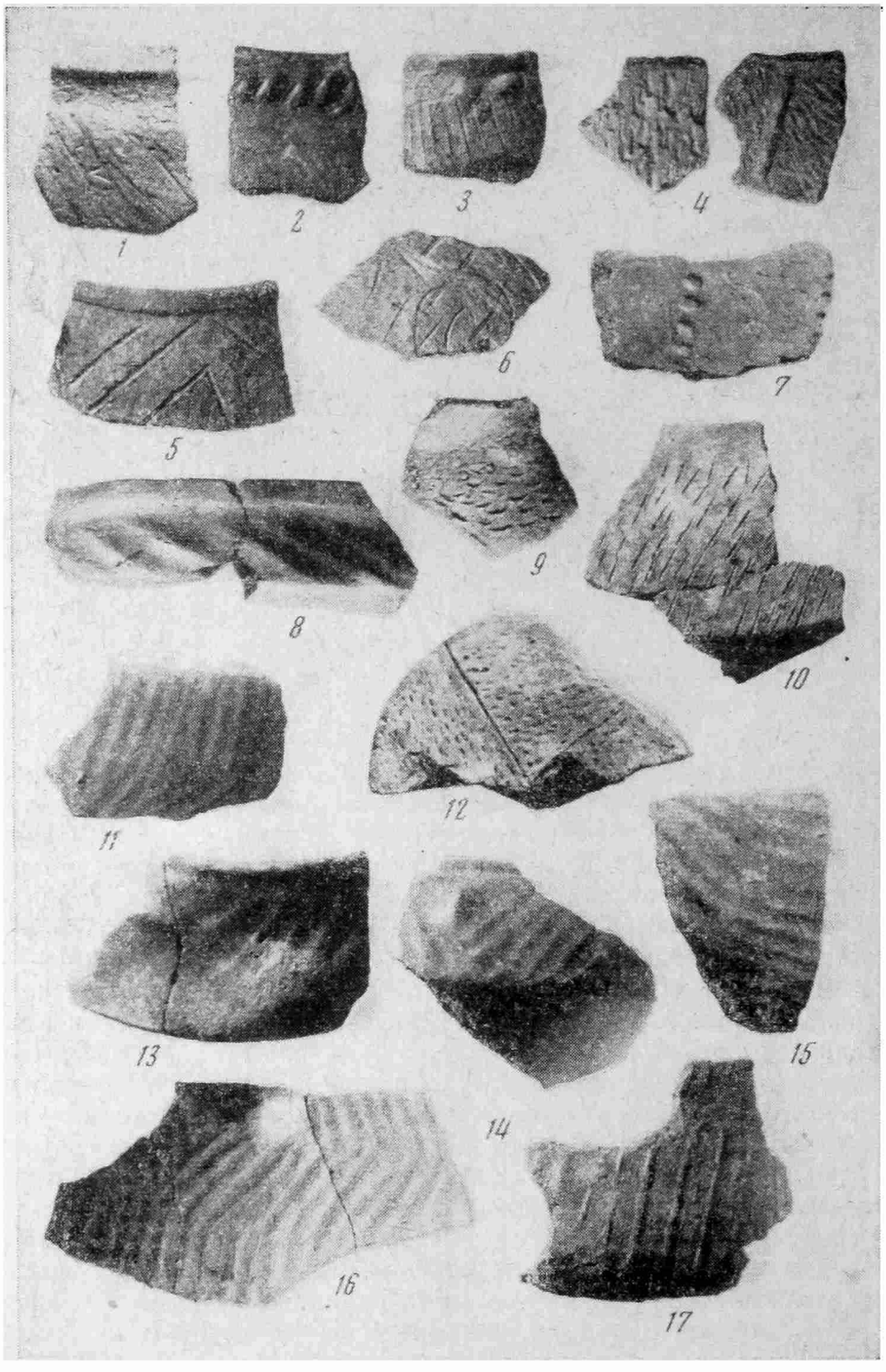


Рис. 3. Фрагменты керамики культуры Златарски

ручкам можно судить, что существование корчаг с высоким горлышком и биконическим туловом известно нам на территории распространения Парадими [5]. Крышки к вазообразным сосудам и корчагам лепешкообразные, непрофилированные. Некоторые из них орнаментированы наколами или каннелюрами, но чаще всего они без орнамента (рис. 4, *6*).

Найдено также несколько четырехугольных сосудов, украшенных накольчатым орнаментом (рис. 4, *4*), и одна прямоугольная ножка от алтаря (рис. 4, *7*).

[5] Выставка по первобытной археологии в музее Фессалоники, Греция.

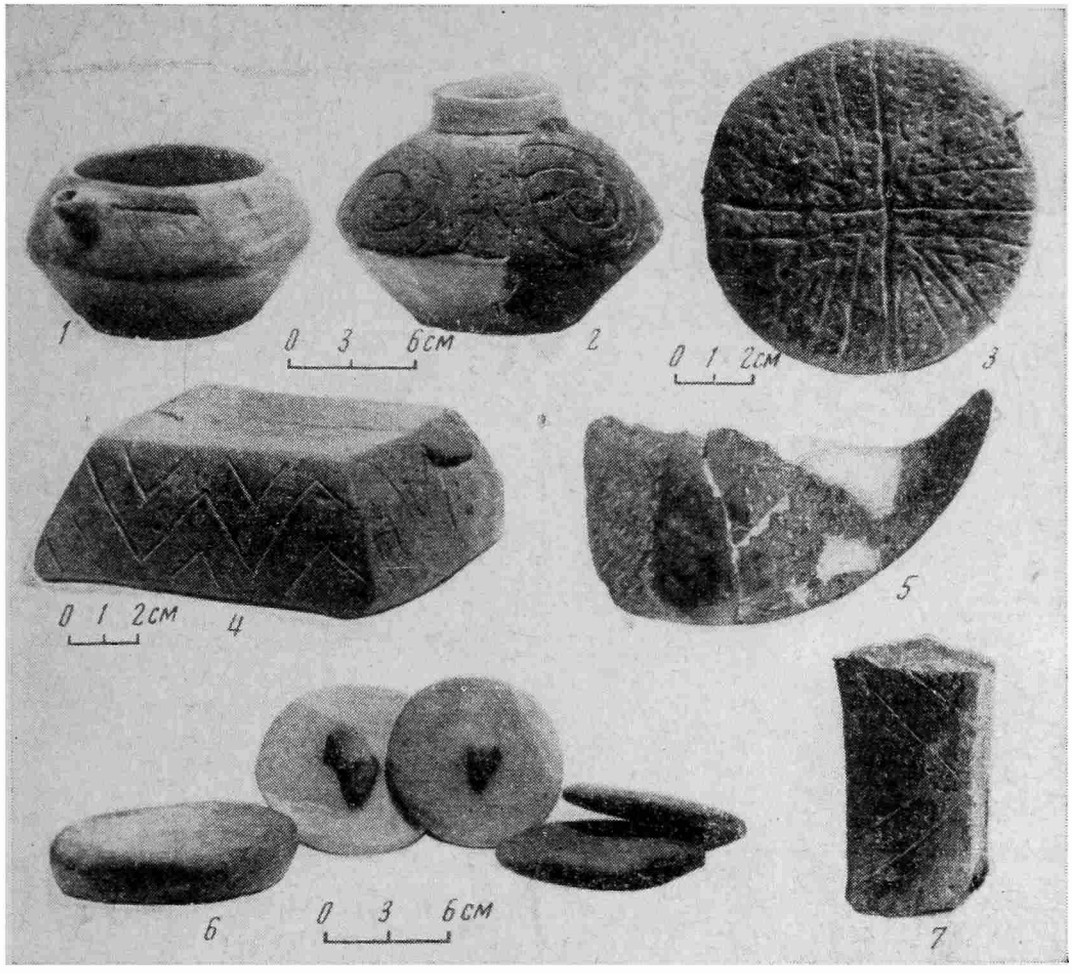


Рис. 4.

1 — биконический горшок с носиком; *2* — вазообразный сосуд; *3* — крышка, украшенная накольчатым орнаментом; *4* — четырехугольный сосуд (алтарик?); *5* — фрагмент вазообразного сосуда с накольчатым орнаментом; *6* — крышки; *7* — ножка от алтарика

Орнамент столовой керамики также очень разнообразен. 58% сосудов орнаментировано каннелюрами — косыми (рис. 3, *8*, *14*, *15*), продольными (рис. 2), зигзагообразными (рис. 3, *13*) и переплетающимися в виде плетенки (рис. 3, *16*). Характер расположения каннелюр на сосудах очень близок к способу орнаментации ранних винчанских сосудов [6]. Самые ранние каннелюры на неолитических сосудах Болгарии встречаются вместе с так называемой чернолощеной керамикой во Фракии во второй половине раннего неолита в Каранове II [7]. Однако в Северо-Восточной Болгарии в это время в культуре Цонево прослеживается только чернолощеная керамика без каннелюр [8]. По всей вероятности, распространение этого способа орнаментации к северу шло несколько медленнее, и мы находим здесь каннелюры только в средненеолитической культуре Златарски. Примерно в это же время они появляются и в культуре Винча А. Что касается Фракии, то ее средненеолитическая культура Веселиново (Караново III) этот способ орнаментации использует уже реже. В нижнедунайских областях в средне- и поздненеолитических комплексах каннелюры бытуют очень долго и встречаются в культурах Златарски, Винча, Сава, Боян, Вадастра, Хамандрия и фазе Варна.

Второй способ украшения сосудов культуры Златарски — это разные варианты накольчатого орнамента. Он встречается на 5—7% фрагментов

---

[6] М. Васич. Преисториска Винча. II, Београд, 1936, табл. LXV, 218 (с глубины 8 *м*); табл. CXIX, 258*а* (с глубины 8,5 *м*).

[7] G. Georgiev. Ук. соч., табл. VIII, IX.

[8] H. Todorova. Ук. соч.

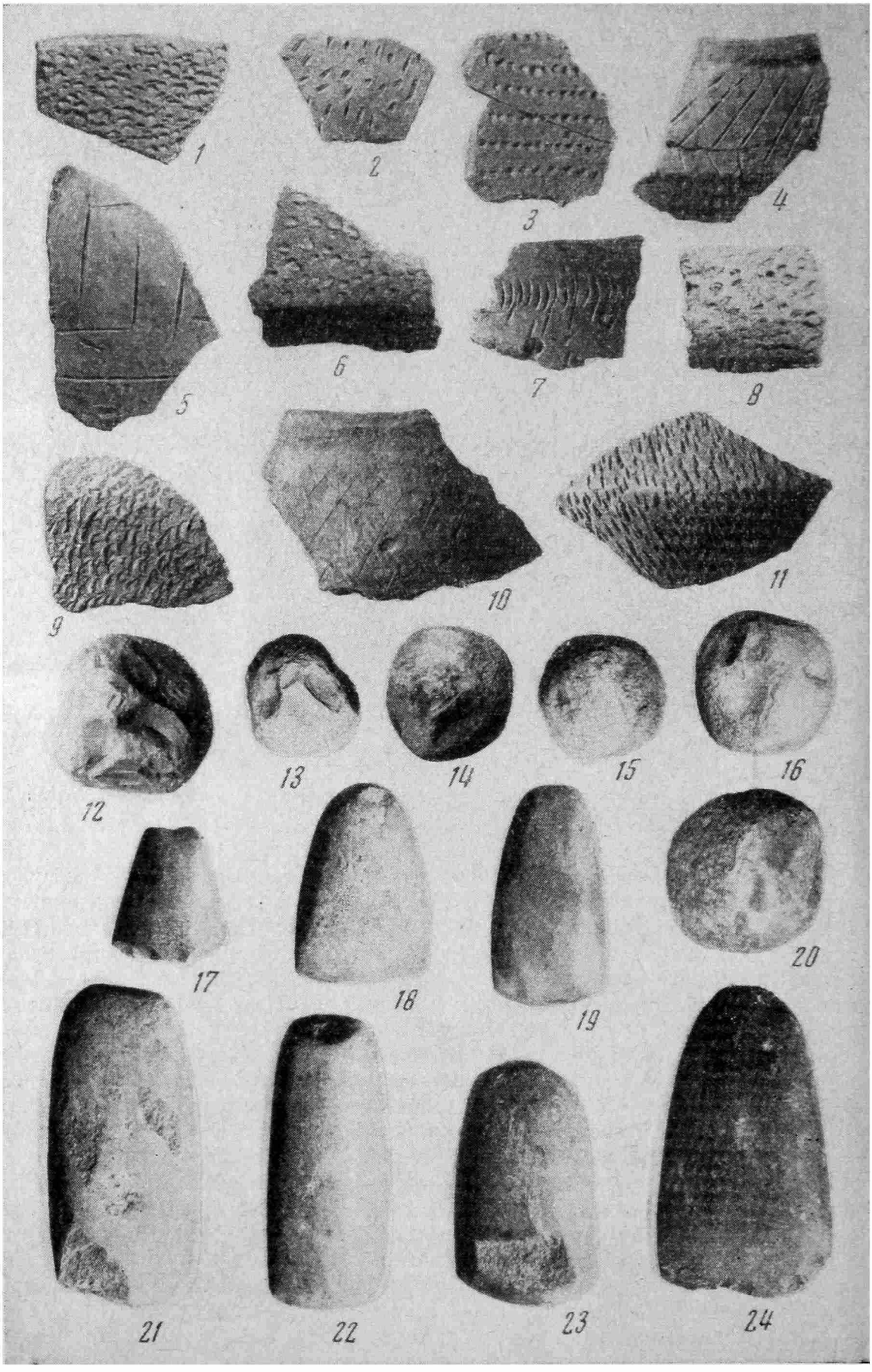


Рис. 5.

1 — 11 — фрагменты керамики культуры Златарски; *12 — 16, 20* — отбойники; *17 — 19, 21 — 24* — топоры

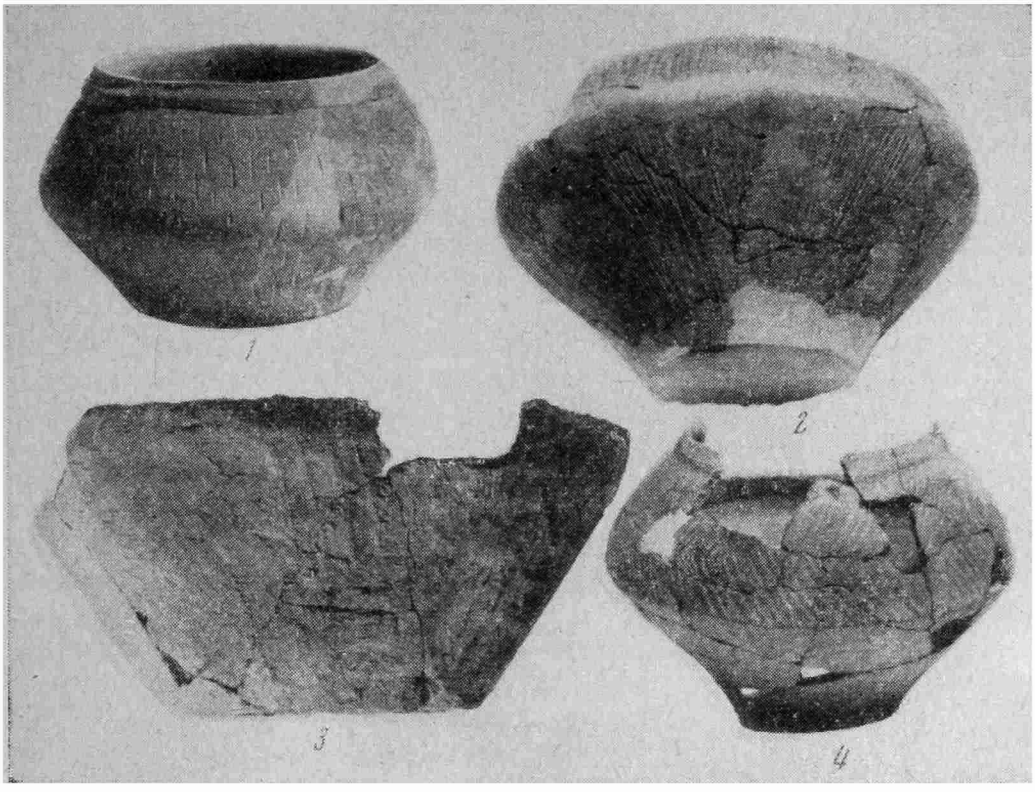


Рис. 6.

1 — горшок с ранненеолитическим орнаментом; *2* — горшок, украшенный вертикальным прочерчиванием; *3* — фрагмент сосуда, украшенного барботинным орнаментом; *4* — биконический горшок с псевдоканнелюрой

керамики. Наколы наносились разными инструментами: заостренной палочкой, косо втыкавшейся в мокрую глину (рис. 5, *3*, *6*, *8*), треугольным или колечкообразным штампом (вероятно, тоненькая полая кость) (рис. 4, *4*), прямоугольной палочкой или ногтем (рис. 5, *1*, *9*, *11*). Последняя техника не чужда буго-днестровской культуре [9]. Орнамент с лентой, заполненной наколами, имеет, однако, сугубо дунайский характер. Особенно он типичен для культуры Винча [10]. Во Фракии он известен не только на одном сосуде из Каранова III. Сосуд этот имеет ту же вазовидную форму, что и сосуды из Усое I (культура Златарски), и украшен зигзагом из наколотой ленты [11]. Он может быть интерпретирован как импорт из Северо-Восточной Болгарии, скорее всего из Лонгоза. Остальные 36—38% столовой керамики составляет неорнаментированная лощеная посуда.

Группа грубой кухонной керамики отличается однообразием форм. Стандартный биконический горшок с резким или округлым переломом в профиле (рис. 6) и налепной лентой с внешней стороны венчика или без нее повторяется с разными вариантами орнамента, покрывающего все тело сосудов. Когда венчик не уплощен налепной лентой, под ним всегда идет ряд мелких ямочек, бугорков, углублений или трехугольных наколов, иногда даже двумя рядами (рис. 3, *2*, *3*; 5, *7*; *7*, *3*, *7*). Орнамент чаще всего углубленный. Встречается продольная нарезка нерегулярного характера (рис. 6, *2*), короткие косые или продольные насечки, сохраняющиеся от раннего неолита (рис. 3, *10*; 6, *1*), резной орнамент зигзагообразными и кривыми линиями (рис. 3, *5*, *6*; 5, *4*, *5*, *10*) и густо расположенные наколы ногтем

---

[9] Т. С. Пассек, Е. К. Черныш. Неолит Северного Причерноморья. Каменный век на территории СССР. М., 1970, стр. 130 (днестровский вариант).

[10] М. Васич. Ук. соч., табл. XLVIII, 156, 158 (с глубины 8 *м*).

[11] G. I. Georgiev. Beiträge zur Erforschung des Neolithikums und Bronzezeit in Südbulgarien. Arch. Au, 42, 1967, S. 113, Abb. 18, сверху, справа.

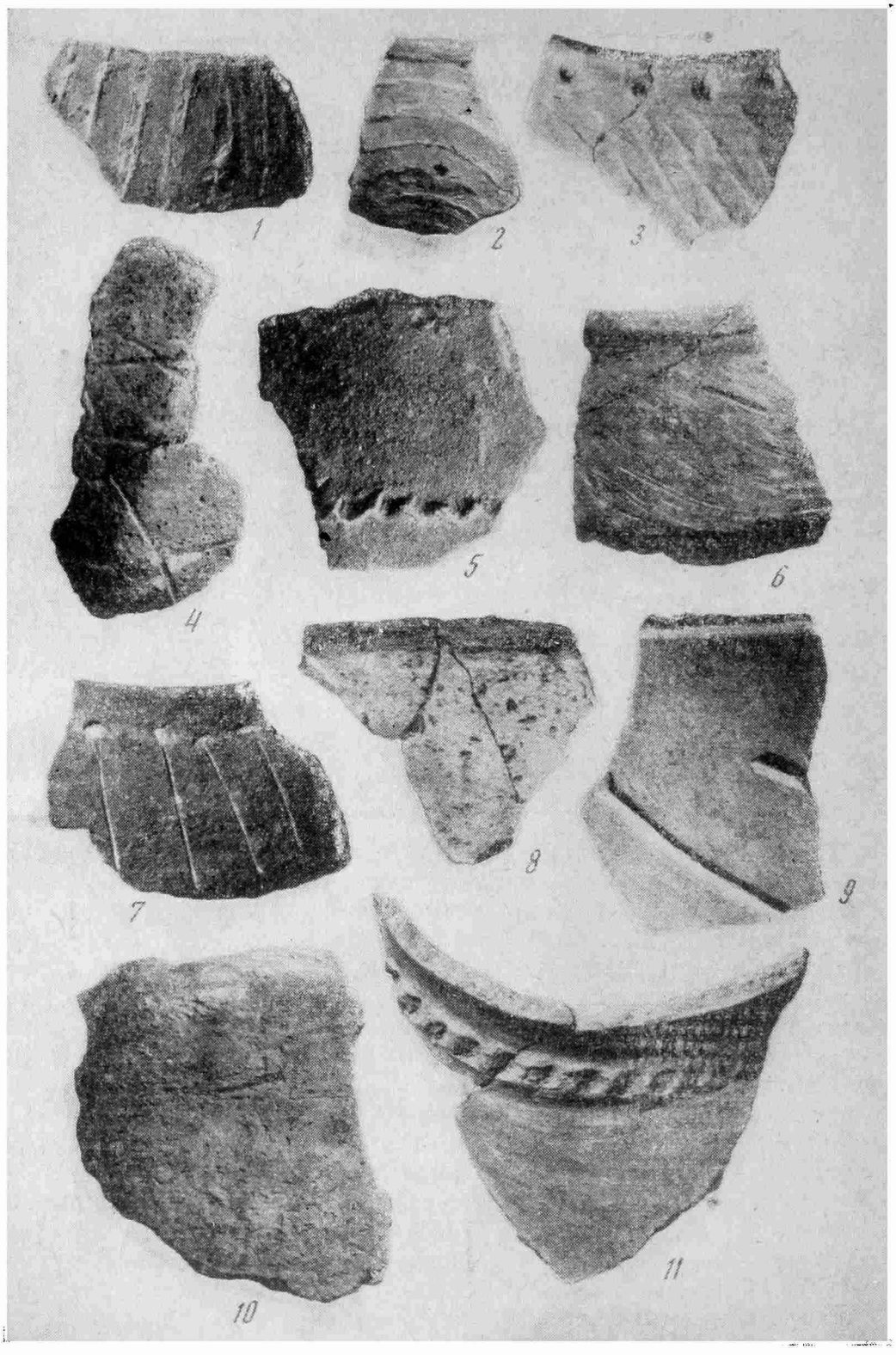


Рис. 7. Фрагменты грубой кухонной керамики

(рис. 5, *1, 8*). Встречается также самый ранний барботин, размазанный пальцами по посуде (рис. 6, *3*; 7, *1—3*). Последний способ обработки поверхности грубой керамики играет в последующем развитии культур на территории Болгарии и Румынии весьма существенную роль. Он прослеживается даже в начале раннего бронзового века (культура Езеро). Орнамент, состоящий из ряда ямочек (наколов) под горлышком сосудов, встречается и в других средненеолитических культурах — Винче [12], буго-

[12] М. Васич. Ук. соч., табл. XV, *215* (с глубины 8 *м*); табл. CI, *365* (с глубины 8,50 *м*).

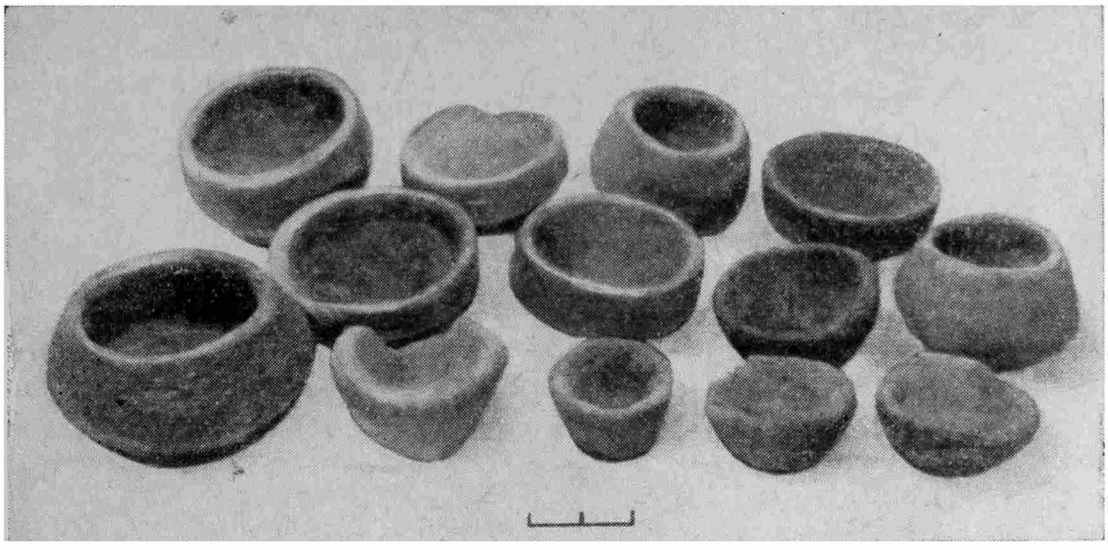


Рис. 8. Миниатюрные сосудики

днестровской [13], днепро-донецкой [14]. Он является одним из элементов так называемой традиционной керамики культур Винча [15], Сава, фазы Варна, Триполье А и исчезает только со становлением культуры Гумельница на северо-востоке Балканского полуострова и развитого Триполья в Молдавии.

Что касается сосудов для хранения зерна и жидкостей (пифосов), то в культуре Златарски они изготовлялись из теста с примесью песка (рис. 7, *5*, *8*). Целые формы пока неизвестны. По фрагментам можно судить, что они имели воронкообразное горлышко, под которым был налеплен расчлененный пальцевыми вдавлениями валик, и широкие плечи (рис. 7, *5*, *11*). В комплексе встречаются также маленькие сосудики (игрушки?), повторяющие формы больших сосудов (рис. 8).

Кремень — самый массовый после керамики археологический материал поселения Усое I. Целые кучи мелких отщепов находились поблизости от очагов и печей. Нуклеусы желтого кремня использовались до последней возможности, после чего употреблялись в качестве отбойников, которые встречаются в большом количестве (рис. 5, *12—16*, *20*). Пластины часто имеют неправильную форму и весьма разнообразную типологию (рис. 9). По сравнению с крупным кремневым инвентарем культуры Веселиново во Фракии пластинчатая индустрия Усое I дает высокий процент ножей и скребков длиной не больше 3 и шириной 0,7—0,8 *см*. Встречаются миниатюрные проколки и пластины от 1,5 до 2 *см* длины (рис. 9, *1—5*). Следы на нуклеусах показывают, что скалывались даже пластины шириной до 0,3 *см*, хотя сами микропластины из-за своей хрупкости до нас не дошли. Есть много лезвий от серпов. В целом характер кремневого инвентаря довольно необычен для Балканского полуострова. Самые близкие ему аналогии можно усмотреть в буго-днестровской культуре [16].

Каменная индустрия (рис. 5, *17—19*, *21—24*) представлена немногочисленными топорами и теслами овального поперечного сечения. Встречаются также колодкообразные орудия. Поврежденные каменные топоры использовались в качестве пестов. Найденные в землянках и полуземлянках зернотерки и терочники с углублением в середине имеют случайные формы, но все они носят следы большой изношенности, что свидетельствует об их долгом употреблении.

[13] Т. С. Пассек, Е. К. Черныш. Ук. соч., стр. 129.

[14] Там же.

[15] Letica Zagora. Starčevo and Körös at Vinča. Arch. Iug., IX, 1968, Pl. III.

[16] В. И. Маркевич. Исследования неолита на Среднем Днестре. КСИА АН СССР, 105, 1965, стр. 87 сл., рис. 16, *II—III*.

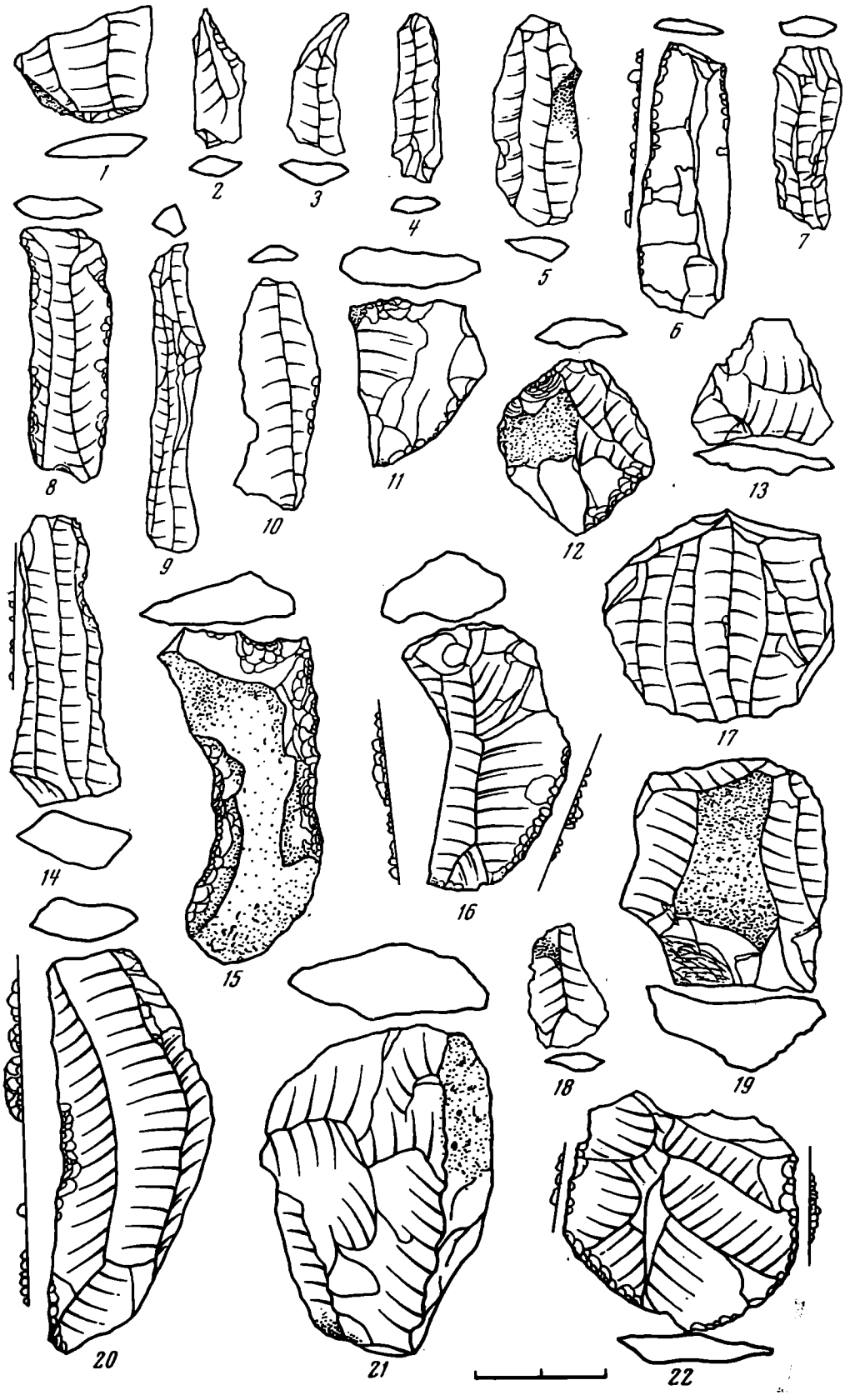


Рис. 9. Типы кремневой индустрии

Особый интерес вызывает пластика Усое I (рис. 10). Было найдено много фрагментов глиняных статуэток, но лишь немногие из них поддаются реставрации, так как пластика обжигалась еще хуже керамики. Серия статуэток состоит из нескольких стандартно повторяющихся типов, что облегчает ее анализ. Голова изображается всегда щитовидным лицом и маленькой выпуклиной на месте носа. Другие детали лица не отмечались.

Темя ровно срезано и косо просверлено для подвешивания статуэток. Руки представлены или просверленными выпуклинами и обрубками, или в «жесте Венеры»; отмечаются груди. Ноги прямые, столбообразные, книзу расширяющиеся. У нескольких статуэток подчеркнутая стеатопигия (рис. 10, *6 а*). Найдена и символическая цилиндрическая фигурка с головой, сделанной защипом (рис. 10, *1 а, б*). Вся пластика черного или коричневого цвета с отполированной поверхностью. Многочисленны мелкие изображения животных (рис. 10, *7, 8, 9*), не поддающиеся определению. Из украшений кроме нескольких просверленных раковин была найдена пятиугольная пластина из зеленого сланца с просверленными дырочками по углам, вероятно, служившая подвеской (рис. 11, *1*).

Самая замечательная находка поселения — два кусочка меди, найденные на полу одной из землянок под толстым слоем ее заполнения. Это самая ранняя медь, найденная в Болгарии. Она одновременна другой находке ранней меди из Греции, сделанной в Фотоливосе [17]. Анализ металла, произведенный лабораторией спектрального анализа ИА АН СССР, дал следующий результат (№ 12150). Медь — $\geqslant 10\%$; свинец — присутствие возможно; олово не обнаружено; цинк — 0,01%; висмут не обнаружен, серебро не обнаружено; сурьма не обнаружена (или же присутствие возможно в пределах 0,002—0,003%); мышьяк — присутствие возможно; железо $\approx 10\%$; никель — 0,001%; кобальт не обнаружен; марганец — 0,1%; золото не обнаружено.

Кроме того, в образце отмечены большие количества кремния, магния, алюминия, заметные примеси натрия, кальция и некоторых других элементов. Отмечены примеси фосфора, ванадия, титана. Образец представлен исключительно зелеными солями и окислами меди, довольно легко превращающимися в порошок даже при относительно слабом нажиме на них. Признаков красной металлической меди или же ее бурых окислов не замечено [18].

Анализ остеологических остатков Усое I, произведенный доцентом В. Василевым, дал следующие результаты. Основная часть найденных в Усое I костей (81,69%) принадлежит домашнему скоту, а 18,31% — диким животным. По числу особей это соотношение соответственно 72,97 и 27,03%. Анализ костей домашних животных дал следующую картину по особям (в %): крупный рогатый скот — 48,16; свиньи — 22,22; овцы и козы — 18,52; собаки — 11,10. Из диких животных чаще всего встречаются олень (30% особей), свинья (30%), косуля (20%) и тур (20%).

Исследованием В. Василева установлено, что домашние животные обеспечивали жителей поселения мясной пищей на 71,93%, а дикие — на 28,07%. Крупный рогатый скот давал 60,4% всего запаса мяса. Этот факт говорит о том, что поселение имело высокоразвитое скотоводство оседлого типа, но и охота играла в хозяйстве определенную роль. Анализ возраста домашнего скота показывает, что убой его проходил регулярно и планомерно, следовательно, поселение не переживало никаких хозяйственных катаклизмов и сотрясений и было вполне обеспечено пищей.

Культура Златарски не ограничена только микрорайоном Лонгоза. Недавно керамика этого типа была обнаружена нами на плато Поленца у

---

[17] По сообщению исследователя К. Ренфрю, она найдена в слое с керамикой типа Парадими в телле Фотоливос у Драмы, который синхронен Караново III, а следовательно, и Усое I.

[18] По мнению производившего анализ Е. Н. Черных, «Невозможно с уверенностью сказать: относится ли образец к продуктам окисления металлической меди или же это природное минеральное соединение (малахит)? В пользу последнего говорит малое количество меди и большое — железа, кремния, магния, алюминия — этих обычных почвообразующих элементов, чрезвычайно характерных и для медных минералов типа малахита. Привлекает внимание и отсутствие серебра, что сравнительно обычно для медных минералов и крайне редко отмечается для меди древних изделий и ее окислов».

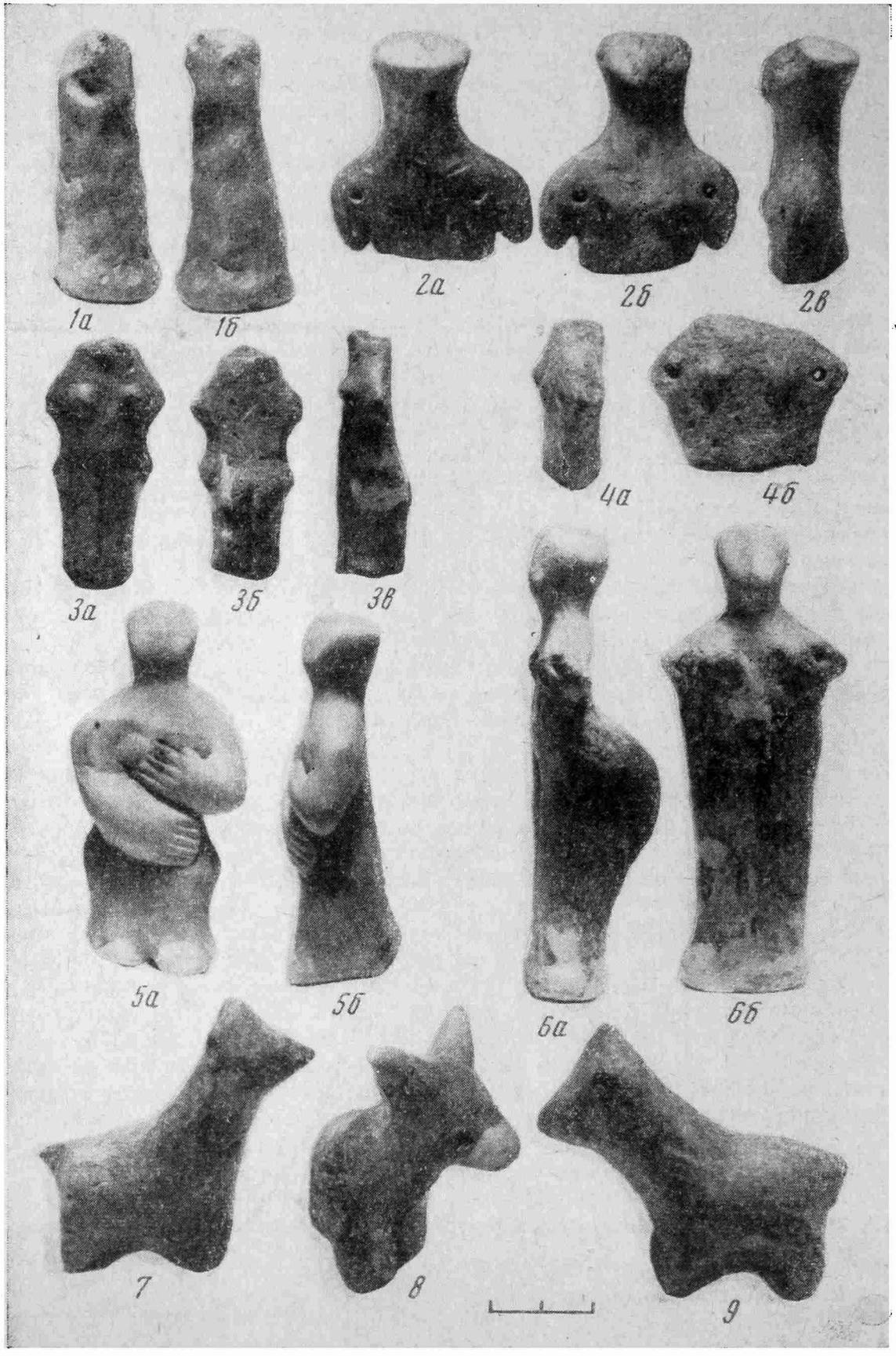


Рис. 10. Пластика культуры Златарски

г. Торговище, где поселение занимает площадь не менее 5 *га*. Этот памятник находится на 80 *км* западнее Усое. Видимо, культура Златарски была распространена по всей Северо-Восточной Болгарии и где-то в Добрудже должна была соприкасаться с культурой Хаманджия.

Как это весьма выразительно показывает материал, культура Златарски относится ко времени среднего неолита на Балканском полуострове.

Для нее характерны следующие признаки: 1 — однослойные поселения на плато с землянками и полуземлянками, 2 — земледелие и скотоводство с преобладанием крупного рогатого скота. Небольшая роль охоты в хозяй-

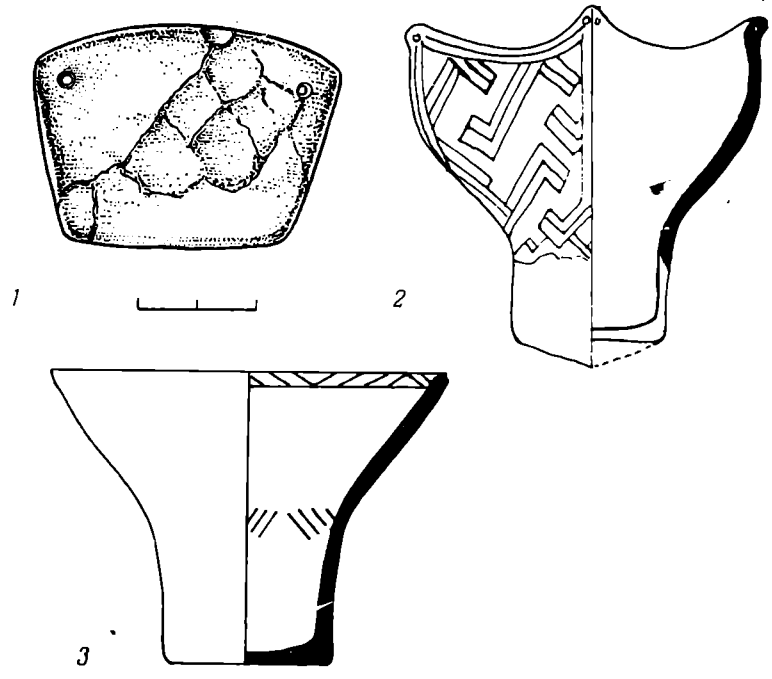


Рис. 11.

1 — Подвеска из зеленого сланца; *2* — «четырехлепестковый» сосуд фазы Усое II — Протосава; *3* — сосуд фазы Усое II — Протосава

стве; 3 — возможно наличие меди в небольшом количестве; 4 — посуда лощеная, серая, серо-черная и черно-коричневая, с большой примесью половы, реже песка в тесте; 5 — каннелюры, заполненные наколами ленты, врезанный орнамент, ногтевой орнамент, короткие насечки, ранненеолитического типа, углубления под венчиком, барботин; 6 — биконические сосуды с утолщенным с внешней стороны венчиком или углублениями под венчиком; вазообразные сосуды, ручки типа Веселиново (Караново III); 7 — пластика в виде стоячих женских фигурок с щитовидным лицом, усеченным теменем и стеатопигией; схематизированные изображения животных; 8 — массовая пластинчатая кремневая индустрия микролитического характера; 9 — овальные топоры, круглые отбойники из нуклеусов; 10 — лепешкообразные глиняные таблички со знаками.

Из всего комплекса признаков особого внимания заслуживают элементы, общие с культурой Винча А: биконическая и вазообразная форма сосудов, характер орнаментации, часто сочетающиеся на одном и том же сосуде с ручками типа Веселиново. Благодаря этому обстоятельству можно считать установленным место культуры Винча в таблице относительной хронологии балканского неолита, как и ее синхронность с Караново III во Фракии.

Далее, в культуре Златарски видна определенная близость с буго-днестровской неолитической культурой (II, III фазы) (землянки, состав теста для изготовления керамики, почти полная идентичность кремневого инвентаря и др.), что говорит о их синхронности, а через культуру Златарски также о синхронности буго-днестровской II и III фазы с Винчей А и Кара-

ново III. В самом широком плане культура Златарски одновременна культурам Караново III, Винче А, буго-днестровской (II—III), Дудешти, ранней Хаманджии, позднему Сескло и Парадими.

На весьма обширном плато Усое у Аспарухова прослеживаются не менее двух разновременных поселений неолитического времени, нигде не соприкасающиеся друг с другом. Примерно в 400 *м* к северу от землянок Усое I, принадлежащих культуре Златарски, была исследована землянка, морфологически не отличавшаяся от описанных выше, но содержащая материалы несколько более позднего времени. Находки относятся к позднему неолиту (так называемая переходная фаза к энеолиту) и синхронны фазе Калояновец (Караново IV) во Фракии. Из инвентаря этого объекта следует упомянуть два конусовидных блюда на ножках типа Fussboden (открытый сосуд со специфической формой нижней части, возникшей из полого поддона) с утолщенным краем венчика, орнаментированным косыми нарезами (рис. 11, *2*, *3*) и «четырехлепестковый» сосуд с четырехгранным корпусом, украшенный врезанным орнаментом из эсовидных крюков. Оба сосуда являются прототипами керамики раннеэнеолитической культуры Сава в этом районе, поэтому весь комплекс был назван — фаза Усое — Протосава. Лишь после этого этапа плато Усое было покинуто неолитическим населением, которое перебралось на речные террасы, положив начало развитию теллей. Археологические наблюдения и почвенные анализы показывают, что климатические условия имели одинаковую схему развития в эпоху неолита на всей территории Северо-Восточной Болгарии. Самые ранние неолитические поселения, расположенные в пойме (Г. Делчево I [19]), перекрыты толстым слоем стерильной болотной почвы, что свидетельствует о значительном и длительном повышении количества осадков. Это сделало пойменную террасу непригодной для поселения. Поэтому с начала среднего неолита до начала раннего энеолита население было вынуждено покинуть пойменную террасу и перейти на более высокие плато, что, возможно, связано и с некоторыми изменениями в экономике. Лишь в начале энеолита поселение вновь возникает на пойменной террасе.

Период, соответствующий в Северо-Восточной Болгарии времени заселения плато, отличается весьма интенсивными культурными контактами всего Подунавья. Вероятно, относительная мобильность населения, возникшая вследствие описанных климатических сдвигов, была одним из условий этих контактов, приведших к возникновению средненеолитических культур Винча А и Златарски. Что касается культуры Веселиново (Караново III) во Фракии, чье возникновение косвенно также связано с вышеупомянутыми сдвигами и интенсификацией контактов, то все же следует иметь в виду, что экологическая ситуация во Фракии несколько отличалась от положения в Северо-Восточной Болгарии. Здесь поселения типа теллей возникли еще в раннем неолите и успели до наступления климатических перемен в среднем неолите подняться до высоты нескольких метров, что превращало их в удобные острова, которые незачем было покидать в поисках более сухих мест для поселения. Этим объясняется более четко выраженная непрерывность неолитического развития во Фракии, где не отмечено никаких перемен в экономике населения этого времени, а также весьма ограниченные культурные контакты Фракии с остальными частями Балканского полуострова.

В результате археологических исследований на плато Усое, открытия культуры Златарски и фазы Усое II замкнулась колонка относительной хронологии неолита и энеолита Северо-Восточной Болгарии, которая в синхронизации с соседними районами на сегодняшнем этапе исследования выглядит следующим образом:

---

[19] Н. Todorova. Ук. соч.

Эпоха		Фракия	Северо-Восточная Болгария	Румыния — Мунтения	Молдова и Молдавская ССР
Бронза	ранняя	Езеро (Караново VII)	Езерово	Чернавода III	Городск — Усатово
	поздний	Карановo VI	Гумельница и ее причерноморский вариант	Гумельница I—IV	Триполье B_1, B_2 (Кукутени A, B)
Энеолит	средний	Марица IV (Караново V)	Варна А, Б (Спанцов)	Спанцов — Боян IV (переходная фаза)	Триполье А (Прекукутени III)
	ранний	Марица I—III	Сава I—III	Боян I—III	Прекукутени II
	поздний	Калояновец (Протомарица) (Караново IV)	Усое II (Протосава)	Боян I Болинтиняну	Прекукутени I?
	средний	Веселиново (Караново III)	Златарски	Дудешти	Линейная керамика
Неолит	ранний	Карановo II	Цонево	Криш — Лец	?
	ранний	Карановo I	Долгопол (Криш)	Криш	?

H. Todorova

NOUVELLE CULTURE DU NÈOLITHIQUE MOYEN AU NORD — EST DE LA BULGARIE

Résumé

En 1971, un hameau à un niveau fut découvert sur le haut plateau Ouçoé près du village d'Asparoukhovo non loin de la ville de Dolgopol (arrondissement de Varna). Il était constitué des habitats souterrains et demi-souterrains. Le matériel archéologique livré par la fouille témoigne que le hameau appartient à une culture nouvelle du néolithique moyen qui est caractérisée par: 1) hameaux monostrates sur les plateaux aux habitats souterrains et demi — souterrains; 2) agriculture et l'élevage où le gros bétail prédomine; 3) poterie lustrée grise, grise — noire et noire — marron dont la pâte est largement additionnée de balle; 4) décor caractéristique: cannelures, rubans pointillés, décor incisé, décor imprimé à l'ongle, de courtes hachures, de petites cavités sous les bords, barbotine; 5) vases biconiques à Lippenrand; 6) anses de type Veselinovo (Karanovo III); 7) plastique féminine des statuettes en position debout au visage amygdoloïdal, au sommet de la tête sectionné et à la statéotopigie; 8) caractère microlithique de l'industrie de silex; 9) haches ovales et percuteurs ronds; 10) plaquettes en forme de galette fabriquées en argile et gravées de signes. Une poterie, présentant les traits de la culture de Vinča A aussi bien que les anses de la culture de Vesselinovo (Karanovo III), l'ensemble de la culture de Zlatarski prouve la contemporanéité des deux cultures et de ce fait résout la discussion de longue date sur les origines de la culture de Vinča. La culture de Zlatarski est concomittante aux civilisation de VincaA, de Veselinovo, de Boug-Dniestr (II et III phases), de Dudeşti, de l'ancien Hamangia, de Sesklo récent et de Paradimi.

Sur le même plateau, un habitat souterrain fut examiné dont le mobilier est attribuable au chalcolithique récent qui est contemporain à la phase de Kaloïanovets (Karanovo IV) en Thrace et pour le Nord — Est de la Bulgarie est connu comme la phase Quçoé II — Protoçava. Les études des villages du plateau Ouçoé ont permis de clore la colonne de la chronologie relative du néolithique et du chalcolithique du Nord — Est de la Bulgarie; elle est rapportée à la fin de l'article synchronisée avec les territoires voisins.

А. Ц. ГЕВОРКЯН

О ДРЕВНЕЙШЕЙ МЕДНОРУДНОЙ БАЗЕ АРМЕНИИ

Одним из основных вопросов, связанных с изучением древнейшей металлургии, является вопрос о наличии меднорудной базы, служившей исходным источником для деятельности древних ремесленников-металлургов. Принимая во внимание это положение, мы провели соответствующие исследования для выявления и изучения следов древних горнорудных работ на территории Армении.

Вопросами использования и разработки в древности меднорудных источников, в частности Армении, занимался А. А. Иессен. В известной работе о древнейшей металлургии меди на Кавказе он неоднократно говорит о тех или иных месторождениях Армении, которые могли служить источником сырья в эпоху бронзы [1]. Эта монография и по сей день остается единственной, и все авторы археологических исследований, затрагивающих вопросы древнейшей металлургии и металлообработки Кавказа, опираются на основные положения этого исследования. Столь успешно начатая работа, к сожалению, не была продолжена, и наши знания относительно древних выработок Армении за истекшее время нисколько не расширились.

Известно, что А. А. Иессен подробно описав все, вероятно, эксплуатировавшиеся рудники, не имел возможности большинство из них лично осмотреть на месте. Основные его выводы построены на литературно-архивных данных, что повлекло за собой, к сожалению, ряд противоречий и неточностей.

В 1962—1964 гг. небольшим поисковым отрядом геологов под руководством старшего инженера С. Гогиняна были предприняты энергичные поиски всех заброшенных и полузаброшенных разработок и шлаковых отвалов, относящихся к различным историческим периодам и качественно различным рудным источникам (железо, медь, полиметаллы, золото, марганец). Исследователи, очевидно, не ставили своей целью выяснение возможности использования месторождений в глубокой древности и, судя по представленному отчету, работа носила скорее чисто геологический характер, нежели историко-археологический [2]. Но тем не менее ценность ее несомненна, так как впервые были картографированы и описаны местонахождения почти всех меднорудных проявлений, на которых были обнаружены следы каких-либо дореволюционных разработок или шлаковых скоплений.

Начав изучение древнего горнорудного производства Армении, мы подошли к этому вопросу по-иному. Прежде всего учли опыт, накопленный в лаборатории спектрального анализа Института археологии АН СССР при

---

[1] А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. ГАИМК, 120, М.— Л., 1935, стр. 48—59.

[2] С. Е. Гогинян. Отчет отряда по изучению древних металлургических шлаков и разработок за 1962—1964 гг. Ереван, 1964.

исследовании меднорудной базы Уральской горнометаллургической области [3].

Проведенные исследования показали, что не всякое медное месторождение могло удовлетворить древних рудокопов характером своих руд и геологическим строением. Каждый источник должен обладать определенными предпосылками, стимулирующими использование их в древности.

Основными предпосылками являются следующие: 1) наличие зоны окисления медных минералов с обязательным выходом их на дневную поверхность; 2) достаточная степень минерализации и относительно высокое содержание меди в руде.

При отсутствии этих факторов месторождение можно отнести к разряду бесперспективных. Исходя из этих предпосылок, все обследованные меднорудные проявления Армении по степени их пригодности [4] (как и в случае с Уральскими) можно разделить на три категории: 1) безусловно разрабатывавшиеся в древности; 2) условно разрабатывавшиеся; 3) безусловно не разрабатывавшиеся.

Предварительное изучение показало, что преобладающее большинство интересующих нас месторождений сосредоточено в двух географических зонах республики; северная — Алавердско-Кироваканская группа и юго-восточная — Зангезурская группа (рис. 1). Для окончательного уточнения вопроса об использовании выделенных месторождений и выяснения геохимической характеристики их руд в 1969—1970 гг. были предприняты экспедиционные обследования этих месторождений. Необходимо отметить, что горные работы последних столетий и особенно современные открытые разработки сильно исказили первоначальный облик большинства рудных полей [5]. Эти обстоятельства существенно затрудняли решение поставленных задач. В настоящее время на территории Армении известно более 40 медных месторождений. За короткий срок их практически невозможно было посетить, и поэтому основное внимание было уделено наиболее крупным и богатым медью рудникам, где вероятность успеха была больше всего.

Из рудников северной группы следует остановиться на Алавердском месторождении меди, которое расположено в 2—3 *км* к северу от одноименной железнодорожной станции у подножия горы Лалвар. Литературные источники указывают на систематическую разработку его с 1730 по 1945 г. [6] Более чем за 200 лет эксплуатации поверхность рудного поля полностью потеряла первоначальный облик. В настоящее время территория рудника представляет собой сплошной отвал разновременных горных выработок, скрывших все выходы руды и вероятные следы древних работ. Прямых признаков, указывающих на безусловную эксплуатацию месторождения в глубокой древности нет, однако некоторые геолого-геохимические показатели, такие, как наличие зоны окисления, отдельные обнажения рудного тела, могли служить хорошей предпосылкой для древних горняков-рудокопов. Геохимическая характеристика руды, определенная методом спектрального анализа, показала присутствие примеси цинка (0,1—10%), свинца (0,001—0,1%), кобальта (0—0,1%) и никеля (0,001—0,01%). Такая химическая характеристика в основном присуща металлу эпохи поздней бронзы, и поэтому можно предполагать, что руда этого месторождения с особой интенсивностью могла разрабатываться именно в эту эпоху и, возможно, в весьма незначительной степени в более раннее время (рис. 2).

Восточнее Алаверды имеется Ахтальское полиметаллическое месторождение. Оно расположено в непосредственной близости от железнодорожной

---

[3] Е. Н. Черных. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М., 1970, стр. 35—49.

[4] Е. Н. Черных. Там же, стр. 37.

[5] А. Ц. Геворкян, Е. Н. Черных. В поисках древних медных рудников Армении. АО — 1970, М., 1971, стр. 401.

[6] Геология Армянской ССР. VI. Металлические полезные ископаемые. Ереван, 1967, стр. 258.

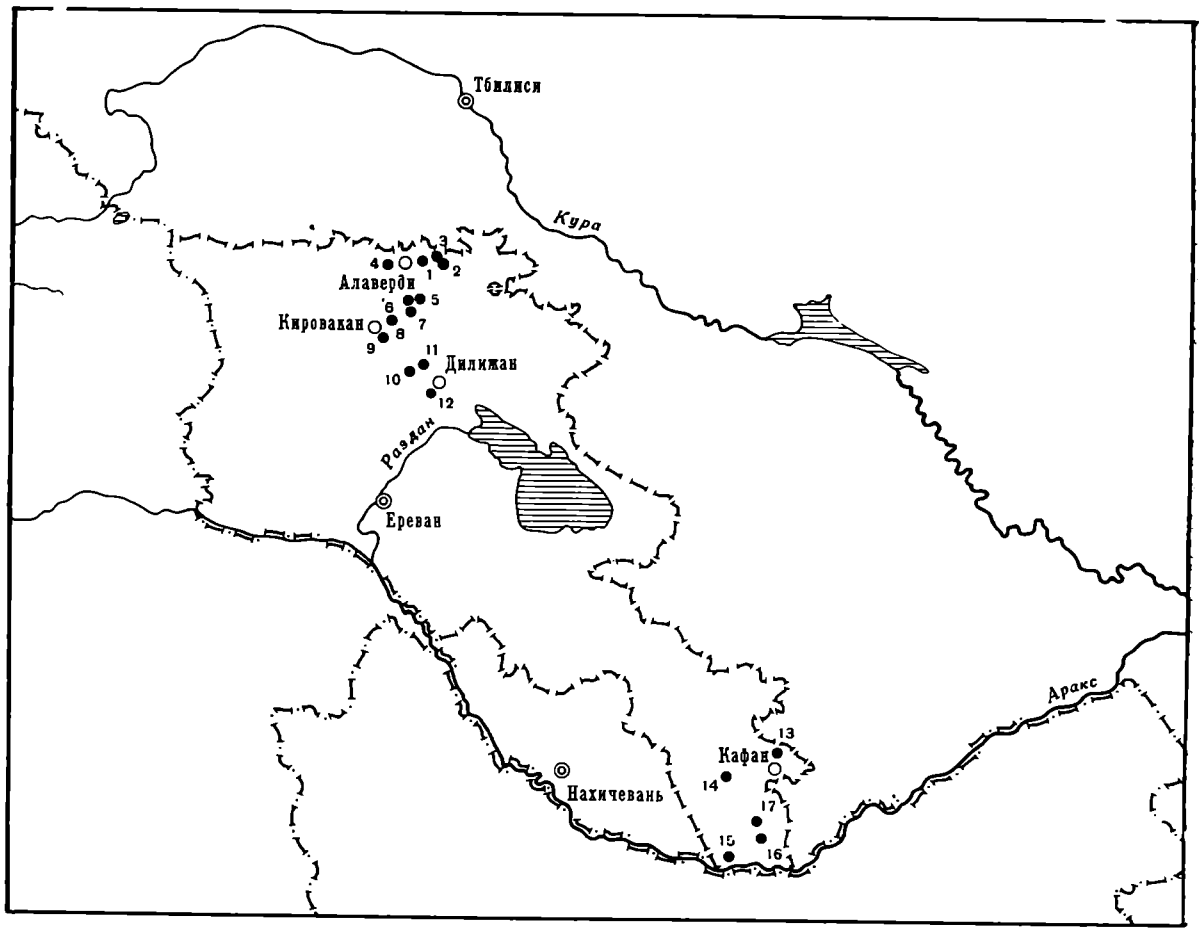


Рис. 1. Карта-схема обследованных медных месторождений Армении

1 — Алаверди; *2* — Ахтала; *3* — Шамлуг; *4* — Агвин; *5* — Анкадзор; *6* — Антоновское; *7* — Сисимадан; *8* — Памбакское; *9* — Ванадзор; *10* — Фролова балка; *11* — Фиалетово; *12* — рудники Арцруни; *13* — Кафан; *14* — Каджаран; *15* — Агарак; *16* — Тейское; *17* — Личское (Джин-Дара)

станции Ахтала, в нижнем течении р. Учкилиса. Систематическая эксплуатация месторождения началась со второй половины XVIII в.[7] и продолжается по сей день. В настоящее время здесь действует небольшая обогатительная фабрика, продукция которой поступает на алавердский горнометаллургический комбинат.

Рудные тела этого месторождения в основном представлены отдельными гнездами, линзами и штоками, которые в большинстве случаев не имеют выходов на дневную поверхность, за исключением небольшого участка, где по северо-западной стенке разлома обнажается рудоносное тело. На территории рудного поля имеются многочисленные подземные горные выработки, относящиеся к периоду французских концессий (вторая половина XIX в.) и к современным разработкам. Следов более древних работ обнаружить не удалось. Тщательная разведка всей площади оруднения не дала никакого археологического материала. Спектральный анализ образцов минералов меди (малахита и азурита), собранных из отвалов старых штолен, выявил весьма высокую концентрацию примеси цинка (>10%) и свинца (0,01—1%). Забегая вперед, можно сказать, что ни одна из проанализированных нами руд не имеет таких высоких концентраций этих элементов. Эта химическая особенность свидетельствует о том, что месторождение могло использоваться лишь в эпоху развитой бронзы и раннего железа.

В 3—4 *км* к северу-западу от Ахтальского рудника имеется другое медное месторождение, именуемое Шамлугским, разработка которого идет с 1770 г. Форма рудных тел и характер оруднения аналогичны ахтальскому, хотя здесь полностью отсутствует зона окисления и выходы руд на днев-

[7] Там же, стр. 271.

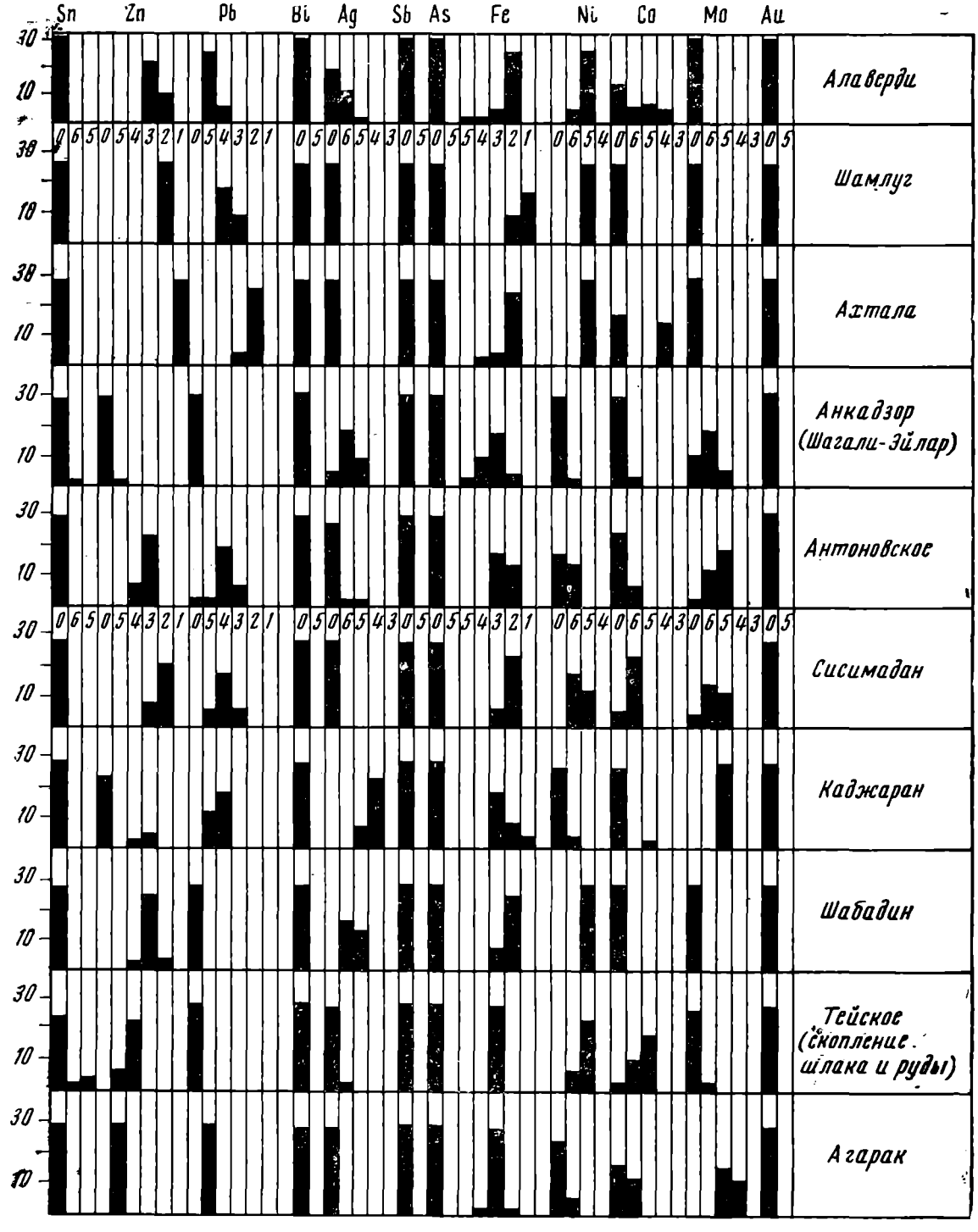


Рис. 2. Гистограммы концентраций основных примесей в окисленных рудах обследованных месторождений

ную поверхность. Археологический материал собрать на руднике не удалось. Химическая характеристика руд весьма схожа с предыдущей, с той лишь разницей, что содержание цинка в медных минералах Шамлуга меньше (1—10%). Учитывая геолого-геохимические признаки месторождения и отсутствие пока что археологических данных, можно предположить, что и это месторождение, как и ахтальское и алавердское, могло разрабатываться, начиная с эпохи поздней бронзы. Этот вывод весьма условный. Дальнейшие поиски в пределах всех перечисленных рудных полей возможно позволят в дальнейшем прийти к более определенным выводам.

В Алавердском районе имеется и так называемое Агвинское медное проявление. Оно расположено в 3—4 *км* от железнодорожной станции Санаин, название свое получило от села Агвин, на окраине которого обнаружены

залежи медной руды. Для этого месторождения характерно полнейшее отсутствие зоны окисления и весьма низкая концентрация меди в руде (0,06—2,3%). Медносодержащие минералы в основном состоят из сульфидов — пирит, халкопирит [8]. В настоящее время на месторождении имеются заброшенные выработки, относящиеся ко времени французских концессий, и ряд современных разведочных штолен. Более древних следов горных работ не обнаружено. По всем показателям данное месторождение несомненно относится к разряду безусловно не эксплуатировавшихся в древности.

К юго-востоку от железнодорожной станции Шагали и восточнее селения Ехенгут находится весьма интересное для нас Анкадзорское (Шагали-Эйларское) месторождение меди. В специальной геологической литературе сказано, что оруднение представлено отдельными жилами и прожилками, в которых наблюдается мощная зона окисления [9]. В 1895 г. французская акционерная компания провела здесь первые геологоразведочные работы, а с 1901 г. перешла к систематической эксплуатации. До 1917 г. было добыто 10 500 *т* руды со средним содержанием меди 5% [10]. Для Анкадзорского месторождения характерны следующие рудообразующие минералы: пирит, халькопирит, гематит, реже сфалерит, в измененной зоне в огромном количестве встречаются малахит и азурит. По геологическим данным содержание меди в руде очень высокое, в отдельных пробах количество ее достигает 20% [11]. Проведенные спектральные анализы образцов малахита и азурита, взятых из отвалов различных штолен, показали концентрацию меди во всех случаях намного более 10%. Если в составе медных руд алавердской группы повсеместно было отмечено высокое содержание примесей цинка и свинца в отсутствие серебра, то в данном случае концентрации первых двух элементов практически отсутствуют и наоборот наблюдается повышенное содержание серебра. Такие химические показатели соответствуют составу большинства проанализированных медно-бронзовых изделий, относящиеся к ранним этапам (III тысячелетие до н. э.) бронзового производства Закавказья. Все геолого-химические особенности этого рудного поля свидетельствуют об использовании его руды древними металлургами в эпоху ранней бронзы. Дальнейшие геолого-археологические исследования безусловно позволят более всесторонне изучить анкадзорское месторождение и определить его важную роль в деле древнейшей металлургии не только Армении, но и всего Закавказья.

Недалеко от Анкадзорского месторождения на западном склоне горы Цакери-Глух, в верховьях правых притоков р. Сиси-Джур находится не менее интересное Антоновское меднорудное месторождение. Рудные тела на нем в основном представлены небольшими жилами и отдельными линзами. На месторождении имеются несколько заброшенных «французских» штолен, пройденных в начале XX в. При обследовании была обнаружена поздемная горная выработка, которая по внешнему виду резко отличалась от остальных своей архичной формой. Она напоминает слегка наклонную шахту с трапециевидным контуром в устье, общей глубиной до 15 *м*. С отметки 4,5 *м* от дневной поверхности шахта, разветвляясь, образует два самостоятельных ствола. Один из них заканчивается через 3,5 *м*, а другой с небольшим наклоном продолжается в северо-западном направлении до 10—11 *м*, после чего, принимая горизонтальное положение, уходит еще на 1,5—2 *м*, где уширается в сферически расширенный забой. Для всей выработки характерна неправильная геометрическая форма; от поверхности до самого забоя, извиваясь, местами расширяясь и суживаясь, постоянно придерживается контуров рудного тела в пространстве. С глубины 4,5 *м* глав-

[8] Там же, стр. 285.
[9] Там же, стр. 317.
[10] Там же, стр. 317.
[11] Там же, стр. 318.

ного ствола шахты и ее северо-западного продолжения имеются хорошо сохранившиеся площадки, ступечато опускающиеся до нижней отметки. Интервал между ними равен 1—1,5 *м*. Благодаря этим площадкам можно совершить спуск и подъем, даже имея за плечами тяжелонагруженный мешок.

Внимательный осмотр отвала шахты и ее окрстности не дал никакого археологического материала, позволившего бы судить о возрасте выработки. Но техника проходки, ее форма и контуры не вызывают сомнения, что разработка относится к древнейшим горнопроходческим работам, когда, не имея совершенных орудий горнорудного производства, рудокопы, всячески избегая лишних затрат труда, вынимали только рудосодержащую массу, оставляя на месте пустую, ненужную породу. Спектральный анализ окисленных медных минералов (малахита, азурита), собранных в отвале и соскобленных со стенок выработки, выявил незначительные концентрации примесей цинка (0,01—1%), свинца (0—1%), молибдена (0—0,01%) и практическое отсутствие кобальта и никеля.

При предварительном сравнении химического состава некоторых медно-бронзовых изделий из памятников III тысячелетия до н. э. Закавказья с геохимией антоновских руд между ними наблюдается определенная взаимосвязь. Можно надеяться, что дальнейшие геолого-археологические исследования на месторождении позволят выявить новые следы древних горнорудных работ и остатков медеплавильного производства.

В нижнем течении р. Сиси-Джур, в живописном ущелье Овадзор, близ дома отдыха «Лори» находится Сисимаданское месторождение. При обследовании местности было зафиксировано до 200 открытых разработок в виде воронкообразных выемок. В последнее время местной геологопоисковой партией пройдено несколько шурфов примерно семиметровой глубины. По их стенкам хорошо видна сильно измененная рудная зона с присутствием окисленных медных минералов. Анализ образцов, собранных из отвалов выемок и современных шурфов, выявил среднее содержание меди в руде, равное 2—3%. По сравнению с анкадзорскими показателями такое содержание является весьма скромным. Помимо меди нужно отметить присутствие цинка (0,1—10%), свинца (0,01—1%), а также полное отсутствие серебра. Несмотря на такую химическую характеристику, месторождение все-таки могло эксплуатироваться с периода поздней бронзы, когда большие потребности в металле заставляли металлургов использовать руду даже с незначительной степенью минерализации.

Разведка ряда месторождений, расположенных в Кировоканско-Дилижанском районах, таких, как Памбакское и Ванадзорское в окрестностях Кировокана; Фролова балка, Фиалетово, рудники Арцруни близ Дилижана, не дала никаких положительных результатов. Для всех этих месторождений характерно отсутствие зоны окисления и выходов руд на поверхность, незначительное содержание меди в руде и отсутствие каких-либо следов старинных разработок. Вся сумма признаков указывает на полнейшую бесперспективность поисков в пределах перечисленных месторождений [12].

Из медных месторождений Зангезурской группы удалось обследовать лишь пять рудников, из которых особый интерес для нас представляют Кафанское и Каджаранское и менее перспективные Агаракское, Тейское и Личкинское (Джин-Дара).

Кафанское рудное поле само по себе занимает обширную территорию, но основная меднорудная минерализация сосредоточена на небольшой площади — в окрестности города Кафан. Многие исследователи, касаясь геологии как самого месторождения, так и всего рудного поля в целом, единогласно отмечают, что оно было известно и эксплуатировалось с глубокой древности. Широкий фронт геологоразведочных и горнопроходческих ра-

---

[12] А. Ц. Геворкян, Е. Н. Черных. В поисках древних медных рудников, стр. 401—402.

бот, проводившихся здесь с середины прошлого века, полностью уничтожили следы предшествующих разработок. Упорные попытки отыскать выходы окисленных минералов не дали положительных результатов и тем самым мы были лишены возможности выяснить геохимическую характеристику окисления руд. Отсутствие археологического, а отчасти и геологического материалов сильно затрудняет возможности оценки этого крупного рудника. Но, учитывая морфологию рудного тела и сравнительно высокую концентрацию меди (до 9%) [13], можно полагать, что оно представляло определенный интерес для металлургов древности.

У горной дер. Шабадин в 25 *км* от Кафана известно небольшое рудопроявление с остатками рассеянных малахитов, но явных следов древних работ здесь отмечено не было.

Западнее города Кафан находится Каджаранское медно-молибденовое месторождение. Минерализация меди представлена прожилково-вкрапленным типом оруднения. По геологическим данным здесь имеется сильно развитая зона окисления, местами достигающая 30—50 *м* [14]. Открытые горные разработки, проводимые в последние десятилетия, начисто смели верхние рудоносные пласты, вместе с ними и все вероятные остатки более ранних работ. Со слов работников карьера, которые знают рудник с первых дней эксплуатации, выяснилось, что на поверхности имелись следы отдельных выемок, закопушек, небольших штолен, а местами наблюдались скопления медных шлаков с остатками древесного угля. Анализ минералов меди (малахита), собранный с северо-восточного борта карьера, выявил отсутствие цинка и высокую концентрацию серебра (0,001—0,1%), при этом не было отмечено следов кобальта и никеля. Именно такая характеристика присуща химизму большого числа бронзовых изделий, датируемых ранним этапом металлургического производства. На основании приведенных данных можно полагать, что Каджаранское месторождение должно было представлять значительный интерес для металлургов эпохи ранней и средней бронзы.

Остальные три месторождения Зангезурской группы — Агаракское, Тейское и Личкское (Джин-Дара) — по своим геолого-геохимическим признакам относятся к разряду бесперспективных. Интерес представляет лишь небольшое скопление медного шлака, рассыпанного вперемежку с очень богатыми окисленными минералами меди на берегу горной р. Мегригет в непосредственной близости от Тейского месторождения.

Но руда скорее всего была доставлена с другого неизвестного рудопроявления [15]. При спектральном анализе шлака и минералов выяснилось, что содержание меди весьма высокое, примесь цинка незначительна (0,001—0,01%). Из других диагностических микропримесей присутствует кобальт (0—0,01%), никель (0,01—0,001) и молибден (0,01—1%).

Для определения времени выплавки проанализированной руды у нас нет никаких объективных данных. Единственным критерием может служить тот факт, что сохранившиеся минералы представлены не сульфидными, а вторичными образованиями (малахит, азурит). Это обстоятельство наводит на мысль, что и шлаки, и руда выплавлены в далеком прошлом, когда для производства использовались в основном окисленные руды.

После изучения основных наиболее интересных и крупных месторождений стало очевидно, что возможности меднорудной базы республики, как и любой горнометаллургической области [16], сильно переоценивались. И действительно, из 17 обследованных только восемь месторождений по своим геолого-геохимическим признакам могли привлечь внимание древних горняков-рудокопов. Остальные девять по характеру оруднения и залегания рудных тел практически не были доступны для эксплуатации в древности.

---

[13] Геология Армянской ССР. VI, стр. 312.
[14] Там же, стр. 312.
[15] А. Ц. Геворкян, Е. Н. Черных. Ук. соч., стр. 402.
[16] Е. Н. Черных. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья, стр. 35.

При изучении древнейшей металлургии и металлообработки Армении и Закавказья нельзя ограничиваться современными административными границами. Аналогичные исследования сопредельных территорий позволят выявить следы горнорудного и медеплавильного дела, расширят наши представления и прольют свет на многие стороны металлургического производства в прошлом не только в Армении и Закавказье, но и всего Кавказа в целом.

Приложение

Спектральный анализ образцов окисленных медных минералов из обследованных месторождений Армении

Месторождение	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Mo	Au
Алаверди	1	0	5—4	3—2	0	0—5	0	0	5—2	6—5	0—4	0	0
Шамлуг	1	0	4—3	2	0	0	0	0	3—1	3	0	0	0
Ахтала	1	0	3—2	1	0	0	0	0	4—2	3	0	0	0
Анкадзор (Шагали-Эйлар)	1	0—6	0—5	0	0	0—5	0	0	5—1	0—6	0—6	0—5	0
Антоновское	1	0	0—2	4—3	0	0—5	0	0	3—2	0—5	0—5	0—5	0
Сисимадан	2	0	5—3	3—2	0	0	0	0	6—5	6—5	0—5	0—5	0
Каджаран	1	0	5—4	0—3	0	5—4	0	0	3—1	0—6	0—5	5	0
Шабадин	1	0	0	4—2	0	6—4	0	0	3—2	5	0	0	0
Тейское	1	0—5	0	5—4	0	0—6	0	0	4—2	6—5	0—5	4—3	0
Агарак	1	0	5	5	0—5	0	0	0	4—2	0—5	0—5	5—4	0

Примечание. В таблице даны средние содержания по 25—30 анализам (%): 1—10%; 2—1—10%; 3—0,1—1%; 4—0,01—0,1%; 5—0,001—0,01%; 6—0,001%; 0 — не обнаружено.

A. Ts. Guévorkian

A PROPOS DE LA PLUS ANCIENNE BASE MINIERE DE CUIVRE EN ARMENIE

Résumé

L'article relate les résultats de l'étude des sources minières de cuivre à la base desquelles pouvait se développer l'activité d'anciens artisans métallurgistes. Les inspections archéologiques des gisements et l'analyse spectral des échantillons des minéraux cuivreux oxidés ont permis d'acquérir les notions préliminaires sur le rôle de certaines mines dans la métallurgie la plus ancienne en Arménie.

L'examen des gisements les plus importants, les plus intéressants et aux meilleures perspectives a démontré que les capacités de la base minière de cuivre dans la république étaient surestimées considérablement. Ce n'est que la moitié des mines inspectées qui présentaient le caractère géologogéochimique susceptible de satisfaire les mineurs d'antiquité. D'autres étaient pratiquement inaccessibles pour l'exploitation dans la haute antiquité, vu leur caractère de minéralisation et de gisement.

Г. Е. АРЕШЯН

МАЛОАЗИЙСКИЕ ФОРМЫ В КЕРАМИКЕ АРМЕНИИ СРЕДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА

Открытие древних, «языческих» культур Закавказья в последней четверти прошлого столетия поставило перед исследователями вопрос о взаимосвязи и взаимодействии их с древневосточными и балканскими цивилизациями. Позднее определенный прогресс был достигнут в 1910—1920 гг. Следует особенно отметить работу Б. В. Фармаковского об архаическом периоде в России [1], в которой делался методически правильный упор на историко-культурное взаимодействие между Закавказьем и Малой Азией в эпоху хеттов. Однако материал, которым оперировали исследователи, был крайне недостаточен для аргументации предлагавшихся выводов, так как сводился к находкам из могильников конца эпохи бронзы и раннего железа.

Во второй половине 30-х годов начался период накопления новых данных. Исследованиями этого продолжающегося по сей день периода выявлено большое количество фактов, свидетельствующих о связях Армении и Южного Кавказа с Малой Азией и Эгеидой преимущественно в эпоху средней и самого начала поздней бронзы, т. е. в первой половине II тысячелетия до н. э. Установлено крито-микенское происхождение формы бронзовых рапир, найденных в Закавказье в ДзораГЭС, Качагане, Ноемберяне, Самтавро, Лило [2], Талыше, датируемых XVII—XV вв. до н. э. Аналоги лчашенских трезубцев прослежены в Восточном Средиземноморье в Угарите. Закавказские секиры с шипастым обухом аналогичны хеттской секире, изображенной в руках бога войны и бури Тархунтаса на барельефе из хеттской столицы Хаттушаш. Первооткрыватель курганной культуры Триалети Б. А. Куфтин установил несомненную связь между значительной частью ювелирных изделий и предметов торевтики Триалети и находками из Вафио, Микен, Элпды, Трои, Крита, Язили-Кая, Аладжа-Гуйюка и Рас-Шамры [3].

Втульчатые перьевидные бронзовые наконечники копий, появившиеся в Закавказье в первой половине II тысячелетия до н.э. и известные в настоящее время из Кировакана, Кеопри-Кейа, Триалети, Лчашена, Квасатали, Нули, Азнабюрта и Арпча [4], возникли под влиянием средиземномор-

[1] Б. В. Фармаковский. Архаический период в России. МАР, 34, Пг., 1914, стр. 37—50.

[2] А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964, стр. 70, 71, рис. 35; Т. Н. Чубинишвили. Древнейшие археологические памятники Мцхета (на груз. яз.). Тбилиси, 1957, стр. 20, 117, табл. VII—VIII; Э. М. Гогадзе. Периодизация и генезис курганной культуры Триалети. Автореф. канд. дис., Тбилиси, 1970, стр. 26.

[3] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, стр. 89, 90, 93, 94, рис. 96; его же. Археологические раскопки 1947 г. в Цалкинском районе. Тбилиси, 1948, стр. 16—18; Э. М. Гогадзе. Ук. соч., стр. 22; О. М. Джапаридзе. Археологические раскопки в Триалети (на груз. яз.). Тбилиси, 1969, стр. 263.

[4] Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. Л., 1949, стр. 47; А. А. Мартиросян. Ук. соч., стр. 64, рис. 28; стр. 75, 76, рис. 37; Б. А. Куфтин. Археологиче-

ско-малоазийских форм. Были установлены общие истоки и пути развития некоторых форм орудий труда (бронзовые ручные топорики-тесла) в Малой Азии, на Армянском нагорье и Южном Кавказе [5]. Все эти данные получены при изучении металлических изделий, как правило изготовленных на месте [6], но под влиянием эгейско-малоазийских форм, относящихся к первой половине и середине II тысячелетия до н. э. Они существенно дополняются в настоящее время по такому важнейшему этнографическому признаку, каким является керамика.

В 1968 г. в Аштаракском районе Армянской ССР, близ сел. Воскеваз, при рытье нового русла для заболачивающейся р. Шахверд было разрушено древнее погребение. Прибыв на место для доследования [7], мы установили, что захоронение представляло собой небольшой курган с почти разрушенной земляной насыпью вперемешку с мелкими камнями. Грунтовая могильная яма прямоугольной формы, с закругленными углами (3,10× × 2,00 *м*), без каких-либо следов перекрытия некогда также была заполнена землей и камнями. Предположительная глубина ямы до ее частичного разрушения составляла 1,70 *м*. В момент доследования нижняя, полностью сохранившаяся часть могильной ямы была заполнена водой глубиной до 0,3 *м*, что сделало невозможным препарацию погребения. Несмотря на это в кургане удалось с полной достоверностью зафиксировать обряд трупосожжения. В кургане обнаружен интереснейший керамический комплекс, весьма большой для своего времени, состоявший из 35—40 сосудов. Некоторые из них были разбиты во время совершения кремации, вследствие чего от ряда экземпляров сохранились только отдельные обломки. По сообщению местных жителей, в момент находки был извлечен из погребения бронзовый кинжал, унесенный неизвестно кем.

Керамика Воскеваза может быть сведена, с незначительными отклонениями, к пяти типам сосудов (рис. 1). Вся посуда лепная, тщательно сформована, тесто хорошо отмучено, без каких-либо примесей, стенки тонкие, обжиг равномерный.

Значительное место занимают краснолощеные гидрии с большим плоским дном, вытянутым, расширяющимся кверху горлом и четко выделенным венчиком (рис. 1, *5*). Они имеют изящную форму и черную по красному фону роспись. Мотив росписи состоит преимущественно из шевронов, спускающихся по плечикам и заполненных волнистыми линиями («схема воды»). На некоторых гидриях (рис. 1, *5*) в больших треугольниках, образуемых шевронами, изображена извивающаяся змея между двумя кругами, символизирующими, возможно, светила. Помимо расписных есть красные гидрии этого же типа и формы, но без росписи и какого-либо орнамента. Отметим, что в Воскевазе (Кзл-Тамур) ранее также были обнаружены расписные сосуды, поступившие в Государственный музей истории Армении, несколько десятилетий тому назад.

В кургане обнаружены также два сравнительно крупных кувшина, один целый (высота 28 *см*), другой в обломках. Стенки их несколько толще, чем у остальной керамики Воскеваза. Они окрашены в красный цвет, подвергнуты лощению и расписаны двумя рядами шевронов и изоб-

---

ские раскопки в Триалети, табл. CVI; А. О. Мнацаканян. Основные этапы развития культуры Лчашена (на арм. яз.). ИФЖ, 1965, 2, стр. 95—114, табл. I, рис. 10; О. М. Джапаридзе. Квасатальский могильник эпохи бронзы в Юго-Осетии. КСИИМК, 60, 1955, стр. 23—30; В. Г. Алиев. Новые материалы о культуре расписной керамики в Азербайджане. СА, 1967, 1, стр. 115—121, рис. III, *11*; Наконечник копья из Арича не опубликован, раскопки Т. С. Хачатряна.

[5] Г. Е. Арешян. Орудия труда Артикского могильника. ИФЖ, 1970, 3, стр. 251—260.

[6] Б. А. Куфтин. Ук. соч., стр. 87, 93, 96, 100; его же. Археологические раскопки 1947 г. в Цалкинском районе..., стр. 4.

[7] В доследовании Воскевазского кургана принимали участие студенты Ереванского университета Л. Е. Хачатрян, А. Ф. Искандарян, Г. Г. Хачатрян. Найденные материалы хранятся в Гос. музее истории Армении в Ереване.

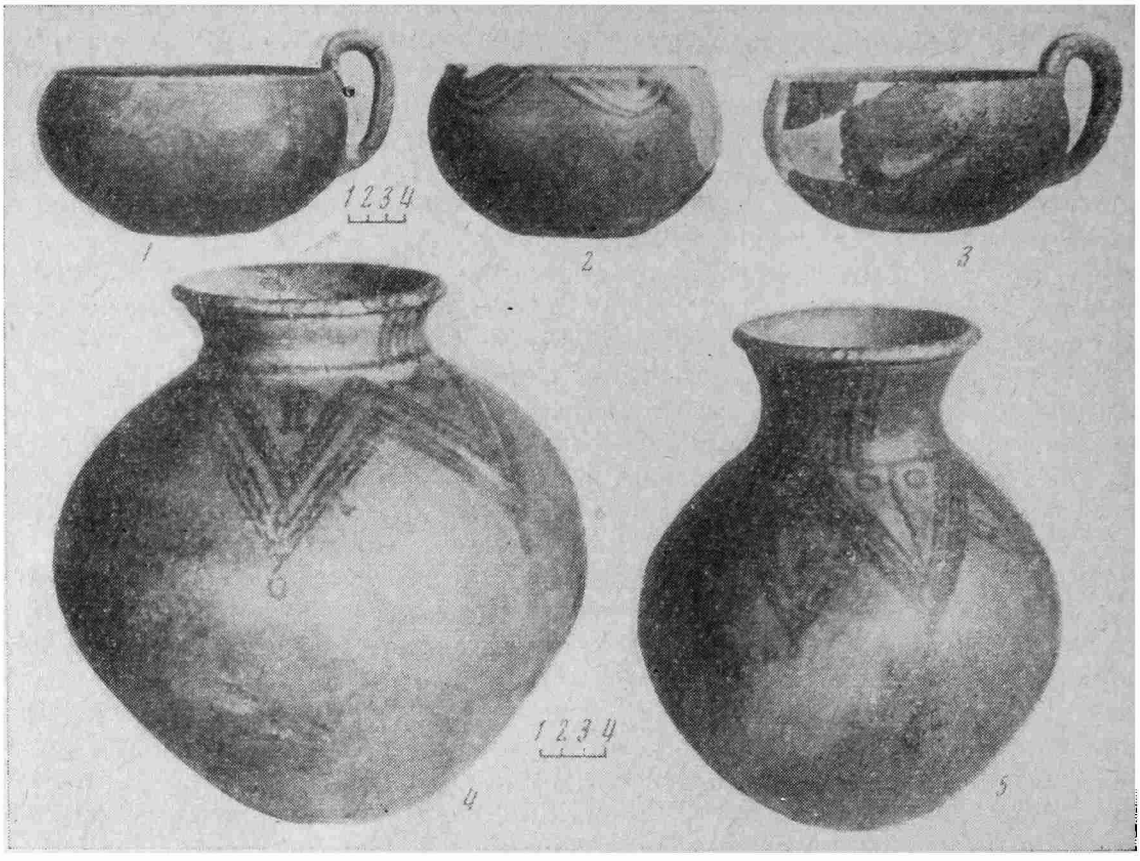


Рис. 1. Образцы керамики из Воскевазского кургана

раженнями аистов (рис. 1, *4*). Роспись во всех случаях черная по красному фону.

Третья группа керамики Воскевазского кургана представлена глубокими мисками с округлыми плечиками, плоским дном и выраженным венчиком. Они расписаны тремя или четырьмя спускающимися из-под венчика концентрическими дугами (рис. 1, 2). Размер этих мисок, найденных в большом числе, почти стандартный: диаметр венчика 17—18, высота 11—12 *см*.

Все три группы сосудов имеют аналоги в различных местах Закавказья, что позволяет достаточно точно установить время сооружения кургана в Воскевазе. Из курганов I, V, VI, VII Триалети известны аналогичные воскевазским краснокрашенные кувшины, расписанные по «схеме воды» и с изображениями птиц. В кургане XV вместе с втульчатым копьем с серебряной обоймой найдена миска, расписанная концентрическими полукружиями. Триалетские курганы с полным основанием датированы О. М. Джапаридзе XVII в. до н. э. Памятники эти отнесены Э. М. Гогадзе ко второй и третьей группам курганов Триалети и датируются им XVIII—XVII и XVI—XV вв. до н. э. Датировка О. М. Джапаридзе нам кажется более точной [8]. Рассматриваемый нами материал также находит себе аналогии и синхронизируется с курганом Кировакана, исследованным Б. Б. Пиотровским [9]. Для Кироваканского кургана устанавливается дата XVII—XVI вв. до н. э. Очевидно, и курган Воскеваза следует отнести к XVII—XVI вв. до н. э. Можно также провести ближайшие параллели между воскевазской керамикой и керамикой Эчмиадзинского могильника, Азнабюрта, Ахавнатуна, Элара, Гарни и рядом других сосудов, хранящихся в Государственном музее истории Армении.

[8] Б. А. Куфтин. Раскопки в Триалети, табл. LXXXI—LXXXII; О. М. Джапаридзе. Археологические раскопки в Триалети, стр. 272, рис. 49—52; Э. М. Гогадзе. Ук. соч., стр. 17, 20.

[9] Б. Б. Пиотровский. Ук. соч., стр. 46, 47.

В целом на территории Закавказья выделяются по материалам первой половины II тысячелетия до н. э. три родственных между собой, но, вероятно, разновременных стиля монохромной расписной керамики с черной росписью по красному фону различных оттенков. Один из стилей представлен керамикой из раскопок Тазакендского (Кармирбердского) могильника близ Еревана и аналогичными памятниками, другая группа расписной керамики характеризуется материалами из Триалети, Кироваканского кургана, описанного комплекса Воскеваза и приведенными выше аналогиями им и, наконец, еще один вариант прослеживается на сосудах из Узерлика, Гарни, кургана № 6 Лчашена и т. д. Однако проведение детальных параллелей к сосудам из Воскеваза, так же как и вопрос о трех различных стилях расписной монохромной керамики Закавказья эпохи средней бронзы, выходит за рамки данной работы.

Четвертый тип сосудов из Воскевазского кургана представлен совершенно оригинальной для Закавказья формой. Это глубокие чаши того же розово-красного цвета, что и остальная керамика из Воскеваза (рис. 1, *1, 3*). Сосуды эти исключительно совершенны по форме, несмотря на то что вылеплены от руки, черепок тонкий, обжиг равномерный. Они лощены и, за исключением венчика, украшенного черными черточками, и ручки, не расписаны. По дну этих чаш идет слабо выраженный круговой валик. Однако самой характерной чертой этих сосудов является высокая ручка, поднимающаяся много выше венчика чаши, что позволяет сопоставить их по форме с киафом. Вертикальная ручка «киафов» из Воскеваза отходя от самой расширенной части тулова, другим концом опускается на венчик. Ручки расписаны двумя параллельными полосками. «Киафы» составляют в кургане Воскеваза значительную часть керамики (16 штук). Размер их почти одинаков: диаметр венчика 17—18,5, высота 10—11 *см*; высота ручек 9—10 *см*. Стандартизация формы и размеров, унифицированный художественный стиль этих сосудов свидетельствуют о том, что они сделаны квалифицированным ремесленником-гончаром.

Пятый тип сосудов Воскевазского кургана представлен фрагментом чернолощеной миски, имеющей форму, характерную для эпохи средней бронзы.

При всем своеобразии «киафы» из Воскеваза являются не единственными сосудами подобного рода, обнаруженными на территории Армении. Сосуд типа «киафа» с вертикальной ручкой, возвышающейся над венчиком, обнаружен в Эларе (рис. 2, *3*) [10]. Этот черно-серый лощеный сосуд вылеплен несколько небрежно. В комплекс керамики из Элара входят также расписные монохромные чаши тазакендского типа, что позволяет отнести данный материал к XIX—XVIII вв. до н. э. Еще один «киаф» с высокой ручкой, плоским дном и выраженным венчиком найден в местечке Камакатар на территории совхоза сел. Жданово близ Кировакана (рис. 2, *4*). Сосуд обнаружен в древнем погребении, доследованном Е. Момджяном. Камакатарский «киаф» по форме почти идентичен «киафам» из Воскеваза. На нем сохранились следы росписи в виде гирлянды концентрических полукружий, таких же, как и на мисках Воскевазского кургана. В Камакатарском погребении был найден еще один крупный красный кувшин, расписанный так же, как и кувшины Воскеваза, однако в отличие от последних украшенный не аистами, а парами плывущих гусей (рис. 2, *6*) [11]. Камакатарское погребение по аналогии с Воскевазским курганом следует отнести к XVII—XVI вв. до н. э.

К тому же кругу керамики примыкает черный биконический сосуд, слабо лощенный, обнаруженный в кургане № 6 в Лчашене (раскопки

---

[10] Материал хранится в Гос. музее истории Армении, инв. № 1805.

[11] Находки из Камакатара хранятся в Кироваканском краеведческом музее, инв. № 41, 42. Сосуд с ручкой упомянут в работе Э. В. Ханзадян. Гарни IV (на арм. яз.). Ереван, 1969, стр. 88.

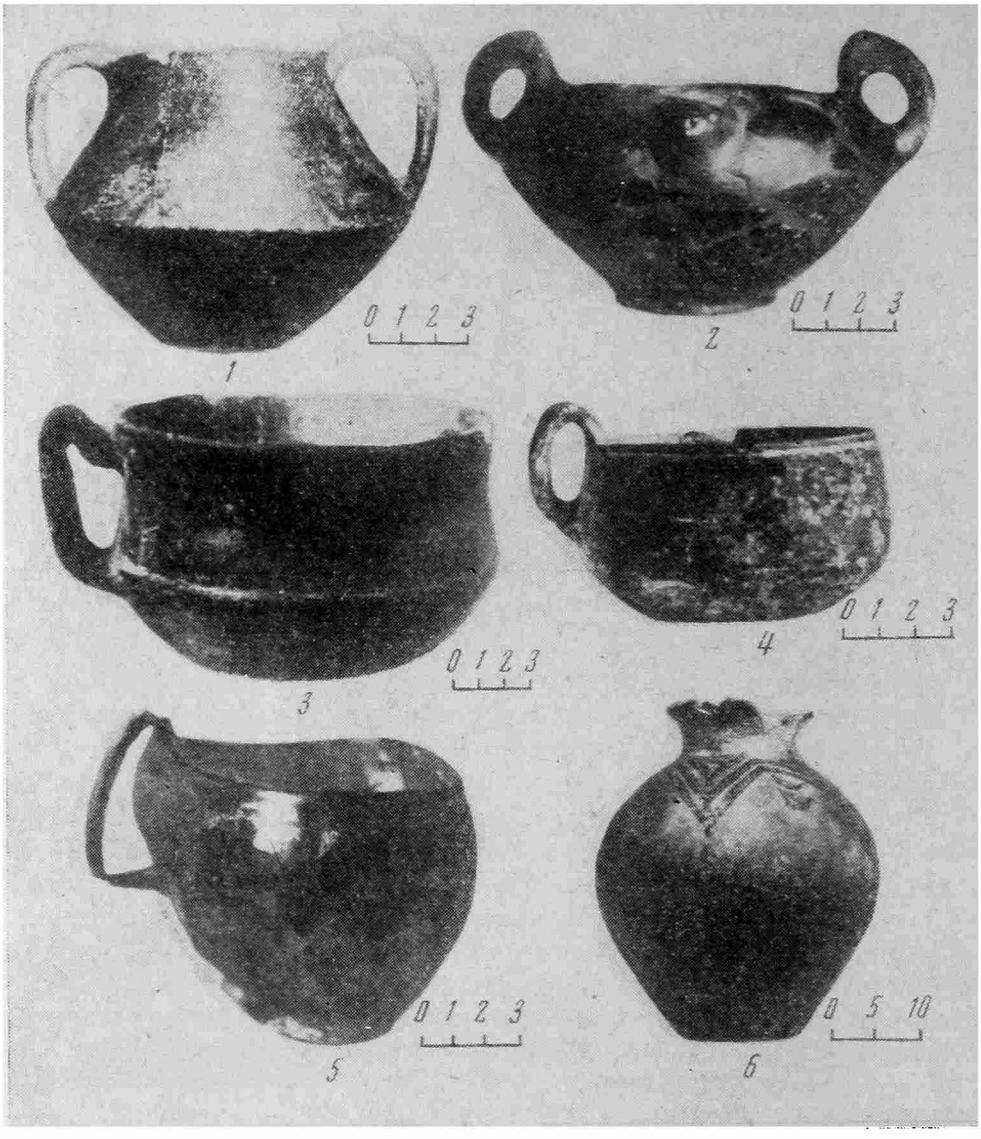


Рис. 2. Сосуды малоазийских форм, найденные на территории Армении

1, 2 — Лчашен, курганы № 6 и 46; *3* — Элар; *4, 6* — Камакатар близ Кировакана; *5* — серебряная чаша из Кироваканского кургана

А. О. Мнацаканяна) [12]. Сосуд имеет две ручки (рис. 2, *1*), возвышающиеся над венчиком, и, таким образом, может быть отнесен к разновидности канфара. Курган датирован XVIII—XVII вв. до н. э. (А. А. Мартиросян) и более общей датой — первой половиной II тысячелетия до н. э. (Э. В. Ханзадян).

Во время раскопок 1959 г. в Лчашене в кургане № 46 найден черный, вылепленный от руки, до блеска лощенный маленький сосуд с двумя ручками, относящийся к кругу изучаемых изделий. Сосуд этот очень изящной формы, имеет носик и поддон (рис. 2, *2*). В комплексе кургана № 46 широко представлена чернолощеная керамика, орнаментированная зубчатым штампом. Это позволяет определить время сооружения кургана второй четвертью II тысячелетия до н. э.

Еще одна интересная находка была сделана во время раскопок Т. С. Хачатряна на Аричском могильнике в 1969 г. В погребении вместе с расписной керамикой и сосудами, орнаментированными зубчатым штампом, обнаружен замечательный черный лощеный килик, формованный на гончарном круге, на высокой ножке с двумя ручками. Этот сосуд отлича-

[12] Э. В. Ханзадян. Лчашенский курган № 6. КСИА АН СССР, 91, 1962 стр. 66—71, рис. 25, *1*.

ется от классических киликов наличием вертикальных, а не горизонтальных ручек [13].

Аналогичные формы сосудов с высокими ручками представлены и в металлической посуде Кироваканского кургана, в котором среди прочих обнаружена серебряная чаша с ручкой (рис. 2, *5*), по форме очень близкая «киафам» из Воскеваза. Все указанные изделия датируются первой половиной II тысячелетия до н. э.

Необычность форм рассматриваемых предметов заставляет искать аналоги им в сопредельных Армении областях. Но тщетно мы будем искать киафы и канфары в керамике Ирана второй половины III — первой трети II тысячелетий до н. э. Не найдем этих форм и на юге в Месопотамии среди богатейших керамических коллекций III—II тысячелетий до н. э. из Ниппура, Лагаша, Нузи, Тепе-Гавра, Мари. Правда, имеется сходство рассматриваемых форм с керамикой периода Урука из Месопотамии и Элама, однако хронологический и культурно-исторический разрыв между Месопотамией периода Урука и Закавказьем эпохи средней бронзы слишком велик.

В литературе имеется весьма интересное высказывание о родстве мотивов росписи закавказской керамики первой четверти II тысячелетия до н. э., представленной сосудами тазакендского типа, с росписью керамики из Малой Азии [14]. Вместе с тем мнение С. Пржеворского об иранском происхождении данного стиля было подвергнуто критике Б. Б. Пиотровским и К. Х. Кушнаревой [15]. Б. А. Куфтиным была сделана попытка связать роспись керамики курганов Триалети с эламской керамикой второго стиля, однако К. Шеффер отрицает эту связь [16]. Окончательно вопрос этот не решен по сей день. Таким образом, в настоящее время трудно указать какой-либо факт, свидетельствующий о родстве расписной монохромной керамики Закавказья первой половины II тысячелетия до н. э. с гончарным производством Ирана (за исключением северо-западных районов) или Месопотамии. Вопрос же происхождения кремовой расписной керамики из Триалети мы сейчас не затрагиваем. Следует также вспомнить, что монохромная расписная керамика с черной росписью по красному фону совершенно отсутствует в «куро-аракской» культуре Закавказья до конца III тысячелетия до н. э., и хотя к этой культуре и относятся несколько расписных сосудов, однако они качественно иные.

Совершенно другая картина наблюдается в областях к западу от Армянского нагорья и Южного Кавказа. Здесь, в Малой Азии и Восточном Средиземноморье, находятся древнейшие истоки рассматриваемых керамических форм. Немаловажное значение имеет брошенное как бы мимоходом, но серьезно аргументированное замечание Б. А. Куфтина о родстве форм керамики из курганов Топ-Кар № 2 и ямного XV в Триалети с керамикой из Кносса и Феста на Крите [17]. Исходные формы «киафов» и «канфаров» эпохи средней бронзы из Армении уходят в отдаленные эпохи раннего халколита (энеолита) Анатолии. При раскопках Западного Чатал-Гуйюка в раннехалколитическом II слое (до 4900 г. до н. э.) обнаружен сосуд с двумя ручками (рис. 3, *1*) [18], который можно с достаточным основанием считать первоначальной формой позднейших «киафов» и «канфаров». Уже значительное разнообразие образцов рассматриваемой кера-

---

[13] Находки из Лчашена и Арича хранятся в Гос. музее истории Армении (лчашенский сосуд — инв. № 2118/138). Мы выражаем благодарность А. О. Мнацаканяну и Т. С. Хачатряну, предоставившим нам эти сосуды.

[14] А. А. Мартиросян. Ук. соч., стр. 53.

[15] Б. Б. Пиотровский. Ук. соч., стр. 48—50; К. Х. Кушнарева. Тазакендский могильник в Армении. СА, 1960, 1, стр. 137—147.

[16] Cl. F. A. Schaeffer. Stratigraphie Comparée et Chronologie de l'Asie Occidentale. London, 1948, p. 510.

[17] Б. А. Куфтин. Раскопки... в Цалкинском районе, стр. 20, 21.

[18] J. Mellaart. Çatal Hüyük West. AS, XV, 1965, pp. 135—156, Pl. 6, fig. 10.

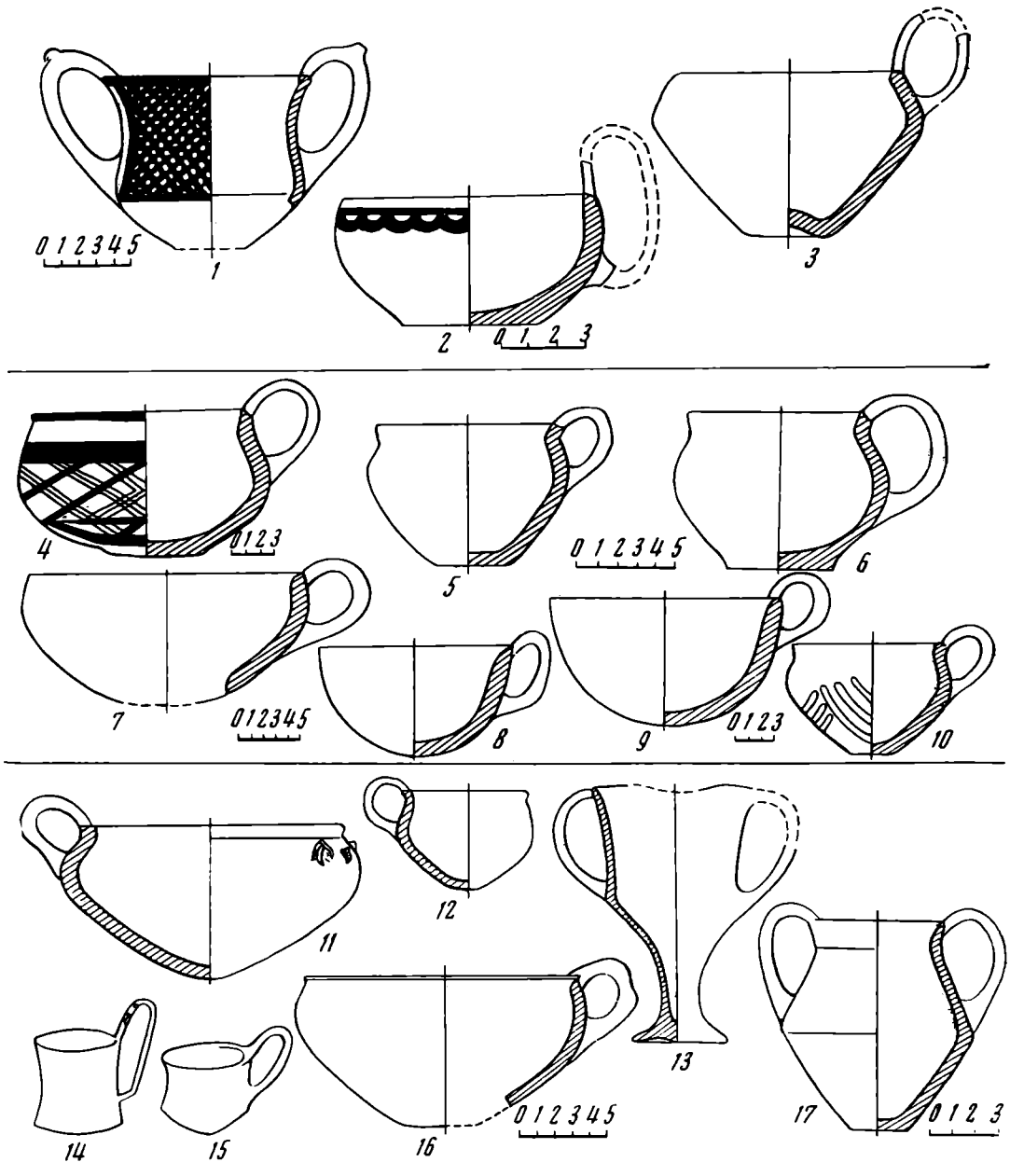


Рис. 3. Малоазийские параллели

1 — Западный Чатал-Гуйюк; *2* — Мерсин; *3* — Джан-Хасан; *4, 11* — Кюль-Тепе; *5, 6, 12, 13* — Алишар; *7* — Караоглан; *8* — Этиёкушу; *9* — Полатли; *10, 14, 15* — Аладжа-Гуйюк; *16, 17* — Бейджисултан

мики, в частности «кнафов», обнаружено в Киликии в Мерсине XVI (рис. 3, *2*). Мерсин XVI—XII В синхронизирован в настоящее время с фазой Амук Е (3900—3500 гг. до н. э.) и концом раннего и поздним Северо-убейдским периодом[19]. Западный Чатал-Гуйюк и Мерсин являются далеко не единственными памятниками Малой Азии, где найдены сосуды с высокими ручками. Можно указать «кнафы» из позднехалколитического Джан-Хасана[20] (рис. 3, *3*) и ряда других пунктов.

Небезынтересно отметить, что ряд близких форм сосудов имеется и в древнейших культурах Балканского полуострова. В Греции в период Сескло (первая половина V тысячелетия до н. э.) существовала керамика с большими ленточными ручками[21]. На Крите керамика с большими руч-

[19] J. Garstang. Prehistoric Mersin. Oxford, 1953, p. 141—145, табл. 92—94, Сб. «Chronologies in Old World Archaeology». Chicago, 1965; M. J. Mellink. Anatolian Chronology. Ibid., p. 103, 126, 127; E. Porada. The Relative Chronology of Mesopotamia. Ibid., p. 176, 177.

[20] D. H. French. Excavations at Can Hasan. Second Preliminary Report, 1962. AS, XIII, 1963, p. 38; Idem. Excavations at Can Hasan, 1963. AS, XIV, 1964, p. 132, 133.

[21] В. С. Титов. Неолит Греции. М., 1969, стр. 118—122, 216.

ками появляется в Раннеминойский I период (по Дж. Пендлбери). Формы «киафов», «канфаров» и «киликов» доклассического периода складываются более или менее окончательно в различных культурах Центральной и Западной Малой Азии периода ранней бронзы, т. е. на протяжении III тысячелетия до н. э. Особое распространение «киафы» и «канфары» имели в этот период в Центральной Анатолии в верховьях и излучине р. Галис и несколько западнее, т. е. в центре позднейшего Хеттского царства. Укажем «киафы» из Кюль-Тепе (рис. 3, *4*), Алишара (рис. 3, *5*, *6*), Караоглана (рис. 3, *7*), Ахлатлибела, Этиекушу (рис. 3, *8*), Полатли (рис. 3, *9*), Аладжа-Гуйюка (рис. 3, *10*), Пазарли, Богазкея [22]. «Канфары» более разнотипны. Керамика этого типа распространена в культурах ранней бронзы запада Малой Азии, например, в Карataш-Семаюке и Ликии [23]. Эти сосуды красного, кремового, розового, изредка черного цветов.

Позднее, в период средней бронзы, в первой половине II тысячелетия до н. э., в Анатолии рассматриваемые формы сосудов занимают видное место среди великолепных образцов красной и розовой керамики совершенных форм, названной хеттской. Стиль этот широко представлен в Кюль-Тепе в позднюю фазу существования колонии Каниша (период I B, конец XIX — первая половина XVIII в до н. э.). На рис. 3, *11* представлен сосуд из Кюль-Тепе этого периода. Там же в слое I B обнаружена металлическая посуда, аналоги которой — чаша из Кироваканского кургана (рис. 2, *1*) и котел [24]. Богатейшая коллекция керамики обнаружена в Алишаре II, датируемом клинописными табличками с именем Анитты [25] (рис. 3, *12*, *13*). В Аладжа-Гуйюке среди большого разнообразия керамики хеттского стиля есть интересные по форме «киафы», «канфары» и глиняные кружки [26] (рис. 3, *14*, *15*). Последние аналогичны по форме серебряной цилиндрической кружке из Кироваканского кургана. Вся эта керамика происходит из областей, составлявших во второй четверти II тысячелетия до н. э. ядро Древнехеттского царства. Однако и в других частях Малой Азии, например на западе, отмеченные формы керамики в огромном количестве известны из такого крупного центра, как Бейджисултан V (рис. 3, *16*, *17*) и датируются 1900—1780 гг. до н. э. [27]

Таким образом, этот далеко не полный обзор параллелей со всей очевидностью показывает малоазийские истоки форм «киафов», «канфаров» и «киликов» из Армении. Укажем, что в керамике Закавказья среднебронзовой эпохи имеются и другие малоазийско-эгейские формы. Например, горизонтальные ушки сосудов из Триалети или меандровый орнамент на черных гидриях из Кировакана. Другой немаловажный вопрос — каким путем проникли анатолийские формы в гончарное производство Армении эпохи средней бронзы — может быть решен лишь гипотетически.

Следует безоговорочно отвергнуть импортный характер описанных сосудов как в силу родства их по техническим приемам с керамикой Закавказья первой половины II тысячелетия до н. э., так и в свете изучения истории торговых связей на Древнем Востоке и в Средиземноморье. В содержательной работе Э. Кантор [28], посвященной вопросам древних связей

---

[22] W. Orthmann. Die Keramik der Frühen Bronzezeit aus Inneranatolien. IF, 24, Berlin, 1963, Taf. 1, 2, 9, 13, 14, 17, 20, 21, 23, 25, 29, 30, 35, 42—45, 55, 59.

[23] M. J. Mellink. Excavations at Karatas-Semayük in Licia, 1965. AJA, 1966, 3, стр. 245—257, табл. 60, рис. 23.

[24] T. Ozguç. Excavations at Kültepe, 1954. Finds on level I*b*; Idem. Report on a Work-Shop Belonging to the Late Phase of the Colony Period (I*b*). TTKB, 1955, XIX, 73, стр. 64—72, 77—80, рис. 17, 21, 57, 61, 63, рис. 28 (second article).

[25] E. F. Schmidt. The Alishar Hüyük. Seasons of 1928—1929. P. I. OIP, XIX, Chicago, 1932, стр. 108—120, рис. 125, табл. X, *b* 1303, *b* 2472, табл. XI, *b* 1676.

[26] H. Z. Koşay, M. Akok. The Pottery of Alaca Hoyük. AJA, 1947, 2, p. 152—157, fig. 4, pl. XXXVII*d*.

[27] S. Lloyd, J. Mellaart. Beycesultan. II, London, 1965, p. 82—101; J. Mellaart. The Second Millenium Chronology of Beycesultan. AS, XX, 1970, p. 55—67.

[28] H. J. Kantor. The Aegean and the Orient in the Second Millenium B. C. AJA, 1947, I, p. 1—103.

Эгеиды и Востока, установлено, что лишь керамика, являвшаяся произведением искусства, была объектом торговли, да и то преимущественно в период поздней бронзы.

Не следует считать «киафы» из Воскеваза простым подражанием металлическим сосудам, например серебряной чаше из Кироваканского кургана (рис. 2, *5*). Ручки металлической посуды того времени имеют характерный признак — прямоугольное сечение, типичное и для ряда сосудов Малой Азии. Ручки же рассматриваемых глиняных сосудов из Воскеваза имеют сглаженную внешнюю поверхность и полукруглое сечение. Если и возможно связывать «киафы» Воскевазского кургана с металлической посудой, то лишь по наличию на них слабо выраженного донного валика.

Можно считать вероятным непосредственное знакомство гончаров, живших на территории Армении в эпоху средней бронзы, с керамическим производством Малой Азии. Происхождение красной расписной керамики Закавказья первой половины II тысячелетия до н. э. остается до сих пор невыясненным. Вместе с тем не подлежат сомнению местные, «куро-аракские» корни черной керамики того же периода. Характерная для Анатолии первой половины II тысячелетия до н. э. красная керамика по цвету, характеру лощения и ангобирования в определенной степени увязывается с синхронной красной расписной керамикой Закавказья. Если при этом выявить родство в мотивах их росписи, то вопрос о связи производственных традиций Анатолии, Армянского нагорья и Южного Кавказа в период средней бронзы будет представляться весьма существенным. Связи эти обнаруживаются все явственнее. Например, на расписной закавказской керамике эпохи средней бронзы имеются эгейские волюто-спиральные мотивы и каппадокийские шевроны и косые ленты с зигзагами, а черная монохромная роспись в виде концентрических полукружий на красной керамике имеет малоазийское происхождение. Интересно отметить, что маленькая серебряная безручная чашечка из Кироваканского кургана украшена такими же рельефными полукружиями.

Можно выявить разносторонние и многочисленные контакты, чрезвычайную близость в различных областях материальной культуры и искусства между Армянским нагорьем и Южным Кавказом, с одной стороны, и малоазийско-эгейским миром, с другой, в первой половине II тысячелетия до н. э. Например, характерная «катушечная» ручка ведерка из Кироваканского кургана находит аналогии в кубках из Вафио в Греции. Интересно отметить, что и кироваканское ведерко, и кубок из Вафио имеют совершенно идентичные донца, украшенные двумя круговыми валиками и центральным выступом[29]. Следует указать, что серебряное ведерко из Кировакана имеет равновеликое дно и горловину и вогнутые стенки — форма, полностью аналогичная уже упомянутым кружкам из Аладжа-Гуйюка (рис. 3, *14*). Такой же глиняный сосуд из Талыша удачно сопоставлялся Э. Герцфельдом с очень близкой керамикой Унетица. Сегодня связь эта прослеживается с достаточной очевидностью по линии Унетиц — Троя — Аладжа-Гуйюк — Кировакан — Талыш и указывает на могучее воздействие малоазийско-эгейского мира на окружающие народы в древности. В этой же монографии Э. Герцфельда имеется ряд интересных наблюдений аналогичного порядка[30]. Можно привести еще ряд примеров. Идентичные композиции ревущих львов на «штандарте» из кургана XV в. Триалети и на золотой чаше Кироваканского кургана хорошо увязываются с львами из Арслан-Таша и из музея в Сивасе. Бронзовая ваза с дужкой из Триалети также имеет малоазийские параллели и т. д.

Нелишне вспомнить, что вожди, погребенные в курганах Триалети и Кировакана, хоронились по обряду погребения хеттских царей. По-видимо-

---

[29] Сопоставление сделано Б. Б. Пиотровским.

[30] E. E. Herzfeld. Iran in the Ancient East. London — New York, 1941, p. 91, 100 ff., fig. 200 etc.

му, в период Древнехеттского царства в XVIII—XVI вв. до н. э. непосредственное культурно-историческое и этническое влияние и присутствие хеттов на Армянском нагорье достигает апогея. Именно поэтому вопрос о связях Армянского нагорья и Закавказья с Малой Азией в первой половине II тысячелетия до н. э. представляет несомненный интерес для углубленного исследования. И, может быть, исследователь этой проблемы, изучая малоазийские формы в гончарном производстве Закавказья первой половины II тысячелетия до н. э., снимет кавычки со слова «хеттские».

G. E. Aréchian

LES FORMES ANATOLIÈNNES DANS LA POTERIE ARMENIENNE DU BRONZE MOYEN

Résumé

Les plus anciennes relations éthno — culturelles des populations du haut plateau Arménien et de la Transcaucasie avec l'Asie Mineure sont le domaine le moins exploré de l'orientalisme ancien. Pourtant le chercheur de nos jours possède, outre les témoignages historiques et linguistiques de considérables données archéologiques. Le territoire de la Transcaucasie a livré un nombre important d'objets métalliques dont les formes accusent incontestablement leur provenance de l'Asie Mineure et du littoral de la mer Egée (il s'agit notamment de pointes de lances, de petites haches, d'épées-rapières, de pièces cisélées etc.). Nombre de spéciments de la poterie appartenant au même milieu culturel est trouvé actuellement. Plusieurs de ces poteries en forme de coupe se rapprochant aux «kiafs» (fig. 1) étaient mises au jour dans un tumulus des XVII—XVI siècles av. n. è. situé non loin du village de Voskévaz en RSS d'Arménie. Certaines relations peuvent être établies aussi entre l'art de la Transcaucasie et celui de l'Asie Mineure (fig. 3). Les relations mentionnées qui sont datées de la première moitié et du milieu du II millénaire av. n. è., c'est-à-dire de l'époque du bronze moyen, révèlent une communauté des traditions, à cet àpoque, des régions en question. Les XVIII—XVII ss ont vu l'ancien royaume des Héthéens sur le territoire de l'Asie Mineure et c'est justement l'époque où il faut constater la présence des Héthéens sur le haut plateau arménien lesquels ont laissé après eux une couche protohéthéenne et nésite dans la langue arménienne et le rite de l'incinération de cadavre dans les tumuli de la Transcaucasie se rapportant au bronze moyen.

М. Д. ХЛОБЫСТИНА

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ МИНУСИНСКИХ СТЕПЕЙ

Изучение материалов андроновских могильников Южной Сибири поднимает проблемы, характерные для всей обширной территории распространения андроновской культурной общности от степей Южного Зауралья до долин Среднего Енисея. Локальное своеобразие керамики в совокупности со специфичными формами могильных конструкций, насчитывающих около десятка вариантов, свидетельствуют о наличии определенных территориально-культурных различий андроновских племен. Это, очевидно, было обусловлено глубокой связью отдельных регионов с конкретной местной культурной традицией эпохи энеолита — ранней бронзы, а также ассимилятивными связями андроновских коллективов с современными им аборигенными этносами. Для могильников Южной Сибири андроновской эпохи характерно значительное разнообразие обрядовых погребальных особенностей. Рассмотрение этой черты минусинского варианта андроновской этнокультурной общности позволяет уделить внимание не только чисто информационным, но и слабо разработанным палеосоциологическим моментам, представляющимся чрезвычайно перспективными для реконструкции модели социальных отношений как внутри одного конкретного коллектива, оставившего культурно-хронологически замкнутый комплекс, так и для ряда коллективов, образующих локально-этнографические варианты культурной общности в целом.

В этом плане интересен могильник, расположенный на левом берегу среднего течения Енисея, около улуса Подкунинского Чарковского района Хакасской автономной области[1]. Могильник расположен в степи, над заливной поймой Енисея, и состоит из 10 курганов.

Курган 1 — уплощенная полушарная земляная насыпь, окаймленная по окружности кольцом из мелких каменных плит. Высота насыпи 0,2, диаметр 6,5, ширина кольца 0,2 *м*. Под насыпью, в центральной части кургана находились крупные плиты, лежавшие в направлении СВВ—ЮЗЗ. В центре кургана открылась могильная яма, прямоугольная с закругленными углами, ориентированная СВВ—ЮЗЗ, размером 2×1,85×1 *м*. На дне ямы — прямоугольный каменный ящик, своего рода «рама», сложенный из массивных каменных плит, имеющих в поперечном сечении форму прямоугольника (0,35×0,25 *м*). Внутри ящика ярусное захоронение. Верхнее погребение — взрослый человек на правом боку, скорченно, головой на СВ, лицом на СЗ. В ногах у взрослого подросток лет 12, вытянуто на спине вдоль юго-западной стенки могилы. Нижнее погребение — на дне могильной ямы, под погребением взрослого, скелет еще одного взрослого человека, скорченно на животе, головой на ЮЮВ, лицом на ЮЮЗ. Обе

[1] Материалы в ОИПК Гос. Эрмитажа и Минусинском музее им. Н. М. Мартьянова. Раскопки В. П. Левашовой в 1930, 1931 гг. Архив ОИПК ГЭ и Архив ЛО ИА АН СССР, д. № 118 (137); С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 73.

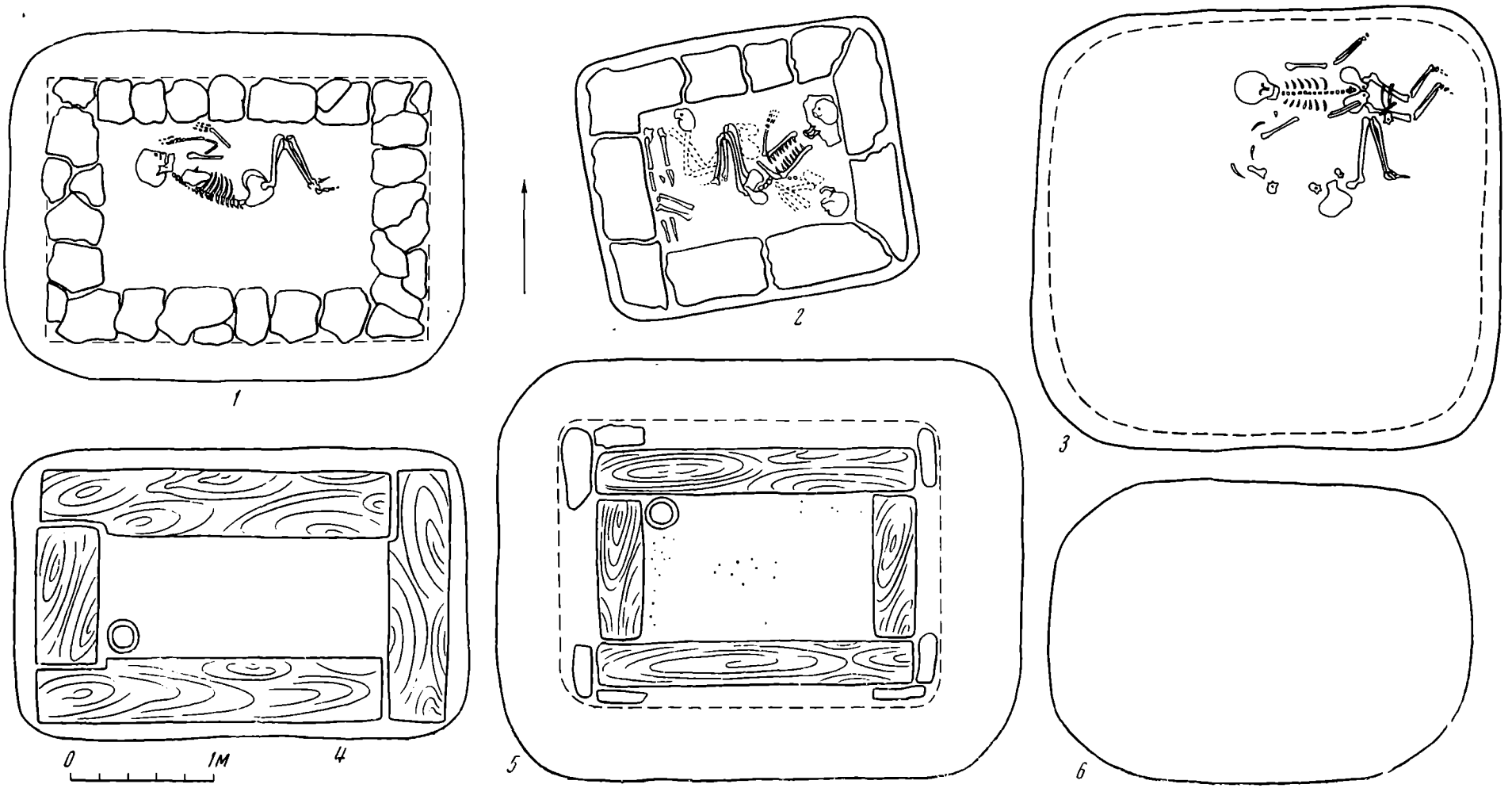


Рис. 1. Могильник Подкунинский улус

1 — циста кольца 5; *2* — ярусное погребение кургана 1; *3* — погребение кургана 3; *4* — кремация и сруб кургана 2; *5* — кремация и сруб центрального кольца кургана 4; *6* — кремация и грунтовая яма южного кольца кургана *4*

руки погребенного сильно согнуты в локтях, берцовые кости скрещены. Инвентарь при погребенных отсутствует (рис. 1, *2*).

Курган 2 — уплощенная полушарная земляная насыпь, окаймленная кольцом из мелких каменных плит. Высота насыпи 0,35, диаметр 12, ширина кольца 0,2—0,3 *м*. На глубине 0,3 *м* найдены обломки ребер животных. В центре кургана открылась могильная яма, прямоугольная с закругленными углами, ориентированная В—З, размером 3,2×2×1,3 *м*. На дне ямы — «сруб» в один венец, сложенный из толстых лиственничных бревен диаметром 0,45 *м* и перекрытый поперечным бревенчатым накатом. Под восточную стенку сруба подведена каменная плита. На дне могильной ямы, в центральной части, находилась кучка пережженных костей человека, а в юго-западном углу был поставлен горшок (рис. 1, *4*; 2).

Рис. 2. Сосуд из погребения кургана 2 могильника Подкунинский улус

Курган 3 — уплощенная полушарная земляная насыпь высотой 0,3, диаметром 18 *м*, по которой выложено кольцо из каменных плит, имеющее диаметр 10 *м* при ширине кладки 0,5 *м*. В центральной части кургана расположена могильная яма, прямоугольная с закругленными углами, ориентирования В — З, размером 3,5 × 3 × 0,8 *м*. В засыпи могилы кости коровы. Вдоль продольных стен толстые плахи, поддерживавшие деревянный накат перекрытия. На дне, на расстоянии около 0,7 *м* от восточной стенки, найдены бедро, берцовые кости, ступни взрослого человека, лежавшие в сочленении и обращенные коленями к северной стенке. Ниже костей взрослого, вдоль северной стенки, обнаружены кости ребенка 10—12 лет, лежавшего головой на З, лицом на В. Верхняя часть туловища лежала на спине, ноги были согнуты в коленях. Инвентарь отсутствует (рис. 1, *3*).

Курган 4 — земляная насыпь эллипсовидной формы с вершиной в северной части, высота насыпи 0,5, диаметр 16—18 *м*. По насыпи в центральной части проходит кольцо из плит диаметром, 8,7, шириной кладки 0,8 *м*. С южной стороны к центральному кольцу примыкает второе кольцо диаметром 6 *м*, шириной кладки 0,5 *м*. В юго-западной поле кургана от центрального и южного колец отходят плиты, как бы намечающие еще одно, третье кольцо.

Центральное кольцо — в юго-восточном секторе, на глубине 0,2 *м* найден скелет молодой особи овцы, положенной вверх спиной, с подогнутыми коленями, головой на Ю, причем голова животного была опущена между согнутыми передними ногами. Кроме того, в насыпи встречались кости коровы и еще одной овцы. На глубине 0,57 *м* открылась могильная яма, прямоугольная с закругленными углами, размером 3,7×2,9×2,3 *м*, ориентированная В—З. В засыпи могильной ямы обнаружен череп овцы. На глубине 1,1 *м* тонкий (0,1—0,2 *м*) слой пережженных костей. На глубине 1,65 *м* — накат покрытия сруба, состоящий из восьми толстых лиственничных плах-горбылей, лежавших поперек могилы; площадь накатника 2,25×1,6 *м*. На дне могилы стоял сруб в один венец, сложенный из толстых лиственничных бревен, плоско стесанных с внутренней стороны; диаметр бревен 0,4 *м*. В углах и по серединам длинных сторон стенки могильной ямы, выкопанной в галечнике, были укреплены каменными плитами. По всему дну сруба лежал слой пережженных человеческих костей,

смешанных с углем, пеплом и обгоревшей галькой. В нем попадались также и довольно крупные обожженные обломки черепной крышки и трубчатых костей. Толщина слоя неравномерная, до 0,06—0,07 *м*. Стенки сруба и дно могильной ямы не носят следов обжига, следовательно сожжение было проведено на стороне. В северо-западном углу сруба был поставлен горшок (рис. 1, *5*).

Южное кольцо — в его центральной части открылась овальная могила, ориентированная В—З, размером 3×2,1×0,92 *м*. В ее засыпи находилось незначительное количество угля. На дне могилы в восточной части лежала кучка пережженных костей человека, перемешанных с золой и углем. Дно и стены этой грунтовой могилы не носят следов обжига, что говорит о сожжении вне могильной камеры. В юго-западной поле кургана, на месте предполагаемого третьего кольца, на глубине 0,2—0,3 *м* были найдены разрозненные кости коровы, ниже — материковый грунт (рис. 1, *6*).

Кольцо 5 состоит из плит диаметром 6,5, шириной 0,5 *м*, выложенных на поверхности почвы. Земляная насыпь отсутствует. На глубине 0,2 *м* найдены кости коровы. В центре кольца открылась могильная яма прямоугольной формы с закругленными углами, ориентированная В—З, размером 3,2×2,4×1,4 *м*. На глубине 0,6 *м* лежали шесть плит покрытия поперек могилы, их площадь 2,5×1,6 *м*. Под плитами находилась каменная гробница — циста, площадью 2,7 × 1,9 × 0,8 *м;* толщина кладки стен 0,4 *м*. На дне цисты было погребение женщины, положенной вдоль северной стенки могильной камеры, скорченно на левом боку, головой на З, лицом на С. Ноги погребенной резко согнуты в коленях, руки согнуты в локтях с кистями перед лицом. Внутри тазовой полости умершей находились кости черепной крышки неродившегося младенца. По дну могилы лежал тлен от лубяной подстилки. Погребение без инвентаря (рис. 1, *1*).

Андроновские памятники минусинского региона содержат погребения, совершенные как по обряду трупоположения, так и по обряду сожжения вне могильной камеры, причем первые количественно резко преобладают над вторыми. Обряд сожжения, присущий многочисленным андроновским памятникам зауральской лесостепи [2], и в той или иной степени распространенный на просторах Казахстана [3] и Верхней Оби [4], для Южной Сибири крайне редок. Действительно, в более чем 20 андроновских могильниках, известных и в разной мере исследованных в настоящее время на Среднем Енисее [5], можно обнаружить лишь отдельные случаи кремации умершего. Так, для обширного могильника Сухое озеро I, расположенного на северо-западе Хакасско-Минусинской котловины [6], погребение костей и пепла сожженного человека представляет исключительное явление. Обнаруженные в этом памятнике захоронение пережженных костей в каменном ящике и в срубе, сопровождаемое миниатюрным каменным ящичком с пеплом, составляют лишь ничтожный процент общего числа погребений. В другом крупном могильнике, Ораке у Красной горы, расположенном в том же районе Котловины, среди 47 раскопанных курганов и каменных кольцевых оградок [7] найдены лишь несколько могильных камер, содержавших пере-

[2] В. С. Сорокин. Андроновская культура. I, М., 1966, стр. 21—35; К. В. Сальников. Бронзовый век Южного Зауралья. МИА, 21, 1951, рис. 2, стр. 100 сл.; его же. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967, стр. 251.

[3] С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, 88, 1960, стр. 15, 16, табл. IV, *5*, V; А .М. Оразбаев. Северный Казахстан в эпоху бронзы. Тр. ИИАЭ, V, Алма-Ата, 1958, стр. 247 сл.; К. А. Акишев. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Автореф. канд. дис. Л., 1953.

[4] М. П. Грязнов. Древняя история племен Верхней Оби. МИА, 48, 1956.

[5] С. А. Рахимов. Андроновская стоянка и могильник на р. Сыде. КСИА АН СССР, 114, 1968, рис. 33.

[6] Г. А. Максименков. Отчеты о раскопках 1963, 1964 гг. Архив ИА, Р-1, № 2744, 2958.

[7] М. Н. Комарова. Памятники андроновской культуры близ улуса Орак. АС ГЭ, 3, Л., 1961; С. А. Рахимов. Отчет о раскопках 1964 г. Архив ИА, Р-1, № 2956.

жженные кости. Это могилы 17 и 46 (цисты) и 44 (каменный ящик) с одиночными погребениями, и могила 29, циста с двойной кольцевой оградой, содержавшая парное (разнополое?) погребение — две кучки пережженных костей и, соответственно, два сосуда в северном и южном секторах могилы. В небольшом могильнике Усть-Ерба кремация была совершена над человеком, погребенным в южной могиле ограды 3, которая содержала помимо этого цистового захоронения еще две могилы с погребениями ребенка и взрослого, лежавшего в необычной позе — скорченно, на животе [8]. Только в правобережном могильнике Ланин Лог, содержавшем 18 курганов, раскопана целая конструкция из округлых, сомкнутых в виде четырехлепесткового цветка оградок, каждая из которых содержала по срубу с кучкой пережженных костей [9]. Если добавить к перечисленным примерам три случая погребения по обряду сожжения из Подкунинского улуса: в срубе кургана 2 и 4, дополняемое «сопроводительным» погребением по тому же обряду в грунтовой яме, то этим и будет исчерпан перечень погребений по обряду внемогильной кремации, известных в настоящее время в андроновских памятниках минусинских степей.

Большая редкость обряда сожжения в южносибирских могильниках андроновской эпохи свидетельствует о своего рода исключительности подобных погребений для минусинского варианта андроновской этнокультурной общности. С одной стороны, кремацию для минусинских памятников можно было бы связывать с классическим андроновским, так называемым федоровским этническим компонентом, для которого кремация являлась типичной, тем более, что минусинские «ковровые» керамические орнаменты и формы сосудов примыкают именно к федоровскому кругу памятников. С другой стороны, учитывая, что сожжение не было для минусинского региона рядовым, можно предположить, что оно применялось к людям, занимавшим значительное общественное положение в своей среде. Действительно, можно отметить ряд обрядовых моментов, имеющих отношение к могилам с кремацией. Так, любопытна топография подобных погребений — они занимают либо центральное место в оградке, либо сочетаются с менее значительной, «сопроводительной» могилой. Обращают на себя внимание и дополнительные конструктивные детали: двойное кольцо оградки, массивные плиты покрытия, а также своеобразные могильные ориентиры над некоторыми погребениями — столбики над могилой, которые можно назвать «могильными указателями» и камни в юго-западном конце могилы, «головные указатели». Наконец, обычай класть над могилами с сожжением целые туши животных — собаки, овцы. Многие из названных обрядовых деталей имеют аналогии в классических, федоровских памятниках Зауралья и Казахстана [10]. Оба приведенных соображения отнюдь не исключают друг друга, напротив, именно по отношению к некоторым выдающимся членам коллектива можно предполагать применение сугубо традиционных, исконных обрядовых норм, присущих культуре в ее классическом варианте.

Однако сам факт появления такого своеобразного обычая, как обряд кремации у некоторых племен, носителей культуры андроновского типа. археологический и культурно-идеологический аспекты этой проблемы продолжают находиться в стадии поиска. По-видимому, наиболее перспективной можно считать постановку вопроса о поисках местных, энеолитических истоков по крайней мере некоторых специфичных черт культуры и хозяйственного базиса племен андроновского круга, о возможностях становления соответствующих идеологических представлений на основе фор-

---

[8] С. В. Киселев. Андроновские памятники близ с. Усть-Ерба в Хакассии. СЭ, 4—5, 1935, стр. 207.

[9] С. А. Рахимов. Андроновская стоянка и могильник...

[10] В. С. Сорокин. Ук. соч., стр. 25, 27, 31, 33, 35, 36; С. А. Рахимов. Ук. соч., стр. 74.

мирования общества ранних скотоводов [11]. Подлежит детальному исследованию и тот факт, что обряд сожжения сопутствовал культуре лишь некоторых, преимущественно лесостепных, андроновских этнокультурных объединений, у которых доминирующей формой хозяйства явилось пастушеское скотоводство с разведением лошадей и крупного рогатого скота [12]. Рассмотрение чисто обрядовых моментов могил с кремацией позволяет предположить, что у андроновских племен, широко практиковавших этот обряд, могли быть распространены анимистические представления о существовании «души» как реальной, материальной субстанции, сохраняющейся (либо, напротив, возникающей) после сожжения тела. С этим предположением можно связать наличие сосудов с пищей рядом с пеплом или кремированными костями погребаемого, а также тот факт, что сожжение неизменно производилось вне могильной камеры, и, таким образом, в целостности сохранялись посмертное жилище и пища покойного [13].

Обращаясь к господствовавшему в андроновскую эпоху в минусинской степи обряду трупоположения, остановимся, прежде всего, на его наиболее редкой форме — захоронении в срубе. Выразительный пример такого погребения находим в могильнике Каменка II, где среди прочих цистовых погребений взрослых выделяется ограда 24 с одно- и двувенцовым срубом [14]. В этих могилах лежат мужчина, женщина и женщина с ребенком, все на левом боку, головой на юго-запад. При первых двух погребенных стоит по сосуду с узорчатым орнаментом, при женщине с ребенком горшок со скромной линейной композицией, выполненной нарезкой. Заметим, что прочие погребения могильника, взрослые и детские, также сопровождались сосудами с простым, не «ковровым» узором. Можно предполагать, что в ограде 24 был захоронен глава коллектива (большой семьи?) в сопровождении двух жен, главной жены и «младшей» — ситуация, напоминающая «тройные» погребения окуневской культуры [15]. В могильнике Сухое озеро I [16] трупоположение в срубе было в центральной оградке, входившей в систему пристроенных друг к другу оград, и содержало захоронение мужчины, бывшего, видимо, главою этого семейного объединения. В могильнике Орак из 47 могил пять представляют собой погребения в срубах [17]. Каждая могила обладает какой-либо особенностью, выделяющей ее из окружающей массы захоронений. Могилы 9 и 25 имели по две концентрических оградки; могила 35, пожалуй, наиболее оригинальная во всем могильнике, содержала два сруба с парным разнополым захоронением и кости быка и медведя в засыпи могилы, окруженной двойной оградой. В могиле 12 было три сосуда при детском погребении. Отметим, что богатые детские погребения, которые в Ораке совершены по особо выделяющемуся ритуалу — сруб, положение погребенного у северной стенки, двойная ограда, известны и в прочих андроновских памятниках западных территорий, являясь показателем укрепления наследственного (патриархального?) права в отдельных, выделявшихся из общей среды, семьях скотоводов. Наконец, в могильнике Ярки II у Батеней в одном

---

[11] Е. Е. Кузьмина. Раскопки могильника Кожумберды. КСИА АН СССР, 115, 1969; Г. Н. Матюшин. Памятники эпохи раннего металла Южного Зауралья. КСИА АН СССР, 127, 1971.

[12] К. В. Сальников. Очерки..., стр. 328.

[13] С аналогичной проблемой столкнулся А. М. Мандельштам при интерпретации памятников эпохи бронзы на юге Таджикистана. Предложенное нами толкование андроновских материалов основывается на обширной специальной литературе, посвященной обряду кремации, широко освещенной в монографии названного автора: А. М. Мандельштам. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. МИА, 145, 1968, стр. 99—105.

[14] С. Рахимов. Памятник андроновской культуры — Каменка II. Сб. «История материальной культуры Узбекистана». Ташкент, 1965.

[15] М. Д. Хлобыстина. Могильник Черемушный Лог и эпоха раннего металла на Среднем Енисее. СА, 1971, 4.

[16] Г. А. Максименков. Ук. отчет за 1964 г.

[17] М. Н. Комарова. Ук. соч., стр. 48, табл. III, *3—6*, *15—17*; V, *1—2*; VI.

из срубов был погребен мужчина 40—60 лет, в другом — старик [18]. В Восточном Казахстане, Верхней Оби погребения в срубах, как известно, также редки [19]. Развитие погребальных норм в андроновскую эпоху протекало на этих культурно соприкасавшихся территориях, по-видимому, не без воздействия местной традиции, представленной культурой ранней бронзы окуневского типа, для которой, в частности, абсолютно не характерно употребление дерева в погребальных конструкциях. Вероятно, это обстоятельство играло определенную роль в процессе формирования минусинского андроновского обряда, где погребения в срубе и сожжение принадлежали лицам, выделяющимся своим общественным положением — в частности, главам больших семей, их женам, некоторым детям, начинавшим рассматриваться в качестве наследственных носителей зарождающегося патриархального права [20]. В обряде подобных погребений, очевидно, нашли непосредственное отражение, как уже говорилось выше, привнесенные на Средний Енисей из западных областей собственно андроновские обычаи. К сожалению, общая неразработанность хронологической шкалы андроновских памятников Минусинской котловины лишает нас возможности при рассмотрении отражения социальных моментов в нормах погребального обряда привести соображения относительно временного соотношения различного типа погребений.

Если кремация и срубы в минусинском андроновском обряде редки, то остальные формы могильных камер — циста, каменный ящик, грунтовая яма широко распространены. Антропологический анализ позволил бы более детально, чем это возможно в настоящее время по археологическим данным, прокомментировать факт большой пестроты погребальных сооружений [21]. Корреляционно-типологические наблюдения над андроновским южносибирским погребальным обрядом позволяют говорить о необходимости сугубо дифференцированного подхода к могильным памятникам и рассмотрении енисейских могильников как конкретных объектов, отражающих обычаи той или иной общины. Локально-территориальные особенности выделяли такую общину из общей массы культурно-родственных коллективов. В этом плане представляются показательными половозрастные соотношения, соответствующие определенным типам могильных сооружений, специфичные для каждого могильника. Так, в Ораке [22] для погребений женщин типичными оказываются грунтовая яма, реже циста, перекрытые деревом (могилы 1, 3, 5, 10, 30), для погребений мужчин — циста, реже каменный ящик, перекрытые плитами (могилы 11, 13, 16, 18, 33, 37), для подростков обоего пола — комбинированная циста (могилы 7, 20, 26), для детей, в зависимости от возраста, а, возможно, и семейной принадлежности — яма, ящик, сруб. В Сухом озере I картина иная — мужчины и женщины, как правило, погребены в цистах с плиточным покрытием. Встречены погребения мужчин и в каменных ящиках. Погребения детей сконцентрированы в особых курганах, специальных детских кладбищах [23], преобладает западная ориентировка погребенных. В Сухом озере I умершие погребались головой преимущественно на запад и северо-

---

[18] С. А. Рахимов. Отчет о раскопках 1962 г. Архив ИА, Р-1, № 2484.

[19] С. С. Черников. Ук. соч., стр. 32; М. П. Грязнов. Ук. соч., стр. 17.

[20] К. В. Сальников в цитированных выше работах склоняется к мысли о существовании у андроновских племен больших патриархальных семей.

[21] Сопоставление с этнографическими данными (А. П. Дульзон. Археологические памятники Томской области. Тр. ТОКМ, V, Томск, 1956, стр. 231; его же. Чулымские татары и их язык. Уч. Зап. ТГПИ. IX. 1952; Сб. «Общественный строй у народов Северной Сибири» XVII — начало XX в. М., 1970; З. Н. Соколова. Пережитки религиозных верований у обских угров. СМАЭ, 27, 1971; Г. М. Василевич. Эвенки. Л., 1969) по существу безграничное, увело бы нас в сторону от попытки извлечения социологической информации из археологических данных.

[22] М. Н. Комарова. Ук. соч., табл. II—VI.

[23] Г. А. Максименков. Ук. Отчет за 1964 г. (Сухое озеро I – а – детский андроновский могильник).

запад. Захоронение в срубе, кремация — единичны. Ориентировка погребенных, отсутствие деревянных конструкций, керамические формы и орнаменты позволяют проследить в обычаях общины, оставившей этот могильник, окуневскую традицию [24].

В могильнике Пристань I около села Новоселова, включавшем около полутора десятков могил [25], для погребений мужчин и женщин характерны комбинированные цисты определенной конструкции: западная и восточная стенки образованы целой, вертикально поставленной плитой, а южная и северная — горизонтальной кладкой из плитняка. Для подростков и детей типично захоронение в каменном ящике. Кремация, срубы не встречены вовсе.

В небольшом могильнике Усть-Ерба, в котором раскопаны три оградки с восьмью могилами [26], основные погребения взрослых совершены в цистах (ограда 1, ограда 2, центральная могила, ограда 3, южная могила), а «сопровождающие» их захоронения — в комбинированных цистах с «головной» ЮЮВ стенкой из мелкого плитняка, либо в каменных ящиках. Дети захоронены в каменных ящиках, причем дно одного из них выстлано плитой, в чем можно усматривать более древнюю традицию. В одном случае встречено сожжение.

В могильнике Каменка II у устья р. Сыды, содержавшем около 20 оградок (из них раскопано 7) [27], для взрослых устраивались комбинированные цисты типа новоселовских (ограды 3, 8 с погребениями женщин). Для женщины с новорожденным ребенком была сооружена циста с плиточным покрытием (ограда 10), для «патриархального семейства» ограда 24 — срубы. Дети в этом могильнике погребены в двух специальных оградках (ограды 11, 23). Можно предположить, что в ограде 11 в каменных ящиках погребены девочки, на правом боку, с украшениями (могилы 1, 2), а в грунтовых ямах — мальчики, на левом боку, с баночным сосудом (могилы 3, 4). Ориентировка погребенных в Каменке II — юго-западная. Сожжение не встречено.

Курган с несколькими только детскими могилами сопутствовал четырехмогильной ограде с сожжением в могильнике Ланин Лог, расположенном недалеко от Каменки II [28]. Таким образом, самостоятельные детские ограды и целые курганы [29] являлись довольно частым явлением в минусинской степи. Сопутствие их тому или иному виду взрослого могильника представляет пока задачу, требующую разрешения.

Наконец, могильные сооружения Подкунинского улуса, наиболее южного из зафиксированных в настоящее время андроновских минусинских могильников, чрезвычайно разнообразны, как различны и обряды погребения в них. Подкунинский могильник содержит помимо рассмотренных выше сожжений с последующим погребением пепла в срубах и грунтовой яме трупоположения в грунтовой яме, каменном ящике и цисте, т. е. по существу в нем представлены практически все известные в андроновском обряде варианты. Помимо этого особого рассмотрения требует погребение кургана 1 — ярусное захоронение в каменном ящике в виде рамы из четырех брусьев. Здесь само устройство могильной камеры и обряд положения умерших не типичны для андроновской культуры вообще. Групповые ярусные погребения чрезвычайно редки в андроновском обряде. Можно вспомнить в этой связи погребение в могильнике Тасты-бутак, в каменном ящике ограды 44 двух женщин — нижнюю погребенную со-

---

[24] История Сибири. I. Древняя Сибирь. Л., 1968, рис. на стр. 175.

[25] А. Аскаров. Дневник раскопок 1963 г. Архив ЛОИА, ф. 35, оп. 1.

[26] С. В. Киселев. Андроновские памятники...; его же. Древняя история..., стр. 72 сл.

[27] С. Рахимов. Памятник андроновской культуры..., стр. 61, 66, 70.

[28] С. А. Рахимов. Андроновская стоянка и могильник..., стр. 73 сл.

[29] Г. А. Максименков. Раскопки в долине речки Черновой. АО—1965, М., 1966, стр. 9.

провождал обильный бронзовый инвентарь. На костях погребенной сверху есть следы насильственного умерщвления[30]. Оригинальна и рама из каменных брусьев, возможно, что это своего рода имитация одновенцового деревянного сруба. Аналогичная рама встречена в могильнике Орак, но там она располагается поверх цистовой кладки (ограда 47)[31]. Позы взрослого и подростка, так же как и их расположение относительно друг друга, не характерны для андроновского обряда[32]. Поза нижнего погребенного позволяет предполагать его насильственное захоронение в связанном состоянии, а положение подростка в ногах взрослого свидетельствует о их взаимосвязи. Однако если в принципе ярусности был отражен, вероятно, момент социального порядка, то в верхнем погребении проявилась дифференциация по возрастному признаку. Отметим, наконец, отличную от прочих погребений могильника ориентацию могильной ямы кургана 1, значительно меньшую, по сравнению с ними, ее величину, небольшой диаметр самого кургана. Отсутствие инвентаря затрудняет полную интерпретацию этого интересного погребального памятника, однако и на имеющемся материале можно предположительно говорить о возможном смешении разнокультурных признаков в погребальной обрядовости кургана 1.

Положение женщины в цистовом погребении кургана (ограды) 5 Подкунинского улуса также требует специального рассмотрения, поскольку погребенная лежит у северной стенки могильной камеры, лицом к ней, занимая незначительную часть могилы. Можно предполагать, что в ограде 5 была захоронена женщина, умершая ранее своего мужа (вероятно, от родов), однако место, заранее оставленное для его будущего погребения осталось по какой-то причине незаполненным. Можно предполагать также, что в могиле кургана 3, судя по расположению костей, сохранивших свое первоначальное положение, были погребены женщина с ребенком, положенные вдоль северной стенки камеры, причем женщина лежала на левом боку лицом на С, а для будущего погребения мужчины было оставлено обширное пространство в южном секторе могилы. В связи с такой внутримогильной топографией погребений Подкунинского могильника, рассчитанных, очевидно, на последовательные подхоронения, можно сослаться на аналогичные погребения могильника Орак: могила 1, погребение женщины у северной стенки, лицом к ней, южный сектор могилы оставлен незаполненным; могила 3 — погребение женщины в аналогичной позиции, южная половина камеры также свободна[33]. В могильнике Сухое озеро также известен случай, когда у северной стенки положена женщина, у южной — мужчина. Все эти факты показывают, что обычай размещения мужчины и женщины в парных погребениях андроновской культуры на Среднем Енисее далеко не всегда предусматривал размещение женщины «за спиною» у мужчины, в южной части могилы, как принято считать в специальной литературе[34]. По-видимому, обычай класть женщину в южном, а мужчину в северном секторах могильной камеры применялся при одновременных захоронениях, что и можно предположить относительно могил 22, 32, 38 Орака[35]. Вероятно, при разнополых разновременных захоронениях в северном секторе погребался тот из супругов, кто умирал первым, как и было в рассмотренных случаях. В связи с приведенными примерами, по-видимому, не следует подвергать сомнению интерпретацию, данную автором раскопок Орака Г. П. Сосновским погребению могилы

---

[30] В. С. Сорокин. Могильник бронзовой эпохи Тасты-бутак I в Западном Казахстане. МИА, 120, 1962, стр. 23 сл.; табл. XXVIII.

[31] С. А. Рахимов. Отчет за 1964 г.

[32] Сходная позиция известна в некоторых афанасьевских погребениях, например, в могильнике Карасук III. Каменная рама также встречена в афанасьевском памятнике — могильнике Камышта на реке Абакан.

[33] М. Н. Комарова. Ук. соч., стр. 34, табл. II, *4, 7*.

[34] Там же, стр. 56.

[35] Там же, стр. 38, 40, 44, табл. IV, *19*; V, *22*; VIII, *2*.

15 — у северной стенки двадцатилетняя женщина, у южной подросток мужского пола, тем более, что за спиною южного погребенного положены 18 бараньих астрагалов, являющихся характерным инвентарем при юношах и молодых мужчинах во многих андроновских могильниках [36]. Отметим, что сам обычай положения мужчины и женщины «за спиною» друг друга, резко отличный от обряда других андроновских регионов, где умершие мужчина и женщина захоранивались лицом друг к другу [37], имеет, по-видимому, местные корни [38].

Подкунинский могильник беден керамикой — найдены всего два сосуда, причем оба происходят из погребений со срубами и сожжением (рис. 2). Можно предположить, что при прочих погребениях посуда вовсе не была поставлена, поскольку, кроме кургана 3, нет оснований предполагать ограбление могил. Горшки имеют характерный для минусинских андроновских сосудов облик: валиковая реберчатая поверхность и ряды равносторонних треугольников на тулове первого экземпляра, косые треугольники под венчиком, «пирамидки» из равносторонних треугольников по тулову у второго — все это часто встречаемые детали посуды из Орака, Сухого озера, Ярков, Каменки, Ланина Лога [39]. Сосуд из кургана 2 более прост в своем оформлении, тогда как сосуд из кургана 4 имеет орнамент из серии так называемых ковровых узоров. Оба горшка принадлежат к федоровскому типу андроновской керамики.

В срубе кургана 2 сосуд был поставлен в юго-западном углу, в срубе кургана 4 — в северо-западном. Возникает вопрос, случайна или чем-либо обусловлена постановка сосудов в северном или южном секторах андроновских погребений с обрядом кремации? Обращаясь к классическим андроновским памятникам, содержащим многочисленные могилы с остатками сожженных людей, отметим, что, например, в североказахстанском могильнике Боровое в ограде 14, могиле Б попел сожженного мужчины (определение по инвентарю) был погребен в северном секторе могилы и сопровождался пышно орнаментированным сосудом, а пепел сожженной женщины был погребен в южном секторе и сопровождался сосудом с нарезным елочным орнаментом [40]. В зауральском могильнике Федоровка в центральной могиле кургана 39, судя по расположению пережженных костей в двух кучкам, в северном и южном секторах, также было парное разнополое погребение [41]. В могиле было два сосуда — один с узорчатым, другой с «простым» орнаментом, а также подовальное «блюдо» [42]. В кургане 42 этого же могильника также было, вероятно, совершено парное разнополое погребение, о чем можно судить по расположению пережженых костей в двух кучках в северном и южном секторах могилы, с которыми связаны два сосуда, с узорчатым и «простым» орнаментом; третий сосуд располагался между ними [43]. Наконец, в упоминавшейся могиле 29 Орака мы также сталкиваемся с размещением в северном и южном секторах двух кучек кремированных костей и с соответствующей постановкой в «головной» части могилы двух сосудов с разнотипными орнаментами, причем в данном случае крупный узорчатый сосуд сопровождает южное погребение [44]. Таким образом, можно предполагать существование обычая, согласс-

[36] М. Н. Комарова. Ук. соч., стр. 49, табл. IV, *3*.

[37] М. Н. Комарова. Относительная хронология памятников андроновской культуры. АСГЭ, 5, Л., 1962, стр. 65.

[38] Такое расположение погребенных наблюдается, например, в верхнем, окуневском слое могильника Тас-хазаа на р. Абакан.

[39] М. Н. Комарова. Памятники..., табл. IX, *3, 5,* X, *5,* XI, *11*; XII, *1*; XIV, *2*; С. А. Рахимов. Андроновская стоянка..., рис. 35, *1, 2*; его же. Памятники..., рис. 3, *9, 13*.

[40] А. М. Оразбаев. Ук. соч., стр. 223, табл. I, *10,* III, *3*.

[41] К. В. Сальников. Андроновский курганный могильник у с. Федоровки Челябинской области. МИА, 1, 1940, стр. 60.

[42] Там же, стр. 62, табл. I, *2—4*.

[43] Там же, стр. 65, табл. I, *9, 10*.

[44] М. Н. Комарова. Памятники..., стр. 40, табл. V, *13*; XI, *10, 11*.

но которому в могиле с захоронением останков сожженных, очевидно, одновременно мужчины и женщины, ставили сосуды, украшенные в принципиально различной манере. Сосуд, сопровождавший мужчину, имел узор коврового типа, сосуд при женском костяке выделялся скромностью орнамента, отсутствием сложных геометрических композиций, а иногда и меньшим размером. Как правило, останки мужской кремации располагаются в северном секторе могилы, женской — в южном.

Какая категория женщин в андроновском обществе сопровождалась при захоронении керамикой с орнаментом упрощенных очертаний? В могильниках федоровского типа с обрядом кремации парные разнополые сожжения не так уж часты. Вероятно, только ограниченная категория мужчин, занимавших особое положение в общине, имела возможность быть подвергнутой посмертно обряду одновременного сожжения с женщиной, сопровождавшей их на погребальном костре. Вряд ли эти женщины были женами в социальном значении этого понятия — скорее их можно квалифицировать как патриархальных рабынь[45]. Можно полагать, что именно при таких женщинах ставилась в могилах с парными разнополыми одновременными погребениями керамика упрощенного облика, что наряду с фактом одновременности сожжения подчеркивало второстепенное положение женщины относительно главного лица погребаемой пары — мужчины-патриарха.

Определенные закономерности прослеживаются в керамике могил с индивидуальным сожжением. Так, в могильнике Боровое в ограде 14 (погребения В, Г, Д, Ж); 36, VI и V, могиле 2 в северном секторе (северо-западном или северо-восточном углах) располагалась кучка пережженных костей, а в западном, «головном» конце могилы (в северо-западном и юго-западном углах) были поставлены два сосуда, с узорчатым и «простым» орнаментом[46]. Можно предполагать, по аналогии с расположением останков сожженных людей в парных разнополых одновременных погребениях, что в таких могилах были погребены мужчины, сопровождаемые собственным, узорчатым горшком, и вторым, «простым» сосудом, причем последний, судя по его виду и местоположению, надо полагать, символизировал женщину, которая заменялась вещевым символом, а не сжигалась одновременно с умершим мужчиной[47].

Любопытно отметить, что если могилы с индивидуальным сожжением женщин, сопровождавшихся керамикой с простым орнаментом, редки[48], то несравненно более распространенными оказываются могилы, в которых можно предполагать кремацию женщин, являвшихся собственно женами, полноправными членами семьи и общины: в южном секторе таких погребений (в юго-восточном или юго-западном углах) располагается кучка пережженных костей, а в «головном» конце, обычно по углам, стоят сосуды с узорчатым орнаментом (Федоровка, курган 60, Боровое, ограда 14, могила Е, ограда IV). Характерно, что такие погребения сопровождаются довольно обильным числом украшений, а сами могилы — дополнительными деревянными или каменными конструкциями, что наряду с нарядной керамикой подчеркивало социальную позицию умершей, дававшей ей право на естественную кончину и самостоятельное захоронение.

Предполагая, что казахстанские и зауральские могильники с обрядом кремации представляют более архаичную стадию в развитии обряда сожжения, чем памятники минусинской степи, попытаемся отметить и для

---

[45] К. В. Сальниковым допускалась возможность существования института патриархального рабства у племен андроновской культуры.

[46] А. М. Оразбаев. Ук. соч., стр. 224—227, 230, 231.

[47] Характерным обрядовым ньюансом представляется вторая могила ограды V (южная), где женскую кремацию (серьги, юго-восточный угол с пережженными костями) также сопровождала разнотипная керамика. Видимо, это случай разновременной кремации людей, сжигавшихся обычно одновременно.

[48] А. М. Оразбаев. Ук. соч., стр. 229 (Боровое, ограда II, могила 2).

последних соблюдение некоторых обрядовых особенностей, проявившихся в классических погребениях Федоровки и Борового. Так, можно полагать, судя по месту постановки сосуда и характеру его узора, что в могиле кургана 2 Подкунинского могильника был захоронен пепел сожженной женщины, а в центральном кольце кургана 4 — сожженного мужчины, причем последнее погребение, судя по массивности погребального сооружения, сопровождающим жертвоприношениям животных, центральному положению в системе оградок, выглядит весьма значительным. В могильнике Орак помимо рассмотренного выше случая парного разнополого сожжения закономерности в постановке того или иного типа орнаментированного сосуда проявляются весьма наглядно при случаях парных разнополых трупоположений — могилы 22, 32, 34, 38 содержали «ковровую» и «простую» посуду при погребенных, очевидно, одновременно мужчине и женщине [49]. Показателен характер керамики в могилах женщин, видимо жен, умерших ранее своего мужа — в могиле 1 находим один узорчатый и два «простых» сосуда, в могиле 3 имелся один узорчатый сосуд [50]. Интересным представляется инвентарь могилы 30 — в ней также погребена женщина, умершая ранее своего мужа, однако место для погребения последнего оставлено в отличие от вышеназванных могил в северном секторе, т. е. женщина положена в позе, характерном для парных разнополых одновременных погребений. Эта поза подчеркнута сосудом с простым, елочным орнаментом [51]. Имеются в Ораке и погребения женщин, сопровождаемые только узорчатой (могила 5) керамикой и многочисленными украшениями, либо только «простой» (могила 10) посудой. По-видимому, фактор социальной дифференциации играл немаловажную роль в конкретном быте раннескотоводческих андроновских общин, находя выразительное отражение в нормах погребальной обрядовости, в частности в обычае постановки определенного типа керамики. Можно предположить, что существовала группа людей, занимавшая второстепенное положение в общине, что фиксируется обычаем постановки керамики с упрощенной орнаментацией. Существовало, по-видимому, и своего рода общинное ядро, коллектив, связанный нормами патриархального права, имевший, в свою очередь, определенные изобразительные символы своей родовой принадлежности, зашифрованные для исследователя в сложном переплетении геометрических фигур орнаментов ковровой посуды. Можно предполагать, что своего рода ведущим элементом таких орнаментов являлся ряд фигур, располагавшийся по плечикам сосуда — изучение количества и комбинаций именно этих узоров, представленных Z-образными знаками, меандрами, отрезками ломаных линий и их вариациями, может, очевидно, сыграть определенную роль в деле уяснения структуры каждой общины. Например, по материалам Орака можно предположить, что один семейный коллектив (большая семья? ее патриархальное ядро?) придерживался в керамике, сопровождавшей погребения, сходного набора значков — узоров, в своей основе выражавших реальные предметы или понятия. В парных разнополых погребениях узоры на плечиках сосудов некоторых могил (могилы 15 и 32, 22 и 38) совпадают. Отсюда можно предположить, что мужчины, захороненные в них, состояли между собой в непосредственном родстве. Всем сказанным мы пытались подчеркнуть перспективность рассмотрения андроновских, в частности минусинских памятников, сопровождающей их керамики с точки зрения возможности получения из этих источников максимально вероятной палеосоциологической информации. Изучение именно этих аспектов будет способствовать получению данных для изучения динамики социального развития андроновского общества, трансформации погребальных обрядов и верований, отражавших сложную общественную структуру раннескотоводческих племен.

[49] М. Н. Комарова. Памятники..., табл. XI, *1, 2*; XII, *4—6*, XIII, *1, 2, 3, 4*.
[50] Там же, табл. IX, *2—4*.
[51] Там же, табл. V, *17*, XII, *1*.

M. D. Khlobystina

CERTAINES PARTICULARITES DE LA CIVILISATION D'ANDRONOVO DANS LES STEPPES DE MINOUSSINSK

Résumé

La problématique de la civilisation d'Andronovo comporte un nombre de problèmes concernant ses origines ethno — génétiques, les voies chronologiques et territoriales de son développement aussi bien que les particularités sociales des collectivités andronoviennes des pasteurs primitifs qui prédominaient dans la deuxième moitié du II millénaire de n. è. sur les étendues de la zone de steppe asiatique des piémonts de l'Oural jusqu'au Iénisséi moyen. Le coutume de l'incinération dans les tombes andronoviennes, peut — être, se trouve en relation avec les civilisations méridionales du monde indoiranien. La poterie décorée des signes à motifs de «croix gammé» accompagne, dans les sépultures andronoviennes paires hétérosexuelles, la crémation masculine tandis que la féminine est suivie d'un vase, souvent de moindres dimensions, à modeste décor linéaire incisé aux simples motifs triangulaires (nécropoles Borovoïé au Kazakhstan de Nord, Fedorovski dans la Transouralie, Orak sur l'Iénisséi). On suppose qu'il s'agit là des sépultures des chefs des familles patriarcales. D'autres membres de la famille étaient incinérés individuellement, pourtant ils sont souvent accompagnés, eux aussi, de deux récipients à décor différent: l'un-soit disant «tapissé» et l'autre dit «simple». Le second récipient jouait de cette façon un rôle strictement symbolique en représentant rituellement le membre absent du couple conjugal. Les mêmes régularités sont observées également dans les tombes andronoviennes à la déposition de cadavre (nécropole de Tassty-Boutak au Kazakhstan occidental, Kojoumberdy dans les steppes d'Orenbourg, Orak dans les steppes de Hakassie). La poterie à décor simple a pour origine les civilisations chalcolithiques locales (d'Okounevo pour la Sibérie méridionale).

В. И. БИБИКОВА

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОСТЕОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА ИЗ СКИФСКОГО КУРГАНА ТОЛСТАЯ МОГИЛА [1]

В ходе раскопок скифского кургана Толстая Могила были собраны кости животных из погребальных камер, конских могил и из сохранившейся части рва, окружавшего курганную насыпь. В погребальной камере, дромосе и в одной из боковых ниш у центрального — мужского погребения находились разбросанные по всей площади кости двух особей лошадей и атлант козы. В северной стороне камеры отдельной кучкой лежали кости целого скелета ягненка. Часть костей, находившихся при основном захоронении, в боковой нише и в грабительском ходе, принадлежит крупной взрослой лошади мужского пола. Размеры этой лошади, достигавшей в холке 144—145 *см*, позволяют отнести ее к числу лучших верховых скифских лошадей, занимающих положение в группе рослых по классификации В. О. Витта [2]. Возможно, что здесь, вблизи от царской могилы, был захоронен любимый конь знатного владельца. Кости другой лошади, собранные в основном в центральной камере, относятся к еще довольно молодой, малорослой особи. На некоторых костях этой лошади видны отчетливые следы разрубания. Тушка ягненка, кости козы и остатки от части туши мелкой лошади, найденные при центральном, захоронении, несомненно являются заупокойными дарами погребенному. В хозяйственной нише бокового — женского погребения рядом с казаном и сковородой лежали остатки сопровождающей пищи в виде двух скоплений костей сравнительно молодой, малорослой лошади. Около казана была положена передняя часть, ближе к сковороде — задняя часть туши, т. е. наиболее пригодные для варки в казане и жарения на сковороде куски (рис. 1).

Итак, в погребальных камерах Толстой Могилы открыты остатки дарственной пищи в виде частей туш домашних животных — лошади, овцы и козы, т. е. видов, представляющих состав домашнего стада у скифов. Нет здесь костей быка, а также домашней свиньи. Последняя обычно редка и в собраниях остатков животных из скифских поселений, как, впрочем, и в других памятниках, оставленных населением с кочевым или отгонно-кочевым направлением хозяйства. Очень показательно отсутствие данного вида и среди изображений домашних животных на пекторали, найденной в этом же кургане.

Перед центральным захоронением располагались две конских могилы с тремя лошадьми в каждой из них. Кости этих животных сохранились плохо, и практически удалось изъять только зубы, по которым определен их возраст — от 10 до 15—16 лет. Одна лошадь из первой могилы имела возраст не менее 20 лет. Для четырех особей удалось установить пол — это были самцы. Сохранившиеся от некоторых лошадей кусочки шкур пока-

[1] Доклад на сессии Отделения истории АН СССР (апрель 1972 г.). См. также: Б. Н. Мозолевский. Курган Толстая Могила близ г. Орджоникидзе на Украине. СА, 3, 1972.

[2] В. О. Витт. Лошади Пазырыкских курганов. СА, XVI, 1952.

зали, что большинство их, если не все, имело рыжую или золотисто-рыжую масть и чуть более темную, но тоже рыжую гриву. В связи с этим интересно напомнить, что все без исключения лошади из знаменитых Пазырских курганов на Алтае были самцами и почти все рыжей масти [3]. Самцами являются и все 84 лошади из Аржанского кургана в Туве, частично исследованного М. П. Грязновым [4].

Основной остеологический материал из Толстой Могилы происходит из сохранившейся части рва, окружавшего периферию могильной насыпи.

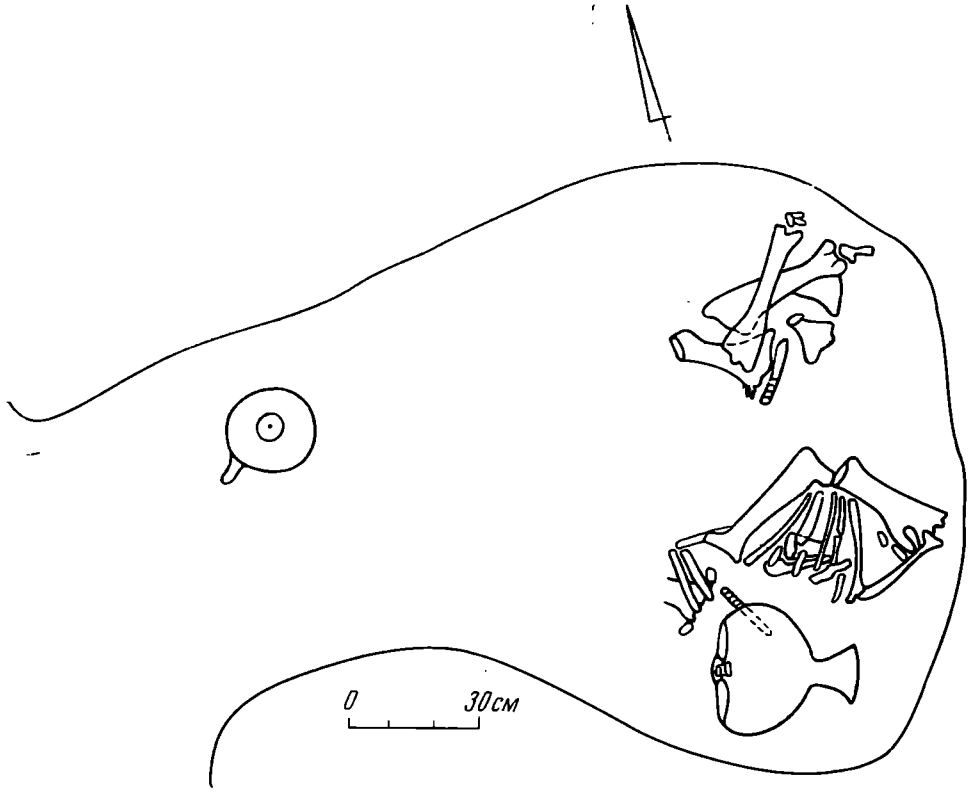


Рис. 1. Расположение костей лошади в боковой нише женского погребения

Здесь кости находились в 11 довольно ритмично повторяющихся скоплениях. Во рву обнаружены остатки трех видов животных: домашней лошади, дикой свиньи и благородного оленя. Количество костей, видовой состав животных, особенности залегания различных частей скелета в этих скоплениях не равнозначны. Так, лошадь представлена черепами и всеми костями посткраниального скелета, напротив, дикие формы — только остатками черепов. Можно также констатировать концентрацию черепов лошади в скоплениях северного сектора рва (склопения V, VI, X, XI) и сосредоточие черепов дикой свиньи и оленя в юго-восточной части рва (скопления II, IV, VII, VIII, IX) (рис. 2). Особо следует отметить, что два скопления с залеганием основной массы черепов лошадей примыкали к участку с амфорами, расположенными на подкурганной поверхности у внутреннего края рва.

Основываясь на одинаковой сохранности вещества кости, видовом и возрастном составе остатков животных, залегающих во рву, можно говорить о единовременности их захоронения. Сказанное позволяет рассматривать кости, обнаруженные во рву, не только как остатки пиршества, но

[3] В. О. Витт. Ук. соч.

[4] Доклад М. П. Грязнова на пленуме Института археологии АН СССР (апрель 1972).

и как свидетельство специального обрядового захоронения костей животных во время ритуальной поминальной тризны.

Вотивность захоронения остатков животных, съеденных на этом пиршестве, подтверждается положением в ров черепов животных и особенно выборочностью использованных видов. Интересно, что из домашних животных во рву найдены только остатки лошади, в то время как в погребальной камере в виде дарственной пищи были положены части разных видов домашних животных — лошади, овцы, козы.

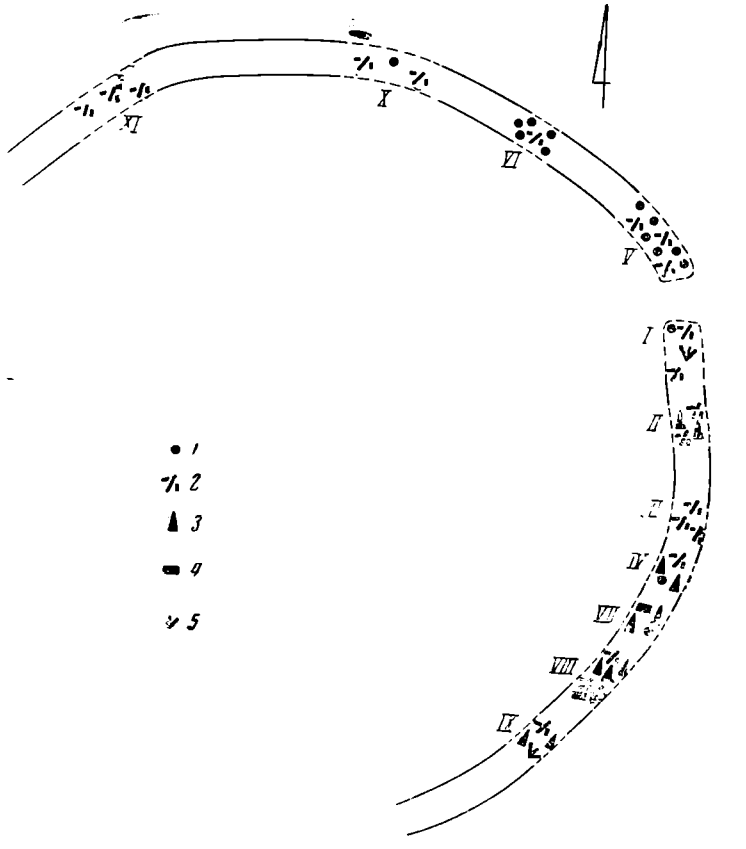


Рис. 2. Схема расположения скоплений костей животных в раскрытой части рва Толстой Могилы

1 — череп лошади, *2* — кости лошади, *3* — череп дикой свиньи, *4* — череп оленя, *5* — рог оленя

Как уже указывалось выше, в погребальном церемониале Толстой Могилы не использовался домашний бык — этот обычный в хозяйстве скифов вид, кости которого постоянно и в значительном количестве встречаются при раскопках скифских поселений. Это явление важное и конечно не случайное. Оно отражает специфику идеологических воззрений, связанных с возвышенной ролью коня в мировоззрении скифов. Известно, что у всех народов в число жертвенных животных входят в первую очередь основные пищевые виды, обеспечивающие само существование общества. Так, народы Передней и Малой Азии (народы Шумера, Вавилона, Ассирии, Египта и др.) жертвенными животными считали крупный и мелкий рогатый скот, птиц. Лошадь в ритуальных обрядах этих народов не участвовала. В то же время у народов Центральной Азии лошадь не только широко употреблялась в пищу, но и являлась основным жертвенным животным. Культ коня был широко распространен у персов, массагетов и других народов, обитавших на этой территории. Обряд положения черепов лошади в ров, как и других костей этого вида, несомненно является отражением древней традиции, перенесенной с востока и бытовавшей у скифов в Среднем Поднепровье еще в IV в. до н. э.

Индивидуальный возраст животных из Толстой Могилы определялся по зубам[5]. Лошади, остатки которых обнаружены при раскопках, имели возраст от 3—4 до 20 лет и старше. Основную массу забитых лошадей составляли животные от 4 до 15 лет (21 экз. из рва, 4 экз. из конских могил). Молодых животных 3—4 лет найдено 8 экз. (из рва), старше 15 лет — 8 экз. (6 из рва и 2 из конских могил). Остатков жеребят и очень молодых лошадей моложе 3 лет в кургане не встречено.

Среди остатков дикой свиньи имеются фрагменты черепов шести поросят полутора и двух с половиной лет и восьми взрослых животных трех с половиной лет и старше. Из 14 особей дикой свиньи 7 принадлежат самцам; пол остальных животных установить не удалось. Благородный олень представлен одним молодым животным полутора лет и одним взрослым самцом.

Ряд сохранившихся целыми длинных костей конечностей лошадей (2 плечевых, 4 лучевых, 4 берцовых, 2 плюсневых) позволяет установить их размеры. Рост лошадей, определенный методами В. О. Витта и Кизевальтера, колеблется в пределах 131—145 *см*, составляя в среднем около 138 *см*. Этот показатель несколько выше показателей среднего роста скифских лошадей из поселений (136,72 *см*), полученного на серийных материалах[6]. Различие это объясняется несомненно количественной неравноценностью материалов из рассматриваемого кургана и из поселений.

По росту лошади из Толстой Могилы распределяются на три группы (по Витту): малорослые — 5 особей, средние по росту — 6 и рослые — один экз. из центральной могилы. Основу конского поголовья составляли первые две группы, на долю которых приходится более 90% найденных в кургане лошадей. Три типа лошадей, установленные по костям этого вида из кургана Толстая Могила, соответствуют конским изображениям на пекторали, найденной в центральной камере этого же кургана. Среди последних наглядно выступают крупные лошади несомненно верхового склада, характеризующиеся стройными пропорциями и общей гармоничностью сложения. Этот тип представлен двумя фигурами лошадей на верхнем поясе пекторали и, по-видимому, левой фигурой центральной композиционной группы нижнего пояса пекторали. Эти группы соответствуют большинству изображений лошадей на фризе Чертомлыкской вазы и на сосуде из кургана Солоха. Отчетливо вырисовывается и второй тип лошади — мелкой, коренастой с тяжелой короткой головой, имеющей полное сходство с мелкой подседланной лошадкой на той же вазе из Чертомлыка. Этот тип хорошо представляет центральная фигура лошади на нижнем поясе пекторали. Правая лошадь этой композиции представляет как бы переходной тип между первыми двумя.

Общее впечатление о составе конского поголовья, полученное на основании изучения костных материалов и в какой-то мере от внимательного просмотра изображений коней из различных памятников Скифии, позволяет говорить о наличии в конском стаде трех типов лошадей: 1) верховые, специально выращенные, рослые, стройных статей и хорошо ухоженные кони; 2) низкорослые, скорее ездовые лошади, выносливые под седлом и в различных хозяйственных работах; 3) среднерослые лошади, составлявшие основу конского стада у скифов.

Аналогичный состав конского поголовья установлен для скифских по-

---

[5] И. Д. Иваненко. Постнатальное развитие кабана в связи с условиями внешней среды, Сталинабад, 1956; J. Stelinski. Nowy system okreslania wieku jelenia. Lowiec Polski, № 1, 1959; А. Г. Петренко. К методике определения возраста лошадей по коренным зубам. Сб. аспирантских работ, естественные науки, биология. Казань, 1966.

[6] В. И. Цалкин. Животноводство и охота племен восточноевропейской лесостепи в раннем железном веке. МИА, 135, 1966.

селений степной и лесостепной зон Европейской части СССР [7] и для Пазырыка [8]. Таким образом, можно говорить о большом единообразии и широком распространении твердо выработанных типов лошадей, разводившихся на очень широкой территории евразийских степей в скифское время.

Возвращаясь к находкам костей животных во рву, окружавшем погребальный комплекс Толстой Могилы, можно думать, что уже отмеченная повторяемость скоплений костей соответствует группировкам участников поминальной тризны. Концентрация черепов лошади в одних скоплениях, а черепов дикой свиньи и оленя преимущественно в других отражает, скорее всего, социальное размещение или сгруппированность участников поминальной тризны, чем производственное, скажем, коневодов и охотников. Возможно, дичь предназначалась для лиц более высокого социального ранга или положения, тогда как мясо коня, этого постоянного и повседневного источника питания, предназначалось для рядовых участников заупокойного пиршества. Интересно, что устроители погребального церемониала в царские могилы в виде заупокойного дара положили мясо молодых животных. Для массового же поминального потребления забивались лошади различных возрастов, в том числе и старше 18—20 лет, т. е. мало пригодные для всадничества или других активных хозяйственных надобностей.

Кости съеденных животных сбрасывались в ров и, если следовать этнографическим свидетельствам, являлись жертвенными атрибутами, связанными с культом плодородия, возрождения. Помещение их и особенно черепов во рву скученно составляло часть общего заупокойного церемониала.

Проведенные исследования костного материала из кургана Толстая Могила открывают возможность восстановить характер поминальной тризны, совершавшейся у кургана. По имеющимся материалам устанавливается следующее число особей для разных видов животных, остатки которых залегали во рву: лошадей 35 особей, дикой свиньи — 14, благородного оленя — 2 особи. Применив выработанные животноводами коэффициенты, оказывается возможным произвести расчет живого и убойного весов животных, забитых для заупокойной тризны [9]. Принимая за средний рост для 35 забитых у Толстой Могилы коней показатель, равный 137 *см*, и убойный вес одной лошади в среднем 160 *кг*, получаем общий вес конины около 5500 *кг*. Мясо дикой свиньи составило примерно 900—1000 *кг*. Вес оленины не превышал 150 *кг*. Таким образом, общий вес мяса, съеденного на тризне у Толстой Могилы, составлял около 6500 *кг*.

Этнографические данные показывают, что в исключительных случаях — на больших празднествах, при особо удачливой охоте и прочих не часто повторяющихся пиршествах — на одного человека приходилось до 5 *кг* в сутки [10]. В этом случае мяса животных, забитых для тризны у Толстой Могилы, хватило бы более чем на 1300 человек. Если же условно принять, что вторая, не раскопанная и утраченная при строительных работах, половина рва содержала остатки стольких же особей, как и исследованная, то общего количества мяса хватило бы примерно на 2,5—3 тыс. человек. Вероятно, названное количество участников заупокойной тризны является неточным, но приведенные данные все же приближают нас к реальному воссозданию исторической действительности.

Еще раз обращаясь к определению возрастного состава животных из Толстой Могилы, можно установить, что погребение царя было совершено

---

[7] В. И. Цалкин. История скотоводства в Северном Причерноморье. МИА, 53, 1960; его же. Животноводство и охота племен Восточноевропейской лесостепи в раннем железном веке. МИА, 135, 1966.

[8] В. О. Витт. Ук. соч.

[9] Е. Ф. Лискун. Экстерьер сельскохозяйственных животных. М., 1949.

[10] Фарли Моуэт. Люди оленного края, М., 1963; J. B. Wheat. A paleo-indian bison kill. Scientific American, January, 1944.

осенью. На это указывает находка в центральной могильной камере остатков ягненка полуторагодовалого возраста. Наличие во рву остатков поросят дикой свиньи и олененка полутора и двух с половиной лет позволяет говорить, что и поминальная тризна совершалась также в осеннее время. Кстати сказать, сезонность захоронений была отмечена и в курганах Пазырыка.

Опыт интерпретации костных остатков из кургана Толстая Могила — первый набросок, ориентирующий на поиски возможностей, открывающихся при массовом изучении остеологического материала и наблюдении над его размещением на местах раскопок. Естественно, что полнота информации в изучении остеологических собраний будет зависеть не только от количественного накопления материала, но и от уточнения методических разработок, применяемых в процессе полевых исследований. Что касается раскопок скифских, а может быть, и не только скифских курганов, то представляется необходимым расширить раскопки площадей, прилегающих к могильным насыпям. Именно здесь могут быть обнаружены места ритуальных поминальных тризн. Изучение периферии вокруг скифских могильных сооружений на уровне древней дневной поверхности обещает дополнить социальную характеристику скифского общества и выявить различные бытовые черты, связанные с захоронениями знати и рядовых членов общества.

V. I. Bibikova

A PROPOS DE L'INTERPRETATION DU MATERIEL OSTEOLOGIQUE PROVENANT DU TUMULUS SCYTHE TOLSTAIA MOGUILA

Résumé

L'article contient la description de débris osseux animaliers provenant du tumulus Tolstaïa Moguila et indique leur emplacement précis. Les victuailles pour le repas funéraire se composaient de portions de cheval, de mouton et de chèvre. Le plus important matériel ostéologique provient de la partie conservée du fossé creusé autour du tertre funéraire. Onze amoncellements se répétant assez régulièrement contenaient les ossements du cheval domestique, du porc sauvage, du cerf. Ce ne sont pas là que les restes du festin, les rogatons: leur présence dans le fossé témoigne de l'inhumation rituelle des ossements d'animaux mangés.

La concentration des crânes chevalins et ceux du porc sauvage et du cerf dans de différents amoncellements résulte, peut-être, de la répartition des convives (Scythes ordinaires et chefferie) selon leur rang social. Le calcul paléo-économique de la balance de viande déstinée au festin funéraire a fait 6 500 kg de viande environ. En partant des données ethnographiques on peut supposer qu'une telle quantité de la viande aurait pu satisfaire le besoin en nourriture de 2500—3000 hommes (hommes-jours plutôt). La détermination de l'âge des animaux permet de conclure que l'enterrement dans le tumulus Tolstaïa Moguila a eu lieu en automne.

Ю. М. ДЕСЯТЧИКОВ

САРМАТЫ НА ТАМАНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

Передвижение сарматов на обширных пространствах Северного Причерноморья и Северного Кавказа изменило в этих районах этническую карту и сопровождалось сарматизацией культуры сопредельных народов. Сарматский мир с эпохи эллинизма становится одной из решающих сил в международных отношениях всего древнего мира, оказывая определенное политическое и культурное влияние на народы Западной Европы [1]. Однако перед исследователями, занимающимися историей Северного Причерноморья, встает ряд нерешенных вопросов, связанных с процессом так называемой сарматизации: что лежит в его основе — нивелировка разноэтничных культур под сарматским влиянием [2] или непосредственное проникновение сарматских этнических элементов в среду соседних народов? Мирный или враждебный характер носило это проникновение, происходило оно постепенно [3] или импульсивно [4]. Имел ли место обратный процесс, т. е. влияние культуры местных племен на сарматов? Если да, то какова была его интенсивность? Только при решении этих вопросов можно будет делать более определенные выводы о характере сарматизации Северного Причерноморья и Северного Кавказа. Само собой разумеется, что для каждого конкретного этногеографического региона ответы на поставленные здесь вопросы могут быть различными.

Сложная проблема изучения степени и характера сарматизации Боспорского царства в I—IV вв. уже поставлена в отечественной литературе [5], но далека от завершения. В частности, еще недостаточно полно исследован вопрос о соотношении общего процесса варваризации Боспора

---

[1] G. Vernadsky. Der sarmatische Hintergrund der germanischen Völkerwanderung. «Saeculum», 1951, II, S. 361—368; J. Richmond. The Sarmatae. The Journal of Roman Studies, 35 (1945), p. 15—29; J. Harmatta. Studies in the History and Language of the Sarmatians. Szeged, 1970, p. 41—45.

[2] М. И. Вязьмитина. Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка. ВССА, М., 1954, стр. 243; Н. В. Анфимов. Основные этапы развития культуры меото-сарматских племен Прикубанья. Автореф. канд. дис. М., 1964, стр. 14.

[3] Т. Н. Высоцкая. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. ПСА. М., 1971, стр. 158—159.

[4] Е. И. Крупнов, например, полагал, что можно уверенно говорить о сарматизации местных культур Северного Кавказа, «очевидно осуществлявшейся несколькими потоками и в разное время». Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 192. Д. С. Раевский на материалах некрополя Неаполя Скифского прослеживает три волны сарматских миграций в этот город. Д. С. Раевский. Скифы и сарматы в Неаполе. ПСА, стр. 148—151. Д. Б. Шелов считает возможным говорить о двукратном приливе в Танаис «нового населения носителей сарматских культовых норм». Д. Б. Шелов. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972, стр. 238.

[5] В. Д. Блаватский. Процесс исторического развития античных государств в Северном Причерноморье. Сб.: «Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху». М., 1956, стр. 33; В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.— Л., 1949, стр. 324—325; К. Ф. Смирнов. Вопросы изучения сарматских племен и их культур в советской археологии. ВССА, стр. 215 сл.

и роли в ней сарматского влияния. Это обстоятельство, а также имевший место обратный процесс нивелирующего влияния греческой культуры на народы, подчиненные Боспору и окружавшие его, затрудняют выделение сарматских черт в их наиболее чистом виде. Мало также изучены пути, время и условия проникновения сарматов на территорию Боспора. На эти вопросы мы попытаемся дать ответ в нашей работе, ближайшей целью которой является выделение сарматских этнических элементов на территории Таманского полуострова. Выбор этого географического региона для исследования под таким углом зрения не случаен, поскольку он в отличие от сопредельных районов в интересующем нас плане почти не изучен.

Проблеме сарматизации Европейского Боспора посвящена первая глава диссертации И. И Лобовой «Сарматы в Крыму», в которой автор констатирует наличие некоторых особенностей погребального обряда, характерных форм сарматской керамики и вещевого материала, свидетельствующих о непосредственном проникновении с Северного Кавказа начиная с III—II вв. до н. э. представителей сарматских племен на территорию Европейского Боспора[6].

Не вызывает в настоящее время сомнения и появление сарматов в Танаисе, крайнем северо-восточном пункте античного мира, тесно связанном с местными земледельческими и кочевыми племенами Подонья и Приазовья[7]. В некрополе Танаиса, так же как и в Пантикапейском, встречаются подбойные могилы, которые совершенно правомерно связываются исследователями Танаиса с инфильтрацией сарматских этнических элементов в состав населения этого города[8]. Характерно, что при исследовании танаисской лепной посуды выясняются тесные связи Танаиса с Нижним Поволжьем и Северным Кавказом — областями наиболее интенсивного развития сарматской культуры[9].

Однако наличие на Дону и в Прикубанье крупных сарматских племенных союзов — аорсов и сираков, вступавших в довольно тесные экономические и военно-политические взаимоотношения с Боспорским царством, заставляет склониться к предположению, что основной путь проникновения сарматов и сармато-меотов[10] на Боспор шел через его азиатскую часть. Рассмотрение под таким углом зрения материалов некрополей греческих городов Таманского полуострова подтверждает это предположение.

Так, при раскопках Тузлинского некрополя, очевидно принадлежащего древней Корокандаме[11], в могиле 142(97), относящейся к IV—III вв. до н. э., наряду с характерным для женского погребения инвентарем (бусы, зеркало, привески) была найдена трехгранная втульчатая бронзовая стрелка. Подобный обряд, как известно, характерен для женских могил савроматов. Реже встречается этот обычай в прохоровское время

---

[6] И. И. Лобова. Сарматы в Крыму. Автореф. канд. дис. М., 1956, стр. 9.

[7] Т. Н. Книпович. Танаис. М.— Л., 1949, стр. 100.

[8] Д. Б. Шелов. Некрополь Танаиса. МИА, 98, 1961, стр. 88; Д. Б. Шелов. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972, стр. 234 сл.

[9] Д. Б. Шелов. Некрополь Танаиса, стр. 64. В Танаисе в слоях III—I вв. до н. э. находят лепные курильницы, что несомненно свидетельствует о сарматском влиянии. См. Т. М. Арсеньева. Лепная керамика Танаиса как источник для этнической истории Нижнего Дона. Автореф. канд. дис. М., 1970, стр. 16.

[10] Под «сармато-меотами» мы понимаем смешанное население Прикубанья в сарматское время, когда произошел синтез двух культур, обусловленный двусторонним процессом меотизации сарматов и сарматизации меотов. Правомочность этого термина подтверждается Страбоном, который на Северном Кавказе знает как «савроматов», так и «савромато-меотов» (II, 5, 31). Сравнительную характеристику погребального обряда меотов и сарматов см. Ю. П. Ефанов. Кобяковский грунтовой могильник и вопросы его этнической принадлежности. АИКСП, Л., 1968, стр. 136—144.

[11] Н. П. Сорокина. Тузлинский некрополь. М., 1957, стр. 50. Ср. В. Д. Блаватский. Архаический Боспор. МИА, 33, 1954, стр. 20.

и в качестве единичных случаев в позднесарматский период[12] Н. П. Сорокина связывает появление здесь этого обряда «вместе с его носительницами — сарматками или меото-сарматками»[13]. О проникновении меото-сарматов в Корокандаму, видимо, также может свидетельствовать и находка в одной из сырцовых могил бараньей кости, положенной в чашку[14]. Этот обряд существовал у меотов Прикубанья, а с первых веков нашей эры он получил широкое распространение у сарматов Нижнего Поволжья[15]. С этого же времени обряд этот зафиксирован и в Пантикапейском некрополе[16]. В другой сырцовой могиле, где, судя по инвентарю (свинцовое пряслице и золотые серьги), была также погребена женщина, в ногах погребенной обнаружены сероглиняная чашка с двумя сверлинами для подвешивания и рядом комок серы. Обращают на себя внимание золотые серьги, идентичные серьгам, найденным в одном из сарматских погребений III—I вв. до н. э. Нижнего Поволжья. Позднее они были распространены в сарматских захоронениях Украины; в несколько измененном виде такие серьги встречаются в аланской культуре Северного Кавказа[17]. Наличие серы в могиле скорее всего связано с сарматским погребальным обрядом[18].

Однако отмеченные выше черты являются отдельными элементами меото-сарматского погребального ритуала, свидетельствующим лишь о довольно тесных экономических и культурных связях греческого населения Корокандамы с меото-сарматским миром. Более выразительно погребение 114(69), относящееся к I в. до н. э., где зафиксирована подбойная форма могильного сооружения и южная ориентировка костяка[19]. Как известно, подбойная могила и южная ориентировка погребенных — одни из характерных признаков погребений прохоровского и сусловского этапов сарматской культуры[20]. Принимая во внимание то обстоятельство, что погребальный обряд «является самой устойчивой, самой консервативной и, вследствие этого, самой надежной этнической особенностью»[21], можно погребение 114(69) с большей долей уверенности считать сарматским. Этот вывод прочно подкрепляется наличием в погребении красно-лаковой чашки с тамгообразным знаком[22]. Таким образом, изучение материалов некрополя древней Корокондамы позволяет нам сделать вывод о сравнительно тесных культурных связях населения этого города с меото-сарматским миром Прикубанья, отдельные представители которого, видимо, входили в состав городской общины.

Аналогичный процесс можно констатировать при рассмотрении грунтового некрополя Гермонассы. Здесь уже с V в. до н. э. встречаются скор-

[12] Б. Н. Граков. Пережитки матриархата у сарматов. ВДИ, 1947, 3, стр. 109—111, 115; К. Ф. Смирнов. Савроматы. М., 1964, стр. 102.

[13] Н. П. Сорокина. Ук. соч., стр. 30.

[14] Там же, стр. 31.

[15] К. Ф. Смирнов. Основные пути развития меото-сарматской культуры Прикубанья. КСИИМК, XVI, 1952, стр. 13.

[16] Н. П. Сорокина. Ук. соч., стр. 31; И. И. Лобова. Сарматы в Крыму. Диссертация. Архив ИА АН СССР, р-2, № 1321, стр. 33.

[17] И. В. Синицын. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов. 1947, стр. 57, рис. 31; М. И. Вязьмитина. Золотобалковский могильник. Киев, 1972, стр. 148, рис. 69, *1, 5, 6, 8*; Н. П. Сорокина. Ук.соч., стр. 31.

[18] Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 105.

[19] Н. П. Сорокина. Ук. соч., стр. 39.

[20] К. Ф. Смирнов. Вопросы изучения сарматских племен..., стр. 201, 212.

[21] М. И. Артамонов. Этногеография Скифии. Уч. зап. ЛГУ, 13, 1949, стр. 133. Соглашаясь в принципе с этим положением, мы тем не менее полагаем, что в отдельных случаях погребальный обряд может быть показателем не только этнической, но и социальной принадлежности погребенных, опосредованной идеологическими представлениями конкретного исторического общества, модой господствующего класса, половыми различиями, видами смерти и т. п.

[22] Н. П. Сорокина. Ук. соч., стр. 39. Подбои зафиксированы и в других могилах Тузлинского некрополя. См. В. В. Шкорпил. Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1911 г. ИАК, 56, II, Пг., 1914, стр. 1—74, 74 (29); 75 (30); 91/46 и др.

ченные захоронения, что дает возможность исследователям говорить о появлении в некрополе негреческих элементов, скорее всего синдо-меотских, которые проникали в город и оседали в нем, особенно в IV—III вв. до н. э.[23] Инфильтрация этих этнических элементов хорошо прослеживается и на местной керамике греческих городов Азиатского Боспора[24]. Но наряду с процессом варваризации Гермонассы в его грунтовом некрополе обнаруживаются черты, позволяющие предполагать и наличие в этом городе сарматских этнических элементов. В погребениях второй группы Гермонасского некрополя, относящихся к последним векам до нашей эры — первым векам нашей эры, у некоторых костяков с западной и южной ориентировкой отмечены перекрещивание костей ног в щиколотках и положение рук на лобковых костях. Впрочем, в последнее время выясняется, что обычай перекрещивания ног у покойника был более характерен для меотских племен Прикубанья, чем для сарматов Поволжья[25]; известны случаи аналогичного обряда у скифов[26]. Не имея возможности пока более точно определить, где впервые появился этот элемент погребального обряда (скорее всего он связан с общими для многих народов представлениями о смерти), мы тем не менее должны отметить, что наличие южной и западной ориентировки погребенных, перекрещивание ног, положение рук на тазовые кости, довольно типичное для сарматских погребений, обилие бус — все эти черты, вместе взятые, дают нам право связать появление их в некрополе Гермонассы с усилением сармато-меотского культурного воздействия и инфильтрацией сармато-меотов в состав населения древней Гермонассы.

Со II в. до н. э. аналогичные черты в погребальном обряде прослеживаются и в грунтовом могильнике Фанагории[27]. В дальнейшем в течение I в. до н. э.— II в. н. э. проникновение сарматских элементов в значительной степени изменило культуру Фанагории. Эти изменения прослеживаются в распространении сарматских форм вооружения (длинного сарматского меча без перекрестия, трехперых черешковых железных наконечников стрел), усилившемся разнообразии украшений, в новой форме захоронений (подбойные могилы) и в отклонениях положения костяков[28]. У целого ряда могил I в. до н. э.— II в н. э. кости рук лежат на тазу, ноги перекрещены в голени. Все это, несомненно, свидетельствует о появлении нового культурного уклада и об изменении этнического состава населения Фанагории в первые века нашей эры. Более определенно об этом можно говорить на основании анализа некоторых погребений курганного некрополя Фанагории. Так, при раскопках восточного некрополя Фанагории в 1960 г. в кургане 4 открыты две могилы (9 и 12)[29], относящиеся ко II—I вв. до н. э. и отражающие указанные этнические изменения. К сожалению, ничего определенного нельзя сказать о форме могильного сооружения, но такие черты погребального ритуала, как подкурганное захоронение, восточная ориентировка погре-

---

[23] Н. П. Сорокина. Раскопки некрополя Гермонассы в 1956—1957 гг. КСИИМК, 83, 1961, стр. 49—51.

[24] И. Т. Кругликова. Фанагорийская местная керамика из грубой глины. МИА, 19, 1951, стр. 96.

[25] В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1964, стр. 81, примеч. № 43; И. С. Каменецкий. Население Нижнего Дона в I—III вв. н. э. Автореф. канд. дис. М., 1965, стр. 14. Ср. Д. Б. Шелов. Танаис и Нижний Дон в первые века н. э., стр. 23.

[26] Д. С. Раевский. Ук. соч., стр. 148.

[27] И. Д. Марченко. Раскопки восточного некрополя Фанагории. МИА, 57, 1956, стр. 111 сл.

[28] И. Д. Марченко. Ук. соч., стр. 117—118; М. М. Кобылина. Фанагория. МИА, 57, 1956, стр. 80 сл.; А. К. Коровина. Отчет о раскопках некрополя Фанагории в 1964 г. Архив ИА АН СССР, р-1, д. № 2914, стр. 16, погребение 22, 47, 104; стр. 21 — погребение 115 и др.

[29] М. М. Кобылина. Отчет об археологических раскопках Фанагории в 1960 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 2333, стр. 23—25.

бенных [30], наличие заупокойной мясной пищи с ножом в миске, положение кистей рук на тазе, обилие разнообразных бус и следы погребального огня, о чем свидетельствуют небольшие зольные пятна, позволяют говорить о том, что здесь были погребены эллинизированные сармато-меоты, пополнившие состав населения Фанагории в эпоху Митридата Евпатора.

Во II—IV вв. приток представителей сармато-меотских племен в Фанагорию увеличивается. Об этом свидетельствуют многие детали погребального обряда, массовое распространение посуды сарматского типа, которую находят как на городище, так и в некрополе, сарматских зеркал, украшений. Особенно показателен в этом плане некрополь И, где основной инвентарь могил IV в. состоит из сероглиняных одноручных сосудов с лощеным орнаментом, а также из зеркал сарматских типов [31]. Погребенные, как правило, ориентированы головой на север, что, несомненно, является отражением сарматского погребального ритуала шиповского этапа. Встречаются в это время и погребения с деформированными черепами [32], что может свидетельствовать о сарматском (аланском?) происхождении погребенных, так как обычай искусственной деформации черепа, отмеченный на среднесарматском этапе [33], получает широкое распространение и в позднесарматское время. Продолжают существовать в это время и могилы с подбоем. В некоторых сарматских погребениях фанагорийского некрополя этого времени наблюдается греческий обычай класть в могилу монету [34], что свидетельствует о смешении погребального ритуала в процессе тесного взаимодействия этнокультурных элементов, входивших в состав Боспорского царства [35].

Несколько иная картина наблюдается при рассмотрении некрополя Тирамбы (современный пос. Пересыпь). Основные типы погребальных сооружений некрополя Тирамбы — простые грунтовые ямы, но уже с III в. до н. э. появляются земляные склепы, а значительно позднее и подбойные могилы [36]. Весьма любопытен тот факт, что в некрополе Тирамбы эллинистического времени восточная ориентация погребенных, характерная для городских некрополей Боспора того времени, не преобладает. Это, видимо, указывает на этническую смешанность населения и на определенное влияние меотосарматского мира на погребальный обряд жителей Тирамбы [37], но в целом греческий погребальный обряд в данном некрополе все-таки доминирует. С I в. в погребальном обряде наблюдается ряд существенных изменений. Все чаще встречается северная и северо-западная ориентация погребенных. Это, по всей вероятности, следствие сарматского влияния. С этого момента в некрополе Тирамбы появляются подбойные могилы; в отдельных могилах встречаются следы подстилки (кошмы), ступни ног умерших иногда перекрещиваются, руки

---

[30] С большей осторожностью, чем обычно принято в нашей литературе (см. Д. С. Раевский. Ук. соч., стр. 149—150), мы считаем восточную ориентировку погребенных следствием влияния греческого погребального обряда, так как восточная ориентировка характерна с III—II вв. до н. э. также и для сармато-меотских погребений Восточного Прикубанья. См.: К. Ф. Смирнов. Основные пути развития..., стр. 13; Н. В. Анфимов. Ук. соч., стр. 11; И. С. Каменецкий. Ук. соч., стр. 11.

[31] М. М. Кобылина. Фанагория..., стр. 85—86; В. Д. Блаватский. Отчет о раскопках Фанагории в 1936—1937 гг. Тр. ГИМ, XVI, 1941, стр. 50.

[32] В. Д. Блаватский. Раскопки Фанагории в 1938—1939 гг. ВДИ, 1940, 3—4, стр. 293.

[33] В. П. Шилов. Калиновский курганный могильник. МИА, 60, 1959, стр. 492—494; В. В. Гинзбург. Этногенетические связи древнего населения сталинградского Заволжья. Там же, стр. 558—560.

[34] М. М. Кобылина. Фанагория..., стр. 86—87. Аналогичное явление зафиксировано и в некрополе Танаиса. См. Д. Б. Шелов. Танаис и Нижний Дон..., стр. 239.

[35] В. Ф. Гайдукевич. Ук. соч., стр. 413.

[36] А. К. Коровина. Тирамба (городище и некрополь). Итог археологических работ экспедиции ГМИИ за 1959, 1961—1963 и 1965 гг. Сообщения ГМИИ. М., 1968, стр. 66.

[37] А. К. Коровина. Тирамба..., стр. 74.

лежат на тазу[38], т. е. появляются элементы сармато-меотского погребального обряда, что, несомненно, дает основание говорить о проникновении сармато-меотов с первых веков нашей эры в среду населения Тирамбы. О более ранней инфильтрации сарматских этнических элементов на территорию города, возможно, свидетельствует погребение в склепе 78(14), относящемся к III—II вв. до н. э. Здесь у головы одного из погребенных обнаружена не характерная для греческих погребений курильница[39], имевшая ритуальное значение. Она свидетельствует о наличии в Тирамбе новых этнических элементов, скорее всего сарматских.

Большой интерес представляют материалы грунтового некрополя города Кепы (пос. Сенная). Некрополь систематически раскапывается с 1959 г. В настоящее время известно более 400 могильных комплексов от VI в. до н. э. до средневековья. Захоронения здесь обычно совершались в земляных ямах, являющихся самым распространенным видом погребальных сооружений, а также в земляных склепах. Детей, как правило, хоронили в амфорах. Покойные почти всегда лежат вытянуто, головой на восток, т. е. в соответствии с греческим погребальным ритуалом, и с типично греческим инвентарем. Правда, с V в. до н. э. в некрополе встречается обряд захоронения умерших в скорченном положении[40], что, видимо, связано с проникновением в город синдо-меотов, к которым относят этот обряд погребения[41].

Весьма сложен вопрос о происхождении земляных склепов, довольно часто встречающихся в некрополе Кеп. Н. В. Анфимов считает эту форму погребального сооружения характерной для местных меотских племен Прикубанья[42], в то же время А. К. Коровина высказывает предположение, что данный тип погребального сооружения мог возникнуть на Боспоре под влиянием средиземноморских[43] В пользу этого предположения как будто свидетельствуют земляные склепы Ольвии[44], где они появляются с IV в. до н. э. с чисто греческими элементами погребального обряда (стригиль и монеты), и некоторые земляные склепы Тирамбы[45]. Однако этих фактов недостаточно для утверждения о греческом происхождении земляных склепов. Весьма любопытно в этом плане предположение Г. А. Цветаевой, которая считает возможным связать появление земляных склепов в грунтовом некрополе Пантикапея с исчезновением обычая сооружения склепов под курганами[46]. Того же мнения придерживается Н. П. Сорокина относительно появления земляных склепов в некрополе Кеп[47]. Таким образом, хотя вопрос о появлении земляных склепов в некрополях боспорских городов до сего времени остается дискуссионным[48], все же следует заметить, что этническая атрибуция погре-

[38] А. К. Коровина. Ук. соч.

[39] А. К. Коровина. Отчет о раскопках древней Тирамбы в 1967 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 3569, стр. 6; ее же. Раскопки некрополя Тирамбы в 1967 г. Тезисы докладов научной сессии ГМИИ. М., 1968, стр. 29. Курильницы имели широкое распространение в сарматском мире и связаны с культом огня. См.: М. Г. Мошкова. Памятники прохоровской культуры. САИ Д-1-10, 1963, стр. 29—30; К. Ф. Смирнов. Савроматы, стр. 170—171.

[40] Н. П. Сорокина. Раскопки некрополя Кеп в 1962—1964 гг. КСИИМК, 109, 1967, стр. 101.

[41] Е. Ф. Смирнов. Новые данные по сарматской культуре Северного Кавказа. КСИИМК, XXXII, 1950, стр. 121.

[42] Н. В. Анфимов. Земляные склепы сарматского времени в грунтовых могильниках Прикубанья. КСИИМК, XVI, 1947, стр. 151—156.

[43] А. К. Коровина. Рецензия на книгу Н. П. Сорокиной «Тузлинский некрополь», СА, 1959, 1, стр. 317.

[44] ОАК, за 1880 г., стр. XIV; ОАК, за 1913—1915 гг., стр. 26.

[45] А. К. Коровина. Тирамба..., стр. 75.

[46] Г. А. Цветаева. Курганный некрополь Пантикапея. МИА, 56, 1957, стр 243.

[47] Н. П. Сорокина. Раскопки некрополя Кеп в 1961 г. КСИИМК, 95, 1963, стр. 61.

[48] Не исключено, что появление в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе земляных склепов с повторными захоронениями связано с социальными процессами, происходящими в среде местных племен,— с появлением малой семьи.

бенных в этих склепах должна основываться на конкретных материалах с учетом деталей погребального обряда. Так, во время раскопок некрополя Кеп в 1962—1963 гг. почти около каждого склепа III—I вв. до н. э. найдены захоронения головы лошади, коровы, встречались даже целые скелеты лошадей и собак[49]. Конечно, появление этого обряда можно объяснить изменениями в религиозных представлениях боспорцев[50], но как раз в это же время аналогичный обряд с захоронениями коров, лошадей и собак зафиксирован в грунтовых могильниках Прикубанья[51]. Захоронения лошадей и собак известны и у сарматов[52]. Поэтому следует считать, что в кепских склепах были погребены эллинизированные представители меото-сарматских племен.

Большое значение для истории взаимоотношений Азиатского Боспора с сарматскими племенами имеет открытие в некрополе Кеп подбойных могил эллинистического времени[53]. В настоящее время известно 33 погребения в подбоях (из них три погребения обнаружены в курганном, остальные — в грунтовом некрополе)[54], различного времени — с конца IV в. до н. э. по III в. н. э. В некоторых могилах удалось проследить более детальное устройство этой формы погребального сооружения[55]. Довольно широкая входная яма, в центре переходящая в ступенчатый колодец, была ориентирована с северо-запада на юго-восток, но известны и другие ориентировки: с юга на север (№ 288), с запада на восток (№ 332), с юго-запада на северо-восток (№ 352). Подбой устраивался в большинстве случаев в северной стенке колодца. Колодец в основном прямоугольной формы, средняя длина его 1,60—1,90 *м*, ширина 0,5—0,6 *м*. Пол подбоя обычно лежал ниже уровня пола колодца. Подбой большей частью закладывался сырцовыми кирпичами, поставленными на ребро в один или два ряда; иногда черепицей, камнями, надгробиями, досками. Погребенные в подбоях лежали вытянуто и, как правило, головой на восток, но в подбоях эллинистического времени довольно часто встречается и южная (с отклонениями) ориентировка погребенных (№ 175, 209, 288, 337, 335 и др.). В подбойных погребениях зафиксированы случаи употребления кошмы в качестве подстилки (№ 151), перекрещивание ног у покойников и положение руки на тазовые кости (№ 175, 317, 332 и др.), а также наличие в качестве заупокойной пищи (№ 131) задней части туши лошади. Инвентарь у погребенных в подбойных могилах в основном греческий. Для захоронений эллинистического времени особенно характерны «акварельные» пелики, леканы, унгвентарии, украшения (бусы, перстни, серьги, браслеты)[56], т. е. набор вещей, свидетельствующий о значительной эллинизации погребенных в подбойных могилах.

Подбойная форма могильных сооружений очень широко распространена в степях нашего Юга и всей Евразии[57]. У сарматов этот тип погребального сооружения зарождается в степях Приуралья в IV в. до н. э.,

---

[49] Н. П. Сорокина. Раскопки некрополя Кеп в 1962—1964 гг., стр. 104.

[50] Там же, стр. 104.

[51] Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник у ст. Усть-Лабинской. МИА, 23, 1951, стр. 202—205.

[52] К. Ф. Смирнов. Савроматы..., стр. 101—102.

[53] Н. П. Сорокина. Раскопки некрополя Кеп в 1961 г., стр. 62.

[54] См. отчеты Н. П. Сорокиной о раскопках некрополя Кеп, хранящиеся в архиве ИА АН СССР. См. Н. И. Сокольский. Отчет о раскопках Таманской археологической экспедиции: АИА в 1961 г.— Р-1, № 2524; 1962 — Р-1, № 2524; 1963 — Р-1, № 2733; 1964—Р-1, № 2864; 1965, № 3134; 1966, № 3262; 1967, № 3482; 1968, № 3710.

[55] Н. П. Сорокина. Раскопки некрополя Кеп в 1962—1964 гг., стр. 102.

[56] Там же, стр. 62.

[57] К. Ф. Смирнов. Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья — Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа. СА, 1972, 1, стр. 73; С. С. Сорокин. Среднеазиатские подбойные и катакомбные захоронения как памятники местной культуры. СА, XXVI, 1956, стр. 97—112; Б. Ф. Гайдукевич, С. И. Капошина. К вопросу о местных элементах в культуре античных городов Северного Причерноморья. СА, XV, 1951, стр. 166.

в прохоровское время[58]. С III—II вв. до н. э. подбойные могилы с западной и восточной ориентировкой погребенных известны среди погребальных памятников Среднего Прикубанья, что обычно связывается с проникновением на эту территорию с конца IV в. до н. э. сарматских племен[59]. В конце IV—III вв. до н. э. подбойные могилы появляются и в пантикапейском некрополе[60], но для эллинистического времени их насчитывается слишком мало, а основная масса их приходится на первые века нашей эры. Ориентировка погребенных в основном восточная. Чаще всего заклад подбоя был сделан из плит, колотого камня и досок, иногда в качестве заклада употреблялись черепица и сырец. В отдельных погребениях наблюдалось положение кистей рук на тазовые кости и перекрещивание ног в голени; найдены бараньи кости в качестве жертвенной пищи. В некоторых подбойных могилах встречались захоронения с деформированными черепами[61]. Все перечисленные признаки дают основание считать эти погребения сарматскими. Исходя из этого, появление в некрополе Кеп эллинистического времени подбойных могил с южной ориентировкой погребенных следует связать с проникновением сарматских (прохоровских) этнических элементов в состав населения этого города. В пользу этого свидетельствуют также конструктивная близость кепских подбоев к прохоровским и обнаруженные в одном из самых ранних подбойных погребений (№ 352, 1964) второй половины IV в. до н. э. плоское бронзовое зеркало с валиком прохоровского типа и раковина — обычные предметы сарматского ритуала прохоровского этапа[62]. Наличие в некрополе Кеп подбоев эллинистического времени представляет большой интерес для уточнения времени появления сарматов на северо-западном Кавказе и позволяет внести существенные коррективы в историю взаимоотношений населения Азиатского Боспора с сарматским миром: можно предполагать появление на Тамани «прохоровцев» во второй половине — конце IV в. до н. э. Кто они были — сираки или аорсы,— сказать на данном этапе изучения сарматских памятников Северного Кавказа довольно трудно, так как даже в относительно хорошо изученных областях сарматского Поволжья и Приуралья невозможно выделить известные нам по письменным источникам племена, используя только какую-либо одну особенность погребального обряда[63]. Однако, учитывая наибольшую близость сираков к Боспору, можно предположительно связать появление подбойных захоронений эллинистического времени в Кепах и Пантикапее с сираками, подвергшимися здесь значительной эллинизации, что нашло выражение в погребальном инвентаре умерших. Но уже в первые века нашей эры в некрополе Кеп можно отметить некоторые черты варваризации погребального инвентаря. Примером этого может служить погребение 305 (1964 г.), датируемое II—III вв.[64] В этой могиле была погребена типичная сармато-меотка[65]. Для нас определенный интерес пред-

---

[58] М. Г. Мошкова. Ук. соч., стр. 20.

[59] К. Ф. Смирнов. Основные пути развития..., стр. 13; М. П. Абрамова. Сарматская культура II в. до н. э.— I в. н. э. СА, 1959, 1, стр. 66.

[60] Е. Г. Кастанаян. Грунтовые некрополи боспорских городов VI—IV вв. до н. э. и местные их особенности. МИА, 69, 1959, стр. 286.

[61] И. И. Лобова. Диссертация..., стр. 30—33; Г. А. Цветаева. Грунтовой некрополь Пантикапея. МИА, 19, 1951, стр. 73.

[62] Б. Н. Граков. Пережитки матриархата..., стр 118.

[63] М. П. Абрамова. Новые погребения сарматского времени в Кабардино-Балкарии. СА, 1968, 3, стр. 126.

[64] Н. П. Сорокина. Отчет о раскопках некрополя Кеп в 1964 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 2734, стр. 123.

[65] На это указывает северная ориентировка погребений, положение руки на кости таза и перекрещивание ног в голени. О меотском влиянии свидетельствует поставленный в миску кувшин и наличие жертвенной пищи, о сарматском — присутствие в могиле двух кусочков серой глины (дериват обычных для сарматского погребального ритуала мела и белой глины).

ставляет помещение в могилу сероглиняного лощеного кувшина с зооморфной ручкой в виде кабана. Такие сосуды имели широкое распространение с первых веков в Северном Причерноморье, на Боспоре, в Прикубанье и в других областях сарматского мира [66]. Не исключено, что распространение на этой территории сосудов с зооморфными ручками, а также и тамгообразных знаков связано с появлением в этих районах аланов.

Наряду с появлением в городах Боспора сарматской керамики с зооморфными ручками, тамгообразных знаков распространяются новые формы оружия, конского убора, появляются фибулы, пряжки, зеркала сарматских типов. Все эти предметы, несомненно, связаны с появлением сарматов в городах Боспорского царства [67]. Вполне естественно ожидать их присутствия и вне городской территории. В этом плане интересны материалы из раскопок курганов, произведенных Д. В. Корейшей в 1845 г. у станицы Старо-Титоровской [68]. К сожалению, описание материала, добытого в результате раскопок, оставляет желать много лучшего, но общее представление о сарматском происхождении некоторых впускных погребений не вызывает сомнения. Особенно показательно впускное погребение во втором кургане. Погребение было совершено на глубине около 2 *м* под слоем камки, в деревянном гробу, в котором лежал бронзовый котел (диаметр 0,35 *м*). В котле был раздавленный железный шлем (форма его, к сожалению, не описана), а в нем глиняный одноручный сосуд. Рядом с котлом находился другой глиняный сосуд и бронзовая ойнохойя. Тут же находились два серебряных фалара (диаметром 0,30 *м*) «с рельефным изображением аполлонова лика в сиянии, местами позолоченным», и значительное количество золотых бляшек. У правой руки — железный кинжал и два халцедоновых навершия; у левой — железный меч («пять четвертей длины») и халцедоновое навершие от меча. Здесь же толстая стеклянная двуручная чашка. На груди лежала золотая брошь с резным сердоликом в золотой оправе, орнаментированная геометрическими орнаментами из накладной филигранной проволоки и пятью цветными камешками. На шее золотая витая гривна [69]. По инвентарю это погребение очень близко знаменитым погребениям кубанского «Золотого кладбища». На это указывает оружие (шлем, кинжал, длинный меч без перекрестия с халцедоновым навершием), бронзовые сосуды, фалары и кубок литого стекла [70]. Все эти предметы типичны для дружинных погребений «Золотого кладбища» II—I вв. до н. э.— II в. н. э. [71]. Захоронения в деревянных гробах встречаются в различных районах Северного Причерноморья: деревянные гробы известны у скифов, греков, сарматов [72]; встречаются они и в богатых аристократических погребениях Прикубанья [73]. Поэтому можно с большей долей уверенности считать это погребение принадлежащим представителю сарматской племенной аристократии.

---

[66] По поводу интерпретации сосудов с зооморфными ручками см.: К. М. Скалон. Изображение животных на керамике сарматского периода. Тр. ОИПК ГЭ, I. Л., 1961, стр. 182—184; В. Б. Виноградов. К вопросу об изображении животных на сарматской керамике. Археологический сборник. М., 1961, стр. 88; Б. А. Литвинский. Сармато-кангюйский фарн. Душанбе, 1968, стр. 116; В. М. Косянко. Сарматские кувшины с зооморфными ручками из Кобякова городища и некрополя. АИКСП. Л., 1968, стр. 205.

[67] И. И. Лобова. Ук. соч., стр. 8.

[68] В. Д. Корейша. ЖМВД, СПб., 1846, часть 16, стр. 284 сл.; К. К. Герц. Археологическая топография Таманского полуострова. СПб., 1898, стр. 21; М. И. Ростовцев. Скифы и Боспор. Пг., 1925, стр. 558.

[69] В. Д. Корейша. Ук. соч., стр. 305; М. И. Ростовцев. Ук. соч., стр. 558.

[70] К. Ф. Смирнов. Северский курган. М., 1958, стр. 17—22.

[71] М. И. Ростовцев. Ук. соч., стр. 570—575.

[72] Н. Н. Погребова. Погребения в мавзолее Неаполя Скифского. МИА, 96, 1961, стр. 180—181; Н. И. Сокольский. Античные деревянные саркофаги Северного Причерноморья. САИ, Г1-17, М., 1969, стр. 52—53.

[73] ОАК за 1902, СПб., 1904, стр. 80.

К этому же типу погребений, несомненно, относятся разграбленные впускные погребения в курганах у станицы Курчанской, раскопанные в 1888 г. П. Н. Кондаковым[74]. В одном из захоронений, например, были обнаружены «покрытые глазурью бусы, обломки прекрасной бронзовой ойнохойи, медные зеркала и куски небольшого бронзового котла, отломанная ручка которого украшена женской головой и маскою силена»[75]. В этой связи значительный интерес представляет случайная находка летом 1971 г. серебряного с позолотой фалара у станицы Курчанской[76]. На фаларе представлена Афродита Пандемос, сидящая на козле и держащая в правой руке чашу изобилия[77]. Она совершает восхождение на звездное небо по лестнице, рядом с которой бегут два козленка. Над головой Афродиты — два обнаженных амура, солнце и луна, напротив — Гермес с кадуцеем. Работа явно варварская. Стилистически фалар очень близок знаменитому Северскому фалару[78] и, видимо, также является «изделием среднеазиатских таревтов времени второй половины II в. до н. э., когда уже не существовало Греко-Бактрийского царства, разбитого около 130 г. до н. э. под напором пришедших из Сырдарьи кочевников тохаров»[79]. Находка этого фалара может также свидетельствовать о принадлежности некоторых впускных погребений Курчанских курганов к дружинной культуре кубанского «Золотого кладбища». К этой же группе следует отнести и широко известные погребения у станиц Северской и Ахтанизовской[80], датируемые концом II—I вв. до н. э.[81] Любопытно, что К. Е. Думберг, производивший в 1902 г. доследование ахтанизовского захоронения, недалеко от этого места обнаружил разграбленную катакомбу, в которой уцелели лишь «две сердоликовые и одна смальтовая бусы и бронзовое украшение в виде полумесяца с ушком»[82]. Конечно, трудно по этим вещам судить о времени захоронения в катакомбе (скорее всего это произошло в первые века нашей эры), но сам факт наличия катакомбного обряда захоронения свидетельствует о появлении на Тамани алáнов, с которыми обычно связывается эта форма погребального сооружения[83]. Особого внимания в этой связи заслуживает таманская надпись с упоминанием Ирака, бывшего «главным аланским переводчиком»[84] — должность, свидетельствующая о тесных и важных политических и эко-

---

[74] ОАК за 1888, стр. I—XIII.

[75] Там же, стр. VIII.

[76] Фалар хранится в фондах Темрюкского краеведческого музея. ТКМ. № 2005. Подробные обстоятельства находки, к сожалению, не известны.

[77] Об иконографии Афродиты Пандемос см. О. Ф. Вальдгауэр. Афродита Урания и Афродита Пандемос. ИГАИМК, II, 1922, стр. 212 и сл.

[78] А. А. Спицын. Фалары Южной России. ИАК, 29, стр. 23—24; К. Ф. Смирнов. Ук. соч., стр. 32—37.

[79] К. Ф. Смирнов. Северский курган, стр. 37.

[80] М. И. Ростовцев. Ук. соч., стр. 555. Ср. К. Ф. Смирнов. Северский курган, стр. 8, 41.

Необходимо отметить условную принадлежность этих памятников к указанной выше группе, так как по погребальному обряду (подкурганное захоронение в плиточной гробнице, западная ориентировка погребенного, сопровождаемого довольно часто конским захоронением) они связаны с особым типом погребений, распространенных с конца II в. до н. э. на северо-западном Кавказе (см. К. Ф. Смирнов. Северский курган, стр. 8—9).

Рамки данной статьи не позволяют нам более подробно остановиться на этнической атрибуции этих погребений, но следует все же заметить, что мы связываем их с историческими асами, появившимися в конце II в. до н. э. на Северном Кавказе из Средней Азии и сыгравшими значительную роль в исторических судьбах этого района. О появлении на Кавказе средне- и центральноазиатских этнических элементов см. Ю. М. Десятчиков. Сатархи. ВДИ, 1973, 1, стр. 131—144.

[81] М. И. Максимова. Заметка об Ахтанизовском кладе. КСИИМК, 116, 1969, стр. 59; К. Ф. Смирнов. Северский курган, стр. 40—41.

[82] К. Е. Думберг. Извлечение из отчета о раскопках гробниц в 1900 г. ИАК, 2, СПб., 1902, стр. 59.

[83] В. Б. Виноградов. Сарматы северо-восточного Кавказа..., стр. 106.

[84] В. Ф. Гайдукевич. Ук. соч., стр. 129, рис. 81.

номических взаимоотношениях Боспорского царства с аланами, отдельные представители которых, несомненно, оседали на Боспоре и входили в состав населения боспорских городов. Об этом могут свидетельствовать и упоминавшиеся выше фанагорийские захоронения с деформированными черепами и северной ориентировкой погребенных.

Таким образом, в результате проведенного обзора можно заключить, что начало проникновения сарматов в греческие города Таманского полуострова относится ко второй половине IV в. до н. э. и связано с передвижением племен прохоровской культуры, появившихся в конце IV—III вв. до н. э. в Северном Причерноморье[85] и, видимо несколько ранее, на Северном Кавказе. Предположительно эти племена можно связать с сираками, которые, по словам Страбона, «являются изгнанниками племен, живущих выше», и распространились «до самых отрогов Кавказских гор» (XI, 5, 8), смешавшись с местными меотскими племенами. Продвижение сарматов в IV—III вв. до н э. на Европейский Боспор, вероятнее всего, шло из Прикубанья через Таманский полуостров и носило в основном мирный характер. Появившиеся в греческих городах Азиатского Боспора сарматы подверглись эллинизации (а до этого, видимо, часть из них и меотизации), но сохранили главные элементы своего погребального обряда: подбойные могилы и южную ориентировку, которая позднее сменяется под влиянием греческого (или скорее меотского) погребального обряда на восточную. К существенным изменениям в жизни боспорских городов Таманского полуострова это проникновение сарматов не привело.

С конца II и в I в. до н. э. на территории Таманского полуострова появляются аристократические захоронения, генетически связанные с дружинными погребениями кубанского «Золотого кладбища». Не исключено, что это были погребения аспургиан, появившихся в это время на Тамани и, согласно Страбону (XI, 11, 2), «занявших территорию на пространстве 500 стадий между Фанагорией и Горгиппией». С первого века нашей эры на этой территории зафиксированы аланы, и, видимо, тогда же (или немного ранее) в некрополях греческих городов произошли значительные изменения, связанные с процессом сарматизации Боспорского царства, под которым мы понимаем широкое и постепенное внедрение элементов сарматской (иранской в широком смысле) материальной культуры и соответствующих культурных традиций в обиход греко-варварского населения Боспора. Этот процесс, вызванный главным образом инфильтрацией иранских этнических элементов в греческое население Боспорского царства, видимо, был ускорен модой и увлечением иранством в среде господствующего класса, состав которого в значительной степени обновился за счет выходцев из среды иранской племенной аристократии, появившейся на Боспоре при Митридате Евпаторе и особенно при новой иранской по происхождению царской династии Асандра — Аспурга. К вкусам этой аристократии были вынуждены приспособиться боспорские ремесленники, а через них — более широкие слои местного населения, что и нашло выражение в сарматизации всего жизненного уклада Боспорского царства.

Таким образом, на Азиатском Боспоре археологически прослеживаются три волны иранской миграции и каждая из них оставила определенный след в истории материальной культуры этого своеобразного греко-варварского государства, в свою очередь оказавшего значительное влияние на ход исторического процесса в Северном Причерноморье.

---

[85] К. Ф. Смирнов. О начале проникновения сарматов в Скифию. ПСА, 1971, стр. 194—196. Ср. Д. А. Мачинский. О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников. Археологический сборник, 13, Л., 1971, стр. 42—54.

Jou. M. Déciattchikov

SARMATES SUR LA PRESQU'ÎLE DE TAMAN

Résumé

Le début de la pénétration des Sarmates dans les villes helléniques se rapporte à la fin de IV s. avant notre ère et, à ce qu'il nous semble, est en relation avec les migrations des tribus de la civilisation de Prokhorovka. La migration des Sarmates en IV—III siècles avant notre ère dans le Bosphore Européen s'effectuait à partir du bassin de Kouban à travers la presqu'île de Taman et gardait en général le caractère pacifique.

Les Sarmates venus habiter les villes helléniques du Bosphore Asiatique ont subi une hellénisation considérable mais ils ont conservé néanmoins les éléments principaux de leurs usages funéraires: sépulture dans la paroi de la fosse tombale et l'orientation vers le Sud qui était remplacée ultérieurement par l'orientation vers l'Est.

La pénétration des Sarmates n'était pas suivie des modifications profondes dans l'existence des villes bosphoriennes de la presqu'île de Taman. A la fin des II—I siècles avant notre ère la presqu'île de Taman voit apparaître les inhumations aristocratiques proches à celles de la «Cimetière d'or» de Kouban et, à partir des premiers siècles de notre ére, les Alains y font leur apparition. Or le Bosphore Asiatique a subi trois vagues de migration iranienne déterminées archéologiquement.

А. К. АМБРОЗ

СТРЕМЕНА И СЕДЛА РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ КАК ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОКАЗАТЕЛЬ (IV—VIII вв.)

В раннем средневековье стремена и седла очень изменчивы: они еще только формировались. Позднее наиболее удачные формы сохранялись по много столетий без существенных изменений. Сходство форм, отражающее реальные связи внутри кочевого мира, позволяет проводить сопоставления на огромных пространствах — от Сибири до Дуная. Основы классификации стремян показаны на рис. 1 отдельно для ушек, корпусов (округленных или спрямленных внизу) и подножек. Это разгрузило статью от многоплановой классификации крайне разнообразных форм с пересекающимися признаками. Цифровая запись дается по методике Е. М. Алексеевой для бус, в последовательности I—II—III—IV. Например, 15-5-0-7 означает: стремя с низким округленным сверху пластинчатым ушком на короткой суженной шейке (I 15), корпус яйцевидных очертаний со скругленным основанием (II 5), пластинчатая подножка имеет три жгута (IV 7). Отсутствие признака III ряда обозначено нулем.

В античном мире стремян не было (А. Бивар). Византийцы впервые увидели их у авар на рубеже VI и VII вв., судя по трактату, приписанному императору Маврикию (годы правления 582—602). Соответственно их не знали и давно связанные с античным миром народы: скифы, сарматы, парфяне, персы. Скифская сбруя без стремян хорошо сохранилась в алтайских курганах (Пазырык и др.). В. В. Арендт фантастически истолковал ремень подпруги коня на Чертомлыкской вазе как мягкие стремена на коротких отростках, пришитых снизу к подпруге. Ремень сделан «стремевидным» только на музейных копиях, в оригинале свободно свисает тонкая золотая ленточка[1]. Пазырыкские подпруги тоже затягивались слева. На многих изображениях подпруга также прикреплена к переднему углу седла (на костяной пластинке в Чертомлыке и др.). Сасанидские всадники еще в начале VII в. (Так-и-Бустан) не имели стремян. На рельефах и у большой статуи носок ноги опущен так же, как на чашах[2]. Иное мнение основано на плохих воспроизведениях: «ступней» статуи считали разбитый край лошадиного доспеха. В ханьском Китае не было ни изображений стремян, ни обозначающего их термина в литературе или словарях[3]. Неудобства при езде без стремян наездники много веков компенсировали силой и ловкостью. Да и лошади для легкой кавалерии были небольшие. Потребность в тяжелой коннице, возникшая на рубеже нашей эры, еще более осложнила положение. Выход был найден, когда привязали длинное копье ремнями к лошади (всадник только

[1] С. И. Вайнштейн. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры. СЭ, 1966, 3, стр. 63.

[2] Sh. Fukai, K. Horiuchi. Taq-i-Bustan. I. Tokyo, 1969; II. Tokyo, 1972.

[3] P. Pelliot. Рец. на L. de Noëttes. T'oung Pao, XXIV, 2—3. Leiden, 1926, p. 260, 261.

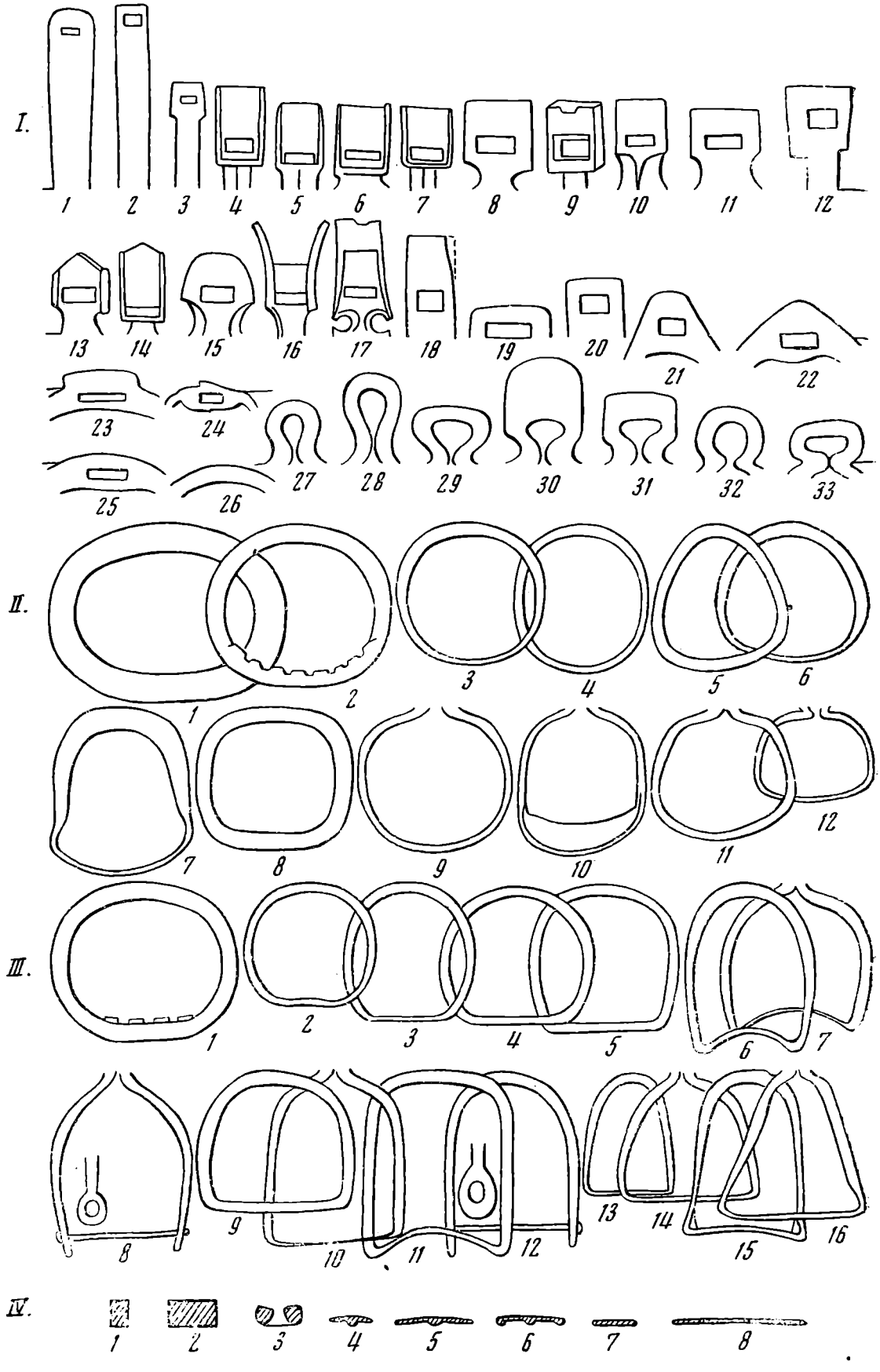


Рис. 1. Основные изменения частей стремени.

I — ушки для путалища, II — корпус с округлым низом, III — корпус со спрямленным низом, IV — сечение подножки. Для таблицы использованы стремена Среднего Дуная, Восточной Европы, Сибири и Дальнего Востока IV—XIV вв. Масштаб различен

направлял его, по сведениям Гелиодора, III в.) и выработали особую тактику боя тяжелой конницы[4]. Всадники в тяжелой броне сидели неустойчиво; при высоком седле посадка прочнее, но всадник еще неповоротливее; маневренность привязанного копья очень ограниченна. Восточный доспех человека и лошади на миниатюрах XV в. очень близок к образцам первых веков нашей эры и VII в. Но из-за несовершенства конского снаряжения задача катафрактариев была совсем иной, очень специализированной: плотной массой пробить брешь в строе бронированной пехоты, открыв путь своей пехоте и легкой коннице. Это была фаланга на конях, люди-тараны. Так отсутствие стремян и совершенных кавалерийских седел сдерживало развитие конницы древнего мира и так древние его компенсировали.

С. И. Вайнштейн доказал, что предшественником стремени была временная односторонняя (слева) подножка. Ее делали в экстренных случаях: раненым, больным, беременным. Этнографически она известна у некоторых оленеводов, не знающих стремян[5]. Но на рубеже III и IV вв. положение изменилось. В цзиньской могиле 302 г. в Чанша (Китай) было 14 статуэток лошадей. Их твердые седла с высокими вертикальными луками не имеют стремян. Но на четырех статуэтках из 14 слева (на коня садились слева) висят подножки[6]. При езде они свободно болтались против середины голени всадника. Вероятно, к ременной петле была привязана палочка, чтобы петля не спадалась (рис. 2, *1*, *1а*). Судя по этим статуэткам, подножки стали делать не только в экстренных случаях, но и постоянно, например, для чиновников в пышной одежде. Высокое седло появилось для нужд бронированной конницы. Садиться в него неудобно, особенно в длинной броне. Поэтому сделали постоянную подножку. Следовательно, в 302 г. стремян в Китае еще не было. Но вскоре их сделали (из дерева) и привесили с двух сторон. Через 50—70 лет, во второй половине IV и в V в., парные деревянные стремена уже обычны в богатых могилах Кореи и Японии. В Китае стремя («мадэн»; от «ма» — лошадь, «дэн» — восходить, подниматься; не напоминание ли это о подножках?) впервые упомянуто (как нечто повседневное) в связи с событиями 477 г. в более позднем, танском историческом произведении «Наньши»[7]. Особенность ранних стремян — овальный корпус и паз для путалища на верху длинной пластины (рис. 2, *2*, *6*, *7*). В IV—V вв. их выгибали из деревянного прута и обшивали листовым железом или медью.

С. Онояма разделил раннее конское снаряжение Японии на два этапа по форме седел, удил, подвесок к сбруе и деревянных стремян. Стремена с корпусом равномерной толщины из трех могильных комплексов он отнес к первой половине V в. (рис. 2, *6*), а с расширенной толстой подножкой из семи комплексов — ко второй половине V в.[8] Стремена равномерной толщины, найденные вместе с местными в виде башмака в кургане Отани, отнесены исследователями ко второй половине V в.[9] Считается, что обычай верховой езды и все снаряжение японцы заимствовали из Кореи. Хронологию могил южной Кореи (Силла) подробно изучал А. Ито[10]. Он разделил ранние стремена на 5 вариантов: 1-й и 2-й — де-

---

[4] А. М. Хазанов. Очерки военного дела сарматов. М., 1971, стр. 72—74.

[5] С. И. Вайнштейн. Ук. соч., стр. 64, прим. 24.

[6] Там же, стр. 63, 64; его же. Историческая этнография тувинцев. М., 1972, стр. 130, 131; Каогу сюэбао, 1959, 3, табл. XI, *1*, XII, *3*, XIII, *5*.

[7] P. Pelliot. Ук. соч., стр. 259.

[8] S. Onoyama. Nihon hakken no shoki no bagu (Early Horse-Equipments Discovered in Japan). Kokogaku zasshi, LII, 1, July 1966, стр. 3, 4 и рисунок.

[9] T. Higuchi, S. Nishitani, S. Onoyama. Otani kofun (Otani. Report of the Excavation of the Ancient Burial Mound). Kyoto, 1959.

[10] A. Ito. Zur Chronologie der frühsilazeitlichen Gräber in Südkorea. München, 1971, S. 82—86. 139—146, Taf. 3, 5, 15, 25, Abb. 56, 91, 97, 103—111; S. Umehara. Keishu no kinrei zuka shokuri zuka hakkutsu chosa hokoku. Koseki chosa hokoku 1924, 2. Keije, 1931, табл. 119, 120, 203, 204.

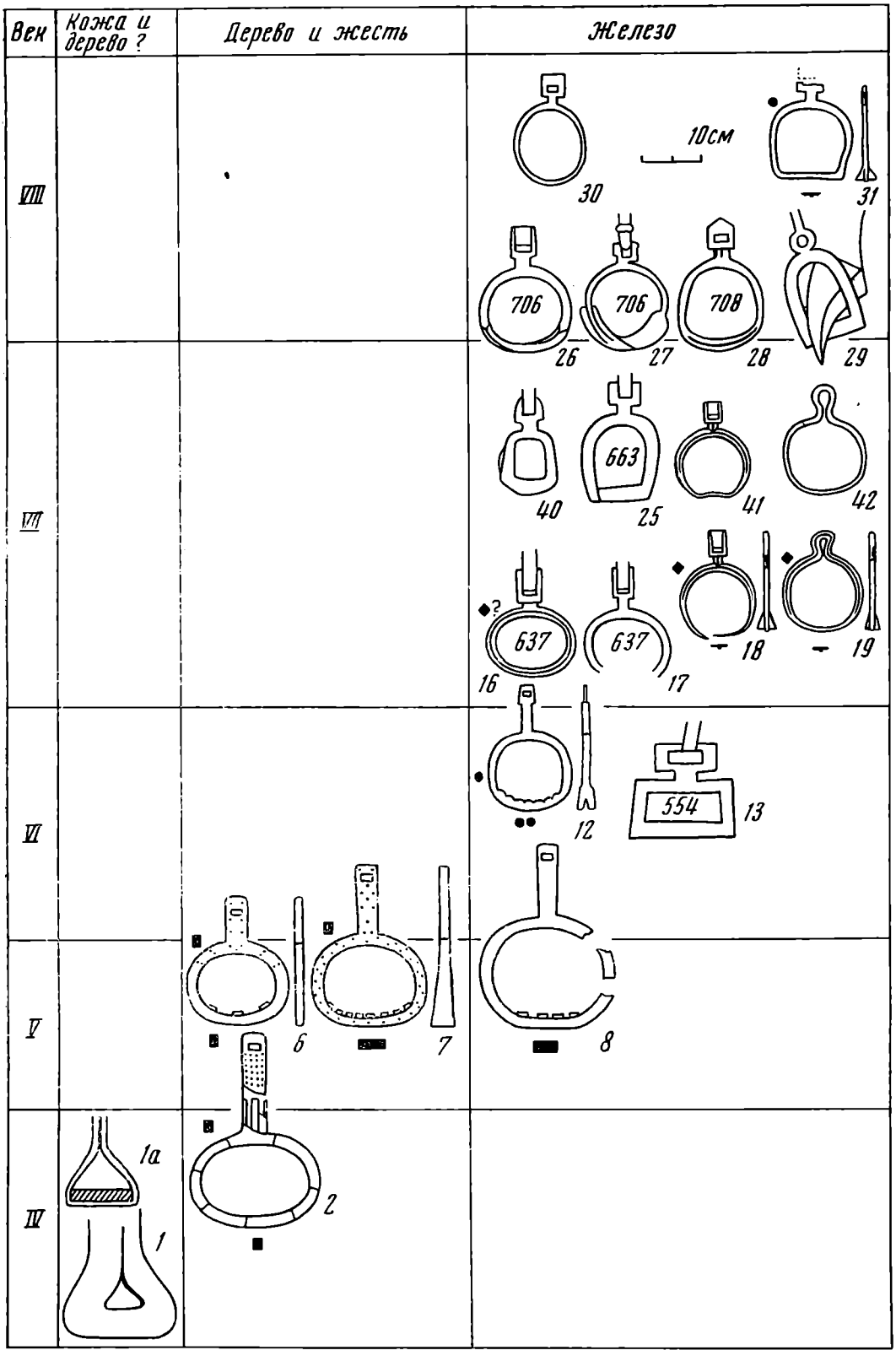
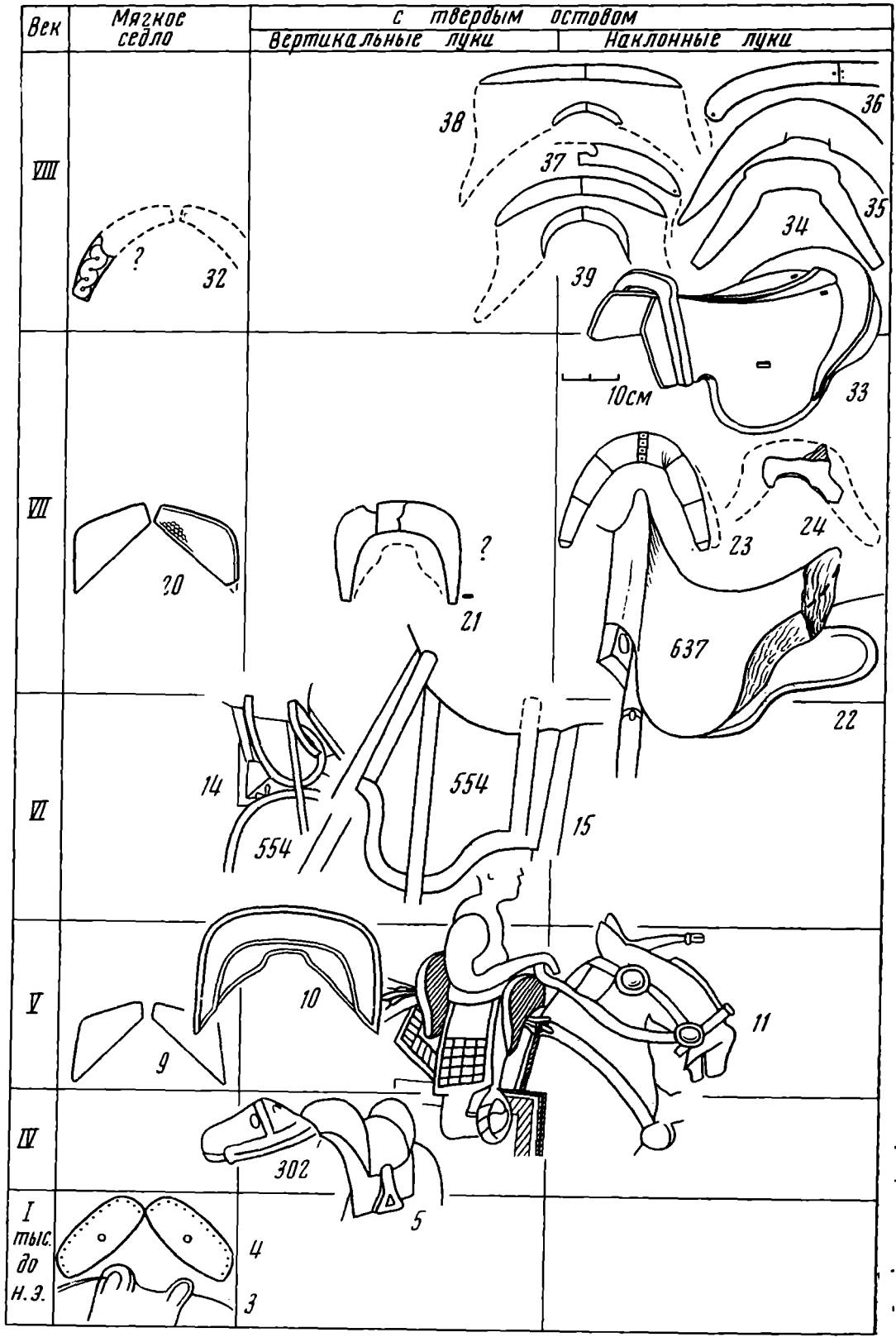


Рис. 2. Развитие ранних стремян и седел:

1, 5 — Чанша (Китай), мог. 302 г. (детали статуэток, *1а* — предположительная реконструкция); *2, 8, 11, 12* — Кёнчжу (Корея; *2* — погр. 14; *8* — погр. 126; *11, 12* — погр. 127); *3* — Фасянь (Ляоян, Китай), живопись ханьской гробницы; *4* — Пазырык, Алтай, кург. III; 6 — Нагамотияма (Япония); *7* — Синкай (Сига, Япония), кург. 1; *9* — Печюсёг (Венгрия); *10* — Янсан (Корея), мог. 10; *13—15* — рельеф 554 г. (Китай); *16, 17, 22* — Чжаолин (Шэньси, Китай), рельефы памятника Тайцзуна 637 г.; *18, 19, 41* — Кёрнье (Венгрия; *18* — погр. 20; *19* — погр. 65; *41* — погр. 37); *20, 23* — Мелитополь, находка вместе с диадемой; *21* — Уйбат I, Хакасия, склеп 1; *24* — Шипово, Приуралье, кург. 3; *25* — Китай, рельеф монаха Даоинь, 663 г.; *26, 27* — гробница Юнтай, 706 г. (Китай; *26* — стремя, *27* — живопись); *28* — гробница Вэйцзюна, 708 г. (Китай); *29* — Пенджикент, живопись первой четверти VIII в.; *31, 32, 42* — Кудыргэ, Алтай (*31* — мог. 10; *32* — мог. 13; *42* — мог. 11); *33—35* — Кокэль, Тува, кург. 2; *30, 36, 37* — Катанда II, Алтай (*36* — кург. 1; *36, 37* — кург. 5); *38, 39* — Тисафюред (Венгрия), погр. 186; *40* — статуя у могилы Гаоцзуна (Китай). *1, 5, 11* — глина; *2, 6, 7, 24, 33—35* — дерево (*2, 6, 7, 24* — с обтяжкой



металлическим листом); *3, 27, 29* — живопись; *4, 32, 36—39* — рог; *13—17, 22, 25, 40* — камень; *8, 12, 18, 19, 26, 30, 31, 41, 42* — железо; *9, 10, 20, 23* — листы золота или позолоченной бронзы; *28* — бронза. Линейный масштаб относится к рис. *2, 4, 6—9, 12, 18—21, 23, 24, 26, 28, 30—39, 41, 42* и предположительно к рис. *1, 13, 15, 16, 17, 22* (приблизительные размеры которых определены путем сопоставления величины седельных лопастей на древних изображениях и на седлах из Кокэля)

ревянные, 3—5-й — железные (3-й вариант, возможно, деформированный обломок стремени 4—5-го вариантов, ибо такая форма стремян II 7 была бы характерна для поздней танской и сунской эпох). Они четко распределяются по стадиям могильников А, В, С. Деревянные стремена в виде очень вытянутого овала обиты небольшими, заходящими друг на друга листочками металла (рис. 2, *2*, две пары, стадия А) или сплошными листами металла (рис. 2, *6*, стадии А и В). На стадии В (три пары) овал многих стремян менее вытянут. А. Ито датирует стадию А второй половиной IV — третьей четвертью V в., стадию В — концом V — серединой VI в. В одной из могил стадии В (без стремян) был сосуд с надписью 451 г. На стадии В стремена из трех комплексов уже сделаны из железа. Сначала они тщательно имитировали деревянные, вплоть до излишней в железе толстой подножки (рис. 2, *8*), а одна пара даже была по традиции обтянута поверх железа жестью. Но толстая подножка железных стремян немного расширена (также у деревянных стремян второго этапа в Японии). Она то сплошная, то из двух толстых прутьев с щелью посредине. У 5-го варианта впервые наметилось слабое расширение пластины вокруг паза для ремня (рис. 2, *12*) — прообраз будущего пластинчатого ушка на суженной шейке. Стремена 4-го варианта почти поровну распределяются между периодами В (пять находок, иногда вместе с деревянными) и С. Стремена 5-го варианта только раз были найдены с вещами периода В, зато пять раз в могилах периода С. А. Ито датирует период С серединой VI, предположительно началом VII в. Сосуд 415 г.[11] из одной могилы этой стадии уже не показателен для хронологии, тем более что к предшествующей стадии В относится более поздний сосуд 451 г. Аналогичные 5-му варианту железные стремена есть и в Японии[12]. Таким образом, из Кореи и Японии только опубликовано более 40 находок ранних стремян. Есть еще много изображений стремян на не имеющих точной даты Когурёсских фресках Северной Кореи — в большинстве случаев той же эпохи. Эта цифра очень показательна, если учесть, что позднейших аварских стремян из Подунавья найдено только вдвое больше, как и тюркских стремян в Сибири.

Кроме стран Дальнего Востока стремена IV—V вв. неизвестны. Не только это, но и внимательное сопоставление всего многообразия разновременных стремян Азии и Европы IV—XIX вв. (рис. 1) убеждает, что дальневосточные образцы IV—V вв.— это самые первые стремена вообще, первая, несовершенная попытка их создания. Последующее развитие стремян шло неравномерно, на одной и той же территории отдельные их особенности то исчезали, то появлялись[13]. Но ни одна особенность первых стремян никогда не возрождалась вновь. Стремена возникли в одном месте, оттуда распространились дальше, а не возникали повсюду самостоятельно. Поэтому однажды сделанные в их производстве ошибки и заблуждения не повторялись в последующем развитии. Так, после многих столетий поисков выяснилось, что паз для путалища удобнее всего делать в дужке стремени, а не на высоком выступе; что железная подножка останется достаточно прочной, даже если ее выковать в виде пластины, широкую и без утолщения снизу; что гораздо удобнее небольшое вытянутое кверху, а не огромное горизонтально-овальное стремя. На мысль выгнуть стремя из прута, вероятно, навела палочка в основании ременной подножки. Овал — это полужесткая треугольная петля, переданная в технике плавного выгибания прута. Но овал пришлось сделать очень большим, чтобы попасть ногой в стремя. Не сразу догадались расширить подножку, она долго была высоким узким бруском, резавшим ногу (IV 1).

[11] Приведенная А. Н. Кирпичниковым дата — 315 г.— опечатка, см. А. Н. Кирпичников. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв. САИ, Е1-36, Л., 1973, прим. 1.

[12] N. G. Munro. Prehistoric Japan. Tokyo, 1911, fig. 248—250.

[13] А. Н. Кирпичников. Ук. соч., стр. 43—54.

Применив железо, еще не знали, насколько оно пригодно для стремян: подножку делали сверхпрочную, бруском; потом оставляли снизу ребро для прочности; сверху на подножку набивали шишечки, боясь, что будет скользко. Поэтому стремена XII или XIX в. из ремня или веревки с подножкой из широкой дощечки [14] несравненно совершеннее: они копировали поздние звенья в многовековой эволюции. Деревянные стремена монголов, киргизов или башкир — также не сравнимы со стременами IV — V вв. Это дешевые, но точные копии поздних высокоразвитых металлических форм. Миниатюрные стремена из случайных находок в Минусинской котловине наиболее близки тувинским образцам IX—X вв. (33-10-0-8) и XIII—XV вв. (24-8/12-0-8).

Более совершенны стремена с пластинчатым или петлевидным ушком на короткой суженной шейке. На вэйском рельефе 554 г. (рис. 2, *13*) они еще очень большие, неуклюжие и сильно вытянуты по горизонтали. Необычна их прямоугольность [15]. В Корее стремена с короткой шейкой не изучены, в сводке Пак Зин Ука приведено одно танское VIII—IX вв. из Гаоэра (якобы когурёсское) [16]. В Китае многие находки датированы надписями или указаниями письменных источников. В начале VII в. по сути завершилось формирование классического типа стремян раннего средневековья в серии с пластинчатым ушком. Они гораздо меньше стремян IV—VI вв. Для первой половины VII в. характерна длинная пластина на короткой узкой шейке, с прорезью внизу пластины, корпус из четырехгранного прута. Основание для их даты — рельефы боевых коней на памятнике императора Тайцзуна 637 г. [17] (сильная овальность — архаизм для VII в., рис. 2, *16*, *17*).

Около середины VII в. пропорции танских стремян изменились. Ушко в виде короткой пластинки, корпус варьирует: круглый, вытянутый вверх, угловатый, слабо яйцевидный. Основания для даты: стела монаха Даоинь 663 г. (рис. 2, *25*); статуя коня у могилы императора Гаоцзуна, сделанная между 684 и 705 гг. (рис. 2, *40*); изображения в живописи и стремена из могилы принцессы Юнтай, сооруженной в 706 г. (рис. 2, *26*, *27*) [18]. Кроме стремян с прямым краем ушка есть стремена с закругленным или заостренным краем. Стремена с низкой пластинкой есть в могиле 708 г. (рис. 2, *28*, бронза) и еще в эпоху Ляо (916—1124 гг.). Среди этих стремян очень высокая пластина сохранялась в VIII в. и позже (с круглым корпусом — Бурхин-Гол в Монголии, с грушевидным — рис. 1, II 7) [19].

Археологически стремена с высокой прямо срезанной пластинкой (рис. 1, I 4—7; 2, *16—18*) известны пока только из аварских могил Среднего Подунавья (I аварская группа) и до сих пор рассматривались в целом. К 1955 г. И. Ковриг учла 95 находок [20]. Многие из них не опубликованы или публикации мне недоступны. Но и то, что имеется, достаточно выразительно. Как и тайцзуновы, они меньше стремян IV—VI вв. Пра-

---

[14] А. П. Рунич. О конской сбруе из района Пятигорска. СА, 1973, 1, стр. 165, 167, рис. 1, *19*, *20*; 2, *4*.

[15] E. Chavannes. Six monuments de la sculpture chinoise. Bruxelles — Paris, 1914, pl. XLI, XLII.

[16] Пак Зин Ук. Самгук сиги-ы маку (Упряжь периода Трех государств). Кого минсок, 1966, З. Пхеньян, рис. 3, *1* (там же рис. 3, *2* — танское стремя со скобой на корпусе).

[17] I. Kovrig. Contribution au problème de l'occupation de la Hongrie par les avars. AAH, VI, 1—4. Budapest, 1955, p. 180, pl. VI.

[18] T. Akiyama, K. Ando, S. Matsubara, T. Okazaki, T. Sekino. Arts of China. I. Neolithic Cultures to the T'ang Dynasty. Tokyo, 1970, fig. 234; O. Siren. Histoire des arts anciennes de la Chine, II. Paris et Bruxelles, 1929, pl. 94, 98; Вэньу, 1964, 1, стр. 12, рис. 7, табл. V, *1*; Тан юнтай гунчжу му бихуа цзи (Живопись могилы танской принцессы Юнтай). Пекин, 1963, табл. V.

[19] Вэньу, 1959, 8, стр. 17, рис. 29; Каогу сюэбао, VIII, 1954, стр. 197, рис. 27; Л. А. Евтюхова. Стремя танской эпохи из Уйбатского чаатаса. КСИИМК, XXIII, 1948, рис. 14—18.

[20] I. Kovrig. Ук. соч.

вильно круглые, но из-за слабого спрямления низа (иногда с прогибом вверх) кажутся слегка овальными. Пластинчатая подножка (шириной 2,1—2,8 *см*) чуть выпуклая, снизу утолщена «жгутом». Я делю стремена этого типа на три варианта — по пропорциям верха пластинки. За основу взята разница между высотой пластинки от ее верхнего края до нижнего края прорези (так как ширина прорези меняется) и шириной пластинки на уровне прорези. Превышение высоты над шириной по вариантам: 1) более 0,5 *см* (чаще 0,8—1 *см*), шейка (рис. 1, I 4) узкая; 2) более 0,5 *см*, но шейка широкая, лишь немного у́же пластинки (рис. 1, I 5); 3) меньше 0,5 *см* (у многих длина равна ширине, более короткие для I аварской группы не характерны), ширина шейки любая (рис. 1, I *6, 7*). Такое, казалось бы, несущественное и малозаметное различие оказалось важным хронологическим признаком.

Раннеаварские древности («I аварская группа») суммарно датируют между 568 г. (приход авар, по письменным данным) и второй половиной VII в. (спор идет о верхней дате: около 650 или 670—680 гг.) [21]. Подразделить их по инвентарю на более узкие отрезки долго не удавалось. Могильные древности того же периода в Восточной Европе делятся на три этапа (I—III этапы геральдических поясов, I—IV периоды Суук-Су), абсолютная дата которых определяется находками монет в византийских крепостях, Суук-Су, Перещепине и Чир-Юрте [22]. Ранее автор уже пришел к выводу, что у авар нет восточноевропейских геральдических поясов второй половины VI в., что восточноевропейские аналогии у авар относятся к VII в., часто к его второй половине [23]. Но своеобразие аварских древностей наряду с отсутствием собственно аварских критериев для периодизации заставляли считать этот вывод предварительным. Разделение раннеаварских стремян на варианты впервые дает основу для «внутренней» периодизации I аварской группы. Вопрос надо поставить снова.

Украшения второй половины VII в., заимствованные аварами из Восточной Европы (рис. 3, В): псевдопряжки, Т-образные бляшки с дисками на концах (у авар — с очень длинной шейкой), З-образные бляшки, бляшки с крючком, иногда в виде утиной головки, каймы из полушарий, имитирующих жемчужную обнизь, элементы полихромии (вставки стекла и бронзовые детали на серебряном фоне). В Восточной Европе они присущи III этапу геральдических поясов, найдены в большинстве богатых аварских могил I группы и в ряде случаев встречены во II аварской группе. Характерные для авар поясные бляшки с узором из трех больших выемок и пряжки для сумок с поперечной петлей для ремня типа Салона — Истрия (рис. 3, В) найдены в Крыму только в IV периоде Суук-Су [24]. С этим согласуется, что италийские и баюварские варианты таких пряжек тоже принадлежат второй половине VII в., а аварский тип Гатер заходит в VIII в. Надо думать, что мода на пряжки с поперечной петлей была характерна для второй половины VII в. Простые и украшенные варианты не разновременны, а просто сделаны в разной среде: византийцами (типы Салона — Истрия и италийский) и варварами (типы Папа, Гатер и баюварские).

О переживании I аварской группы почти до конца VII в. говорят элементы II группы в некоторых ее комплексах. В близких аварским памят-

---

[21] Проблемы аварской археологии подробно рассмотрены: I. Kovrig. Das awarenzeitliche Gräberfeld von Alattyán. Budapest, 1963; I. Bóna. Ein Vierteljahrhundert Völkerwanderungszeitforschung in Ungarn (1945—1969). AAH, XXIII, 1971, S. 283—336.

[22] А. К. Амброз. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы, I. СА, 1971, 2, стр. 110—123, рис. 1, 3, 5—8, табл. I, II; его же. Проблемы..., II. СА, 1971, 3; его же. Рец. на I. Erdélyi, E. Ojtozi, W. Gening. Das Gräberfeld von Newolino. СА, 1973, 2, стр. 291—298.

[23] А. К. Амброз. Проблемы..., I, стр. 118—123, рис. 5, *38, 39, 42, 44, 62, 66, 67*; 6, *9, 11—16, 39*; его же. Проблемы..., II, стр. 123.

[24] А. К. Амброз. Проблемы..., I, стр. 114, табл. II, *26, 27*.

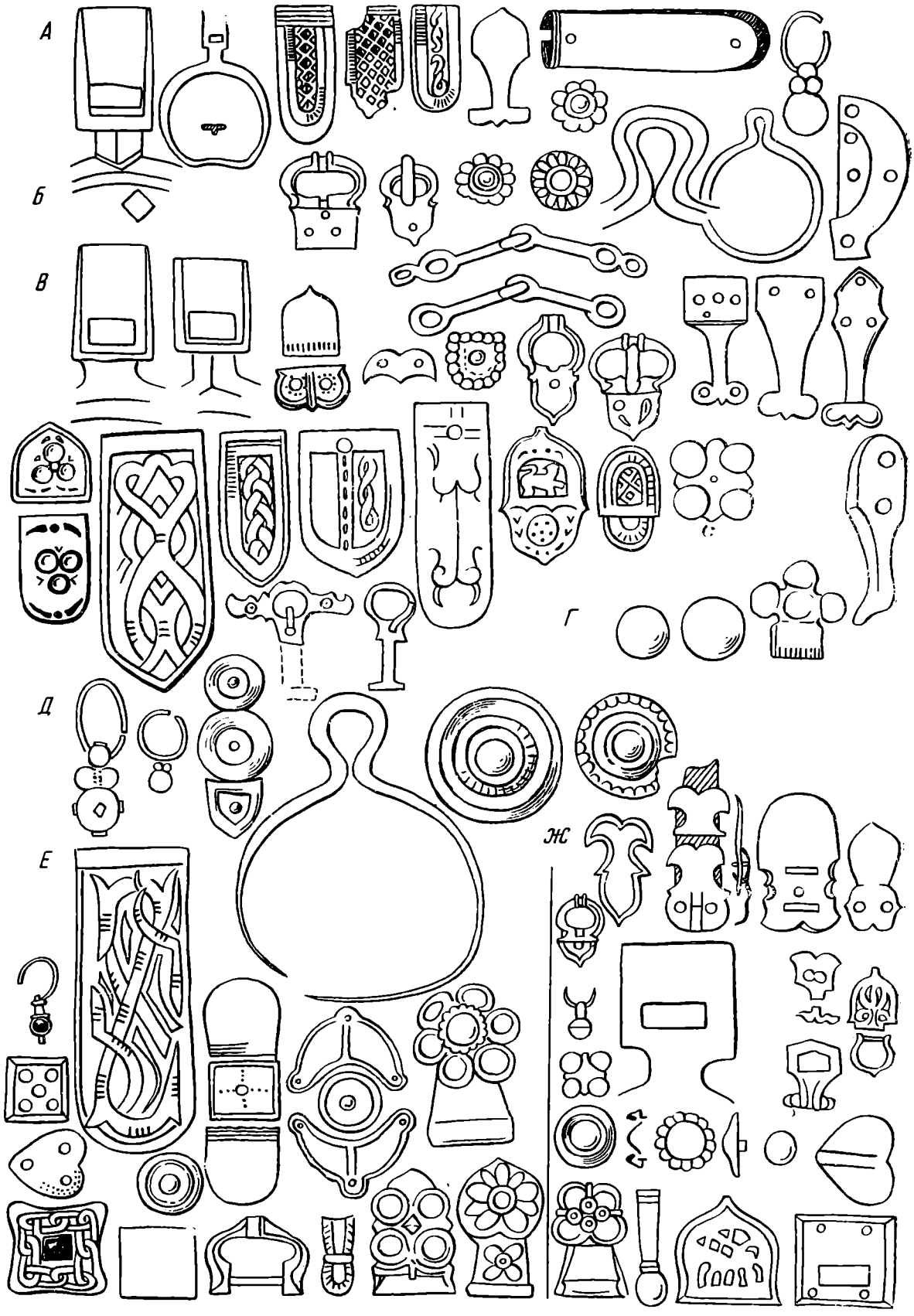


Рис. 3. Хронологически важные формы вещей из аварских могил VII — начала VIII в. и древнетюркских могил Сибири.

А — этап Ib; Б — одинаково в Ib и Ic; В — Ic; Г — пока только с вещами Ic; Д — элементы II группы в могилах этапа Ic; Е — II аварская группа. Вещи I группы взяты из Кёрнье, Алаттьяна, Сынпетрул Жермана, Цико, Гатера, Кишкёрёша, Сегеда-Ченгеле, Варпалоты, Бочи, Моры, аналогии из Суук-Су; вещи II группы из Алаттьяна, Игара II, Иванчи, Дунапентеле, аналогии из Вознесенки. Тюрки: Ж — эпоха II каганата (680—745 гг.): Кудыргэ (почти все вещи), Катанда, Красный Фронт в Киргизии. Масштаб различен

никах Восточной Европы (Перещепино, Келегейский хутор и более поздние Глодосы) — это серьги с боковым выступом, ромбовидное перекрестие меча, слабый изгиб клинка, специфический орнамент на костяных обкладках, византийские пряжки с U-образной обоймой. Характерные для I аварской группы Р-образные скобы мечей переживали в Европе в период II группы (Иванча, Кечкемет-Баллосёг, Глодосы). На Востоке они тоже сохранялись в конце VII в. (портрет японского принца Сётоку) и в первой половине VIII в. (роскошный танский меч с ромбовидным перекрестием, попавший в середине VIII в. в сокровищницу японского храма Сёсоин как дар императора). Того же времени иранское блюдо с именем Пури-Вахмана. И. Ковриг отмечает элементы II группы в знаменитых комплексах I группы из Кунсентмартона, Фельнака, Адоня[25]. В могилах I группы есть меровингские поясные бляхи последней трети VII в.[26]. Такие же найдены во II группе: в могиле 209 в Нове Замки. Для изучения хронологии особенно важны большие, исчерпывающе опубликованные могильники. В Кёрнье раскопана 131 могила и 21 захоронение лошадей — все I группы[27]. В Алаттьяне 47 могил I группы (24 с выразительным инвентарем) и 664 могилы II и III группы[28]. Судя по размещению погребений, могильник в Алаттьяне рос непрерывно и, видимо, оставлен одним коллективом. Алаттьянские серьги I группы составлены из нескольких шариков (рис. 3, А), пояса тоже обычны для I группы. Украшения I группы в Кёрнье иные: почти все серьги из одного небольшого шарика, часть поясов широкие с набором из трех бляшек, расположенных поперек (рис. 3, Д). В Алаттьяне серьги с одним шариком найдены только в периферийной части I группы и во всей II группе. Трехчастные бляшки разных форм (рис. 3, Е) типичны для могил II группы как в Алаттьяне, так и в других памятниках, как показала И. Ковриг[29]. Следовательно, в Кёрнье к основному материалу I группы примешаны элементы II группы. В Кёрнье же много перечисленных выше вещей второй половины VII в. (рис. 3, В), это поздний могильник. Однако по стременам можно выделить в нем и более ранние погребения.

В Кёрнье погребали лошадь в ногах у воина, по оси его могилы, крупом к хозяину, в отдалении 3—5 *м* от его могилы. Лишь перед конским захоронением 37 находится на расстоянии 2,5 *м* женская могила 41 (пол определен биохимически, обрывок воинской кольчуги был еще в четырех женских погребениях Кёрнье: вероятно, им придавалось особое значение). Ближайшая могила воина (№ 71) — в 9 *м* от конской. Иногда лошадей две или три, только одна со стременами. Но около могилы 130 обе лошади имели стремена (№ 129 и 131). С учетом этих замечаний, мужские могилы Кёрнье с псевдопряжками, элементами полихромии и трехчастными обкладками пояса четко коррелируются с конскими захоронениями со стременами третьего варианта (6/7-3-0-4 и 6/7-0-2-4) четыре раза; второго варианта (с ушком рис. 1, I *15*) — два раза и с восьмеркообразными стременами (27-3/4-0-4) — только один раз (рис. 4). Восьмеркообразные стремена сопровождали еще три могилы мужчин с вещами второй половины VII в. (Т-образными бляшками и пряжками сумок). Стременам первого варианта (4-2-0-4) из конских захоронений 20 и 90 соответствовали совсем иные украшения из мужских могил 23 и 99: язычки ремней с равномерно закругленным концом, гладкие или со скромным тисненым орнаментом («вафельным» или из одного ряда завитков), про-

---

[25] I. Kovrig. Das awarenzeitliche Gräberfeld von Alattyán, S. 231.

[26] I. Bóna. Beiträge zu den ethnischen Verhältnissen des 6—7. Jahrhunderts in Westungarn. Alba Regia, II—III. Székesfehérvár, 1963, S. 49—50; F. Stein. Awarisch-merowingische Beziehungen. Študijne zvesti AÚSAV, 16. Nitra, 1968. S. 237, 238.

[27] A. Salamon, I. Erdélyi. Das völkerwanderungszeitliche Gräberfeld vor Környe. Budapest, 1971. Рец. А. К. Амброза на книгу — см. в этом номере журнала.

[28] I. Kovrig. Das awarenzeitliche Gräberfeld.

[29] Там же, стр. 125—127, табл. XLVIII—L.

стая Т-образная бляшка (рис. 3, А). На первом этапе в Кёрнье были два одиночных захоронения богатых воинов с конями, на втором выросло большое кладбище второй половины VII в.

Можно ли перенести на аварские стремена даты, полученные ранее для сходных форм Дальнего Востока? Можно, не только потому, что аварские стремена принесены из Азии, но и потому, что немногие абсолютно датирующиеся европейские находки дают ту же дату, что дальневосточные. Стремена первого варианта найдены в конском погребении 36 баюварского могильника Линц-Цицлау в Австрии. Согласно хорошо обоснованной меровингской хронологии, первые погребения могильника не могли появиться раньше 620—630 гг.[30] Конская могила 36 была связана с мужской могилой 40, содержавшей восьмеркообразные удила (у авар они обычно сопутствуют стременам первого варианта, а позднее — лишь в III аварской группе; простые кольчатые сопровождают другие варианты раннеаварских стремян) и таушированный пояс первой половины VII в. Это хорошо согласуется с датой рельефов Тайцзуна 637 г. Аварские стремена третьего варианта иногда переживают во II аварской группе. Короткую пластинку (обрамленную длинными боковыми выступами) имеют стремена из Перещепина, найденные с монетами 641—668 гг. (16-2-0-?). В Каба (Венгрия) стремена третьего варианта были найдены с большим гравированным наконечником пояса, входящим в группу украшений, датированных по могиле 7 в Линце-Цицлау третьей четвертью VII в. (по Ф. Штайн). Стремена второго и третьего вариантов связаны с украшениями, имеющими восточноевропейские аналогии второй половины VII в. Аварские стремена синхронны дальневосточным и датируются так: первый вариант — первой половиной VII в., второй и третий варианты — второй половиной VII в. (а с ними и два этапа Кёрнье).

Раннеаварские древности (I группу) можно разделить на три этапа: I a, I b, I c. Этап I a (568—600 гг.), известный пока лишь по сообщениям византийцев, археологически не выделен. Ответа следует ожидать от больших неопубликованных материалов раскопок в Венгрии. В истории многих кочевых народов бывали периоды, когда военная опасность заставляла совместно кочевать тысячи хозяйств. «Потребность в пастбищах для больших стад» вынуждала их к «непрерывному» кочеванию. Они «не имели длительных остановок, не имели и родовых кладбищ, как, например, большинство бедуинов»[31]. В 568—600 гг. авары были окружены врагами: недавно покоренные воинственные гепиды, славяне, тюркютская угроза с востока, постоянные войны с Византией. В Восточной Европе, Сибири и Монголии также еще не найдены следы могущественных кочевых объединений VI в. И там находки возрастают для второй половины VII и VIII в. Можно предполагать лишь, что в периоде Ia не было стремян типа Кёрнье и не появился обычай богатых погребений.

Этап Ib представлен скудно: могилы 20, 23, 90, 99 (и 124?) в Кёрнье, 36 и 40 в Линце-Цицлау, случайно найденное в Банхиде стремя[32], часть могил с серьгами из нескольких шариков в самой ранней части кладбища в Алаттьяне (мужские могилы 37 и 175 — этапа Ic). И здесь многого следует ожидать от скорейшей публикации новых находок венгерских археологов. Почти все могилы I группы с достаточно обильным инвентарем, известные мне из публикаций, принадлежат этапу Ic. В их числе комплексы с монетами VI—VII вв: 527—565 гг. (Кунагота), 582—602 гг. (Сегвар-Кородьпарт), 602—610 гг. (Кишзомбор «О», могила 2 и Юташ, могила 116), 610—641 гг. (Сынпетрул Жерман), 613—641 гг. (Ловченац). Запаздывание монет в комплексах — повсеместное явление. Например, в мо-

---

[30] D. Csallány. Die Bestimmung der archäologischen Hinterlassenschaft der Kutturgur-Bulgaren (Hunnen). AÉ, 1963, 90, 1, S. 25, Fig. 5; F. Stein. Awarisch-merowingische Beziehungen, S. 235; в Ньиредьхаза — с монетой 582—602 гг.

[31] С. И. Вайнштейн. Историческая этнография..., стр. 71, 72, 75—77.

[32] I. Kovrig. Contribution..., pl. V, *3*.

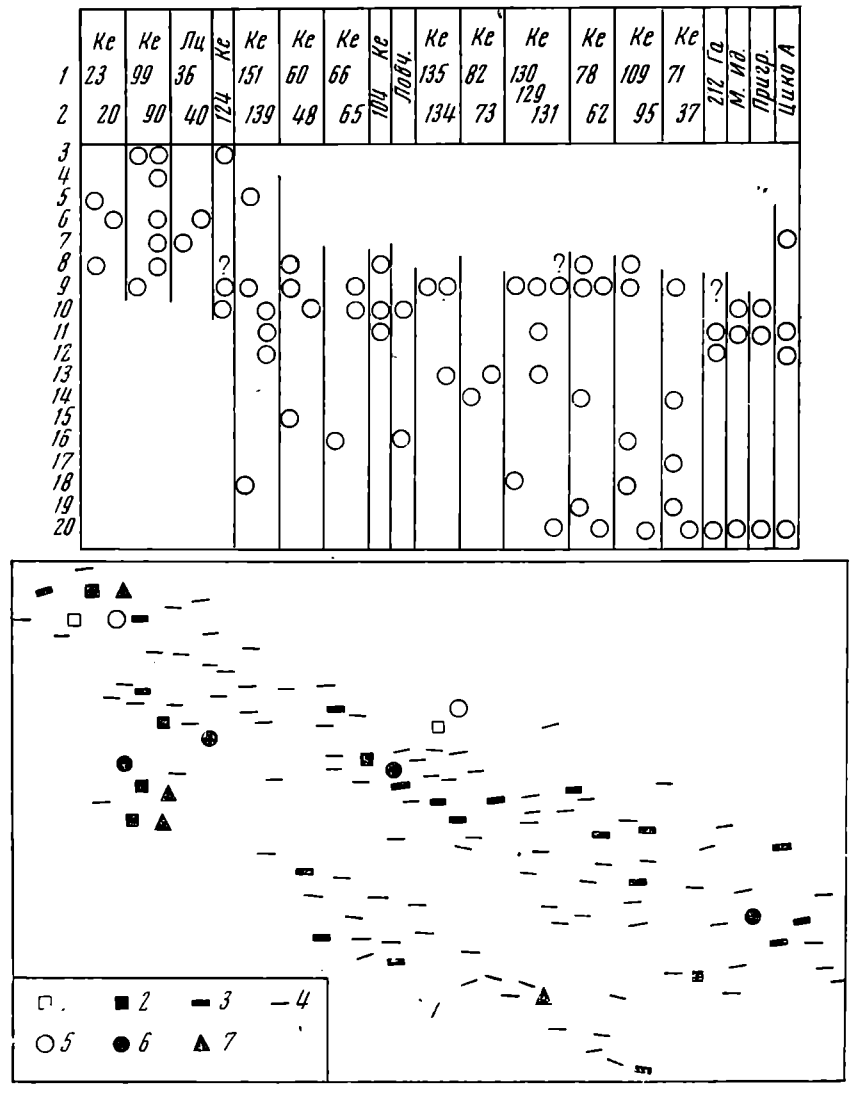


Рис. 4. Взаимовстречаемость аварских стремян и украшений этапов I b и Ic.

Схема 1 — корреляционная таблица. Сокращения: Ке — Кёрнье; ЛЦ — Линц-Цицлау; Ловч.— Ловченац; Га — Гатер; Пригр.— Пригревица; М. Ид.— Мали Идош. В каждом столбце помещен один комплекс или две взаимосвязанные могилы (коня и всадника). Номера по вертикали: *1* — могила воина; *2* — могила коня; *3* — округло-конечный язычок с простым «вафельным» орнаментом; *4* — такой же язычок с простой плетенкой; *5* — простая Т-образная бляшка; *6* — стремена с пластинкой первого варианта; *7* — удила с восьмеркообразными концами; *8* — тисненые бляшки без свинцового заполнения; *9* — то же со свинцовым заполнением; *10* — восьмеркообразные стремена; *11* — удила с простыми кольчатыми концами; *12* — остроконечные язычки со сложным орнаментом; *13* — стремена с пластинкой второго варианта; *14* — бляшки с центральной полихромной вставкой из другого металла или стекла; *15* — Т-образные бляшки с дисками на концах или с длинной шейкой; *16* — пряжки для сумок с поперечной петлей; *17* — серьги с малым шариком; *18* — псевдопряжки; *19* — трехчастные бляшки; *20* — стремена с пластинкой третьего варианта. Схема 2 — распределение стремян с пластинкой и широких поясов на территории могильника в Кёрнье: *1* — могила воина этапа Ib; *2* — могила воина с псевдопряжками или трехчастными бляшками на широком поясе; *3* — могилы мужчин с оружием, но без поясов или с поясами других форм; *4* — прочие могилы; *5* — погребение лошади со стременами с пластинкой первого варианта; *6* — то же с пластинкой третьего варианта; *7* — с пластинкой второго варианта

гилах древней Руси оно составляет 50 и более лет, а в качестве украшений — от 100 до 300 лет [33]. Решающее значение имеет место каждого комплекса в относительной хронологии, а не взятые сами по себе монеты [34]. Не удивляет и временное сосуществование конца этапа Ic и начала II аварской группы. То же было при смене группы II группой III. Объяснение этому, очевидно, в этнической пестроте каганата. У тюрков на рубеже VII—VIII в. «катандинская» группа несколько напоминала II аварскую, а «кудыргинская» сохраняла архаические черты в украшениях и

[33] В. М. Потин. Монеты в погребениях древней Руси. Тр. ГЭ, XII. Л., 1971, стр. 72.

[34] А. К. Амброз. Проблемы..., I, стр. 96, рис. 1, *2, 3*.

оружии. В Туве много столетий жили рядом разные группы тюркского населения, местные и пришлые [35].

Во время II аварской группы преобладание перешло к стременам со спрямленным низом (III 5—15). Они очень разнообразны. Начавшееся на этапе Ic укорочение пластинчатого ушка и расширение шейки продолжалось (I 8—12, 17, 18). Также пластинчатые ушки сибирских стремян короче, чем у аварских периода Ic (исключения редки, например, могила 18 в Кудыргэ). «Имеет квадратную пластинку» и «большинство» из 70 стремян Минусинского музея [36]. Аварские древности II периода и тюркские сближаются наличием округлых стремян с высокой пластинкой без шейки, с прорезью в нижней части: Тисафюред — мог. 186; Кудыргэ — мог. 22, возможно, 3 и 7; могила тюрка у обсерватории Улугбека в Самарканде. В периоде Ic, во II аварской группе и в Сибири эпохи II каганата появился до того неизвестный обычай объединять в один комплект разные стремена: с короткой пластинкой и восьмеркообразное. У авар: Пригревица (быв. Бачсентиван), Мали Идош (бывш. Кишхедьеш), Халимба (мог. 124), Деск «Г» (мог. 8), Варпалота-гимназия (мог. 218), Юрбёпуста (мог. 8), Бадьог (мог. 2); в III группе: Нове Замки (мог. 302), Девинска Нова Весь (мог. 418), Житавска Тонь (мог. 46). В Восточной Европе: Глодосы, Вознесенка. В Сибири: Катанда II, кург. 5; Кудыргэ, мог. 9, 22; Улуг-Хову, кург. 54; Черби, кург. Б-23; комплекс VIII—IX вв.— Уюк-Аржан, кург. 54. Разных размеров или формы стремена в одной паре были у мадьяр, на Руси и у восточноевропейских кочевников в X—XIII вв. И. Диенеш объясняет этот обычай развитием джигитовки.

У округлых стремян с пластинкой в периоды Ic и отчасти II корпус круглый, чаще слегка спрямлен снизу (II 3, III 2). Но на рубеже VII—VIII вв. его верхняя часть стала более покатой, что в сочетании с широким слабо изогнутым низом придает легкую «арочность»: китайские стремена 706 и 708 гг. (рис. 2, *26*, *28*), Монгун-Тайга, 1957, могилы XXVI (с зеркалом Цинь-Вана) и XXI (с полукруглым краем пластины). Не ранее II каганата и сильная вертикальная вытянутость корпуса (овального или яйцевидного): с. Красный Фронт Чуйского района; Катанда II, курган 1 (по А. А. Гавриловой, мог. кудыргинского типа), Кудыргэ, мог. 2 — с пластинкой; Кудыргэ, мог. 22 — восьмеркообразное. Позднее вытянутые округлые стремена были у мадьяр X в. и в древней Руси.

Стадиальное сходство между стременами II аварской группы и тюркскими из Сибири хорошо видно и на восьмеркообразных стременах. В Кёрнье они круглые с небольшой петлей для путалища. Позднее петля стала очень большой по сравнению с корпусом, часто высоко поднята (I 28—32); корпус спрямлен снизу, овален, часто угловат. У авар этапа Ic: Пригревица, Мали Идош, Ловченац (с монетой 613—614 гг.), Варпалота-гимназия (мог. 209 и случайная находка); II группы: Дунапентеле (мог. 11), Иванча, Бадьог (мог. 2); III группы: Гымбаш, Тэйуш. В III группе они вытесняются арочными стременами с таким же ушком. У тюрков II каганата: Кудыргэ (мог. 11), Кокэль (мог. 2, 6, 13, 22, 47). Круглые стремена типа Кёрнье сохраняются еще долго, но с конца VII—VIII вв. все больше становится угловатых только в верхней части (II 9), угловатых вверху и внизу, часто заметно расширяющихся книзу (II 11). У авар эти признаки часто сочетаются с большим ушком. У тюрков: Кудыргэ, мог. 1, 2, 10; Кокэль, могилы 2, 22, 47; Монгун-Тайга, 1958, мог. VIII. У стремян IX—X вв. (по хронологии Л. Р. Кызласова) корпус резко угловат, расширен книзу, широкая петля как бы провисает, шейки фактически нет (II 12): Шанчиг, мог. 5 и 12.

---

[35] Л. Р. Кызласов. История Тувы в средние века. М., 1969, стр. 18—23, 51, 52, 63—80, 97—114, 160—163, 173, 174.

[36] С. В. Киселев. Древняя история южной Сибири. М.— Л., 1949, стр. 326, примеч. 72.

Изучение стремян показало правомерность сопоставлений на всем пространстве кочевого мира (у авар и тюрков). Оно позволило детализировать хронологию раннеаварских древностей. Оно же подтвердило вывод, сделанный ранее на основании изучения украшений, что древнетюркские погребения типа Кудыргэ и Катанды (Монгун-Тайга, Кокэль и др.) позднее I аварской группы второй половины VI и VII вв., синхронны между собой и с II и III аварскими группами конца VII—VIII в. и появились в эпоху II тюркютского каганата (680—745 гг.) [37].

Общепризнанно, что появление стремян стало возможным после изобретения седла с твердой основой (полки, или ленчик). Ранняя история твердого седла не раз затрагивалась в научной литературе. Прочную основу дают работы С. И. Вайнштейна [38]. Им найдены хорошо сохранившиеся раннетюркские седла, собран и тщательно проанализирован большой сравнительный материал. Однако твердые седла типа кокэльских не древнейшие: слишком продуманно и сложно строение их деталей. Это не начало, а итог долгого развития твердого седла. Когда появилось совершенное седло типа кокэльских, быстро исчезли все более ранние примитивные формы седел.

Самое древнее седло — мягкое. Его развитые образцы лучше всего известны по алтайским находкам (Пазырык, Башадар, Туэкта, Каракол и др.). Это две простеганные подушки, соединенные над хребтом лошади кожаной перемычкой. Роль позднейших лук выполняли утолщения краев подушек. В горных районах их делали выше (до 15—20 *см*) и украшали четырьмя узорными пластинками из дерева или рога (подвешивая по две спереди и сзади) и тонкими дужками-кантами, наложенными сверху на края подушек (рис. 5, *1*). Если само седло истлело, о его присутствии свидетельствуют две пары накладок на луки или две пары дужек. С. И. Руденко убедительно доказал, что в скифское время ни в Сибири, ни у европейских скифов иных седел не было [39]. То низкие, то высокие, украшенные подвесными пластинками, луки мягких седел видны на ханьских изображениях (рис. 2, *3*), на фреске из боспорского склепа 1872 г. (на упавшей лошади) и, по-видимому, на некоторых римских рельефах [40].

Седла с твердой основой из досок, жестко скрепленных между собой, были изобретены, как уже упоминалось выше, для нужд тяжелой кавалерии. Высокие вертикальные луки из толстых досок давали копейщику прочную опору и отчасти даже защиту. В Азии они были, вероятно, уже в начале нашей эры (рис. 2, *5*, *10*, *11*; 5, *2*). Остатки таких седел IV—VI вв. изучены только в Корее и Японии (рис. 2, *10*; 5, *2*). Конструкция примитивна по замыслу и выдает прямую связь с мягким седлом. Основу «подушек» сделали из досок, оставив между ними промежуток, закрытый сверху кожаной перемычкой. Прежние четыре накладки на торцах подушек превратились в толстые поставленные на ребро брусья, прикрепленные к торцам досок ленчика. На каждую пару брусьев поставлена сверху массивная дуговидная лука из дерева, постепенно утоньшающаяся кверху [41]. По сути получились две составные массивные луки (рис. 2,

---

[37] А. К. Амброз. Проблемы..., II, стр. 120—128, 132; указана основная литература.

[38] С. И. Вайнштейн. Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве. Тр. ТКАЭЭ, II, М.— Л., 1966, стр. 326—329, рис. 40—43, табл. X, XI; его же. Некоторые вопросы..., стр. 67—74; его же. Историческая этнография..., стр. 127—136.

[39] С. И. Руденко. Культура населения горного Алтая в скифское время. М.— Л., 1953, стр. 164—171, 197—201, рис. 99, 109, 110, 121—123, табл. XLVIII, *1* и др.; его же. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.— Л., 1960, стр. 131, 132, 226—229, рис. 5, *79, 80, 121.*

[40] Вэньу цанькао цзыляо, 1955, 5, стр. 34, рис. 28 и табл. VIII; Вэньу, 1966, 3, цветная таблица; М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1913—1914, табл. LXXIX.

[41] A. Ito. Zur Chronologie..., S. 86—87.

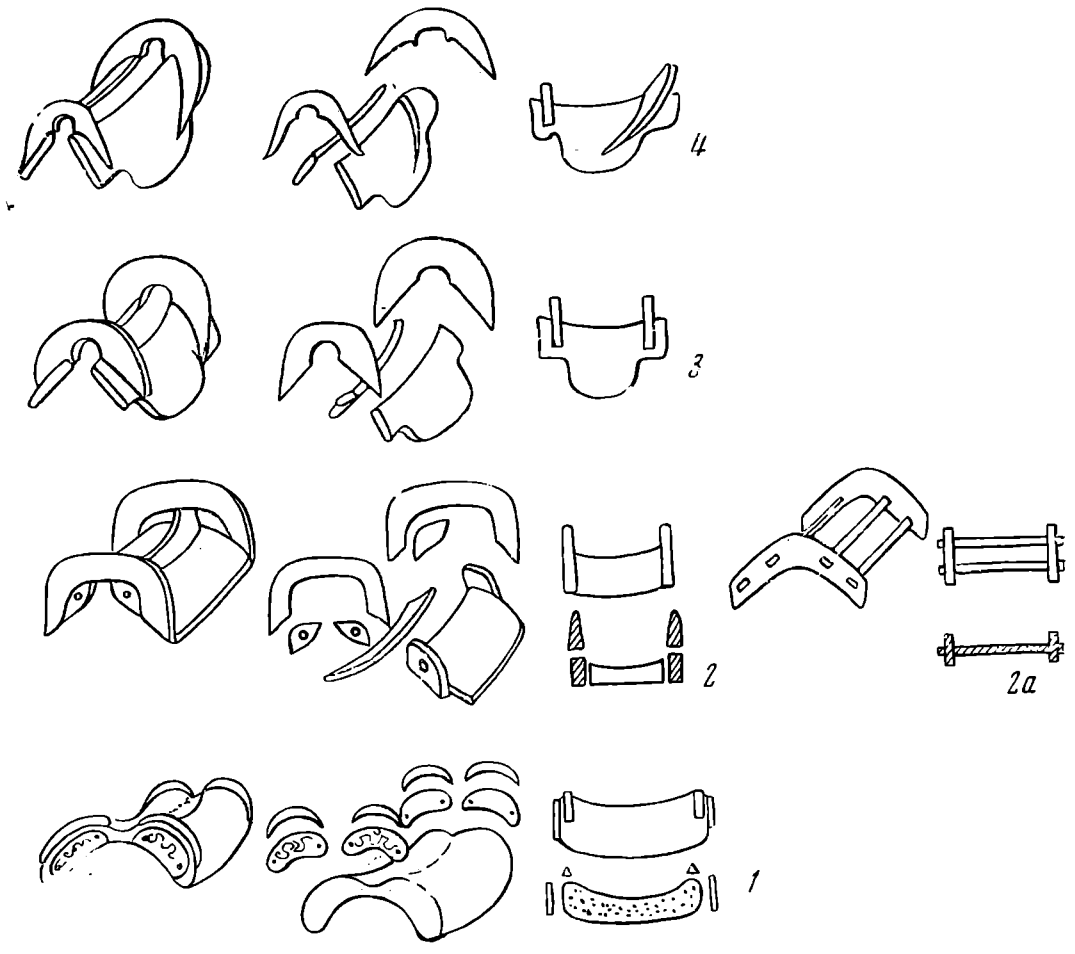


Рис. 5. Основные типы ранних седел:

1 — мягкое седло «пазырыкского» типа; *2* — твердое с коротким ленчиком, вделанным изнутри в высокие вертикальные луки; *2а* — вьючное (?) седло из Ноин-Улы; *3* — вэйское твердое седло с подложенным снизу удлиненным ленчиком и вертикальными луками; *4* — танское седло с длинным ленчиком и наклонной задней лукой. Рисунки сделаны схематично

10), к внутренним поверхностям которых прикреплен ленчик. Луки опирались на тело лошади. Поэтому их ставили как можно ближе друг к другу, чтобы они не мешали движениям животного. Короткое седло буквально зажимало, сковывало всадника (рис. 2, *11*) [42]. Концы ленчика не выступали из-под лук, поэтому путалище стремян перекидывали через сиденье (рис. 2, *14*, *15*; также Цаочанпо в Китае и «Кэмачхон» в Северной Корее). Так как основания составных лук («лицевые стороны ленчика», по терминологии А. Ито) налегали (через потник и др.) на тело лошади, их углы мягко скруглены [43], в отличие от угловатого арочного выреза лук у седел кокэльского типа (ср. рис. 2, *10* и 2, *24*, *33—35*). Описанная конструкция не содержала в себе возможностей совершенствования (Д. Ласло), она существовала до V—VI вв. (в Японии и Корее даже до рубежа VII—VIII вв.) без видимых изменений [44]. Вероятно, неудоб-

---

[42] Там же; G. Lászlό. Der Grabfund von Koroncό und der altungarische Sattel. Budapest, 1943, S. 156, 157.

[43] J. Werner. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München, 1956, Taf. 23, *1*, *2* (Янсан в Корее, мог. 10).

[44] A. Ito. Zur Chronologie..., S. 86—90, Taf 3, *9*; 6, *1*; 15, *13*; Abb. 57, *1*, *2*; 74, *63*· S. Umehara. Keishu no kinrei zuka..., табл. 83—86; Когурё пёкхва. Пхеньян, 1958; Каогу, 1964, 10, стр. 523, рис. 3, *2* (в Корее); Каогу, 1959, 2, стр. 98. рис. 1, *6*; 2, *1*, *3*, *5*, *8*; Вэньу цанькао цзыляо, 1954, 10 (50), табл. 51 (Северная Вэй); Каогу сюэбао, 1957, 1, табл. 3 (Цзинь); Каогу тунсинь, 1957, 1 (15), табл. IV, *4* (Цзинь); T. Akiyama, K. Ando and oth. Arts of China, I, fig. 339 (Вэй), 341; японские статуэтки-ханива: K. U. Köhalmi. Two Saddle Finds from Western Mongolia. AAH, XX, 1—4, 1968, fig. 7.

ство посадки в такое седло и вызвало широкое внедрение сначала подножек, а потом и стремян. Но достаточно пригодное для регулярной тяжелой латной конницы дальневосточных государств, сражавшейся копьями в слитном строгом строю, это снаряжение, вероятно, не нашло широкого применения у их кочевых соседей.

У седла рубежа нашей эры из Ноин-Улы (Монголия) решетчатый ленчик из 3—4 палочек также вделан изнутри в вертикальные луки (размах луки 50 *см*). Однако их отличие по конструкции от верховых седел Кореи и Японии наводит на мысль, что в Ноин-Уле представлена другая ветвь того же развития. Возможно, прав С. И. Руденко, считая его вьючным (С. И. Вайнштейн считает верховым). Не исключено, что именно вьючное седло впервые навело на мысль создать твердое седло для тяжело вооруженного всадника.

Изображения эпохи Северной Вэй (рельеф 554 г., рис. 2, *14*, *15* и, возможно, статуэтка коня из Цаочанпо) [45] показывают, что в VI в. конструкция твердых седел в Северном Китае (Вэй) существенно изменилась: ленчик удлинили и подложили снизу под луки. Это открыло широкие возможности совершенствования [46]. Сначала концы ленчика выступали за пределы лук очень немного, и луки по традиции оставались вертикальными. Уже у седел 554 г. нижние края полок вырезаны то дугообразно, то широкой лопастью, как у позднейших седел 637 г., кокэльских и галиатских Археологически вэйские седла, по-видимому, не изучены, они известны мне только по изображениям. В империи Вэй происходило смешение кочевых и оседлых элементов. Возможно, поэтому здесь более активно стремились усовершенствовать конское снаряжение. Хотя суйские статуэтки из могилы Лихэ 582 г. (провинция Шэньси) воспроизведены очень неясно, все же видно, что задние луки седел вертикальны и в это время [47]. Всадники держат ноги в стременах, форма которых неясна на фотографиях.

На рельефах памятника Тайцзуна 637 г. седла имеют нижний ленчик с лопастями на краях, как вэйские. Но ленчик длиннее, а задняя лука наклонна (рис. 2, *22*). Всадник прочно сидел в таком седле и имел полную свободу движений, он мог наклоняться вперед, вбок, повернуться назад или откинуться в седле. Он мог колоть, рубить, стрелять, вскакивать в седло и соскакивать на скаку. Этому способствовали входившие в комплект седла удобные металлические стремена с пластинчатой подножкой. В пластике танской эпохи (VII—IX вв.) к старому сюжету всадника в статичной позе прибавился сюжет игроков в поло, легко и прочно сидящих в седлах в самых сложных позах. Археологически такие седла хорошо известны по образцам VIII—X вв. (рис. 2, *33—35*; Кокэль, Галиат, китайские седла эпохи Ляо). Составная лука седел IV—VI вв. стала теперь цельной. Арочный вырез в основании луки имеет то же назначение, что раньше промежуток между «торцевыми накладками ленчика». Углы этого выреза обычно не сглажены, у некоторых седел сделаны даже шипы для лучшего сцепления с краями ленчика (ведь теперь от тела лошади их отделяли доски ленчика). Это важный признак для определения типа седла по обломкам. Новое седло логически завершило долгий путь развития дальневосточных седел со стременами для тяжелой кавалерии. Судя по ареалу стремян IV—VII в., это седло возникло не у кочевников, а на пограничье оседлого и кочевого мира, в зоне взаимного обогащения разных культур — области Табгач, откуда вышли основатели династии Тан. Тяжелая суйская регулярная кавалерия была вооружена лучше кочевников, но не годилась для походов в степь именно из-за этого. Появление

---

[45] Вэньу цанькао цзыляо, 1954, 10 (50), табл. 49; Каогу, 1959, 2, стр. 98, рис. 1, *5* (Цаочанпо).

[46] A. Ito. Zur Chronologie..., S. 87; G. László. Der Grabfund von Koroncó, S. 157.

[47] Вэньу, 1966. 1, стр. 35, рис. 22, 25, 26, особенно 27.

совершенных седел очень усилило танскую кавалерию, давая тяжелому латнику небывалые до этого возможности. Создание в VII в. совершенного седла — один из основных факторов, открывших путь развитию средневековой кавалерии. Если сравнить тяжелую пластинчатую броню воинов и коней IV—VI вв. (Анак III, Кэмачхон, Самсилчхон, Отани, вэйские статуэтки, Так-и-Бустан) с иранскими или японскими доспехами средневековья, видна их большая близость. Но зато как возрасла подвижность бойца, арсенал его средств, как стремителен темп битвы на изображениях средневековых художников Японии или Ирана! В танскую эпоху новое седло безраздельно господствует на Дальнем Востоке (с VIII в. в Японии). В VII в. в кочевом мире началось широкое распространение нового седла со стременами. С некоторыми изменениями седло с наклонной лукой существует уже 1400 лет.

У кочевников до рубежа VI—VII вв. седла развивались иначе. Жесткое седло с высокими вертикальными луками, применявшееся в регулярных войсках восточных государств, было мало пригодным для кочевников. Даже римляне пользовались им (без стремян) неохотно[48]. Во всем тюркском мире лишь у полуоседлых таштыкцев (склеп № 1 в Уйбате второй половины VI — первой половины VII в.) один раз найдена деталь, предположительно от модели седла типа корейских IV—VI вв. Толстая (5 *мм*) пластинка бересты (ГИМ, № 78558) по форме похожа на луку седла, но концы срезаны иначе (ср. рис. 2, *21* и *10*). Обильные проколы с обеих сторон или от вторичного использования, или от пришивания. Треугольные «обкладки седел» из европейских могил времени Аттилы (Новогригорьевка, Печюсёг, Левице) всегда находят парами (рис. 2, *9*) [49]. Это дощечки, обтянутые с одной стороны золотым листком. Заключенные в оправу из металлической ленты, они рассчитаны на обозрение и сверху, и с боков. Следовательно, они не подкладывались под луку седла, как «торцовые планки ленчика» корейских седел. Большие дугообразные луки седел типа кокэльских не имели треугольных накладок. По величине гуннские бляхи (13 × 6,5; 14 × 7,5; 16 × 7 *см*) близки пазырыкским (14 × 6; 15 × 7; 17 × 8 *см*). В Пазырыке изредка есть и асимметричные бляхи седел. Вероятно, европейские кочевники V в. облицовывали парными бляхами только переднюю луку мягкого седла. Эти седла еще сохранялись в VII в. (рис. 2, *20*) на Украине (Мелитополь), в Приуралье (Шипово) и Казахстане (Боровое). С. И. Вайнштейн[50] предполагает мягкое седло даже в мог. 13 Кудыргэ (VIII в.; рис. 2, *32*). Однако в VII в. у европейских кочевников появились и твердые седла с луками, стоящими поверх ленчика. В Перещепине обкладки лук типа кокэльских были найдены со стременами. В Мелитополе обкладка передней луки (рис. 2, *23*; изгиб, как в могиле 23 Кокэля). В Шипове кусок луки с арочным вырезом, имеющим острые углы (рис. 2, *24*) [51]. У авар I группы седла не найдены. Они были подобны танским, судя по сходству стремян. Зато седла конца VII—VIII в. хорошо известны в Сибири (Кокэль, Кудыргэ), на Кавказе VIII—IX вв. (Галиат) и у авар II и III групп (Тисафюред, Дунапентеле, Загреб-Круге, мог. 4). Форма лук из Тисафюреда, Загреба-Круге и кург. 5 в Катанде II (рис. 2, *36—39*) сходна; она иная, чем в Кокэле и Кудыргэ [52].

Предположение о седлах кокэльского типа на Боспоре I—II вв. основано на некоторых неточных копиях утраченных фресок. Условные ри-

---

[48] G. László. Der Grabfund von Koroncó, S. 155.

[49] A. Alföldi. Funde aus der Hunnenzeit. Budapest, 1932, S. 24—26, Taf. IV, *14*; XIII, *11—18*; J. Werner. Beiträge..., S. 50—53, Taf. 7, *3*; 51, *12*; 52, *13*; 62, *5*; 71, *5*.

[50] С. И. Вайнштейн. Историческая этнография..., стр. 135.

[51] О дате: А. К. Амброз. Проблемы..., II, стр. 115—120.

[52] É. Garam. Ein awarischer Sattel von Tiszafüred. AÉ, 96, 1, 1969, S. 84, 85, Fig. 1, 2, 4, 7, 8; Z. Vinski. Ranosrednjovjekovni archeološki nalazi na užem i širem području Zagreba. Iz starog i novog Zagreba. II. Zagreb, 1960, tabl. V, *37*.

сунки фресок склепа, открытого А. Б. Ашиком, передают только общую композицию, это не копии в точном смысле. Поэтому необычное седло с двумя наклонными луками — фантазия копииста. Даже более внимательный копиист домыслил типичную средневековую саблю в склепе Анфестерия. Футляр лука он принял за неправдоподобно длинную луку седла, обращенную то назад, то даже вперед. Футляры в таком же положении есть на ковре из Пазырыка и в Керчи (живопись склепа 1875 г., расписной саркофаг 1900 г. и стела Керченского музея) [53].

Распространение твердого седла со стременами прошло два этапа: 1 — в период поисков IV—VI вв. они имели локальное значение из-за несовершенства; 2 — после коренного усовершенствования широко распространились в VII—VIII вв. К рубежу VII—VIII вв. кочевники настолько освоили седла со стременами, что изменились приемы боя. Об этом свидетельствуют непарные стремена и первые изогнутые (иногда сильно) сабли, лучше всего известные у авар II и III группы [54].

A. K. Ambroz

ETRIERS ET SELLES DE L'ANCIEN MOYEN AGE EN TANT QUE INDIQUATEUR CHRONOLOGIQUE (IV—VIII SS)

Résumé

Les étriers ont été inventés en IV s dans les pays de l'Asie Orientale (fig. 2, 2) mais ils n'ont connu une grande extension qu'en VII s (fig. 2, 16—19), après l'invention de selle à l'arçon allongé et au troussequin incliné (la première représentation figurée se datant de 637 se trouve sur le monument T'ai-tsoung, fig. 2, 22). Jusqu'au VII s. les nomades préféraient les selles à l'assie rembourrée (fig. 2, 3, 4, 9, 20). Les fragments des selles dures à l'arçon allongé sont trouvés à Péréchtchépino, Chipovo et à Mélitopol. Les Avars du premier groupe ont beaucoup d'étriers mais leurs selles sont encore à étudier. L'auteur sous-divise les premiers étriers avars, en fonction des proportions de l'oeil oblong, en trois catégories (fig. 1, I, 4, 5, 7; 3, A, B). Les sépultures du 1 groupe sont divisées en trois étapes (fig. 3 et 4). L'étape Ia (568—600 environ) n'est connue que d'après les données écrites. La menace de la guerre provenant du Nord, Est et Sud contraignait les Avars aux grands déplacements massifs. Comme ils changeaient contuellement de place ils n'avaient pas de nécropoles permanentes. Leurs traces sont extrémement difficiles à trouver. L'étape I b (environ 600—650) comprend les sépultures 20, 23, 90, 99 à Környe, Banhida; une partie de sépultures du Ier groupe à Alattyan (les sépultures 36 et 40 à Linz-Zizlau (fig. 3, A) leur sont analogues). La date absolue est définie à partir de Linz-Zizlau, sépultures 36, 40 et monument de l'année 637. L'étape I c comprend presque toutes les sépultures publiées du Ier groupe (fig. 3, B). La date absolue est déterminée d'après les analogues de la quatrième période de Sououk — Sou, de Péréchtchépino, la sépulture 7 a Linz-Zizlau et d'après les étriers à datation précise de l'époque de T'ang (fig. 2, 25—28). Certains ensembles de l'étape 1 c contiennent les éléments du II-ème groupe avar (fig. 3, D) ce qui permet de prolonger la durée de cette étape jusqu'aux années 690—700. En Europe d'Est et en Sibérie les antiquités de nomades ne sont pas connues non plus en VI s. mais au contraire sont nombreuses et bien déterminées à partir de la deuxième moitié du VII et VIII ss. L'auteur démontre que les premiers étriers avars et türques ne sont pas similaires. Nouveaux caractères sont apparus à l'étape I c chez les Avars pour devenir ordinaires chez les groupes II, III et chez les Türcs de Sibérie. Les oeils oblongs sont devenus plus courts (fig. 1, I 8—12) parfois sans col (fig. 1, I 18). Les oeils bouclés sont devenus plus grands ou plus hauts (fig. 1, I 28—32). Le corps est angulé ou élargi vers le bas (fig. 1, II 5—11). Souvent les étriers de forme différente sont accrochés à la selle. Ils se trouvent les analogues à l'époque de T'ang à partir de 663 jusqu'à 708 et plus tard encore. L'examen des étriers a confirmé les conclusions que l'auteur a fait en 1971 en étudiant les ornements.

[53] М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись, стр. 172, 173, 348, 350—355, табл. LI, *6*; LXXIII, *4*; LXXXIV, *1*, *2*; LXXXV *3*; LXXXVIII *1*; XCIII, *2*.

[54] А. К. Амброз. Проблемы..., II, рис. 14, *3—5*.

Е. А. ГОРЮНОВ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ДНЕПРОВСКОГО ЛЕСОСТЕПНОГО ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ В V — НАЧАЛЕ VIII ВЕКОВ

На V — начало VIII в. приходится один из наиболее трудных для изучения этапов истории Днепровского Левобережья, остающийся во многом непознанным. Это было время значительных потрясений, вызванных вторжением в Юго-Восточную Европу кочевнических орд — сначала гуннов, затем аваров, что весьма осложнило культурно-исторический процесс, одной из сторон которого было изменение хозяйственной структуры и наметившийся переход к новым общественным отношениям. В то же время имеющиеся источники, как письменные, так и археологические, не позволяют во всей полноте и последовательности проследить явления и события, определившие ход этого процесса. Сложные проблемы, затрагивающие и этногенез восточных славян, нередко решаются лишь на основе формально-типологического анализа и картографирования древностей, происходящих из случайных находок. Справедливости ради нужно сказать, что это связано с тем, что массовые памятники Левобережья были открыты в самое последнее время и пока широко не изучались. «Случайные» древности, характеризующие V — начало VIII вв., в лесостепном Левобережье представлены выемчатыми эмалями и так называемыми древностями антов или русов.

К выемчатым эмалям принято относить ряд бронзовых эмалированных украшений, сделанных в своеобразном геометрическом стиле. В литературе распространено и другое название этих эмалей — «варварские», идущее от А. А. Спицина, который отделил их от провинциально-римских и других украшений с эмалью [1]. Ареал выемчатых эмалей охватывает в основном Восточную Прибалтику и лесную зону к востоку и юго-востоку от нее вплоть до Поволжья и Нижнего Подесенья и, кроме того, правобережье Среднего Днепра. Что же касается лесостепного Левобережья, то здесь эти украшения немногочисленны и к тому же связаны в основном с его северо-западной окраиной, лесным пограничьем [2].

Существует мнение, что производство выемчатых эмалей имеет прибалтийские корни. Оно обосновано Х. А. Моора, которому удалось показать, что выемчатые эмали появились раньше, чем где-либо, в Мазурии, в среде галиндских и судаво-ятвяжских племен, и что здесь в отличие от Среднего Поднепровья были распространены все исходные формы этих украшений [3]. Связь выемчатых эмалей с археологическими комплексами определенного времени, непрослеженная в лесостепном Поднепровье, от-

---

[1] А. А. Спицин. Предметы с выемчатой эмалью. ЗОРСА, V, 1, СПб., 1903, стр. 149—192.

[2] И. И. Ляпушкин. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа. МИА, 104, 1961, стр. 182.

[3] H. Moora. Zur Frage nach der Herkunft des ostbaltischen emaiiverzierten Schmucks. SMYA, XL, 1934, S. 74—90; его же. О древней территории расселения балтских племен. СА, 1958, 2, стр. 27, 28.

четливо выступает за его пределами, в частности в Прибалтике. Работами прибалтийских археологов, в первую очередь Х. А. Моора, П. Куликаускаса, М. М. Михельбертаса, М. Х. Шмидехельм[4], была уточнена датировка эмалей, некогда сильно колебавшаяся. Временем прибалтийских эмалей считается II — первая половина VI в. Для некоторых украшений, образующих типологические ряды, возможна и более узкая датировка, охватывающая столетие или даже меньший период. Судя по прибалтийским параллелям, лесостепные эмали относятся к III — первой половине VI в. Однако такая датировка не вызывает сомнений лишь в отношении изготовления эмалей. Вопрос же о времени их распространения не может быть решен столь же однозначно, поскольку, как уже говорилось, эмали, известные в лесостепном Поднепровье, не принадлежат датированным комплексам.

Трудно согласиться с Б. А. Рыбаковым[5], М. Ю. Брайчевским[6] и Е. В. Махно[7], пришедшими к выводу о принадлежности выемчатых эмалей черняховской культуре. Их утверждение подкрепляется в основном неубедительной ссылкой на давние беспаспортные находки в Черняхове и Ромашках. Правда, как сообщает Е. В. Махно, две перекладчатые фибулы, относящиеся к кругу выемчатых эмалей, найдены при исследовании черняховского Компанийцевского могильника[8]. Этот случай, однако, примечателен лишь тем, что он исключителен. Ведь во многих десятках памятников черняховской культуры, известных как по разведочным работам, так и по стационарным исследованиям, эмали не обнаружены. Это может свидетельствовать лишь о том, что в лесостепном Поднепровье украшения с эмалью получили распространение не в черняховское время, а позднее, в V — первой половине VI в.[9]

Значительная концентрация в Среднем Поднепровье, как и некоторые типологические особенности встреченных здесь украшений, отличающие их от прибалтийских[10], как будто свидетельствуют о сложении на Среднем Днепре собственного центра их изготовления. Скорее всего это могло иметь место в Киевском Полесье, где распространены памятники так называемого киевского типа, для которых обычны эмали[11]. Существенно, что последние имеют много общего с верхнеднепровским селищем Абидня, где Л. Д. Поболем обнаружены следы эмальерного производства[12].

---

[4] H. Moora. Zur Frage...: его же. Die Vorzeit in Lettland., II, Tartu, 1938, S. 100—118; Pr. Kulikauskas. Emaliutieji dirbiniai Lietuvoje. Kaunas, 1941; М. М. Михельбертас. Римские металлические предметы в Литве. СА, 1965, 3, стр. 163— 177; М. Х. Шмидехельм. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии. Таллин, 1965, стр. 217 сл.

[5] Б. А. Рыбаков. Ранняя история восточных славян. ИЖ, 11—12, 1943, стр. 73—80; его же. Поляне и северяне. СЭ, VI—VII, 1947, стр. 99—101; его же. Ремесло Древней Руси. М., 1948, стр. 46 сл.

[6] М. Ю. Брайчевский. К истории лесостепной полосы Восточной Европы в I тысячелетии н. э. СА, 3, 1957, стр. 114—129; его же. Біля джерел слов'янської державності. Київ, 1964, стр. 170—172; его же. Ромашки. МИА, 82, 1960, стр. 144.

[7] Е. В. Махно. К вопросу о памятниках черняховского типа и прорезных выемчатых эмалях. КСИИМК, 62, 1956, стр. 148—151.

[8] Е. В. Махно. Типи поховань та планування Компаніївського могильника. Середні віки на Україні, І. Київ, 1971, стр. 87—99.

[9] И. И. Ляпушкин. Ук. соч., стр. 181—183; Г. Ф. Корзухина. Спорные вопросы истории Среднего Поднепровья в I тысячелетии н. э.— Доклад, прочитанный на заседании Ленинградской секции Ученого совета Института археологии АН СССР 17 декабря 1969 г. Архив ЛОИА АН СССР, к. п. 1692/49 (1), стр. 9.

[10] Б. А. Рыбаков. Ремесло..., стр. 53—55.

[11] В. Н. Даниленко. Славянские памятники I тысячелетия н. э. в бассейне Днепра. КСИА АН УССР, 4, Киев, 1955, стр. 27—29; В. Н. Даниленко, В. П. Дудкин, В. А. Круц. Археолого-магнитная разведка в Киевской области. Сб. «Археологические исследования на Украине 1965—1966 гг.», 1, 1967.

[12] Л. Д. Поболь, Д. В. Наумов. О некоторых предметах материальной культуры селища Абидни. Доклады к XI конференции молодых ученых Белорусской ССР. Минск, 1967, стр. 424—437.

Окончательно не выясненной остается этническая атрибуция выемчатых эмалей лесостепного Поднепровья. Как известно, поначалу они были приписаны готам [13]. После критики «готской теории», развернутой в 40-е и последующие годы, украшения с эмалью рассматривались преимущественно как принадлежащие черняховской культуре, созданной якобы славянами [14]. Существуют еще две версии относительно атрибуции эмалей: по одной, они оставлены балтами [15], по другой — аланами [16]. За этими расхождениями скрываются различные взгляды на ход этногенетического процесса в Поднепровье. Аргументация же, сопровождающая разные точки зрения, во многом одинакова — обычно она сводится к картографированию эмалей и некоторым априорным суждениям. Главное, что может продвинуть вперед разработку вопроса, это изучение всего культурно-хронологического комплекса, в котором эмали — лишь одно из слагаемых.

В последнее время в лесостепном Левобережье были обнаружены близкие к киевскому типу древности V(IV?) — VII вв. иногда определяемые в литературе как памятники типа Курган Азак. Они пока не получили твердой датировки, но, несомненно, какая-то их часть не выходит за хронологические рамки существования эмалей. Сюда относится прежде всего ряд поселений, открытых в 1966 г. В. А. Ильинской и А. И. Тереножкиным [17]. На одном из них, находящемся у с. Большие Будки в верховьях Сулы, был найден бронзовый браслет с утолщенными, орнаментированными концами, датирующийся временем не позднее VI в. Точно такой же браслет в одном случае найден вместе с двумя эмалированными фибулами [18]. Серединой I тысячелетия датируется основной слой селища в уроч. Белопольское у с. Беседовка в верховьях Сулы [19], а также привлекшие внимание еще Н. Е. Макаренко бескурганные погребения по способу сожжения у с. Артюховка [20]. В Волынцево на Сейме представлен не только комплекс VIII—X вв., частично опубликованный, но и более ранний, содержащий керамику аналогичную встреченной в Курган Азак и Беседовке [21]. В Курском Посеймье, северной окраине лесостепи, несколько памятников V—VII вв. обнаружено Ю. А. Липкингом [22], Э. А. Сымоновичем здесь исследовалась Воробьевка 2 [23] (рис. 1).

Памятники этого типа занимают северную часть лесостепного Левобережья и принадлежат тому же культурно-хронологическому кругу, что и десятки поселений, а также отдельные могильники, обнаруженные в течение двух последних десятилетий в поречье Десны и Юго-Восточной Белоруссии (типа Колочинского I городища и близких ему). Они представлены небольшими, по преимуществу открытыми поселениями и бескурганными могильниками с сожжениями, располагающимися на всхолмлениях в до-

---

[13] И. Р. Аспелин. Следы влияния готов в северной полосе России. Тр. VIII АС. III, М., 1897, стр. 56.

[14] Б. А. Рыбаков. Ремесло..., стр. 46, сл.; М. Ю. Брайчевский. Походження Русі. Київ, 1968.

[15] В. В. Седов. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. МИА, 163, 1970, стр. 48—53.

[16] Г. Ф. Корзухина. Спорные вопросы...

[17] В. А. Ильинская. Новые данные о памятниках середины I тысячелетия н. э. в Днепровской левобережной лесостепи. Сб. «Славяне и Русь», М., 1968, стр. 55—61.

[18] A. Kaminski. Z. badań nad pograniczem polsko — rusko — jaćwieskim w rejonie rzeki Sliny. WA. XXIII, 2, 1956, str. 161—164, rys. 17.

[19] Є. В. Махно. Разкопки на поселеннях першої половины I тысячоліття н. е. в верхній течії Сули. АП УРСР, V, Київ, 1955, стр. 79.

[20] Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг. ИАК, 43, СПб., 1911, стр. 118, 119.

[21] Д. Т. Березовец. Отчет о раскопках раннеславянского поселения и могильника около с. Волынцево Путивльского района Сумской области. Архив ИА АН УССР, 1949/10, № 866, стр. 18 сл.; Фонды ИА АН УССР.

[22] Ю. Липкинг. О чем рассказывают курганы. Воронеж, 1966, стр. 38—51.

[23] Э. А. Сымонович. Исследование черняховского поселения Воробьевка 2. АО — 1970, М., 1971, стр. 70—72.

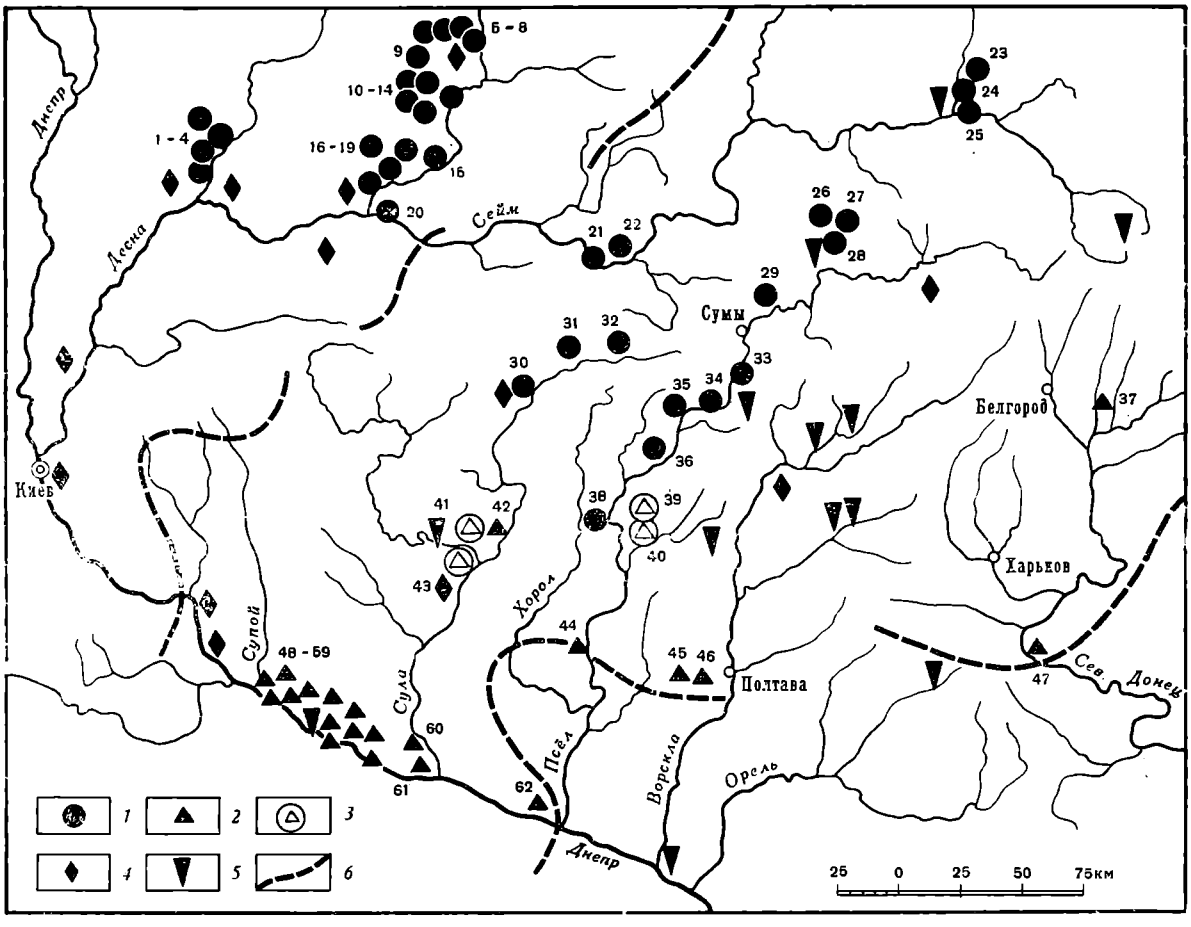


Рис. 1. Памятники середины и третьей четверти I тысячелетия на левобережье Среднего Днепра. 1 — памятники колочинского и близкого ему типа; 2 — памятники пеньковского типа; 3 — памятники, тип которых требует уточнения; 4 — вещи с выемчатой эмалью (по И. И. Ляпушкину и Х. А. Моора); 5 — «древности антов» из случайных находок (по И. И. Ляпушкину); 6 — граница лесостепи

1 — Клочков; *2* — 0,2 *км* к юго-востоку от Седнева; *3* — в 1,2 *км* к югу от Макишина; *4* — Ровчак; *5* — Целиков бугор; *6* — Колодезный бугор; *7* — Смяч, уроч. Загребля; *8* — между селами Смяч и Мамекин; *9* — Форостовичи; *10* — Стрелица; *11* — Лавриков лес; *12* — Левкин бугор; *13* — Заярье; *14* — Стахорщина; *15* — Вишеньки; *16* — Сосница; *17* — Конятин I; *18* — Конятин II; *19* — Киреевка; *20* — Долинское; *21* — Чаплище; *22* — Волынцево; *23* — Воробьевка II; *24* — в черте г. Курска; *25* — Лебяжье; *26* — Замощанская дюна; *27* — Княжий; *28* — Суджа; *29* — Груновка; *30* — Артюховка; *31* — Беседовка; *32* — Большие Будки; *33* — Низы; *34* — хут, Писковка; *35* — Курган Азак; *36* — Плешивец; *37* — Дмитровское; *38* — Рашево; *39* — Лютенские Будища; *40* — хут. Великий; *41* — Позняки; *42* — Сенча; *43* — между селами Тишки и Хитцы; *44* — Писаривщина; *45* — Демидовка; *46* — Полтавцы; *47* — Задонецкое; *48* — Домантово I; *49* — Домантово II; *50* — Домантово III; *51* — Коробковка; *52* — Мойсинцы; *53* — Мельники; *54* — Васютинцы; *55* — Крутьки I; *56* — Крутьки II; *57* — Самовица; *58* — Котлов; *59* — Ирклиев; *60* — хут. Миклашевский; *61* — Жовнин; *62* — Радуцковка

линах рек, низких береговых уступах и пологих склонах, ограниченных поймой. Жилища, углубленные на 0,2—0,5 *м*, с центральным столбом и открытым очагом, подобные раскопанным в Беседовке и Воробьевке 2, особенно характерны для деснинских поселений середины I тысячелетия. Жилища такой конструкции и планировки обнаружены, в частности, на селищах Колодезный бугор, Лавриков лес, Заярье, Киреевка, Стрелица, Форостовичи [24], Левкин бугор [25], Целиков бугор [26]. Известны они и на Гомельщине [27]. В тех же древностях находит соответствие и керамика лесо-

---

[24] П. Н. Третьяков. Из предыстории славянского жилища. «Archeologia Polski», XVI. 1—2, 1971, 235—248.

[25] Э. А. Сымонович. Поселения VI—VII вв. на Черниговщине. КСИА, АН СССР, 120, 1969, стр. 64—65, рис. 22.

[26] Е. А. Горюнов. Селище Целиков бугор на Средней Десне. КСИА АН СССР 129, 1971, стр. 42—46, рис. 13.

[27] Э. А. Сымонович. Городище Колочин I на Гомельщине. МИА, 108, 1963, стр. 118, рис. 16.

степных памятников типа Курган Азак и Лебяжьего I — грубая, лепная, с шероховатой и бугристой, но изредка и подлощенной поверхностью, неорнаментированная. По форме это горшки, сковородки с низким бортиком и диски. Спорадически встречаются миски. Горшки типологически делятся на пять основных видов. К первому относятся горшки баночной формы, максимальный диаметр которых в полтора-два раза меньше высоты и приходится на ее середину, а диаметр горловины и дна равны или почти равны друг другу (рис. 2, *1*). Другой вид представляют горшки также баночной формы, отличающиеся от первых более широкой по сравнению с дном горловиной. Наибольший диаметр приходится на верхнюю треть высоты. Соотношение между ним и высотой составляет 1 : 1,5 (рис. 2, *2*). К третьему типу отнесены суженные книзу горшки с широко открытой горловиной и выпуклыми боками, обычно приземистые (рис. 2, *3*). К четвертому виду относятся цилиндро-конические горшки. Излом стенок соответствует середине высоты. Он бывает плавным, скругленным или имеет вид острого ребра (рис. 2, *4*). Наконец, к пятому виду принадлежат горшки биконической и близкой к ней формы. Ребро, как правило, находится на середине высоты. Оно бывает хорошо выраженным, даже подчеркнутым валиком, или скругленным, образованным плавным переломом стенок (рис. 2, *5*). Конечно, этими пятью видами, выступающими в различных соотношениях, не исчерпываются все формы горшков данного круга керамики, но именно они определяют своеобразие керамических комплексов середины I тысячелетия в обширном ареале, будь то Верхнее Поднепровье или поречье Среднего Псла и Курское Посеймье.

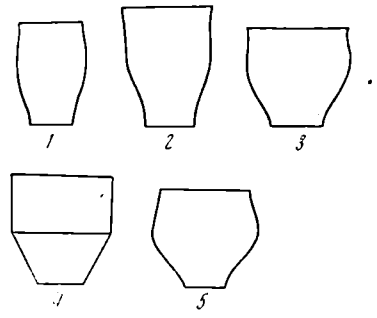


Рис. 2. Основные формы керамики памятников северной группы

Появление керамики этого типа относится ко времени не позднее IV в,. что доказывается находками в Лавриковом лесе и Жуковке подвязных фибул второй половины III — IV вв.[28] Такая ее датировка вполне допускает сосуществование в северном пограничье лесостепного Левобережья, с одной стороны, наиболее ранних памятников рассматриваемого круга и, с другой, черняховской культуры, верхней хронологической границей которой принято считать конец IV — начало V в. Это тем более вероятно, что в ряде лесостепных памятников, датирующихся неопределенно, не точнее, чем серединой I тысячелетия, встречено два разных типа керамики: лепная, связывающаяся с IV—VII вв., и гончарная шероховатая и лощеная, которая типична для черняховской культуры. К тому же оба типа керамики были встречены в развале печи на селище Лебяжье IV[29]. Черняховское воздействие ощутимо и в керамике лесной зоны: в Долинском на Нижнем Сейме найдена миска, имеющая черняховскую профилировку[30], в Заярье на Средней Десне встречены чашечка на массивном низком поддоне и обломок гончарной миски с кольцевой закраиной на днище[31]. Собственно, как отмечает Э. А. Сымонович, в Курском Посеймье сплошь и рядом встречаются поселения, содержащие наряду с грубой лепной гончарную керамику, характерных для черняховской культуры типов[32].

---

[28] П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.—Л., 1966, стр. 263, рис. 77; его же. Древности второй и третьей четверти I тысячелетия н. э....

[29] Ю. А. Липкинг. Раннеславянские памятники у с. Лебяжье под Курском. АО — 1968. М., 1969, стр. 62.

[30] О. Н. Мельниковская. Раскопки памятников юхновской культуры на Десне и Сейме. АО — 1968..., стр. 59.

[31] Раскопки автора.

[32] Э. А. Сымонович. Северная граница памятников черняховской культуры, МИА, 116, 1964, стр. 7—43.

Э. А. Сымонович связывает эти памятники исключительно с черняховской культурой. Однако сам факт присутствия на поселениях гончарной черняховской керамики не может считаться надежным критерием для определения характера памятников, тем более что речь идет о Курском Посеймье — периферии черняховской культуры. Кроме того, нельзя не учитывать, что соотношение между черняховской культурой и древностями последующего времени, недостаточно изученными на Левобережье, пока никем четко не определено.

Как и выемчатые эмали, так называемые древности антов происходят большей частью из случайных находок, но в отличие от них связываются главным образом с лесостепным Поднепровьем, встречаясь за его пределами лишь за редкими исключениями. «Древностями антов» именуются бронзовые и серебряные украшения, относящиеся преимущественно к женскому убору,— фибулы разных типов, браслеты, серьги, височные кольца и т. п. Характерны также части наборных мужских поясов. Подобно эмалям, эти древности представлены как кладами, так и отдельно найденными украшениями. Датировка, принятая для них, VI — начало VIII в. [33].

Вопрос об этнической принадлежности этого убора сложен. Обращение к самим древностям дает немного. Формы, характерные для убора, общеевропейские. Некоторые из них, как справедливо отмечает М. И. Артамонов, «восходят к гото-сарматским типам, центр производства которых находится на Боспоре, другие своим появлением обязаны Византии» [34].

А. А. Спицын, первым обративший внимание на эти древности, полагал, что они принадлежат антам [35]. Именно с легкой руки А. А. Спицына название «антские» закрепилось за лесостепными кладами VI — начала VIII в. Возможность такого решения А. А. Спицын обосновывал хронологией кладов и их размещением, согласующимся якобы с тем, что сообщает о расселении антов Прокопий Кесарийский. Версия А. А. Спицына не является убедительной — сообщение византийского историка о расселении антов «к северу от утигуров», на которое он указывал, допускает различные толкования [36]. А. А. Спицын сам признавал, что отсутствуют массовые памятники VI—VII вв., которые доказывали бы оседлость населения, оставившего клады, и преемственное развитие культуры во второй половине I тысячелетия.

При всем том эта версия нашла поддержку со стороны сначала Б. А. Рыбакова [37], а несколько позднее М. Ю. Брайчевского [38] и других исследователей. С разными коррективами она и до сих пор господствует в литературе. По Б. А. Рыбакову, лесостепные клады VI—VII вв. относятся к черняховской культуре, антской по принадлежности. Им высказана также мысль, что клады принадлежат не столько антам, сколько русам — одной из этнических групп, скрывавшейся под этнонимом «анты».

Поправки, внесенные М. Ю. Брайчевским в гипотезу А. А. Спицына, вытекают из защищаемой им концепции, согласно которой славяне составляли автохтонное население Среднего Поднепровья. Как и Б. А. Рыбаков, он относит «древности антов» к черняховской культуре. Основания

---

[33] Г. Ф. Корзухина. К истории Среднего Поднепровья в середине I тысячелетия н. э. СА, XXII, 1955, стр. 64—82; М. И. Артамонов. Болгарские культуры Северного и Западного Причерноморья. Доклады Географического общества СССР, 15, 1970, стр. 123—128.

[34] М. И. Артамонов. Вопросы расселения восточных славян и советская археология. Сб. «Проблемы всеобщей истории». Л., 1967, стр. 61, 62.

[35] А. А. Спицын. Древности антов. «Сборник статей в честь академика И. Соболевского». Л., 1928, СбОРЯС АН СССР, ст. 3, стр. 492—495.

[36] И. И. Ляпушкин. Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства. МИА, 152, 1968, стр. 10.

[37] Б. А. Рыбаков. Ремесло..., стр. 57 сл.; его же. Древние русы. СА, XVII, 1953, стр. 23—104.

[38] М. Ю. Брайчевский. К истории лесостепной полосы Восточной Европы..., стр. 114—129; его же. Біля джерел..., стр. 67 сл.

для этого он видит: в «фактах», свидетельствующих о переживании черняховской культуры до VI—VII вв.; в «фактах», непосредственно указывающих на связь «комплекса пальчатых фибул» с позднечерняховскими памятниками [39].

Необоснованность утверждения об антской принадлежности черняховской культуры и генетической связи между нею и Киевской Русью особенно очевидна сейчас, когда точно определилась хронология этой культуры и стали известны достоверные памятники третьей четверти I тысячелетия, в том числе корчакского типа, несомненно генетически увязывающиеся с древнерусской культурой. Датировка черняховской культуры III —IV вв. хорошо определяется монетами, амфорами, фибулами, стеклянной импортной посудой и т. п. [40]. Что же касается «фактов», якобы указывающих на связь черняховской культуры с «древностями антов», то они не могут приниматься всерьез, поскольку памятники, рассматриваемые М. Ю. Брайчевским как чисто черняховские, с вещами «комплекса пальчатых фибул» представляют собой поселения в одних случаях, несомненно, многослойные, в других — не имеющие четко выраженной стратиграфии; таковы Скибинцы, Молочарня и др.

Другое понимание исторического процесса в Среднем Поднепровье представлено в работах И. И. Ляпушкина [41], Г. Ф. Корзухиной [42] и М. И. Артамонова [43]. Г. Ф. Корзухина, некогда не соглашавшаяся с тем, что клады принадлежат кочевникам, ныне присоединилась в этом вопросе к И. И. Ляпушкину. Кочевниками, оставившими убор, она считает алано-болгар. Исходные положения, выдвинутые ею, заключаются в следующем: 1 — убор VI — начала VII в. по происхождению связывается с искусством Крыма и Северного Кавказа; 2 — отсутствие в лесостепном Левобережье поселений и могильников VI—VII вв. означает, что здесь в это время не было оседлости.

Подобную же позицию в отношении так называемых древностей антов занимает и М. И. Артамонов. Некоторое отличие заключается в том, что ведущая роль в создании днепровской лесостепной культуры VI — начала VIII в. — пастырской, по терминологии М. И. Артамонова, приписывается не аланам, а западным болгарам — кутригурам. Нельзя согласиться с заключением об отсутствии оседлости в VI — начале VIII в., сделанном М. И. Артамоновым относительно всего лесостепного Поднепровья, а Г. Ф. Корзухиной относительно левобережной его части. Попытка отождествить поселения пеньковского типа со стойбищами кочевников, предпринятая М. И. Артамоновым, с нашей точки зрения, не имеет достаточных оснований. В этом отношении позиция П. Н. Третьякова, недавно выступившего с критикой концепции М. И. Артамонова [44], безусловно прочнее.

Массовые памятники типа Пеньковки, хронологически и территориально увязывающиеся с «древностями антов», лучше изучены на Правобережье, где они были впервые обнаружены. С их открытием разработка двух взаимосвязанных вопросов — о времени появления в лесостепном Поднепровье славян и этнической атрибуции кладов VI — начала VIII в. — уже не может основываться исключительно на анализе убора. Один из путей решения этих вопросов состоит в определении генетической основы па-

---

[39] Там же, стр. 167—170.

[40] М. Б. Щукин. К вопросу о хронологии черняховских памятников Среднего Поднепровья. КСИА АН СССР, 121, 1970, стр. 104—112.

[41] И. И. Ляпушкин. Днепровское лесостепное Левобережье...

[42] Г. Ф. Корзухина. Спорные вопросы... Пользуюсь случаем выразить благодарность Г. Ф. Корзухиной за предоставленную мне возможность ознакомиться с этой работой.

[43] М. И. Артамонов. Етническата принадлежност и историческото значение на пастирската култура. «Археология», 1969, 3, София, стр. 1—9; его же. Болгарские культуры..., стр. 23—28; его же. Славяне и болгары в Поднепровье..

[44] П. Н. Третьяков. Что такое «пастырская культура»? СА, 1971, 4, стр. 102—113.

мятников пеньковского типа. Не меньшее значение имеет и выяснение отношения последних к культуре VIII—X вв., бесспорно принадлежащей славянам.

Границы распространения пеньковских памятников в лесостепном Левобережье пока можно наметить лишь приблизительно. В восточном направлении, они, видимо, тянутся вплоть до Северского Донца, где смыкаются с салтовской культурой. Об этом можно судить по исследованиям на салтовском катакомбном могильнике близ с. Дмитровское на р. Короче (бассейн Северского Донца), где была выявлена группа захоронений по обряду сожжения, сопровождавшихся лепной керамикой пеньковского, как указывает С. А. Плетнева, типа. В одном из погребений (1) рядом с большим биконическим горшком-урной находился типично салтовский пифос-корчага с двумя ручками. Вблизи с. Дмитровское С. А. Плетневой обнаружено и селище с пеньковской и салтовской керамикой [45]. Ниже по течению Северского Донца, у с. Задонецкое, поселение пеньковского типа исследовалось Б. А. Шрамко [46]. В 1971 г. оно обследовалось М. П. Кучерой и О. В. Сухобоковым. Собранная ими керамика представлена обломками биконических и округлобоких горшков с примесью шамота в тесте, в том числе одного крупного сосуда-зерновика биконической формы, имеющего невыделенный, украшенный валиком венчик [47]. Обращают на себя внимание находки гончарной керамики с пролощенным орнаментом, на которые указал Б. А. Шрамко.

Южная граница пеньковского ареала на Левобережье заходит в степную зону, спускаясь до Надпорожья [48]. Характерная лепная керамика найдена Л. М. Рутковской в ряде мест на р. Орели [49]. Два поселения пеньковского типа обнаружены на Полтавщине, в южном пограничье лесостепи, в 1971 г. Днепровским Левобережным отрядом [50]. Одно расположено на пологом склоне уступа правого коренного берега р. Ольховой Голтвы, в 2 *км* ниже с. Демидовка Решетиловского района. Культурный слой селища, перекрытый и подстилаемый черноземом, стратиграфически не выражен. Кроме находок третьей четверти I тысячелетия он содержит и более ранние, которые принадлежат черняховской культуре. К третьей четверти I тысячелетия относится характерная грубая лепная керамика с примесью шамота и дресвы в тесте. Формы сосудов: биконические горшки, сосуды зерновики с налепным валиком на венчике, сковородки с низким бортиком (рис. 3, *10—20*).

Совершенно такой же характер имеет керамика, найденная на втором селище, расположенном у с. Писаривщина Великобагачанского района, в устье балки, впадающей слева в долину небольшого ручья — притока Псла. Селище вытянуто вдоль берега балки на 300—350 *м*. Культурный слой распахивается, его толщина около 0,3 *м*. Найдены обломки горшков биконической формы, сделанных от руки из глины с примесью шамота, неорнаментированных, а также сковородок с низким бортиком.

Еще одно селище с биконической керамикой тогда же было обнаружено на правом берегу р. Полуозерье, притока Ворсклы, близ с. Полтавцы Полтавского района. Оно занимает невысокий край коренного берега и ос-

---

[45] С. А. Плетнева. Работа Северо-Донецкого отряда. АО — 1966, М., 1967, стр. 54, 55; ее же. Работа Левобережного Днепровского отряда АО — 1970, М., 1971, стр. 72—74.

[46] Б. А. Шрамко. Дослідження пам'яток в басейнах Сіверського Дінця Ворскли. Археологічні дослідження на Україні в 1969 р., IV, Київ, 1972, стр. 125—128, рис. 1.

[47] Фонды ИА АН УССР.

[48] А. Т. Сміленко. Осіле населення степового Подніпров'я в раннє середньовіччє «Археологія», XXII, Київ, 1969, стр. 161—179.

[49] Л. М. Рутковская. Исследование раннесредневековых памятников на р. Орель в 1968 г. Сб. «Археологические исследования на Украине в 1968 г.», III, Киев 1971, стр. 47—49.

[50] Работа проводилась под руководством автора.

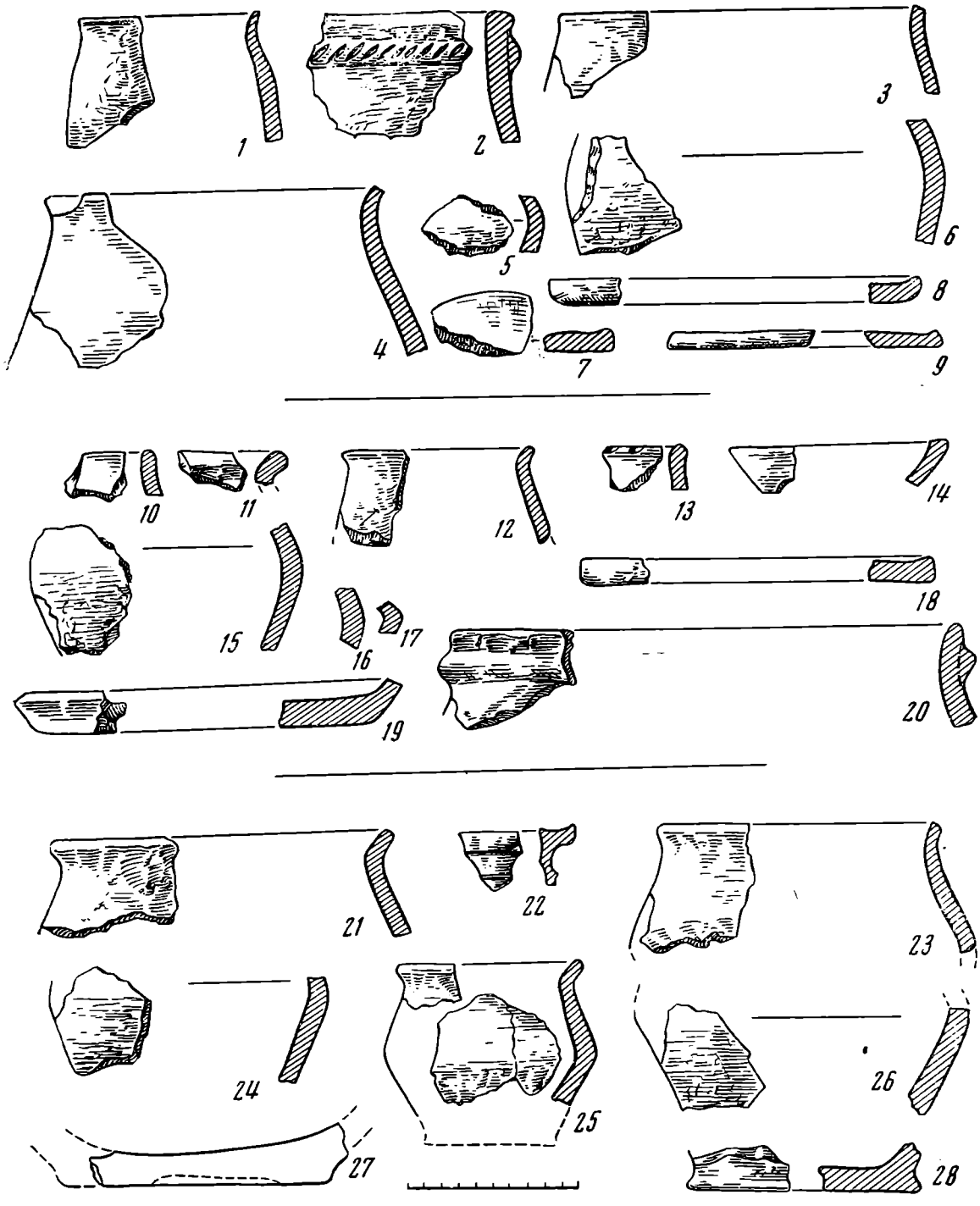


Рис. 3. Керамика с поселений послечерняховского времени

1—9 — Сенча; *10—20* — Демидовка; *21—28* — Полтавцы

нование отходящего от него пологого мыса, далеко вдающегося в пойму реки. Толщина культурного слоя в отдельных местах достигает 0,5 *м*. На селище была выявлена хозяйственная яма. Среди найденной керамики преобладают обломки небольших лепных горшков, преимущественно биконической формы (рис. 3, *21—28*). В тесте различается примесь шамота. Поверхность гладкая и шероховатая. В целом эта керамика выглядит архаичнее встреченной на первых двух поселениях. Венчики сосудов только отогнутые наружу, невыделенных нет. Отсутствуют некоторые типичные пеньковские формы, в частности сосуды с валиком, сковородки. На селище был найден венчик — «воротник» гончарного лощеного сосуда черняховского типа (рис. 3, *22*). Поскольку четких культурных отложений III—IV вв. не обнаружено, можно думать, что он относится к тому же комплексу, что и лепная посуда, и датируется скорее всего V в.

Такими же особенностями отмечена керамика селища в устье Сулы поблизости от с. Жовнин, в уроч. Василенки. Раскопками Л. М. Рутковской в 1969 г. здесь обнаружены два сильно разрушенных жилища и хозяйственная яма. Происходящая из них керамика исключительно лепная и состоит в основном из биконических горшков с отогнутыми наружу венчиками. Сюда относится также миска характерной для черняховской керамики профилировки. Поселение датируется V в. [51]. Еще одно селище послечерняховского времени открыто в низовьях Сулы М. П. Кучерой в 1957 г. Оно расположено в 1,5 *км* к востоку от хут. Миклашевского на берегу оз. Быстрик. Отсюда происходят два серебряных браслета с массивными утолщенными концами, аналогичные представленным в «древностях антов» [52]. На левом берегу Днепра в зоне затопления Кременчугской ГЭС и вблизи от нее Д. Т. Березовецом обнаружено 13 пеньковских поселений: 12 между устьями Сулы и Супоя и 13-е, Радуцковка, несколько выше г. Кременчуга [53].

Где проходила граница между памятниками типа Пеньковки и типа Курган Азак и Лебяжьего, по имеющимся данным сказать трудно. Вполне возможно, что верхние временные границы у них не совпадают. Нынешние датировки, основанные главным образом на типологических признаках керамики, широки и в этом смысле ненадежны.

Нужно сказать, что поиски границы были одной из задач Днепровского Левобережного отряда в 1971 г. К сожалению, не удалось осуществить сплошного обследования р. Псла вниз от самой южной точки северной группы памятников — Рашево. Были обследованы отдельные отрезки правого берега Псла между селами Великая Обуховка и Балаклея, а также на некоторые притоки этой реки в том же ее течении. Всего здесь было обнаружено три селища, несомненно принадлежащие послечерняховскому времени. На двух из них, расположенных на правом берегу р. Грунь-Ташань у с. Лютенские Будища, была найдена керамика, не дающая ясного представления о природе этих древностей. Третий памятник — Писаривщина имеет в материале пеньковские черты. Он находится непосредственно на границе степи, далеко к югу от Рашево.

В поречье Сулы памятники пеньковского типа известны гораздо севернее, чем на Псле. Материалы этого типа представлены на древнерусском поселении у с. Сенча Лохвицкого района, состоящем из городища с кольцевым валом и примыкающего к нему селища. Поселение занимает остров, образованный старицей и современным руслом Сулы. Разведочные работы на нем проводились И. И. Ляпушкиным в 1948 г. [54]. Кроме культурных остатков времени Киевской Руси на городище и селище была встречена грубая лепная керамика, неверно датированная И. И. Ляпушкиным эпохой бронзы. Она характеризуется горшками преимущественно биконической формы, сковородками с низким бортиком. Имеется венчик сосуда-зерновика, украшенного толстым валиком [55], покрытым насечками (рис. 3, *1—9*).

Близкая, хотя и менее выразительная лепная керамика была найдена И. И. Ляпушкиным на поселении в низовьях Удая, правого притока Сулы, между селами Тишки и Хитцы [56]. Она была также отнесена к бронзовому веку [57].

---

[51] Л. М. Рутковська. Дослідження поблизу с. Жовнин Черкаської області. Археологічні дослідження на Україні в 1969 р., IV, Київ, 1972, стор. 224—229.

[52] М. П. Кучера. Отчет о раскопках на древнерусском городище у хут. Миклашевского Еремеевского сельсовета Градишского района Полтавской области в 1958, 1959 гг. Архив ИА АН УССР, 1959/1г, № 3331, стр. 14.

[53] Д. Т. Березовец. Ук. соч., стр. 191, рис. 22.

[54] И. И. Ляпушкин. Днепровское лесостепное Левобережье..., стр. 340, 341: его же. Отчет о работе Днепровской Левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР, 1948 г. Архив ЛОИА АН СССР, ф. 35, оп. 1, д. 95, стр. 87, 88.

[55] Фонды Гос. Эрмитажа.

[56] Там же.

[57] И. И. Ляпушкин. Дневник Днепровской Левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР, 1948 г. Архив ЛОИА АН СССР, ф. 35, оп. 1, 1948 г., д. 93, стр. 18, 19.

Итак, есть все основания полагать, что пеньковским типом на Левобережье была занята широкая полоса, охватывающая как лесостепные, так и степные районы, начиная от Днепра вплоть до Северского Донца (рис. 1). Вопросы, связанные с изучением пеньковского типа, остаются неразработанными. Окончательно не выяснено его происхождение, отношение к достоверно славянской культуре того же и последующего времени. Д. Т. Березовцом, первым выделившим этот пласт древностей, было высказано мнение о том, что он оставлен славянами, а некоторые его отличия, особенно заметные в керамике, от раннеславянской (корчакской) культуры являются локальными [58]. Вывод о славянской атрибуции пеньковского типа получил признание в литературе. Между тем дело обстоит далеко не так просто, как это представлялось Д. Т. Березовцом и др.

Как уже говорилось, памятники пеньковского типа известны главным образом по поселениям, обнаруженным в правобережной части Поднепровья. В основном это материалы разведок. Раскапывались только немногие из них — Молочарня, Луг I, Стецовка, Дереивка, поселение в балке Яцевой и некоторые другие. Для них, по утверждению Д. Т. Березовца, характерны обычные для славян жилища — полуземлянки с печью каменкой в углу. В действительности это не совсем так. В Молочарне удалось проследить неправильной конфигурации углубления в материке с пятнами прокаленного песка и отдельными кусками гранита [59]. Конструкцию и планировку этих полуземлянок можно только предполагать. Что касается поселения в балке Яцевой, то здесь в одном случае за жилище принято пятно округлых очертаний с очажной ямой в центре, прослеженное в культурном слое, в другом — полуземлянка без очага или печи, на две трети разрушенная [60]. Жилища-полуземлянки, обнаруженные в Дереивке [61] и в Домантове [62], не имеют правильных очертаний, к тому же в них выявлены не печи, а очаги. На селище у хут. Крещатик от жилища сохранилась одна из его стенок и беспорядочное скопление камней [63]. В Игрень-Подкове в 1953 г. В. Н. Даниленко и А. В. Бодянским исследованы слегка углубленные жилища, имевшие как будто печи-каменки [64]. Но для них отмечены и «каменные фундаменты», встречающиеся только в жилищах салтовской культуры [65]. Жилища, обложенные камнем, открыты еще на одном поселении с пеньковской керамикой, в 2 *км* к югу от с. Майорки на правом склоне балки Звонецкой [66]. Жилища здесь отличаются от славянских и по размерам (одно из них — 11×7 *м*). Согласно А. В. Бодянскому, для «антских» поселений, открытых им в Надпорожье, более характерны наземные жилища [67], как известно, чуждые ранним славянам. Впрочем, сведения А. В. Бодянского, почти ничем не документированные, в целом недоказательны.

Жилища полуземлянки, тождественные славянским, были открыты на селище Луг I близ с. Пеньковка и несколько хуже сохранившиеся в Сте-

[58] Д. Т. Березовец. Ук. соч., стр. 145 сл.

[59] Там же, стр. 150.

[60] А. Т. Брайчевская. Поселение у балки Яцевой в Надпорожье. МИА, 108, 1963, стр. 253, рис. 2; стр. 255, рис. 5.

[61] Д. Я. Телегин. Из работ Днепродзержинской экспедиции 1960 г. КСИА АН УССР 12, Киев, 1962, стр. 16, 17, рис. 2.

[62] С. С. Березанская. Отчет о работе в окрестностях с. Домантово Золотоношского района Черкасской области в 1958 году. Архив ИА АН УССР, 1958/1д, № 3257, стр. 16 сл.

[63] Е. Ф. Покровская, Г. Т. Ковпаненко. Отчет о работе Крещатицкого отряда Кременчугской первобытно-скифской экспедиции 1958 г. Архив ИА АН УССР, 1958/1в, № 3395, 3398.

[64] В. Н. Даниленко. Раннеславянские памятники на Днепровских порогах (по раскопкам 1953 г.). Архив ИА АН УССР, 1953/4а, № 2102, стр. 4 сл.

[65] С. А. Плетнева. От кочевий к городам. МИА, 142, 1967, стр. 63; А. В. Гадло. Южное Приазовье в период хазарского каганата. Автореф. дис. Л., 1969, стр. 8.

[66] А. В. Бодянский. Археологические находки в Днепровском Надпорожье СА, 1960, 1, стр. 274—277.

[67] Д. Т. Березовец. Ук. соч., стр. 194; А. В. Бодянський. Загальний звіт про археологічні досліди в Надпоріжжі за 1952 р. Архив ИА АН УССР, 1952/2г, № 1873, стр. 37 сл.

цовке. Но на этих поселениях встречена и несомненно славянская лепная и раннегончарная керамика, близкая типу Луки Райковецкой, которой в Молочарне и ряде подобных селищ с жилищами неопределенных типов нет совсем.

Согласно Д. Т. Березовцу, для пеньковских памятников, особенно наиболее ранних, таких как Молочарня, типичны лепные горшки с ребром на середине высоты. Эта посуда, как он полагает, также является признаком славянской принадлежности, поскольку она встречается в слоях некоторых бесспорно славянских поселений. Этот вывод, однако, не основан на стратиграфических наблюдениях или исследовании несомненно закрытых комплексов, например погребальных. К числу пеньковских Д. Т. Березовцом отнесены все те памятники, в которых была встречена так называемая биконическая керамика, независимо от того, обнаружена ли она in situ или в переотложенном, нарушенном пахотой слое, содержащем разновременные отложения. И нет уверенности в том, что не этим объясняется различие памятников, считающихся пеньковскими — селищ с несомненно славянскими слоями, с одной сторочы, и Молочарни и степных комплексов, подобных селищу в балке Яцевой, с неопределенными жилищами и так называемой биконической керамикой, с другой.

Следует сказать, что древности, имеющие определенные связи с днепровскими VI — начала VIII в., открыты в среднем течении Южного Буга [68], на территории Молдавской ССР [69] и румынской Молдове [70]. Вместе с тем исследованные здесь памятники имеют существенные особенности, что не позволяет отождествлять их с пеньковскими. Отличия видны в керамике, которая представлена не только пеньковскими формами, но и другими, в том числе аналогичными известным в корчакском и пражском вариантах славянской культуры VI—VII вв. Она сближается и со славянской посудой более позднего времени. То же можно сказать и о жилищах VI—XII вв. на территории Молдавии и в среднем течении Южного Буга — полуземляночных, срубной и столбовой конструкции, с печами в правом заднем от входа углу.

Если вывод о преемственности развития культуры во второй половине I тысячелетия в полосе лесостепи к западу и юго-западу от Среднего Днепра не вызывает особых сомнений, то подобное заключение в отношении лесостепного Поднепровья пока не подтверждается фактами. О взгляде М. И. Артамонова на этническую историю Поднепровья в третьей четверти I тысячелетия уже шла речь в связи с проблемой «древностей антов». Пеньковские памятники и синхронные с ними клады лесостепи, по его мнению, являются ингредиентами одной, так называемой пастырской культуры, принадлежащей болгарам — кутригурам. Основу концепции М. И. Артамонова составляет то положение, что в лесостепном Поднепровье в третьей четверти I тысячелетия не было оседлости. Но именно в этом звене, как уже говорилось, она уязвимее всего.

Вместе с тем кочевнические элементы безусловно есть в днепровской и лесостепной культуре VI — начала VIII в., но выражены они слабо и являются как бы привнесенными, четко отделяясь от определяющих компонентов. Но поскольку они прослеживаются, можно полагать, что лесостепное Поднепровье в это время в этническом отношении не представляло однородного массива только оседлого земледельческого населения. О пребывании здесь кочевнических групп, видимо, свидетельствует округлая наземная юрта, открытая в Стецовке [71], ряд одиночных погребений по обряду ингумации с вещами «антского» типа, известных в лесостепном Поднеп-

[68] П. И. Хавлюк. Раннеславянские поселения Семенки и Самчинцы в среднем течении Южного Буга. МИА, 108, 1963, стр. 320—335.

[69] Э. А. Рикман, И. А. Рафалович, И. Г. Хынку. Очерки истории культуры Молдавии (II—XIV вв.). Кишинев, 1971, стр. 59—119.

[70] Dan Gr. Teodor. Regiunile răsăritene ale României în secolele VI—VII. Memoria Antiquitatis, I, 1969, p. 181—206.

[71] В. П. Петров. Стецовка. МИА, 108, 1963, стр. 215, рис. 3, *3*.

ровье еще с конца прошлого и начала нашего веков[72]. М. И. Артамонов прав, отмечая южное происхождение гончарной посуды так называемого пастырского и канцирского типов, постоянно встречаемой на пеньковских поселениях. Керамика, аналогичная гончарной пастырской — серой, с пролощенным узором, для которой особенно характерны шаровидные горшки, обычна для праболгарских поселений и могильников Северо-Восточной Болгарии. Есть она и в салтовской алано-болгарской культуре[73]. Канцирская керамика, представленная главным образом искусно сделанными кувшинами, также по происхождению связывается со степным Причерноморьем, Северным Кавказом[74]. Места ремесленного производства этой посуды открыты у с. Мачуха близ Полтавы и в балке Канцирке в Надпорожье[75]. Однако не гончарная привозная, а изготовлявшаяся на месте лепная посуда определяет прежде всего характер пеньковских памятников. Наличие в них «пастырской» керамики может указывать лишь на тесные контакты между пеньковскими племенами и этнически пестрой средой Северного Причерноморья.

Последние открытия на Левобережье подтверждают положение о том, что «древности антов» входят в тот же культурно-хронологический комплекс, что и пеньковские памятники. Не ясно, однако, изготовлялись ли предметы убора собственно пеньковцами или, как и гончарная керамика пастырского и канцирского типов, они являлись ремесленной продукцией выходцев из Северного Причерноморья, например части аланов, как считает Г. Ф. Корзухина. Одним из центров ремесленного производства, по всей видимости, было Пастырское поселение, которое находится в пеньковском ареале. Следует отметить, что кроме гончарной керамики с пролощенным орнаментом здесь была встречена лепная посуда, в большей части отличающаяся по формам от пеньковской[76], но сближающаяся по ряду признаков с комплексами степного Юга[77]. В них, в частности, находят аналогии приземистые, широко открытые горшки с прямым вертикальным или слабо наклоненным наружу венчиком. Вместе с тем есть основания полагать, что с ювелирным делом были знакомы и обитатели пеньковских поселений. На ряде памятников найдены льячки, обломки тиглей и другие следы производственной деятельности, связанной с плавкой цветных металлов и их обработкой.

В материальной культуре пеньковской группы населения и ее северных соседей, стоявших на одном уровне социально-экономического развития и находившихся, видимо, в контакте, наряду с различиями прослеживаются и некоторые соответствия. Это касается отчасти керамики[78]. В этой связи нужно указать и на находки украшений «антских» типов в памятниках колочинского или, по Ю. А. Липкингу, лебяжьинского типа в Курском Посеймье[79]. Известны находки таких украшений под Меной и Сосницей[80],

[72] А. А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. II. СПб., 1894, стр. 29, 148, 149; Н. П. Авенариус. Поставмукские курганы. ЗРАО, VIII, 1—2, СПб.; 1896, стр. 179—187; В. Е. Данилевич. Раскопка курганов около с. Буд и х. Березовки Ахтырского уезда Харьковской губернии. Тр. XII АС, I, М., 1905, стр. 428; М. И. Артамонов. Славяне и болгары..., стр. 124.

[73] С. Р. Станчев. Новый памятник ранней болгарской культуры. СА, XXVII, 1957, стр. 122—126; Ст. Михайлов. Относно произхода на ранносредневековната чернолъскава керамика в България. «Археология», III, 4, 1961, стр. 5—11.

[74] Т. М. Минаева. Кераміка в балці Канцирка в світи археологічних досліджень на Північному Кавказі, «Археологія», XIII, Київ, 1961, стр. 119 сл.

[75] Н. Макаренко. Отчет об исследованиях в Полтавской губ. в 1906 г. ИАК, 22. СПб., 1907, стр. 116 сл.; А. Т. Брайчевська. Розкопки гончарського горна в балці Канцирка в 1955 р. «Археологія», XIII, стр. 114 сл.

[76] Фонды ИА АН УССР — материалы из раскопок М. Ю. Брайчевского в 1949 и 1955 гг.

[77] А. Л. Якобсон. Раннесредневековые сельские поселения юго-западной Таврики. МИА, 168, 1970, стр. 51—55, рис. 17, 18 на стр. 52.

[78] П. Н. Третьяков. Ук. соч., стр. 109, рис. 2.

[79] Ю. Липкинг. О чем рассказывают курганы, стр. 45—49.

[80] Ю. С. Виноградский, Д. И. Лавьюк. Находки бронзовых украшений в Менском и Сосницком районах. КСИА АН УССР, 9, Киев, 1960, стр. 96—98.

в могильнике у с. Усох в Верхнем Подесенье [81]. Суджанский клад, как теперь выяснилось, происходит с поселения, которое Ю. А. Липкинг, открывший его, считает возможным сопоставить с Лебяжьим I [82].

Мало что можно сказать о происхождении и генетической основе пеньковских памятников. Не лишена основания версия о черняховско-пеньковских связях, высказанная В. В. Седовым [83] и И. П. Русановой [84]. В настоящее время открыто немало черняховских поселений, на которых найдены не только типичная для III—IV вв. гончарная керамика, но и грубая в технологическом отношении ручной лепки посуда, а иногда, видимо, и по формам мало чем отличающаяся от пеньковской. Правда, далеко не всегда можно быть уверенным в том, что лепная керамика в этих случаях не принадлежит более поздним слоям. На правобережье такие древности отмечены И. П. Русановой [85]. В лесостепном Левобережье, как уже говорилось, обнаружены памятники V в., в керамическом комплексе которых, представленном преимущественно биконическими горшками, присутствуют некоторые черняховские элементы. Указанные наблюдения носят самый предварительный характер и нуждаются в проверке. Очевидно, что если между пеньковскими и предшествовавшими им памятниками существовали какие-то связи, то они должны обнаружиться не только в керамике, но и в других компонентах культур. Однако в широком плане такие связи остаются невыявленными.

Итак, в лесостепном Левобережье к предроменскому времени относятся две группы памятников, занимающих различные территории и отличающиеся друг от друга отдельными элементами. В первую входят памятники колочинского и близкого ему типа, с которыми и связано проникновение в лесостепную полосу выемчатых эмалей. Вторая, южная группа представлена памятниками пеньковского типа. Начиная с VI в. в пеньковском и частично колочинском ареалах получают распространение «древности антов», что явилось результатом ремесленной деятельности пеньковцев и (или) проживавших бок о бок с ними выходцев из Северного Причерноморья.

Этническая принадлежность памятников обеих групп не поддается надежному определению. Разработка этого вопроса затруднена скудостью имеющихся источников, как письменных, так и археологических. Вопросы этнической истории Среднего Поднепровья третьей четверти I тысячелетия уже не могут рассматриваться на материалах отдельных памятников. Последние должны быть систематизированы, изучены в своих взаимосвязях и отношении к другим культурам.

E. A. Gorunov

CERTAINES QUESTIONS DE L'HISTOIRE DES STEPPES BOISEES DE RIVE GAUCHE DU DNIEPR (V — DÈBUT DU VIII SS)

Résumé

Les sites archéologiques des V—VII ss reconnus dans les steppes boisées de rive gauche du Dniepr se divisent en deux groupes: septentrional qui fait un avec les sites dits de Kolotchine et méridional qui correspond aux sites du type de Pegnkovka (fig. 1). La pénétration en V s, dans la zone des steppes boisées, d'émaux creusés est en relation avec le groupe septentrional.

A parir du VI s. les aires de répartition de sites de Pegnkovka et, partiellement, de Kolotchine voient la diffusion des antiquités des Antes — parures de toute sorte, pour la plupart féminines, éléments de ceintures en plaques masculines etc — ce qui était le résultat des activités artisanales des Pegnkoviens ou des populations avoisitantes, originaires du littoral nord de la mer Noir ou bien des uns et des autres.

[81] В. А. Падин. Раннеславянские поселение и могильник в районе Трубчевска. СА, 1960, 3, стр. 317.

[82] Ю. А. Липкинг. Ук. соч., стр. 49.

[83] В. В. Седов. Ук. соч., стр. 69.

[84] И. П. Русанова. О керамике раннесредневековых памятников Верхнего и Среднего Поднепровья. Сб. «Славяне и русь». М., 1969, стр. 149.

[85] Там же.

Р. Г. ФАХРУТДИНОВ

ЗАДАЧИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ КАЗАНСКОГО ХАНСТВА

Историография Казанского ханства, главным образом его столицы Казани, непосредственно связана с именами П. И. Рычкова [1], К. Ф. Фукса [2], Н. С. Арцыбашева [3], М. С. Рыбушкина [4], Ю. Каница [5], Н. К. Баженова [6], В. Поваляева [7], С. М. Шпилевского [8], Г. Перетятковича [9], П. Е. Заринского [10], Ш. Б. Марджани [11], М. Н. Пинегина [12], К. Воронцова [13], Н. П. Загоскина [14], М. Богдановского [15], О. Лебедевой [16], Г. З. Кунцевича [17], Н. Ф. Катанова [18], М. Г. Худякова [19], Н. Ф. Калинина [20], Ш. Ф. Мухамедьярова [21], Е. И. Чернышева [22] и др. Кроме того, вопросы истории Казанского ханства

---

[1] П. Рычков. Опыт Казанской истории древних и средних времен. СПб., 1767.

[2] К. Ф. Фукс. Краткая история города Казани (Казань, 1817). ИОАИЭ, XXI, 2. Казань, 1905, стр. 121—170.

[3] Н. С. Арцыбашев. О старом городище Казани. «Вестник Европы», 1822, 21, стр. 12—21; его же. Взятие Казани. «Русский зритель», 1828, III, 9—12.

[4] М. С. Рыбушкин, Казань. «Заволжский муравей», Казань, 1832, ч. I, 1. 2; его же. Краткая история города Казани. Казань, 1834.

[5] Ю. Каниц. Краткое изложение плана древнего города Казани и описание осады оного в 1552 г. «Маяк», 1843, VIII, стр. 49—58.

[6] Н. Баженов. Казанская история. Казань, 1847.

[7] В. Поваляев. Начало Казанского царства. «Московские университетские известия», 1867, 12, стр. 1219—1249.

[8] С. М. Шпилевский. Указатель исторических достопримечательностей г. Казани. Казань, 1873; его же. Древние города и другие булгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877, стр. 68—87, 423—478.

[9] Г. Г. Перетяткович. Поволжье в XV и XVI веках. М., 1877.

[10] П. Заринский. Сборник исторических и археологических исследований о Казанском крае. Казань, 1880.

[11] Шигабуддин Багаутдинов (Марджани). Очерк истории Болгарского и Казанского царств. Тр. IV АС, I. Казань, 1884, стр. 40—58 (отд. II).

[12] М. Н. Пинегин. Казань в ее прошлом и настоящем. СПб., 1890.

[13] К. Воронцов. Историко-топографический очерк Казани перед завоеванием ее русскими. Казань, 1890.

[14] Н. П. Загоскин, Спутник по Казани. Казань, 1895.

[15] М. Богдановский. Инженерно-исторический очерк осады Казани. 1552 г. СПб., 1898.

[16] Olga de Lebedeff. Abrege de l'Histoire de Kazan. Roma, 1899.

[17] Г. З. Кунцевич. История о Казанском царстве или Казанский летописец. Опыт историко-литературного исследования. СПб., 1905.

[18] Н. Ф. Катанов, И. М. Покровский. Отрывки из одной татарской летописи о Казани и Казанском ханстве. ИОАИЭ, XXI, 4. Казань, 1906, стр. 303—340.

[19] М. Г. Худяков. Очерки по истории Казанского ханства. Казань, 1923; его же. Татарская Казань в рисунках XVI столетия, ВНОТ, 9—10. Казань, 1930, стр. 45—60.

[20] Н. Ф. Калинин. Казань. Исторический очерк. Казань, 1952, 1955; его же. Казанское ханство. История Татарской АССР, I. Казань, 1955, стр. 99—147.

[21] Ш. Ф. Мухамедьяров. Земельные правоотношения в Казанском ханстве. Казань, 1958; его же. К истории земледелия в Среднем Поволжье в XV—XVI веках. «Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР». М., 1959, стр. 89—122; его же. Казанское ханство. История Татарской АССР. Казань, 1968, стр. 68—100.

[22] Е. И. Чернышев. Селения Казанского ханства (по писцовым книгам). Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971, стр. 272—292.

и Казани в той или иной степени освещены в работах таких крупных исследователей, как А. Лызлов[23], В. Н. Татищев[24], М. М. Щербатов[25], Н. М. Карамзин[26], С. М. Соловьев[27], В. В. Вельяминов-Зернов[28], Н. Н. Фирсов[29], Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский[30], М. Н. Тихомиров[31], А. П. Смирнов[32], Н. И. Воробьев[33], С. О. Шмидт[34], М. Г. Сафаргалиев[35], Г. В. Юсупов[36], Б. Ишболдин[37] и др. Эти же вопросы затронуты в многочисленной общеисторической и компилятивной литературе, в учебниках и учебных пособиях, справочниках и словарях. Вся указанная литература, за исключением лишь некоторых авторов (Н. Ф. Калинина[38], А. П. Смирнова, Г. В. Юсупова), основана на письменных источниках: русских летописях, различных актах и грамотах, старинных картах и планах, татарских рукописях, произведениях древнетатарской литературы, ярлыках, а также на фольклорных сведениях, частично на эпиграфических, нумизматических и топонимических данных.

Археология Казанского ханства является одной из слабо изученных во всей средневолжской историографии. Исключение составляет археология самой Казани, которая в значительной мере явилась объектом внимания археологов, главным образом советских. Больше внимания уделено исследованию Иски (Старой) Казани и Казанского кремля. Небольшие археологические наблюдения на Иски Казани с попутными сборами фольклорного материала вели: в XVIII в. кап. Рычков[39], И. Г. Георги[40], в XIX в. Д. Зиновьев[41], Н. Ф. Яковкин и М. С. Рыбушкин[42], Н. Н. Кафтанников[43], П. Малов[44], в начале XX в. В. Л. Борисов[45], И. Н. Смирнов[46],

---

[23] А. Лызлов. Скифская история, I. М., 1787.

[24] В. Н. Татищев. История Российская с древнейших времен. VI. М., 1966.

[25] М. М. Щербатов. История России от древнейших времен. IV. СПб., 1783; V, СПб., 1786.

[26] Н. М. Карамзин. История государства Российского, V, VI, VIII. СПб., 1817.

[27] С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. II, 4; III, 5—6. М., 1960.

[28] В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование о касимовских царях и царевичах. I—III. Тр. ВОАО, IX—XI. СПб., 1863; 1864; 1866.

[29] Н. Н. Фирсов. Чтения по истории Среднего и Нижнего Поволжья, I. Казань, 1919; его же. Прошлое Татарии. Казань, 1926.

[30] Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М., 1950.

[31] М. Н. Тихомиров. Присоединение Чувашии к Русскому государству. СЭ, 1950, 3, стр. 93—106.

[32] А. П. Смирнов. Волжские булгары. Тр. ГИМ, XIX. М., 1951, стр. 269; его же. Работы Поволжской экспедиции 1960 г. КСИА АН СССР, 90, 1962; стр. 25—28.

[33] Н. И. Воробьев. Казанские татары, Казань, 1953.

[34] С. О. Шмидт. Предпосылки и первые годы «Казанской войны» (1545—1549). Тр. Московск. историко-архивного института. VI. М., 1954; стр. 187—257.

[35] М. Г. Сафаргалиев. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960.

[36] Г. В. Юсупов. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. М.— Л., 1960.

[37] Boris Ischboldin. Essays on tatar History. New Dehli, 1963.

[38] Кроме упомянутых монографических работ Н. Ф. Калинина, можно отметить некоторые его отдельные статьи: Н. Ф. Калинин. Где был дворец казанских ханов. ВНОТ, 6. Казань, 1927, стр. 81—96; его же. Город Казань. Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. М.— Л., 1941, стр. 104—106; его же. Раскопки в Кремле в 1953 г. «Известия КФАН СССР», сер. гуман. н., 1. Казань. 1955, стр. 117—138.

[39] Н. Рычков. Продолжение журнала или дневных записок по разным провинциям Российского государства, 1770 г. СПб., 1772, стр. 2—4.

[40] I. G. Georgi. Bemerkungen einer Reise in Russischen Reich, in den Jahren 1773 und 1774. SPb, 1775, S. 811—813.

[41] «Казанские известия», Казань, 1817, 17.

[42] М. С. Рыбушкин. Поездка в Старую Казань. «Заволжский муравей». III, 21, Казань, 1833, стр. 1169—1189.

[43] «Заволжский муравей», 1834, I, 3, план.

[44] П. Малов. Городище Старая Казань и город Арск. ЗАО, V. СПб., 1853, стр. 116—120; VIII, СПб., 1856, стр. 5.

[45] В. Л. Борисов. Древнее поселение близ деревни Старый Урмат Казанского уезда. ИОАИЭ, XVII, 1. Казань, 1901. стр. 61—63; 4, стр. 244—245.

[46] И. Н. Смирнов. Археологическая экскурсия в район Старой Казани (Иски Казань). ИОАИЭ, XVII, 4. Казань, 1901, стр. 243.

П. А. Пономарев[47], М. М. Хомяков[48]. В советское время начались стационарные археологические исследования Старой Казани с изучением обоих остатков города: цитадели в виде Иски Казанского (или Камаевского) городища и основной его территории — посада под названием Урматского селища. Работы такого характера проведены в 1928 г. И. Н. Бороздиным[49], в 1945, 1951—1952, 1956—1957 гг. археологической экспедицией Казанского филиала АН СССР и Казанского государственного университета под руководством Н. Ф. Калинина[50]. Небольшие исследования на этих памятниках в 1960 г. проводила Поволжская археологическая экспедиция, руководимая А. П. Смирновым[51]. В результате накопился значительный вещественный материал, позволяющий представить историю возникновения города Казани. Раскопки на Иски Казани, особенно на Урматском селище, выявили хорошо заметные следы металлургического и гончарного производства, жилищного строительства, частично ювелирного ремесла. Проводя анализ накопленного материала, Н. Ф. Калинин пришел к твердому убеждению, что орудия труда, оружие, бытовые предметы, формы жилищ, эпиграфика и, наконец, лощеная орнаментированная гончарная посуда являются булгарскими[52].

В археологическом отношении лучше изучен Казанский кремль и в меньшей степени — территория Новой Казани. В дореволюционное время археология Новой Казани ограничивалась случайными наблюдениями эпиграфических памятников, проведенными К. Ф. Фуксом, Ш. Марджани, Н. Ф. Катановым, И. И. Ашмариным, отдельными сборами монетных находок и кладов, сделанными А. Ф. Лихачевым, В. К. Савельевым, а также небольшими раскопками в Кремле без точных указаний на стратиграфию (Н. П. Загоскин, П. А. Пономарев). Необходимо подчеркнуть, что Казань до революции оставалась менее изученной по сравнению с некоторыми другими средневековыми памятниками, например, с Булгарским и Билярским городищами.

После Октябрьской революции в Казани развертываются планомерные археологические исследования. В 1928—1929 гг. экспедиция Научного общества татароведения под руководством Н. И. Бороздина проводит раскопки в Кремле. В 20—30-е годы В. Ф. Смолин, Н. Ф. Калинин, В. В. Егерев, Н. Г. Спиридонов изучают архитектурные памятники Кремля, исследуют культурные слои XV—XVIII вв. Археология Казани постепенно становится основной темой научных исследований Н. Ф. Калинина. Большие стационарные работы были проведены им в Кремле в 1947—1949 гг., особенно в 1953—1954 гг. В течение ряда лет он же проводил раскопки и в некоторых других местах города, на отдельных участках его центральной территории, на так называемой Зилантовой горе. Кроме того, Н. Ф. Калининым с 1923 г. велись систематические стратиграфические наблюдения

---

[47] П. А. Пономарев. О татарских святынях в Иски Казани. «Казанский телеграф», 3540, Казань, 1904.

[48] М. М. Хомяков. Где была Старая Казань? ИОАИЭ, XXVI, 6, Казань, 1911, стр. 623—634.

[49] И. Н. Бороздин. Из области татарской культуры. «Новый Восток», 25, М., 1929, стр. 191—197.

[50] Н. Ф. Калинин. Казань. Исторический очерк...; Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков. Итоги археологических работ за 1945—1952 гг. Казань, 1954, стр. 96—104; Отчеты Н. Ф. Калинина о раскопках и разведках на Иски Казани находятся в архиве ИА АН СССР, № 33, 1333, 1488; полевые дневники, чертежи, зарисовки, планы — в архиве КФАН СССР. Здесь же имеется рукопись его докторской диссертации на тему: «История Казани с древнейших времен до XVII в.», ф. 8, оп. 1, ед. хр. 202—об Иски Казани лл. 132—175. Коллекции хранятся в ГМТР, инв. № 5452, 8535, в Кабинете археологии КГУ, инв. № 120—125.

[51] Архив ИА АН СССР, Р — 1, № 2122, лл. 2—7. Коллекции в ГИМ, инв. № 97185, 97186.

[52] Н. Ф. Калинин. История Казани с древнейших времен до XVII в., лл. 143—155.

в период различных земляных работ на улицах и площадях Казани. В итоге этих работ был собран богатый материал, давший возможность в значительно лучшей степени, чем раньше, представить древнюю и средневековую историю города, его историческую и социальную топографию, характер культурных напластований татарской и русской эпох, черты материальной культуры Казанского ханства, сходной с материальной культурой Волжско-Камской Булгарии.

Из других археологических памятников Казанского ханства следует указать Чаллынское городище, расположенное на р. Шумбуте, правом притоке Камы. Городище известно в науке по сообщениям К. И. Невоструева [53], С. М. Шпилевского [54], предварительным обследованиям Н. А. Толмачева [55] и М. Г. Заитова [56]. Городище было исследовано Н. Ф. Калининым в 1955 г., датировавшим его XIV—XVI вв., причем наиболее богатыми являются верхние горизонты культурного слоя [57]. Археологическая карта Казанского ханства помимо трех указанных объектов содержит сведения еще о пяти городах, известных по местным сообщениям или изученным предварительно путем разведок: Старо-Зюринское, Утернясьское, Тангачинское городище на Меше, Арское и Бимерское городище на Казанке. В результате разведочного обследования, проведенного казанскими археологами в 1950—1960 гг. и 1970 г., на территории Казанского ханства выявлено 14 селищ, 7 местонахождений, 13 грунтовых могильников. Кроме того, в разные годы из Заказанья и Предволжья поступили в различные музеи страны три монетных клада, шесть случайных находок вещей.

Значительно лучше изучены эпиграфические памятники. Благодаря многолетним поискам Али Рахима, Н. Ф. Калинина, Н. И. Воробьева и особенно крупного татарско-советского эпиграфиста Г. В. Юсупова в Среднем Поволжье к настоящему времени известен 81 объект с эпиграфическими памятниками XV, особенно первой половины XVI вв. Это кладбища с надгробиями и отдельные надгробия (общее количество камней составляет 220). Г. В. Юсуповым детально классифицирована вся булгаро-татарская эпиграфика, доказана тождественность эпитафий XIV и XVI вв. [58] Кроме того, многие надгробия исследованы как памятники прикладного искусства (П. Е. Корнилов, П. М. Дульский, особенно Ф. Х. Валеев). Следует подчеркнуть, что большая часть всех перечисленных памятников расположена в Заказанье, центральной территории Казанского ханства.

Таким образом, археология Казанского ханства представлена к сегодняшнему дню всего 130 памятниками. Правда, здесь необходимо сделать оговорку: археологическая карта Казанского ханства в отличие от археологических карт более древних государственных или иных объединений имеет своеобразие. Дело в том, что остатки открытых поселений, деревень, т. е. селища, являются нижними слоями тех современных татарских сел, существование которых с периода Казанского ханства известно по писцовым книгам середины XVI — начала XVII в. Карта селений Казанского ханства, составленная Е. И. Чернышевым по этим источникам, насчитывает 700 пунктов, основная часть которых (более 500) приходится на долю Заказанья; около 150 селений размещены в Предволжье, 9 сел нахо-

---

[53] К. И. Невоструев. О городищах древнего Волжско-Болгарского и Казанского царств в нынешних губерниях Казанской, Симбирской, Самарской и Вятской. Тр. I АС, II, М., 1871, стр. 571—573.

[54] С. М. Шпилевский. Древние города..., стр. 616—620.

[55] Н. А. Толмачев. Об остатках древности в пределах Казанской губернии. Тр. IV АС, I, Казань, 1884, стр. 75—78.

[56] М. Г. Заитов. О Чаллынском городище. ИОАИЭ, III, стр. 275—280.

[57] Н. Ф. Калинин. К итогам археологической экспедиции КФАН СССР 1955 года. «Известия КФАН СССР», сер. гуман. н., 2, Казань, 1957, стр. 201—204. Отчет в архиве ИА АН СССР, Р — 1, № 1146, лл. 15—43.

[58] Г. В. Юсупов. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику.

дятся на Елабужской стороне и 20 — в Закамье[59]. Преобладающая часть этих селений продолжает свое существование и поныне, о чем свидетельствует тождественность названий современных сел с таковыми по писцовым книгам. Таким образом, число памятников Казанского ханства доходит до 800. Однако еще не вся территория бывшего ханства достаточно обследована археологически. Не снимается необходимость исследования Заказанья и некоторых северных районов Казанского Поволжья путем сплошной разведки в целях завершения наиболее полной археологической карты Казанского ханства. К сожалению, к сегодняшнему дню слабо или вообще не изучены бассейны таких рек Заказанья, как Ашит, Шошма, Шумбут, Берсут, нижнее течение самой Казанки, верхнее течение Меши, левобережье Илети и правобережье Вятки в их нижних течениях. Указанные реки являются важнейшими водными артериями казанско-татарской территории. Сплошное разведочное обследование в Заказанье необходимо не только для фиксации памятников Казанского ханства, но и для составления археологической карты Татарии в целом. Заказанье, где завершилось формирование материальной и духовной культуры казанских татар, требует к себе более внимательного отношения со стороны археологов.

Развитие Казанского ханства, как и всякого другого феодального государства средневековья, характеризовалось закрепощением трудового народа, тяжелыми налоговыми повинностями, феодальными смутами. Непрекращающиеся войны между Казанью и Москвой сыграли отрицательную роль в истории татарского и соседних народов. В то же время создание Казанского ханства явилось восстановлением национальной государственности волжских булгар, нарушенной монгольским завоеванием. На базе концентрации производительных сил, получивших дальнейшее развитие, создаются большие экономические и культурные центры на Средней Волге, объединенные в одно централизованное государство. Многие отрасли экономики и культуры булгар поднимаются на новую ступень; развиваются пашенное земледелие, ремесленное производство и торговля. Казань становится центром торговли между Западом и Востоком, она экспортирует свои товары во многие отдаленные страны (Фландрию, Польшу, Закавказье, Среднюю Азию, Персию), не говоря о таких соседних государствах, как Русь, Астраханское ханство, Ногайская Орда и др. Зодчество, изобразительное и прикладное искусство волжских булгар не только получают дальнейшее развитие, но по своему содержанию и форме становятся классическими (ювелирное искусство, резьба по камню, орнаментация, монументальная архитектура).

Важнейшей задачей исследования Казанского ханства является анализ его социально-экономической структуры на основе углубленного изучения материальной культуры города и деревни. Выяснение характера и сущности ремесленного производства становится необходимым для решения проблемы возникновения и роста города. Раскопки производственных комплексов, проведенные в Булгарах, Сарае, частично в Иски Казани и Казанском кремле, должны выяснить форму организации ремесла.

Проблема города является одной из важнейших вообще для средневековых государств, а для Казанского ханства особенно. Малое количество городищ казанской эпохи еще не является основанием для вывода о малом количестве городов. Некоторые письменные источники дают сведения несколько иного характера. Никоновская летопись сообщает, что Иван Грозный в своей речи перед митрополитом Макарием в священном соборе по случаю взятия Казани говорил, что он разместил многих своих воевод по татарским городам и землям[60]. Сколько было таких городов, Никон не сообщает. Однако такое известие конкретизируется казанским летописцем, жившим в Казани 20 лет в качестве пленника перед взятием ее русскими

---

[59] Е. И. Чернышев. Селения Казанского ханства.
[60] ПСРЛ, XIII, М., 1965, стр. 225.

и, следовательно, оставившим, как очевидец, верные сведения по этому периоду. Он сообщает, что при завоевании казанской земли войска Грозного взяли «в десять дний великих же и малых острогов 30» [61]. Упомянутая Никоновсаня летопись [62], а также Царственная книга [63], летописец начала царства Ивана Грозного [64] и Александро-Невская летопись [65] содержат сведения о наличии больших оборонительных пунктов или крепостей между Казанью и Арским. «...великие крепости у них поделаны» говорится в них при описании событий похода русского войска в сентябре 1552 г. в глубь Заказанья. Таким образом, городов и крепостей было больше, чем городищ, известных в настоящее время. Малое число городищ объясняется, очевидно, другими причинами. Вполне возможно, что укрепления этих городищ застроены по мере увеличения площадей этих поселений в течение долгого времени после падения Казанского ханства или в результате долговременной распашки. Так исчезли так называемый Малый окоп г. Великие Булгары, валы самой Казани и ряда других булгаро-татарских городов, представленных Деушевским, Янтиковским, Городищенским, Сюкеевским, частично Балымерским, Кокрятьским, Билярским городищами.

Есть еще другая причина малого числа городищ Казанского ханства, вызванная самой формой городов, а именно значительным распространением в описываемый период открытых, неукрепленных городов. Форма открытого города характерна в целом для золотоордынской культуры. Монголы не строили у себя укрепленных городов и того же требовали у покоренных народов. «Городам не позволено иметь стены и ворота, дабы не могли припятствовать вступлению войск» — писал Марко Поло, совершивший путешествие в татарскую землю в середине XIII в. [66] Другой западноевропейский путешественник Иосифат Барбаро (XV в.) обращает внимание на отсутствие стен и башен у татарских городов [67]. И наконец, знаменитый историк XVI в. Павел Иовий сообщает, что татары вместо городов имеют большие открытые поселения, «необведенные ни рвами, ни насыпями, но защищаемые бесчисленным количеством всадников, вооруженных стрелами» [68]. Известно, что столицы Золотой Орды Сарай Бату и Сарай Берке были без крепостных стен. Естественно, все это имеет отношение к районам Нижнего Поволжья и Дона, т. е. к половецкому миру, однако такая политика Золотой Орды в отношении подвластных ей областей, в том числе и булгаро-татарской территории, имела определенную силу. Хорошим примером таких открытых городов на нашей земле являются Иски Казань, Жукотин, Кирменчук, Булгар (последний в XIII в.). Защищенными являются только цитадели этих городов, а основные их площади оставались открытыми. Однако, с другой стороны, несмотря на все эти ограничения, казанские татары, будучи оседлым народом, продолжали традиции булгарского градостроительства, о чем говорит наличие отмеченных выше городищ Казанского ханства.

Следовательно, разрешение вопроса — преобладала ли здесь форма булгарского градостроительства или сыграла основную роль золотоордынская политика — необходимо не только для уточнения содержания и формы города, но и для выяснения тождественности городской культуры Казанского ханства с культурой того или иного предшествовавшего государства и народа. В дореволюционной литературе господствовало мнение,

---

[61] «Казанская история», М., 1954, стр. 132.
[62] ПСРЛ, XIII, стр. 210—211.
[63] Там же, стр. 507.
[64] ПСРЛ, XXIX, М., 1965, стр. 101—102.
[65] Там же, стр. 197.
[66] И. П. Минаев. Путешествие Марко Поло. СПб., 1902, стр. 109.
[67] В. Семенов. Библиотека иностранных писателей о России. I. СПб., 1836, стр. 32.
[68] Там же, стр. 24.

что Казанское ханство явилось преемником Золотой Орды, причем эта преемственность рассматривалась как в политическом, так и в культурно-этническом плане. Более того, основным этносом Золотой Орды считалось не местное кипчакское, а монгольское население. К сожалению, такого же мнения придерживались и придерживаются некоторые советские историки, и данный тезис фигурирует в ряде официальных изданий и учебников. Это объясняется, с одной стороны, недостаточным накоплением сведений по материальной культуре Казанского ханства, с другой — отсутствием надлежащей публикации и пропаганды даже собранного материала. Поэтому одной из основных задач археологии Казанского ханства является выяснение вопросов корней казанско-татарской материальной культуры. Необходимо провести детальную классификацию видов ремесла и искусства Казанского ханства (ювелирных изделий, гончарного производства, производства предметов быта, орудий, оружия и др.), а также форм жилищ и общественных сооружений и сравнить их с булгарскими или другими. Хотя в этом плане уже кое-что сделано Н. Ф. Калининым, однако этого мало; большая его работа, охватывающая и указанные вопросы, к сожалению, осталась неопубликованной. К тому же изучение памятников Волжской Булгарии, интенсивно проводимое в последнее время, все более расширяет наши представления о материальной культуре населения этого государства. Все это требует новых сравнений, поисков новых аналогий. Для этого необходима работа не только над накопленным материалом, чего явно недостаточно, но и дальнейший сбор материала путем систематических раскопок Иски Казани и Казанского кремля.

Есть уверенность в том, что будущие работы должны дать материалы для датировки некоторых сохранившихся до настоящего времени выдающихся памятников архитектуры. Вызывает большой интерес знаменитая и таинственная башня Сююмбеки. Уточнение времени сооружения этой башни важно и для представления о материале и стилевых формах монументальной архитектуры той или иной эпохи. Нам думается, что в ее датировке основную роль должны сыграть стратиграфические наблюдения, основанные на тщательных раскопках. Датировка этой башни концом XVII в., предложенная Н. Ф. Калининым, осталась недоказанной.

Одной из важнейших задач является также исследование деревни Казанского ханства. Наряду с селищами объектом изучения могут и должны стать нижние слои тех современных татарских деревень, существование которых с периода Казанского ханства известно по писцовым книгам и о которых речь шла выше. Разведочные исследования в ряде таких деревень, проделанные нами в 1969—1970 гг., дали некоторые положительные результаты. Керамика, собранная в более чем 30 селениях, по некоторым элементам формы и орнаментации напоминает булгаро-татарскую. Эти находки, предварительно отнесенные нами ко второй половине XVI — первой половине XVII в., могут свидетельствовать о продолжении керамического производства среди татар и после падения Казанского ханства. Дальнейшие работы, несомненно, дадут интересный материал как по периоду Казанского ханства, так и последующих эпох, что весьма важно для сравнения археологического материала с данными традиционной этнографии татар.

Археологическое изучение деревни не может не дать более углубленного представления феодальных отношений. Ш. Ф. Мухамедьяровым прослежен характер земельных правоотношений в Казанском ханстве. Известна форма феодальных пожалований под названием «суюргал», существовавшая также в Центральной и Средней Азии и, очевидно, в Золотой Орде. Вызывает большой интерес не только общий генезис и развитие, но и своеобразие феодальной ленной системы как в центре казанской земли, так и на периферии. Единственный пока источник, известный ярлык Сахиб-Гирея, не дает полной картины феодальных отношений в Среднем Поволжье. Совмещение археологических исследований с археографиче-

скими, опыт которого сделан нашей экспедицией в 1969 г., давший определенные результаты (находки печатей, рукописей, запись легенд и пр.), может выявить и некоторые материалы документального характера.

В отличие от золотоордынской денежной системы, нашедшей яркое решение в советской нумизматике (Г. А. Федоров-Давыдов, С. А. Янина), изученность денежной системы Казанского ханства следует считать крайне неудовлетворительной. Хотя принято считать, что в Казанском ханстве обращались деньги старого, золотоордынского чекана, однако система денежного обращения в Иски-Казанском княжестве в отличие от центральных и южных поволжских районов позднее приводит к смене денежного обращения в Казанском ханстве [69]. Имеется небольшой нумизматический материал по начальному периоду ханства; казанская историография располагает незначительным числом кладов русских монет XV в. Мы вправе ожидать от археологических раскопок городов и деревень новых нумизматических данных, говорящих о формах денежного обращения в развитый период государства казанских татар и ждать соответствующей помощи от нумизматов.

Исследование археологических памятников с учетом письменных источников несомненно расширит наши представления о сферах и характере внешней и внутренней торговли Казанского ханства, об ассортименте товаров экспорта и импорта.

Разведочные исследования в Заказанье, проведенные нами в 1969—1970 гг., дали дополнительный материал по эпиграфике. Экспедицией выявлено еще несколько пунктов с надгробиями первой половины XVI в. дополнительно к большому материалу, собранному Г. В. Юсуповым. Сплошная археологическая разведка при совмещении с опросом населения, нам кажется, дает более ощутимые результаты в отличие от объезда по предполагаемым местам и функционирующим кладбищам. Существенно необходимы исследования грунтовых могильников с обязательным изучением специалистами антропологических материалов. Интерес представляют старые, заброшенные кладбища современных татарских сел под названием «черемисских кладбищ», распространенные в северных районах. Исследование таких могильников наверняка даст определенные антропологические сведения о роли местного, финнского, компонента в формировании этноса казанских татар.

Исследования Заказанья расширят также наши понятия о времени заселения этого района булгарами. Новые данные, полученные в результате разведочных поисков 1967—1970 гг., опровергают старую точку зрения о сравнительно позднем появлении булгар в Предкамье, свидетельствуя об их гораздо раннем проникновении. Ряд булгарских селищ, выявленных в 1967—1968 гг. в правобережье Камы, например Гремячинское и Полянское, в своем керамическом материале содержит элементы IX—X вв. В 1968 г. в бассейнах правых притоков Камы — Бетьки и Сулы обнаружено значительное число булгарских поселений домонгольского времени. Большим достижением разведочных исследований, проведенных в Заказанье в 1969—1970 гг., является выявление домонгольских селищ в бассейне Казанки. Такие селища, как Чурилинское, Бужинское, Средне-Сердинское, Уньбинское, Сосновкинское, содержат материал, свидетельствующий о возникновении этих поселений в XII в., скорее всего, во второй его половине.

Следует отметить факты некоторого одностороннего, порой тенденциозного отношения отдельных историков к вопросам внешнеполитических связей Казанского ханства. Иногда в историографию (а через нее в художественную литературу и искусство) просачиваются необъективные суждения о варварском характере в целом этого государства, которые ни

---

[69] Г. А. Федоров-Давыдов. Клады джучидских монет. НЭ, 1, М., 1960, стр. 120—125.

в коей мере несовместимы с марксистским пониманием истории. Сравнительное изучение письменных и вещественных источников несомненно углубит понятия о взаимоотношениях Казанского ханства со своим ближайшим соседом — Русским государством, откроет новые страницы о русско-татарских взаимовлияниях, об экономических и культурных связях казанцев с другими народами и племенами.

Для полного представления о территории и археологических памятниках Казанского ханства необходимо вести работы и в некоторых других районах, например в Предволжье и Закамье. Вызывают большой интерес фундаменты некоторых зданий на так называемой горе Балынгуз около Билярского городища, существование которых в период Казанского ханства предполагается по некоторым документам и преданиям. Существует известие о царе (скорее о князе) города Бюляра, жившем во время царствования в Казани Сафы-Гирея. Об этом сообщает татарская челобитная русскому царю, составленная в 1677 г. Там говорится, что когда умер этот Бюлярский царь под именем Балын-Гузя, то Сафа-Гирей велел построить над его могилой палату (усыпальницу), а сторожить палату оставил людей, выделив им пашенную землю и вотчины вокруг палаты. После покорения Казанского ханства эти сооружения развалились, сторожей тоже не осталось. Поэтому татарские мурзы в своей челобитной просят русского царя позволить поселиться снова у палат Балын-Гузи его сородичам. Просьба татар была удовлетворена, новопоселенцам были отданы во владения прилегающие к палатам земли. Однако через некоторое время эти земли присвоили себе билярские стрельцы[70]. Строения постепенно пришли в ветхость и исчезли совсем, камни были увезены билярскими крестьянами под фундамент домов. В настоящее время на горе Балынгуз (название горы от упомянутого Балын-Гузя) наземных сооружений нет, заметны лишь следы кирпичных построек. По своим размерам эти кирпичи отличаются от кирпичей домонгольского и золотоордынского периодов. Вообще в районе Балынгуз известен ряд интересных памятников, например надгробия. Правда, и они уже исчезли к настоящему времени, однако Н. Рычков, видевший эти камни в 1769 г., указывал на одном из них дату 1434 г.[71], т. е. период образования Казанского ханства. В. А. Казаринов в конце прошлого столетия сообщал, что на склоне упомянутой горы когда-то была татарская мечеть, о чем сохранились предания у татар. Камни из-под фундамента этой мечети также увезены местными жителями Билярска[72]. В 1968 г. при разведках в районе Билярска мы обнаружили остатки балынгузских сооружений, представляющих собой полукруглые пятна диаметром 40—45 *м* с содержанием большого числа обломков обожженных кирпичей и изразцов. В целом развалины на горе Балынгуз заслуживают самое пристальное внимание археологов и есть полная уверенность в том, что они дадут ценные сведения по периоду поздней Золотой Орды и Казанского ханства.

Выдающийся советский историк академик Б. Д. Греков, закрывая конференцию по происхождению казанских татар, проведенную в 1946 г. в Москве Отделением философии и истории АН СССР совместно с Казанским институтом языка, литературы и истории, подчеркнул необходимость и актуальность изучения истории Казанского ханства[73]. Эта актуальность сохраняет полную силу и в настоящее время, когда все острее встает проблема решения этногенеза поволжских татар и наиболее полного представления сложной средневековой истории татарского народа. Зада-

---

[70] С. М. Шпилевский. Древние города..., стр. 61—62.

[71] Н. Рычков. Журнал или дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства, 1769 и 1770 году. СПб., 1770, стр. 21.

[72] В. А. Казаринов. Описание Билярских и Барановского городищ. ИОАИЭ, III, 1884, стр. 119—123.

[73] «Происхождение казанских татар». Казань, 1948, стр. 159.

чи археологического изучения Золотой Орды [74] успешно решаются в настоящее время. Задачи археологического изучения Казанского ханства ждут своего решения в ближайшем будущем.

R. G. Fakhroutdinov

OBJECTIFS DE L'EXPLORATION ARCHÈOLOGIQUE DU KHANAT DE KAZAN

Résumé

Dans la partie historiographique de l'article sont mentionnés de nombreux auteurs dont les ouvrages consernent l'histoire du Khanat de Kazan et de sa capitale. A la base de presque tous se trouvent les sources écrites et, partiellement, matériaux épigraphiques, numismatiques et folkloriques. Les travaux de N. F. Kalinine, explorateur de l'archéologie du Khanat de Kazan, sont malheureusement restés inachevés. Outre «l'iska» et le Kremlin de Kazan relativement bien étudiés on connait d'autres vestiges de villes interessants. L'archéologie du Khanat de Kazan possède au total 130 gisements y compris les points épigraphiques. La carte archéologique du Khanat doit être completée par de nouvelles explorations dans la Transkazanie.

L'objectif le plus important de l'exploration du Khanat de Kazan consiste en étude approfondie de la culture matérielle de villes et de villages (les villages sont connus d'après les livres d'impôts de la moitié du XVI — du début du XVII ss). Le problème de la ville: de sa forme, de sa structure socio-économique, des matériaux et des formes stylistiques de l'architecture monumentale etc, est le plus important dans l'archéologie du Khanat de Kazan. Les études archéologiques permettront d'avoir la meilleure connaissance des rélations féodales dans la contrée. Il est nécessaire de combiner les travaux de prospection et de fouille avec ceux archéographiques, anthropologiques, épigraphiques et numismatiques. Il faut que, dans les districts voisins où sont reconnus les gisements intéressants de l'époque Kazane, les travaux soient menés aussi.

---

[74] А. П. Смирнов, Г. А. Федоров-Давыдов. Задачи археологического изучения Золотой Орды. СА, 1959, 4, стр. 128—134.

И. А. КОЧЕТКОВ

О ПРИНЦИПАХ ИЗОБРАЖЕНИЯ АРХИТЕКТУРЫ НА ИКОНАХ МИТРОПОЛИТОВ ПЕТРА И АЛЕКСИЯ

Уже давно было отмечено, что в архитектурных фонах средневековых икон и миниатюр нередко отражаются формы реальной архитектуры [1]. За последние годы появилось несколько работ, посвященных анализу архитектурных фонов русской средневековой живописи [2]. Приведенный в них материал доказывает наличие связи между формами реальной архитектуры и их изображением на иконе и миниатюре и в то же время сложный характер этой связи. Древнерусский художник вовсе не стремится к реалистическому изображению действительности, архитектурные прототипы под его кистью подвергаются определенной трансформации. Это обстоятельство заставляет некоторых исследователей скептически относиться к возможности реконструкции архитектурных форм на основе их изображений в живописи. Так, А. В. Арциховский пишет: «Искать в миниатюрах реальные виды древнего Новгорода или древней Москвы нельзя. В сценах постройки и освящения тех церквей, которые стоят доныне, сходства с подлинными формами обычно не видно» [3]. Правда, здесь же он отмечает: «Но исключения из этого правила есть. Некоторые наиболее известные здания изображены довольно точно, художник знал их слишком хорошо». По-разному относились к такому источнику, как икона, и историки архитектуры. Одни из них (например, М. Красовский) полностью отрицали его ценность, другие использовали иконные изображения довольно широко (К. К. Романов, А. И. Некрасов и особенно Н. Н. Воронин). Эти разногласия объясняются, очевидно, тем, что икона очень слабо исследована с источниковедческой точки зрения. Авторы большинства названных работ ограничиваются поисками сходства между изображениями архитектуры и ее реальными формами, сами принципы изображения архитектуры иконописцем не становятся, как правило, объектом исследования. Между тем без понимания этих принципов историк архитектуры не может пользоваться таким специфическим источником, как средневековая икона и миниатюра. Ему остается только повторять вслед за Т. Сидоровой: «И в наши дни вопрос о значении лицевых рукописей для воссоздания древних архитектурных форм остается нерешенным» [4].

[1] Д. В. Айналов. Детали палестинской архитектуры и топографии на памятниках христианского искусства. Сообщения Императорского Палестинского общества, 1895, июнь; П. Л. Гусев. Новгород XVI в. по изображению на хутынской иконе «Видение пономаря Тарасия». СПб., 1900.

[2] А. Н. Свирин. К вопросу об изображении архитектурных форм в произведениях древнерусской живописи, хранящихся в собрании Государственной Третьяковской галереи. Государственная Третьяковская галерея. Материалы и исследования, 1. М., 1956, стр. 10—20; Т. Сидорова. Реалистические черты в архитектурных изображениях древнерусских миниатюр. «Архитектурное наследство», 10. М., 1958, стр. 73—100; М. А. Ильин. Изображение Иерусалимского храма на иконе «Вход в Иерусалим» Благовещенского собора. ВВ., XVII. М.— Л., 1960, стр. 105—113; А. Стоянович. Об изучении архитектурных форм на материале некоторых русских икон. ВВ, XVIII. М.— Л., 1971, стр. 116—123.

[3] А. В. Арциховский. Древнерусская миниатюра как исторический источник. М., 1944, стр. 104.

[4] Т. Сидорова. Ук. соч., стр. 73.

Очевидно, решение этой большой проблемы следует начинать с накопления частных наблюдений. Можно заранее предположить, что принципы изображения архитектуры на иконе и на миниатюре могут разниться между собой, что и те и другие испытывали какую-то эволюцию, что определенную роль могла играть авторская индивидуальность. Вот почему поставленная в статье проблема рассматривается на материале всего двух икон, а именно житийных икон митрополитов Петра и Алексия, происходящих из Успенского собора Московского Кремля [5]. Эти иконы выбраны не случайно. Во-первых, они парные [6]. Вероятно, рисунок обеих икон выполнен одним мастером. Это позволяет рассматривать иконы, не учитывая эволюцию художественных принципов эпохи и автора. Во-вторых, 38 клейм обеих икон содержат большое количество изображений памятников московской архитектуры. Эти изображения неоднократно использовались историками архитектуры для реконструкции форм несохранившихся зданий [7]. Иконы Петра и Алексия датировались разными учеными по-разному в промежутке времени между 1462 и 1503 гг. [8] В последнее время В. А. Кучкин привел аргументы в пользу датировки их февралем — июнем 1519 г. [9] Эту датировку можно принять с некоторой оговоркой: иконы написаны не раньше июля 1519 г. [10] Как увидим ниже, анализ архитектурных форм в клеймах икон митрополитов не противоречит указанной датировке.

В клеймах икон московских митрополитов встречаются изображения Андроникова и Троицкого монастырей, Успенского собора и собора Чудова монастыря. Изображение собора Чудова монастыря есть в 14, 15, 17 и 19-х клеймах иконы митрополита Алексия [11]. В первых трех клеймах эти изображения в общих чертах совпадают. Успенский собор изображен в П18, 19 и А9, причем во всех трех случаях его формы аналогичны. Также совпадают три изображения церкви монастыря на реке Рате, иноком которого был Петр (П3, 6, 7). Совпадение форм усиливается совпадением цвета: так, Чудов монастырь характеризуется всегда зеленым цветом. Успенский собор — желтым, а монастырь на р. Рате — сиреневым. (Ясно, что цвет служит здесь отличительным признаком каждого сооружения, не имея никакого отношения к его внешнему виду). Таким образом, различные изображения одного и того же храма совпадают между собой и в то же время отличаются от изображений других храмов. Отсюда еще не следует, что в архитектурных фонах клейм точно переданы формы реальной архитектуры, но несомненно, что архитектура в иконе не является простой условностью: она несет определенную информацию, служит если не изображением, то обозначением конкретных сооружений.

---

[5] В настоящее время первая находится в собрании музеев Московского Кремля (инв. № 3228 соб.), вторая — в собрании Государственной Третьяковской галереи (инв. № 013289), № по каталогу — 279.

[6] Доказательство этого положения см. в статье: И. Е. Данилова. Житийные иконы митрополитов Петра и Алексия из Успенского собора в Кремле в связи с русской агиографией. ТОДРЛ, XXIII. М.— Л., 1968, стр. 203.

[7] К. К. Романов. К вопросу о формах Московского Успенского собора 1326 и 1472 гг. МИА, 44, 1955; Н. Н. Воронин. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв., II. М., 1962, стр. 152—157.

[8] Обзор существующих точек зрения см. И. Е. Данилова. Ук. соч., стр. 199—202.

[9] Выступление В. А. Кучкина на заседании сектора древнерусского искусства Института истории искусств 18 января 1968 г. Позднее это положение было им развито в докладе для сотрудников музеев Московского Кремля.

[10] Обоснованию такой датировки был посвящен доклад, сделанный автором на заседнии сектора древнерусского искусства Института истории искусств 9 февраля 1971 г.

[11] Для удобства обозначим икону митрополита Петра буквой П, икону митрополита Алексия — буквой А и арабскими цифрами номера клейм. Тогда П7 будет означать 7 клеймо иконы Петра, А10 — клеймо иконы Алексия и т. д.

Сравним между собой два изображения собора Чудова монастыря. В них совпадают основные элементы: в обоих случаях это трехнефный одноглавый храм с приделом, крытый по закомарам. Однако второстепенными деталями изображения отличаются: в одном над закомарами идет ярус кокошников — в другом их нет; в одном дверные проемы собора и придела имеют арочное завершение — в другом дверной проем собора прямоуголен, а дверь придела вообще не изображена; в одном барабан главы придела не имеет окон — в другом имеет. При этом не может быть сомнения, что здесь художник имеет в виду один и тот же собор: в А14 изображена закладка митрополитом Алексием собора 1365 г. и устройство в нем гробницы, а в А15 — погребение Алексия в построенном им соборе. Чем бы ни была вызвана такая разница, она свидетельствует о том, что художника не особенно интересуют конкретные формы собора. Ту же черту мы замечаем при сравнении нескольких изображений Успенского собора, церкви монастыря на р. Рате. Следовательно, это не случайность, а принцип изображения.

Итак, при изображении конкретного сооружения древнерусский художник дает возможность зрителю отличить его от всех других сооружений, представленных на этой же иконе, для чего наделяет свое изображение некоторыми устойчивыми признаками. И в то же время художник проявляет полнейшее равнодушие к передаче мелких деталей формы изображаемой им архитектуры. Это противоречие в подходе к натуре вполне в духе средневекового художественного миросозерцания. Средневековый художник не стремится к реалистическому изображению объекта в его индивидуальной неповторимости. Его интересует идеальная сущность вещей, его образы тяготеют к передаче абстрактных понятий, а не конкретных представлений. При изображении московской архитектуры автор икон митрополитов добивается не достоверности изображения, а лишь передачи понятий: «Собор Чудова монастыря», «Успенский собор». Художник будет вполне удовлетворен, если зритель узнает изображенное на иконе сооружение. Для этого прежде всего нужно выделить его среди других с помощью некоторых отличительных признаков. В данном случае такими признаками являются основные архитектурные формы. Зато в изображении второстепенных деталей формы художник полностью свободен. Он использует эту свободу для достижения различных художественных целей или просто для того, чтобы избежать однообразия в случае необходимости несколько раз изобразить один и тот же объект. Он должен следить только за тем, чтобы два изображения одного объекта при всей разнице в деталях были все же похожи настолько, чтобы не восприниматься как изображения двух различных объектов. Компоновка основных архитектурных форм, поскольку она не меняет содержания изображаемого понятия, также предоставляется воле художника. Вот почему при изображении собора Чудова монастыря художник смог поместить придел Благовещения с западной стороны храма, а не с южной, где он находился на самом деле: для выражения понятия это совершенно неважно, а для достижения наилучшей обозримости всех основных элементов здания удобно. Еще Н. Султанов отметил этот «странный прием» древнерусского художника: «Он ставит на первый план не ту часть здания, которая ближе к картинной плоскости, а ту, которая важнее по своему значению, в силу чего он, например, выдвигает вперед купол пятиглавой церкви, несмотря на то что он окружен угловыми» [12].

Для узнавания того или иного архитектурного изображения мало отличить его от всех других. Изображение должно соотноситься в сознании зрителя с тем реальным зданием, которое изображается. Правда,

---

[12] Н. Султанов. Образцы древнерусского зодчества в миниатюрных изображениях. СПб., 1881, стр. 9. Об этом же писал П. Л. Гусев. Ук. соч., стр. 26.

достигнуть этого можно разными способами. Художник может дать вполне условное изображение, рассчитывая на зрителя, знающего, где происходили представленные события. Кроме того, на помощь изобразительному искусству может прийти слово в виде пояснительной надписи. Но художник может и средствами живописи обозначить место действия, если его изображение окажется похожим на реальный архитектурный прототип. Посмотрим, как решает эту задачу автор икон московских митрополитов.

Изображенный в А14 и 15 (рис. 1) собор Чудова монастыря был построен в 1365 г. за одно лето[13]. О формах собора мы знаем только, что он имел с южной стороны придел во имя Благовещения[14], где был погребен митрополит Алексий. В 1431 г. верх церкви обвалился. Об этом повествует «Житие Алексия», составленное Пахомием Сербом[15]. На ее месте была выстроена новая церковь, о формах которой житие сообщает более подробно: «Аще и мнее первыя, но обаче высока и зело пространна и прекрасна и трикровна, выспрь восходы имея. Древняя же церковь юже разобраша, аще и пространнее была всюду по обаче единокровна была и един помост имея токмо на самой земли имуще»[16]. Это описание толкуется разными исследователями по-разному[17]. Для нас существенно важно то обстоятельство, что при любых толкованиях новая церковь отличается от старой не только внутренней планировкой, но и размерами и внешними формами. Изображая в А17 собор 1431—1434 гг., художник легко мог показать его отличие от собора 1365 г. Но он этого не делает[18]. Он изображает собор 1431 г. в формах собора 1365 г.: придел, одна глава, три нефа с позакомарным покрытием. Мелкие отличия в деталях (отсутствие окон в закомарах, несколько иная форма покрытия) не мешают зрителю отождествить его с собором, изображенным в предшествующих клеймах. На обоих рисунках мы видим придел Благовещения, что соответствует исторической реальности.

В тех же формах дан собор в А19 (рис. 2), где изображены чудесные исцеления у гроба Алексия, но здесь собор не имеет придела. Наличие или отсутствие придела слишком существенный признак, чтобы его можно было отнести за счет допустимых вариаций при изображении одного и того же храма. Логичнее считать, что в последнем клейме мы видим третий собор Чудова монастыря, который в отличие от первых двух соборов не имел придела. В 1501 г. по повелению великого князя собор Архангела Михаила 1431 г. был разобран и на его месте заложили новый собор. К тому времени мощи митрополита Алексия находились в церкви его имени, заложенной на территории монастыря чудовским архимандритом Геннадием Гонзовым в 1483 г.[19] Собор в перестроенном виде сохранялся до 1929 г. Его формы в начале XVI в. соответствовали изображению в А19. Это был трехнефный одноглавый храм с покрытием по закомарам[20].

Итак, художник довольно точно изображает формы того собора, который был в Чудовом монастыре в момент написания иконы, и в то же

---

[13] ПСРЛ, XI. М., 1965, стр. 4.

[14] ПСРЛ, VIII. СПб., 1859, стр. 28.

[15] «Житие митрополита всея Руси св. Алексия, составленное Пахомием Логофетом». СПб., 1877—1878, стр. 203.

[16] Там же, стр. 212—213.

[17] Н. Н. Воронин. Ук. соч., II, стр. 182.

[18] Н. Н. Воронин небольшую разницу в рисунке собора в А17 по сравнению с А14 и 15 склонен объяснить стремлением художника показать различие форм двух соборов (Н. Н. Воронин. Ук. соч., стр. 266). Однако, как уже отмечалось, небольшие вариации формы являются почти обязательными при изображении одного и того же объекта. Во всяком случае в А17 нет ни малейшего намека на «трехэтажность» храма, которую отмечает Н. Н. Воронин.

[19] ПСРЛ, XII. М., 1965, стр. 253, 215.

[20] П. Н. Максимов. Собор Спасо-Андроникова монастыря в Москве. Архитектурные памятники Москвы. XV—XVII вв. М., 1947, стр. 22, прим. 1.

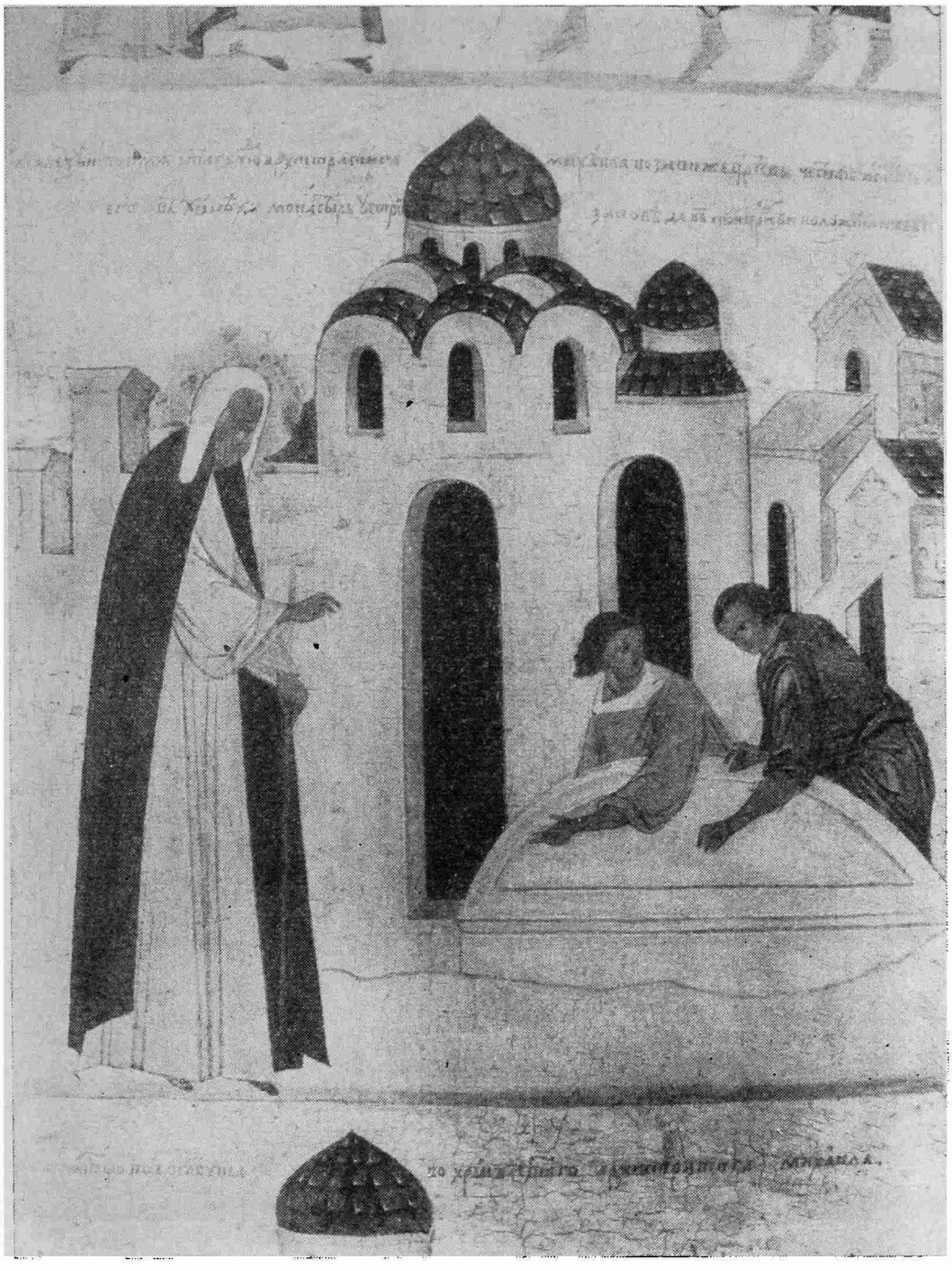


Рис. 1. А14 — строительство собора Чудова монастыря

время проявляет полное равнодушие к передаче форм несохранившихся соборов. Нет сомнения, что соборы 1365 и 1431 гг., изображенные в А14, 15 и 17, были свободно «сконструированы» художником на основании форм собора 1501 г. с прибавлением придела, где находились раньше мощи митрополита, как об этом сообщает иллюстрируемый текст жития. Следовательно, клейма иконы Алексия никак не могут служить источником для реконструкции форм соборов 1365 и 1431 гг. Притом если первый собор был разрушен за 90 лет до написания иконы и художник не мог восстановить его формы, не занимаясь историко-архитектурными изысканиями, то второй собор художник мог видеть своими глазами или расспросить о нем очевидцев. Реконструировав формы несохранившегося собора, художник очень обрадовал бы историков архитектуры, но зато оказался бы непонятным для тех своих современников, которые этого собора не видели. Чтобы этого не случилось,

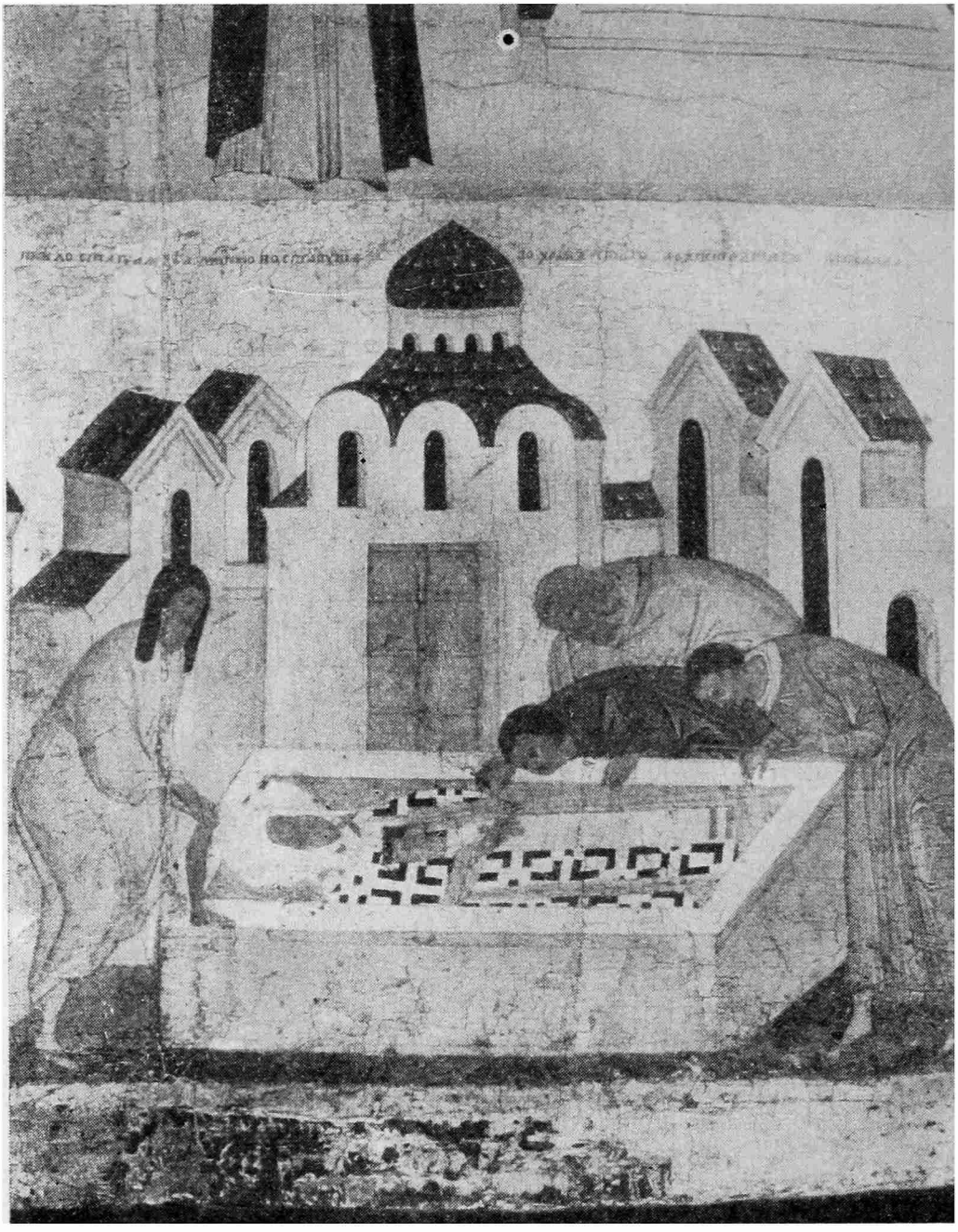


Рис. 2. А19 — исцеления у гроба митрополита Алексия в Чудовом монастыре

художник отсылает зрителей к формам существующего собора, даже когда речь явно идет о другом соборе. Объяснить это незнанием истории строительства в Чудовом монастыре никак нельзя: собор 1501—1504 гг. построен незадолго до написания иконы; кроме того, художник иллюстрирует текст жития, где ясно говорится о строительстве второго собора и разрушении первого. О внимательном прочтении художником текста говорит хотя бы 16-е клеймо с изображением обретения мощей Алексия. Здесь художник не изображает собора, хотя действие происходит в Чудовом монастыре: согласно тексту, мощи были обретены после разрушения первого собора, когда копали траншею для фундамента второго.

Изображенный в А18 одноглавый храм формой покрытия отличается от всех других изображений Чудова монастыря. Первый исследователь иконы В. Борин видел здесь церковь в честь митрополита Алексия, построенную в Чудовом монастыре архиепископом Геннадием в 1483 г.[21]

[21] В. Борин. Две иконы новгородской школы XV века св. Петра и Алексия, митрополитов московских. «Светильник», 1914, 4.

При этом В. Борин ссылался на текст жития: «...и принесе (икону Алексия.— *И. К.*) в церковь святаго и поставлене ей бывши». И. Е. Данилова совершенно справедливо предположила, что в тексте «церковью святаго» назван Благовещенский придел собора, в котором находились его мощи [22]. К сожалению, она не нашла решающего аргумента в подтверждение своей мысли: «Чудо о жене слепой», откуда взяты эти слова, входит в состав жития, написанного в 1459 г., а церковь в честь Алексия была заложена только в 1483 г. [23] В этом нет ни малейшего сомнения после опубликования В. А. Кучкиным древнейшей редакции этого жития по рукописи ГИМ, относящейся к 70-м годам XV в. В 18-м клейме И. Е. Данилова видит отдельное изображение того самого Благовещенского придела, который изображен в 14, 15 и 17-м клеймах как пристройка к церкви Архангела Михаила, основываясь при этом на сходстве форм.

Если принять это предположение, то сразу возникнет недоуменный вопрос: почему в предшествующих сценах дан художником сам собор, а не его придел, ведь и там действие происходит именно в приделе? Вероятнее видеть в 18-м клейме изображение церкви в честь митрополита Алексия, построенной в 1483 г., как полагал В. Борин. Автор жития мог назвать «церковью святаго» придел, в котором был погребен Алексий, поскольку в его время церкви в честь Алексия не существовало, но художник под этими словами мог понять только церковь митрополита Алексия, в которой уже в течение нескольких десятилетий покоились мощи святого. Эта церковь находится на территории Чудова монастыря и потому характеризуется на иконе тем же зеленым цветом, что и все другие сооружения этого монастыря [24].

Почему в сцене исцелений 1519 г. (А19) снова изображен собор Архангела Михаила, если в это время мощи святого находились в церкви святого Алексия? В этом клейме обращает на себя внимание одна деталь: в отличие от всех других изображений собора здесь двери его изображены закрытыми. О том, что это не случайность, допущенная при раскраске, говорит подробный рисунок металлической обивки дверей. Известен обычный прием средневековой живописи: действие, происходящее внутри какого-либо здания, изображается на фоне этого здания. На эту условность намекают открытые дверные проемы здания, которые лишают внутреннее пространство здания замкнутости, заставляя это пространство выливаться на авансцену, где и происходит действие. Демонстративно закрыть дверной проем, как это делает наш художник,— значит сознательно отгородить внутреннее пространство собора от изображаемой сцены, подчеркнуть, что действие происходит не внутри собора, а где-то около него. Это особенно справедливо по отношению к автору данной иконы. Во многих клеймах иконы заметно стремление подчеркнуть указанную смысловую роль дверного проема: фигуры или частично заслоняют собой проем, или даже высовываются из него наружу, как это мы видим в А17, 18. Очевидно, в последнем клейме собор дан не как место, где происходят изображенные чудеса, а только как отличительный признак Чудова монастыря. Художнику важно было подчеркнуть, что мощи святого находятся в том самом монастыре, который он основал и в котором завещал себя похоронить.

Рассмотрим изображение другого архитектурного памятника — Успенского собора Московского Кремля. В клеймах иконы митрополита Петра

[22] И. Е. Данилова. Ук. соч., стр. 200.

[23] И. Е. Даниловой помешало чистейшее недоразумение: она утверждает, что чудо со вдовицей не встречается в редакции жития 1459 г., и ссылается при этом на издание ОЛДП, где это чудо описано на стр. 275, 276.

[24] Церковь была разобрана в1680 г. Она имела одну главу и была покрыта по закомарам. (Н. А. Скворцов. Археология Москвы. М., 1916, стр. 165, со ссылкой на Годуновский план Москвы.) Если наше предположение верно, то художник допустил вольность в передаче формы покрытия.

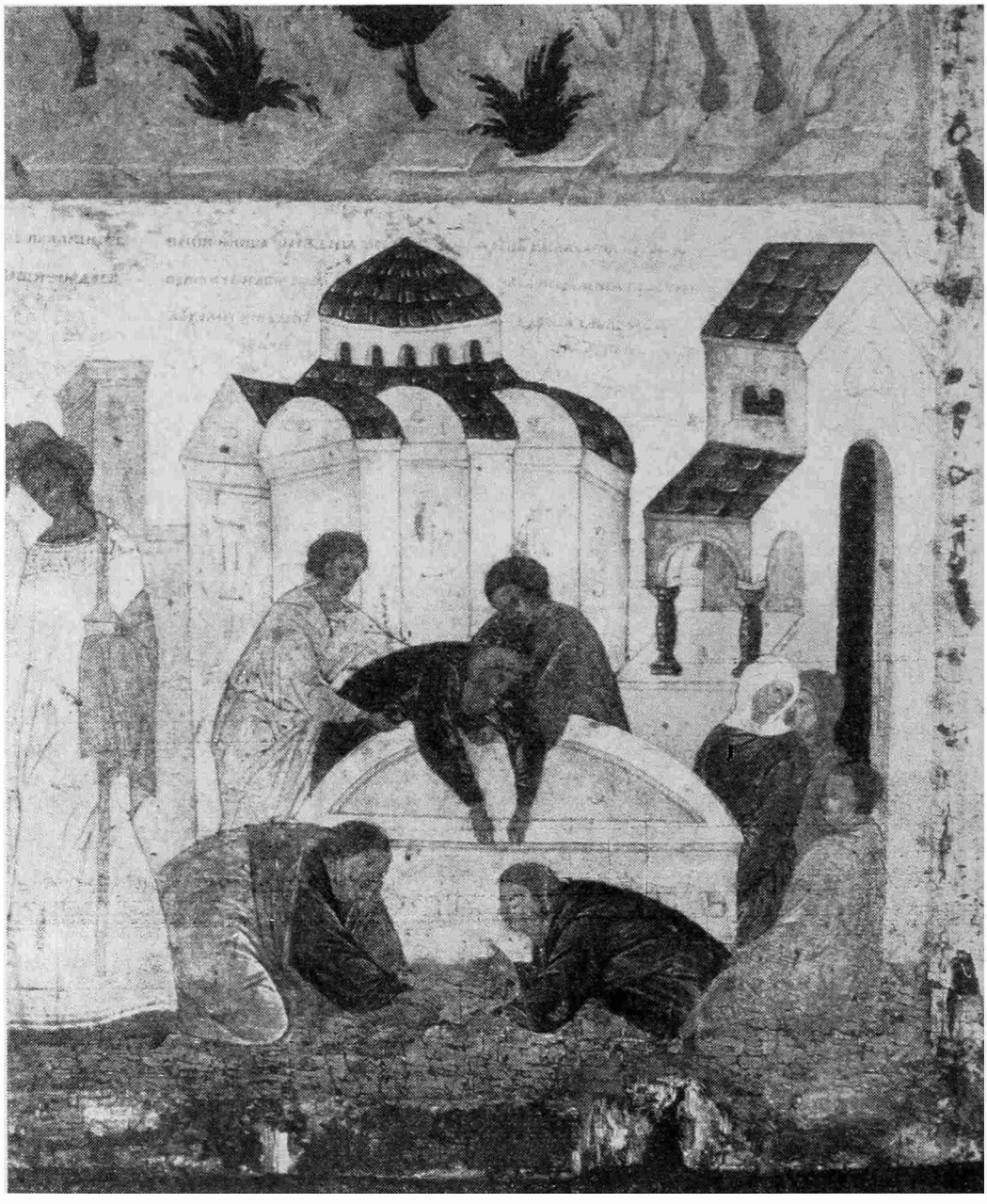


Рис. 3. П19 — исцеления у гроба митрополита Петра в Успенском соборе

собор изображается трижды: в сцене закладки собора (13-е клеймо), погребения Петра (18-е клеймо) и исцелений у гроба святого (19-е клеймо) (рис. 3). В иконе митрополита Алексия мы видим собор в 9-м клейме, где Алексий молится перед гробницей Петра. Уже отмечалось сходство основных форм всех изображений собора. Перед нами одноглавый храм с позакомарным покрытием, боковые стены которого рассечены на четыре части плоскими пилястрами.

Вспомним историю Успенского собора. В августе 1326 г. митрополит Петр заложил белокаменный Успенский собор. Строительство продолжалось один год и было закончено в 1327 г. Уже в 1472 г. собор находится в ветхом состоянии. Поэтому митрополит Филипп начинает строительство нового собора, одновременно разбирая старый. Однако 20 мая 1475 г. уже доведенные до сводов стены рухнули. Пришлось великому князю посылать в Италию за опытным мастером. Приехавший Аристотель Фиораванти разобрал руины до основания и на их месте за три года (1476—1479) построил существующий ныне собор.

Таким образом, во всех клеймах художник должен был изобразить первый собор, разрушенный в 1472 г. Мы немного знаем о формах этого собора. Известно только, что он имел одну главу, что он был небольшим по размеру, что в 1472 г. он имел придельные церкви и три притвора, один больше двух остальных[25]. Для нас важно подчеркнуть, что собор был, по всей вероятности, четырехстолпным и имел приделы и притворы разной высоты. Ничего подобного мы не находим на иконе. Здесь явно дан большой, по-видимому шестистолпный, храм, не имеющий приделов и притворов[26]. Это может быть только Успенский собор 1479 г., построенный Аристотелем. В этом нет ничего удивительного. Художник должен быть понят своими современниками, которые как и художник, могли не видеть собора 1326 г. Придавая изображенному на иконе древнему храму формы главного собора современной ему Москвы, который у всех находится перед глазами, художник показывает, что изображенные события происходили в Успенском соборе[27]. Понятно, почему художник не мог изобразить собор пятиглавым. Тогда изображение точно связывалось бы в сознании зрителей с собором 1479 г. и художник был бы неправильно понят. Сочетая объем собора Аристотеля с одноглавием как основным отличительным признаком древнего собора, художник ясно дает понять, что действие происходит в Успенском соборе, но не в том, который стоит сейчас, а в древнем, который был раньше на месте нынешнего[28].

Особый интерес представляет рассмотрение клейма иконы на сюжет закладки Успенского собора митрополитом Петром (П13). Здесь дан своеобразный план собора. Это клеймо послужило К. К. Романову и Н. Н. Воронину одним из источников реконструкции форм собора 1326 г. Н. Н. Воронин находит здесь изображение древнего собора с тремя притворами. Даже если исходить, как Н. Н. Воронин, из старой датировки икон митрополитов 70—80-ми годами XV в., то и тогда кажется весьма сомнительным, чтобы художник намеревался изобразить такие мелкие конструктивные особенности собора, как наличие в нем трех притворов. Это не вяжется с весьма обобщенным характером изображения архитектуры во всех остальных клеймах икон Петра и Алексия. Датировка икон 1519 г. делает такое предположение вовсе невозможным. Скорее всего, изображение собора имеет здесь вполне условный характер.

---

[25] О наличии притворов говорит летопись при описании разборки собора 1326 г.: «Первые же церкви меншим притвором и олтарю разобраном бывшим...» (ПСРЛ, VIII. СПб., 1859, стр. 170). Собор имел три придельные церкви: одновременный собору придел великомученика Дмитрия, придел Поклонения вериг апостола Петра 1329 г. и придел Похвалы Богородицы, построенный в 1460 г. Все три придела не находились внутри соборных стен, как в соборе Аристотеля, а были выражены снаружи в виде самостоятельных объемов. Об этом недвусмысленно говорят летописи: «Создана быть церковь камена святого апостола Петра „Поклонение честных его вериг“» (ПСРЛ, X, М., 1965, стр. 201). «Иона митрополит поставил церковь камену Похвалу Богородици, придел к Пречистые алтарю възле южныа двери» (ПСРЛ, VIII. СПб., 1859, стр. 147). О приделе Дмитрия известно, что гроб Юрия Даниловича находился в стене этого придела (ПСРЛ, XII. М., 1965, стр. 145).

[26] Трудно согласиться с Н. Н. Ворониным, который находит, что здесь «художник стремился передать сложную крестообразную композицию собора с притворами» (Н. Н. Воронин. Ук. соч., стр. 153).

[27] Подобный подход художника к натуре был отмечен М. А. Ильиным в иконах «Введение во храм»: хотя изображенные события происходили в Иерусалимском храме Ирода, художник изображает не этот храм, а ротонду храма Воскресения XI в. (М. А. Ильин. Ук. соч., стр. 109). То же нарушение хронологии замечает А. Стоянович на иконе «Вход в Иерусалим» (А. Стояпович. Ук. соч., стр. 116—123). В обоих случаях художник изображает храм, построенный гораздо позднее представленных событий; этот храм ему нужен как всем известный отличительный признак города Иерусалима.

[28] Количество глав всегда было основным отличительным признаком храма и потому надолго сохранилось в народной памяти. Так, в «Соборном ответе» 1503 г. говорится, что князь Андрей Боголюбский поставил во Владимире церковь Успения «о едином версе». Послания Иосифа Волоцкого. М., 1959. Приложения, стр. 328.

Подобное изображение есть на резной иконе митрополита Петра из Оружейной палаты Московского Кремля, которая, вероятно, является репликой живописной иконы и может быть датирована первой половиной XVI в. Здесь в клейме на тот же сюжет дан другой план строящегося собора [29]. Строительство собора Спасо-Прилуцкого монастыря представлено на житийной иконе Дмитрия Прилуцкого из Вологодского музея, которая, как и иконы митрополитов, приписывается Дионисию или его кругу и датируется концом XV — началом XVI в. [30] Здесь план строящегося собора явно условен, хотя в общих чертах сходен с изображением Успенского собора в клейме иконы Петра.

Кстати сказать, само наличие притворов в соборе 1326 г. может быть поставлено под сомнение. К. К. Романов, а вслед за ним и Н. Н. Воронин опираются на приведенное выше свидетельство летописи. Однако в древнерусском языке слово «притвор» могло означать также «придел, придельная церковь со своим алтарем» [31]. Именно в этом значении слово могло быть употреблено летописцем. При таком предположении упоминание в летописи двух, а не трех притворов можно объяснить тем, что «больший притвор», т. е. придел Поклонения вериг апостола Петра, распался после пожара 1 августа 1470 г. и до 1472 г. не восстанавливался. В противном случае трудно понять, зачем понадобилось разрушать притворы уже на первом этапе строительства, если они оказались внутри стен строящегося собора. Приделы же примыкали к алтарной апсиде и потому должны быть разобраны вместе с ней. Наличие боковых притворов трудно совместить с придельными церквами с южной и северной стороны собора. Наконец, в приведенной выше летописной записи о построении придела Похвалы Богородицы упоминаются южные двери собора, но ничего не говорится о южном притворе. Прояснить вопрос могут дальнейшие раскопки; здесь мы только хотим отметить, что предложенная К. К. Романовым реконструкция плана Успенского собора 1326 г. не является единственно возможной.

Изображение Андроникова монастыря в А8 носит условный характер. Здесь дан не монастырский Спасский собор, а базиликальное здание, не имеющее отношения к реальной архитектуре монастыря. Только икона Спаса Нерукотворного на стене здания указывает, что это Спасский Андроников монастырь. Здесь икона выполняет ту роль, которую в разобранных клеймах играют формы архитектуры,— служить узнаванию [32]. Столь же условно дан и Троице-Сергиев монастырь. Очевидно, на таком изображении монастырей сказалось то обстоятельство, что они не имели такого значения в судьбе московских святителей, как Успенский собор и храм Чудова монастыря, где покоились их мощи и где происходили чудесные исцеления. Это лишнее подтверждение того, что архитектура сама по себе не интересует художника.

Принципы изображения иконописцем форм реальной архитектуры являются частью более широкой проблемы — способа передачи в древнерусской живописи места действия. В клеймах житийной иконы художник выступает как иллюстратор литературного текста. Подобно тому как автор жития только называет место действия, но никогда не описывает его, художник стремится обойтись небольшим количеством общих

---

[29] На этой иконе Успенский собор 1326 г. изображен пятиглавым (видны 3 главы), как собор Аристотеля,— еще одно доказательство отмеченной выше особенности изображения архитектуры на иконе.

[30] Воспроизведена в книге: Северные памятники древнерусской станковой живописи. Вологда, 1929.

[31] И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, II. М., 1958, стр. 1478.

[32] Подобный прием использован и автором иконы XVI в. «Видение пономаря Тарасия». П. Л. Гусев. Ук. соч., табл. VII, X, XIII.

понятий: «город», «монастырь», «палаты», «церковь». Для каждого из этих понятий существуют свои приемы изображения. Замкнутая стена с черным проемом ворот, из-за которой видны луковицы церквей и крыши домов,— это «город» (П9, А12). Стены города завершаются прямоугольными башнями с плоским или коническим верхом. Для передачи внутренних покоев чаще всего служит прямоугольное здание, крытое на два ската. То же значение имеет велум (клейма с изображением рождества в обеих иконах, сцены обучения Петра иконописанию, беседы Алексия и Сергия в покоях митрополита). Основной отличительный признак понятия «монастырь» — церковь. Но, как правило, это признак не единственный, ведь иначе произойдет смешение с понятием «церковь». Поэтому при изображении монастыря рядом с церковью или часть стены с башенками (П5, А16), или несколько зданий рядом, крытых на два ската, что, очевидно, означает кельи монахов (П7; А8, 14, 15, 19). Отдельно стоящий двухколонный портик означает, очевидно, вход — не столько как место, сколько как действие. Не случайно этот мотив трижды встречается в иконе Петра в этом значении: приведение Петра к учителю, прибытие митрополита Максима в монастырь, приход Петра и Геронтия с сопровождающими к патриарху (П2, 6, 9). Таким образом, при обозначении места действия художник оперирует набором общих понятий, каждое из которых обладает своими отличительными признаками. Как видим, здесь выступает та же закономерность, которую мы отметили при анализе изображения форм реальной архитектуры. Обычно отличительными признаками каждого сооружения служат основные архитектурные формы. Только в них мы можем ожидать правдивой передачи элементов реальной архитектуры.

Необходимость передачи весьма ограниченного количества общих понятий, обозначающих место действия, приводит к тому, что художник начинает использовать столь же ограниченный набор архитектурных форм. Но компоновка этих форм бесконечно разнообразна, причем не встречается двух абсолютно схожих форм. Остается широкий простор для формотворчества художника в известных, наперед заданных границах, определяемых необходимостью передачи содержания текста. Отдав дань иллюстрируемому тексту, фантазия художника создает поразительное многообразие архитектурных форм, подчиняясь только стремлению добиться максимальной художественной выразительности. Не трудно заметить, что в этой частности проявляется общая закономерность художественного мышления. Обязательная для иконописца иконография дает ему в готовом виде, как опыт предшественников, основные элементы композиции и цвета. Эти элементы служат передаче сюжета и делают произведение художника общепонятным. Разработка же деталей целиком принадлежит индивидуальности художника. Именно на этом уровне возникает то, что отличает «Троицу» Андрея Рублева от «Троицы» Феофана Грека.

После всего сказанного можно сделать вывод о том, насколько можно использовать изображения архитектуры на иконах для восстановления форм реальных сооружений.

1. Формы архитектуры сами по себе не интересуют художника и потому часто изображаются им условно. 2. Иногда художнику в интересах рассказа необходимо более точно обозначить место действия. В этом случае он может передать некоторые отличительные черты реального сооружения. 3. Сходство изображения с реальным прототипом имеет целью узнавание изображенного зрителем и касается только крупных элементов формы, которые выполняют функцию смыслоразличения. Не только детали, но и некоторые основные формы зданий свободно фантазируются художником. Сходства форм может вообще не быть, если у художника есть другой способ обозначения объекта. 4. Цель художника при изображении какого-либо здания — обозначить место действия.

Поэтому несохранившимся древним сооружениям он придает те формы, которые они имеют в момент написания иконы.

Эти выводы сделаны на весьма ограниченном материале и не могут быть механически распространены на другие иконы, даже иконы того же времени и школы. В каждом конкретном случае необходим строгий анализ самого источника.

I. A. Kotchetkov

A PROPOS DE PRINCIPES DE LA REPRESENTATION DE L'ARCHITECTURE SUR LES ICONES DES METROPOLYTES PAUL ET ALEXIS

Résumé

Les tableautins représentant sur les deux icônes (début du XVI s), les scènes de la vie des métropolités russes Paul et Alexis contiennent en grand nombre les représentations des monuments architecturaux de Moscou de XIV—XV ss. Ces représentations étaient utilisées plus d'une fois en tant que modèle pour la reconstitution des formes des édifices qui ne se sont pas conservés. L'article contient l'analyse, faite pour la première fois, de la source elle — même.

L'auteur vient à la conclusion que le peintre ne reproduit certains traits de l'architecture réelle que dans le cas où le spectateur doit, conformement au récit, reconnaître l'édifice figuré. Mais en ce cas même le degré de similitude est déterminé par le besoin de la reconnaissance et ne concerne que les grands éléments de formes qui ont ici une fonction de la distinction de sens. Il faut dire que l'artiste représente toujours l'édifice sous l'aspect qui lui est contemporain et non tel qu'il était au moment dont parle le récit. L'auteur estime qu'il s'agit là d'une règle générale dans les créations d'artistes médiévaux; pour représenter un lieu d'action il opère d'un nombre d'idées générales qui sont désignées par un nombre correspondant d'éléments de distinction de sens.

Публикации

О. Н. БАДЕР, Г. Н. МАТЮШИН

НОВЫЙ ПАМЯТНИК СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

Среди обширных материалов конца каменного века и эпохи металлов из раскопок Г. Н. Матюшина в 1962—1968 гг. на стоянке Мысовой в юго-восточной Башкирии была еще при раскопках выделена группа патинизированных каменных орудий макролитического облика, оказавшихся палеолитическими[1]. В процессе камеральной обработки они были автором раскопок переданы для описания О. Н. Бадеру и публикуются в нашей совместной статье. Ее первая часть, характеризующая условия нахождения палеолитических изделий, принадлежит Г. Н. Матюшину, последующая — О. Н. Бадеру.

Памятник был открыт Г. Н. Матюшиным в 1961 г. В 1962 г. им же на поселении был заложен шурф площадью в 6 *м*^{2}, а в 1963 г.— второй шурф такой же площади[2]. В 1965 г. шурфы 1962 и 1963 гг. были объединены в раскоп[3] площадью в 100 *м*^{2}. В 1966—1968 гг. раскопы были доведены до 342 *м*^{2} площади[4] (рис. 1, *А*).

Поселение расположено на западном берегу оз. Карабалыкты (Абзелиловский район БАССР), в 40 *км* западнее г. Магнитогорска, на краю четко выраженного мыса.

Мыс, на котором расположен памятник, представляет собой небольшую возвышенность, сложенную туфовыми породами. Максимальная высота ее от уровня озера 12—14 *м*. С трех сторон мыс довольно круто спускается к воде, открывая туфогенные породы, которыми он сложен, с четвертой — северо-западной и западной — более пологий склон постепенно переходит в болотистую низину. При небольшом подъеме воды в озере болотце, окружающее мыс, заполняется водой и превращает мыс в остров. Три небольших всхолмления на полуострове образуют две относительно широких (20—25 *м*) седловины, вытянутых в меридиональном направлении. К югу они имеют сравнительно пологий выход к озеру, с севера — к болотцу. С запада и востока седловины защищены небольшими всхолмлениями. Высота седловин от уровня озера 4—6 и 6—8 *м* (рис. 1, А). В них сохранился слой супеси, гумуса и суглинка с куль-

---

[1] Г. Н. Матюшин. Многослойное поселение Мысовое на оз. Карабалыкты. КСИА АН СССР, 136, 1973, стр. 70—72.

[2] Г. Н. Матюшин. Отчет о работе Зауральского отряда за 1961 г. Архив ИА АН СССР № 2301, стр. 7; его же. К изучению мезолита и неолита в Башкирии. АЭБ, II, Уфа, 1964, стр. 33, рис. 1, *30*; рис. 3, *1*; стр. 39; Г. Н. Матюшин. Отчет о работе Башкирского неолитического отряда за 1962 г. Архив ИА АН СССР, № 2469, стр. 19, 20.

[3] Г. Н. Матюшин. Отчет о полевых работах Южно-Уральского (Башкирского) отряда в 1965 г. Архив ИА АН СССР, № 3090, стр. 6—8; его же. Новые данные по мезолиту, неолиту и энеолиту Ю. Урала. АО — 1965. М., 1966, стр. 53; его же. Исследование памятников каменного века на Южном Урале. М., 1967, АО — 1966, М., 1967, стр. 107; Г. Н. Матюшин, С. В. Ошибкина, В. С. Стоколос, Э. А. Федорова-Давыдова. Южно-Уральская экспедиция. АО — 1968, М., 1969, стр. 144.

[4] Г. Н. Матюшин. Отчет о работе Южно-Уральского отряда ИА АН СССР за 1966. Архив ИА, № 3313, стр. 15—17; его же. Отчет за 1967 г. Архив ИА.

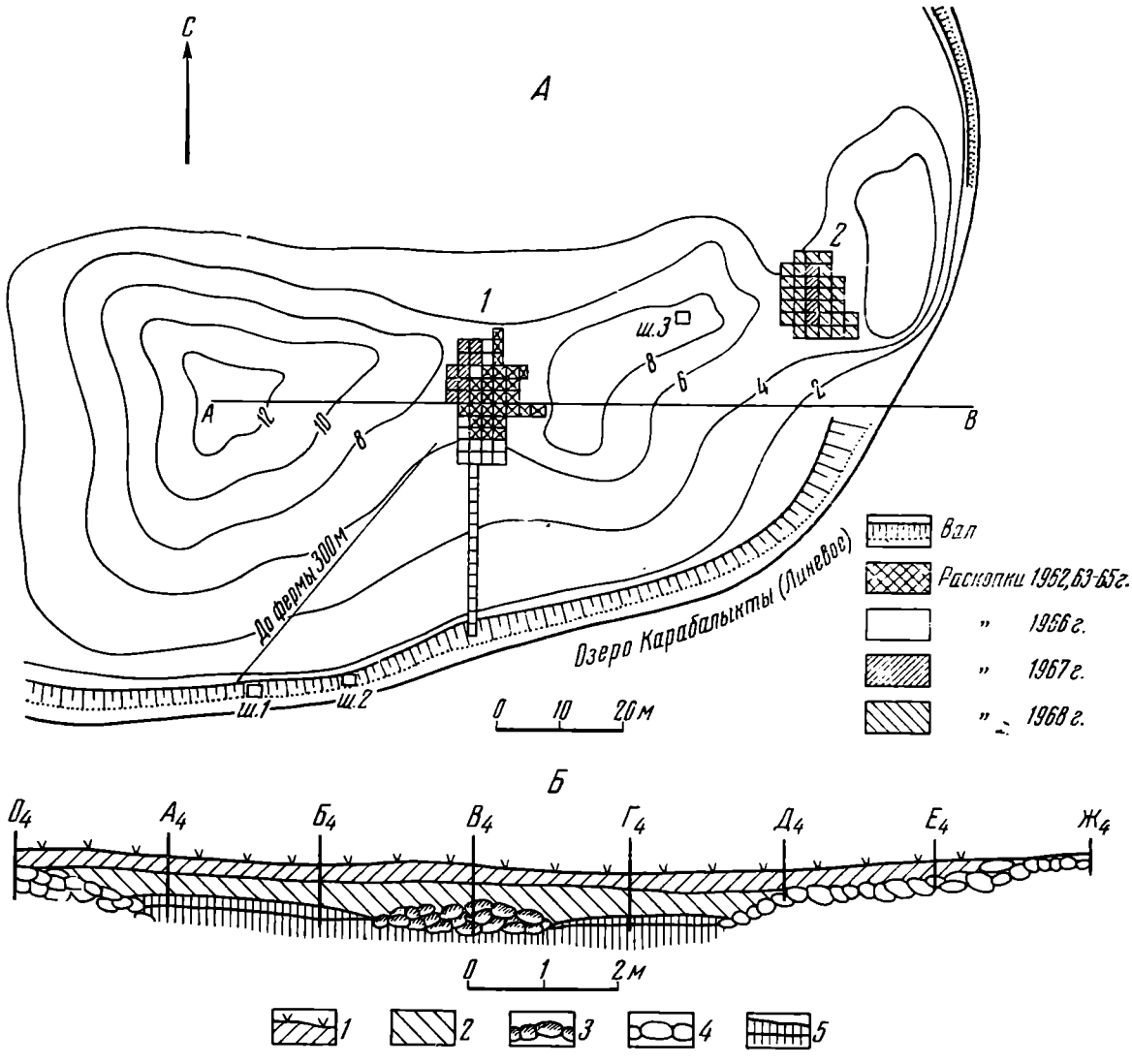


Рис. 1. План поселения Мысового и профиль раскопа I.

А — план: *1* — раскоп I; *2* — раскоп II; ш. *1, 2, 3* — шурфы. *Б* — профиль раскопа 1965 г. по линии $О_4$ — $Ж_4$.

К профилю: *1* — гумус (верхний культурный слой), *2* — неолитический слой с жилищем № 1 — супесь, *3* — каменная кладка в центре жилища (законсервирована в 1965 г.), *4* — скальные выходы, *5* — слой мезолита и палеолита (по линии В—Ж и О—А слой вскрыт до скальных пород)

турными остатками; вершины и вся остальная часть мыса почти лишены четвертичного покрова, скальные породы здесь выходят на поверхность, в тех местах, где сохранились остатки мягких антропогеновых отложений, мощность их не превышает 10—45 *см*.

В более высокой и удаленной от края мыса ложбинке (рис. 1, *А*) четвертичные отложения достигали значительно большей толщины и содержали культурные остатки эпохи палеолита, мезолита, неолита, энеолита (позднего неолита), поздней бронзы и раннего железа (раскоп I). Ложбинка на краю мыса сохранила небольшой слой с палеолитическими и поздненеолитическими остатками (раскоп II). Мощность антропогеновых отложений в раскопе II составляла около 0, 4 *м*.

В основной ложбинке уже в шурфах 1962—1963 гг. и в раскопе 1965 г. было прослежено, что сверху в гумусе до глубины 20—25 *см* залегают керамика эпохи раннего железа (сарматская?) и поздней бронзы (каменногорско-гамаюнская культура), а ниже их — в темно-бурой гумусированной супеси — концентрировались находки позднe- и ранненеолитического времени. Под неолитическим слоем на глубине 80—90 *см* начинался светло-коричневый суглинок, в верхних горизонтах которого залегали мезолитические материалы, а в нижних — грубоватые

патинизированные нуклевидные изделия палеолитического времени. К сожалению, слой четвертичных отложений в раскопе I был очень тонким (рис. 1, *Б*). По линии Ж4 — Д4 и О4 мощность всех антропогеновых отложений составляла всего около 25 *см*. В кв. Г4 — Д4 и А4 — Б4 толщина этих слоев достигала 70—80 *см*, но даже в центре раскопа она не превышала 1 *м*. Ниже располагались скальные среднепалеозойские породы эффузивного характера. На контрольных участках (кв. В — III—1—2; Г — Е — 3, О3 на площади 32 $м^2$ из 196 $м^2$ общей площади раскопа I) скала была зачищена. В северном направлении, по линии В6—10, мощность нижних слоев становилась более значительной. К сожалению, в 1967—1968 гг. не удалось продолжить раскопки в северном направлении.

Из огромных коллекций стоянки Мысовой (Карабалыкты VII) Г. Н. Матюшиным были выделены 42 кремневых предмета[5] по следующим признакам: 1) наиболее значительная степень патинизации поверхности, 2) грубая, архаичная техника и форма, 3) залегание преимущественно в нижних штыках раскопа. Отдельные предметы этого же рода хранятся в кабинете археологии Башкирского университета (Уфа)[6]. Таким образом, описываемая группа каменного инвентаря насчитывает около 50 предметов.

Подавляющее большинство предметов было обнаружено на площади раскопа I, и только четыре или пять предметов — на площади раскопа II. Все они происходят из нижних горизонтов культурных слоев эпохи голоцена и из подстилающего его слоя красноватой глины. При этом мустьерские предметы в слое красноватой глины, имеющем в среднем мощность в 20—30 *см*, залегают по всей толщине слоя, но преимущественно в его нижнем горизонте.

Учитывая нахождение части предметов в мезолитическом и в нижнем горизонте неолитического культурного слоя, т. е. голоценовой почвы, и у контакта последней с подстилающей глиной, необходимо допустить возможность неолитического возраста некоторых наименее патинизированных и не специфических для мустьерского времени форм. Поэтому мы публикуем в рисунках преимущественно те предметы, мустьерский возраст которых устанавливается по всем признакам.

Для обработки и выделки орудий использовался по преимуществу плитчатый и желвачный кремень темно-серых тонов с коричневой и желтоватой коркой. Кремень не очень высокого качества, а иногда просто грубый, плохо колющийся. В окрестностях стоянки такой кремень находится на склонах холмов в изобилии.

В коллекции представлены все наиболее типичные для мустье формы.

Начнем с остроконечника. Это довольно крупное орудие (9,2×4,5×1,4 *см*), приготовленное из удлиненного отщепа с большим ударным бугорком, расположенным на брюшке несколько сбоку. Спинка сохранила негативы трех крупных сколов, один из которых был отделен от нуклеуса почти в том же направлении; тут же незначительные следы корки (рис. 2, *1*). С обоих краев орудие обработано тщательной ретушью, лучше выраженной с правой стороны и формирующей узкий и довольно острый конец орудия. Со стороны брюшка ретушь отсутствует, есть лишь следы работы преимущественно у конца орудия в виде довольно крупных сколов. Орудие имеет сглаженную, местами блестящую, поверхность, но края его довольно остры.

В коллекции имеются два или три скребловидных орудия, хотя и не вполне типичных по форме. Одно из них, из хорошего черного кремния, очень массивно и обработано по одному краю довольно крутой, а по

[5] Г. Н. Матюшин. Многослойное поселение Мысовое на оз. Карабалыкты. КСИА АН СССР, 136, 1973.

[6] Г. Н. Матюшин. К изучению мезолита и неолита в Башкирии. АЭБ, II, рис. 3, *1*.

другому краю очень крутой, в одном месте нависающей, ретушью (рис. 2, *2*); именно этот край орудия несет следы использования его в качестве скребла.

Другое орудие приготовлено на узкой длинной и тонкой плитке (11,5×4,5×1,4 *см*) с коричневой коркой; по одному краю систематическая довольно крутая ретушь, образующая прямой и длинный (6,0 *см*) рабочий край скребла (рис. 2, *3*). Однако следов сработанности этот край не имеет, а с противоположной стороны вдоль него имеются два широких плоских скола, сделанных еще до того, как была нанесена ретушь, т. е., видимо, с аналогичной, но уже не существующей ударной площадки.

К числу скребловидных орудий может быть отнесено еще одно, крупное (9,2×7,1×2,5 *см*), сделанное из кремневой плитки, с коркой на плоской стороне и частично на спинке, с систематической ретушью с одной стороны, оформляющей слегка изогнутый рабочий край скребла длиной в 4 *см*. Не исключено, что ретушь имела целью подготовку ударной площадки нуклеуса для отделения от него корки и плоских отщепов с противоположной стороны.

Более сложную группу представляют собой 9—10 бифасов. Почти все они сохраняют следы изготовления из плитчатого кремня. Три или четыре из них отличаются довольно высокой техникой и в двух случаях сохраняют на поверхности следы черного гумуса, вследствие чего их мустьерский возраст выглядит недостаточно достоверным. Сюда относится и топоровидное орудие из тонкой (1,5 *см*) плитки, близкой к миндалевидной форме (рис. 3, *3*); оно также сохранило на поверхности остатки черного гумуса; но в техническом отношении, а также по форме оно может быть палеолитическим; в особенности отличается от заготовок неолитических топориков обработка лезвийного конца: на неолитических или позднемезолитических заготовках типа Покровщины[7] или Голого Камня[8] лезвия обрабатывались длинными продольными сколами.

К числу рубящих относится одно орудие трапециевидной формы. Одна сторона его обработана крупными плоскими сколами, другая, более плоская, сохранила необработанную, сильно патинизированную поверхность. Дугообразно изогнутое рубящее лезвие сильно деформировано в процессе работы.

Еще одно рубящее орудие представляет собой небольшую плитку или гальку с лезвием, приготовленным путем двусторонней оббивки (рис. 3, *1*); необходимо отметить, что лезвийный конец не сработан и очень остр, что служит аргументом (хотя и не решающим) против палеолитического возраста орудия.

Два небольших (длина 7,5 и 6,9 *см*), немассивных бифаса формы, близкой к миндалевидной, могут быть отнесены к числу вырождающихся форм так называемого ручного рубила. Одно из них, с более широким тыльным концом, сохраняет относительно массивную, необработанную «пятку». У другого тыльный конец заострен, видимо, с целью придать ему рубящие функции (рис. 3, *2*); одна сторона его более уплощена, другая несет по одному краю довольно крутую ретушь, образующую рабочую дугу скребла или ударную площадку для снятия плоских отщепов с противоположной стороны.

Еще один близкой формы предмет с отбитым концом может быть отнесен к числу нуклевидных кусков.

Особняком стоит крупное (11,2×9,5×4,5 *см*) рубило округлой формы с широкой, массивной, покрытой коркой пяткой, удобно захватываемой ладонью; полукруглый рабочий край орудия обработан грубой двусто-

[7] К. С. Александшина. Стоянка Покровщина (Пушкари VII). Уч. зап. МГУ, 158, М., 1952, стр. 133.

[8] Н. П. Кипарисова. Новые данные об археологических памятниках Тагильского края. Уч. зап. ПГУ, XI, 3, Харьков, 1956, стр. 113.

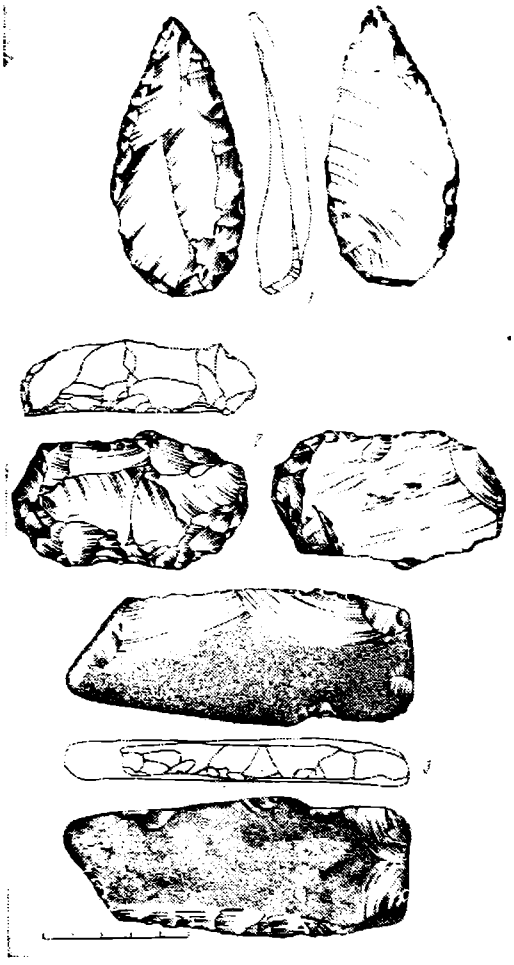


Рис. 2. Ручной остроконечник (*1*) и скребла (*2*, *3*)

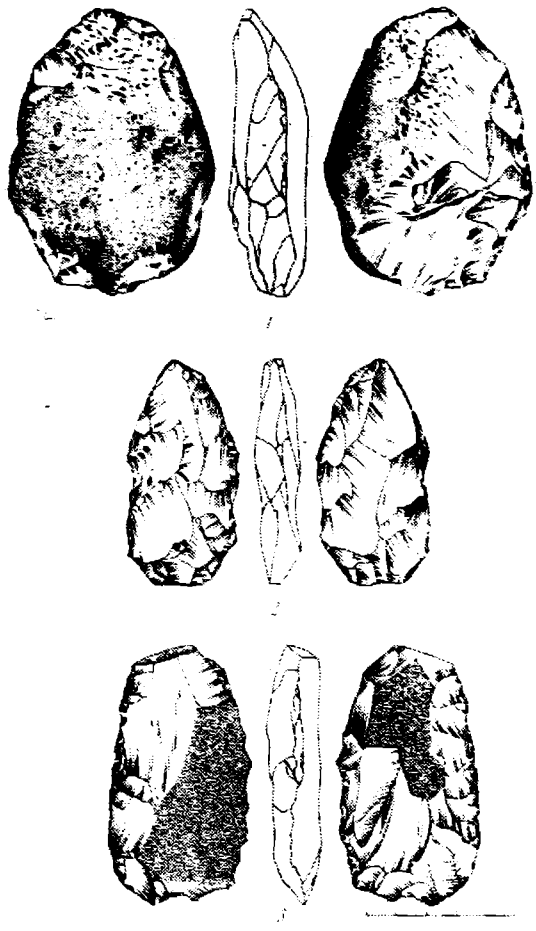


Рис. 3. Бифасы

ронней оббивкой, образующей в профиле извилистую, зигзагообразную линию (рис. 4). Столь архаичные формы и техника гармонируют с притупленностью не только сработанных, но и нерабочих краев орудия.

Наиболее многочисленную группу обработанных предметов составляют нуклеусы и нуклевидные куски; всего их в коллекции 10—11 экз., т. е. около 25%. Не останавливаясь на аморфных нуклевидных кусках, отметим два плитчатых нуклеуса подчетырехугольной формы (рис. 5, *1*). Ударными площадками на них служили гладкие грани плиток и специально подретушированные косые края, образующие узкие площадки под углом в среднем около 45° по отношению к основным плоскостям нуклеусов. Рабочая сторона этих нуклеусов плоская и несет негативы тонких, широких сколов, сделанных в разных направлениях.

Один нуклеус можно отнести к черепаховидным; он овальной, близкой к кругу формы, с крутой, а местами около 45°, оббивкой краев со стороны выпуклой спинки, образующей ударные площадки, и плоской рабочей стороной, несущей следы множества коротких, относительно широких сколов, направленных от периферии к центру (рис. 5, *2*).

Еще один аналогичной формы и размеров (7,6×7,2×3,5 *см*) нуклеус не имеет подработанных ударных площадок с выпуклой покрытой коркой стороны, а на плоской несет негативы всего трех-четырех более крупных сколов.

Третий нуклеус, близкий по размерам, но по форме скорее миндалевидный, также массивен, но представляет собой скол с более крупного нуклеуса, по форме приближавшегося к низкому конусу.

Однако наряду с описанными специфически мустьерскими нуклеусами в коллекции имеются и нуклеусы иного типа. Таков двуплощадочный

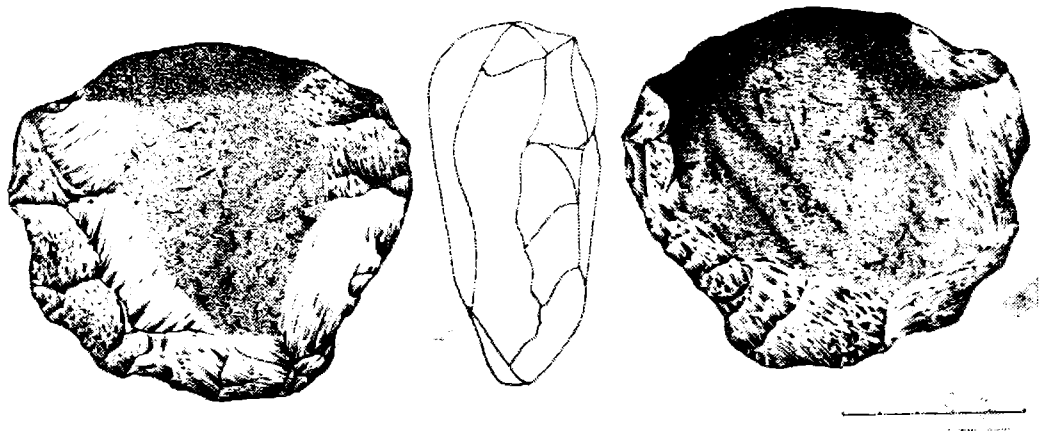


Рис. 4. Архаичное ручное рубило-чоппинг

плоско сработанный нуклеус продолговатой формы из плитки, частью сохранивший корку, довольно крупный (8,6×5,8×2,3 *см*), подчетырехугольной формы. Сохранившаяся ударная площадка подправлена ретушью, другая, противоположная, скошена и сработана с двух сторон до состояния рубящего лезвия. На основной рабочей плоскости кроме продольных сколов имеется и один поперечный, сделанный с боковой ударной площадки.

Другой подобный же нуклеус, приспособленный для скалывания удлиненных пластин, также имеет две подработанные площадки; он массивен и наполовину покрыт коркой. Подобные нуклеусы использовались и в гораздо более поздние времена, вплоть до энеолита, но не противоречат и мустьерскому комплексу.

Наиболее поздний вид уплощенного конического нуклеуса имеет ядрище, изготовленное также из кремневой плитки. Его широкая ударная площадка уплощена двумя крупными сколами, а узкий бок несколькими поперечными сколами, но ребристая пластина не была отделена; с подготовленного таким образом нуклеуса сделано всего два продольных скола.

Имеется одна крупная узкая ребристая пластина, сколотая с нуклеуса, со сломанным тонким концом и следами мелких сколов.

Кроме описанных предметов, в коллекции насчитывается семь отщепов и девять кусков кремневого сырья. Последние различной величины, в большинстве случаев представляют собой куски кремневых плиток с коричневой коркой, почти всегда несут негативы отдельных сколов, а иногда приобретают характер нуклевидных кусков. Большая часть отщепов имеет короткие пропорции, широкий ударный бугорок и сохраняет следы ударной площадки, подработанной грубыми сколами или в виде покрытой коркой плоскости плитки.

Оценивая в целом описанные кремневые предметы, необходимо считать их мустьерскими; особенно типичны в этом отношении ручной остроконечник и несколько нуклеусов, а также отдельные небольшие бифасы. Удлиненные отщепы и пластины, в том числе и самая крупная, знакомы мустьерской технике; в частности, подобные пластины известны в мустьерских памятниках типа Джар-Кутан в Таджикистане [9].

Несколько сомнительны в смысле возраста небольшие топоровидные бифасы, но и их вряд ли можно рассматривать как заготовки для шлифованных неолитических топоров, хотя один из них и найден в гумусированном культурном слое. Как уже указывалось, лезвия заготовок позднейших топоров обычно обрабатывались длинными сколами вдоль тела орудия; кроме того, боковые края наших топоровидных

[9] В. А. Ранов. Каменный век Таджикистана. I. Палеолит. Душанбе, 1965.

орудий оформлены скребковой ретушью с одной стороны и плоской — с другой (с каждой стороны орудия один край скребковый, другой — плоский). Подобное оформление края орудий на нашем памятнике далеко не единично. Не исключено употребление боковых сторон этих орудий в качестве скребел.

Известное своеобразие придает кремневому комплексу с Мысовой стоянки изготовление большинства орудий из кремневых плиток, в том числе тонких. Очень часто коричневая корка плитки частично сохранялась на орудии, и ее плоскость даже служила ударной площадкой; иногда же корка удалялась очень плоскими сколами. Аналогичная техника при обработке плитчатого кремня применялась на мустьерской Хотылевской стоянке [10].

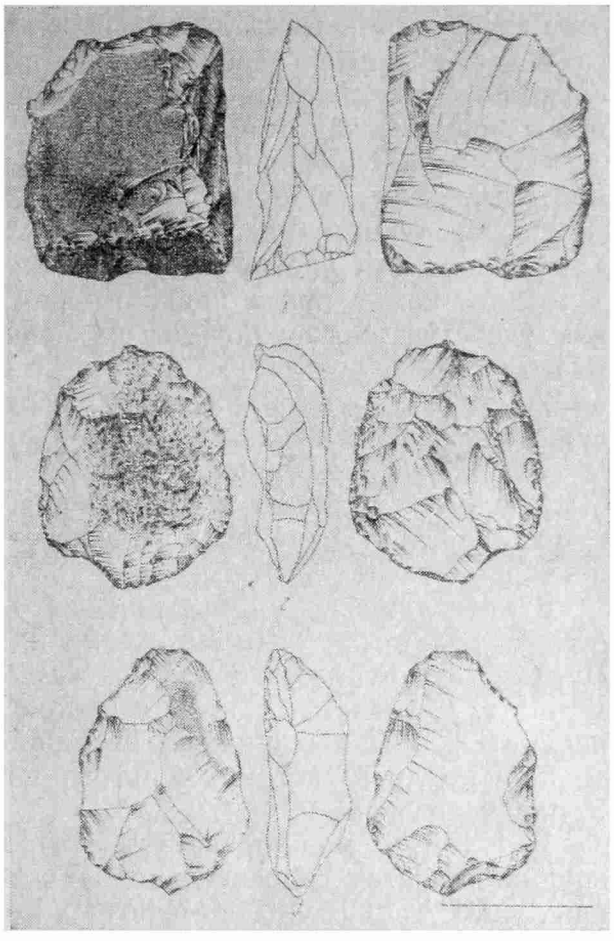


Рис. 5. Нуклеусы

Нельзя не обратить внимания на чрезвычайно архаичный облик ручного рубила с полукруглым рабочим краем (рис. 4). Оно отличается от других кремневых изделий не только наиболее крупными размерами и наиболее примитивной техникой, но и сильно сглаженной блестящей поверхностью, притупленностью краев и извилистым профилем рабочего лезвия. Перечисленные признаки ставят вопрос о возможности отнесения его к гораздо более раннему времени, о сближении его с материалами раннепалеолитических памятников.

В ноябре 1970 г., после доклада О. Н. Бадера и демонстрации материала на секторе палеолита ИА (Ленинград), В. Е. Щелинский любезно согласился просмотреть 15 предметов со стоянки Мысовой в Экспериментальной Трасологической лаборатории ИА под бинокулярным микроскопом и металлографическим микроскопом МИМ-6. При этом им сделаны следующие наблюдения.

Весь материал по степени сохранности поверхности совершенно однороден [11]. Исключением являются дисковидный нуклеус и крупное плитчатое скребловидное орудие (рис. 2, *3*); оба они сглажены сильнее, будто бы они транспортировались в содержащей породе или долго лежали на поверхности.

В заломах и углублениях всех предметов сохранились остатки красновато-желтой глины, кроме топоровидного предмета из плитки (рис. 3, *3*), на котором сохранились следы черного гумусированного слоя.

Следы сработанности замечены на шести предметах.

Удлиненный леваллуазский нуклеус на плоской «рабочей» поверхности до блеска сглажен, особенно на выступающих частях, что может говорить об использовании предмета для заглаживания какой-то не очень мягкой поверхности.

---

[10] Ф. М. Заверняев. Хотылевское палеолитическое местонахождение. СА, 1972, 1.

[11] Крупное рубило В. Е. Щелинскому предоставлено не было.

Два орудия — миндалевидный бифас (рис. 3, *1*) и отщеп с нуклеуса — имеют явные следы ударной работы узким концом, видимо, они служили для долбления достаточно твердого материала или даже использовались как отбойник.

Массивное скребло (рис. 2, *2*) использовалось как таковое, массивный крутой край был рабочим.

Остроконечник (рис. 2, *1*) имеет следы работы только на узком конце, служившем для провертывания отверстий в дереве или кости, вряд ли в мягком камне вроде подвесок из Смеловской II пещеры [12]. Вероятно, для удобства просверливания на кончике со стороны брюшка сделаны мелкие сколы.

На конце крупной пластины, несущем следы ретуши (?) и слома, есть явные следы использования ее в качестве скребка.

Датировка памятника в пределах мустьерской эпохи вряд ли может быть сейчас уточнена с достоверностью. По совокупности признаков представляется возможным отнесение рассмотренного кремневого комплекса к развитому мустье.

В настоящее время мустьерский комплекс с Мысовой стоянки является наиболее крупным на Урале и притом, по-видимому, древнейшим. Предстоит его сопоставление с мустьерскими памятниками Средней Азии, Кавказа, Южной Украины, а также с такими памятниками Русской равнины, как Сухая Мечетка на нижней Волге и Хотылево на Десне, что должно пролить свет на вопросы первоначального заселения области Урала человеком.

Уже сейчас можно сказать, что мустьерский комплекс каменных орудий является относительно ранним и что он старше кремневого комплекса стоянки Сухая Мечетка в Волгограде [13].

Если в дальнейшем подтвердится высказанное здесь предположение о неоднородности комплекса каменных орудий с Мысовой и о примеси весьма архаичных рубящих орудий, то эти последние, возможно, придется сопоставлять с орудиями из Борыказгана в Южном Казахстане.

O. N. Bader, G. N. Matiouchine

NOUVEAU GISEMENT DU PALEOLITHIQUE MOYEN A L'OURAL DE SUD

Résumé

Les fouilles (sous la direction de G. N. Matiouchine) du campement néolithique Myssovaïa, situé sur le lac Karabalykty (Bachkirie d'Est), pendant quelques saisons des années 60, ont livré d'abondantec collections de trouvailles. 42 objets en silex en étaient distingués grace à leur forme et la technique de taille grossière, à la grande patinisation et à la profondeur plus grande de gisement.

Ce petit ensemble d'industries lithiques se rapporte à l'époque du paléolithique moyen et contient les formes typiquement moustériennes: nucléus discoïdaux, pointes à main, grattoirs et outils travaillés de deux côtés. Cet ensemble d'outils en silex est le plus grand et le plus ancien à l'Oural. De toute évidence il est antérieur au compement de Volgograd. Il n'est pas sans vraisemblance qu'il comprend un petit nombre d'outils encore plus anciens et qui s'approchent aux outils de Borykazgan au Kazakhstan septentrional.

---

[12] О. Н. Бадер. Смеловская II палеолитическая стоянка в степях Южного Урала. МИА, 173, 1971.

[13] С. Н. Замятнин. Сталинградская стоянка. КСИА АН СССР, 82, 1961.

Г. Н. МАТЮШИН

МЕЗОЛИТИЧЕСКИЙ И НЕОЛИТИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ ПОСЕЛЕНИЯ МЫСОВОГО НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

Как уже отмечалось [1], на Урале до недавнего времени отсутствовали многослойные поселения с четкой стратиграфией, которые бы позволили проследить чередование слоев с кремневым инвентарем и определить относительную хронологию памятников каменного века. Поселение Мысовое в этом отношении представляет уникальную возможность наблюдать чередование слоев от палеолита до эпохи раннего железа. Местонахождение памятника и его стратиграфия уже описаны нами, как и инвентарь палеолитического слоя [2], поэтому в данной статье мы не будем повторять это и обратимся прямо к характеристике мезолитического и неолитических комплексов этого памятника.

Находок всего около 45 тыс. экз. Более 43 тыс. из них — изделия из камня, остальное — керамика. Около 80% находок концентрировалось в верхней седловинке (раскоп № 1) (рис. 1, 2, 3). Исчерпывающая характеристика инвентаря всех слоев памятника требует монографической публикации. Здесь мы ограничимся лишь кратким описанием материалов верхних слоев.

Инвентарь верхнего слоя относительно немногочислен и представлен в основном керамикой эпохи поздней бронзы и раннего железа. Посуда напоминает керамику сарматской культуры, найдена она на северном склоне (на поверхности) и у подножия возвышенности с южной стороны (в траншее). Она представлена бомбовидными сосудами с ручками и сильно отогнутым венчиком. Орнамент — изредка по шейке ряд «жемчужин».

С южной стороны склона и в береговом валу найдена керамика, орнаментированная преимущественно оттисками креста. Сосуды вазовидные, орнаментированы густо оттисками штампов в виде креста, гребенки, змейки и т. п. В тесте — тальк, мелкий шамот. Идентичная керамика найдена на соседнем озере [3], в верхнем слое стоянки Сабакты III. Памятники с аналогичной керамикой выделены К. В. Сальниковым в особую каменногорскую культуру [4]. Е. М. Берс [5] такую керамику относит к гамаюнской культуре и датирует VI—IV вв. до н. э. М. Ф. Косарев [6] считает крестовую керамику типичной для таежных памятников Васюганья и р. Тыма и датирует ее началом I тысячелетия до н. э. К тому

[1] Г. Н. Матюшин. Многослойное поселение Мысовое на оз. Карабалыкты. КСИА АН СССР, 136, 1973.

[2] Там же; см. статью в этом номере: О. Н. Бадер, Г. Н. Матюшин. Новый памятник среднего палеолита на Южном Урале.

[3] Г. Н. Матюшин. Неолитические стоянки Ташбулатово I и Сабакты III в Башкирском Зауралье. Древности Башкирии. М., 1970, стр. 26.

[4] К. В. Сальников. Некоторые итоги и проблемы изучения древней истории Урала. Из истории Урала. Свердловск, 1960, стр. 15.

[5] Е. М. Берс. Памятники и керамика гамаюнской культуры. Там же, стр. 75.

[6] М. Ф. Косарев. Бронзовый век Обь-Иртышского междуречья. СА, 1964, 3.

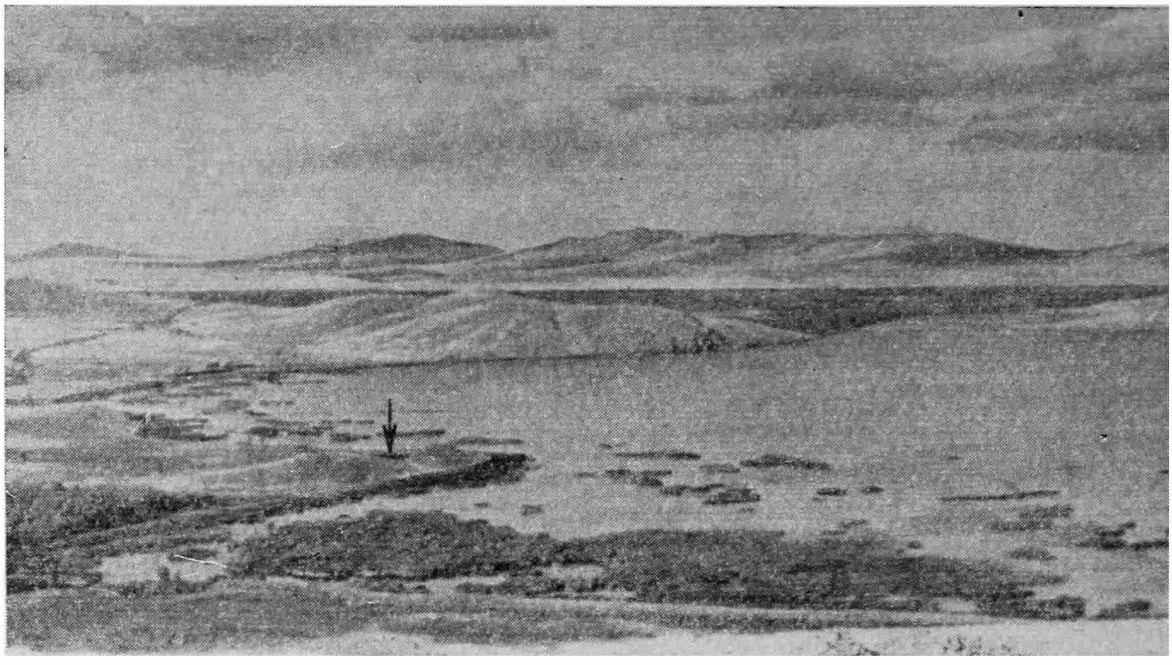


Рис. 1. Общий вид северо-западной части оз. Карабалыкты
Стрелкой отмечено поселение Мысовое

же времени, видимо, относится и большинство погребений Томского могильника, где обнаружены круглодонные сосудики с крестовым орнаментом. М. Н. Комарова[7] относит эту группу погребений к большереченской культуре и датирует VII—VI тысячелетием до н. э. Подобная керамика найдена и на Урале, в Унинской пещере[8], на Старо-Маслянском поселении[9], на городище Кучум-Гора[10] и других памятниках Северного и Среднего Зауралья и Приуралья. Материалы верхнего слоя Мысовой и других памятников Южного Урала с крестовой керамикой свидетельствуют о том, что эта территория в начале I тысячелетия до н. э. входила в зону культур западносибирского круга.

Если керамика эпохи раннего железа и поздней бронзы концентрируется на склонах и у подножия основной ложбинки, то поздненеолитические (или энеолитические) материалы сосредоточиваются тоже в гумусе, но преимущественно на самых седловинках. Причем в основной седловинке (раскоп I) встречены лишь единичные фрагменты керамики этого типа, в то время как в раскопе II материалы поздненеолитического (энеолитического) типа преобладали.

Раскоп II площадью 132 *м*^{2}, заложенный в ложбинке на краю мыса[11], дал значительно меньшее количество находок в сравнении с раскопом I. Прямо на камне здесь лежал слой гумуса мощностью 0,4 *м* с находками изделий из камня и керамикой поздненеолитического облика. Находки других эпох здесь встречались спорадически. Сколько-нибудь заметных остатков жилищных сооружений — очагов и т. п. здесь не прослежено, однако, судя по расположению находок и углублению подпрямоугольной (в плане) формы, в котором и концентрировались почти все находки,

---

[7] М. Н. Комарова. Томский могильник, памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири, МИА, 24, 1952.

[8] В. И. Канивец. Археологическое изучение Печерского Приуралья. ВАУ, 1, Свердловск, 1961, рис. 12, *19*.

[9] В. Ф. Генинг, В. В. Евдокимов. Старо-Маслянское поселение. ВАУ, 8, Свердловск, 1969, табл. 22, *2, 7, 9*; табл. 23, *2*; табл. 24, *1, 4*.

[10] Р. Д. Голдина. Городище Кучум-Гора. ВАУ, 8, Свердловск, 1969, табл. 75, *9, 10—14*.

[11] О. Н. Бадер, Г. Н. Матюшин. Новый памятник среднего палеолита на Южном Урале, рис. 1, *Б*.

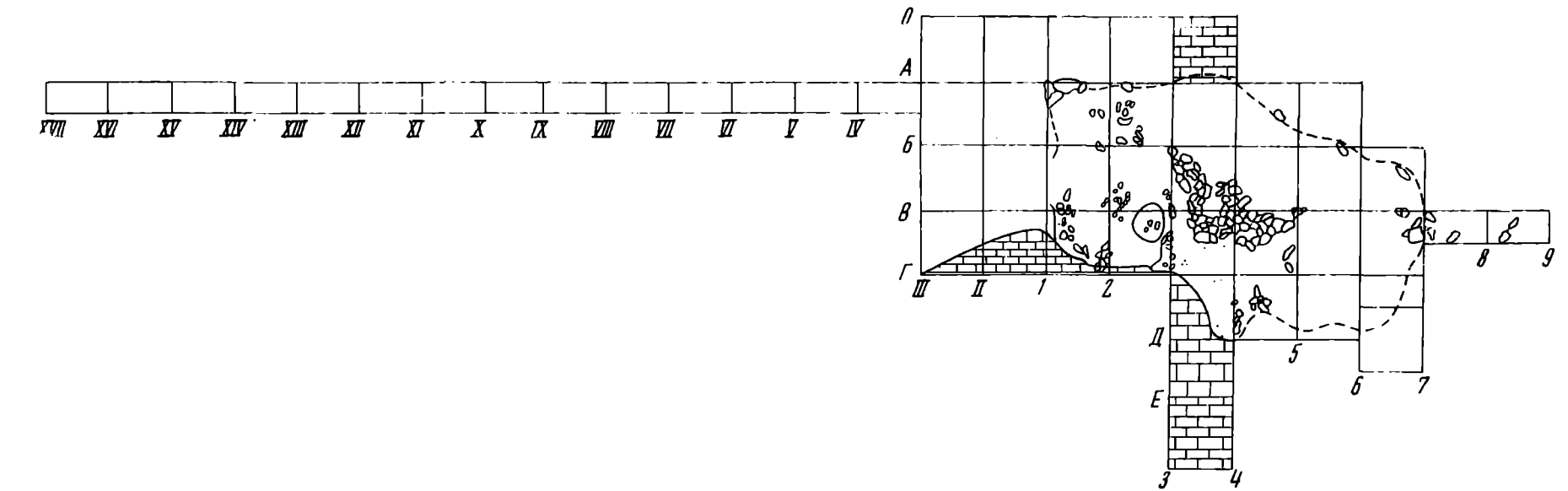


Рис. 2. Мысовое. План раскопа (1966 г.)

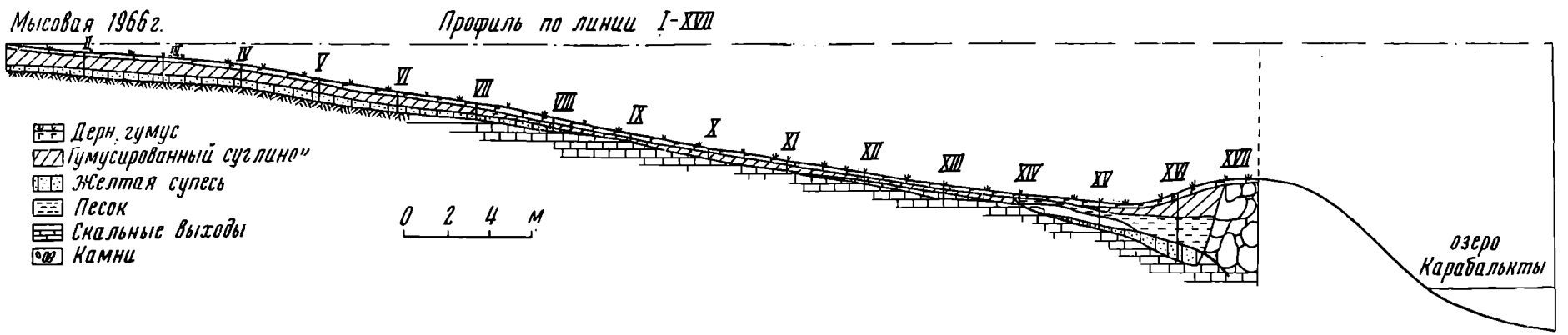


Рис. 3. Профиль раскопа 1966 г. по линии I—XVII

можно предполагать, что культурные остатки здесь связаны с остатками одного легкого жилища наземного типа позднеолитического времени.

Соотношение отдельных групп инвентаря раскопа II в целом сходно с материалами жилища № 1. Подавляющее количество находок здесь представлено всевозможными изделиями из камня. Обломки сосудов составляют чуть более 3% инвентаря.

Более 96% (5235 экз.) находок представлено изделиями из яшмы, кремня и других пород камня. Более обстоятельную характеристику им мы дадим ниже, при описании инвентаря жилища № 1, а здесь отметим, что в составе этой группы находок преобладают отщепы (3451 экз.); они составляют 66% изделий из камня. Остальные находки представлены ножевидными пластинами, нуклеусами и сколами с них и орудиями с двухсторонней обработкой.

Готовые орудия представлены скребками и скреблами (113 экз.), наконечниками стрел и другими орудиями с двухсторонней обработкой.

Несмотря на общее сходство кремневого инвентаря, материалы раскопа II довольно существенно отличаются от находок раскопа I. Если в раскопе I в жилище преобладала керамика, орнаментированная прочерченными линиями и «отступающей палочкой», то в жилище № 2 господствует керамика, украшенная оттисками штампа — гребенкой, «гусеничным» штампом и т. п. Орнамент большей частью располагался по всей поверхности без заметных просветов. Однако здесь представлена и керамика, орнаментированная сеткой, чередующейся с незаполненным полем; треугольниками, заполненными оттисками гребенчатого (зубчатого) штампа и ограниченными по краям неглубокими ямками. Встречается здесь и керамика, типичная для памятников суртандинского типа, орнаментированная вертикальными и горизонтальными лентами с оттисками гребенки, чередующимися с участками незаполненного поля. Однако доля последней здесь еще невелика. В целом господствует керамика, орнаментированная по всей поверхности оттисками гребенчатого (зубчатого) штампа. Исходя из этого, можно датировать жилище № 2 временем, не выходящим за пределы неолита, и отнести его к финалу этой эпохи.

Подавляющее большинство находок на памятнике связано с основным культурным слоем раскопа I. Он располагался в основании гумуса, на глубине от 20 до 80—90 *см*. Основная масса культурных остатков этого слоя концентрировалась в жилище № 1, занимавшем центральную часть верхней ложбинки (рис. 3).

Жилище представляло собой вытянутое в меридиональном направлении полуземляночное помещение подпрямоугольной формы площадью 72 $м^2$ (длина 12, ширина 6 *м*), с выходом, обращенным к озеру (на юг). Западные и восточные стены жилища устроены за счет удаления части скальных выходов (выдолблены в камне). С других сторон стены местами были укреплены камнем (рис. 2).

В центре жилища — сравнительно мощная кладка камня (длина кладки 4,8—5,5, ширина 1,2—2,1 *м*). С южной стороны камни кладки обожжены. Видимо, с этой стороны располагался очаг. Второй очаг находился у выхода из жилища. Жилище менее чем на 1 *м* было углублено в землю. По всей вероятности, значительная часть его представляла собой наземное сооружение из дерева. Снаружи жилища, у самого входа, было найдено скопление крупных грузил из массивных галек. Судя по расположению, грузила, видимо, были остатками большой сети, хранившейся у входа в жилище.

Внутри жилища концентрировалось около 35 тыс. всевозможных изделий из яшмы и кремня и около 800 фрагментов керамики раннеолитического облика.

Значительная масса изделий из камня сосредоточена в скоплениях. Большая их часть расположена в южной половине жилища, у выхода и в

центре, у каменной кладки. Каждая такая группа находок располагается обычно вокруг одного-двух камней, плоской стороной обращенных вверх. На верхней плоскости этих камней хорошо заметны следы многочисленных ударов в виде точек, выщерблин и т. п. Видимо, это были наковальни мастерских по вторичной обработке камня (рис. 2, кв. А — Б — Г — 1 — 5). Здесь найдены и отщепы, и заготовки нуклеусов, и сколы с них.

В северной, наиболее удаленной от входа части и по краям жилища — скопления отщепов и нуклеусов отсутствовали. В составе находок здесь преобладали законченные орудия и фрагменты керамики. Видимо, эта часть помещения служила собственно жилищем (рис. 2, кв. А — Г — 5 — 7).

В жилище № 1 было найдено большое количество орудий из камня, керамики и т. п. Значительная их часть — орудия с двухсторонней обработкой из кремня и яшмы: наконечники стрел и копий, всевозможные рубящие орудия, ножи, стрелки, шлифовальники — «утюжки», подвески и другие изделия.

Большая часть материалов жилища № 1 (около 70%) — это отходы производства каменных орудий. Следует заметить, что за пределами жилища таких скоплений орудий и отходов производства не встречалось. Здесь же на площади 72 $м^2$ в слое толщиной в среднем 20—40 *см* концентрировалось в среднем по 500—600 находок на 1 $м^2$.

Отщепов в жилище № 1 обнаружено около 25 тыс. экз. Более 10% всех находок составляют нуклеусы и сколы с них (3848 экз.). Значительная часть нуклеусов — это всевозможные первичные заготовки, оформленные нуклеусы, но без негативов от скалывания ножевидных пластин или с одним-двумя негативами и т. п.

В мезолитическом слое Мысового, залегающим в суглинке под неолитическим слоем[12], находок всего 7530. Большая их часть представлена ножевидными пластинами и изделиями из них. Микролитическая часть занимает 56,28% инвентаря слоя. Нуклеусы составляют 3,82% всех находок в слое. Сколы с нуклеусов — 0,146%, скребки концевые — 1,049, орудия на отщепах всего — 0,33% инвентаря, а отщепы — 38,1% всех находок в слое.

Наиболее заметную часть микролитического инвентаря мезолитического слоя составляют геометрические микролиты. Всего их 14 экз., в том числе 10 асимметричных трапеций, 2 низких треугольника, 1 высокий треугольник, 1 сегмент, 1 прямоугольник (рис. 4, *1—3*, *4*, *6*).

Большая часть (78,6%) геометрических микролитов помимо ретуши на боковых сторонах имеет еще дополнительную подработку со стороны короткого бока, утончающую эту часть пластины (рис. 4, *1—3*), видимо, для удобства закрепления микролитов в древках (наконечники стрел). Меньшая часть микролитов мезолитического слоя имеет обломанные или закругленные концы. Видимо, эта группа микролитов служила вкладышами[13].

Довольно большая группа ножевидных пластин (198 экз.) имеет по одному-двум лезвиям, а иногда еще на конце пластинки более регулярную ретушь, либо приостряющую, либо притупляющую край пластинки (рис. 4, *15—18*). По форме они в большинстве своем прямоугольны. Примерно около 75% их — сечения длиной от 1,5 до 2,5 *см*. Около 10% — пластинки длиной от 3,5 до 4,5 *см* и около 16% — длиной от 5 до 7 *см*.

У многих пластинок ретушь нанесена с двух сторон: с одной (чаще с брюшка) она притупляющая, с другой— приостряющая. Однако большинство пластинок ретушировано только с одной, притупляющей край стороны, а по второму лезвию заметны выщербины, следы заполированности, зазубрины. Около 60 экз. пластин помимо ретуши по лезвию имеют следы вторичной обработки и по одному из концов пластинки. Эта обработка либо

[12] О. Н. Бадер, Г. Н. Матюшин. Новый памятник..., рис. 1, *Б*, *5*.

[13] Г. Н. Матюшин. О характере материальной культуры Южного Урала в эпоху мезолита. СА, 1969, 4, стр. 40—41.

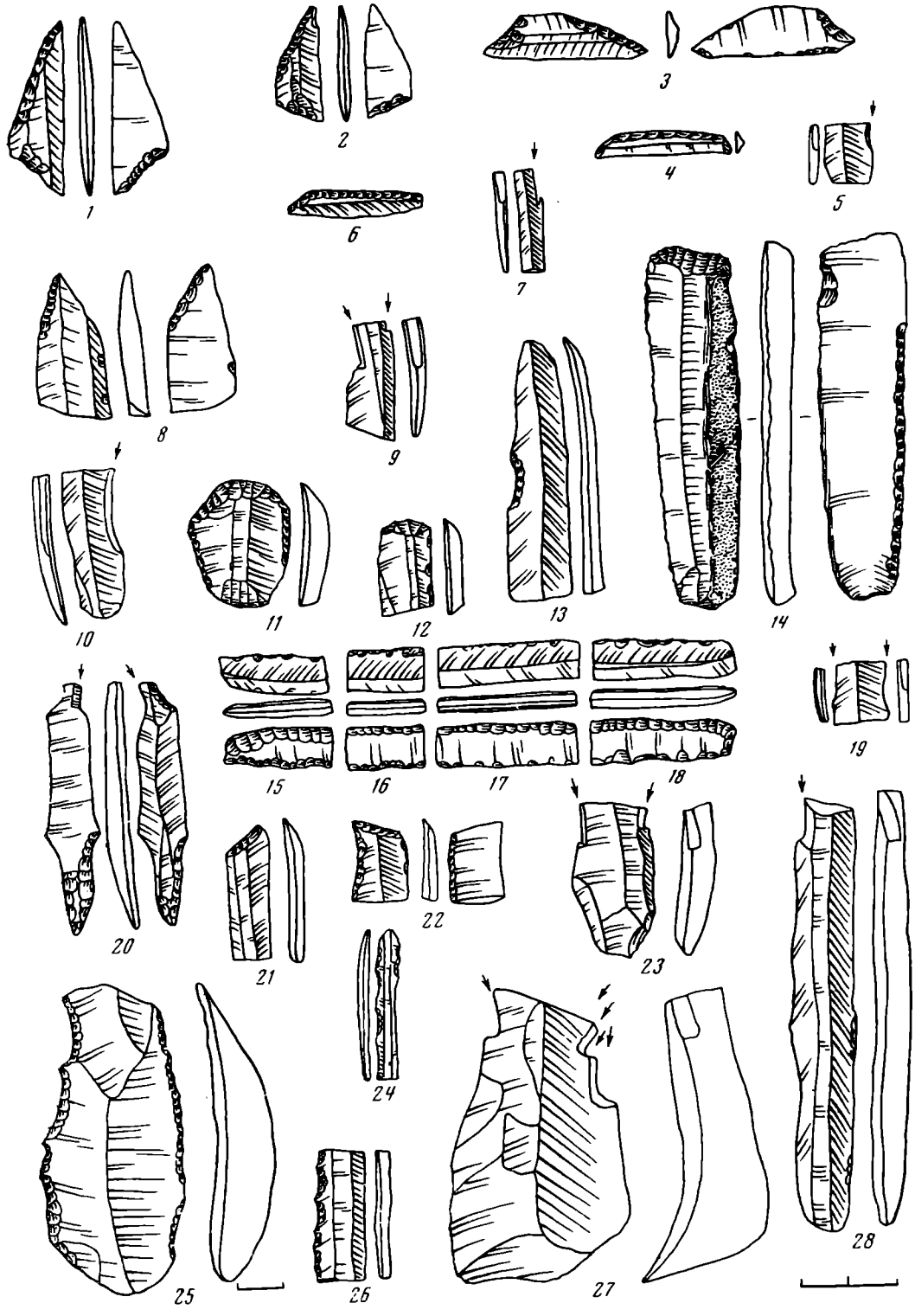


Рис. 4. Инвентарь мезолитического слоя Мысового

закругляет край пластинки (рис. 4, *15, 18*), либо приостряет, либо диагонально лезвию скашивает конец пластинки (рис. 4, *8, 21, 22*), а в некоторых случаях делает его почти прямо перпендикулярным лезвию, превращая пластинку в своеобразный прямоугольник. Причем иногда прямоугольно срезанный конец пластинки имеет со стороны брюшка выемку. Большинство упомянутых пластин, видимо служили также вкладышами. Так, пластины, близкие по толщине и ширине, выложенные в ряд, образовывали группы от 12 до 20 *см* длиной плотно прилегающих друг к другу вкладышей. При раскопках были найдены лежащие в определенном порядке две группы пластинок, расположение которых и удивительная «подогнанность» друг к другу по толщине, ширине и расположению ретуши наводят мысль о том,

что они были остатками вкладышевого орудия. Особенно в этом убеждает характер вторичной обработки пластинок. Ретушь была крутой и четкой с одной стороны — притупляющая, с другой — приостряющая. Ретушь имелась не на всех пластинках, но зато на всех были хорошо заметны выщербины, заполированность, т. е. следы работы. Одинаковый характер этой выщербленности свидетельствует, видимо, о том, что каждая группа пластинок служила вкладышами одного орудия (рис. 4, *15—18*).

Любопытно отметить, что и геометрические микролиты образуют сплошной ряд лезвий в котором они плотно примыкают друг к другу скошенными боковыми сторонами. Причем угол скоса пологого склона одной трапеции всегда соответствует углу подобного склона другой трапеции, так же как соответствующие короткие боковые стороны разных трапеций соответствуют друг другу. Но по толщине трапеции не совсем точно подходят друг к другу, кроме того, каждая геометрическая форма имеет со стороны короткого бока подработку, утончающую конец. Эта подработка и отсутствие следов сработанности на лезвиях говорят, видимо о том, что трапеции на стоянке Мысовая чаще употреблялись в качестве наконечников, а не вкладышей.

Пластины со скошенным краем скорее всего использовались как вкладыши.

Следует заметить, что большая часть ножевидных пластин без ретуши группируется в аналогичные ряды. Следовательно, можно предполагать, что и пластинки без ретуши использовались в качестве вкладышей. Большое количество пластинок на памятнике свидетельствует, видимо, о том, что орудия с вкладышами занимали большую долю в инвентаре памятника.

Значительная часть пластинок употреблялась также в качестве резцов, острий, сверл, скобелей и скребков.

Резцы на пластинках (78 экз.) преобладают. Большая их часть изготовлена с помощью резцового скола, нанесенного с одного или нескольких углов ножевидной пластинки (рис. 4, *5, 7, 9, 10, 19, 23, 28*). Из них на целых пластинках изготовлено около 30 экз., остальные — либо на сечениях, либо на пластинках с обломанными концами. Три резца изготовлено на нуклеусе, заготовке нуклеуса и массивном сколе с основанием нуклеуса (рис. 4, *27*), 18 резцов имеют остатки желвачной корки со стороны спинки. Срединных резцов всего 5 экз. Все они изготовлены на конце удлиненных пластинок. Большинство лезвий пластинок оставлено без обработки, только у 20 экз. по одной или двум сторонам имеется дополнительная подработка.

Острия и проколки (69 экз.) в большинстве случаев оформлены на конце пластинок с помощью противолежащей ретуши. Диаметр их острия, степень подработки и крутизна ретуши довольно различны. Однако все они не выходят за пределы 1,5—2 *см* ширины.

Четыре острия, по всей вероятности, являются наконечниками стрел. Все они отличаются от проколок и сверл тем, что ретушь, образующая острие, располагается не с противолежащих, а с одной стороны. На одном орудии она расположена на противолежащих сторонах. Однако и здесь хорошо видно, что в данном случае оформлялся черешок наконечника. Острию же была придана нужная форма с помощью резцового скола и небольшой подработки по скошенному краю пластинки (рис. 4, *20*). Второй наконечник изготовлен на пластинке неправильных очертаний с помощью ретуши, приостряющей конец пластинки и срезающей прямо черешок наконечника. Два наконечника представлены черешками. Ретушь на обоих нанесена со стороны спинки очень круто, почти перпендикулярно к плоскости пластинки. Подавляющее большинство острий изготовлялось, как уже отмечалось, с помощью противолежащей ретуши. Если с одной стороны эта ретушь нанесена с брюшка, то с другой она обязательно наносилась со стороны спинки. В отдельных случаях острия делались вытянутыми, длинными, диаметр почти по всей длине в этом случае был одинаковым, слегка сужаясь к концу. По-видимому, эти орудия служили для сверления небольших, но длин-

ных отверстий. В большинстве случаев острие расширялось от конца к центру пластинки. Два острия изготовлены из сургучной яшмы, одно — из розовой, 17 — из серой и синеватой яшмы, остальные — из темно-серого и черного кремня.

Довольно значительную группу изделий из ножевидных пластин составляют пластинки с выемками. Всего их около 200 экз. Около 70 экз. из них — сечения и сломанные пластинки (рис. 4, *26*). Однако в отличие от вкладышей большую часть здесь составляют целые пластинки. Выемки на боковых сторонах в большинстве своем длинные и пологие, идут зачастую по всей длине пластинки и очень редко ограничиваются одной какой-либо ее частью. Напомним, что на мезолитических памятниках Южного Урала преобладают последние. Возможно, что часть пластинок с выемками (видимо, большая часть сечений) служила вкладышами в орудия, и выемки образовывались в результате длительного использования их в качестве лезвий ножей и скобляющих орудий, однако большинство пластинок с выемками (около 130 экз.) были, по-видимому, скобелями или пилками (рис. 4, *13, 24*). Десять из них изготовлены из сургучно-зеленой яшмы, два — из светло-серого кремня, один — из розоватого, 50 — из синевато-зеленовато-серых и остальные — из темно-серых и черных пород кремня.

В целом инвентарь мезолитического слоя поселения Мысовое имеет многочисленные аналогии среди мезолитических и позднепалеолитических памятников с геометрическими микролитами. По своему составу он содержит обычные для всех мезолитических памятников Южного Урала геометрические микролиты, резцы, пластины со скошенным краем, пластинки с выемками и прочие изделия.

Характер геометрических микролитов, и в частности преобладание трапеций и треугольников с утонченным боком, видимо, свидетельствует о том, что мезолитический комплекс стоянки Мысовой более молодой, нежели инвентарь стоянки Янгелька, где преобладают геометрические микролиты с зазубринами по лезвию без дополнительной подработки на боковых сторонах для утончения [14].

Следует отметить, что все изделия из камня мезолитического и неолитического слоев, несмотря на их обилие, не имеют ни патины, ни известковых натеков.

Заметную долю инвентаря неолитических слоев занимают пластины и изделия из них. Всего их 5264 экз. Они составляют 14,3% всех изделий. В сравнении с мезолитическим слоем изделий определенной формы на пластинах в жилище № 1 сравнительно немного, но значительная часть ножевидных пластин (628 экз.) имеет зазубрины и нерегулярную ретушь по лезвиям, свидетельствующую о широком использовании пластинок. Ретушь, как и в мезолите, покрывает либо часть лезвия, либо всю сторону пластинки, но и в первом, и в последнем случае, она, как правило, нерегулярна и неравномерна. У одного края пластинки ретушь может быть сильной, в то время как у другого она вообще отсутствует. Если с одного края ретушь четко уплощенная, то к середине лезвия она становится мелкой, крутой, а на противоположном конце вместо ретуши — выщерблины и зазубрины. На некоторых пластинках при отсутствии ретуши хорошо видны на лезвии выщерблины и зазубрины. Все это производит впечатление скорее следов работы на неретушированной пластинке, нежели ее вторичной обработки.

Иногда неретушированные с зазубринами пластинки (или изделия с «нерегулярной» ретушью) имеют остатки желвачной корки со стороны спинки. Наличие поверхностной корки свидетельствует о том, что данные пластины были сколоты с первичных заготовок нуклеусов. На ретушированных экземплярах пластин можно встретить все типы краевой ретуши — и тонкую, и грубую, и скребковую, и чешуйчатую, и ступенчатую, и плоскую, и зазубривающую.

[14] Г. Н. Матюшин. О характере материальной культуры Южного Урала..., стр. 41—42.

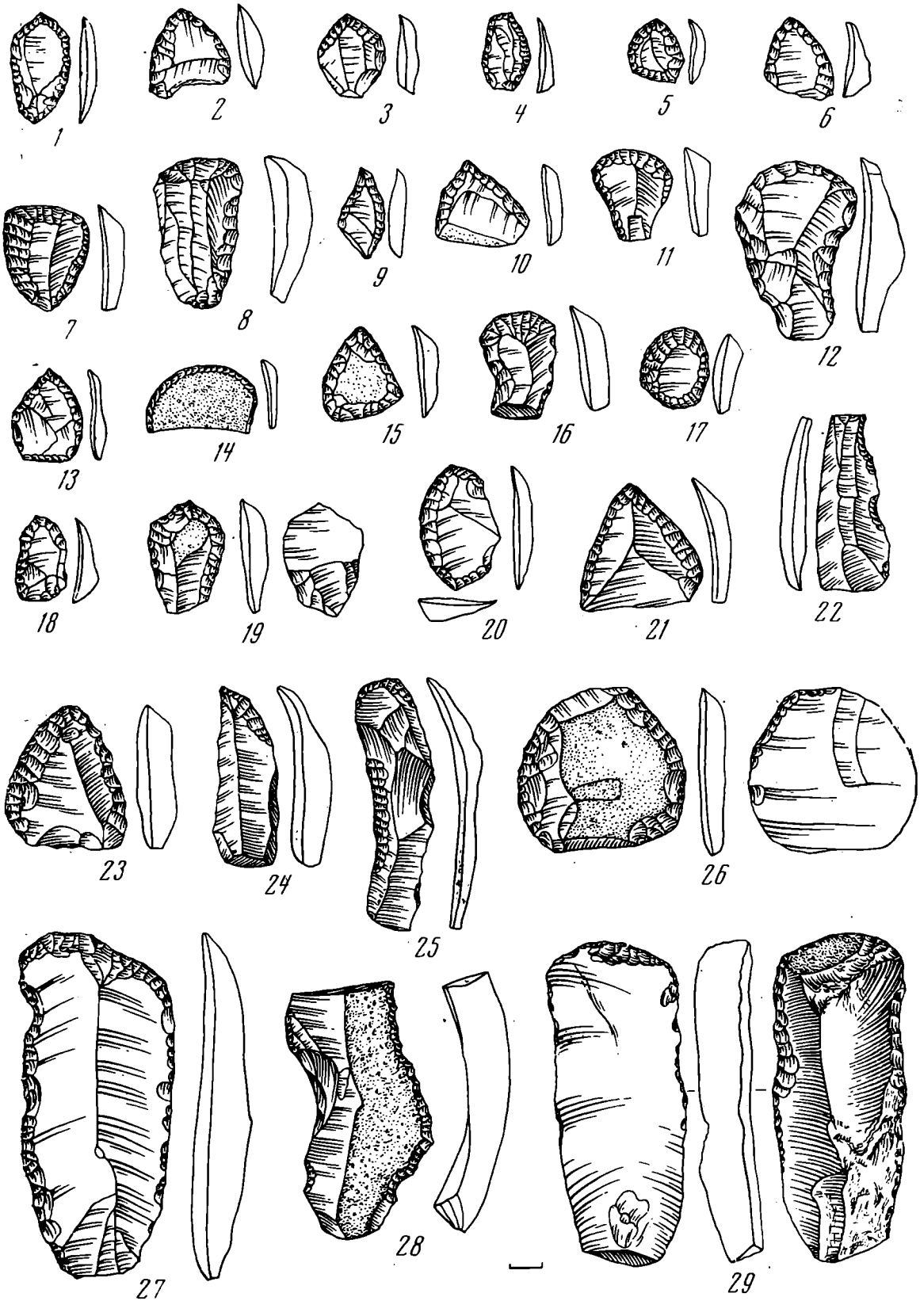


Рис. 5. Мысовое. Скребки, скобели, острия

Скребков всего найдено 691 экз. Значительная их часть — орудия на пластинках. Концевых скребков на ножевидных пластинках правильного и неправильного огранения всего 163. Большая их часть найдена в мезолитическом слое. В основном это скребки на конце узких длинных ножевидных пластин и продольных сколах с нуклеуса. Размеры их разнообразны: от массивных крупных, длиной 12—10 и шириной 4—5 *см* (рис 5, *27*, *29*) до орудий шириной 1—1,5 и длиной 2 *см* (рис. 5, *11*, *12*). Преобладают изделия длиной 2,5 и шириной 1,5—2 *см*.

К скребкам на пластинах примыкают аналогичные концевые скребки, изготовленные на сколах с нуклеуса и пластинчатых отщепах. Всего их 145 экз. Характерным признаком изделий этого типа является также наличие ретуши на конце удлиненного отщепа или продольного скола с нуклеуса (рис. 5, *7*, *8*, *11*, *12*, *16*, *25*). Размеры скребков этой группы довольно разнообразны. Диапазон их длины колеблется также в пределах от 1,5 до 13 *см*. 36 скребков этой группы имеют длину 4—6, десять — 6—8 *см*, четыре имеют длину от 10 до 13 при ширине 3—5 *см*, длина остальных колеблется в пределах от 1,5 до 3 *см*.

Концевые скребки изготовлены из сургучно-зеленой яшмы — 5 экз., из сургучной яшмы — 1, из зеленовато-голубой и светло-серой — 20, остальные — из черного и темно-серого кремня. У 46 скребков этого типа на спинке сохранились остатки желвачной корки.

Десять скребков на продольных сколах и пластинчатых отщепах имеют скребковую ретушь не на конце, а на боковой стороне пластин (боковые скребки).

Большая часть скребков — орудия на отщепах, типологически их можно разделить на: 1) скребки с остроугольным выступом на рабочей части; 2) скребки с прямоугольным рабочим краем; 3) скребки концевые на отщепах; 4) скребки округлые; 5) прочие скребки на отщепах.

Скребки с остроугольным выступом (всего 120 экз.) изготовлены из сургучной яшмы — 4 экз., из сургучно-зеленой яшмы — 3, из розовато-белого кремня — 4, из серых — 3, черных и темно-серых пород кремня и яшмы — 107 экз.

Прямоугольные — изготовлены из сургучно-зеленой (1 экз.), светло-серой яшмы (2 экз.), из обсидиана (1 экз.) и зеленой яшмы (1 экз.), серого (6 экз.), черного и темно-серого кремня (11 экз.) и обсидиана (1 экз.). Среди пород камня преобладают яшма, черный и темно-серый кремень.

Характерным признаком скребков обоих типов является и наличие более или менее острых углов на рабочей части. В отличие от широко распространенных концевых скребков и скребков на отщепах, имеющих плавно закругленную рабочую часть, изделия этого типа имеют либо один, либо два более или менее острых угла на рабочей части (рис. 5, *1—6, 10 13, 15, 18—21, 23*). У некоторых орудий этот выступ подчеркнут прилегающими к нему небольшими выемками (рис. 5, *19*), у других он сделан на приостренном конце (рис. 5, *9*), а в большинстве случаев он оформлен ретушью с двух сторон лезвия отщепа так, что между ними образуется острый угол. Преобладают скребки с одним остроугольным выступом, но имеются орудия с двумя углами на рабочей части (прямоугольные скребки; рис. 5, *4*). Размеры скребков остроугольных и прямоугольных в среднем не превышают 3—5 *см* в диаметре, однако имеется несколько скребков и около 5—6 *см* в диаметре.

Последняя группа скребков менее многочисленна — 92 экз. К ней мы отнесли орудия, форма которых более неопределенна и аморфна. Восемь орудий этой группы изготовлены из сургучно-зеленой яшмы, 40 — из светло-серой и голубовато-зеленой яшмы, один из розового и остальные из темных пород кремня. На 38 экз. сохранилась корка. Большая часть скребков этой группы имеет выпуклый округлый рабочий край (рис. 5, *14, 17, 26*). Хотя по форме многие из них напоминают орудия с выступом и концевые скребки, но эти особенности выражены у них менее ярко. Скребков с ретушью вокруг всего орудия (рис. 5, *7, 15, 17*) сравнительно немного.

Ножи в жилище № 1 довольно многочисленны и своеобразны. Всего их 151 экз. Так как в печати отсутствует описание такого количества подобных ножей с памятников Урала, остановимся на них несколько подробней. По материалу они объединяются в две группы: 1) ножи сланцевые и туффитовые; 2) ножи кремневые и яшмовые.

Первая группа (7 экз.) изготовлена из зеленого туффита (рис. 6, *14, 15*).

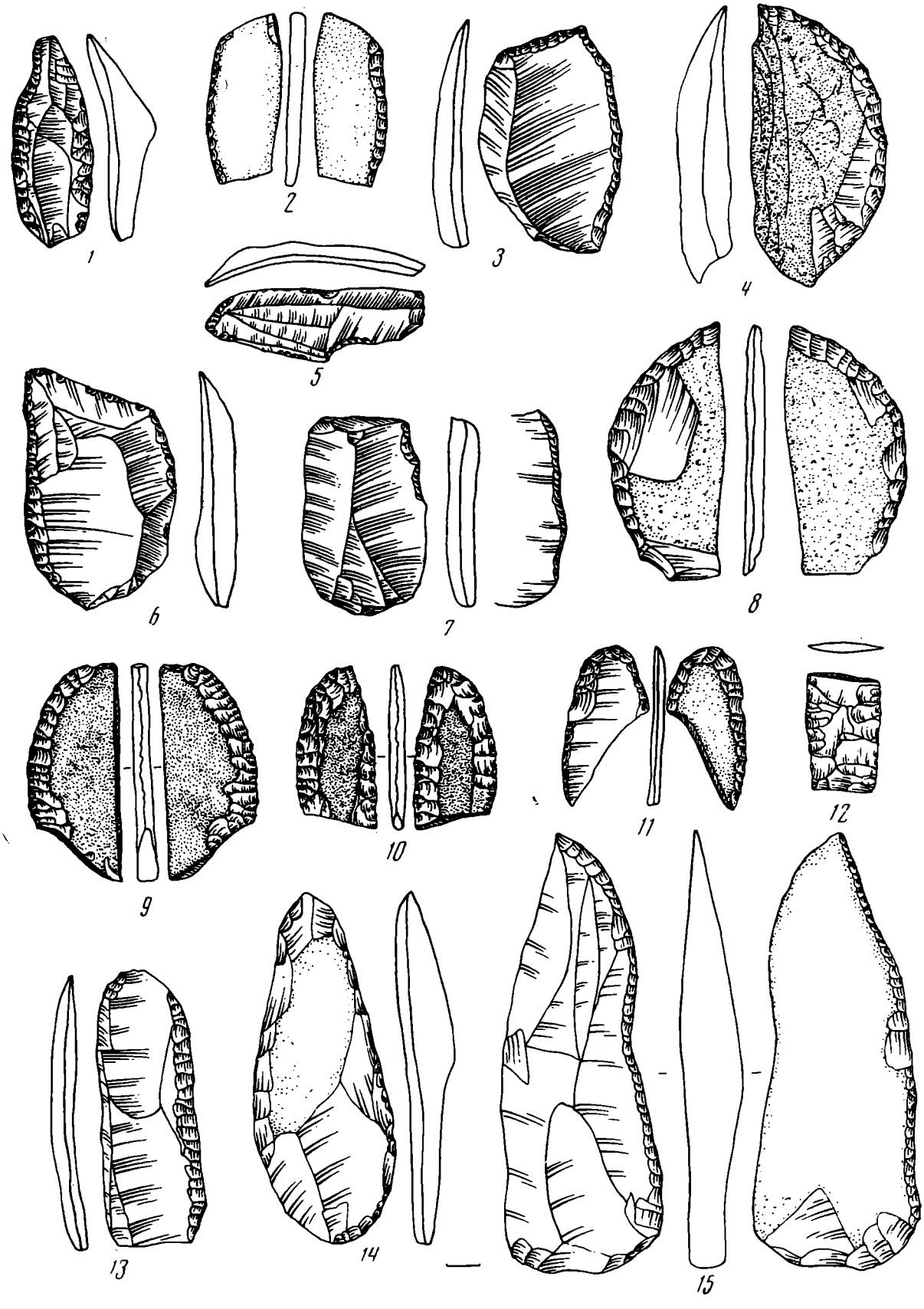


Рис. 6. Мысовое. Ножи из неолитических слоев

По форме ножи сланцевые и туффитовые различаются мало, и некоторые из них напоминают орудия современных очертаний.

Преобладают ножи яшмовые и кремневые. Они в свою очередь могут быть разделены на две подгруппы: ножи на плоских плитках с желвачной коркой; ножи на отщепах без желвачной корки.

Ножей на плитках с желвачной коркой всего 42 экз. (рис. 6, *2, 8—11*). Размеры их весьма различны: от 9—10 *см* в длину при ширине 6—7 *см* до

небольших, длиной 4 и шириной 1,5 *см*. Ножи этого типа объединяются в одну подгруппу по характеру обработки по одному или (очень редко) по двум лезвиям. И в том и в другом случае лезвие ножа приострено с двух сторон мелкой ретушью. Если туффитовые и сланцевые ножи имеют часто одностороннюю ретушь, то ножи на плитках во всех случаях имеют только двустороннюю ретушь.

Ножи на отщепах без желвачной корки наиболее многочисленны. Их также можно разделить на несколько подгрупп: ножи с острым концом, орудия с округлым верхним краем, вытянутые орудия. Следует заметить, что, как правило, ножи на отщепах имеют одностороннюю обработку. Почти на всех ретушь нанесена только со стороны спинки, тогда как брюшко, за немногими исключениями, оставлено без обработки.

Ножи с острым концом (27 экз.) представляют собой орудия из отщепов, одно или оба лезвия которых обработаны приостряющей ретушью (рис. 6, *3, 4, 6*). Более тонкий (верхний) конец этих орудий имеет острый выступ. По форме конца орудия этой группы в какой-то мере напоминают ножи современных очертаний. У некоторых экземпляров. кроме того, имеется еще выступ в середине лезвия (рис. 6, *5*). В большинстве случаев ретушь оформляет только одно лезвие и небольшой участок за острым концом. Довольно часто острый конец с тыльной стороны несет на себе не ретушь, а следы сработанности. По всей вероятности, этот острый край конца и принимал на себя основную рабочую нагрузку. Видимо, этим объясняется и то, что у некоторых орудий ретушью оформлен только острый конец, а само лезвие оставлено без вторичной обработки (рис. 6). Однако в большинстве случаев лезвие также обработано ретушью. Чаще всего оно выпукло, но в отдельных случаях на боковых сторонах его имеются выемки. Выемки эти неглубоки и пологи. Аналогичные выемки образуются на современных ножах при длительном употреблении в местах наибольшей сработанности. По форме ножи с острым концом весьма разнообразны. Имеются узкие тонкие подлистовидные ножи, полулунные, но в большинстве случаев они имеют своеобразную форму резаков с особо четко выраженным острым концом.

Единичные экземпляры ножей этого типа имеют двустороннюю обработку (рис. 6, *7*, *12*; рис. 7, *13*, *15*, *18*). По форме они напоминают обломки крупных наконечников копий с усеченным основанием (рис. 6, *12*) или своеобразных «мустьерских» остроконечников. Поверхность у некоторых из них несколько залощена, возможно, от длительного употребления. Один из них имеет форму наконечника с отогнутым черешком. По материалу ножи с острым концом изготовлены из сургучно-зеленой яшмы — 1 экз., из зеленой — 2, серой — 9, белой — 1 экз., остальные — из черного и темно-серого кремня.

Вторая группа ножей — 25 экз. на отщепах имеет не приостренный, а более или менее закругленный конец. Ретушь, которой оформлен этот конец лезвия, плоская. Нанесена она, как правило, с одной стороны. Наиболее тщательно здесь, как и у ножей с острым концом, обрабатывался закругленный угол отщепа. Видимо, и здесь он нес основную рабочую нагрузку. На некоторых орудиях этого типа тщательной обработке подвергался только закругленный угол, а на самих лезвиях ретушь отсутствует. У одного из орудий ретушью оформлены два угла с противоположных сторон, а лезвия оставлены без обработки.

Одно из орудий этого типа изготовлено из сургучной яшмы, одно — из светло-коричневого кремня, одно — из белого, одно — из сургучно-зеленой яшмы, два — из зеленой, два — из серой, 17 — из черного и темно-серого кремня.

Удлиненные ножи более многочисленные и разнообразные. Всего их 50 экз. Большинство их изготовлено на пластинчатых отщепах и продольных сколах с нуклеусом (рис. 6, *13*). Ретушь здесь также в большинстве случаев односторонняя, нанесена она, как правило, со стороны спинки, но

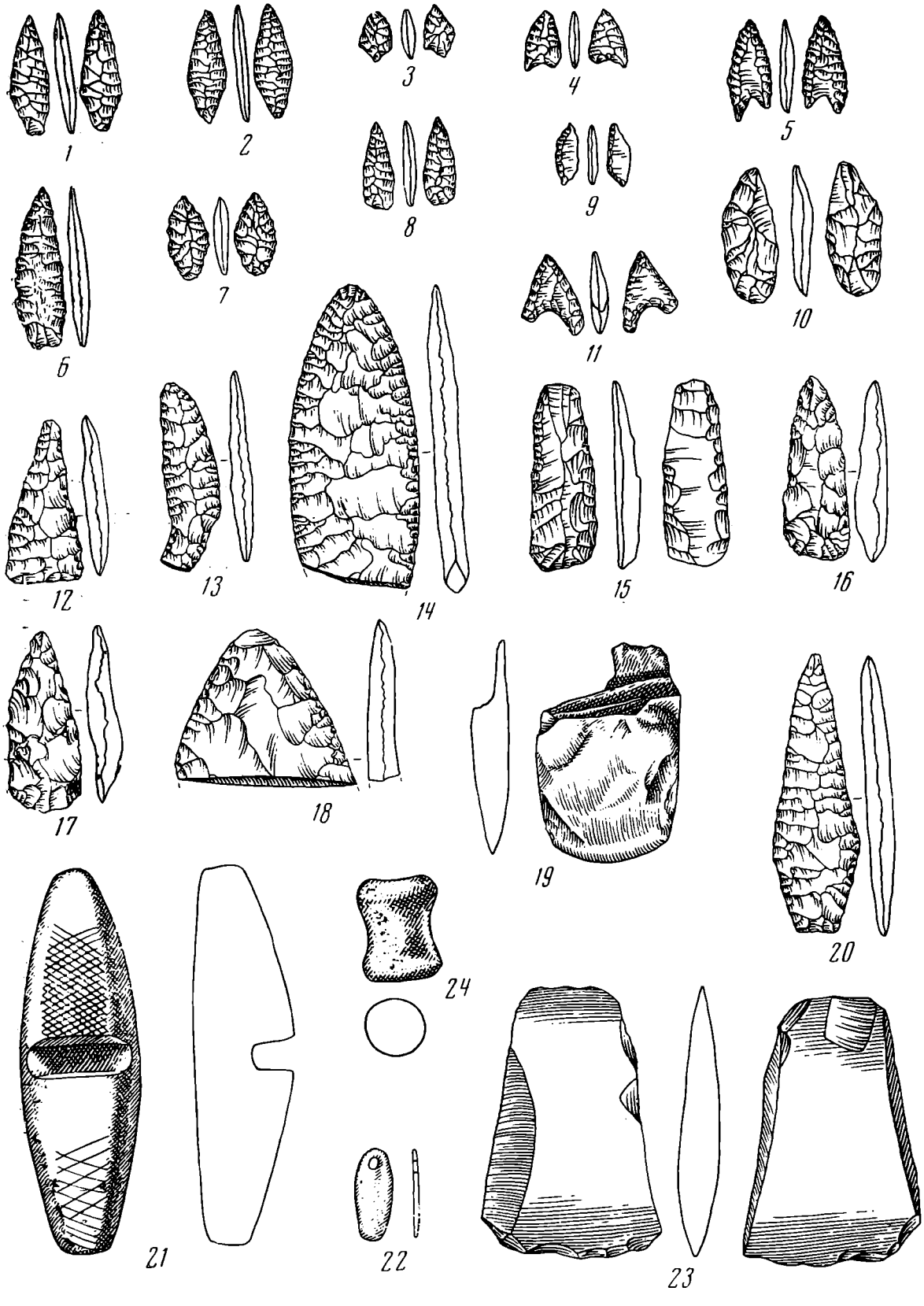


Рис. 7. Мысовое. Изделия из камня (*1—23*) и керамическая фишка (*24*) из неолитических слоев

в отдельных случаях она дополняется и ретушью со стороны брюшка. Изредка здесь встречается и двухсторонняя ретушь на лезвии (2 экз.) (рис. 6, *11*). Но в целом и для этой группы двусторонняя ретушь нетипична. Оба орудия с такой ретушью можно отнести к ножам на плитках, так как с одной стороны каждого сохранилась желвачная корка. Как уже отмечалось, для орудий с желвачной коркой типична двухсторонняя ретушь.

Материалом для изготовления орудий данной группы служила сургучно-зеленая яшма (4 экз.) и кремень: белый плитчатый (1 экз.), коричневатый (1 экз.), синеватый (4 экз.), зеленый (5 экз.), серый полосчатый (6 экз.), желтоватый полупрозрачный (1 экз.), белый (1 экз.). Остальные орудия изготовлены из черного и темно-серого кремня.

Часть продольных сколов с нуклеусов имеет боковые выемки (25 экз.), образованные с помощью краевой ретуши на боковых сторонах (рис. 6, *7*). У одного орудия выемка сделана на торце пластины. В большинстве случаев выемки неглубокие и пологие. Однако у некоторых пластин они очень короткие. Ретушь, образующая выемки, в большинстве случаев очень крутая, по самому краю лезвия. У отдельных орудий ретушь плоская, пологая, далеко заходящая за край пластины. Они изготовлены из серого и синеватого кремня (4 экз.), черного и темно-серого кремня (21 экз.)

Значительную часть изделий из пластинчатых сколов составляют всевозможные сверла и провертки. Всего их 47 экз. Размеры орудий с острым концом довольно различны, однако в целом они не выходят за пределы 10 *см* в длину при 3—4 *см* в ширину. Наименьшее имеет длину 3 *см* при ширине 1,5 *см*, наибольшее — длину 9 *см* при ширине 3,5 *см*.

Они сделаны: из светло-серого кремня — 3 экз., синевато-серого — 9, зеленого — 4, сургучно-зеленого — 2 экз., остальные — из черного и темно-серого кремня.

По характеру обработки некоторые из них напоминают скребки с остроугольным выступом (рис. 6, *1*; рис. 5, *9*, *24*). Однако от последних их отличает более четкая оформленность острия. Кроме того, в отличие от скребков с остроугольным выступом они не всегда имеют обработку по обеим сторонам прилегающего к острому концу лезвия, чаще всего лезвие обработано с одной стороны (рис. 5, *24*). В тех случаях, когда острие обработано ретушью с двух прилегающих к нему сторон, четко выделяется острый конец (рис. 6, *1, 5, 9*). Противолежащая ретушь, имеющаяся на некоторых орудиях данного типа, позволяет предполагать, что они использовались в качестве сверл или проверток.

Наконечники стрел представлены значительным количеством (59 экз.). Преобладают орудия листовидной формы (рис. 7, *1*, *2*, *7*, *9*, *10*), но имеются и наконечники (раскоп II) усеченной формы и даже с выемкой в основании (рис. 7, *4—6*, *11*). У одного наконечника конец пера оттянут, другой наконечник имеет саблевидную форму (рис. 7, *13*) (нож?).

Наконечники изготовлены: из яшмы — красной (1 экз.), сургучной (1 экз.), пестрой — красноватой (4 экз.), сургучно-зеленой (5 экз.), светло-серой (2 экз.), зеленой (5 экз.); кремня — черного (13 экз.), серого (29 экз.), коричневатого (1 экз.); из кварцита — (3 экз.).

Наконечники копий в большинстве своем представлены в обломках. Целых всего три экземпляра. Один из них имеет листовидную форму, плоский, широкий. Изготовлен из черного кремня. Второй, также изготовленный из черного кремня наконечник имеет подромбовидную форму (рис. 7, *20*). У третьего конец притуплен, а на боковых сторонах имеются небольшие выемки, отделяющие черешок от остальной части пера.

Среди массы обломков двухсторонне обработанных орудий выделяются крупные экземпляры, часть из них скорее можно отнести к ножам, нежели к наконечникам (рис. 7, *14, 15, 18*).

Крупные пилы изготовлены, как правило, из сланцевых и туффитовых плиток. Один или оба края этих орудий пришлифованы и скошены по диагонали.

Среди остального инвентаря жилища № 1 — многочисленные топоры, тесла, долото и другие деревообрабатывающие орудия. В большинстве случаев они изготовлены техникой оббивки и ретуши (рис. 7, *12, 16, 17*), но имеются и шлифованные орудия (рис. 7, *19, 23*).

Любопытны шлифовальники — «утюжки», изготовленные из мягких пород камня. По форме они, как правило, ладьевидны, верхняя плоскость ор-

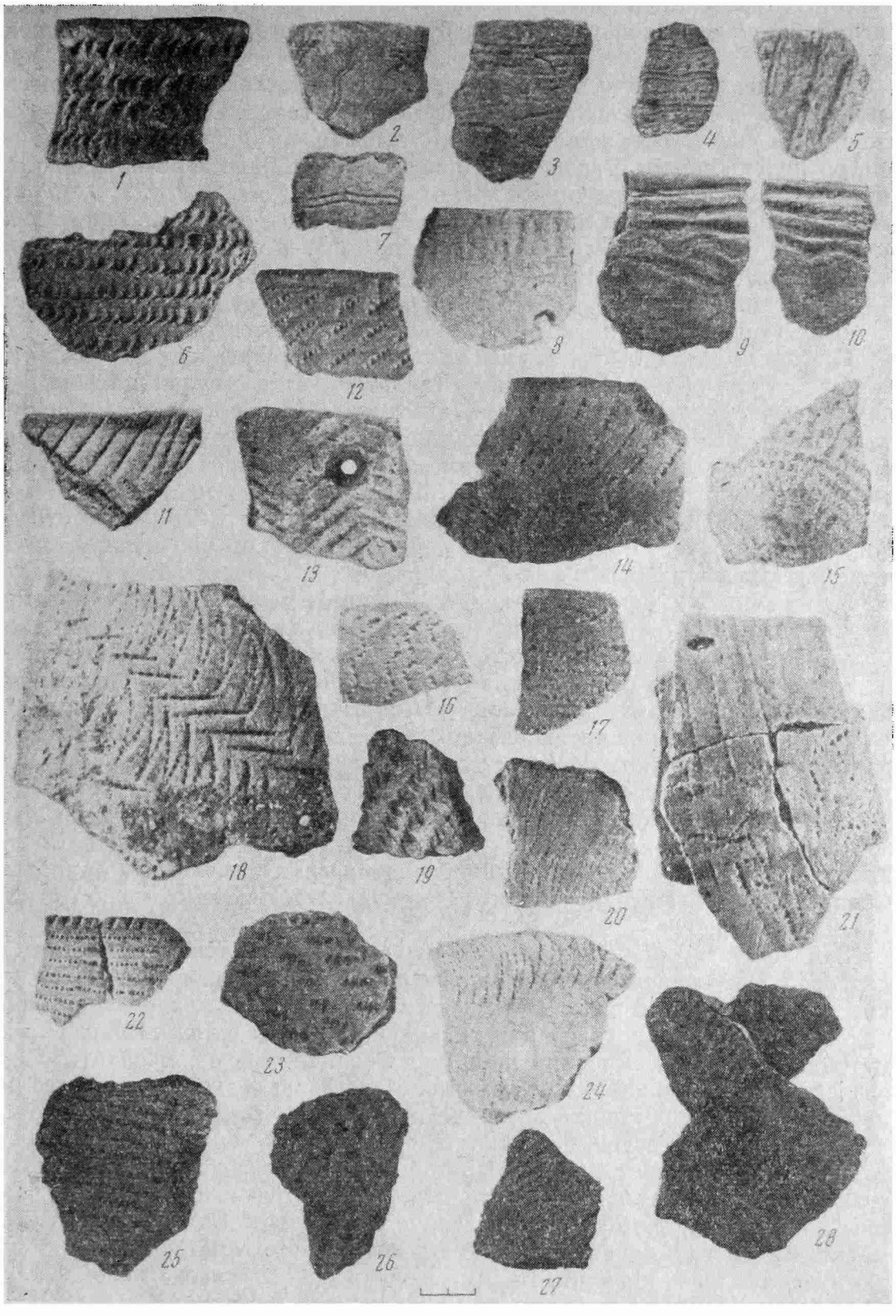


Рис. 8. Керамика неолитических слоев Мысового

1—17 — керамика из жилища № 1; *18—26* — керамика, найденная у входа в жилище № 1; *27, 28* — керамика из жилища № 2

наментирована. В некоторых случаях орнамент имитирует рисунок сосудов, в других — он представлен перекрещивающимися прочерченными линиями, образующими сетку (рис. 7, *21*). Очень своеобразны так называемые выпрямилки из песчаника, подвески, шлифованные из камня (рис. 7, *22*) и другие материалы.

В целом каменный инвентарь жилища № 1 и всего неолитического слоя весьма богат и разнообразен и требует отдельного, более обстоятельного описания.

Керамика неолитического жилища № 1 представлена цилиндрической фишкой (рис. 7, *24*) и обломками сосудов двух типов. Один из них — сосуды с примесью талька в тесте, орнаментированные прочерченными линиями, расположенными в различных направлениях, либо горизонтально опоясывающими сосуд у венчика в несколько рядов (рис. 8, *3, 4, 7, 9, 10*) спаренными линиями, либо идущими от края венчика наклонно в направлении дна также спаренными линиями (рис. 8, *2, 5,*). Другой тип сосудов орнаментирован оттисками отступающей палочки (рис. 8, *1, 6, 19*) или гребенчатого штампа (рис. 8, *8, 11—18, 20—26*). В тесте сосудов этой группы иногда отсутствует тальк, но содержится большое количество песка.

Создается впечатление, что два типа керамики отражают две различных культурных традиции. Однако оба типа фрагментов сосудов найдены в одном и том же жилище и, кроме того, здесь же найдены остатки сосуда, орнаментированного по верхнему краю горизонтальными оттисками гребенки, ниже которых идут волнистые линии, выполненные прочерчиванием также раздвоенной палочкой (спаренные) (рис. 3, *22*).

Керамика и того и другого типа широко распространена в памятниках Южного и Среднего Зауралья. Она найдена в нижнем неолитическом слое стоянки Мурат, на поселении Суртанды 6, Карабалыкты 8а, Карабалыкты 5, Чеваркуле и других памятниках Южного Урала. Подобную керамику принято относить к раннему неолиту. Однако ни в одном из памятников Урала она не встречается в чистом виде. Как правило, она всегда сопровождается керамикой с гребенчатым орнаментом, которая, по мнению исследователей, характеризует уже следующий этап неолита Урала.

К сожалению, мы не располагаем для данной территории неоспоримыми данными, на основании которых можно было бы выделить памятники с керамикой, орнаментированной только прочерченными линиями, в особый период. Однако легко заметить, что керамика жилища № 1 поселения Мысовое имеет большое сходство с ранненеолитической керамикой Козлова Мыса, Джанбас IV и других ранненеолитических памятников Зауралья и Средней Азии [15]. Исходя из этого, жилища № 1 Мысового можно отнести к раннему неолиту.

Заключая эту предварительную публикацию памятника, отметим, что Мысовое дает впервые твердое стратиграфическое обоснование периодизации каменного века Урала. Что касается мезолитического слоя, то раскопки на Мысовом еще раз подтвердили правильность отнесения комплексов с геометрическими формами типа points к донеолитическому, мезолитическому возрасту [16], так как здесь этот комплекс залегает под слоем с наиболее ранней для Урала керамикой с прочерченным орнаментом.

Важно и то, что два комплекса неолитического времени здесь достаточно четко отделяются друг от друга как стратиграфически, так и планиграфически. Это позволяет определить хронологическое место комплексов с сабактинской керамикой как поздненеолитических. Однако нельзя не заметить отсутствия наконечников кельтеминарского типа, которые типичны для сабактинского времени. Видимо, верхний неолитический слой Мысового относится к более раннему времени, нежели памятники сабактинского типа. Учитывая, что проникновение кельтеминарских наконечников относится авторами [17] к IV тысячелетию до н. э., видимо, тем же временем следует датировать и верхний неолитический комплекс Мысового, так как хро-

---

[15] В. Н. Чернецов. К вопросу о сложении уральского неолита. Сб. «История, археология и этнография Средней Азии». М., 1968, стр. 41—43.

[16] Г. Н. Матюшин. О характере материальной культуры...

[17] В. Н. Чернецов. К вопросу о сложении уральского неолита..., стр. 52—53; О. Н. Бадер. Уральский неолит. Каменный век на территории СССР. М., 1970, рис. 2, *5, 6*.

нологический разрыв между верхним слоем Мысового и неолитической стоянкой Сабакты III, судя по однородности керамики, видимо, небольшой. Что же касается комплекса с прочерченной керамикой, так полно представленного в жилище № 1 Мысового, то его следует безусловно отнести к более раннему времени, т. е. предположительно к VI—V тысячелетиям до н. э.

G. N. Matiouchine

ENSEMBLES MESOLYTHIQUE ET NEOLITHIQUE DU CAMPEMENT MYSSOVAIA A L'OURAL DE SUD

Résumé

Le campement Myssovaïa est l'unique gisement à plusieurs niveaux de l'Oural où sont présentés toutes les couches à commencer par l'époque du paléolithique ancien et jusqu'à l'époque de métal inclusivement. Il est situé sur la rive occidentale du lac Karabalykty (40 km à l'Ouest de Magnitigorsk) dans deux petits cols à 6—8 m au — dessus du niveau du lac. L'ensemble le plus considérable du premier petit col était constitué par un habitat du néolithique ancien (habitat N 1), du second – un habitat du néolithique récent (chalcolithique). L'habitat N 1 est recouvert des coucles du néolithique et du bronze récents.

Sous la couche abritant l'habitat N 1 étaient trouvés les outils mésolithiques et au-dessous d'eux à même les roches – les outils d'aspect moustérien.

La plupart des trouvailles est rapportée à l'habitat du néolithique ancien. Il a livré plus de 35 000 objets taillés en pierre et un millier de fragments de poteries. La poterie de l'habitat N 1 est décorée par excellence de lignes incisées et de bagette «écartée», la poterie de l'habitat N 2 — d'impressions de «peigne».

Les trouvailles de la couche mésolithique sont présentées par les microlithes géométriques (triangles asymetriques, trapèzes avec une encoche latérale), les burins, les lamelles denticulées, les dents et d'autres objets typiques pour l'Oural de Sud fabriqués à partir des lames à forme de couteau.

Ф. Х. АРСЛАНОВА

ПАМЯТНИКИ АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ИЗ ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Предлагаемая статья посвящена публикации новых материалов эпохи бронзы, полученных из Зевакинского могильника [1], а также случайно найденных на территории Восточно-Казахстанской области бронзовых изделий.

Ниже приводится описание оград, изученных в 1971 г. археологической экспедицией Усть-Каменогорского педагогического института под руководством автора [2].

Ограда 25а. Диаметр 6 *м*. На глубине 0,7 *м* выявлена прямоугольная могила (2×1,8 *м*, глубина 1,45 *м*), ориентированная с северо-запада на юго-восток. На дне разбросаны кости человека (обломки черепа, ребра, локтевая и лучевая кости). В северо-западном углу стоял баночный сосуд (рис. 1, *1*).

Ограда 26а. Диаметр 6 *м*. На глубине 0,6 *м* в восточной части ограды найден обломок от тулова сосуда, изготовленного из хорошо промешанной глины с примесью мелкозернистого кварца, тесто в изломе красного цвета. По всей поверхности нанесены крупнозубчатой гребенкой вертикальные зигзаги.

В центре ограды обнаружена прямоугольная могила (2,4×1,62 *м*, глубина 1,5 *м*), ориентированная с запада на восток с отклонением в 20° к северу и югу. На дне лежали разрозненные кости скелета человека. Непотревоженными сохранились кости левой ноги и часть позвоночника, по расположению которых видно, что умерший был погребен на левом боку, головой на запад. В северо-западном углу стоял баночный сосуд (рис. 1, *3*).

Ограда 72. Диаметр 4,5 *м*. В северо-восточном секторе раскопа на глубине 0,4 *м* найдены фрагменты нижней части сосуда, изготовленного из рыхлого черного в изломе теста. Толщина стенок и дна 1,3—1,5 *см*. Овальная могила (1,7×1,2 *м*, глубина 1,25 *м*) ориентирована с юго-запада на северо-восток. На дне обнаружены разбросанные кости скелета человека и обломки двух сосудов горшковидной и баночной формы, изготовленных из глиняного теста с примесью крупнозернистого кварца. На шейке горшка (рис. 2, *5*) прочерчены прямые и ломаные линии. Верхняя часть тулова баночного сосуда (рис. 2, *3*) орнаментирована желобками.

В 1 *м* юго-западнее могилы, под камнем на глубине 0,4 *м* найден сосуд баночной формы со следами светло-желтого ангоба. По верхней части прочерчены три широких желобка (рис. 1, *2*).

---

[1] Могильник расположен на правобережье Иртыша, в 5 *км* юго-западнее с. Зевакино Шемонаихинского р-на и насчитывает более 500 разновременных погребальных сооружений.

[2] В экспедиции принимали участие: ст. научн. сотр. Восточно-Казахстанского областного музея А. А. Чариков, учащиеся местных школ и их преподаватели З. С. Самашев, Е. Д. Зайцева, Н. Е. Колесникова.

За пределами ограды с южной стороны на той же глубине обнаружена овальная могила (1,5×1 *м*, глубина 1,2 *м*), ориентированная с запада на восток, с отклонением в 15° к северу и югу. В засыпи могилы на разных горизонтах найдены кости скелета человека (бедренная, нижняя челюсть, обломки черепа) и фрагменты горшковидного сосуда, изготовленного из глины с примесью крупнозернистого кварца. Заштрихованные мелкогребенчатым штампом треугольники составляют горизонтальные полосы по шейке и верхней части тулова.

Еще один глиняный сосуд (рис. 2, *1*) был найден под каменной выкладкой прямоугольной (1,65 × × 0,7 *м*) формы, в 1,5 *м* западнее второй могилы.

В 2 *м* северо-западнее от центральной ограды обнаружена овальная яма (2,1× ×1,7 *м*, глубина 0,9 *м*), ориентированная с запада на восток. В засыпи ее найдены разрозненные обломки от трех глиняных сосудов. Один из них — в виде горшка (рис. 2, *2*). На сохранившихся фрагментах тулова второго сосуда мелкозубчатой гребенкой нанесены заштрихованные равнобедренные треугольники. Поверхность фрагмента третьего сосуда покрыта ногтевыми вдавлениями.

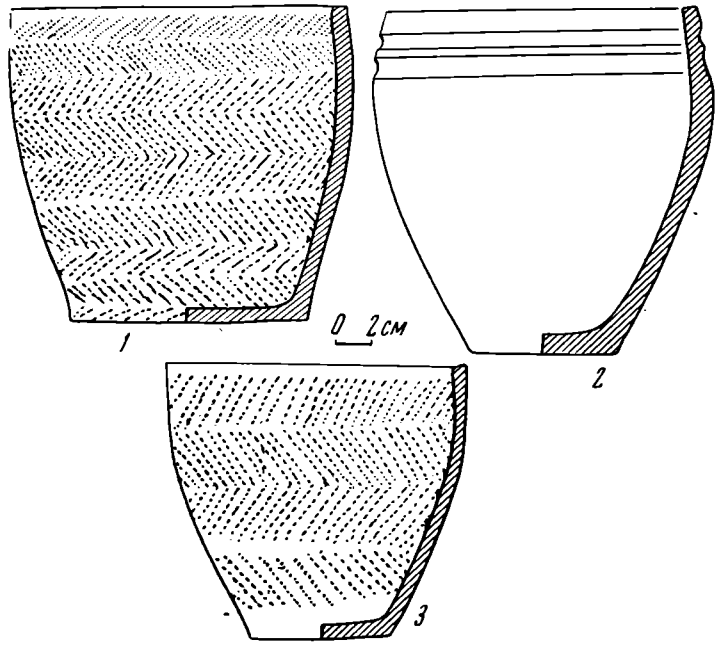


Рис. 1. Глиняные сосуды:
1 — ограда 25а, *2* — ограда 72, *3* — ограда 26а

Стратиграфия раскопа и расположение камней дают возможность предположить, что конструкция рассматриваемого комплекса захоронений представляла собой центральную ограду, с южной и северо-западной сторон которой были сооружены две пристройки. От намогильных сооружений сохранились лишь одиночные камни, поэтому установить их размеры не удалось.

Ограда 72а. Диаметр 6 *м*. На глубине 0,7 *м* оконтурилась прямоугольная яма (2,4×1,5 *м*, глубина 1,75 *м*), ориентированная с запада на восток. На дне могилы сохранились остатки деревянной рамы, сооруженной из бревен (диаметр 15—20 *см*), положенных в один ряд, причем поперечные лежали между продольными. Длина продольных бревен 1,8 *м*, поперечных — 0,9 *м*. Внутри деревянной рамы лежал скелет человека в скорченном положении, на правом боку, головой на запад. В северо-западном углу стоял раздавленный сосуд (рис. 3).

Ограда 72б. Диаметр 5 *м*. Камни кольца, положенные плашмя и на ребро (с наклоном верхних концов внутрь), сильно задернованы. На глубине 0,7 *м* обнаружена прямоугольная могила (2,2×1,4 *м*, глубина 1,5 *м*), ориентированная с юго-запада на северо-восток. На дне могилы в непотревоженном виде сохранились тазовые кости и кости ног скелета человека, свидетельствующие о том, что умерший был погребен на левом боку, головой к северо-востоку. В северном углу найден бронзовый кинжал (рис. 4, *2*) и фрагменты трех раздавленных глиняных сосудов (рис. 2, *6—8*).

Ограда 91. Диаметр 7,5 *м*. Камни ограды выявлены лишь на глубине 25 *см*, причем с восточной и северной сторон они расположены почти вертикально с незначительным наклоном верхних концов вовнутрь. На

глубине 75 *см* выявлены две прямоугольные могилы, расположенные параллельно и ориентированные с запада на восток.

Могила 1 (южная). Под перекрытием из трех каменных, положенных поперек плит обнаружен каменный ящик длиной 1,85, шириной у восточного края 1,35, у западного — 0,95 *м*, высота его — 75—80 *см*. Восточная, северная и западная стенки ящика состоят из трех цельных сланцевых плит, поставленных на ребро, а южная — из множества мелких плоских камней,

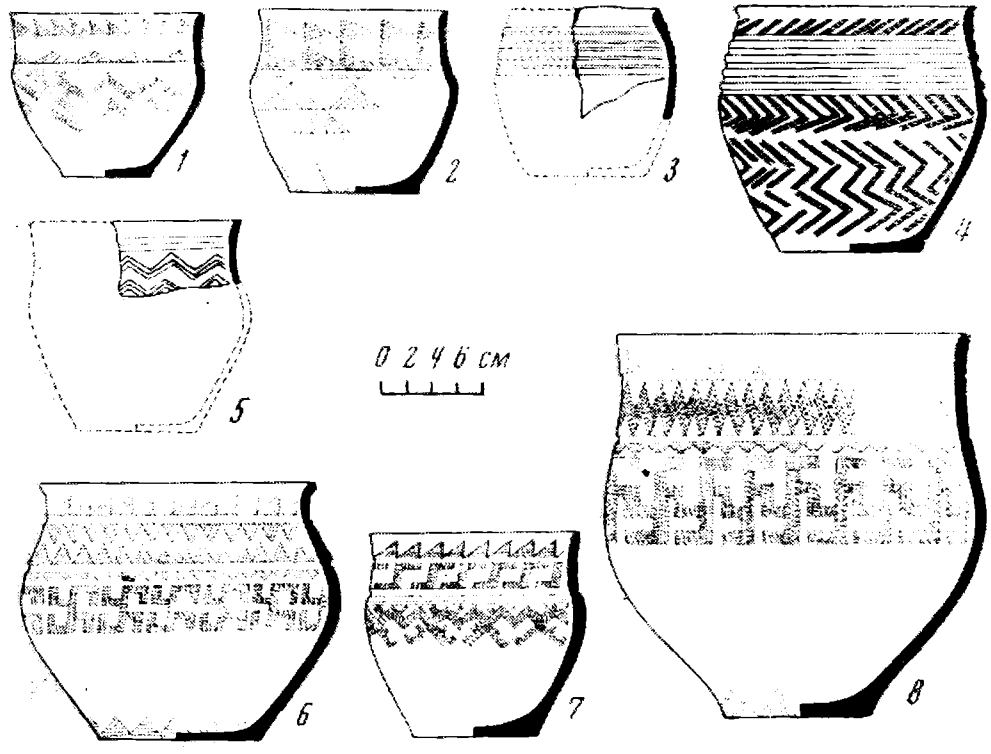


Рис. 2. Глиняные сосдуы:
1—3, 5 — ограда 72; *4* — ограда 91, мог. 2; *6—8* — ограда 72б

положенных плашмя в девять рядов, без раствора. На дне ящика обнаружены кости человека (череп, обломки бедренной кости, фаланги пальцев), расположенные в беспорядке. Вещей нет.

Могила 2. Под перекрытием из брусковидных камней обнаружена прямоугольная циста, сложенная из некрупного скального камня. Размеры ее по внутренним габаритам 1,8 × 1,75, по внешним — 2,15 × 1,3 *м*, глубина 0,5 *м*. На дне обнаружены разбросанные кальцинированные кости человека. В северо-восточном углу лежал глиняный горшок (рис. 2, *4*).

Таким образом, в шести исследованных оградах было совершено девять захоронений. Наблюдается разнообразие в погребальном ритуале. Из общего числа внутримогильных сооружений одно представлено цистой, одно — каменным ящиком, одно — деревянным срубом. В остальных зафиксировано захоронение в грунтовых ямах овальной или подпрямоугольной формы, перекрытых каменными плитами. Размеры могил варьировали от 1,5 до 3 *м* в длину и от 1,2 до 1,8 *м* в ширину; глубина — от 0,9 до 1,9 *м*. Сочетание разнотипных внутримогильных сооружений на одном кладбище или даже ограде свойственно памятникам андроновской культуры и объясняется, по-видимому, этнографическим различием племен, живших в Прииртышье. Следует подчеркнуть, однако, что среди специалистов в этом вопросе нет единого мнения [3].

[3] Е. Кузьмина. Периодизация могильников Еленовского микрорайона андроновской культуры. Сб. «Памятники каменного и бронзового веков». М., 1964, стр. 123—124; В. С. Сорокин. Могильник Тасты-Бутак I. КСИИМК, 80, 1960, стр. 59.

Бóльшая часть могил была разграблена, поэтому восстановление первоначального положения погребенных вызывает определенные затруднения. Во всех могилах были только одиночные захоронения, и всегда в скорченном положении на левом (2) или на правом (1) боку, головой на запад (3) и на северо-восток (1).

В погребениях Зевакинского могильника преобладал обряд трупоположения, и лишь в одном случае отмечено трупосожжение. Как известно, первый тип захоронений является наиболее характерным и распространенным для памятников андроновской культуры Восточного Казахстана. Одновременное сочетание их наблюдается чрезвычайно редко. Сосуществование указанных обрядов погребений гораздо чаще встречалось в памятниках федоровского времени Новосибирского Приобья [4] и Енисея [5].

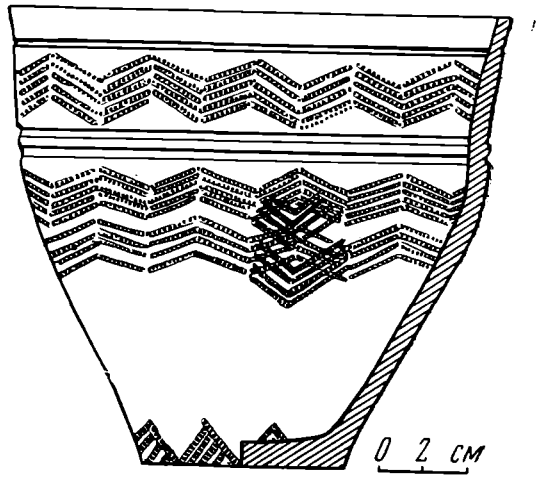


Рис. 3. Сосуд из погребения 72а

Комплекс примыкающих друг к другу захоронений в ограде 72 с пристройками является, по всей вероятности, семейным кладбищем. Подобные семейные усыпальницы (в памятниках федоровского типа) открыты в енисейских степях [6], в Северном и Западном Казахстане [7].

Умершего, как правило, снабжали «загробной» пищей в сосудах, поставленных в изголовье, чаще в северо-западном углу могилы. Обломки сосудов или целые горшки, найденные внутри ограды близ могил, очевидно, остатки тризны, совершившейся на месте погребения.

Из сказанного выше следует, что обряд погребения изученных захоронений очень близок к памятникам федоровского типа, исследованным на Енисее, в Приобье и Казахстане.

Сопровождающий инвентарь шести захоронений состоит из глиняной посуды и бронзового кинжала. Все сосуды были изготовлены ручной лепкой из глины с примесью кварцевого песка. Обжиг костровый, неравномерный. Поверхность большинства сосудов серого с черными пятнами или светло-желтого цвета. По форме их можно разделить на две группы: баночную и горшковидную.

Сосуды баночной формы (рис. 1, *1, 2, 3;* рис. 2, *3*) толстостенны, орнамент их однообразен. Это горизонтальные желобки, ногтевые вдавления и вертикальные зигзаги, оттиснутые сверху донизу крупнозубчатой гребенкой. По своим пропорциям они примерно одинаковы: диаметр венчика обычно больше высоты сосуда.

Наиболее близкие по моделировке и орнаменту сосуды известны из погребений Ак-Мола Павлодарского Прииртышья [8] и вахрушевского могиль-

---

[4] Т. Н. Троицкая. Памятники андроновской культуры (по материалам Новосибирской археологической экспедиции). Сб. «Из истории Западной Сибири». Новосибирск, 1969, стр. 10.

[5] М. Н. Комарова. Памятники андроновской культуры близ улуса Орак. Археологический сборник Эрмитажа. Л., 1961, 3, стр. 48.

[6] М. Н. Комарова. Памятники..., стр. 47.

[7] А. М. Оразбаев. Северный Казахстан в эпоху бронзы. Тр. ИИАЭ АН КазССР, V, Алма-Ата, 1958, стр. 25—28; Е. Е. Кузьмина. Раскопки могильника Кожумберды. КСИА АН СССР, 115, 1969, стр. 126.

[8] М. К. Кадырбаев. Ак-Мола — памятник андроновской культуры. Сб. «Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана». Алма-Ата, 1969, табл. 1, рис. 4.

ника Новосибирской области [9]. Баночной формы посуда со сплошным гребенчатым орнаментом из вертикальных зигзагов часто встречается в материалах из поселений Восточного Казахстана, в слоях, датируемых С. С. Черниковым XV—XIII вв. до н. э.[10]. Банки, орнаментированные по верхней части желобками, известны в синхронных памятниках Северного Прибалхашья и Западного Казахстана [11]. Ногтевые вдавления, как на сосу-

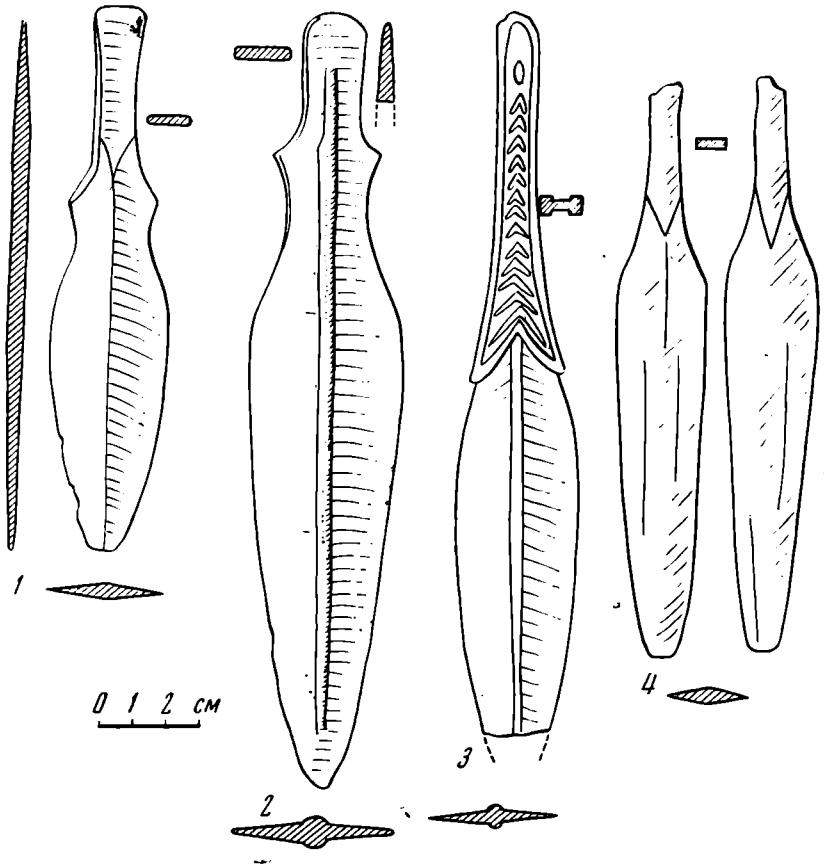


Рис. 4. Бронзовые кинжалы:

1 — случайная находка у с. Усть-Таловка; *2* — ограда 72б; *3* — случайная находка у с. Тульское; *4* — случайная находка у с. Черняевка

де из ограды 72, украшали керамику из поселений Барашки и Канай Восточно-Казахстанской области [12].

Более нарядны сосуды горшковидной формы (рис. 2, *1*, *2*, *6*, *7*, *8*). Они имеют плавную линию профиля с прямым или слегка отогнутым венчиком, выпуклым туловом, сужающимся ко дну. Разнообразием орнаментальной композиции выделяются сосуды из ограды 72б, на которых узор расположен зонально. Каждая зона, как это типично для посуды федоровского времени, разделена каннелюрами. Орнамент выполнен мелкозубчатым штампом. По венчику нанесен ряд прямоугольных треугольников, по шейке оттиснуты Г-образные фигуры или зигзагообразная полоса, полученная из заштрихованных треугольников, обращенных вершинами друг к другу (в одном случае зигзаг имеет вертикальную штриховку). На плечиках геометрические узоры в виде свастики, Г-образных фигур и меандровидных полос. Придонная часть орнаментирована заштрихованными треугольника-

---

[9] Т. Н. Троицкая. Памятники..., рис. 2.

[10] С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, 88, 1960, табл. IX, *19*, XXVII, *а*.

[11] М. К. Кадырбаев. Археологические раскопки в Северном Прибалхашье. Сб. «Поиски и раскопки в Казахстане», Алма-Ата, 1972, рис. 4, *2*; Е. Е. Кузьмина. Раскопки..., стр. 129—130.

[12] С. С. Черников. Восточный Казахстан..., табл. IX, *8*, табл. XVIII, *4*.

ми (рис. 2, *2, 6, 8*). Два горшка из ограды 72б изготовлены ленточным способом. Третий горшок (рис. 2, *7*) с небольшим поддоном имеет своеобразную форму. В отличие от двух первых он, очевидно, был сформован на болванке с последующим прикреплением отдельно заготовленного дна. Наличие двух способов изготовления сосудов, найденных в одном погребении, свидетельствует о существовании разных традиций в гончарном производстве.

Сопоставление орнаментального сюжета рассмотренных сосудов с керамикой из определенных районов позволяет отнести их к федоровскому времени. Геометрические узоры в виде свастики или Г-образных фигур известны на посуде из Новосибирского Приобья [13], Омской стоянки [14]. Подобные элементы орнаментации встречаются на посуде атасусского этапа (XIV—XI вв. до н. э.) в Центральном Казахстане и алакульского (XIII—XII вв. до н. э.) в Оренбургской области [15].

Меандровая полоса на втором сосуде (рис. 2, *7*) по классификации С. В. Зотовой, относится к группе «А» и датируется алакульским периодом (XIII—XII вв. до н. э.). Этот тип орнамента широко распространен в западных районах андроновской культуры [16].

На сосуде из ограды 72 (рис. 2, *1*) наблюдается сочетание неорнаментированной полосы на шейке, типичной для алакульских памятников, с композицией федоровского узора. Учитывая плавную линию профиля, этот сосуд также следует включить в круг керамики федоровского времени. Расположение «флажков» из сдвоенных заштрихованных треугольников по венчику и шейке сосуда из той же ограды (рис. 2, *2*) не соответствует известным «канонам» трехзонной орнаментации федоровской посуды. Вместе с тем сочетание пирамидок из треугольников на плечиках с горизонтальным рядом несомкнутых треугольников у дна и с плавной линией профиля позволяет считать его синхронным вышеописанной керамике.

К переходной баночно-горшковидной форме относится сосуд из ограды 91 (рис. 2, *4*). Орнамент по венчику в виде наклонных линий в сочетании с каннелюрами на шейке и ломаными линиями по плечику и тулову до дна характерен для посуды федоровского времени Прииртышья [17], Северного Казахстана [18], Приобья [19].

Таким образом, погребальная посуда из Зевакинского могильника в основном характерна для федоровского времени.

Особый интерес представляет найденный в ограде 72б бронзовый кинжал листовидной формы с валиком по оси клинка и выступами при переходе клинка к короткому широкому черенку (рис. 4, *2*). Аналогичные кинжалы известны на территории Евразии. В Сибири кинжалы подобной формы встречаются в андроновских и карасукских памятниках [20]. Наиболее близка зевакинскому кинжалу по своим очертаниям литейная форма из Мынчункура, на которой вырезано также желобчатое долото [21]. Детальный анализ и картографирование кинжалов-ножей подобного типа на террито-

---

[13] Т. Н. Троицкая. Памятники..., рис. 1.

[14] М. Ф. Косарев. О культурах андроновского времени в Западной Сибири. СА, 1965, 2, рис. 1, *12*.

[15] А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Оразбаев. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, табл. III, *11, 13*; табл. VIII, *12*; Е. Е. Кузьмина. Новый тип андроновского жилища в Оренбургской области. ВАУ, 2, Свердловск, 1962, рис. 2, *4*.

[16] С. В. Зотова. Ковровые орнаменты андроновской керамики. Сб. «Новое в советской археологии», М., 1965, стр. 179.

[17] А. Г. Максимова. Эпоха бронзы Восточного Казахстана. Тр. ИИАЭ АН КазССР, VII, Алма-Ата, 1959, табл. VIII, *7, 17*.

[18] К. А. Акишев. Памятники старины Северного Казахстана. Тр. ИИАЭ АН КазССР, VII, Алма-Ата, 1959, табл. 1, *1*.

[19] Т. Н. Троицкая. Памятники..., рис. 1.

[20] Ю. С. Гришин. Металлические изделия Сибири эпохи энеолита и бронзы. М., 1971, табл. VI, *1, 3, 4*, стр. 15.

[21] С. С. Черников. Восточный Казахстан..., табл. 66, *2, 3*.

рии Средней Азии и Казахстана позволили Е. Е. Кузьминой определить их дату последней четвертью II — началом I тысячелетия до н. э. [22]

Приведенный перечень аналогий с учетом всего комплекса материала указывает, что зевакинский кинжал следует датировать в пределах последней четверти II тысячелетия до н. э.

Предположение В. Н. Чернецова о сравнительно позднем существовании ряда памятников федоровского типа в восточных районах находит в последние годы все больше сторонников [21]. В данном случае прииртышский комплекс убедительно подтверждает правомерность этой точки зрения.

При современном состоянии изученности андроновских памятников Казахстана и близлежащих регионов теория об относительной синхронности определенного круга памятников федоровского времени с карасукскими Сибири не вызывает сомнений.

Аналогичная картина наблюдается и на материалах Зевакинского могильника. Учитывая несомненную принадлежность бронзового кинжала к основному керамическому комплексу, в данном случае мы имеем конкретное подтверждение одновременного использования этих вещей зевакинскими племенами. В целом же исследованные захоронения можно отнести к федоровскому времени и включить их в ареал андроновской культуры Енисея и Приобья. Вместе с тем нельзя не обратить внимания на некоторые особенности в инвентаре и обряде погребения, намечающиеся в памятниках Восточного Казахстана, что связано с различиями этнокультурного характера. Не подлежит сомнению и то обстоятельство, что сочетание разнообразных форм обряда погребения в могильнике отражает одновременное существование разных этнографических групп на данной территории.

К рассматриваемой группе памятников относятся и три бронзовых кинжала [24], поступивших в фонды Восточно-Казахстанского областного краеведческого музея за последние годы.

Первый кинжал (рис. 4, *1*), листовидной формы, с выступами при переходе от клинка к черенку, найден у с. Усть-Таловка Шемонаихинского района на глубине 2 *м* во время земляных работ [25]. В отличие от зевакинского кинжала он небольшой; валик, проходящий по оси клинка, уже заменен ребром, удлинен плоский черенок. Изменения в размерах, очевидно, связаны с применением его как ножа-кинжала. Серия подобных кинжалов найдена в смежных районах распространения памятников андроновской и срубной культур. Они имеются в составе инвентаря Кожумбердинского (XIII—XII вв. до н. э.) [26] и Боровского (XIV—XII вв. до н. э.) [27] могильников. Близкие по форме кинжалы найдены в Минусинской котловине [28], Зауралье [29], Поволжье [30]. По моделировке клинка усть-таловский образец по-

---

[22] Е. Е. Кузьмина. Металлические изделия эпохи энеолита и бронзового века в Средней Азии. М., 1966, стр. 42.

[23] М. Ф. Косарев. О культурах..., стр. 243—244; В. С. Стоколос. Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М., 1972, стр. 122.

[24] В известной нам литературе некоторые исследователи аналогичные бронзовые изделия называют копьями, другие — кинжалами, а третьи — ножами-кинжалами. Последнее определение, по-видимому, наиболее реально отражает функциональную сущность этих вещей, но термин громоздок, поэтому в данной статье мы пользуемся старым, широкоизвестным названием.

[25] Передан в музей геологии А. В. Давыдовым в 1972 г.

[26] О. Л. Кривцова-Гракова, Алексеевское поселение и могильник. Тр. ГИМ, XVII, М., 1947, рис. 74.

[27] А. М. Оразбаев. Северный Казахстан в эпоху бронзы. Тр. ИИАЭ АН КазССР, V, Алма-Ата, 1956, табл. VII, *1*.

[28] Из коллекции Лопатина. Хранится в Гос. Эрмитаже, инв. № 5531-362.

[29] Е. М. Берс. Каталог археологических коллекций. Свердловск, 1959, № 129.

[30] К. Ф. Смирнов. Быковские курганы. МИА,78, 1960, стр. 181, рис. 16; Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, 46, 1955; О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, 46, 1955, рис. 12, *8*; И. В. Синицын и У. Э. Эрдниев. Археологические раскопки в Калмыкской АССР в 1961 году. Элиста, 1965, рис. 27, *2*.

добен кинжалу из погребений поздняковской культуры (отличие только в форме черенка) [31], датируемому последней четвертью II тысячелетия до н. э. Сходство прииртышского кинжала со срубно-поздняковскими типами, очевидно, и отражает их одновременность.

Второй кинжал (рис. 4, *3*), случайно найденный на левом берегу Иртыша, близ с. Тульское Серебянского района [32], цельнолитой с выделенной рукоятью, на конце которой имеется овальное отверстие для подвешивания. Вдоль рукояти, по ее краям проходит валик, образующий со всех сторон продольной желобок, по которому выпуклым рельефом исполнен елочный орнамент. Клинок листовидной формы, с продольным валиком по оси. Наиболее близкие по форме кинжалы известны в Сейминском могильнике. На опубликованном О. Н. Бадером ноже [33] отливкой имитируются скопированные с более ранних, исходных форм ремешки, скрепляющие деревянные части рукояти. Орнамент на рукояти прииртышского кинжала характерен для андроновской культуры. Кинжалы с цельнолитыми рукоятями известны из Павлодарской области: они были найдены в комплексе с федоровско-алакульской керамикой [34]. Дата кинжала из с. Тульского синхронна сейминско-турбинским бронзам, которые теперь датируются XIII—XII вв. до н. э. [35]. Известные кельты сейминского типа из Восточного Казахстана С. С. Черников (вслед за М. П. Грязновым и С. В. Киселевым) относит к андроновской культуре и считает их изобретением андроновских мастеров [36]. Что касается найденного в Серебрянском районе ножа, то хронологическая принадлежность его к восточноказахстанским кельтам не вызывает сомнений, а это позволяет включить его в единый историко-культурный комплекс.

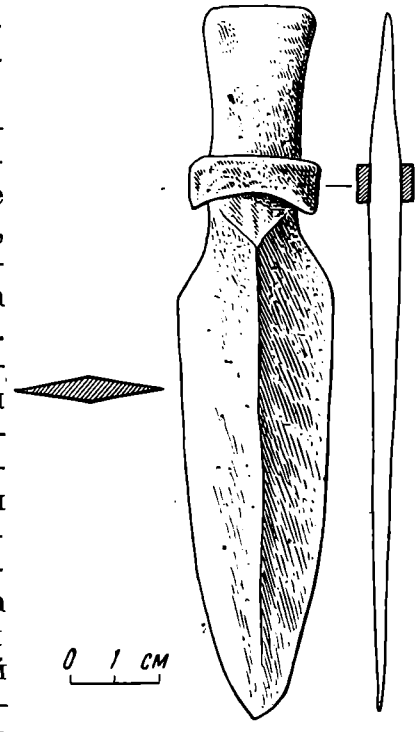


Рис. 5. Бронзовый кинжал из ограды 87а

К другому типу относится бронзовый кинжал (рис. 4, *4*) с выделенным плоским четырехгранным черенком, найденный на территории Кальджирского совхоза Курчумского района в урочище Тегистык, близ с. Черняевки [37]. Удлиненно-листовидный клинок имеет в разрезе ромбическую форму и отделен от черенка едва заметным треугольным утолщением. Черешковые кинжалы без выделенного перекрестия известны в срубных памятниках Урала и Поволжья [38]. По всем признакам курчумский кинжал следует отнести к кругу металлических изделий срубного типа.

Рассмотренные кинжалы представляют собой интерес потому, что в комплексе они вынуждают по-новому решать вопрос о происхождении кинжалов срубно-андроновского типа в Восточном Казахстане. Наличие ранней и

---

[31] Г. Б. Попова. Новый памятник поздняковской культуры. СА, 1967, 1, рис. 1, *11*.

[32] В 1964 г. передан в фонды областного музея Г. И. Короленко. Хранится под инв. № кп-6/Л-1-2.

[33] О. Н. Бадер. Бассейн Оки в эпоху бронзы. М., 1970, рис. 48, *4*, стр. 115.

[34] Раскопки А. М. Оразбаева 1960 г. Материалы хранятся в музее ИИАЭ АН КазССР.

[35] В. С. Стоколос. Культура населения..., стр. 128.

[36] С. С. Черников. Восточный Казахстан..., стр. 81.

[37] Передал кинжал в фонды Восточно-Казахстанского областного музея А. Андреев в 1964 г.

[38] Е. Н. Черных. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М., 1970, рис. 56, *45*; рис. 57, *1—3*; Л. Х. Халиков. Приказанская культура. СА, 1968, 2, рис. 1.

поздней (рис. 5) формы кинжалов на сравнительно узкой территории [39] свидетельствует о появлении этого типа изделий в результате развития местных локальных вариантов, а не путем заимствования их в готовом виде (племен срубной культуры) [40]. Это подтверждается ранее найденными кинжалами из Северо-Восточного Казахстана, а также находкой каменной литейной формы из Мынчункура, датируемой последней четвертью II тысячелетия до н. э.

Известные бронзовые изделия андроновской культуры позволяют считать бесспорным теперь сам факт существования в XIII в. до н. э. развитого металлургического центра в Восточном Казахстане, а также с уверенностью говорить о создании местными мастерами собственных традиций в развитии форм различных металлических изделий. В этой связи самого пристального внимания заслуживает бронзовый литой кинжал из ограды 87а Зевакинского могильника (рис. 5) [41]. Листовидный клинок с ребром по оси отделен от короткого, плоского, почти квадратного в плане черенка хорошо выделенным перекрестием. Бесспорно, он изготовлен местным мастером. Наиболее близкой аналогией этому кинжалу является образец, случайно найденный близ Алма-Аты и датируемый XI—X вв. до н. э. [42]

F. Kh. Arslanova

SITES DE LA CIVILISATION D'ANDRONOVO DANS LA REGION DE KAZAKHSTAN ORIENTAL

Résumé

L'article est consacré à la publication des nouveaux matériaux provenant de six sépultures de la nécropole de Zévakino située sur la rive droite de l'Irtych à 60 km de Oust — Kaménogorsk (district de Chémonaïkhino).

L'auteur attribue l'ensemble tout entier à l'époque de Fedorovo (XIII—XII ss av. n. è.) et il inclut les sites du bassin de l'Irtych bans l'aire de la civilisation d'Andronovo du bassin d'Iénisséi et l'Ob. Certaines particularités qui s'esquissent dans les sites du Kazakhstan oriental reflètent la coexistence sur ce territoire de différents groupes éthniques. L'article mentionne également les trouvailles fortuites des poignards en bronze provenant du bassin d'Irtych.

---

[39] Усть-Таловка находится в 40 *км* к северо-востоку от с. Зевакино.

[40] С. С. Черников. Восточный Казахстан..., табл. 66, *2*.

[41] Ф. Х. Арсланова. Новые материалы эпохи бронзы Восточного Казахстана. Материалы X научной конференции профессорско-преподавательского состава. Усть-Каменогорск, 1969, стр. 4, 5.

[42] Приношу глубокую признательность К. А. Акишеву, любезно сообщившему о находке.

Е. Ф. ПОКРОВСКАЯ

ПРЕДСКИФСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ У с. ЖАБОТИН

Поселение у с. Жаботин Каменского района Черкасской области расположено на юго-восточной окраине села в урочище «Тарасова Гора» [1]. Урочище представляет собой большую (размером 1000 × 500 *м*) возвышенность, являющуюся частью холмистого берега р. Жабянки, притока Тясьмина, вытянутую с юго-запада на северо-восток и с трех сторон окруженную глубокими древними оврагами (рис. 1). Лишь с северо-восточной стороны «Тарасова Гора» соединена с другими холмами узким перешейком, имеющим крутые склоны. Площадь «Тарасовой Горы» более или менее ровная, от центра несколько понижающаяся в западном направлении.

Несмотря на значительные масштабы работ, общая планировка поселения осталась не вполне ясной. Культурный слой прослеживался главным образом в центральной части и вдоль всей восточной половины возвышенности. Здесь, на отдельных участках возвышенности, наблюдались скопления обожженной глины и желтоватые пятна, выделяющиеся на поверхности грунта более светлой окраской. Раскопками установлено, что они являются остатками наземных жилищ, вытянувшихся цепочкой с севера на юг. Интересно сообщение местных жителей о том, что через всю «Тарасову Гору» тянется якобы «каменная» дорога, хорошо прослеживаемая ранней весной по редким всходам и более светлому оттенку зелени. Как особенность планировки поселения следует отметить, что жилища концентрировались отдельными группами и, несмотря на наличие свободного пространства, занимали сравнительно небольшие участки, где удалось проследить неоднократную перестройку жилищ, сооружавшихся одно над другим.

Раскопки на поселении производились в течение 5 лет (в 1950, 1951, 1953, 1957 и 1958 гг.). За это время вскрыта площадь около 3000 $м^2$ и раскопано три землянки, четыре наземных жилища, два культовых сооружения, а также большое количество очагов и хозяйственные ямы.

Все три раскопанные землянки обнаружены в северной части поселения, неподалеку одна от другой. Закономерности в их расположении и планировке не наблюдалось. Землянка № 1 (рис. 2) (раскоп XV) имела прямоугольную форму, ее размеры 6,5 × 4,5 *м*. По длинной оси ориентирована с северо-запада на юго-восток, состояла из двух помещений различной глубины: западного, почти квадратного, впущенного в материк на 1,5 *м*, и восточного, глубиной 1,0 *м*, отделенного от соседнего помещения двумя ступеньками. Стенки отвесны, вход в виде пологого спуска прослежен в юго-восточном углу жилища. В центре западного помещения находился очаг, от которого сохранилось пятно обожженной глины. В заполне-

[1] Е. Ф. Покровська. Поселення та городища VIII—VI ст. до н. е. на Тясмине. «Археологія», VII. Київ, 1952, стр. 55 сл.; М. И. Вязьмитина. Памятники раннего железного века в окрестностях с. Жаботин Кировоградской области. КСИА АН УССР, I, 1952, стр. 59 сл.; Е. Ф. Покровская. Раскопки поселения раннескифского времени у с. Жаботин Черкасской области. КСИА АН УССР, 4, 1955, стр. 88 сл.; М. І. Вязьмітіна, Е. Ф. Покровська. Поселення VII—VI ст. до н. е. в околицях с. Жаботина АП, VI. Київ, 1956, стр. 38 сл.

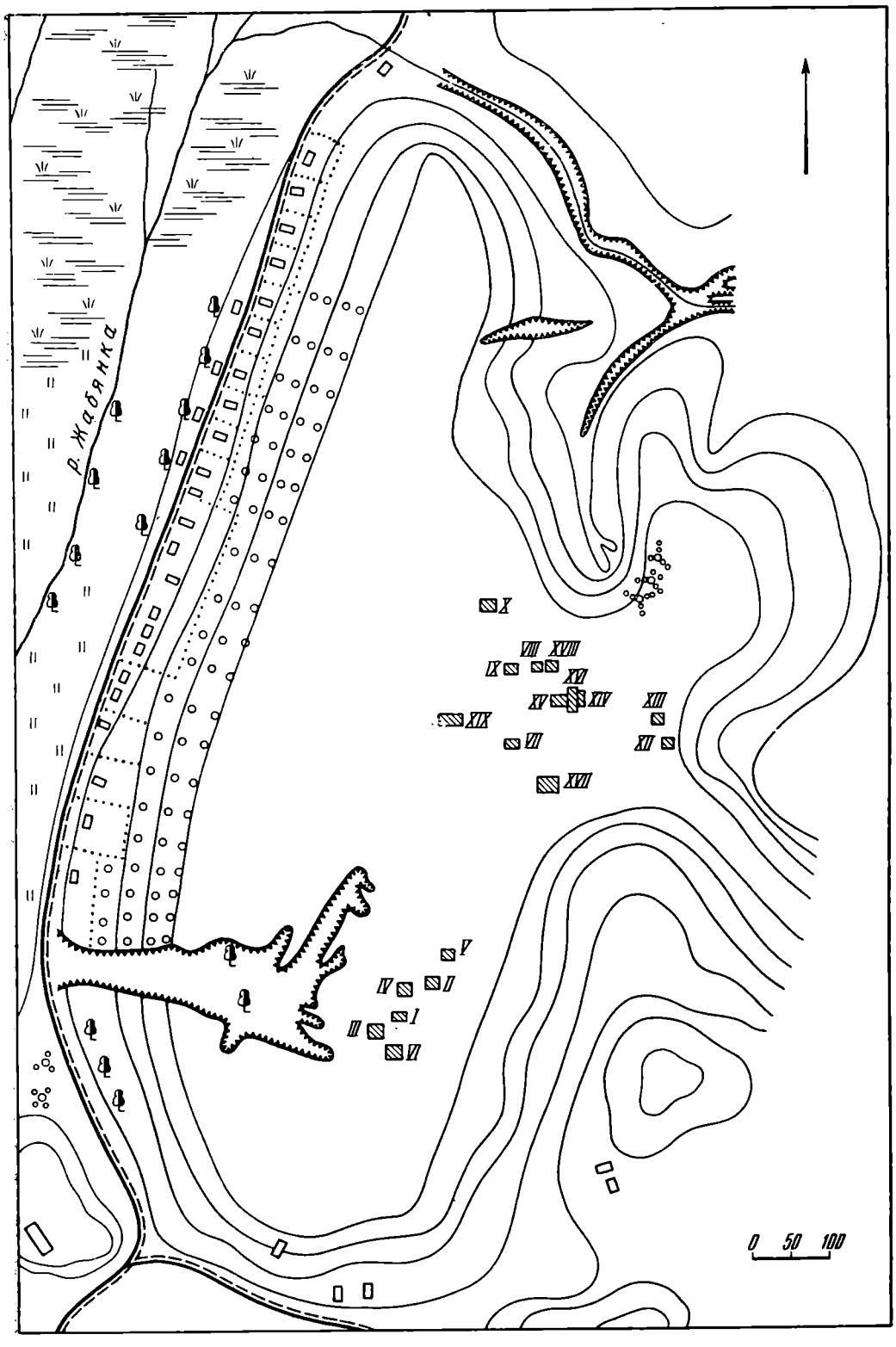


Рис. 1. План поселения у с. Жаботин

нии землянки встречены костяные поделки: шилья, проколки, два гребня и обломки керамики. Среди многочисленных костей животных более 50 челюстей свиньи. Над землянкой, непосредственно на ее золистой засыпке, был обнаружен очаг более позднего времени, сооруженный из камней и черепков, сверху обмазанных толстым слоем глины.

Землянка № 2 (рис. 2, раскоп XVI), расположенная в 10—12 *м* к югу от землянки № 1, имела округлую форму, слегка вытянутую с северо-запада на юго-восток. Ее глубина около 1 *м*, общая площадь 12—15 $м^2$. Стенки отвесны, вход с северо-западной стороны. В центре землянки со-

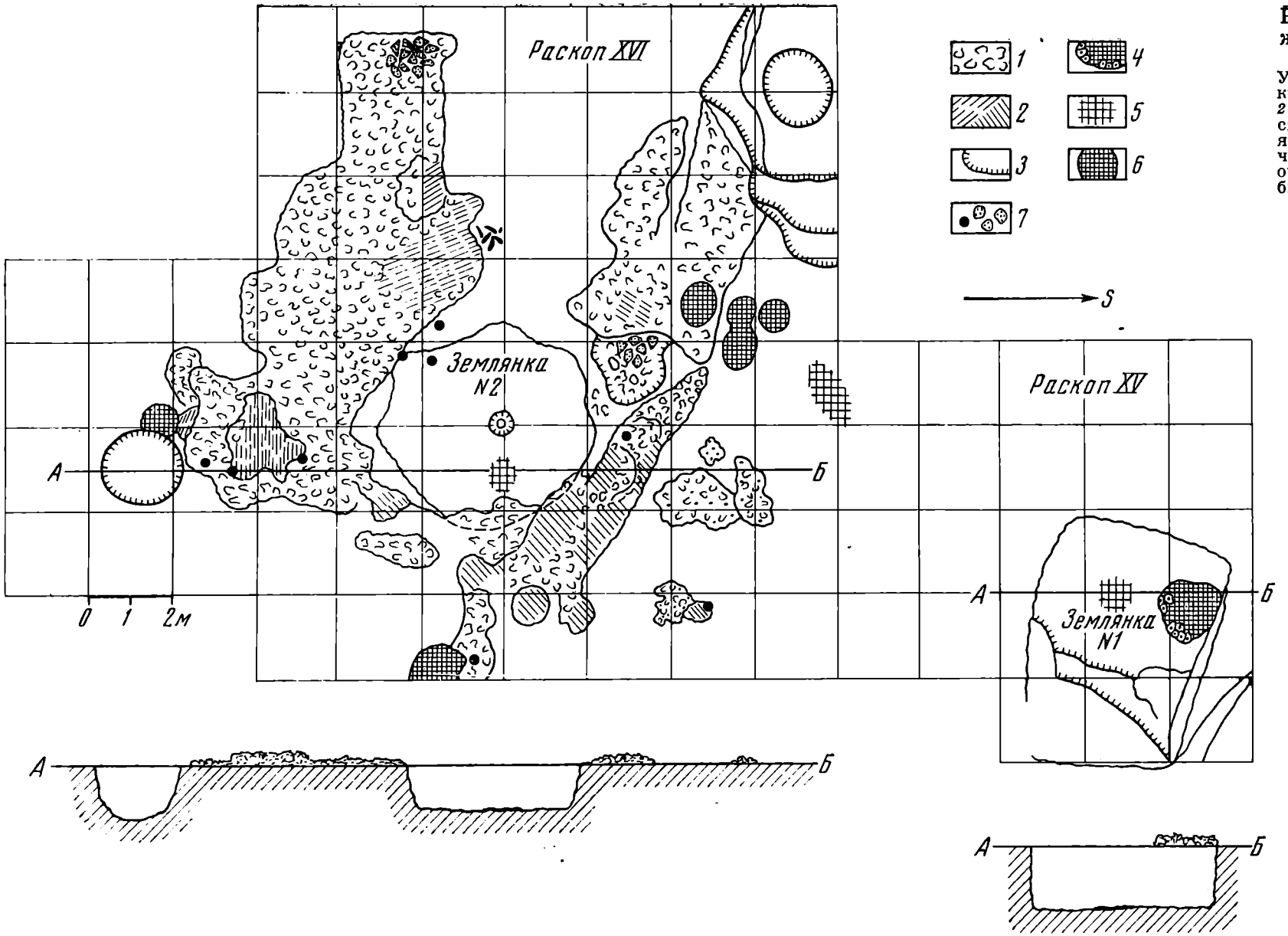


Рис. 2. План наземного жилища и землянок на раскопах XVI—XV

Условные обозначения: *1* — куски глиняной обмазки; *2* — участок сохранившихся обожженных стен; *3* — ямы; *4* — очаг из камней, черепков и глины; *5* — очажные пятна; *6* — глинобитный очаг; *7* — сосуды и их обломки

хранилась яма от столба глубиной и диаметром 0,5 *м*. Маленький очажок в виде пятна обожженной глины находился в восточной половине жилища. Землянка была засыпана золой, смешанной с суглинком, содержащим небольшое количество костей животных и керамики. На дне землянки найдены два глиняных биконических пряслица с пунктирным орнаментом и маленькая пастовая бусинка.

Над землянкой, на глубине 0,2—0,3 *м* от поверхности, обнаружены остатки глинобитных стен наземного сооружения.

Землянка № 3 (раскоп XVIII) расположена к северо-западу от землянки № 1. Она несколько больших размеров, чем две предыдущие, неправильной округлой формы. Глубина чуть больше 1 *м*. В центре остатки открытого очага. Стены и пол неровные, изрыты ямами, позволяющими предполагать позднейшее использование землянки в качестве глинища. В заполнении землянки большое количество керамики, костей животных и кусков глиняной обмазки. Среди последних обломки с орнаментом в виде желобчатых кругов, похожих на орнамент, встреченный в культовых помещениях, и кусок обмазки с росписью красной краской. По всей вероятности, где-то поблизости от землянки находилось наземное строение, откуда и попали в ее заполнение эти фрагменты. Среди других находок, происходящих из землянки № 3, интересны роговые удила, обломок костяной бляшки — лунницы, бронзовая игла и железный нож. На дне землянок не обнаружено материала, который мог бы определить время их жизни. Однородность керамики из заполнения землянок и находки в заполнении землянок № 1 и 3 обломков от одного и того же сосуда позволяют предполагать, что все землянки одновременно прекратили свое существование в связи с нивелировкой участка при постройке наземных жилищ.

Наземные жилища сохранились плохо и прослеживались в основном по завалам обожженной глиняной обмазки стен, обрывкам полов и остаткам очагов. Все они погибли от пожара.

Жилище № 1 (раскоп I) прямоугольной формы, расположено в южной части поселения, по длинной оси ориентировано с юго-востока на северо-запад, размеры полностью не установлены. Хорошо сохранилось лишь основание восточной стенки длиной 6 *м*. В северной части жилища находились остатки печи. Хорошо обожженный под, перекрытый многочисленными кусками печины с отпечатками жердей и тонких прутьев.

Жилища № 2, 3, 4 расположены в северной части поселения. Развалины глинобитных стен позволили судить об их форме и размерах.

Жилище № 2 (раскоп VII), ориентированное с юго-юго-запада на северо-северо-восток, имело прямоугольную форму при длине 12 *м* и ширине 10 *м*. Прослежены остатки рухнувшей глинобитной стены и остатки обожженного пола.

Жилище № 3 (раскоп XX) имело прямоугольную форму, ориентировано с запада на восток. Его размеры 8×6 *м*. Сохранились остатки, свидетельствующие о том, что жилище имело каркасно-глинобитную конструкцию. В центре жилища находился очаг, на полу — раздавленные сосуды. Северная часть жилища перекрывала остатки какой-то более ранней, чуть углубленной постройки.

Жилище № 4 (раскоп XVI), сооруженное на засыпке землянки № 2, ориентировано с юго-юго-востока на северо-северо-запад. Его размеры 14×12 *м* (рис. 2).

Конструкция наземных жилищ лучше всего прослеживалась в жилищах № 2 и 4. Удалось установить, что основой стен служил деревянный каркас, состоявший из вертикальных столбов с горизонтальными перекладинами, через которые переплетались жерди, образуя плетень. На плетень с двух сторон накладывался толстый слой глины, в результате чего толщина стен достигала 10—15 *см*. Поверхность обмазки ровная, иногда со следами заглаживания травой. На отдельных кусках заметны следы по-

белки. Высота стен составляла 2—2,2 *м*. Полы жилищ были земляными, хотя на отдельных участках наблюдалась глиняная обмазка.

В каждом из жилищ, в одном из углов или в центре, были встречены очаги. В большом количестве очаги обнаружены и за пределами жилищ. По-видимому, в одних случаях они фиксируют размещение несохранившихся наземных жилищ, в других — места хозяйственной деятельности в летнее время. Наиболее распространенными являлись очаги открытого типа, основу которых составляли вымостки круглой или овальной формы размерами от 0,7×0,5 до 2,5×1,5 *м* из камней и черепков или только камней, плотно уложенных на суглинке. Сверху на вымостку накладывался тщательно заглаженный слой глины. У некоторых очагов под был окружен глинобитным бортиком высотой 10—15 *см*.

Разновидностью описанного типа являются очаги без камней, установленные непосредственно на грунте или на небольшом возвышении из глины.

Наряду с очагами открытого типа в жилищах бытовали печи с купольными сводами. Остатки такой печи сохранились в наземном жилище № 1. Ее под размером 1,2×1,0 *м* представлял собой вымостку из камней и черепков. Свод состоял из обмазанного глиной плетневого каркаса, отпечатки которого хорошо заметны на кусках глиняной обмазки, перекрывающих сверху под печи. Купольная печь с остатками свода была обнаружена и на раскопе XV. От нее также сохранился глинобитный под и часть свода.

Вблизи многих наземных жилищ обнаружены остатки небольших, повидимому, хозяйственных сооружений. Кроме завалов глинобитных стен, здесь наблюдалось скопление керамики, костей животных, иногда хозяйственные ямы.

Хозяйственных ям обнаружено немного (около 10). Большинство из них имело округлую в плане форму, вертикальные или чуть расширяющиеся к дну стенки, плоское дно. Глубина ям 1—1,5 *м*. Интересна яма, несомненно связанная с мастерской ремесленника (раскоп XVII). Ее глубина 1,5 *м*, диаметр верха 1,15 *м*, низа — 1,6 *м*. В заполнении обнаружены небольшой слиток бронзы, бронзовые прут и долото, два железных ножа. На дне лежал большой точильный камень со следами наточки различных по форме и размерам предметов. Сверху на засыпке ямы найден большой сосуд с проколами и горошинами под краем и валиком на плечах.

На поселении раскопано два культовых сооружения, расположенных в его центральной части[2]. Первое из них (раскоп XIX) находилось к западу и юго-западу от наземных жилищ № 2 и 3. Оно представляло собой глинобитную постройку размерами 9×9,5 *м*. Стены сооружения оказались совершенно разрушенными, но хорошо сохранился пол. Пол состоит из двух слоев глины. Нижний слой (толщиной от 2 до 4 *см*) обожжен до красного цвета, а верхний (толщиной до 1,2 *см*) светло-серый, очень плотный, с тщательно, до блеска заглаженной поверхностью. В центре помещения размещался жертвенник, от которого сохранился круг диаметром 1,35 *м*. Северная половина круга покрыта орнаментом, состоящим из шести концентрических поясов, постепенно сужающихся к концам (рис. 3). Первый пояс (ширина до 15 *см*) заполнен узором бегущей волны, концы которой, заходя один за другой, образуют спирали. Второй пояс (ширина 7 *см*) орнаментирован простым меандром. Четыре остальных имеют вид гладких узких поясков. Южная половина круга не орнаментирована. Она ограничена лишь узким пояском из двух концентрических, небрежно вдавленных линий. Неравномерное оформление жертвенного места, отсутствие в центре круга глиняной обмазки, следы деревянного столбика в ямке позволяют предположить, что середину и южную половину круга занимал алтарь, ныне не сохранившийся.

---

[2] Е. Ф. Покровская. Жертвенник раннескифского времени у с. Жаботин. КСИА АН УССР, 12, 1962, стр. 73—82.

Рис. 3. Жертвенник в культовом сооружении I

Культовое сооружение II (раскоп II) расположено в южной части поселения. Оно имело форму прямоугольника, вытянутого с севера на юг. Сооружение состояло из двух помещений различной глубины: южного, размерами 4×5 *м*, глубиной 0,6 *м* и северного, размерами 2,5×5,3 *м*, глубиной 1 *м*. Оба помещения доверху были засыпаны кусками обожженной глины и обмазки. Можно предполагать, что стены состояли из плетня с вертикальным плетением, обмазанного с двух сторон тонким слоем глины. На полу северного помещения обнаружены череп лошади, челюсти, лопатки и рога быка, а в северо-западном углу — верхняя часть черепа человека.

В обоих помещениях встречены небольшие фрагменты глиняной обмазки с геометрическим узором, выполненным красной и коричневой краской по белому или голубоватому фону, а также обломки тонких глиняных плиток со следами такого же спирального вдавленного орнамента, как и на вышеописанном жертвеннике.

В северном помещении, особенно в юго-восточном углу, прослеживалось скопление углей, золы и мелкого щебня. Здесь же были найдены 56 обгорелых астрогалов со шлифованными поверхностями. В этом же помещении встречено большое количество парадных сосудов. Среди них — обломки лощеных корчаг с поясами резного и рельефного орнамента, миски с резным и штампованным узором, заполненным белой пастой, и т. д. Подсчет собранных обломков дал возможность установить, что в помещении находилось около 150 сосудов различной величины, из них около 20 корчаг, около 60 черпаков, около 30 мисок, среди которых были прекрасно орнаметированные, и т. д. Сказанное выделяет описанное помещение из ряда других жилых и позволяет предположить, что оно служило для каких-то культовых целей.

Возможно, к культовым сооружениям относятся некоторые каменные вымостки, обнаруженные в северной части поселения. Одна из них (раскоп XVIII), правильной овальной формы с большим диаметром (1,5 *м*), выложена из плотно пригнанных друг к другу небольших камней. Вторая вымостка, несколько меньших размеров (раскоп X), имела круглую форму и была выложена из камней и черепков. Большие размеры вымосток,

полное отсутствие на них следов огня и кухонных отбросов отличают их от очагов.

На поселении найдено большое количество различных предметов быта, и особенно посуды. Изделия из бронзы немногочисленны, но разнообразны. Они представлены двумя котлами, парой удил, стрелами, несколькими булавками, иглой, долотами, стержнем-заготовкой.

Еще в 30-е годы на поселении были найдены два больших бронзовых сосуда [3]. Они склепаны из ряда бронзовых листов, имеют коническую форму со слегка расширенными округлыми плечами, прямым, отогнутым наружу венчиком и плоским дном. Ручки в верхней части заканчиваются головками хищников с торчащими ушами (рис. 4, *1*, *5*). К случайным находкам относятся найденные в с. Жаботин удила раннекобанского типа с петлями (восьмеркой) на концах стержней, усложненных привесками в виде двойных круглых щитков. Стержни удил покрыты тройным рядом мелких плоских шипов (рис. 4, *3*). Найден небольшой обломок еще одних удил с деформированной стремечковидной петлей (рис. 4, *2*). Вероятно, к псалиям относятся обломки бронзового стержня, овального в сечении, с округлой головкой (рис. 4, *4*). К предметам вооружения относятся четыре наконечника стрел: два двухлопастных с шипами (рис. 4, *10*, *11*), один более крупный, без шипа, трапециевидной формы (рис. 4, *9*) и один ромбический (рис. 4, *12*). Из орудий труда найдено два маленьких долотца и игла. Одно из долот имеет расплющенную гвоздевидную головку (рис. 4, *35*), второе в виде небольшого стерженька с утолщением в средней части. Одна половина долота круглая, другая уплощена к рабочему краю (рис. 4, *37*). Бронзовая тонкая игла имеет продолговатое ушко (рис. 4, *36*). Для изготовлений орудий труда типа долот предназначался, очевидно, и длинный, прямоугольный в сечении стержень (рис. 4, *43*).

Украшения представлены серией булавок, изготовленных из круглой в сечении проволоки. По форме головок их можно разделить на две группы: 1) булавки с головкой в виде петель, имеющих различную величину и форму; конец петель загнут либо внутрь, либо наружу (рис. 4, *17—19*, *20*, *21*); 2) булавки с расплющенной гвоздевидной головкой (рис. 4, *15*, *16*).

На поселении найдено пять железных ножей. Они средних и небольших размеров, однолезвийные, с горбатой спинкой, плавно переходящей к черенку, составляющему $^1/_4$—$^1/_3$ часть изделия, и чуть вогнутым лезвием (рис. 4, *30—34*). Особо следует отметить находку железного серпа, имеющего вид узкой, слабо изогнутой пластины, чуть сужающейся к концу. Другой конец серпа загнут крючком (рис. 4, *29*). Найдено также маленькое железное шило в виде тонкого, заостренного с двух концов стержня.

В заключение следует упомянуть о находке на поселении железных удил, состоящих из двух тонких, круглых в сечении стержней, соединенных круглыми небольшими петлями. Наружные концы стержней образуют широкие кольца.

Изделия из кости представлены проколками, шильями, тупиками и гребнями. Чаще всего встречались тонкие шилья, изготовленные из малых берцовых костей козы или овцы (рис. 4, *39—41*). Найдены также довольно массивные проколки с остро заточенным концом (см. рис. 4, *38*). Большое распространение имели костяные тупики-лощила, употреблявшиеся, как предполагают, для обработки кожи. Они изготовлены из челюстей или тазовых костей лошади или коровы (рис. 4, *26*). Обнаружено два гребня. Один, из отрезка рога оленя, имеет вид вытянутой пластины с пятью зубцами на расширенном конце (рис. 4, *24*). Второй, из кости, отличается более изящной выделкой. Узкая пластинка заканчива-

[3] N. Makarenko. La civilisation des scythes et Hallstatt, ESA, V, 1930, стр. 34, рис. 13, 14; С. Магура. Дві мідні посудини з Черкащини. «Хроніка археології та мистецтва», 1. Київ, 1930, стр. 53.

ется с одной стороны шестью тонкими зубьями, с другой — плоским овальным щитком (рис. 4, *23*).

Еще одну важную серию находок составляют костяные и роговые принадлежности конского убора. К ним относятся так называемые неподвижные удила, изготовленные из массивной роговой пластины, овальной в сечении, с двумя круглыми отверстиями на концах и следами затертости на внутренней, слегка изогнутой поверхности (рис. 4, *13*) и два псалия; один целый, второй обломанный. Обломок псалия является подражанием бронзовым псалиям кобанского типа с боковыми выступающими петлями и расплющенным нижним концом (рис. 4, *6*). Интересен псалий оригинальной формы, трехгранный в сечении, с заостренными концами, оформленными в виде копыт животного. На одну из граней нанесен резной орнамент из треугольников, разделенных диагональной линией. Через две другие грани проходят три сквозных отверстия (рис. 4, *8*). Среди единичных костяных изделий следует назвать тонкую пластину в виде удлиненного овала с острием на конце (рис. 4, *42*), круглое прясло из отрезка эпифиза (рис. 4. *14*) и пронизь цилиндрической формы с боковым отверстием (рис. 4, *25*).

Изделия из камня встречены в небольшом количестве. Наиболее часты находки терочников и обломков зернотерок удлиненно-овальной формы, изготовленных из кварцита или песчаника, с хорошо отполированной одной или двумя поверхностями. Встречаются также точильные камни, бруски или оселки из мелкозернистого песчаника, сланца или шифера. Обычно это удлинненые, либо овальные, либо прямоугольные в разрезе пластинки с небольшим отверстием в верхней части для подвешивания (рис. 4, *27*).

Керамика по качеству выделки, обработке поверхности и функциональному назначению может быть разделена на две группы: кухонную и столовую. Кухонная посуда сделана из плотной глины с примесью песка, редких зерен кварца, изредка слюды. Поверхность сосудов в основном шероховатая, изредка хорошо заглаженная или даже подлощенная. Преобладают сосуды серовато-коричневого цвета, реже желтого и красноватого. Обжиг неравномерный, в изломе черепка часто сохраняется черная полоска. Размеры кухонной керамики разнообразны, от крупных (высотой до 1 *м* при диаметре венчика 0,45—0,5 *м*) до совсем маленьких.

Наиболее распространенной формой кухонной посуды являются низкоплечие горшки вытянутых пропорций, с изогнутым наружу венчиком. Одни из этих сосудов (с более широким устьем, слабо выраженной шейкой) приближаются по форме к тюльпановидным (рис. 5, *11*). Другие имеют выпуклые стенки, выраженную шейку, широкое или узкое дно (рис. 5, *1*, *4*, *7*, *10*). Интересен большой сосуд, найденный в яме на раскопе XVII. Он имеет широкое устье, широкие плечи и сравнительно узкое дно (рис. 5, *2*). Орнамент этих сосудов составляют сквозные проколы или наколы с горошинами, нанесенные под краем венчика, часто сочетающиеся с валиком, расчлененным пальцевыми ямками, реже гладкими, расположенным на плечах сосуда; два валиковых пояска: один под краем венчика, другой на плечах сосудов или на более широкой части тулова. Наиболее распространенным является валик, расчлененный ямками с проколами, нанесенный только под краем венчика. Встречаются сосуды малых и средних размеров баночной формы с прямыми или слегка выпуклыми стенками, орнаментированные обычно валиковым пояском под краем (рис. 5, *12*, *13*).

В особую группу можно выделить крупные толстостенные сосуды с невыделенной шейкой, с прямыми в верхней части стенками. Они украшены крупными сквозными проколами под краем венчика, на некотором расстоянии от них — валиковым пояском, иногда косыми насечками по краю (рис. 6, *6*) или сочетанием пальцевых ямок и проколов (рис. 6, *3*).

Встречаются прямостенные сосуды с двумя валиками и петлевидными ушками на нижнем валике, иногда с отогнутым наружу краем венчика

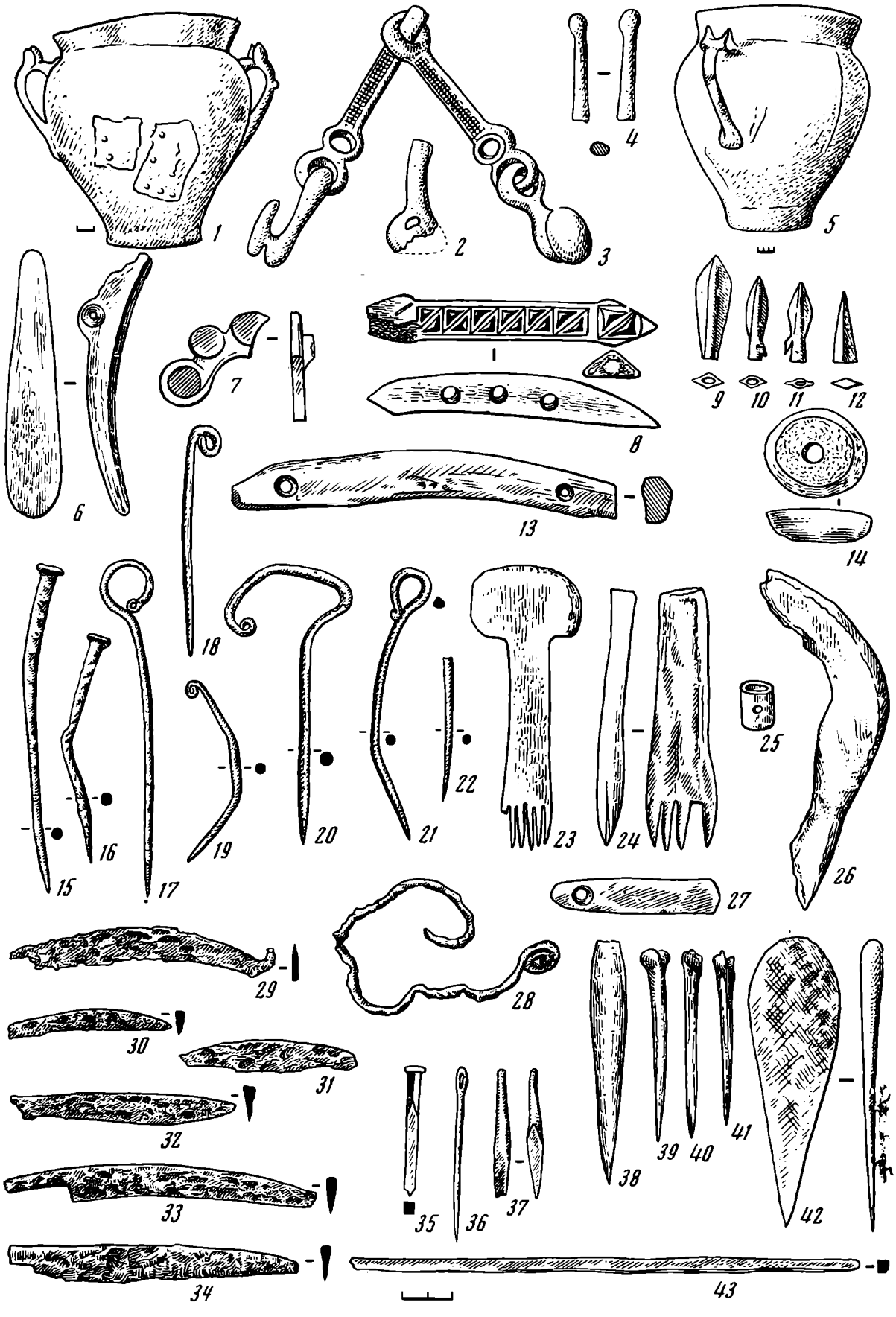


Рис. 4. Изделия

из бронзы — *1—5, 9—12, 15—22, 28, 35—37, 43*; железа — *29—34*; рога и кости — *6—8, 13, 14, 23—26, 38—42* и камня — *27*

(рис. 6, *5*). Единичен сосуд конической формы со слегка выпуклыми стенками с боковым сливом, слегка подлощенной сероватой поверхностью (рис. 6, *8*). К кухонной посуде нужно отнести также обломки глиняных цедилок (рис. 5, *21*). Вторую группу составляет столовая посуда. Она прекрасного качества, изготовлена из хорошо промешанной глины. Поверхность сосудов от черного до светло-желтого или розоватого цвета, тщательно заглажена или залощена с одной или двух сторон. В состав этой группы входят миски, черпаки, кубки, корчаги и т. д.

Одной из основных форм столовой посуды являются миски полусферической и конической формы. Полусферические миски имеют округло загнутый вовнутрь край и небольшое уплощение на месте дна (рис. 5, *14*, рис. 7, *10*).

Среди конических мисок можно выделить следующие формы: в виде широко открытого усеченного конуса с косо срезанным вовнутрь утолщенным краем (рис. 6, *1, 3*) и миски с выпуклыми стенками и более или менее загнутым вовнутрь краем (рис. 6, *10*). Край мисок сужен, закруглен или косо срезан вовнутрь. Большинство мисок имеет по краю различных форм выступы, шишечки, двойные отрезки валика, косо спущенные от края на плечо (рис. 5, *22*); изредка под краем венчика нанесен ряд сквозных проколов или наколов. Интересна миска больших размеров с наколами по краям, на дне которой вдавлен крестообразный знак (рис. 6, *10*). Значительным количеством обломков представлены миски, орнаментированные резным, зубчатым, изредка штампованным орнаментом. Обычно орнамент в виде косых отрезков линий или углов нанесен на срез края (рис. 8, *3*). Иногда пояс резного орнамента нанесен с наружной стороны в верхней части стенки (рис. 7, *8*) или покрывает всю поверхность. В отдельных случаях от края на плечо спускаются заштрихованные углы.

Интересны обломки мисок, украшенных поясом крупнозубчатого орнамента, заполненного желтоватой пастой и граненой поверхностью края (рис. 8, *5*). Встречаются миски с рифленым краем. Рифленый орнамент покрывает иногда верхнюю наружную часть стенок миски (рис. 5, *15*).

В особую группу выделяются широко открытые чернолощеные миски конической формы с отогнутым наружу широким бортиком (рис. 5, *16—19*). Бортик граненый или гладкий, иногда украшен рельефным или резным орнаментом (рис. 5, *16*), иногда покрывает внутреннюю поверхность миски в виде вдавленных вертикальных линий.

Небольшую группу сосудов составляют глубокие миски. Они представлены тремя разными формами: 1) вазы больших размеров с прямыми стенками, резко суженными ко дну, со слегка подлощенной поверхностью желтовато-серого или светло-коричневого цвета, обычно орнаментированные двумя валиковыми поясками с ямками (рис. 6, *8*) или косыми крестами; 2) глубокие вазы с выпуклыми стенками, плавно сужающиеся ко дну, орнаментированные сквозными проколами и ямками по краю (рис. 5, *20*); 3) интересна большая миска-ваза с лощеной коричневато-серой поверхностью, широким, округлым, сплющенным корпусом, суженным ко дну, и плавно отогнутым наружу венчиком. Ваза украшена резным, зубчатым и рельефным орнаментом (рис. 7, *19*).

Значительное место в составе столовой посуды занимают черпаки, довольно разнообразные по своей форме, размерам и орнаментации. Встречаются черпаки с глубокой, S-образного профиля чашечкой с круглой выемкой на дне и петельчатой ручкой, снабженной молоточкообразным отростком.

Такие черпаки обычно имеют слабоподлощенную поверхность серого или коричневатого цвета. Они украшены поясом геометрического орнамента на плечах и передней части ручек, орнамент нанесен резьбой, зубчатым, веревочным и другими штампами (рис. 7, *2, 6*).

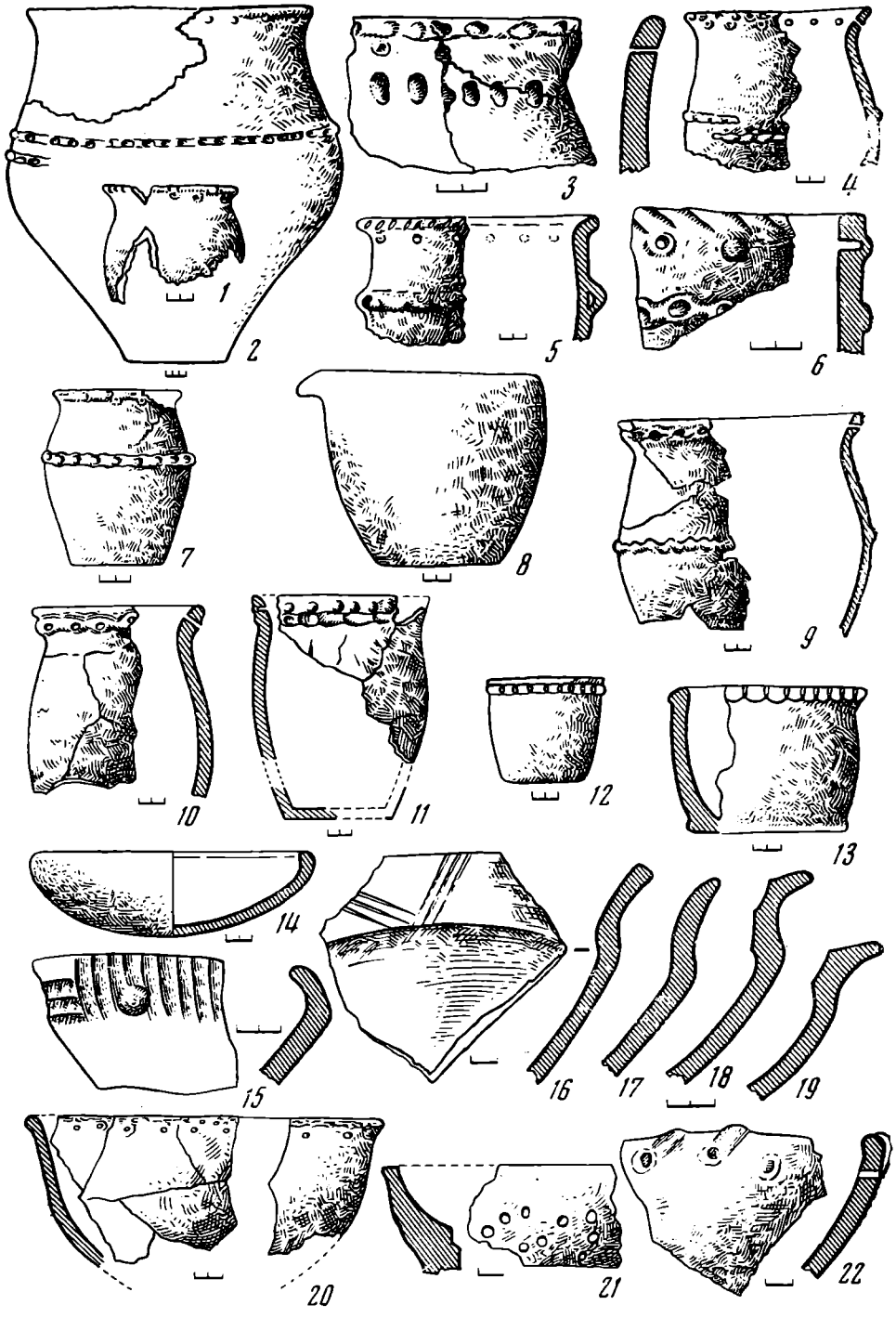


Рис. 5. Кухонная посуда и миски

Черпаки больших размеров этой формы имеют в большинстве лощеную черноватую поверхность. Отростки ручек более разнообразны по форме: молоточкообразные, цилиндрические, в виде треугольной петли. Встречаются с тройными отростками, вся широкая поверхность этих ручек орнаментирована.

Большая часть черпаков имеет более мелкие, широко открытые чашечки с отогнутыми наружу или невыделенными венчиками. Ручки более высокие, оттянутые слегка назад или в виде высокой узкой петли, перпендикулярной к краю (рис. 7, *3*, *14*). Они имеют лощеную поверхность от черного до светлого тона, украшены узким пояском орнамента вокруг чашечки (рис. 7, *1*, *3*, *5*, *10*). Орнамент, часто заполненный белой пастой, покрывает всю чашечку, сходясь лучами к ямке дна (рис. 7, *4*, *14*, *16*). В единичных случаях встречаются черпаки других форм: с округлым корпусом и четко выделенной шейкой (рис. 6, *7*) и простые, грубоватой

выделки, с округлым или плоским дном. Встречена ручка кувшинообразного черпака. Находки на одном и том же раскопе двух ручек, одинаковых по форме выделки и орнаментации, позволяют предположить о наличии здесь двухручных глубоких черпаков.

В небольшом количестве встречены на поселении обломки круглотелых кубков. Один кубок целый, малых размеров, простой выделки с орнаментом в виде группы тройных шишечек на плече (рис. 6, *9*). Встречаются изредка обломки аналогичных кубков с красноватой шероховатой поверхностью. К круглотелым принадлежит, по-видимому, и обломок малого сосуда с прекрасно лощеной розоватой поверхностью, украшенный двумя поясками резного орнамента (рис. 6, *6*). К разновидностям этой формы можно отнести сосуд средних размеров с круглым корпусом и короткой, почти прямой шейкой (рис. 7, *13*). Орнамент покрывает всю поверхность сосуда.

Многочисленную группу составляют корчаги, или так называемые сосуды типа Вилланова, больших и средних размеров. В большинстве случаев они имеют сравнительно невысокую цилиндрическую шейку, реже шейка бывает слегка удлиненная, плавно переходящая в округлый корпус (рис. 6, *2*). Венчик плавно или резко под углом отогнут наружу. Плечи сосудов обычно широко раздуты, округлого, биконического или овального профиля. Дно узкое (рис. 7, *12*, *17*). Корчаги богато орнаментированы поясом сложного геометрического узора, нанесенного резьбой и различными штампами, часто в сочетании с рельефным в виде валиков, шишек, налепов, ушек (рис. 7, *12*). Обычно орнаментирован и венчик сосудов (рис. 8, *1*, *2*, *4*, *6*). Встречаются корчаги с орнаментом, вдавленным или рельефным в виде каннелюр, волнообразных линий, спиралей и овалов (рис. 9, *11*, *13*). В целом орнаментация столовой посуды поражает своим богатством, разнообразием и изяществом. Резной линейный узор, являющийся здесь преимущественным видом орнаментации, сочетается иногда с зубчатым штампованным узором, S-образным и звездчатым штампом. Встречается и орнамент, заполненный белой инкрустацией, четко выделяющейся на черном, до блеска залощенном фоне.

Отличительной особенностью орнаментации является сочетание прямых, косых и ломанных под углом линий и разнообразных геометрических фигур, длинных лент, прямоугольников, квадратов, ромбов, треугольников, трапеций и т. д., образующих в своем сплетении прихотливый узор. Обычно все эти фигуры заштрихованы прямыми параллельными или пересекающимися линиями (рис. 9).

Среди других глиняных изделий встречены пряслица, биконические, конические, в виде катушек (рис. 6, *4*, *5*), и кружки, изготовленные из стенок сосудов (рис. 7, *9*, *11*, *18*). Интересен обломок изделия в виде сапожка, являющийся, по-видимому, ножкой какого-то сосуда.

Материалы, свидетельствующие о хозяйстве и занятиях жителей, немногочисленны.

Встреченные на поселении зернотерки, растиральные камни и железный серп указывают на развитие земледелия. Большое количество костей домашних животных, среди которых кости быка, свиньи, лошади, овцы и осла, свидетельствуют о развитом скотоводстве, в котором преобладало разведение крупного рогатого скота.

Пряслица и костяные гребни для чесания шерсти говорят о занятии ткачеством. На местное бронзолитейное производство указывает обнаруженный обломок глиняной литейной формочки для отливки булавки, капли металла и испорченные при изготовлении изделия. Безусловно, развиты были различные ремесла: гончарное, кожевенное, костерезное. На высоком уровне находилась строительная техника.

На поселении обнаружено сравнительно много датирующих предметов, позволяющих достаточно обоснованно судить о времени его жизни. Большие размеры поселения, неоднократная перестройка жилищ свидетельствуют о сравнительно длительном его существовании. На поселении

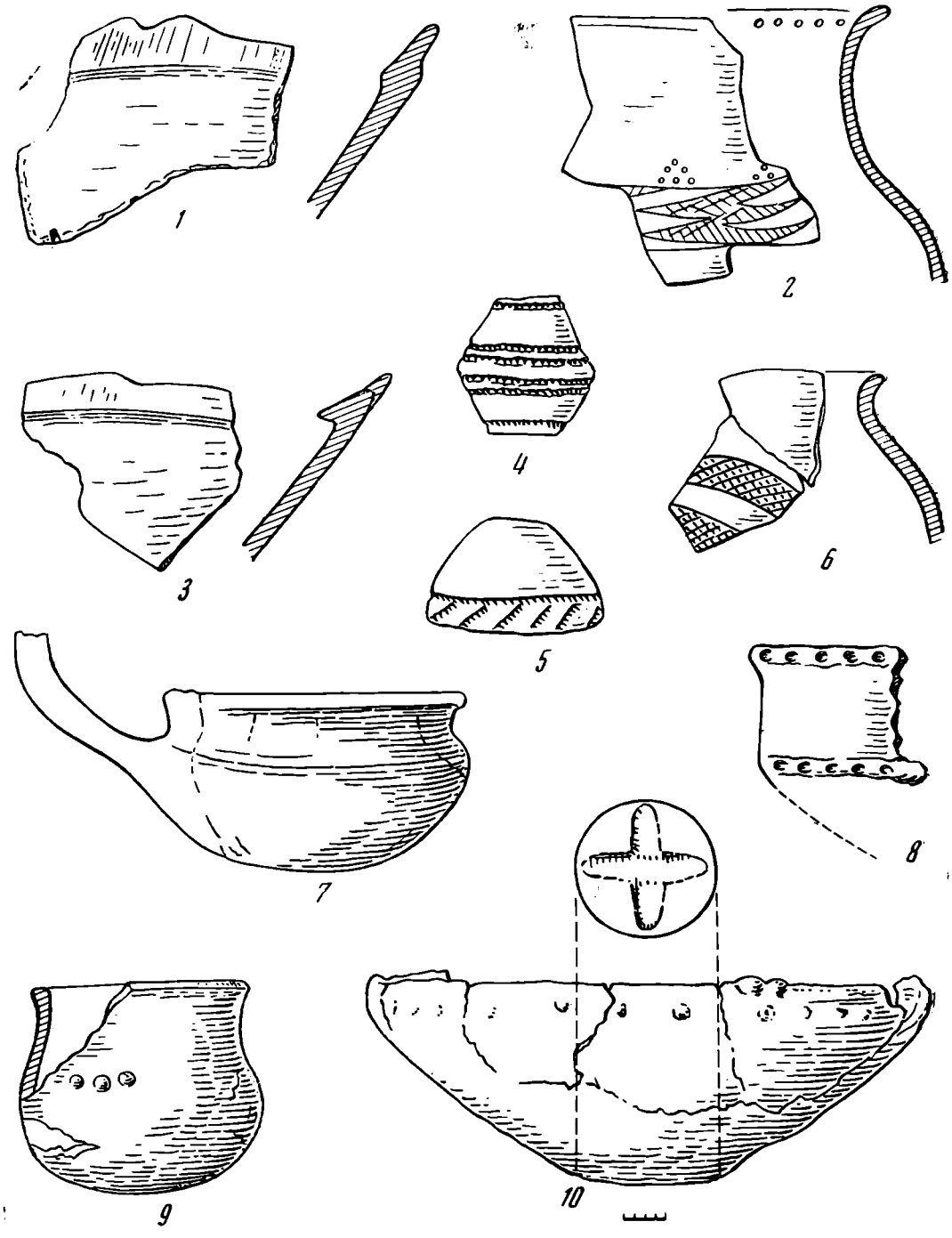


Рис. 6

1—3, 6—10 — столовая посуда, *4, 5* — пряслица

четко выделяются три строительных периода. Как отмечалось, в северной части на раскопах XIV—XVI (рис. 2), были обнаружены две землянки, одну из которых перекрывало наземное глинобитное жилище, а на засыпке второй был сооружен очаг, по-видимому, также наземного жилища. На участке, расположенном к северо-западу от землянок (на раскопе IX), большая наземная постройка № 3 была сооружена на засыпке более древнего полуземляночного жилища. Наблюдения за особенностями этих строений позволяют говорить, что на отдельных участках при создании поселения вначале сооружались землянки, а затем наземные жилища.

В достаточной степени условно время жизни поселения можно разделить на три этапа: 1) вторая четверть и середина VII в. до н. э.; 2) вторая половина VII и начало VI в.; 3) первая половина VI в. до н. э. Наиболее ранними датирующими предметами, фиксирующими время возникновения поселения, являются бронзовые сосуды и двухкольчатые

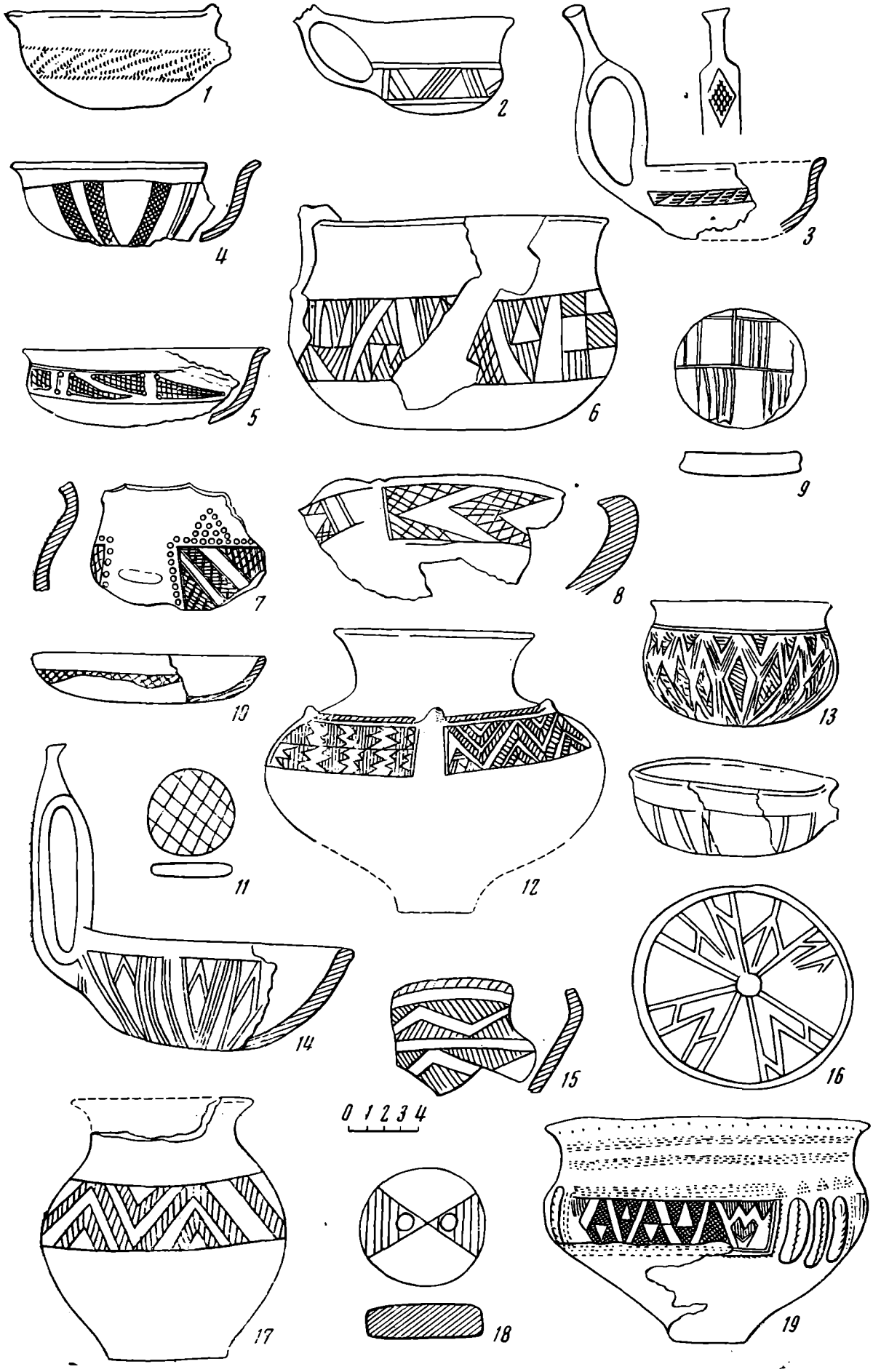


Рис. 7

Столовая посуда

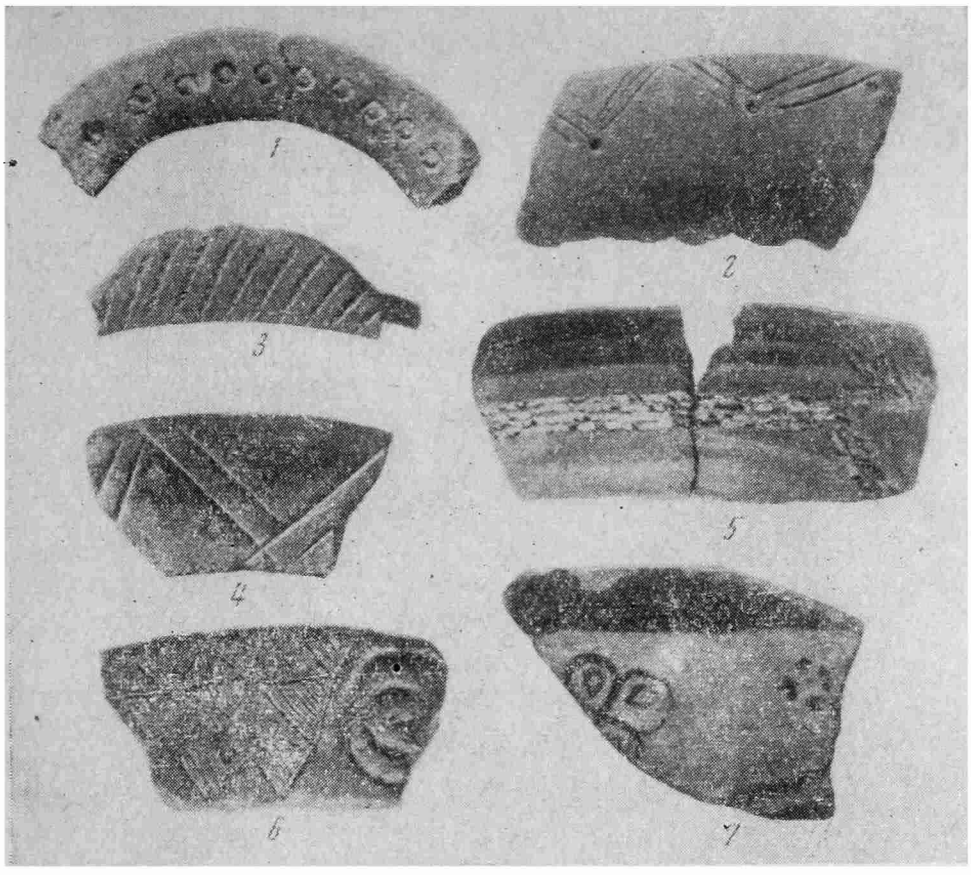


Рис. 8

1, 2, 4, 6 — обломки венчиков корчаг; *3, 5* — обломки мисок; *7* — обломок ионийского сосуда

бронзовые удила. Е. И. Крупнов[4] в работе, посвященной исследованию Жемталинского клада, приводя все известные ему аналогии, датирует бронзовые сосуды типа жаботинских концом VIII — началом VII в. до н. э. Учитывая, что жаботинские сосуды имеют следы неоднократного ремонта, можно предположить, что на поселение они попали не ранее VII в. до н. э. К этому же времени следует относить двухкольчатые удила, датировка которых обстоятельно выяснена в работах А. А. Иессена и Е. И. Крупнова[5]. Такие же удила найдены в кургане № 375 у с. Константиновка вместе с керамикой, имеющей прямые аналогии на жаботинском поселении[6]. Раннюю дату подтверждают также костяные псалии с лопастевидным окончанием, имитирующие трехпетельчатые бронзовые псалии кобанского типа. К ранним предметам следует отнести и бронзовые булавки с большими петлевидными головками, появившиеся в Лесостепной Правобережной Украине еще в тшинецко-комаровской культуре[7]. Такие булавки на Тясмине найдены в наиболее ранних погребениях скифского времени. Весьма существенны для датировки раннего периода жаботинского поселения его взаимоотношения с чернолесской культурой, с которой оно связано и генетически, и хронологически. Датировка А. И. Тереножкиным второй ступени чернолесской культуры VIII—первой половиной VII в., вероятно, несколько занижена[8]. Вместе с тем

[4] Е. И. Крупнов. Жемталинский клад. М., 1952.

[5] А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. Сб. СА, XVIII, 1953, стр. 49—110; Е. И. Крупнов. Киммерийцы на Северном Кавказе. МИА, 68, 1958.

[6] А. А. Бобринский. Отчет о раскопках в Черкасском и Чигиринском уездах Киевской губ. в 1901 г. ИАК, 4. СПб., 1902, стр. 30, рис. 1.

[7] С. С. Березанская. Средний период бронзового века в Северной Украине. Киев, 1972, стр. 84, рис. 30.

[8] А. И. Тереножкин. Основы хронологии предскифского периода, СА, 1965, 1, стр. 82.

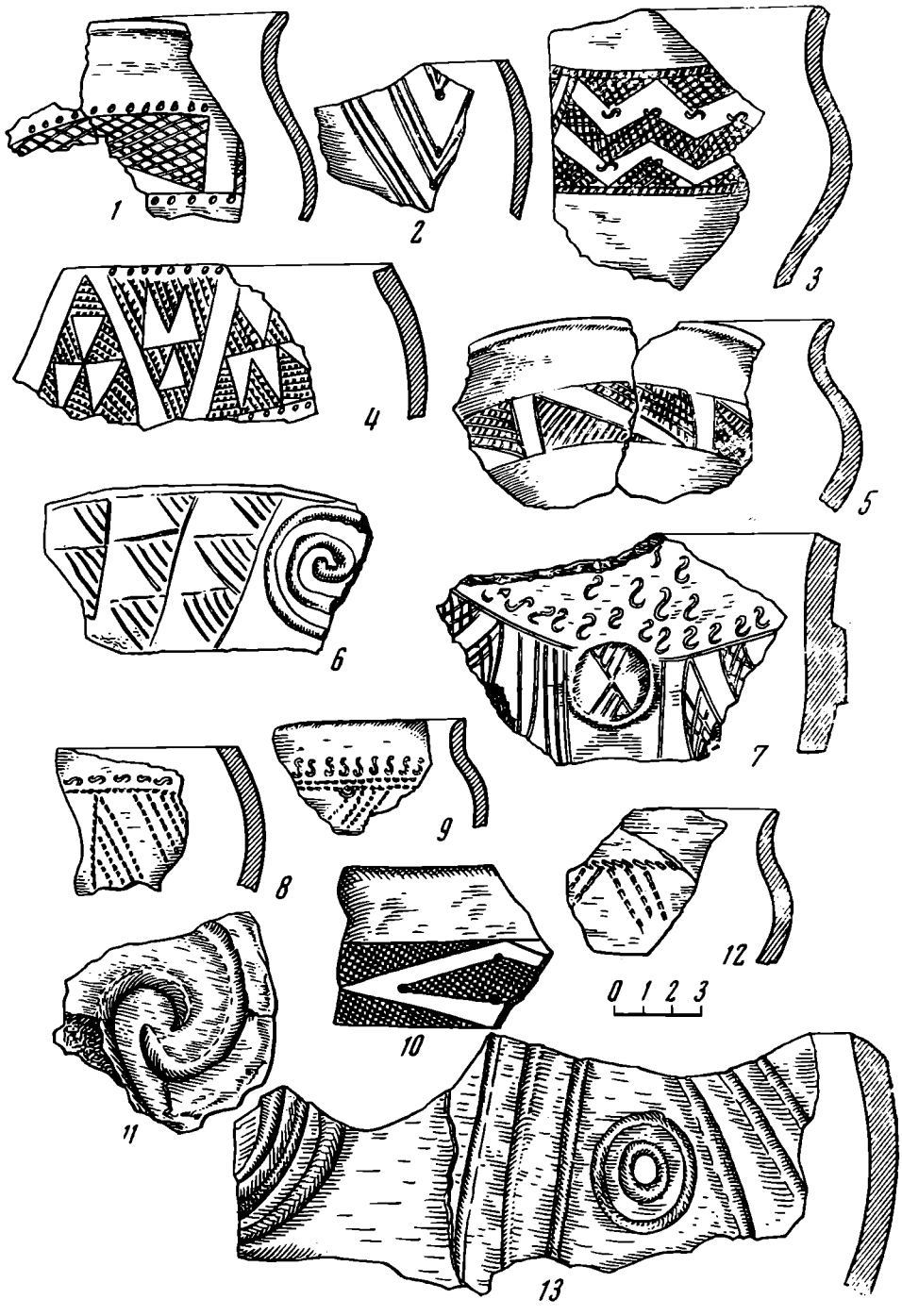


Рис. 9. Типы орнамента столовой посуды

на жаботинском поселении обнаружено много различных предметов, встреченных и на городищах чернолесской культуры. К ним относятся двухкольчатые удила, найденные у с. Залевки, костяные псалии с тремя отверстиями, неподвижные роговые удила и гребни, маленькие железные ножи с горбатой спинкой, булавки с петельчатой головкой и прежде всего аналогичная керамика. Кухонная посуда представлена горшками с проколами и валиком на плечиках, столовая — чернолощеными корчагами, орнаментированными кубками, мисками с вогнутым краем и с резной штампованной зубчатой орнаментацией, иногда заполненной белой инкрустацией. Сказанное дает основание предполагать непосредственную хронологическую преемственность чернолесских городищ и жаботинского поселения.

Отличительными чертами для керамики наиболее раннего этапа жаботинского поселения можно считать горшки с проколами и валиком (иногда гладким) на плечиках; черпаки в виде глубокой округлой

чашечки с невысокой петельной ручкой и молоточкообразным отростком; корчаги с широким орнаментированным поясом, в композицию которого входят налепной валик, плоские и выпуклые, иногда полые шишечки, резной узор, S-образный штамп и т. д. Миски орнаментированы по краю и стенкам резным узором, косыми каннелюрами и т. д. Для керамики этого периода характерно богатство узоров, штампованного, врезного, иногда шнурованного орнамента.

Корчаги и миски чернолесского городища и жаботинского поселения, формы которых были неизвестны в Лесостепном Приднепровье в более раннее время, находят свои аналогии в памятниках эпохи бронзы и раннего железа северо-западного Поднестровья и Карпато-Дунайского бассейна. В Карпато-Дунайском бассейне орнаментированные жертвенники были известны еще в эпоху бронзы.

На основании анализа находок к наиболее раннему периоду могут быть отнесены землянки, наземное сооружение № 1 (раскоп I), культовые сооружения № I и II и ряд хозяйственных ям в северной части поселения (в том числе яма ремесленника), размещенных в раскопах XII, XVII и XIX.

Второй этап, совпадающий с расцветом поселения, относится ко второй половине VII — началу VI в. до н. э. Прежде всего основанием для такой датировки является обломок стенки закрытого сосуда из родосско-ионийского центра (рис. 8, 7), датируемый концом VII в. до н. э.[9] Такую датировку подтверждает обломок от стремечковидных бронзовых удил, которые, хотя и встречаются иногда вместе с двухкольчатыми удилами, обычно датируются второй половиной VII — началом VI в. до н. э. Согласуются с этой датой и бронзовые двухлопастные стрелы с шипом. Датировка таких стрел концом VII в. до н. э. подкрепляется совместной находкой в кургане № 524 у с. Жаботин подобных стрел со стремечковидными удилами[10].

К этому же времени следует отнести железные ножи, отличающиеся от чернолесских несколько большими размерами и более выделенным черенком, а также железный серп с крючком. В керамике этого периода получают распространение горшковидные сосуды с проколами и расчлененным валиком на венчике или под самым венчиком, изредка и на стенках сосуда; мелкие черпаки с высокой прямой петельной ручкой. Исчезает резной орнамент на мисках, и появляются миски с проколами или наколами под краем. Появляется новая форма мисок — коническая, с широким, отогнутым наружу бортиком. Значительно упрощается орнамент на всех столовых сосудах. Анализ материала показывает, что ко второму, наиболее продолжительному этапу жизни поселения относятся наземные жилища № 2 и 4 (раскопы VII и XVI), остатки большинства очагов наземных жилищ, а также культовое сооружение № 1, возникновение которого относится к более раннему времени.

Третий, заключительный этап жаботинского поселения может датироваться серединой VI в. до н. э. Из металлических изделий с ним связаны булавки с гвоздевидными головками. В керамике наблюдается упрощение форм и орнаментации. Исчезают богато украшенные черпаки и миски, ухудшается лощение. Наиболее распространены баночные горшки с шероховатой поверхностью, орнаментированные валиком и проколами под венчиком. Керамика уже мало чем отличается от той, которая характеризует городища VI в. до н. э. На поселении к этому времени относится наземное жилище № 3 и ряд очагов, в том числе очаг над землянкой № 1 (рис. 2).

---

[9] П. А. Онайко. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII—V вв. до н. э. САИ, Д 1—27. М., 1966, стр. 56.

[10] А. А. Бобринский. Отчет о раскопках в Киевской губ. в 1913 г. ИАК, 60, IIг., 1916, стр. 1—3, рис. 4.

В целом поселение может быть датировано второй четвертью — серединой VII — первой половиной VI в. до н. э. По-видимому, оно прекратило существование в связи с сооружением в 2 *км* от с. Жаботин матронинского городища, куда и переселилась основная часть жителей. Следует отметить, что на поселении найдено небольшое количество предметов более позднего времени. Среди них отдельные обломки амфор и вещи из разрушенного погребения: железный меч с валютообразным навершием и железные удила V в. до н. э., по-видимому попавшие на место поселения тогда, когда жизнь на нем прекратилась.

Касаясь сложного вопроса об этнической принадлежности жителей поселения, необходимо коротко остановиться на тех изменениях, которые произошли в культуре Лесостепной Украины на переломе бронзового и железного веков. Пойменные поселения белогрудовской культуры в VIII в. до н. э. на южной границе Правобережной Лесостепи сменяются многочисленными чернолесскими городищами, укрепленными мощными земляными сооружениями. Они расположены вдоль всего правого берега р. Тясьмин, а также в верховьях Ингула и Ингульца. Жилища, представленные полуземлянками и наземными сооружениями с остатками несложных очагов, заметно отличаются от землянок более раннего времени. Новые черты наблюдаются и в погребальном обряде, что сказывается в распространении погребений с трупосожжением в урнах [11].

Заметные изменения по сравнению с предшествующим временем прослеживаются в керамике. В кухонной посуде, хотя и сохраняются традиции белогрудовской керамики в виде тюльпановидного сосуда с валиком на плечах, широкое распространение получают горшки с проколами под венчиком. Меняется форма мисок. Вместо широко открытых чашевидных сосудов появляются миски с загнутым внутрь краем. Еще более ощутимы изменения в столовой посуде. Широкое распространение получает лощеная керамика, корчаги, кубки; появляются сосуды в форме пиксиды. Столовая посуда чернолесских городищ украшена крупно- и мелкозубчатым штампом, штампом в виде кружков, знаков, всевозможными выступами, рифлениями, каннелюрами и врезными узорами. Керамика и некоторые найденные на чернолесских городищах предметы из кости и бронзы находят свои аналогии в поселениях этого времени на Южном Буге и Днестре.

В VII в. чернолесские городища сменяются открытыми неукрепленными поселениями, каким и является жаботинское поселение. Причины внезапного прекращения жизни на чернолесских городищах неясны. Однако возникновение в VIII—VII в. в бассейне Ворсклы ряда поселений чернолесской культуры, как известно, объясняется переселением на левый берег Днепра группы правобережных (чернолесских) племен. Поселений раннескифского времени в Лесостепном Приднепровье известно пока немного. Кроме жаботинского в бассейне р. Тясьмин открыто поселение у р. Тенетинки вблизи наиболее ранних курганных могильников скифского времени [12]. Большое поселение с аналогичным материалом обнаружено на плато у дороги из с. Субботов в с. Яныч [13]. Ряд поселений с керамикой жаботинского типа отмечен в бассейне р. Рось [14]. Одним из более северных поселений чернолесско-жаботинского типа являются поселения у с. Крещатик, при впадении р. Рось в Днепр [15]. Значительно

---

[11] А. И. Тереножкин. Предскифский период..., стр. 43—46.

[12] А. И. Тереножкин. Археологические исследования близ Смелы в 1952 г. КСИА, 3. Киев, 1958, стр. 71—737.

[13] А. И. Тереножкин. Исследование городища у с. Субботов в 1958 г. Материал разведки в фондах ИА АН УССР.

[14] Д. Т. Березовец. Отчет о разведке по р. Рось в 1956 г. Архив ИА АН УССР, дело № 2594.

[15] Е. Ф. Покровська, В. Г. Петренко, Г. Т. Ковпаненко. Поселення VIII—VI ст. до н. е. поблизу с. Хрещатик на Канівщині, «Археологія», 2, Київ, 1971.

больше поселений, близких по культуре к жаботинскому или к более раннему, чернолесскому времени, известно в районах, расположенных в бассейне Южного Буга, Днепро-Бугского междуречья и Среднего Днестра. Разведкой Т. Ю. Храбана 1960—1969 гг. в районе Умани обнаружено много открытых поселений, которые по топографии, характеру наземных глинобитных жилищ, типу очагов и культурным остаткам напоминают жаботинское. Находки на нескольких уманских поселениях кремневых вкладышей для серпов дают основание считать, что эти поселения относятся к несколько более раннему времени, чем жаботинское, как это считает и сам исследователь, Т. Ю. Храбан [16].

Следующая группа памятников, аналогичных по материалу раннему этапу жаботинского поселения, известна в Буго-Днестровском междуречье. Прежде всего здесь имеются в виду разведки и раскопки М. И. Артамонова в пунктах Яруга, Григоровка, Рудковцы, Олчадаев и др., где он открыл ряд поселений и городищ чернолесского и жаботинского типа [17]. Разведки П. И. Хавлюка, обследовавшего Южный Буг и его притоки, также зафиксировали ряд пунктов аналогичного характера (окраины Гайсина, урочище Крутогорб, Литин, Бернашовка, Бар и др.) [18]. На основании обнаруженной керамики П. И. Хавлюк выделяет значительную группу поселений, которые называет жаботинскими. Интересно его наблюдение о том, что в южных районах Винницкой области керамика этих поселений богаче и разнообразнее по орнаменту, чем керамика поселений, расположенных дальше к северо-востоку [19]. Названные памятники заполняют недостающие звенья цепи, соединяющей чернолесские городища и жаботинское поселение с памятниками Поднестровья и Лесостепной Молдавии. Среди раскопанных поселений этого типа в Среднем Поднестровье следует назвать поселения у сел Лука Врублевецкая (урочище Дунаек) Каменец-Подольского района [20] и Нагоряны, (урочище Пидмет) Хмельницкого района [21].

В Лесостепной Молдавии памятники этого типа, получившие название Сахарна-Солончены [22], распространены главным образом в Резинском и смежных с ним районах Молдавской ССР. А. И. Мелюкова отмечает 18 таких поселений [23]. Наибольшей известностью среди них пользуются поселения и два могильника у с. Сахарна, поселение Солончены, Цахнауцы, Царевка и др.

Исследователи жаботинского поселения не раз обращали внимание на сходство днестровских памятников с памятниками с. Жаботин [24]. Это же отмечает и А. И. Мелюкова, исследовавшая поселения Лесостепной

---

[16] Г. Ю. Храбан. Пам'ятки чорноліської культури на Уманщині. «Археологія», 2. Київ, 1971, стр. 81.

[17] М. И. Артамонов. Археологические исследования в Южной Подолии в 1952–1953 гг. КСИИМК, 59, 1955, стр. 100 сл. Научный архив и фонды ИА АН УССР.

[18] П. И. Хавлюк. Отчет о разведке по Южному Бугу 1954—1968. Научный архив ИА АН УССР.

[19] П. И. Хавлюк. Отчет о разведке на территории Южного Побужья и Левобережья Среднего Днестра в 1967 г. Научный архив ИА АН УССР.

[20] І. Г. Шовкопляс. Середньодністровська експедиція 1949—1951 рр. АП, VI, Київ, 1956, стр. 29—36.

[21] І. Г. Шовкопляс. Поселення ранньоскіфського часу на Середньому Дністрі. «Археологія», IX. Київ, 1954, стр. 98.

[22] А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени Лесостепного Среднего Поднестровья. МИА, 64, 1958, стр. 76—90; ее же. Культура предскифского периода в Лестостепной Молдавии. МИА, 96, 1961, стр. 48.

[23] А. И. Мелюкова. Раскопки памятников скифского времени в Молдавии. КСИА АН УССР, 4, 1955, стр. 91.

[24] Е. Ф. Покровская. К вопросу о сложении культуры раннего железа в Лесостепном Поднестровье (бассейн р. Тясьмин). КСИА АН УССР, 2, 1953, стр. 36; ее же. Поселения VIII—VI ст. до н. э. на Тясьмине. «Археология», VII. Киев, 1952, стр. 45, 54, 59, 62; М. И. Вязьмитина. Памятники раннего железного века в окрестностях с. Жаботин Кировоградской области, стр. 65; М. І. Вязьмітіна, Е. Ф. Покровська. Поселення VII—VI ст. до н. е. в околицях с. Жаботіна, стр. 47.

Молдавии[25]. Наибольшую близость сахарнянские памятники имеют не с самим жаботинским поселением, а с памятниками предшествующего времени второго этапа чернолесской культуры, что объясняется более ранним (по сравнению с жаботинским) возрастом днестровских памятников.

Материалы рассмотренных выше поселений указывают на тесную связь местного населения Лесостепной Украины с племенами северо-западного Приднестровья и Карпато-Дунайского бассейна.

В результате этих взаимосвязей на переломе бронзового и железного веков возникла яркая, своеобразная культура раннего железного века Лесостепной Украины. Образовавшись на местной основе в бассейне Буга и Днестро-Бугского междуречья, эта культура, охватив северную часть Молдавии, распространяется по всему Лесостепному правобережью и частично по Левобережью в бассейне р. Ворсклы.

С VIII в. до н. э. в культуре Правобережного Поднепровья прослеживается также и связь с Северным Причерноморьем, Кавказом и Закавказьем. Эти связи придали памятникам Поднепровья то своеобразие, которое отличает их от памятников синхронного времени более западных районов Побужья и Поднестровья.

E. F. Pokrovskaia

VILLAGE PRESCYTHE PRES DE LA BOURGADE DE JABOTINE

Résumé

Le village préscythe près de Jabotine (district de Kamenka, région de Tcherkassy) est situé sur le terrain élevé entouré de profonds ravins. Il était fouillé durant 5 ans sur la superficie totale de 3 000 m². Lors des travaux archéologiques on a dégagé sept habitats dont trois souterrains et quatre à la surface du sol (fig. 2), deux édifices cultuels (fig. 3) et aussi un grand nombre de foyers et de silos. Les trouvailles de la poterie, des objets en bronze, en fer, en os et en corne ont été également abondantes. Le village est daté du deuxième quart du VII — première moitié du VI ss av. n. è. Il est représentatif de la civilisation apparue sur le territoire des steppes boisées méridionales de l'Ukraine dans la période transitoire entre l'âge de bronze et celui de fer comme résultat des relations étroites des tribus autochtones avec la population du bassin de Karpathes et de Danube. Cette civilisation a embrassé la partie septentrionale de la Moldavie et du territoire entre Boug et Dniestr, s'est étendue loin le long de la rive droite et, partiellement, de la gauche du cours de Dniepr (bassin de la Vorskla). La situation géopraphique des sites de ce type à proximité des steppes boisées, leurs relations avec le littoral nord de la mer Noire, le Caucase et la Transcaucasie leur ont communiqué une certaine originalité qui les distingue des sites situés à l'Ouest du bassin de Boug-Dniestr.

---

[25] А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени..., стр. 89.

П. Н. ШУЛЬЦ, Н. И. НАВРОТСКИЙ

ПРИКУБАНСКИЕ ИЗВАЯНИЯ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ

За последние пять лет группа прикубанских изваяний скифского времени пополнилась двумя новыми памятниками. Если А. А. Миллер в своем исследовании [1] привлек из районов Кубани всего два изваяния и лишь упомянул о третьем, то сейчас их известно уже пять. Перед нами серия разновременных памятников от VI—V до IV—III вв. до н. э.

Можно уже ставить вопрос о степени скульптурного своеобразия данной группы и о возможности различной этнокультурной принадлежности входящих в ее состав отдельных памятников.

Дадим описание этой серии, по возможности придерживаясь хронологического порядка. Наиболее ранним памятником мы считаем изваяние, найденное в 1969 г. осенью во время распашки кургана близ станицы Бесскорбной Новокубанского района Краснодарского края (рис. 1, *1—3*). Курган неоднократно распахивался, расплылся и стал ниже своих былых размеров. Его высота в настоящее время около 1,90 *м*, диаметр с востока на запад около 60 *м*. Лежит он на верхней надпойменной террасе по левую сторону от долины р. Уруп, примерно на 2 *км* по прямой на юго-запад от ст. Бесскорбной.

О находке было сообщено в Армавирский краеведческий музей. На место выехал научный сотрудник музея Н. И. Навротский, доставил изваяния в музей и дал первую публикацию памятника [2].

Выполнено изваяние (инв. № 46-31) из плотного местного известняка-ракушечника серо-желтого тона. Фигура дана в натуральный рост человека. Изваяние поколенное, его высота свыше 1,40 *м*, ширина в плечах 0,55, в основании 0,42 *м*; толщина в плечах 0,25, в основании 0,32 *м*. Если смотреть спереди, памятник постепенно суживается книзу, если сбоку — нижняя часть толще верхней.

Сохранность относительно хорошая. Вероятно, еще в древности была отбита нижняя часть. Повреждено правое плечо. Лицо и левое плечо потерты. Грудь по диагонали процарапана плугом слева направо. Поверхность выветрена. Есть выщербины. Существенно, что голова в отличие от других изваяний Кубани сохранилась.

Памятник, очевидно венчавший курган, равномерно обработан со всех сторон и построен фронтально. Его формы массивны, компактны.

---

[1] А. А. Миллер. Новый источник к изучению связи Скифии с Кавказом. ИРАИМК, IV. Л., 1925, стр. 96—114. Данное исследование явилось отправным материалом для ряда статей по монументальной скульптуре скифов. Об этом см. П. Н. Шульц. Скифские изваяния Причерноморья. Сб. «Античное общество». М., 1967, стр. 225—237.

[2] Н. И. Навротский. Каменное изваяние воина из ст. Бесскорбной. АО-1970. М., 1971, стр. 109 сл., рисунок на той же странице.

Детали переданы плоским рельефом, их границы прочерчены контурами. Округлый массив головы с широкой едва намеченной шеей как бы насажен на плечи. Плечевая часть рук опущена и плотно прижата к туловищу. В локтях руки согнуты почти под прямым углом, левая рука над правой, пальцы обозначены. Талия и бедра едва намечены, ноги не промоделированы и как бы слиты в едином массиве с нижней частью фигуры, служившей основанием памятника.

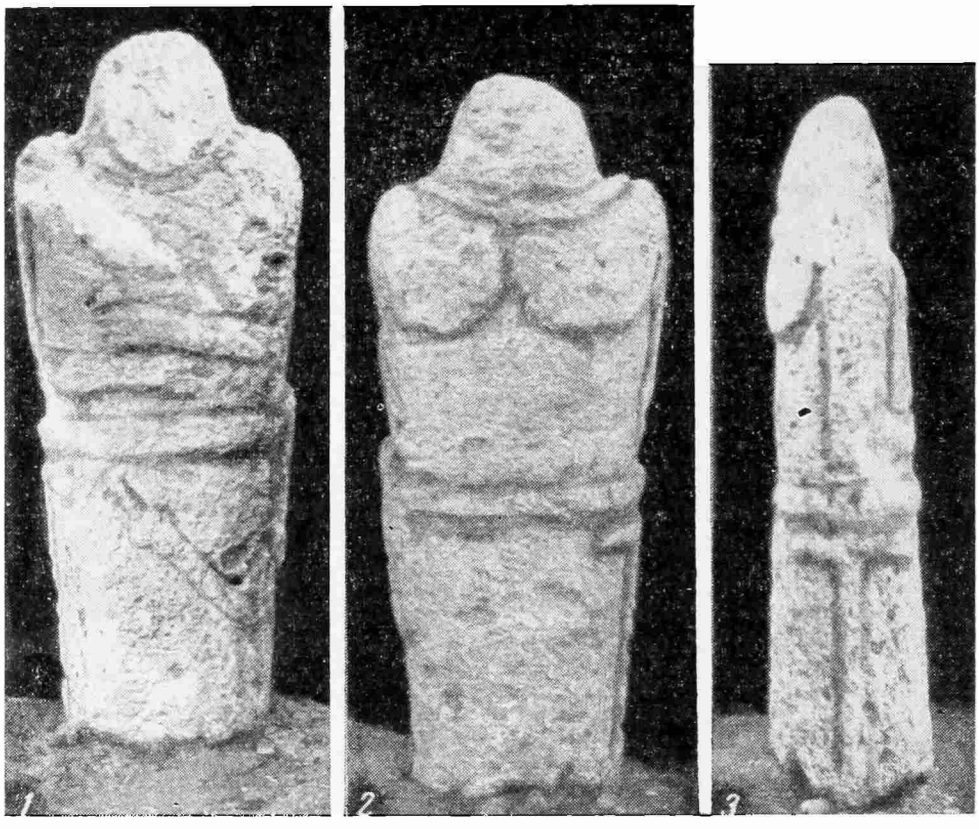


Рис. 1. *1—3* — изваяние из ст. Бесскорбной.
Армавирский краеведческий музей. Известняк. Фото

На голове обозначены границы волос или мягкого головного убора. Едва улавливаются черты лица: вмятины глаз, выпуклость носа. На шее массивная гривна, переданная в виде рельефного жгута. Еще ниже двумя контурами прочерчено или дугообразно повешенное ожерелье, или же нижние границы и кант нагрудника. На спине четко выделены лопатки или прикрывающие их кожаные оплечья. Ритона, обычного для изваяний скифского типа, нет. Пояс, переданный рельефно, охватывает фигуру и хорошо прослеживается со всех сторон. Спереди к поясу косо подвешен акинак с брусковидным навершием, концы которого слегка опущены. Перекрестие почковидное. Ножны постепенно суживаются, заканчиваясь округло. На правом бедре к поясу подвешена секира, рукоятью вниз (рис. 1, *3*). У левого бедра широкий горит с торчащим из него луком. Передан он плоским рельефом. Крючок для тетивы имеет форму головы хищной птицы. На изгибе лука признаки резьбы. По краю горита на чехле заметен рельефный кант и как будто следы нашитых круглых пластин.

Массивные пропорции памятника, фронтальность и компактность его строения, положение рук, прижатых к груди, отсутствие ритона напоминают архаическую группу изваяний скифского типа из Добруд-

жи[3] и в особенности из Нижнего Поднепровья[4]. Тип акинака[5] позволяет отнести изваяние ко второй половине VI в. или к первой половине V в. до н. э., чему не противоречат и слегка вытянутые подпрямоугольные формы широкого горита[6]. Подвешенная к поясу у правого бедра секира также говорит скорее за раннее происхождение памятника. В большинстве случаев секиры изображаются на скифских изваяниях в пределах VI и V вв. Для изваяний IV в. до н. э. секира известна лишь в одном случае[7].

Относительно ранней датировке не противоречит и стиль. Целостность силуэта при сдержанной округлости форм сочетается с членениями фигуры на отдельные части: голова выделена гривной, верхняя часть туловища отграничена от бедра поясом. Особенно резко подчеркнуты лопатки с оплечьями. Между лопатками слабыми линиями намечена вертикаль позвоночника. Те же приемы членений фигуры на отдельные подчеркнутые рельефом плоскости, в то время как общий силуэт сохраняется, мы наблюдаем и в лучших произведениях звериного стиля времен скифской архаики, например в костромском олене[8]. Изваяние из ст. Бесскорбной и золотая бляха костромского оленя по материалу, размерам и жанру произведения совершенно различные, но принципы строения фигур здесь общие. Особенно ясным это становится, если посмотреть на изваяния со спины (рис. 1, *2*).

От фалличности наиболее ранних скифских изваяний[9] в памятнике из ст. Бесскорбной уже нет и следа. Образ героя-родоначальника, быть может навеянный генеалогическими легендами скифов (Геродот, IV, 5—10), уже позади. Перед нами героизированный военачальник. Фигура его становится выше, стройнее, энергичнее. Памятник создан, вероятно, после побед скифов над персами и изгнания их из степей Скифии, когда рождались уже новые героические легенды о роли скифов и их вождей в победах над персами. Эти сказания получили отражение в IV книге Геродота. Скорее всего изваяние выполнено где-то на рубеже VI и V вв. Возможно, что эту датировку удастся проверить и уточнить путем раскопок кургана, на котором изваяние было найдено[10]. Одна из существенных сторон памятника — это полное отсутствие признаков местного кубанского своеобразия, которые выступят с такой яркостью в изваяниях более поздних, относящихся к V и IV вв. до н. э. Наш памятник имеет общескифский характер. Иконографически и стилистически он неотделим от ранней группы скифских изваяний Нижнего Поднепровья и с этой группой, вероятно, генетически связан.

Местные прикубанские особенности полностью проявились в первом

---

[3] A. D. Alexandrescu. Două statui traco-scitice din Dobrogea. SCIV, IX, 2, 1958, p. 291—302, fig. 3—4. По положению рук изваяние из ст. Бесскорбной близко изваянию из Ступины (там же, стр. 292—293, рис. *1, 2*), хотя последнее, судя по формам акинака, и датируется несколько более поздним временем.

[4] T. Pasek, B. Latynine. Sur la question des «Kamennye baby». ESA, IV, Helsinki, 1929, p. 296, fig. 4, *a, b*; П. Н. Шульц. Ук. соч., стр. 229, рис. 4. По положению рук и компактности форм изваянию из ст. Бесскорбной близко станишинское (П. Н. Шульц. Ук. соч., стр. 228, рис. 2).

[5] А. И. Мелюкова. Вооружение скифов. САИ, Д1-4. М., 1964, стр. 47, табл. 15, *8*.

[6] Б. В. Фармаковский. Памятники античной культуры, найденные в России. ИАК, 58, 1915, стр. 107—112, табл. II—V. Формы горита на стеле более удлиненные и слегка суживаются. Стела датируется Б. В. Фармаковским 475—460 гг. до н. э.

[7] О. К. Тахтай. Скіфська статуя з с. Ольховчик Донецької області. «Археология», XVII. Київ, 1964, стр. 205—206, рис. 1, 2.

[8] Сокровища скифских курганов. Текст М. И. Артамонова. Прага, 1966, стр. 27—28, 105; табл. 62.

[9] О ранней фаллической группе изваяний скифского типа см. П. Н. Шульц. Ук. соч., стр. 227—231, рис. 1—3.

[10] В настоящее время курган исследован. Его раскопки, произведенные в 1971 г., не противоречат предложенной дате памятника.

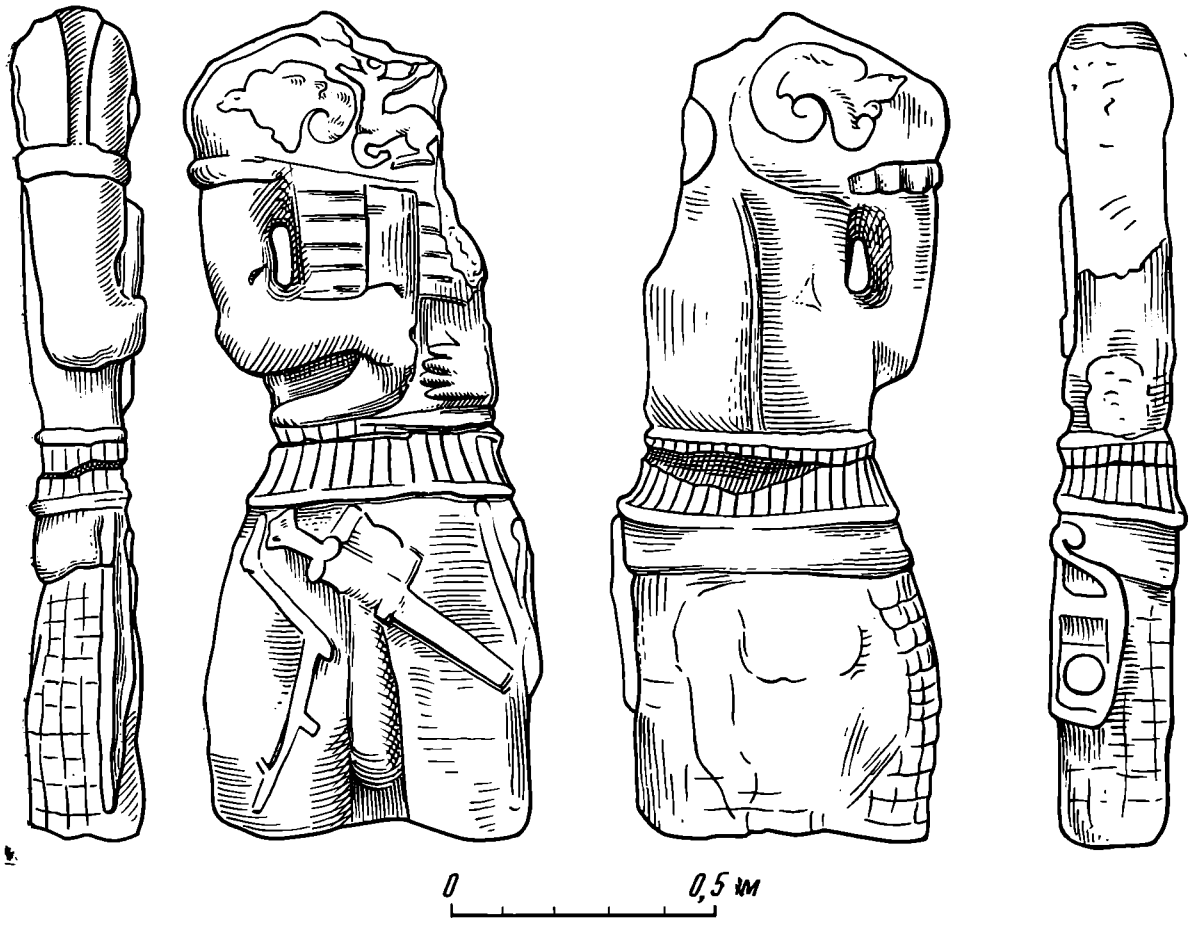


Рис. 2. Изваяние (первое) из Краснодарского музея.
Обмерный рисунок

краснодарском изваянии (рис. 2), опубликованном А. А. Миллером[11] и не без основания названном им статуей. В описании А. А. Миллер не упомянул размеров памятника. Некоторые детали неистолкованы. Поэтому мы вынуждены дать дополнительную характеристику изваяния.

Перед нами фигура военачальника-базилевса в полном вооружении. По размерам она несколько больше натуральной величины. Выполнена статуя из плотного, крепкого известняка. Голова, шея, левая часть груди, плечо и левая рука обломаны. Памятник поломан в талии и составлен из двух частей, верхней и нижней. Обломаны и ноги выше коленей. Поверхность, в особенности на кистях обеих рук, местами сильно повреждена. Есть небольшие выщербины на груди, спине, ногах, на акинаке. Все обломы производят впечатление древних. Сохранность уцелевших частей фигуры в общем неплохая, основные детали читаются хорошо. Высота составленных двух частей вместе 1,50 *м*. Общая высота фигуры в целом виде, с головой, достигала, вероятно, 1,85 *м*. Ширина в плечах 0,58 *м*, в талии 0,41, в бедрах 0,58, в основании 0,28 *м*. Толщина в плечах 0,23 *м*, в талии 0,19, в бедрах 0,23 *м*. Высота рельефной трактовки деталей до 5 *см* (руки, ритон и т. д.).

Военачальник стоит слегка расставив ноги. У него широкие плечи, узкая талия и крепкие бедра, одет в военную рубаху или кафтан с короткими рукавами, обрамленными выпуклым кантом. Второй кант нашит

[11] А. А. Миллер. Ук. соч., стр. 107—111, рис. 7—10, табл. II. Вторичное издание памятника по неопубликованной фотографии см. П. Н. Шульц. Ук. соч., стр. 230—233, рис. 5. См. также М. И. Артамонов. Антропоморфные божества в религии скифов «Археологический сборник ГЭ», 2, Л., 1961, стр. 59 сл., стр. 80 сл., рис. 24. Новые фотографии даны в книге Е. В. Черненко. Скифский доспех. Киев, 1968, стр. 37, рис. 16. По рисункам и фотографиям А. А. Миллера памятник воспроизводился в ряде изданий, в частности в книге Б. Н. Граков. Скифы. М., 1971, табл. XI. *а*.

вдоль плечей и расширяется к шее[12]. Край рубахи виден сзади ниже пояса. На нагрудник, надетый поверх рубахи, спереди и сзади на оплечьях нашиты крупные изображения голов хищных птиц — грифонов. Их было по две спереди и по две сзади. Границы оплечий четко обозначены на спине. В центре груди нашита пластина с изображением оленя с подогнутыми ногами, поднятой головой и рогами, прижатыми к спине. А. А. Миллер отметил наличие «в середине» сложного рельефного изображения, не поддающегося определению[13]. Но при сильном боковом свете фигура оленя вырисовывается достаточно хорошо и сомнений не вызывает. Мотивы скифского звериного стиля, грифоны на оплечьях и олень на нагруднике военного парадного или погребального облачения естественны и характерны. Они придавали особую торжественность и импозантность фигуре вождя базилевса.

Правой, слегка отодвинутой от туловища, согнутой в локте рукой военачальник прижимает к груди большой ритон, обычный для изваяний скифского типа. Очевидно, по представлениям древних, в ритоне находилось вино, необходимое умершему в его загробном пути[14]. Между локтем правой руки и талией — просвет. Такой же просвет имелся и у левой руки, от которой сохранилась, и то плохо, лишь кисть с намеченными пальцами. Руки обособлены от туловища, что усиливает в статуе элемент движения. На груди промоделированы горизонтальные ряды пластин панциря. На спине обозначена вертикальная, чуть изогнутая линия позвоночника. Ниже пояса сзади и сбоку прочерчены подпрямоугольные панцирные пластины, нашитые на одежду[15]. Талия туго перетянута широким боевым наборным пластинчатым поясом, окаймленным сверху и снизу двумя кантами. Между ногами спереди вертикальный, очевидно кожаный, чехол, прикрывающий фалл. В более ранних изваяниях Добруджи, Приднепровья и Крыма, изображающих родоначальников, фалл был обнажен[16]. Ноги слегка расставлены и промоделированы, но сквозного просвета между ногами нет. Они образуют хотя и расчлененную чехлом, но в общем единую массу. Статуя, очевидно, была поколенной. Нижняя ее часть еще в древности была отбита.

К поясу прикреплено оружие. В центре косо подвешенный акинак с характерным ромбовидным навершием, рукоятью из двух параллельных металлических жгутов, сердцевидным перекрестием и боковой подпрямоугольной лопастью. Ножны заканчиваются округло. Акинак, наряду с мотивами звериного стиля, позволяет датировать памятник V в. до н. э.[17]

---

[12] А. А. Миллер. Ук. соч., стр. 109. (Автор сопоставляет одежду статуи с изображением «гадателя» со связкой прутьев на золотой пластине из Амударьинского клада); O. M. Dalton. The Treasure of the Oxus. London, 1964.

[13] А. А. Миллер. Ук. соч., стр. 109.

[14] О культовом значении ритона в Скифии см. М. И. Ростовцев. Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре. ИАК, 49, СПб., 1913, стр. 6. О находках ритонов в скифских, в частности в царских, курганах см. М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Л., 1925, стр. 332, 335, 382, 415, 441, 454.

[15] Гравировка пластин хорошо видна в фотографии, приведенной у Е. В. Черненко. Скифский доспех, стр. 37, рис. 16.

[16] П. Н. Шульц. Скифские изваяния и сарматские антропоморфные стелы. Доклад на конференции ЛОИА АН СССР и Гос. Эрмитажа, посвященной художественной культуре и археологии античного мира, 27 января 1971 г., Ленинград. Подобие чехла между ногами имеется на одном из кировоградских изваяний. О шароварах Скифии и Фракии, называемых древними авторами мешками (θυλάκεζ), см. А. П. Манцевич. Горит из кургана Солоха. Тр. ГЭ, VII, 3, Л., 1962, стр. 114. Однако на складку шаровар между ногами изображения на краснодарском и кировоградском изваянии не похожи. Скорее это чехол.

[17] Н. И. Сокольский. Боспорские мечи. МИА, 33, 1954, стр. 143, табл. IV, *1*. Привлеченный в качестве аналогии меч с навершием, имеющим ромбовидные очертания, найден в могильнике синдского поселения у ст. Таманской и хорошо датируется первой половиной V в. до н. э. Пластины с изображениями голов хищных птиц Краснодарского изваяния наиболее близки пластинам из Семибратних и Нимфейских курганов, относящихся к V в. до н. э. «Сокровища скифских курганов...», стр. 108, табл. 115.

На правом бедре заметны неясные следы, быть может, второго длинного меча, подвешенного вертикально. Сочетание на скифских изваяниях акинака спереди и длинного меча справа встречается [18]. «С правой стороны от пояса вниз по бедру и вперед,— как описывает А. А. Миллер,— расположены рельефные полосы, значение которых остается для меня пока неясным» [19]. Это нагайка, неоднократно изображающаяся на скифских изваяниях. Видна рукоятка и ремень с характерными нашитыми на него короткими боковыми отростками. Подобные нагайки имеются на изваянии из Собиора (Добруджа) [20] и на привлеченном уже памятнике Поднепровья Кировоградской области. У левого бедра на краснодарском изваянии прикреплен на ремне небольшой горит с торчащим из него луком. На чехле горита изображена подвешенная круглая фиала, что обычно для ряда изваяний Кубани, Нижнего Дона и Поднепровья [21].

Среди причерноморских изваяний скифского типа краснодарское по своим художественным достоинствам стоит на одном из первых мест. В нем воплощен в полной мере новый для Скифии V в. до н. э. идеал мужской красоты. На смену прежней массивности, так ярко выраженной в изваянии из ст. Бесскорбной (рис. 1), приходит стройность. В пропорциях обращает внимание широта плеч при узкой талии (рис. 2). Перед нами ярко запечатленный образ героизированного вождя-военачальника. быть может навеянный эпическими сказаниями о царях, возглавивших борьбу скифов против вторжения Дария. Вкус к новым пропорциям при традиционном обычае косо подвешивать кинжал к поясу впоследствии надолго укоренился среди племен Северного Кавказа и превратился в главную особенность изваяний кубанской группы средней и поздней скифской поры V и IV вв. до н. э.

В композиции изваяния появилось больше свободы, больше движения и тяготения к асимметрии. Меньше стало скованности и сомкнутости. Начинается моделировка рук и ног. Между конечностями и туловищем появляются просветы. Формы изваяний развиваются в сторону статуй. В компоновке еще преобладает рельефный принцип. Каменная плита краснодарского изваяния рельефно обработана со всех сторон, но главный вид еще спереди. Это усиливает репрезентативность, величавость памятника. В нем явно ощущаются воздействия древневосточной скульптуры. Во времена походов в Малую и Переднюю Азию скифы, очевидно, много раз видели наскальные рельефы. Они непосредственно сталкивались с памятниками районов Курдистана, Мидии и Урарту. Соприкосновение с культурами Древнего Востока, в частности Ирана ранней ахеменидской поры, не могло не наложить своего отпечатка не только на звериный стиль, но и на изваяния Скифии.

Влияния переднеазиатского Востока на искусство Скифии не ограничивались только иконографической стороной. Например, на процесс формирования фаллических изваяний ранней Скифии могла оказать воздействие раннепранская скульптура, найденная в Марлии, в которой нередко фалличность сочетается с вооруженностью (косо подвешенные кинжалы) [22]. Судя по краснодарскому изваянию, эти влияния проявились и в стиле, в частности и в пропорциях (широкие плечи при узкой

[18] Наиболее близкие аналогии на одном изваянии с мечом и кинжалом дают кировоградские памятники. П. Н. Шульц. Скифские изваяния и сарматские антропоморфные стелы. Доклад на конференции...

[19] А. А. Миллер. Ук. соч., стр. 110.

[20] V. Canarache. Considerații asupra unei statui inedite din Timpul oranduirii comunei primitive in Dobrogea. SCIV, IV, 3—4, 1953, p. 713, pl. II. *1*; A. D. Alexandrescu. In legătură cu statuile «scitice». SCIV, XI, *2*, 1960, p. 384, fig. 1; П. Н. Шульц. Скифские изваяния Причерноморья, стр. 229, рис. 3.

[21] П. Н. Шульц. Скифские изваяния Причерноморья, стр. 231—232, рис. 7; А. А. Миллер. Ук. соч., стр. 103—105 и 108, рис. 3, 6. В скифских царских курганах золотые фиалы лежат нередко рядом с горитами (Н. И. Веселовский. Отчет о раскопках кургана Солоха. ОАК за 1913 г., стр. 121).

[22] R. Ghirshman. Iran. Universum der Kunst. 3. München, 1964, 31, f. 33.

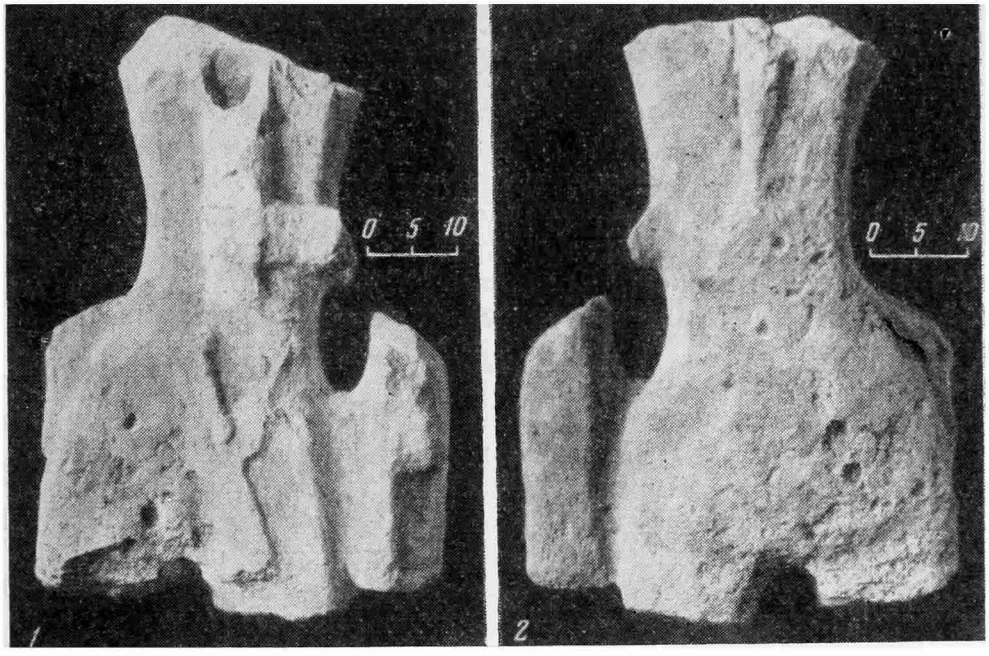


Рис. 3. *1, 2* — изваяние из хут. Ковалевского

Армавир. Музей Дворца пионеров. Песчаник. Фото

талии). В этом отношении небезынтересно сопоставить изваяние из Краснодара с кругом поздних хеттских рельефов, относящихся еще к третьей четверти II тысячелетия до н. э.[23]

Помимо репрезентативности краснодарского изваяния, о которой уже шла речь, следует отметить классическую завершенность и энергию его форм. М. И. Артамонов не без основания заметил: «Это наиболее реалистическое изображение скифа в монументальной скульптуре»[24]. Для кубанской группы это вершина развития. В памятнике ярко запечатлены все главные особенности скифских изваяний Прикубанья. Мы решаемся их назвать скифскими, так как все их атрибуты (ритон, гривна, фиала, пояс, нагайка, защитный доспех, акинак, горит, мотивы звериного стиля — головы хищных птиц, олень) и характер одежды ведут в Скифию.

Третье изваяние найдено весной 1966 г. близ хут. Ковалевского Новокубанского района Краснодарского края. Оно обнаружено случайно во время земляных работ, повредивших группу курганов, примыкавших к хутору. Группа насчитывает не менее семи курганов разной величины, высотой от 1 до 2 *м* при диаметрах от 20 до 40 *м*. Три кургана были разрезаны при земляных работах траншеями, разрушившими несколько погребений скифского времени. Изваяние найдено в третьем, наибольшем кургане на глубине около 0,60 *м* от вершины насыпи. Оно было замечено в борту траншеи, проложенной бульдозером. В этом же кургане обнаружены два погребения. В одном из них оказались фрагменты аттического чернофигурного сосуда с изображением Геракла. Сосуд относится к последней четверти VI в. до н. э. По-видимому, к этому же погребению относится комплекс золотых бляшек скифского звериного стиля с изображением лося с подогнутыми ногами и повернутой вдоль спины головой. Рог лося заканчивается головой хищной птицы. Аналогичные бляхи, встреченные в Нимфейском кургане № 17, датируются

---

[23] Н. Д. Флиттнер. Культура и искусство Двуречья. М., 1958, стр. 226—228, рисунок на стр. 226; E. Akurgal, M. Hurmer. Die Kunst der Hethiter. München, 1961, Taf. 64—65, S. 771.

[24] М. И. Артамонов. Антропоморфные божества в религии скифов, стр. 80.

первой четвертью V в. до н. э.[25] Второе погребение в этом же кургане дало бронзовое зеркало IV в. до н. э. и комок спекшихся трехгранных железных наконечников стрел того же времени. По-видимому, в этом же кургане найдено трехугольное основание от второго, еще не найденного изваяния из песчаника. Все перечисленные находки из курганов, в том числе и изваяния, были осмотрены на месте Н. И. Навротским и перевезены в Армавир в историко-краеведческий музей Дворца пионеров.

Изваяние из хут. Ковалевского (рис. 3, *1*, *2*) (инв. № 101) выполнено из массивной плиты песчаника серовато-желтого тона. Подобного рода песчаник добывается в настоящее время на Ставропольской возвышенности правого берега Кубани, в 35 *км* от хут. Ковалевского. Ближайшие выходы этого камня имеются у хут. Горькая Балка.

Изваяние сильно повреждено. Голова и плечи отбиты еще в древности. Отсутствует правая рука. От нее сохранилась лишь кисть. Отбита плечевая часть и локоть левой руки. Нижняя часть изваяния выше колен околота. Повреждены верхняя и нижняя части ритона, верхняя часть горита, нижняя часть акинака. Есть выбоины на туловище на правом бедре, поврежден край фиалы. Ряд круглых выщербин имеется на спине. Поверхность местами выветрена.

Высота сохранившейся части памятника 0,87 *м*. Это самое малое по размерам изваяние скифского типа. Фигура ниже натуральной величины. Максимальная ширина в бедрах, включая и горит,— 0,48, ширина в плечах — 0,25, в талии — 0,19, в основании — 0,35 *м*; толщина плиты 0,22 *м*. Высота трактовки деталей до 5 *см*.

Изваяние по своему строению и пропорциям явно принадлежит типично кубанской группе памятников. При большой ширине плеч талия узкая, бедра широкие. Несмотря на малый размер, памятник скульптурен, полон движения, пространствен, объемен. Это в большей степени статуя, чем изваяние. В нем больше, чем во всех остальных изваяниях Скифии и Кубани, пластичности, асимметрии, динамики. Руки еще сильнее, чем в краснодарской первой статуе, обособлены от туловища. Просвет между корпусом и руками увеличился. Ноги расставлены шире. Между ними образовался просвет, чего в первой краснодарской статуе еще не было. Движение корпуса стало значительно энергичнее.

Военачальник одет в кафтан, плотно облегающий фигуру. Нижние границы кафтана обозначены сзади. На голове башлык нижний остроугольный конец которого свешивается на спину и показан рельефом. Большой ритон в левой, но не в правой руке, как в краснодарской статуе. Это необычно и встречается по преимуществу в поздних памятниках[26]. Ритон круто изогнут и повернут спинкой влево. Отличительная особенность ритона в том, что он передан горельефно. Внутри он полый, и углубление в нем выдолблено. Это единственный случай среди изваяний скифского типа. Здесь налицо не только желание передать объем, но и выразить вместимость сосуда, показать, что ритон предназначен для влаги — вина, которое умерший должен вкусить во время своего загробного пути.

Ниже ритона, под ним, без обозначения пояса, косо подвешен акинак с массивным брусковидным навершием, рукоятью из двух продольных жгутов и сердцевидным перекрестием. У кинжала боковая лопасть. Обозначен ремень для подвешивания. В правой, опущенной руке военачальник держит рукоять нагайки. Этим подчеркнуто, что перед нами спешившийся вооруженный всадник с одним из необходимых атрибутов верховой езды.

У левого бедра большой продолговатый горит. От лука сохранилась незначительная часть, к гориту прикреплена круглая фиала, переданная го-

[25] Л. Ф. Силантьева. Некрополь Нимфея. МИА, 69, 1959, стр. 71 сл., рис. 38, *8—10*; Сокровища скифских курганов..., стр. 34 сл., табл. 102, 105.

[26] Н. А. Богданова. Скифские и сарматские стелы Заветнинского могильника. СА, 1965, 3, стр. 233 сл., рис. 1.

рельефно. Горит окаймлен валиком спереди и снизу. Главная особенность трактовки горита в том, что он передан пространственно, не примыкает к фигуре непосредственно и скреплен с ней каменной перемычкой. Подобная трактовка пока единственная. Во всех остальных случаях горит плотно примыкал к бедру и обычно изображался в формах плоского рельефа.

Изваяние, вероятно, представляло собой поколенный памятник. Ноги в штанах переданы лишь в верхней части выше колен. Ниже начиналась остроугольная база, вкладывавшаяся в вершину кургана. Обломок такой базы (инв. № 307) найден в третьем кургане из хут. Ковалевского. Археологическое доследование кургана, может быть, уточнит его дату.

Судя по акинаку, свободному построению и смелой моделировке, памятник скорее всего относится к IV в. до н. э., вероятно к первой его половине, ко времени Атея. Именно к этому времени на Боспоре появляются мечи с массивным брусковидным навершием того типа, что изображен на изваянии из хут. Ковалевского [27].

По динамике и элементам пластического объема описанное изваяние превосходит первое краснодарское. Однако подчиненность скульптурной моделировки формам каменной плиты еще сохраняется. Построение и трактовка деталей становится свободнее. Правда, это идет за счет потери прежней строгости, художественной цельности и завершенности стиля, которые мы отмечали в первом краснодарском памятнике. В изваянии из хут. Ковалевского ощущаются признаки влияний греческой пластики, чего в первом краснодарском нет, в нем сказались влияния древневосточной скульптуры. Но греческое влияние в статуе из хут. Ковалевского лишь едва прослеживается. Памятник еще подчинен тому строю образов, который сложился в Степной Скифии и получил свои локальные особенности на Кубани.

Дальнейшее развитие этих особенностей мы можем проследить в мужской статуе из ст. Преградной (рис. 4, *2*), найденной на восточной окраине распространения меотской культуры, где складывался локальный верхнекубанский ее вариант [28]. Первое упоминание о трех статуях близ ст. Преградной содержится в статье Н. Каменева, написанной в 1879 г. [29] В этой статье приведена сжатая характеристика памятников: «В одной версте от станицы Преградной, по направлению к Урупскому ущелью, найдены в земле три каменных барельефа, высеченных на плитах, длиной в 6 арш., шириною в 1 $^1/_2$ арш., при толщине в 1 арш. Два из них, незначительно поврежденные, изображают мужчину и женщину с выступающими подножиями, ниже которых барельефы были водружены на 2 арш. в землю; третий, хорошо сохранившийся, изображает также мужчину на таком же подножии. Несмотря на грубость материала, фигуры высечены чисто и с соблюдением пропорциональности во всех частях, особенно последняя». Далее говорится: «На первом барельефе мужчина одет в тунику без пояса, имеет на шее два обруча или ожерелья; правая рука у него, отбитая по локоть, положена на грудь, а левая, опущенная ниже пояса, придерживает неизвестную вещь вроде колчана. Фигура женщины одета в длинное платье, поверх которого на оба плеча накинут пеплум. Правая рука к ней приложена к груди и держит сосуд. На шее — ожерелье, а в ушах — серьги... На третьем барельефе мужчина также в тунике, но подпоясан; левой рукой держит на груди сосуд, а правой кинжал. Ниже пояса на левой стороне у него висит неизвестная вещь вроде колчана. Все фигуры с откры-

---

[27] Н. И. Сокольский. Боспорские мечи, стр. 128, рис. 1; табл. III, *1*. Весь круг мечей этого типа, как бы возрождающих старые формы брусковидных наверший, датируется IV в. до н. э.

[28] По мнению Е. П. Алексеевой, восточные границы меотской культуры простирались до западных окраин нынешней Карачаево-Черкесской автономной области и доходят на Кубани до г. Черкесска (Е. П. Алексеева. Раскопки Дружбинского городища меото-сарматского времени. АО — 1969. М., 1970, стр. 99 сл.).

[29] Н. Каменев. Попытка археологических разведок в Кубанской области. «Кубанские ведомости», 1870, № 47.

тыми головами, и сосуды у них похожи на турьи рога. Раскопки под первыми двумя барельефами были безуспешны, а на кургане, находившемся вблизи третьего и уже тронутом, найдены стрелы разных форм, каменные бусы, крышечки из олова и куски глиняной посуды. От костей остались одни следы».

Из описания Н. Каменева видно, что в момент осмотра все три памятника стояли в ряд, два мужских по краям, женское в центре, что основаниями своими они были врыты в землю, вне кургана, который находился побли-

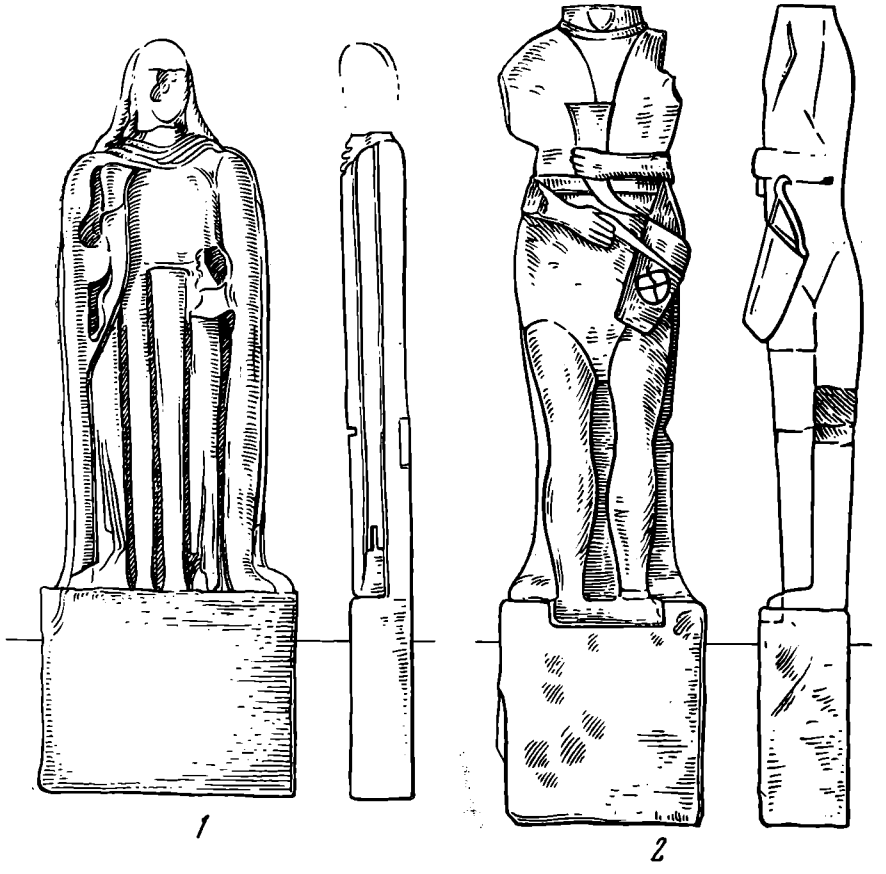


Рис. 4. Изваяния у ст. Преградной.
1 — женское, *2* — мужское

зости. Культовое назначение памятников несомненно. Возможно, что они были связаны между собой единой групповой композицией. Осталось невыясненными являются ли они надгробными или же изображениями божеств.

Дальнейшее описание группы дано Е. Д. Фелициным[30] в 1895 г. Он пишет под № 196: «Большая каменная женская статуя в длинном нижнем одеянии, с широким ниспадающим с плеч плащом, с ожерельем вокруг шеи, покрывалом на голове и рогом в правой руке. Лицо испорчено. Найдено в 2 верстах к югу от станицы Преградной». Под № 23 упомянуты «...две каменные фигуры, изображения воинов в короткой одежде со следами оружия, но очень плохой сохранности; находятся в 2 верстах от станции Преградной, Баталпашинского уезда»[31].

Дальнейшее описание и рисунок мужского изваяния, стоявшего по правую руку женского, из ст. Преградной, дал А. А. Миллер в упомянутой статье[32]. Изваяние было доставлено в начале XX в. в Екатеринодар и по-

[30] В. Сысоев, Г. И. Куликовский, Е. Д. Фелицин. Поездка на реки Зеленчук, Кубань и Теберду летом 1895 г. МАК, VII, М., 1898, стр. 141 сл., табл. XXIII, *4*.

[31] Там же, стр. 142.

[32] А. А. Миллер. Ук. соч., стр. 107—108, рис. 6.

ставлено на тротуаре у здания Государственного банка. В числе привезенных памятников «были большая каменная женская статуя с большим рогом в правой руке, открытая в 2 верстах к югу от станицы Преградной» [33].

В настоящее время оба изваяния, мужское и женское, лишенные голов, хранятся в фондах Краснодарского историко-краеведческого музея. Стоят они во дворе. Мужское изваяние из ст. Преградной опубликовано в рисунке в книжке Н. В. Анфимова [34].

Памятник выполнен из большой продолговатой плиты серо-желтого мелкозернистого песчаника, местами покрытого тонкой коркой темно-красного тона. Плита разбита в коленях на две части: нижнюю, меньшую и верхнюю, бóльшую. Голова отколота. Отбито левое плечо и верхние части обеих рук. Поверхность сильно выветрена. Высота сохранившихся двух частей очень велика: 3,40 *м*, ширина в плечах и бедрах 0,76, толщина фигуры 0,34 *м*. Ноги от бедер до ступни горельефно изваяны на фоне плиты. Поэтому естественно, что Н. Каменев назвал изваяние барельефом. Это действительно своего рода рельеф, которому придана статуарная форма. Если представить статую полностью, с головой, она достигнет вместе с базой почти 4 *м*. Это самое крупное из всех изваяний скифского типа в Причерноморье. Памятников выше этого в Скифии и на Кубани мы не знаем. По своим пропорциям оно вполне кубанское. Широкие плечи, узкая талия, перетянутая поясом, плотные бедра, стройные пластичные ноги. Косо подвешенный кинжал в центре фигуры придает памятнику кавказский облик, как бы предвосхищая тот идеал мужской красоты, который в дальнейшем прочно вошел в быт горных кавказских народностей.

На шее признаки гривны. Как будто намечена борода. На груди остроугольный вырез, напоминающий вырез на черкесках. Пояс сравнительно узкий. Левой рукой вооруженный мужчина прижимает в груди ритон. Правая рука, согнутая в локте под тупым углом, придерживает кинжал с брусковидным навершием, боковой лопастью для прикрепления к поясу и остро заканчивающимися ножнами. У левого бедра — узкий горит позднего типа с торчащим из него луком. К центру горита прикреплена круглая фиала, перехваченная крест-накрест ремнем. Кафтан в нижней части спереди имеет узкий напуск. Подобного рода полы кафтана, удлиненные спереди, нередко изображаются в греко-скифской торевтике [35]. Ноги пластически промоделированы. Ступни едва намечены. Локти рук были отведены от туловища, образуя просветы. Плечи слегка покаты.

Пластические элементы ярче всего сказались в моделировке ног, позволяя предположить влияние произведений греческой скульптуры. В еще более яркой форме эти влияния сказались в женской статуе.

Мужское изваяние из ст. Преградной, значительно превышающее натуральный размер фигуры, позволяет предположить, что перед нами нарочито монументализированное изображение не смертного, а божества. В еще большей мере монументализация образа сказалась в женском изваянии (рис. 4, *1*). Оно также превышает натуральный размер человеческой фигуры. Высота статуи с головой около 3 *м* (рис. 5).

В настоящее время голова утрачена, высота фигуры с основанием 2,80, ширина в плечах 0,80, толщина 0,22 *м*. Высота рельефной трактовки деталей до 5 *см*.

Одета женщина в своего рода пеплос, падающий к ногам тяжелыми вертикальными складками. Пеплос в талии перехвачен поясом. На плечи накинут плащ. На голове, судя по старым фотографиям Фелицина, было покрывало, падающее на плечи. В ушах серьги. На шее многовитковая гривна

---

[33] Там же, стр. 107.

[34] Н. В. Анфимов. Из прошлого Кубани. Краснодар, 1958, стр. 76 сл., рисунок на стр. 79.

[35] Сокровища скифских курганов..., стр. 110—111, 114, табл. 147, 174, 224.

Рис. 5. Женское изваяние из ст. Преградной

Краснодарский музей. Песчаник. Фото начала XX в.

или ожерелье. В правой руке большой, длинный ритон, спинкой вправо. Левая рука, согнутая в локте, прижата к бедру.

Поверхность местами сильно выветрена. Верхняя часть ритона отбита. Материал (мелкозернистый песчаник серо-желтого тона) тот же, что и на мужском изваянии. Совершенно тождественна база в виде плоской прямоугольной плиты, вкапывавшейся в землю. Обе статуи выполнены в одной манере. Массивная, уплощенно трактованная фигура женщины в длинных тяжелых одеждах изображена почти фронтально. Лишь в движениях рук (слева рука ниже правой) фронтальность слегка нарушена. У бедер фигура немного уширяется. Концы плаща внизу у ног чуть изогнуты. В обработке камня заметны следы шпунта. Местами применена техника точечной обработки. Тыльная сторона памятника трактована суммарно. Статуя рассчитана на рассмотрение спереди. В строении фигуры и в особенности в передаче складок одежд несомненно влияние античной скульптуры. Статуя величава, репрезентативна, монументальна.

Женских каменных изваяний Скифия не знает. Известны лишь мужские. Уже это одно заставляет заподозрить, что группа памятников из ст. Преградной выходит за рамки скифской скульптуры. Данная группа (два мужских изваяния по сторонам женского) образует композиционный ряд, не связанный с курганами. Этот ряд находился в ущелье и рисовался на фоне отвесных скал. Не было ли здесь святилища? По размерам преградненские памятники значительно больше натуральной величины, это необычно для изваяний скифского типа. Это позволяет предположить здесь изображения божеств, но не предков и не героев. Как свидетельствует Геродот, «делать статуи... у скифов не принято» (IV, 59). Не изображена ли в женской статуе из ст. Преградной верховная богиня меотов?

В торевтике азиатского Боспора, в кургане Карагодеуашх, в круге греко-скифских изделий на золотой пластине изображена сидящая жрица или богиня в остроконечном головном уборе, которая принимает от предстоящего мужчины священный сосуд-ритон. На ней тяжелое длинное одеяние, вертикальные складки падают к ногам. Не имеем ли мы здесь отдаленной аналогии Предградненской группе? На первом плане три главные фигуры: женская в центре и мужские по сторонам. На заднем две фигуры, очевидно второстепенные. Карагодеуашх относится к рубежу IV—III вв. до н. э.[36], к тому же времени, к которому мы склонны относить изваяния из ст. Преградной. Ведь последние, без всякого сомнения, сделаны позже, чем

[36] А. П. Мандевич. О золотой пластине из кургана Карагодеуашх. СГЭ XXIII. Л., 1962, стр. 41. Автор относит курган «к концу IV или скорее к началу III в. до н. э.».

остальные Прикубанские памятники, например из хут. Ковалевского или первое краснодарское. Сравнительно узкий горит мужского изваяния из ст. Преградной как будто говорит о более позднем времени, но вряд ли более раннем, чем вторая половина IV в. до н. э.

Остается подвести итоги. Наиболее раннее изваяние скифского типа из ст. Бесскорбной (рис. 1) не имеет никаких локальных кубанских особенностей. Это изваяние собственно скифское. Оно принадлежит скифам, хотя и сделано на меотской земле. Мы полностью разделяем точку зрения, высказанную в свое время А. А. Иессеном в его докладе на Всемирном конгрессе востоковедов в 1961 г.: «...обратное движение скифов из Передней Азии проходило этапами, частично через территорию Урарту, а затем с более или менее длительным пребыванием на Кубани, о котором, по-видимому, свидетельствуют ярчайшие памятники келермесской группы. Часть скифов, вероятно, оставалась на Кубани и позже... вплоть до ассимиляции их окружающим населением» [37].

Сложнее обстоит дело с кубанской группой изваяний скифского типа V—IV вв., первым краснодарским и из хут. Ковалевского (рис. 3). Все атрибуты в этих изваяниях скифские, но они уже имеют в своих пропорциях кубанские особенности: широкие плечи, узкая талия. В течение V—IV вв. до н. э. скифы, проникшие на Кубань, были уже в значительной мере ассимилированы местной меотской средой. В это время складывается кубанский тип скифских изваяний, в котором запечатлен новый идеал мужской красоты, прочно вошедший впоследствии в быт и сознание кавказских горцев. Этот новый тип изваяний получил отражение в памятниках Крыма, в частности в первом евпаторийском [38].

И наконец, примерно на рубеже IV—III вв. до н. э. на восточных окраинах меотского мира, в скалистой долине, примыкающей к ст. Преградной, в пределах Карачаево-Черкесской автономной области Ставропольского края появляется комплекс из трех больших изваяний, может быть связанных со святилищем, изображающих женскую фигуру с ритоном и предстоящих двух мужских фигур, также с ритонами. Возможно, что в данной группе изображены уже не героизированные военачальники с женщиной-властительницей, а меотские божества — женское и два мужских. Нет ли здесь традиционной триады: верховная богиня меотов, тождественная Табити, бог, идентичный Папаю, и меотский Арес? Еще М. И. Ростовцев заметил: «Троица двух мужских и одного женского божества характерна для Азии» [39].

Если это предположение правильно, то тогда путь развития прикубанских изваяний скифского времени будет рисоваться в следующем виде: от собственно скифских памятников (ст. Бесскорбная) к выработке местного кубанского типа со скифскими атрибутами (краснодарское первое, хут. Ковалевский) и к появлению статуарных изображений меотских божеств.

В этой связи хотелось бы поставить вопрос о юго-восточных границах распространения меотской культуры, которая имела ряд локальных географических вариантов: приазовский, южнодонской, среднекубанский и верхнекубанский. Восточные границы меотской культуры Средней Кубани ее исследователь Н. В. Анфимов прежде локализовал близ Усть-Лабинской станицы [40].

За последнее время он склонен перенести эти границы восточнее, до станицы Темижбекской, где находятся городища и могильники меотского типа и где долина Кубани резко поворачивает на юго-юго-восток.

---

[37] А. А. Иессен. Скифы, Кавказ и Древний Восток. Рукопись доклада хранится в архиве ЛОИА АН СССР.

[38] П. Н. Шульц. Скифские изваяния Причерноморья, стр. 230 сл., рис. 5—7; его же. Скифское изваяние, найденное у городища «Чайка». АИКСП, Л., 1968, стр. 327 сл., рис. 2, *1*.

[39] М. И. Ростовцев. Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре, ИАК, 49, 1913, стр. 58.

[40] Н. В. Анфимов. Из прошлого Кубани, стр. 14.

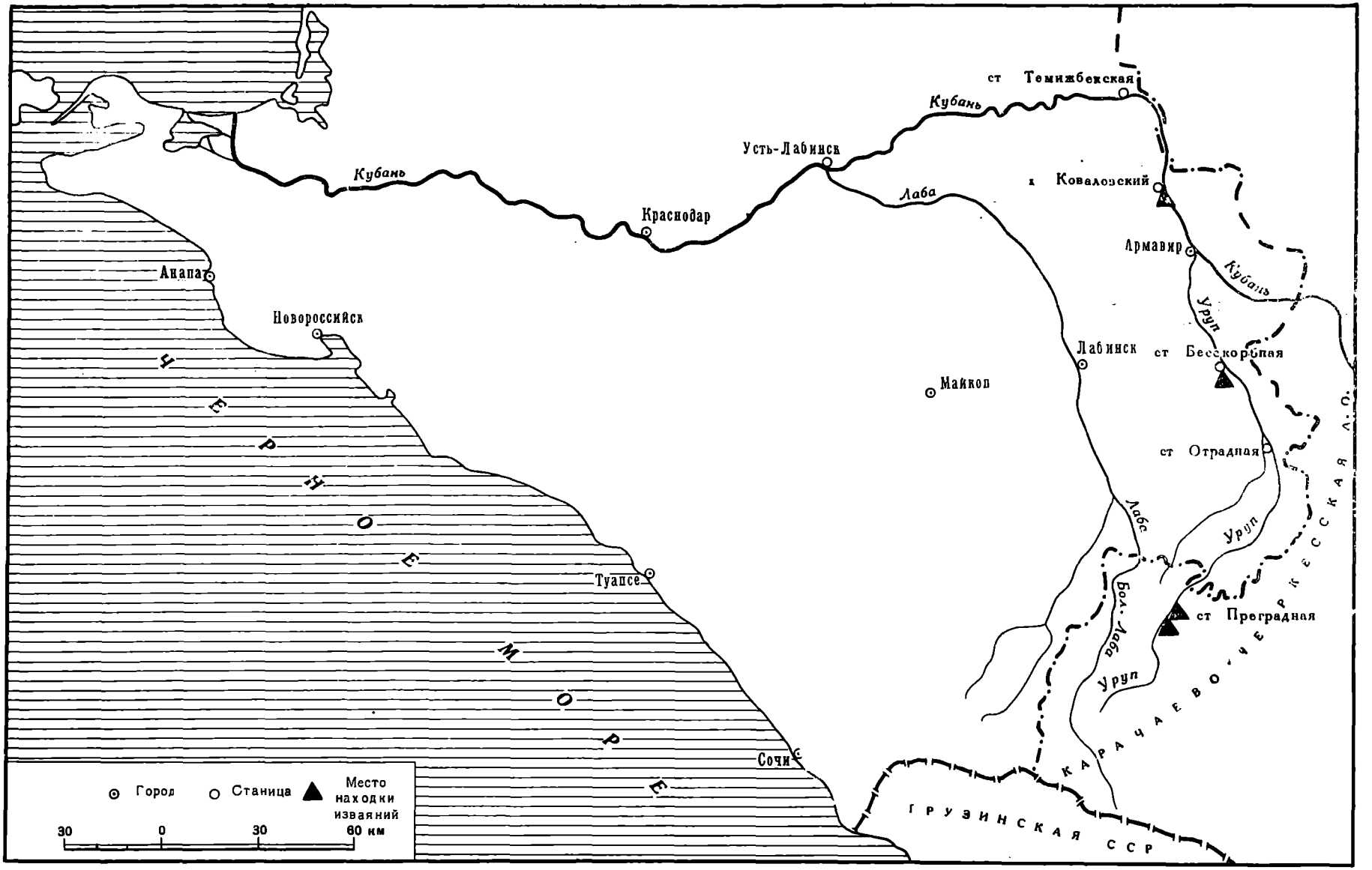


Рис. 6. Карта мест находок прикубанских изваяний скифского времени

Просмотр археологического материала, накопленного за последние годы в районе Армавира, хранящегося в Армавирском краеведческом музее и в музее Дворца пионеров, убеждает в том, что на Верхней Кубани, начиная с ее поворота на юго-юго-восток выше ст. Темижбекской, локализуется особый верхнекубанский вариант меотской культуры с городищами и могильниками меотского времени. Этот же вариант прослеживается Е. П. Алексеевой и выше, вплоть до западных районов Карачаево-Черкесской автономной области [41]. Именно здесь Е. П. Алексеева видит юго-восточные границы распространения меотской культуры.

Станица Преградная и примыкающая к ней долина, давшая комплекс позднейших изваяний скифского времени Прикубанья, входит в территорию локального верхнекубанского варианта меотской культуры. Два сохранившихся монументальных скульптурных памятника из ст. Преградной являются, как мы полагаем, ярким проявлением данного варианта культуры, хотя генетически они и связаны с изваяниями скифского типа, в особенности мужское.

Женское изваяние с ритоном, в отличие от мужского, не имеет прямых прототипов в скифской и греко-скифской торевтике. Ближе всего к нему стоит, как уже говорилось, изображение богини или жрицы на золотой пластине из кургана Карагодеуашх [42]. Это пока единственное женское изображение с ритоном в торевтике Северного Кавказа и Скифии. Богинь с ритоном в собственно скифской торевтике мы пока не знаем. Преградненское женское изваяние стоит особняком и прямых аналогий пока не имеет.

В заключение мы даем карту мест нахождений изваяний скифского времени на Кубани (рис. 6).

С точностью известно местонахождение четырех изваяний (ст. Бескорбная, хут. Ковалевский, ст. Преградная). Возможно, что краснодарское первое найдено в 12 *км* от ст. Преградной, где Е. Д. Фелицин под № 17 описал каменную мужскую фигуру без головы и рук, но правильных размеров в «...коротком платье или панцире со следами пояса и оружия» [43].

Если взглянуть по карте на места находок изваяний, не трудно заметить, что почти все они связаны с единым районом Верхней Кубани и впадающей в нее р. Уруп. Данная территория тянется вдоль долин названных рек с севера на юг, с едва заметным отклонением на юго-юго-восток. Между местами находок изваяний довольно правильные интервалы. Наибольшая концентрация их наблюдается у ст. Преградной. Сюда по долинам до границ горной области могли проникать скифские племена, оказывая на местное население свое влияние, и меотские племена. Примерно в этих же местах проходила и юго-восточная граница верхнекубанского локального варианта меотской культуры. Любопытно, что в классических районах Средней Кубани, вблизи от Краснодара, где меотская культура представлена особенно ярко, изваяния скифского времени интересующего нас круга пока еще не встречены.

P. N. Schultz, N. I. Navrotski

IDOLES DE L'EPOQUE SCYTHE DANS LE COURS DE KOUBAN

Résumé

A. A. Miller fut le premier dont l'attention était attirée par les idoles de l'époque scythe dans le cours de Kouban. Actuellement cinq idoles sont connues dont deux ont été découvertes ces dernières années. L'idole la plus ancienne est trouvée dans un tu-

[41] Е. П. Алексеева. Ук. соч., стр. 99—100; ее же. Памятники меотской и сармато-аланской культуры Карачаево-Черкесии. Тр. КЧНИИ, V, Ставрополь, 1966.

[42] А. П. Манцевич. Ук. соч., стр. 41—42, рис. 42; Сокровища скифских курганов..., стр. 119, табл. 318.

[43] В. Сысоев, Г. И. Куликовский, Е. Д. Фелицин. Ук. соч., стр. 140.

mulus près de la stanitsa Besskorbnaïa sur le cours d'eau Ouroup. L'akinak dont elle est «ceinturé» permet de l'attribuer au VI — début du V ss av. n. è. Elle est gardée dans le musée de l'histoire régionale d'Armavir. De par ses particularités elle se rattache aux idoles du cours de Dniepr et appartient au type scythe général. Elle ne possède pas encore de traits méotiques. Le type classique d'idole scythe est présenté par l'idole I de Krasnodar qualifiée, non sans raison, de statue par Miller. Elle est décorée de motifs zoomorphes: son pectoral est orné de l'image de cerf tandis que des deux côtés des épaulettes, sur le devant et le derrière, deux griffons sont figurés. L'idole est datée du V s. av. n. è. La troisième idole est trouvée dans un tumulus non loin de la métairie de Kovalevski. Elle est moins grande que celle de Krasnodar mais appartient au même type. Elle donne l'impression de mouvement et se date du IV s. av. n. è. La quatrième idole, la plus grande de toutes connues sur le littoral nord de la mer Noire, est découverte avec deux autres près de la stanitsa Prégradnaïa (deux figurations masculines et une féminine). L'identité du style et du matériel de fabrication fait supposer que cette triade appartenait au même temps et représentait la grande déesse des Méotes et deux divinités masculines qui lui étaient rattachés de telle ou telle façon. Ces monuments sont marqués par l'influence de la sculpture hellénique. Ils ont été créés à la limite des IV—III ss. av. n. è. sur les frontières orientales de l'extension de la civilisation méotique.

П. А. РАППОПОРТ

ТРУБЧЕВСК

Первое упоминание Трубчевска в русских летописях относится к 1185 г. В этом году князь Всеволод Святославич «из Трубецка» вместе со своим братом Игорем ходил походом на половцев [1]. Позднее, под 1223 г., в летописи отмечено, что трубчане, наряду с курянами и путивльцами, «кыйждо со своими князи» участвовали в битве на Калке [2]. Наконец, еще несколько позже, под 1232 г., упомянут принимавший участие в междоусобной борьбе князь Святослав Трубечьский [3]. Этим и ограничиваются упоминания Трубчевска в русских летописях вплоть до монгольского нашествия.

Таким образом, письменные свидетельства о древнейшей истории города Трубчевска крайне немногочисленны и чрезвычайно кратки. В «Списке русских городов» Трубческ (варианты — Трубеческ, Трубьческ) упомянут среди городов киевских [4]. С XIV в. Трубчевск находился под властью Литвы, а в самом начале XVI в. вошел в состав Московского государства. В настоящее время город Трубчевск — районный центр Брянской области.

Место древнего города — Трубчевское городище — находится на высоком правом берегу р. Десны и занято городским парком. Городище состоит из двух частей — очень маленького детинца и значительной по площади территории окольного города (рис. 1). Высота площадки городища над уровнем реки достигает 42 *м*; площадь городища около 4 *га*.

Детинец («Городок») занимает мыс, выдающийся в сторону реки. С напольной стороны детинец защищен валом, в средней части которого расположен проезд. Ров сильно искажен и разрыт при устройстве здесь в XIX в. искусственного пруда. «Городок» представляет собой городище юхновской культуры и имеет мощный культурный слой того времени [5]. Однако в обрезах валов этого городища находили фрагменты керамики XII—XIII вв. и обломки стеклянных браслетов. Очевидно, «Городок» был укреплен и валы его надсыпаны в XII в.

Окольный город («Соборная гора») с востока ограничен очень крутым склоном к реке, а с севера и запада его обходят большие овраги. Вершины этих оврагов были соединены рвом, в настоящее время в значительной степени засыпанным. По краю рва некогда проходил вал, полностью спланированный в конце XVIII в. [6] От вала сохранилось лишь незначительное повышение краев городища в его западной и северо-западной частях.

---

[1] Ипатьевская лет., 6693 г. В Лаврентьевской летописи под 6694 г.— «из Трубеча».

[2] Троицкая лет., 6731 г. (ПСРЛ, 1, СПб., 1846, стр. 217).

[3] Новгородская I лет., 6740 г.

[4] М. Н. Тихомиров. Список русских городов, дальних и ближних. Исторические записки, 40, 1952, стр. 223.

[5] **В. А. Падин.** Поселения домонгольского времени в районе Трубчевска. КСИИМК, 23, 1948, стр. 91.

[6] Вал этот еще существовал в 1781 г. (Путешественные записки Василия Зуева. СПб., 1787, стр. 131). В описании 1779 г. указано: «В городе крепость окопана рвом и осыпан вал землею...» (Тр. Орловской УАК, 1890, 3, Орел, стр. 25).

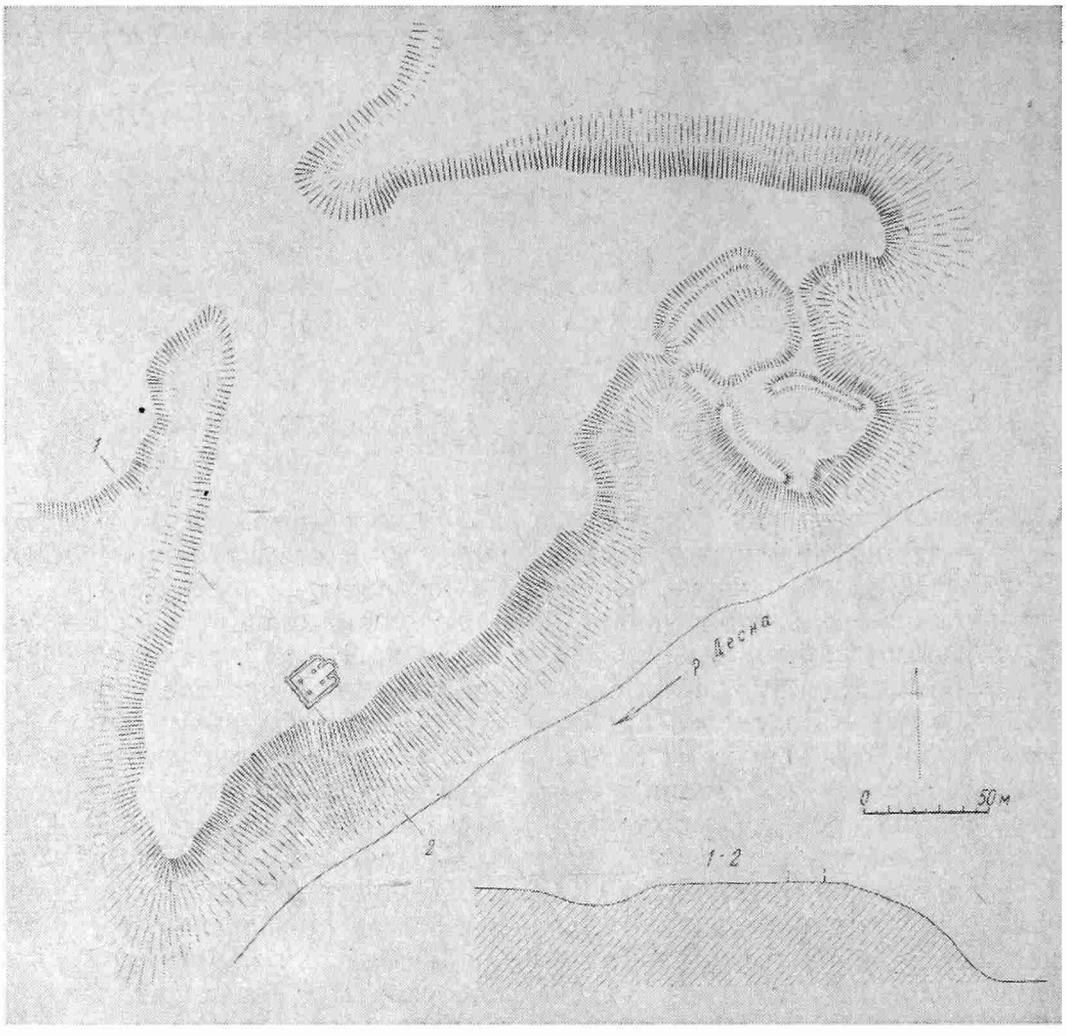


Рис. 1. Трубчевское городище. На план городища нанесен схематический реконструированный план храма XII в.

Окольный город, по-видимому, целиком относится к XII—XIII вв., так как культурный слой этого времени прослеживается по всей его территории.

Судя по данным В. П. Левенка и В. А. Падина, имевших возможность обследовать Трубчевское городище в тот период, когда здесь еще не были засыпаны траншеи военного времени в южной части окольного города культурный слой наиболее насыщен древнерусскими материалами [7]. Именно здесь были проведены раскопки в 1971 г.

Раскопки показали, что древний культурный слой городища сильно поврежден многочисленными ямами позднего времени, в основном XVII—XVIII вв. На некоторых участках древнерусский материал вообще почти полностью отсутствует. Тем не менее удалось все же обнаружить несколько неперекопанных участков, изучение которых позволило дать общую характеристику культурного слоя. Выяснилось, что материалы, относящиеся к юхновской культуре, в южной части городища встречаются в крайне незначительном количестве. Несколько больше найдено роменской керамики. В. П. Левенок и В. А. Падин отмечали наличие здесь роменских полуземляночных жилищ, а раскопками 1971 г. вскрыта хозяйственная яма этого времени [8]. Тем не менее сплошной роменский культурный слой отсутствует.

---

[7] Выражаю искреннюю признательность В. П. Левенку (Ленинград) и В. А. Падину (Трубчевск) за помощь и советы.

[8] О наличии в Трубчевске остатков жилищ VIII—X вв. см., например, В. А. Падин. Памятные места Трубчевского района. Брянск, 1968, стр. 15.

Весь культурный слой целиком относится к XII—XIII вв. В самых нижних отложениях, непосредственно на материке, встречаются керамика XII в., обломки стеклянных браслетов и другие материалы, свидетельствующие о том, что город был основан в середине или даже второй половине XII в. В то же время верхние прослойки культурного слоя, судя по находкам, не выходят за пределы XIII в. Поздние наслоения (начиная с XVI в.) с основном встречаются в заполнениях ям, а не в виде сплошного культурного слоя.

Материалы, найденные при раскопках, обычны для древнерусских городов. Это обломки стеклянных браслетов, шиферные пряслица, ножи, оселки,

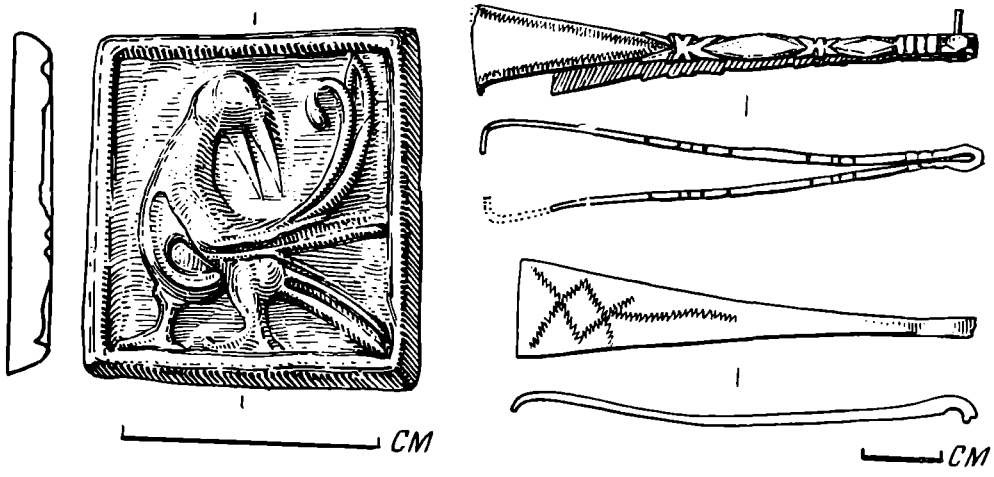


Рис. 2. Находки из культурного слоя. Бронзовые пинцеты и матрица

несколько фрагментов стеклянных перстней, трубчатые замки, железные кольца и пробои, гвозди, два пинцета, рыболовный крючок, наконечник стрелы и пр. (рис. 2).

Наиболее массовый материал, как обычно, керамика. Это почти исключительно горшки. Все они изготовлены на круге из хорошо отмученной глины с примесью очень мелкого песка. Тесто в изломе большей частью красновато-бурое, очень редко белое или желтовато-розовое, звонкое, очень прочное. Почти все черепки тонкостенные. Орнамент (линии или волна) встречается крайне редко; бóльшая часть сосудов не орнаментирована. Также редко встречается ангобированная керамика. Соотношение черепков с различным цветом глины, так же как и соотношение орнаментированной и неорнаментированной керамики, приблизительно одинаково во всех уровнях культурного слоя — сверху донизу. Однако соотношение черепков, равномерно прожженных насквозь (горновой обжиг) и имеющих неоднородную, трехслойную структуру (печной обжиг), неодинаково. В нижних частях культурного слоя, близ материка, горновая керамика составляет всего от 39 до 40%, а в верхних — уже от 73 до 78%.

Наряду с керамикой во всех раскопках найдены многочисленные кости животных [9].

В южной части городища, почти у самого мыса, были раскопаны остатки наземного срубного жилища [10]. Северная стена этого жилища была прослежена на всю ее длину — 4,4 *м*. На углу сохранились остатки рубленных в обло трех нижних дубовых венцов. Выявлены следы деревянного пола. Снаружи, на расстоянии около 30 *см* от сруба, вдоль его северной и, по-видимому, западной стен лежали остатки второго, наружного венца. Южная

[9] По определению Н. М. Ермоловой, кости коровы составляют 38% от всех костей (или 21% от количества особей), домашней свиньи — 28% (29%), овцы — 14% (21%), диких животных (в основном кабан и лось) — 16,5% (14%).

[10] Раскопками на этом участке руководила Е. В. Шолохова.

половина жилища была разрушена поздними ямами. В северо-западном углу помещения была расположена круглая хозяйственная яма. Кое-где под срубом найдены комья слежавшейся щепы с навозом, свидетельствующие, что сруб жилища рубился здесь же на месте. Поверх жилища лежал слой глины толщиной около 30 *см*, возможно рухнувший вместе с перекрытием. В жилище были найдены фрагменты керамики XII—XIII вв., мелкие кости животных, рыбья чешуя, обломок ножниц, несколько обломков стеклянных браслетов, обломок стеклянного перстня.

Ниже, под жилищем, обнаружены остатки другого, также наземного жилища, от которого сохранились лишь небольшие участки деревянного пола и основание большой круглой глинобитной печи. Еще ниже удалось выявить небольшую заглубленную в грунт постройку. Неправильная четырехугольная форма плана, очень малая ширина (всего 2,4 *м*) и расположение печи в торце, у середины короткой стены, дают основания полагать, что это было не жилое, а хозяйственное или производственное сооружение. Пол постройки был подмазан слоем глины толщиной около 4 *см*, в полу множество ямок от кольев. Находки в этой постройке — фрагменты керамики XII—XIII вв. и множество рыбьей чешуи. Наконец, еще ниже, на материке, выявлены остатки четвертой постройки, от которой сохранились лишь участки обмазанного глиной пола и ровики, ограничивавшие ее с двух сторон. Назначение и устройство этой постройки совершенно неясны.

* * *

Наиболее интересный результат раскопок 1971 г. — открытие остатков древней кирпичной церкви, залегавших под существующим зданием Троицкой церкви. Трубчевская соборная Троицкая церковь была построена в 1784 г.[11]. В 1824 г. у ее западного фасада была сооружена колокольня, а в 1910 г. к северо-восточному углу пристроен так называемый Ниловский придел. В остальном здание не подвергалось существенным переделкам и представляет собой хороший памятник архитектуры эпохи позднего барокко (рис. 3, *1*). В нижнем, полуподвальном этаже церкви имеется квадратное помещение со сводами, опирающимися на расположенный в центре круглый столб. В этом помещении находятся гробницы князей Трубецких, относящиеся к XVI в.[12]. Несомненно, что помещение усыпальницы представляет собой подклет более раннего храма, включенного в XVIII в. в состав новой постройки. При этом от первоначальной постройки сохранились стены усыпальницы, а возможно, и ее свод. Вокруг центрального помещения с трех сторон обходила галерея. Обрубленные пяты арок, перекрывавших галерею, и сейчас хорошо видны в подвале церкви, на наружных стенах усыпальницы. В южной стене усыпальницы целиком сохранилось окно, выходившее в галерею.

Раскопками удалось установить как размеры галереи, так и форму первоначальной апсиды, что дает взможность схематически реконструировать план нижнего этажа храма (рис. 3, *2*). Расположенное над подклетом-усыпальницей основное помещение церкви было несомненно бесстолпным. Церковь-усыпальница Трубецких была, видимо, построена между 1503 г., когда Трубчевск по договору перешел под власть Москвы, и 1520 г., к которому относится наиболее раннее погребение в этой церкви.

Небольшие квадратные бесстолпные храмы появились в Москве в конце XV в. и получили особенно широкое распространение в первой половине XVI в.[13]. Правда, храмы эти, как правило, не имели подлета. Однако из-

---

[11] Опись делам Орловской духовной консистории 1789 г. (Тр. Орловской УАК, 1890, 2, стр. 21).

[12] Е. Э. Трубецкая. Сказания о роде князей Трубецких. М., 1891, стр. 364; В. П. Левенок. Надгробия князей Трубецких. СА, 1960, 1, стр. 245.

[13] Л. А. Давид. Церковь Трифона в Напрудном. Сб. «Архитектурные памятники Москвы XV—XVII века». М., 1947, стр. 51.

вестны все же примеры подобных церквей, поднятых на подклет. По-видимому, именно так была, например, построена в 1514 г. церковь Ивана Предтечи, «что под бором» в Москве [14]. В применении же к четырехстолпным храмам прием поднятия церкви на подклет и устройства при ней галереи как раз очень типичен для конца XV и первой половины XVI в. Трехлопастная форма апсиды Трубчевской церкви имеет ближайшую аналогию в церкви-усыпальнице Нагих в Благовещенском погосте, построенной в

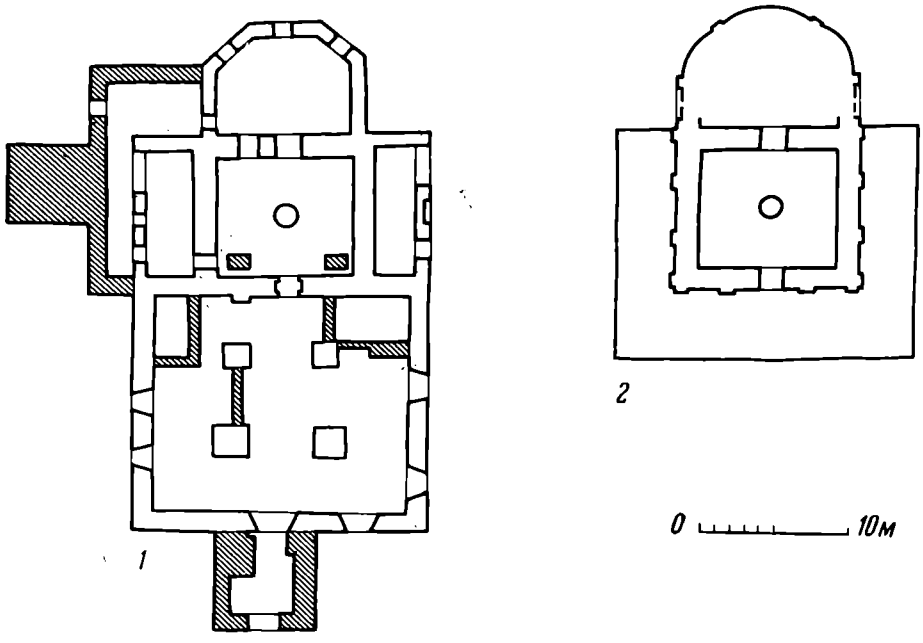


Рис. 3. Троицкая церковь в Трубчевске:

1 — план церкви XVIII в. (штриховкой выделены более поздние пристройки); *2* — схематическая реконструкция плана церкви XVI в.

1501 г. [15]. Все эти аналогии подтверждают предположение о постройке Трубчевской церкви-усыпальницы в первой четверти XVI в.

Под руинами церкви XVI в. раскопками были вскрыты остатки гораздо более древнего храма, относящегося к XII—XIII вв. Эта нижняя церковь сохранилась очень плохо. Вокруг церкви XVI в. (а частично и в ее галерее) в течение длительного времени производили захоронения. Особенно много погребений относится к XVII и XVIII вв. Некоторые погребения перерезают друг друга; встречаются и коллективные могилы (до пяти скелетов вместе). Погребения производили на значительную глубину и при этом во многих случаях уничтожали не только стены, но и фундаменты древнего храма. Кроме того, церковь XII в. в значительной своей части лежит под более поздней постройкой. Раскопки были проведены не только вокруг существующего здания, но также внутри Ниловского придела и в подклете трапезной, однако в пределах усыпальницы и апсиды раскопки не производились, чтобы не повредить памятник XVI в.

В результате раскопок были выявлены далеко не все части древнего здания. Была раскопана значительная часть центральной апсиды, а также примыкающая к ней стенка, отделяющая эту апсиду от северной (рис. 4 и 5). От северной апсиды был найден лишь маленький кусок наружной поверхности, в месте примыкания к центральной апсиде. Целиком раскопан северо-восточный подкупольный столб. Найден большой участок западной стены храма, к сожалению настолько разрушенный, что на нем сохранилось лишь несколько маленьких кусков фасадной поверхности. Наконец, в

[14] П. Б. Юргенсон. Церковь Иоанна Предтечи, что под Бором в Москве. Материалы по истории русского искусства, I, МГУ, М., 1928, стр. 11.

[15] Н. Н. Воронин. К истории русского зодчества XVI века. Сб. I. Бюро по делам аспирантов ГАИМК. Л., 1929, стр. 85.

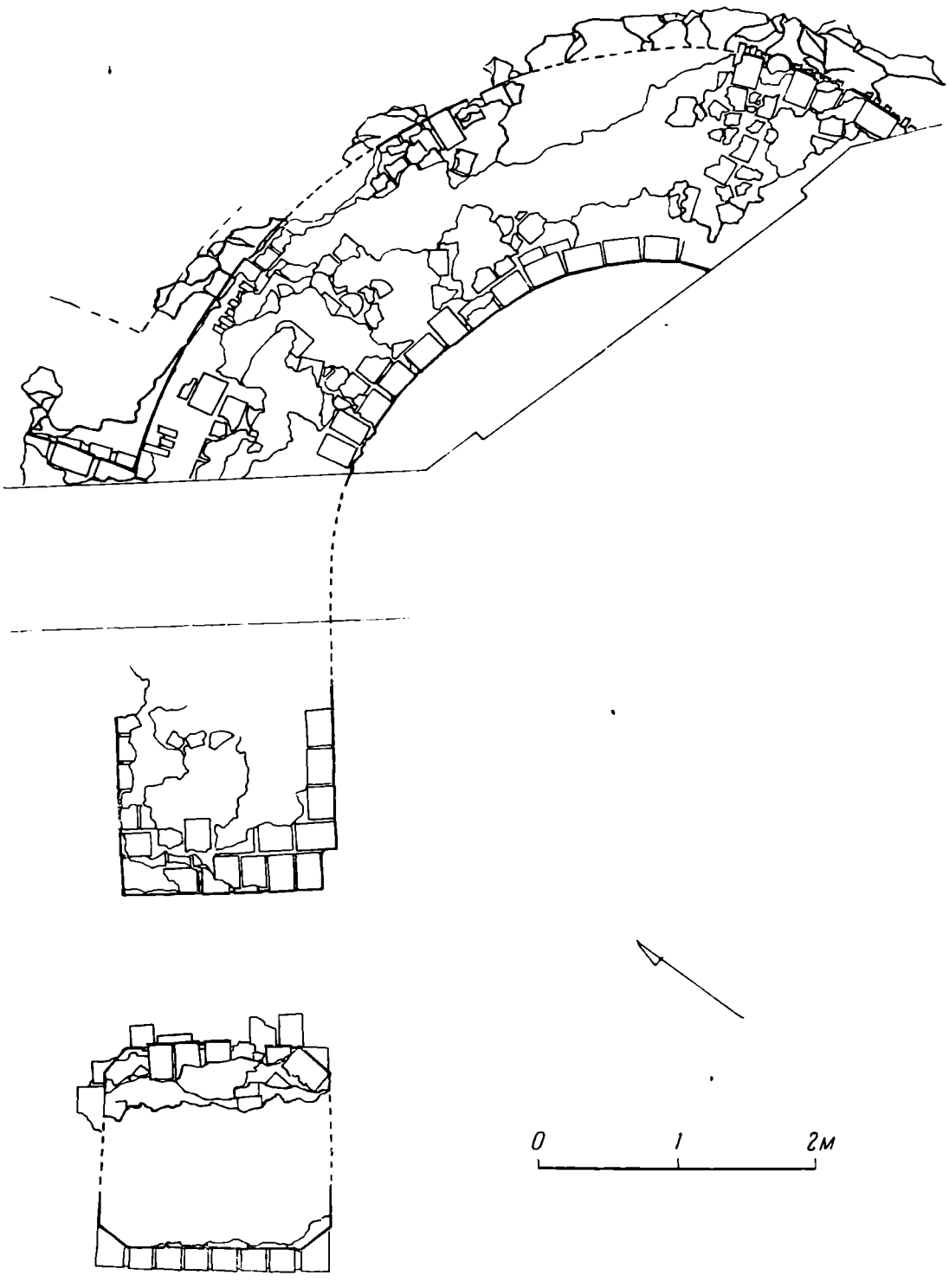


Рис. 4. Трубчевская церковь. Раскопанный участок

районе северо-западного угла храма обнаружен незначительный участок фундамента. Все остальные части древнего здания либо полностью уничтожены, либо лежат под усыпальницей Трубецких (южная апсида, оба южных столба, вся южная стена древнего храма). Конечно, для полной реконструкции плана древнего памятника раскопанных участков здания недостаточно. И все же общая схема плана может быть восстановлена с достаточной уверенностью (рис. 6).

Трубчевская церковь представляла собой трехапсидную четырехстолпную постройку. Общая длина ее 19,8 *м*. Ширина определяется с меньшей точностью, так как ни одного куска северной или южной стены не было обнаружено. Минимальная ширина здания, определяемая куском фундамента у северо-западного угла, приблизительно 15 *м*. Ширина подкупольного

пространства 4,7 *м*. Размер подкупольного пространства вдоль здания, судя по аналогиям, был, вероятно, несколько больше его ширины.

Толщина стен, определенная на центральной апсиде и стенке, разделяющей апсиды,— 1,50—1,57 *м*. Толщину стен основного четверика храма определить не удалось. Подкупольные столбы в плане приблизительно квадратные, со скошенными углами. Раскопанный северо-восточный столб оказался не вполне правильным квадратом; в направлении восток — запад столб имеет размер 1,50 *м*, а в направлении север — юг — 1,60—1,68 *м*.

Остается открытым вопрос, имел ли храм с юга и севера притворы (или апсиды по типу Путивльской церкви). Судя по тому, что с запада притвора не оказалось, более вероятно, что храм вообще не имел притворов. Ось храма обращена на северо-восток (азимут 54°).

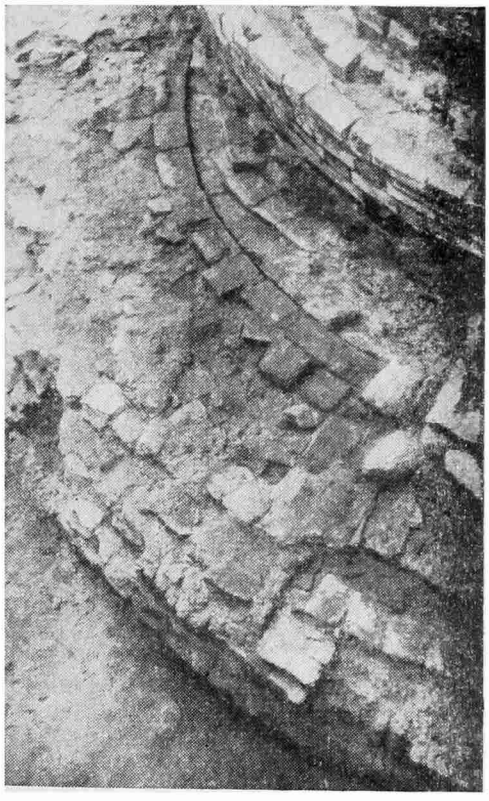


Рис. 5. Центральная апсида Трубчевской церкви

Стены церкви были целиком сложены из кирпичей (плинфы), без применения камня. Толщина кирпичей 4—4,5 *см*. Лишь 10% кирпичей имеют меньшую толщину (3,5 *см*), а 4% несколько большую толщину (до 5 *см*). Ширина колеблется в пределах от 16 до 18 *см*, а длина — от 24,5 до 26 *см*. Кирпичи хорошо формованы и хорошо обожжены; цвет их в большинстве красный, тесто хорошо промешано. Изредка встречаются кирпичи, имеющие в изломе розовато-желтый цвет и раковистую структуру. Кирпичи прочные.

Найдено довольно значительное количество лекальных кирпичей, в основном двух типов: кирпичи с полукруглой стороной (полуколонки) и кирпичи с одним скругленным углом, т. е. четвертью круга. Кирпичи полуколонок имеют, как правило, меньшую ширину, чем обычные (15—15,5 *см*), хотя встречаются полуколонки и нормальной ширины. Кирпичи с четвертью круга имеют размеры, совпадающие с размерами прямоугольных кирпичей. Как те, так и другие лекальные кирпичи встречаются в несколько ином варианте: с боковыми сторонами не параллельными, а слегка расширяющимися в сторону от круглой части. Найдено несколько кирпичей трапециевидной формы (высота трапеции 17 *см*, основания 17 и 26 *см*, при толщине 4,5—5,0 *см*). На торцах кирпичей довольно часто встречаются выпуклые знаки (рис. 7). Отмечено, что знаки эти встречаются и на лекальных кирпичах с четвертью круга. В одном случае на торце кирпича были расположены сразу четыре знака (рис. 8).

Раствор в кладке известковый, жирный, розового цвета. Он одинаков во всех частях здания. Вместо песка в растворе находится тонко измельченный известняк. Тесто раствора хорошо промешано. Имеются включения мелких кусочков кирпича (цемянка), а также как мелкие, так и более крупные кусочки известняка. Благодаря присутствию мелкой кирпичной пудры раствор имеет розовый цвет даже там, где не видно добавки кусочков кирпича.

Кладка исполнена с горизонтальными швами, имеющими толщину, приблизительно равную толщине кирпичей. Вертикальные швы большей частью гораздо тоньше. На фасадах раствор между рядами кирпичей довольно аккуратно затерт и слегка подрезан к кирпичам нижнего

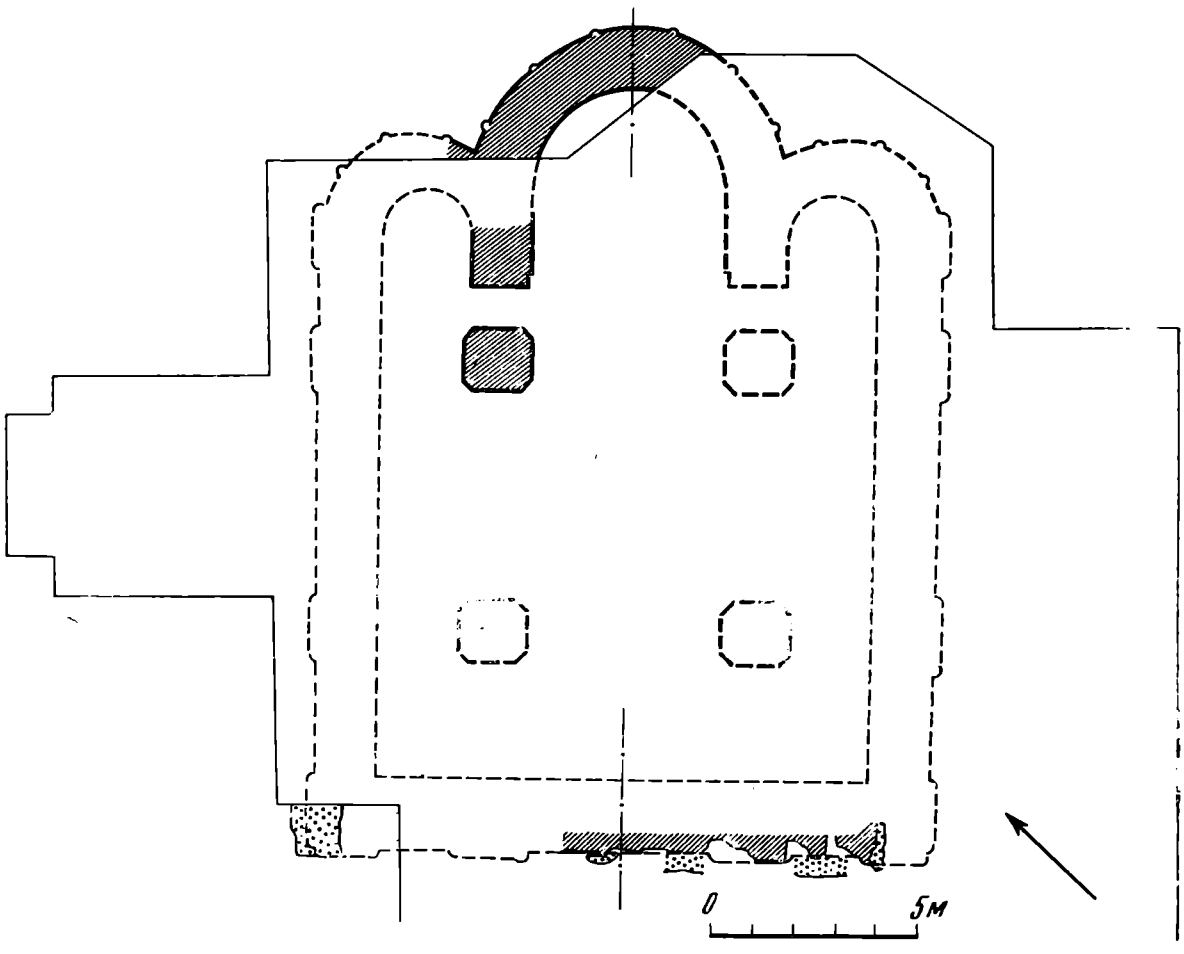


Рис. 6. Схематическая реконструкция плана Трубчевской церкви

ряда. Вдоль поверхностей стен уложены цельные кирпичи, образующие на лицевых поверхностях сплошные тычковые или ложковые ряды. Внутреннее пространство стен выполнено из обломков кирпичей, уложенных без определенного порядка, но со строго выдержанными горизонтальными швами. Систему чередования выходящих на фасад тычков и ложков кирпичей удалось проследить лишь на одном участке наружной стенки центральной апсиды (рис. 9, *3*). Здесь нижний ряд, лежащий непосредственно над фундаментом, оказался смешанным: на участке, примыкающем к северной апсиде, это был ложковый ряд, а ближе к середине апсиды он переходил в тычковый. Выше ряды чередовались: второй ряд был целиком тычковым, третий — ложковым, четвертый опять тычковым и пятый — вновь ложковым.

Фундамент храма был исследован у наружной стороны центральной апсиды, у торца стенки, отделяющей эту апсиду от северной, и у северо-восточного подкупольного столба, с восточной ее стороны и частично с западной (рис. 10). Выяснилось, что в верхней части фундамент несколько шире стен (на 20—30 *см*), а книзу он сужается и у основания делается примерно равным толщине стен. Глубина фундамента апсиды 1,3—1,5 *м*. Фундамент врезан в почву, представляющую собой различные прослойки культурного слоя и суглинка; нижние 20—30 *см* фундамента врезаны в материковый лёссовидный суглинок. От нижней части стены к фундаменту сделан отлив из раствора, слегда заходящий на верхние камни фундамента.

Верхняя часть фундамента состоит из слоя камней (мергель), имеющих размер 15—20 *см*, изредка до 40 *см*. Камни эти лежат в слое очень чистого и мелкого песка. Толщина слоя камней около 15—20 *см*. Ниже идет мощный слой такого же тонкого и чистого песка, но не белого, а светлого серо-зеленого цвета. В этом песке залегают прослойки битого кирпича. Прослойки имеют толщину около 20 *см* и отделены друг от друга слоями

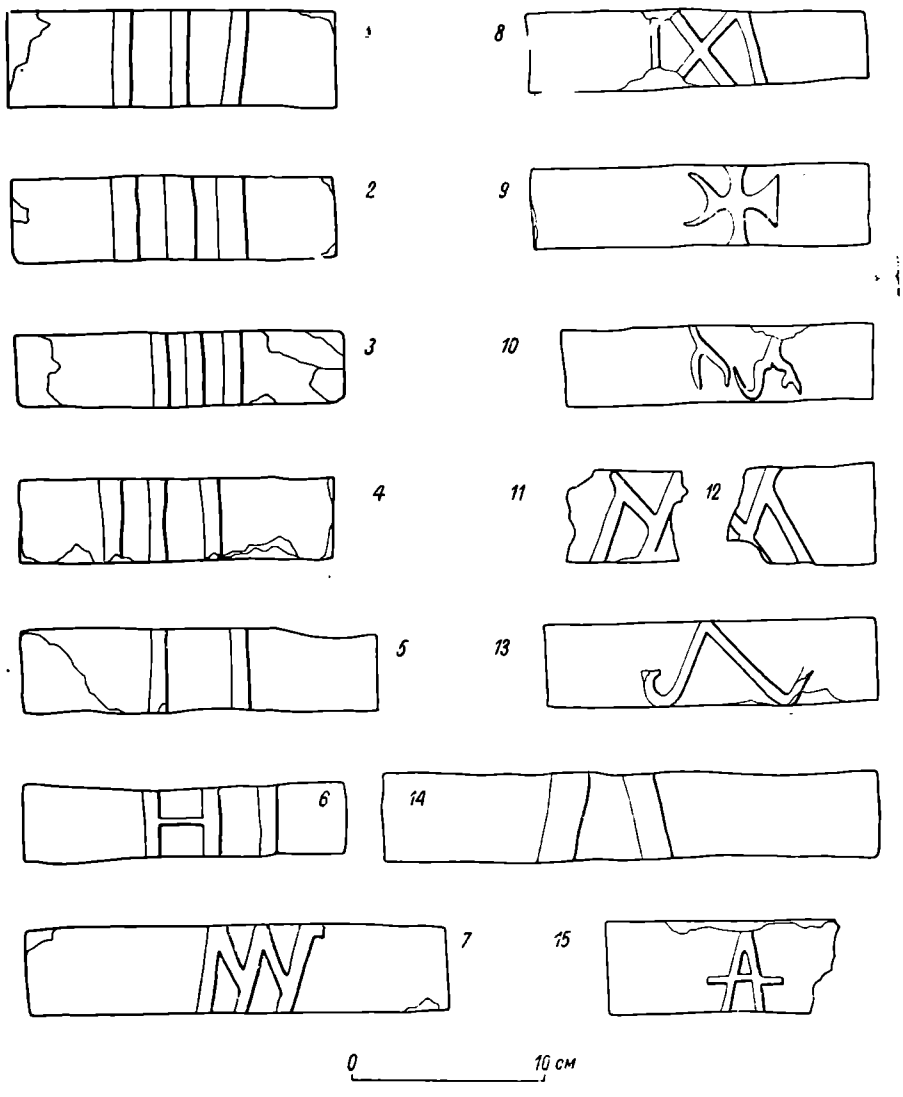


Рис. 7. Знаки на кирпичах

песка примерно такой же толщины. Впрочем, такое регулярное чередование прослоек прослеживается не везде. Все кирпичи в фундаментных прослойках не были в употреблении; лежат они крупными кусками — до $^1/_2$ кирпича. Можно отметить, что наряду с кирпичами хорошего качества в фундаменте использованы многочисленные бракованные кирпичи (недожог, пережог, плохо перемешанное тесто), которых почти нет в кладке стен. Здесь найдены также куски кирпичей со знаками, но не обнаружено ни одного обломка лекальных кирпичей. Наряду с кирпичными прослойками в песке (особенно у наружного края фундамента) встречаются и камни, иногда довольно крупные. В самом основании фундамента в слое белого песка лежат большие камни (кварцит, гранит); толщина этого слоя около 20 *см*.

У северной апсиды обнаружено необычное явление: фундамент здесь имеет очень большую ширину и отступает от стенки апсиды наружу на 1 *м*. Неясно, связано ли это с тем, что первоначально боковые апсиды должны были иметь иную конфигурацию, или же это просто следствие неточной разбивки фундамента.

Фундамент северо-восточного подкупольного столба имеет некоторые отличия. Глубина его на 20 *см* меньше, а подошва лежит поэтому непосредственно на поверхности материка. Кроме того, в основании столба залегает вымостка из четырех рядов кирпичей. Ширина этой вымостки местами достигает 50 *см*. Вымостка исполнена на известковом растворе, совершенно

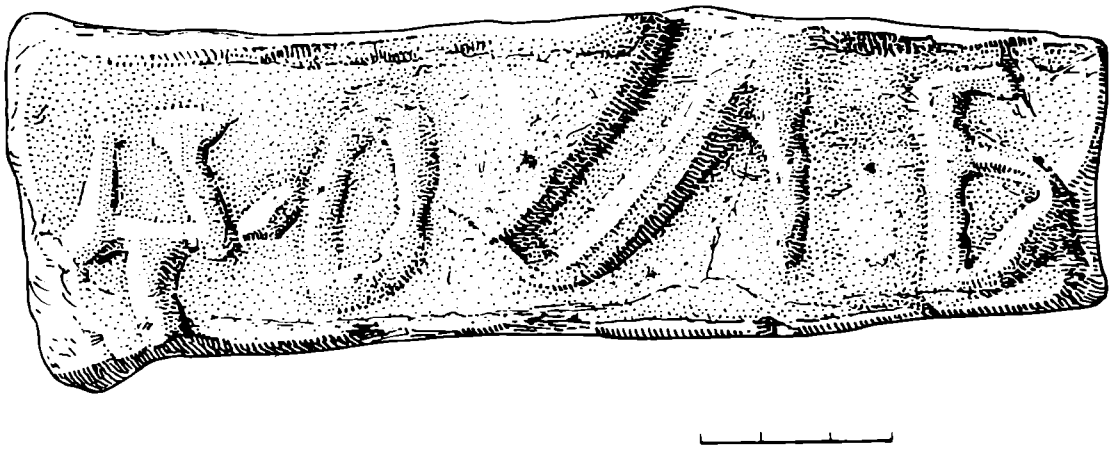


Рис. 8. Знак на кирпиче

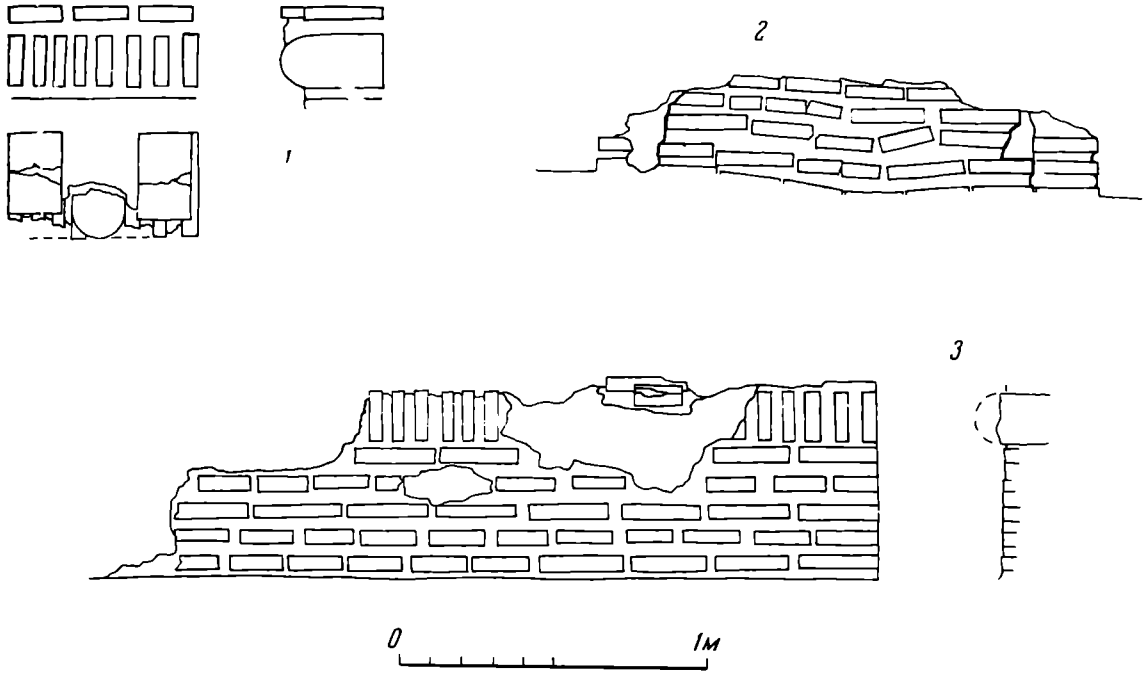


Рис. 9. Детали кладки:

1 — полуколонка на центральной апсиде; *2* — западный фасад северо-восточного подкупольного столба; *3* — участок фасада центральной апсиды

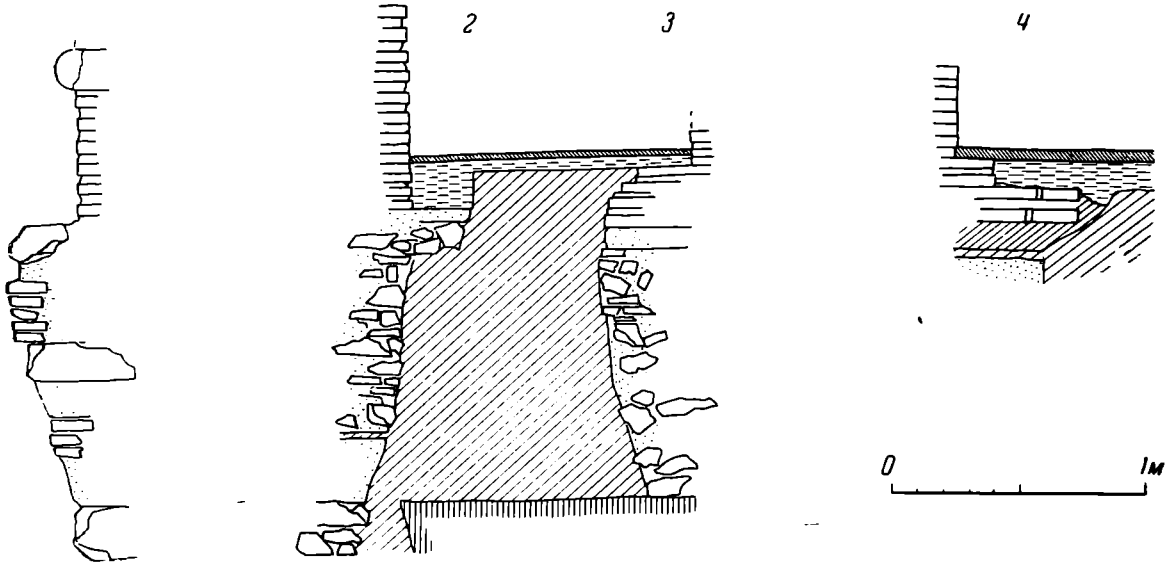


Рис. 10. Фундаменты:

1 — наружная сторона центральной апсиды; *2, 3* — проем между апсидами и северо-восточным столбом; *4* — западная сторона северо-восточного столба

так же, как кладка самого столба. Под вымосткой начинается фундамент — серо-зеленый песок с прослойками битого кирпича.

На участке между апсидной стенкой и подкупольным столбом, а также к западу от этого столба удалось проследить слои, являющиеся основой пола древнего храма. Поверх черной земли здесь проходит слой красной глины, имеющий толщину от 5 до 11 *см*. Местами у стен слой этот имеет утолщения до 18 *см*. Поверх красного слоя проходит прослойка чистого коричневого суглинка толщиной 2—5 *см*. Слои эти строго горизонтальны.

Рис. 11. Деталь полуколонки на центральной апсиде

Близ северной стороны стенки, разделяющей апсиды, т. е. на площадке северной апсиды, поверх слоя суглинка лежали плитки пола. Они лежали в беспорядке, многие в перевернутом положении. Плитки квадратные, со сторонами 135—145 *мм*. Тесто плиток двух типов: красное однородное, напоминающее кирпич, и розовое слоистое, с пятнами извести. Красные имеют толщину 22—27 *мм*, а розовые — 18—23 *мм*. Большинство плиток имеет скошенный край, но есть и с вертикальным краем. На некоторых сохранились остатки поливы: зеленой и коричнево-вишневой.

Для выяснения форм декоративного убранства стен храма данных имеется значительно меньше, чем материалов по его строительной технике. На наружной стене центральной апсиды выше 6-го ряда кирпичей проходил горизонтальный валик, выполненный из положенных на ребро лекальных кирпичей (рис. 9, *3* и 11). Почти все эти кирпичи оказались полуобломанными, но их задняя, прямоугольная часть, заложенная в кладку, сохранилась на нескольких участках апсиды. На горизонтальный валик опирались вертикальные колонки из таких же лекальных кирпичей (рис. 9, *1*). К сожалению, сохранились остатки лишь одной такой колонки, и поэтому ритм расстановки колонок на апсиде установить невозможно.

На вскрытом участке стены северной апсиды ни валика, ни колонок не сохранилось, однако есть явные следы того, что подобный прием имел место и здесь: над 6-м рядом кладки кирпичная забутовка средней части стены доходит как раз до той линии, где должны были начинаться положенные на ребро лекальные кирпичи валика.

Еще гораздо меньше данных имеется для реконструкции системы декоративного убранства стен храма. На западном фасаде сохранился небольшой участок плоскости лопатки. Однако по этому участку нельзя судить о том, была ли лопатка одно- или двухступенчатой и имела ли посредине полуколонку. Быть может, некоторые указания на характер профилировки дает тот факт, что в районе апсиды было найдено много лекальных кирпичей-полуколонок, тогда как около стен таких кирпичей было мало, но зато находили много лекальных кирпичей с четвертью круга. Очень возможно, что такие кирпичи использовались для выкладки лопаток; если это так, то лопатки, видимо, имели скругленные края. На схеме реконструкции плана лопатки показаны условно.

Полное отсутствие остатков штукатурки свидетельствует о том, что церковь не была внутри оштукатурена и расписана.

Время сооружения Трубчевской церкви в общих чертах ясно. Формат кирпича, форма подкупольных столбов, применение тонких полуколонок на фасадах характерны для памятников конца XII — первой половины XIII в. Сходство ряда плановых черт и декоративных элементов с такими сооружениями, как церковь Апостолов в Белгороде и Пятницкая церковь в Чернигове, позволяют относить Трубчевский храм к южнорусской, поднепровской группе памятников [16]. Строительно-технические особенности и в особенности многочисленные знаки на кирпичах дают основания уточнить это положение и включить Трубчевский храм в число памятников черниговской архитектурной школы. Дальнейшие исследования покажут, не является ли этот памятник вместе с храмом в Путивле представителем особой, северской ветви черниговской школы [17].

Время разрушения Трубчевского храма неизвестно. В начале XVI в. стены его, видимо, имели еще значительную высоту, поскольку в основании новой церкви был устроен цоколь из древних кирпичей; получить такое количество цельных плинф можно было, только разбирая большие участки кладки. Просадка нижних рядов кладки северо-восточного столба, выявленная при раскопках, не могла служить причиной разрушения здания, поскольку вышележащие ряды кладки остались недеформированными (рис. 9, *2*).

Можно высказать некоторые предположения о первоначальном наименовании памятника. Церковь, существовавшая в Трубчевске до перестройки 1784 г., так же как и более поздняя, называлась Троицкой. Название это было дано храму в 1646 г., после изгнания из города поляков и переустройства здания из костела в православную церковь [18]. Однако вплоть до конца XVIII в. наряду с основной церковью в нижнем этаже существовала вторая, холодная церковь во имя Иоанна Воина [19]. На потире 1776 г., хранившемся в церкви, было написано, что он изготовлен для «церкви соборной Иоанна Воина». Известна еще более ранняя надпись: на колоколе 1677 г. было отмечено, что он предназначался для «соборной церкви живоначальной Троицы и церкви Иоанна Богослова» [20]. Таким образом, первоначально нижняя церковь, очевидно, называлась церковью Иоанна Богослова.

Очень вероятно, что название нижней части здания сохраняло по традиции более раннее наименование всего храма.

Раскопки, проведенные в Трубчевске в 1971 г., несмотря на их небольшой объем, дали существенные новые материалы для характеристики древнего города. Выяснилось, что древнерусский Трубчевск возник в XII в., причем, по-видимому, не в начале этого века, а скорее в середине или второй его половине. Расцвет города падает на вторую половину XII и первую половину XIII в. Большая площадь укрепленной территории, так же как и наличие кирпичной церкви, свидетельствуют о том, что город имел в эту пору большое политико-административное значение. Вероятнее всего, что такое значение города было связано с созданием здесь самостоятельного княжеского удела. С этим хорошо согласуются и летописные сведения, которые во всех случаях упоминают не сам город Трубчевск, а трубчевских князей.

---

[16] Ю. С. Асеев. Зодчество Приднепровской Руси конца XII — первой половины XIII веков. Автореф. докт. дис. М., 1971, стр. 24.

[17] О раскопках церкви в Путивле см.: В. А. Богусевич. Розкопки в Путивльскому Кремлі. Археологія, XV, 1963, стр. 165; Б. А. Рыбаков. Раскопки в Путивле. АО — 1965. М., 1966, стр. 154.

[18] Г. М. Пясецкий. История Орловской епархии. Приложение к «Орловским епархиальным ведомостям». Орел, 1899, стр. 143.

[19] Метрика церкви. Архив ЛОИА, Р. III, арх. № 4544.

[20] Там же.

Известно, что предмонгольский период русской истории характеризуется усилением процесса феодального дробления и сложением все более мелких самостоятельных политических образований. Не во всех русских княжествах этот процесс шел одинаково быстро, но Северская земля принадлежала к тем районам, где он проходил особенно интенсивно. Древнейшая история города Трубчевска является наглядной тому иллюстрацией.

P. A. Rappoport

TROUBTCHEVSK

Résumé

Dans l'article sont exposés les résultats des fouilles de 1971 sur le territoire de la ville médiévale russe de Troubtchevsk. Il a été établi que la couche de civilisation toute entière se rapporte aux XII—XIII ss mais elle est considérablement dérangée par les édifices plus récents. On a réussi à reconstituer le type des habitats de XII—XIII ss. C'étaient les maisons à charpente construites à la surface du sol aux foyers circulaires en terre battue.

La découverte des vestiges d'une eglise en pierre érigée à la fin du XII ou au début du XIII ss. est du plus grand intérêts. L'église était à quatre piliers, à trois apsides. La forme architecturale et la technique de la construction de l'édifice le font attribuer au groupe méridional (de Tchernigov) des monuments de l'ancienne architecture russe.

Н. Д. АКСЕНОВА

ЖИЛЫЕ ДОМА В БОЛГАРАХ В РАЙОНЕ ХАНСКОЙ УСЫПАЛЬНИЦЫ И МАЛОГО МИНАРЕТА

(По материалам раскопок 1967—1971 гг.)

В ходе раскопок Болгарского городища в районе Ханской усыпальницы и Малого минарета в 1967—1971 гг. вскрыты жилые постройки, снабженные отопительной системой типа канов. Постройки относятся к концу XIII — середине XIV в.

Дом № 3 (раскоп XVII 1967 г. и раскоп XXVII 1968 г.) [1] располагался вблизи Малого минарета, к востоку от него. Хорошо сохранились отопительное устройство, рабочее место истопника, исследованы остатки пола, ямы-хранилища в подполье и следы деревянных конструкций дома (рис. 1).

Отопительная система представлена печью, обогревательными каналами, поддувалом и выводной трубой.

Печь (на глубине 102 *см*) в плане образует неправильный круг (диаметр 170 *см*, топочной камеры — 106 × 110 *см*), перекрытие ее сферическое, толщина стенок 20—30 *см*, сложена из нерегулярных плит песчаника на глиняном растворе, высота 100 *см*. Чело печи с вертикальными стенками, сохранившимися на высоту 47 *см*, облицовано сырцовым кирпичом размером 6,5 × 27, 5,5 × 15 *см*. Длина и ширина устья топки 40 *см*. Перекрытие чела не сохранилось, но прослежен завал кусков глиняной прокаленной обмазки и кирпичного щебня. Под печи и чела расположен на глубине 200 *см*, выложен хорошо подогнанными гладкими плитами песчаника и покрыт слоем (до 3 *см*) плотной слежавшейся золы.

Из верхней части печи с южной стороны выходят два канала и проходят под полом жилой постройки, ширина их у выхода 20—26 *см*. Далее — до 36 *см*, высота 20—30 *см*. Вблизи выхода из печи на длину 100 *см* они сложены из камней песчаника на глиняном растворе, на остальном протяжении из сырцового кирпича размеров 4—6 × 8—12 × 16—22 *см*. Перекрыты каналы плитами песчаника 10 × 30 × 50, 10 × 50 × 60 *см*. Первый канал тянется сначала в западном направлении на 6 *см*, затем поворачивает плавной дугой и идет в южном направлении на 5 *м* и опять, судя по сохранившимся фрагментам, поворачиваясь дугой, тянется на восток на 4 *м*, кончаясь в выводной трубе. Второй канал, выйдя из печи, тянется в юго-западном направлении, выгибаясь дугой к востоку, и соединяется с первым близ выводной трубы. Стенки и дно каналов прокалены, дно покрыто слоем золы и сажи до 3 *см*. Сложены каналы в вырытом для них котловане.

Роль поддувала — сифона выполняют два канала, которые, как и отопительные, располагались под полом дома. Ширина их 30—36 *см*, сохранившаяся высота 10 *см*. Сначала каналы сифона тянутся параллельно второму отопительному каналу, разделяясь лишь стенкой в 30 *см*, сложенной из

[1] Ю. А. Краснов, А. П. Смирнов, Т. А. Хлебникова. Новые данные по истории города Болгара. СА, 1969, 1, стр. 211.

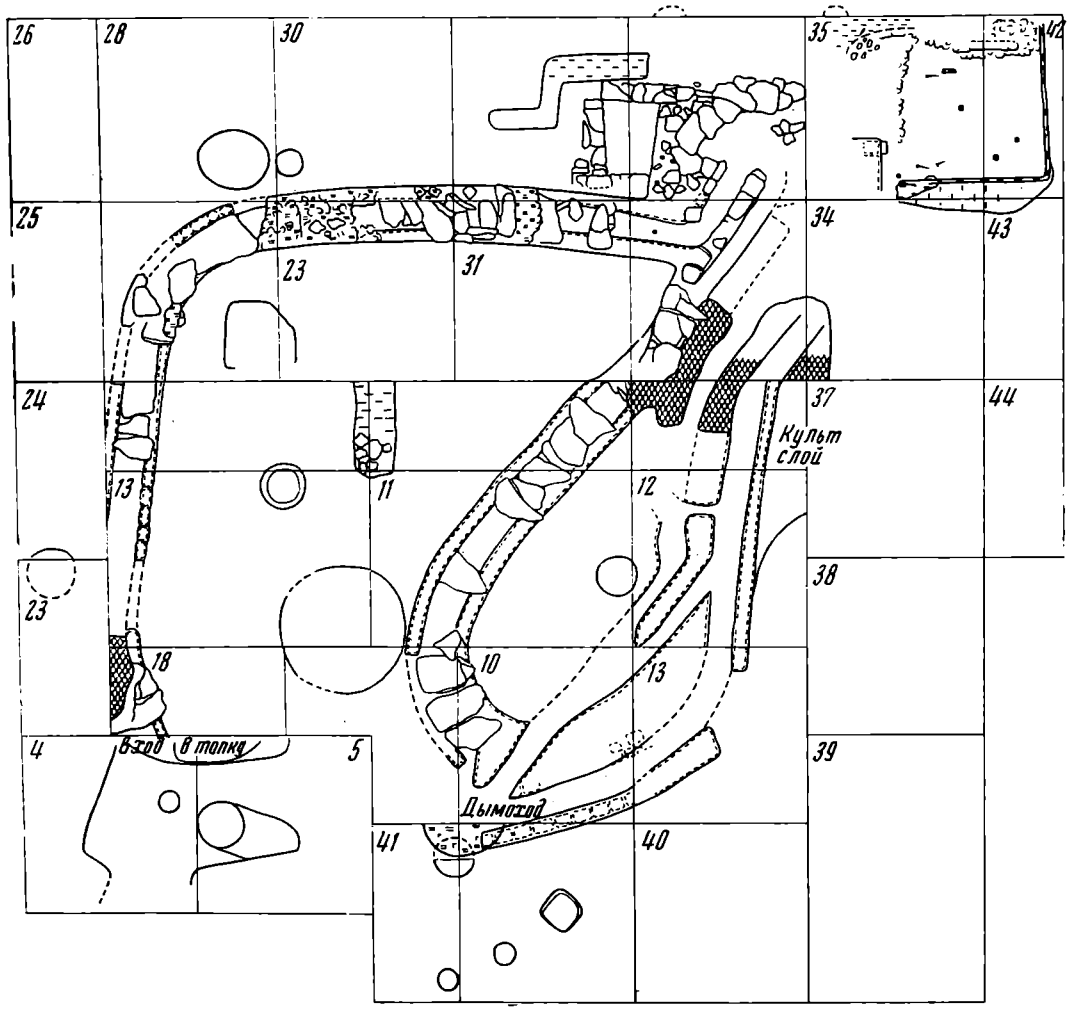


Рис. 1. План развалин дома № 3

сырца, затем второй канал сифона отходит от первого и тянется в южном направлении. Стенки этих каналов не имеют следов прокала, закопченность прослеживалась только у соединения с отопительными каналами. Оба обогревательных канала и оба канала сифона соединяются близ выводной трубы и входят в нее. Стенки трубы вертикальные, промазаны глиной, диаметр ее 25 *см*.

Печь располагалась ниже уровня пола и каналов, в котловане, заглубленном в слой материковой глины.

Перед печью устроено рабочее место истопника, помещенное тоже в котлован. В плане это правильный прямоугольник площадью 170 × 180 *см*. Стенки котлована отвесные, южная и восточная обшиты досками (ширина до 40, толщина до 2,5 *см*), закрепленными двумя вертикальными кольями. Северная стенка котлована была облицована сырцовым кирпичом, промазана глиной и укреплена жердью. Сохранившаяся высота стенок рабочего котлована 72 *см*. Дно котлована плоское, заглублено от уровня пода печи на 27 *см* и покрыто плотным слоем золы до 20 *см* с прослойками тонкой гумированной супеси. В засыпе рабочего котлована найден веник из березовых прутиков и несколько монет. К северу от печи с глубины 101—106 *см* прослежен тлен от двух столбов диаметром 28 и 36 *см*, расположенных по линии северной стенки печи и рабочего котлована. Следы деревянных конструкций, железные штыри, скрепы, найденные в засыпе котлована, свидетельствуют, по-видимому, о наличии перекрытия над печью и рабочим местом истопников, предохранявшего людей от непогоды.

К печи с западной стороны примыкает камера, сложенная из нерегулярных плит песчаника на глиняном растворе. В плане она трапециевидная

(70×80 *см*), стенки отвесны, прослежены с глубины 103—151 *см*. Дно лежит на одном уровне с подом печи и вымощено гладкими плитами песчаника. Вся камера была забита глиной еще в болгарское время. Какого-либо соединения камеры с топочной частью печи нет. Назначение этой камеры неясное.

Пол в доме был глинобитный, заглаженный, толщина до 10 *см*. Он прослежен с глубины 66 *см* на плиточном перекрытии каналов.

В северной половине дома ближе к центру располагалось, по-видимому, дополнительное приспособление для обогрева. На глубине 93 *см* от него сохранилось пятно золы (50×120 *см*), окантованное в юго-западном углу вертикально поставленными песчаниковыми плитами. Несколько плиток лежало на слое золы. Плитки имели следы сильного прокала.

В южной половине дома под полом устроено хранилище — яма боченкообразной формы диаметром 135—145 *см*. Стенки ямы промазаны глиной, в нескольких местах на них сохранились следы деревянных переводинок, по-видимому, от небольших полочек. Сохранившаяся глубина ямы 85 *см*.

На площади под домом на глубине 112—150 *см* прослежено 12 ям от столбов, 10 из которых располагались на различном расстоянии друг от друга вокруг внешней стенки отопительных каналов, отступая на 20 *см* (а в трех случаях — на 120 *см*). Две ямы от столбов находятся на линии северо-запад-юго-восток в центральной части дома. Диаметр столбов 24—45 *см*. Столбы, по-видимому, несли конструктивную нагрузку по перекрытию дома.

Принимая во внимание расположение отопительных каналов и столбов, можно говорить о квадратной планировке постройки с площадью в пределах 10×10 *м*. Фундамента постройка не имеет. Остатков стен не сохранилось.

Дом № 3 погиб, очевидно, в пожаре. В засыпе рабочего места истопника много золы и угля, все деревянные конструкции котлована обуглены. Остатки деревянных конструкций других частей дома, расположенных на уровне дневной поверхности того времени, по-видимому, убраны современниками.

Котлованы под печь, рабочее место истопника и каналы отопления перерезают весь раннезолотоордынский слой (период после 1236 г. до рубежа XIII—XIV вв.), а развал от постройки перекрывает его. На площади дома, на плитах перекрытий каналов отопления и в каналах, рядом с печью и в печи, в засыпе котлована истопника найдены монеты 1280, 1336, 1343, 1348, 1360 гг.[2] (шесть монет 1360 г. и одна монета 1336 г. найдены на дне рабочего котлована истопника). Жизнь в доме могла продолжаться с рубежа XIII—XIV вв.— первой половине XIV в. В засыпи ямы-хранилища в подполье найдены халцедоновая бусина и два обломка стеклянных браслетов раннезолотоордынского времени. Слой над остатками дома № 3, не связанный с этой постройкой, содержал обилие фрагментов художественного стекла XIII—XIV вв. сирийского и месопотамского происхождения.

Вторая жилая постройка располагалась недалеко от первой (раскоп XXIX 1969 г., дом № 1). Остатки ее находились под полом Большого западного мавзолея — пристроя Ханской усыпальницы. Сохранились нижняя часть печи, часть двух обогревательных каналов и яма-хранилище в подполье дома — то, что лежало под восточной, еще не полностью занятой погребениями половиной мавзолея. Остатки западной части жилой постройки полностью уничтожены погребениями, могильные ямы которых тесно примыкают друг к другу.

Печь в плане круглая, сложена из сырцового кирпича размером 5×22×25 *см* на глиняном растворе. Небольшой наклон стенок печи, сохранившихся на высоту кладки пяти рядов кирпича, позволяет предполагать сфе-

---

[2] Определение С. А. Яниной.

рическое ее завершение. Диаметр топочной камеры 120—127 *см*, глубина положения пода 233 *см*. Чело печи находится с восточной стороны, ширина его 48 *см*, а у входа в топочную камеру оно сужается до 42 *см*.

Вблизи юго-восточной стенки руин печи (с глубины 100 *см*) сохранились два обогревательных канала подпольного отопления. Они тянутся в южном направлении параллельно друг другу, выгибаясь дугой (к востоку). Каналы сложены из сырцового кирпича на глиняном растворе в вырытом для них котловане. Размер кирпичей 5 × 22 × 23; 4,5 × 25 *см*. Ширина каналов 22—28 *см*, сохранившаяся высота 28 *см*. Перекрытие каналов не сохранилось. По направлению к печи уровень дна каналов понижается с 114 до 145 *см*. Если учесть, что каналы обычно выходят из верхней части печи, а дно печи расположено на глубине 233 *см*, то можно предположить приблизительную высоту печи: 100 *см* или чуть больше. Соединение каналов с печью не прослежено, так как слой нарушен могильной ямой.

О рабочем месте истопников можно только сказать, что оно было несколько углублено относительно пода печи. Исследование этого участка было затруднено близостью к стенам фундамента мавзолея и траншеей раскопок в 1914—1915 гг.

К остаткам дома № 1 относится яма-хранилище, находящаяся в подпольной части дома. Форма ямы колоколообразная, диаметр по верхней части 150, по дну 190 *см*, глубина 140 *см*. В южной и северной стенках хранилища на различных горизонтах прослежен тлен от восьми деревянных переводинок, по-видимому, полочек. С восточной стороны хранилища с уровня дна устроена камера, углубляющаяся в стену на 100 *см* и понижающаяся на 25 *см*.

Находки вещей бытового комплекса — подсвечников, изделий из железа, замков, гончарной керамики, бывшей в употреблении,— свидетельствуют, что постройка (дом № 1) была жильем.

Дата существования дома № 1 определяется данными стратиграфии и монетами. Дно и стенки котлована под отопительные каналы вырыты в раннезолотоордынском слое. Ханская усыпальница построена после событий 1361 г.; позднее, в конце XIV в., возникает пристрой к ней — Большой западный мавзолей. Подпольная часть дома № 1 нарушена этим строительством и погребениями в мавзолее. В заполнении ямы-хранилища в подполье найдена медная монета 1280—1300 гг. По-видимому, дом № 1 существовал приблизительно с конца XIII и первой половине XIV в.

Третья жилая постройка этого времени существовала поблизости от дома № 1 (раскоп XXXV 1970 г. сооружение № 8, 21, 31; мы будем рассматривать постройку под № 21). От жилого дома сохранился крупный фрагмент устройства подпольного отопления — печь, часть двух обогревательных каналов и рабочее место истопника (рис. 2).

Печь колоколообразная, диаметр пода 132, верхней грани — 110 *см*. В засыпе печи обнаружена крошка прокаленного сырцового кирпича и глиняная обмазка, по-видимому, остатки сферического перекрытия печи. Сохранившаяся высота печи 78 *см*. Сложена она из сырцового кирпича на глиняном растворе размером 5 × 20; 6,5 × 18; 7 × 20 *см*. Внутренние стенки промазаны слоем глины до 0,5 *см*. Под печи, хорошо затертый глиной, покрыт слоем слежавшейся золы в 5 *см*, а по краям — в 10 *см*. Под находится на глубине 188 *см*. Чело печи имеет вертикальные стенки, ширина и длина его 30 *см*. В челе найдена медная заслонка с верхом, завершающимся стрельчатой аркой, ширина ее 34, высота 42 *см*. Можно не без основания предположить, что чело имело перекрытие в форме стрельчатой арки (чело печи в Большом западном мавзолее, выложенное известняковым камнем, имеет такую же форму). Под чела представляет слой сырцовой массы до 8 *см*. Из юго-западной верхней части печи выходят два обогревательных канала, сложенных из сырцового кирпича и перекрытых плитами песчаника размером 7 × 32 × 40, 7 × 25 × 25 *см*. Каналы загибаются крутой дугой в западном направлении, расходясь в разные стороны.

К северу от печи расположено рабочее место истопников. Это квадратный котлован (260×263 *см*) с вертикальными стенками, облицованными с трех сторон сырцовым кирпичом размером 21 × 25 *см*, с чуть заглубленным дном относительно пода печи. Пол котлована плоский, выложенный сырцовой массой. По сохранившимся фрагментам южной стенки котлована и стенки печи, примыкающей к ней, можно предположить, что лицевая сторона печи была вертикальной, видимо, до уровня верхнего края котлована истопника.

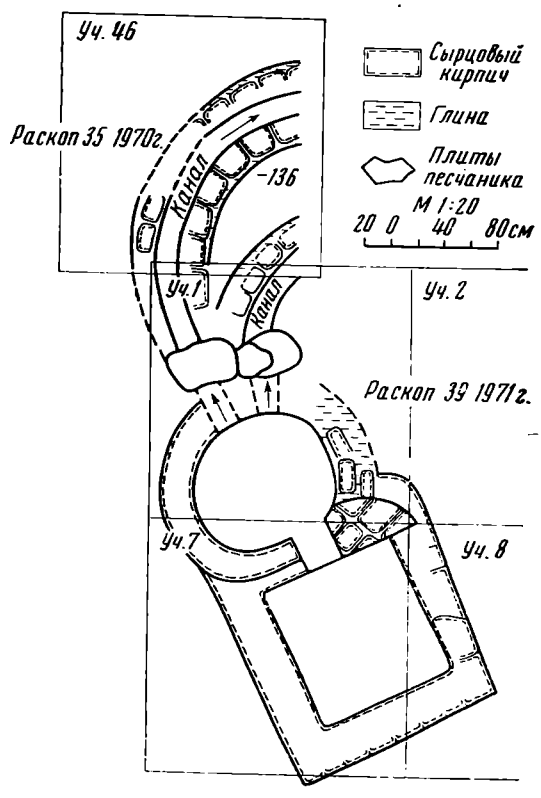


Рис. 2. План развалин дома № 21

Датируется жилая постройка стратиграфически. Каналы отопления сложены в котлованах, вырытых в раннезолотоордынском слое. Каналы нарушены могильными ямами погребений второй половины позднезолотоордынского времени. В заполнении печи и рабочего котлована истопника найдено художественное восточное стекло XIII—XIV вв. Дом № 21, по-видимому, существовал с конца XIII — начала XIV в. и до конца первой половины XIV в.

Интересны остатки жилой постройки, вскрытой в 1971 г. (раскоп XXXIX, сооружение № 13). Сохранились фрагменты каналов отопительной системы и выводной трубы, сложенных из сырцового кирпича.

Каналы тянутся дугами в направлении с юга на север и сближаются у входа в выводную трубу, разделяясь стенкой на ширину кирпича (20 *см*). Стенки каналов отвесны, дно плоское. Восточный канал сохранился на длину 212 *см*, западный — на 270 *см*. Восточный канал имеет ширину 30 *см* и сужается у входа в выводную трубу до 18 *см*. Дно этого канала близ выводной трубы углублено на 16 *см*. Западный канал имеет ширину 20 *см* и сужается у входа в выводную трубу до 16 *см*. Дно этого канала близ выводной трубы углублено на 18 *см*. Стенки обоих каналов черновато-коричневатые от несильного прокала. Можно предположить, что западный канал с более слабо прокаленными стенками был сифоном.

Выводная труба в плане имела подквадратную форму (82×90 *см*), ниже подквадрат перешел в полуовал диаметром 58 и шириной 30 *см*. Стенки трубы, сохранившиеся на высоту 50 *см*, отвесны, легкий наклон внутрь имеет стенка, в которую входят каналы. Стенки каналов и трубы промазаны слоем глины. Котлованы под каналы отопления и выводную трубу вырыты в раннезолотоордынском слое и лежат в нем. Каналы нарушены погребениями конца XIV в. По-видимому, жизнь постройки протекала в первую половину позднезолотоордынского времени.

Под руинами дома № 13 вскрыта полуземлянка (раскоп XXXIX, сооружение № 14). Это подквадратное в плане сооружение (размером 3,56 × 5,7 *м*) заглублено в грунт на 90 *см*. Вдоль юго-восточной и северо-западной сторон выявлены остатки деревянных стен, вдоль северо-восточной и юго-западной стенок на дне полуземлянки найдены следы 10 столбиков диаметром 8×12 *см*. Дно плоское, пол выстлан слоем коры по всей площади. Под полом прослежен в 20—40 *см* слой забутовки из супеси. На уровне дна найдена гончарная болгарская посуда, фрагменты поливной керамики, иранская чашечка и вазочка, круглый сосудик темно-зеленого стекла, свп-

детельствующие о достатке обитателей. Жилище, судя по обуглившимся остаткам деревянных конструкций, погибло в пожаре.

Дневной уровень полуземлянки (сооружения № 14) приходится на границу раннего и позднего золотоордынских слоев. Позже здесь сооружен дом № 13.

В нескольких метрах от дома № 1 и 13 находился дом № 11. От него сохранились на глубине 122 *см* фрагменты сырцовой подушки-фундамента, следы от каналов отопления и деревянных конструкций, хранилище в подполье.

Сырцовая подушка прослежена вдоль южной стороны постройки на ширину 120×150 *см*, в северо-восточном углу и в центральной части постройки. Она сложена из сырцового кирпича, сохранившегося на один-два ряда, иногда на несколько рядов вглубь, где пришлось нивелировать неровности поверхности. След-отпечаток отопительных каналов ясно виден у южной стороны постройки. Это два параллельно идущих канала, разделяющихся на ширину кирпича в 26 *см*. Ширина крайнего (южного) канала 30 *см*, второго (северного) 24 *см*. Крайний канал в юго-восточном углу постройки поворачивает под прямым углом и тянется дальше вдоль восточной стороны на длину 170 *см*, где обрывается, уничтоженный могильной ямой. Второй канал в юго-восточном углу открывается в первый канал и заканчивается в нем.

В подпольной части дома, приблизительно в 100 *см* от края восточной стороны постройки, расположено хранилище — подпольная яма цилиндрической формы, обрамленная по северному краю глиной со следами прокаленности. Диаметр ямы 80—85, глубина 111 *см*.

В границах площади постройки сохранились следы от пяти столбов (диаметром 22—34 *см*), расположенных на равных расстояниях друг от друга (в 290 и 240 *см*). Столбы, по-видимому, от перекрытия, поставлены были по диагонали юго-запад — северо-восток, при ориентировке постройки по странам света.

Размеры площади постройки, судя по остаткам сырцовой подушки и положению столбов, 8,5 × 10,5 *м*.

Дом № 11 датируется стратиграфически. Кладка сырцовой подушки под постройкой перерезает раннезолотоордынский слой. Постройка уже не существовала во второй половине XIV в.: остатки ее отсутствуют в слое, связанном со временем существования Большого западного мавзолея и нарушены погребением кладбища, раскинувшегося здесь после событий 1361 г. Дом № 11 мог возникнуть в начальный период позднезолотоордынского времени и к 60-м годам XIV в. был уже разрушен.

К юго-востоку от Малого минарета, в 300 *м* от него, также находились аналогичные жилые постройки.

От дома № 7 (раскоп XXXVII 1970 г., сооружение № 7—8) хорошо сохранились печь, часть отопительного канала и сифона, рабочий котлован истопника, хозяйственные ямы и остатки изгороди. Остальное было разрушено еще в болгарское время. Печь, канал отопления и сифон сложены из сырцового кирпича (размером 18×22, 20×22, 22×26, 22×28 *см*) на глиняном растворе (рис. 3).

Печь[3] в плане на глубине 183 *см* образует квадрат (140 × 150 *см*) с закругленными углами. Лицевая стенка печи на высоту 72 *см* отвесная. Топочная камера имеет сферическое перекрытие, диаметр ее по верхней сохранившейся грани на глубине 183 *см* — 66×70 *см*. Высота сохранившейся части печи 103 *см*. Из верхней части печи с северо-восточной стороны выходит один отопительный канал. Ширина его 20—22 *см*, ширина его стенок 20 и 30 *см*. Канал сначала тянется в северо-восточном направлении на 1,2 *м*, затем поворачивает дугой на северо-запад, сохранившись в длину на 3 *м*.

[3] Печь и каналы отопления не были полностью расчищены и сохранены в земле для возможной их консервации в будущем.

В северо-западном направлении параллельно отопительному каналу, разделяясь 30-сантиметровой сырцовой стенкой, тянется канал сифона, сохранившись на длину 4 *м*. По устройству и размерам он аналогичен отопительному. Юго-восточный край канала, т. е. его начало, располагается в 120 *см* от северо-восточной стенки рабочего котлована истопника. Такая же приблизительно картина в планировке сифона наблюдалась в доме № 3.

Печь и каналы отопительной системы сложены в специально вырытых котлованах. Рабочее место истопника устроено к юго-востоку от печи. Это

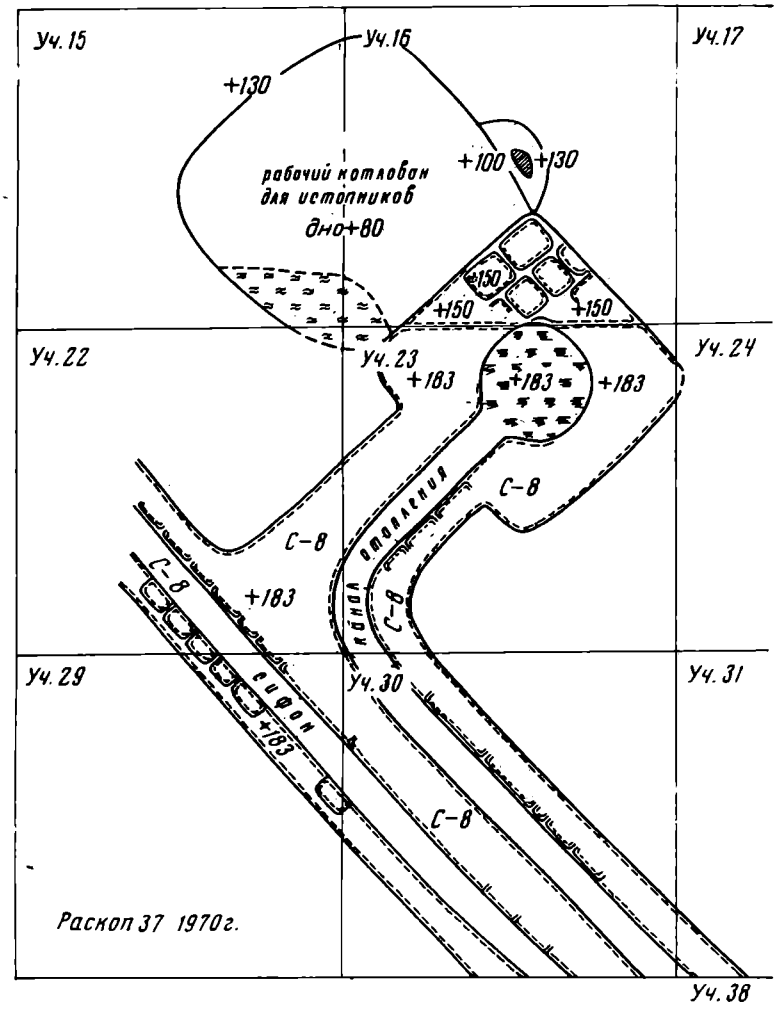


Рис. 3. План развалин дома № 7

котлован подпрямоугольной формы (166 × 174 *см*) с почти отвесными стенками, сохранившимися на 50 *см*, с плоским дном, расположенным на глубине 80 *см*. В западном углу в котловане устроены ступеньки (глубина 100 *см*). Дно котлована покрыто слоем (19 *см*) желтоватой гумированной супеси, накопившейся в период функционирования печи. В северный угол была заметена кучка золы.

В 2,5 *м* от каналов отопительной системы параллельно им протянулась изгородь, прослеженная на 10,5 *м*. Изгородь отмечена полосой древесного тлена шириной 22×24 *см* со следами 11 кольев диаметром 14—16 *см*, расположенных по этой полосе. Между изгородью и каналами отопления находилась подпрямоугольная яма со стенками, параллельными им; глубина ямы 96 *см*. В 6,6 *м* от этой ямы, также вдоль изгороди (в 0,7 *м* от нее), прослежена еще одна яма. В плане это вытянутый овал, стенки ее отвесны, дно корытообразное. Размеры ямы: длина 90, ширина 70, глубина 54 *см*. По краям ямы прослежено 11 колышков диаметром 6—10 *см*. Очевидно, обе ямы имели хозяйственное назначение. Дневной уровень их лежит в одном горизонте с руинами дома № 7 и изгородью.

Таким образом, открыта часть усадьбы: дом с хозяйственными постройками, окруженными изгородью.

Остатки жилой постройки хорошо датируются стратиграфическими и монетными данными. Каналы отопительной системы проложены в раннезолотоордынском слое. Сырцовая крошка от разрушенных каналов лежит на грани раннего и позднего золотоордынского слоев. На развале печи и каналов найдены две медные монеты — 1333—1334 и 1336—1337 гг. Данные монет и стратиграфии одинаковы: постройка возникла в конце XIII — начале XIV в. и погибла в середине XIV в.

В итоге о рассмотренных постройках можно сказать следующее. Планировка домов квадратная или прямоугольная. Говорить о преобладании одной из них пока по имеющемуся материалу нельзя; неизвестно также, было ли деление на комнаты внутри дома. Стены возводились без фундамента, о материале стен данных пока нет. Пол в жилищах был глинобитным, как во многих жилищах монгольского типа Нового Сарая [4]. В одной половине дома устраивалось подпольное хранилище — яма, что свойственно жилым домам города Болгары. Обогревались дома посредством канов — каналов, проходивших под полом вдоль стен параллельно им и повторявших очертания дома, а иногда разветвленных прихотливыми дугами. Такая система отопления свойственна домам монгольского типа в Новом Сарае [5], жилым постройкам гуннского времени в Южной Сибири [6], древнемонгольским городам на территории Монголии и Тувы [7]. Печь располагалась ниже уровня пола и каналов отопления. Каналы при выходе из печи имели небольшое повышение. Для лучшей тяги под полом жилища прокладывались каналы поддувала — сифоны, которые начинались у наружной стены дома близ печи, а кончались слиянием с отопительными каналами в выводной трубе — дымоходе. Дым из каналов выходил через выводную вертикальную трубу полуовального сечения, расположенную, по-видимому, у наружной стены дома. Печь, каналы отопления и сифона, нижняя часть выводной трубы сложены из сырцового кирпича в специально вырытых котлованах, иногда печь возводили из камней песчаника. Топка печи вынесена за пределы дома, как в известных нам некоторых общественных постройках города Болгары, или некоторых домах древнемонгольских городов [8]. Перед топкой печи устраивалось рабочее место для истопника: небольшой заглубленный котлован, облицованный сырцовым кирпичом или обшитый досками, и, по-видимому, имевший перекрытие. Устройство рабочего места для истопника свойственно болгарским постройкам [9].

Особенности имеет дом № 11. Сырцовая кладка под постройкой напоминает антисейсмический прием среднеазиатских зодчих, а расположение каналов отопления повторяет планировку канов в домах Нового Сарая. Однако сохранившиеся фрагменты не столь значительны и не могут дать полного представления о характере сырцовой кладки под жилищем и устройстве отопительной системы дома.

Все рассмотренные жилые постройки пока найдены только в одной части городища (близ Ханской усыпальницы, Малого минарета и юго-восточнее от них), охватывающей площадь приблизительно 300 × 100 *м*. Все они датируются одним периодом — рубеж XIII—XIV в.— первые десятилетия и середина XIV в. Жилых построек иного характера, кроме одной полуземлянки, здесь не встречено.

---

[4] В. Л. Егоров. Жилища Нового Сарая. Поволжье в средние века. МИА, 1964, 1970, стр. 172.

[5] Там же, стр. 173.

[6] Л. А. Евтюхова и В. П. Левашова. Раскопки китайского дома близ Абакана. КСИИМК, XII, 1946, стр. 74.

[7] С. В. Киселев. Город на реке Хирхира. Сб. «Древнемонгольские города», М., 1965, стр. 23; Л. Р. Кызласов. Городище Ден-Терек. Сб. «Древнемонгольские города», стр. 59.

[8] С. В. Киселев. Ук. соч., стр. 23.

[9] О. С. Хованская. Бани города Болгара. МИА, 42, 1954, стр. 412.

В золотоордынское время в городе Болгары в XIV в. подпольное отопление известно для общественных зданий — бань. Разветвленная сеть каналов отопления с правильными геометрическими линиями под полом комнат зданий сближает их со средневековыми банями Кавказа и Средней Азии [10]. То же можно сказать об устройстве отопления жилого кирпичного дома — дворца в Суваре [11] конца X — начала XI в. Система устройства отопления в рассмотренных нами жилых домах юго-восточной части города Болгара имеет общие черты с устройством отопления в жилых постройках монгольского типа Нового Сарая, древнемонгольских городов, древнемонгольских городов на территории Тувы и дома гуннского времени близ Абакана в Хакассии.

N. D. Aksenova

MAISONS D'HABITATION AUX ENVIRONS DU MALY MINARET ET DU SEPULCRE DE KHAN

Résumé

Les investigations (1967, 1968—1971) des vestiges de la ville aux environs du Maly Minaret et du Sépulcre de Khan se sont soldées par la découverte des bâtisses (au nombre de 11) à la désination d'habitation de la limite des XIII—XIV ss — des années 60 du XIV s. Un habitat était à demi souterrain et 10 à la surface du sol. Dans le sous-sol de ceux-ci on a décélé les fosses à provisions, une construction à poteau d'une couverture et le système de chauffage à caniveaux. Un canal ou deux sortant de la partie supérieure du four se ramifient en se courbant sous la surface de la maison. Le four et la place de chauffeur se trouvaient hors de la maison, dans une tranchée au-dessous du niveau de sol. Sur les murs de certaines tranchées on a pu décéler le revêtement en charpente ou en brique crue. Il y a quelques traces de couverture. Pour renforcer la souffle, le système de chauffage avait au sous-sol un ou deux conduits-siphons dont une extrémité commençait hors de la maison et l'autre était jointe aux canaux de chauffage dans un tuyau vertical de sortie qui passait, vraisemblablement, à côté d'un mur de la maison. Le four, les conduits de chauffage et le siphon étaient fabriqués en brique crue et en grès. Sur les dalles graiseuses recouvrant les conduites on a décélé les traces du plancher en terre battue.

---

[10] Там же, стр. 422.
[11] А. П. Смирнов. Сувар. Тр. ГИМ, XVI, 1941, стр. 154.

Н. С. ШЕЛЯПИНА

НАДГРОБИЯ МИТРОПОЛИТОВ КИПРИАНА И ФОТИЯ В УСПЕНСКОМ СОБОРЕ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ

В связи с реставрационными работами 1972 г. в Успенском соборе Московского Кремля представилась возможность исследовать белокаменные надгробные плиты 1406 и 1431 гг. на погребениях митрополитов Киприана и Фотия. Поскольку эти плиты принадлежат к неизвестным ранее памятникам начала XV в., представляющим собой связующее звено между древнейшими надгробиями XIII—XIV вв. из раскопок в Кремле [1] и намогильными плитами конца XV—XVII вв., открытыми в Москве и Подмосковье [2], они заслуживают специального рассмотрения.

Слабая изученность деталей погребального обряда захоронений XIV—XV вв. в храмах-усыпальницах и грунтовых некрополях заставляет с особым вниманием отнестись к каждому вновь открытому памятнику этой группы. Захоронения и перезахоронения митрополитов в Успенском соборе Кремля тесно связаны с его строительной историей. Изучение гробниц митрополитов в соборе-усыпальнице дает возможность выявить некоторые конструктивные особенности стен и фундаментов храма.

Как известно, собор 1327 г., в котором погребены митрополиты, был разобран в связи с постройкой на его месте в 1472 г. нового храма мастерами Кривцовым и Мышкиным. Когда здание было возведено в рост человека и начата разборка древнего храма, гробницы митрополитов перенесли со старых мест на приготовленные в новостроящемся храме, где в стенах были сделаны для них киоты-впадины на тех же сторонах собора. Об устройстве гробниц митрополитов имеются летописные сведения под 6980 г. (1472): «...и тогда начаша разбивати первую церковь всю до основания, и акоже изнесоша все каменне из неа и мосты до гроб пресвященных митрополитов русских Киприана, Фотия и Ионы, и окопаша раце их месяца мая в 29 день,... и тогда повелел митрополит принести раце на уготованное место со священными мощами святителя из разобраны церкви в новозаложенную. И прежде вземше раку с мощами Киприана митрополита и поставиша ея в киоте в стене на десной стране; потом же взяша раку с мощами Фотиа митрополита поставиша ея с Киприаном в едином киоте» [3].

Как считает К. К. Романов, текст летописи имеет в виду создание в трех стенах собора — северной, южной и западной мест для гробниц митро-

---

[1] Н. С. Шеляпина. Надгробия XIII—XIV вв. из раскопок в Московском Кремле. СА, 1971, 3, стр. 284—289.

[2] В. Н. Щепкин. Описание надгробий. Отчет Российского Исторического музея за 1906 г., 1. М., 1907; А. В. Арциховский. Надписи, найденные на метрострое. Сб. «По трассе первой очереди Московского метрополитена». М., 1936; Т. В. Николаева. О некоторых надгробиях XV—XVII вв. Загорского музея-заповедника. СА, 1958, 3; В. Г. Гиршберг. Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XV—XVII вв. НЭ, I, М., 1960; НЭ, III, М., 1962; Т. В. Николаева. Новые надписи на каменных плитах XV—XVII вв. Троице-Сергиевой лавры. НЭ, VI, М., 1966; М. Г. Рабинович. Крепость и городок Тушков. Сб. СА, XXIX—XXX, 1959.

[3] ПСРЛ, VIII, стр. 170—171; XII, стр. 144—145; XVIII, стр. 238.

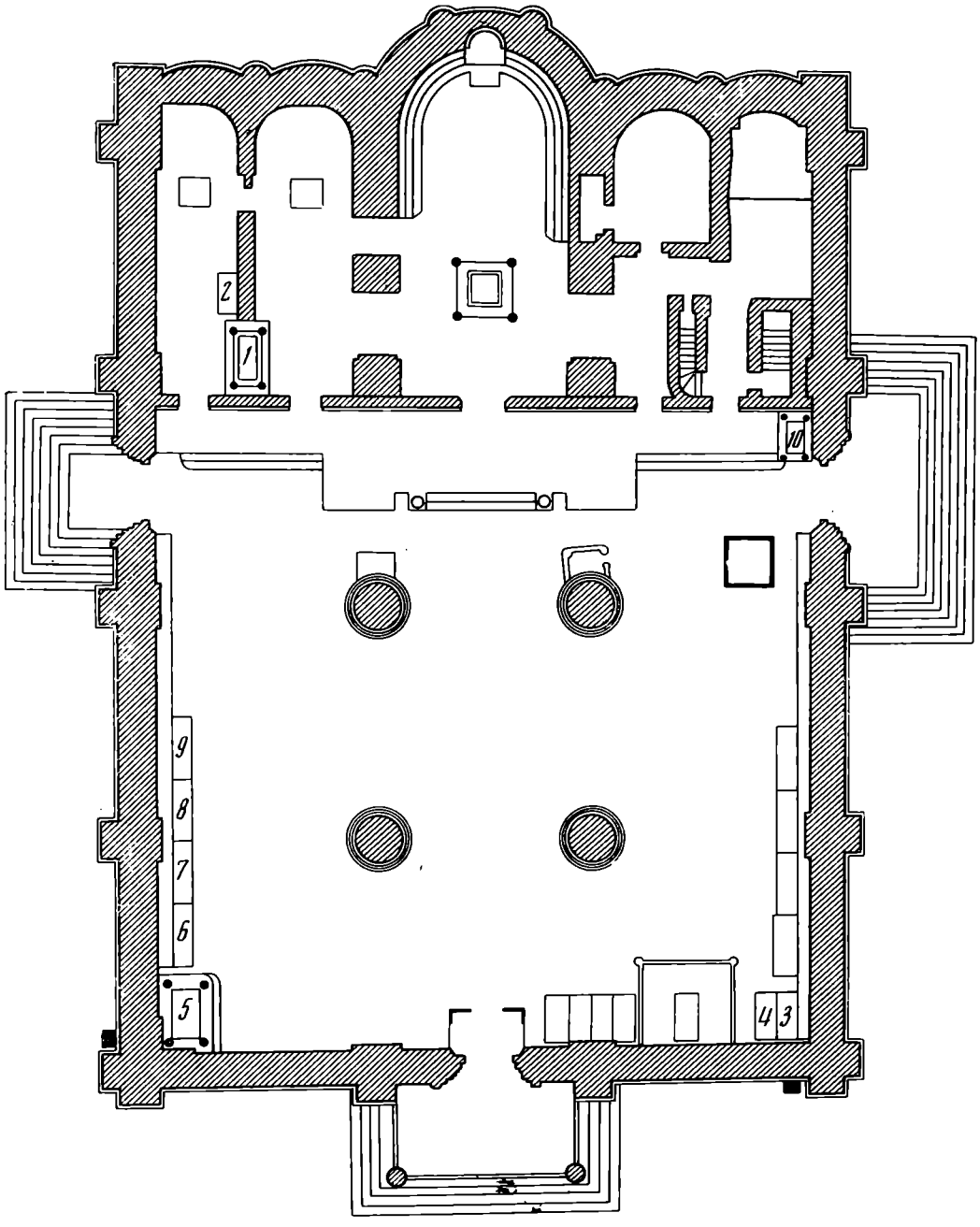


Рис. 1. Места захоронений митрополитов на плане Успенского собора Московского Кремля

политов, т. е. аркосолиев [4]. Необычное расположение плиты митрополита Фотия параллельно гробнице Киприана объясняется помещением двух захоронений в едином киоте [5] (рис. 1, см. № 3 и 4).

В 1472 г. было произведено вскрытие гробниц и обнаружено, что «у митрополита Фотия обрели в теле единые только ноги, а Киприана обрели всего истлевша, оставались едины кости» [6]. Незаконченная постройка Кривцова и Мышкина рухнула и была разобрана Аристотелем Фиораванти. Перед началом работ 16 апреля 1475 г. прах митрополитов был выне-

[4] К. К. Романов. О формах московского Успенского собора 1326 и 1472 г. МИА, 44, 1952, стр. 12.

[5] Во время реставрационных работ в соборе в 1914 г. для выяснения вопроса о размерах гробниц Киприана и Фотия, зависящих от выступающей надгробной плиты Фотия, потребовалось решение специальной комиссии. АМК (архив Московского Кремля), фонд комиссии по ремонту и реставрации Большого Московского Успенского собора. «Документы, относящиеся к ремонту 1914 г.», лист 109.

[6] И. Е. Забелин. История города Москвы. ИАК, 1, М., 1905, стр. 114.

Рис. 2. Изображения митрополитов Киприана и Фотия на металлическом кожухе гробницы

сен из собора и находился в церкви Иоанна Лествичника. Через несколько дней после освящения Успенского собора в августе 1479 г. они были возвращены на приготовленное для них место. Останки митрополитов Киприана и Фотия погребены в юго-западном углу храма у стены и над ними «надгробницу учиниша». Не вызывает сомнения, что в настоящее время намогильные плиты перекрывают погребения на месте их перезахоронения в августе 1479 г. Саркофаги с прахом митрополитов у северной и южной стены поставлены на мощные выносы фундаментов шириной до 1,00 *м* у северной стены, около 0,80 *м* — у южной.

В 1914 г. во время больших реставрационных работ в Успенском соборе вскрыт пол в южной части и обнаружены мощи митрополитов Киприана и Фотия в белокаменных гробах с резьбой [7]. Тогда же фирмой И. П. Хлебникова переделывались и чинились металлические чехлы гробниц [8]. Одновременно в Исторический музей были переданы шесть слепков с надгробий, расположенных по южной стене собора [9]. В настоящее время гробница в юго-западном углу собора перекрыта металлическим чехлом, на крыше которого сохранились живописные изображения митрополитов, относящиеся к XVIII в., с традиционными надписями СВ. КИПРИАН МИТР. МОСК., СВ ФОТИЙ МИТР. МОСК. (рис. 2). Атрибуция находящихся под чехлом намогильных плит не вызывает сомнения, поскольку приведенные данные находятся в соответствии с материалами письменных источников, указывающих на место захоронения этих высокочтимых московских митрополитов.

В январе 1972 г. представилась возможность исследовать поверхность надгробных плит захоронений Киприана и Фотия [10]. Белокаменная плита

---

[7] ИАК, 57, Пг., 1915, прибавление стр. 45—46.

[8] АМК. Фонд комиссии по ремонту и реставрации Большого Московского Успенского собора. Ук. док., л. 109.

[9] АМК. Ук. фонд. Документ от 27 сентября 1914 г.; № 521, л. 217.

[10] Мы признательны И. Я. Качаловой, хранителю Успенского собора, за помощь, которую она оказала в работе по атрибуции надгробий из усыпальницы митрополитов.

с гробницы митрополита Киприана, датированная по погребению 1406 г., имеет слегка расширенную к изголовью прямоугольную форму. Длина камня 1,80 *м*, ширина изголовья 0,58 *м*, ширина противоположного торца 0,473 *м*. Толщина плиты 10,5 *см* (рис. 3, *а*). Плита сохранилась полностью, лишь ее изголовье несколько заходит под западный иконостас XIX в. Надгробие украшает четкий геометрический орнамент из крупных, глубоко врезанных прямоугольных треугольников в два ряда, вершинами друг к другу. Орнаментальный рисунок, идущий по периметру плиты, расположен несколько отступая от ее края. Внутренний контур непрочерчен. В изголовье полукруглое клеймо с заполнением в виде узора из врезанных прямоугольников. Эта деталь орнаментики близка декорировке серии памятников конца XV — начала XVI вв., изданных В. Н. Щепкиным, В. Б. Гиршбергом, М. Г. Рабиновичем, Т. В. Николаевой. От клейма украшавшего изголовье плиты и от круга в ее центре к боковым сторонам идут две прямые и две закругленные тяги. Обращает внимание их асимметрия, составляющая особенность русского прикладного искусства. Плита членится поперек широкой орнаментальной лентой с круглым клеймом в центре. Такая деталь орнаментики встречена на надгробных плитах впервые. Часть поля круглого клейма не орнаментирована, что создает впечатление изображения пояса с пряжкой, украшавшей одежду. Орнамент по контуру плит в верхней ее части и в области пояса мог представлять собой трансформацию кайм и каких-то деталей несохранившихся погребальных одежд. Ведь неслучайно и белокаменные саркофаги передают форму человеческого тела. Такая трактовка в какой то мере объясняет композицию орнамента на надгробиях начала XV в.

Митрополит Киприан среди высших духовных лиц был в свое время широко известной личностью. По происхождению он, вероятно, болгарин, хотя в Никоновской летописи и Степенной книге царского родословия назван «сербином». В 1374 г. Киприан упоминается в документах в качестве патриаршего посла. После смерти митрополита Алексея (1378 г.) он являлся претендентом на московскую митрополичью кафедру, однако князь Дмитрий Донской предпочел избрать своего кандидата. В 1382 г., вернувшись из Новгорода в Москву перед самым нашествием хана Тохтомыша, Киприан бежал из осажденного города под покровительство тверского князя Михаила Александровича. Как сообщает источники, святитель навлек на себя гнев князя Дмитрия Донского за то, что «...не сидел в осаде на Москве, но съехал в Тверь, боящеся татарского нахождения» [11]. В связи с этими событиями Киприан был удален в Киев и только после смерти Дмитрия Донского смог снова вернуться в Москву в 1390 г. С этого времени он фактически объединял под своей властью все разрозненные части русской митрополии. Последние годы жизни митрополит жил в подмосковском селении Голенищево.

Митрополит Киприан был автором ряда литературных трудов, из которых сохранились восемь грамот и четыре письма. В его литературном наследии «Житие святого митрополита Петра» и переводы текстов церковного богослужения [12].

В 1409 г. в Москве по инициативе митрополита Киприана был составлен общерусский летописный свод. Погребение митрополита Киприана было совершено в Успенском соборе Московского Кремля вслед за захоронением московских митрополитов Петра и Феогноста. Впоследствии он был канонизирован.

Надгробная белокаменная плита митрополита Фотия датируется временем его захоронения — 1431 г.; камень имеет длину 2,01 *м*, ширину изголовья 51,5 *см*, ширину ножного торца 46,5 *см*. Толщина плиты 11 *см*

---

[11] ПСРЛ, V, стр. 238.

[12] Богословская энциклопедия под редакцией Н. Н. Голубовского. X, СПб., 1909, стр. 42—59.

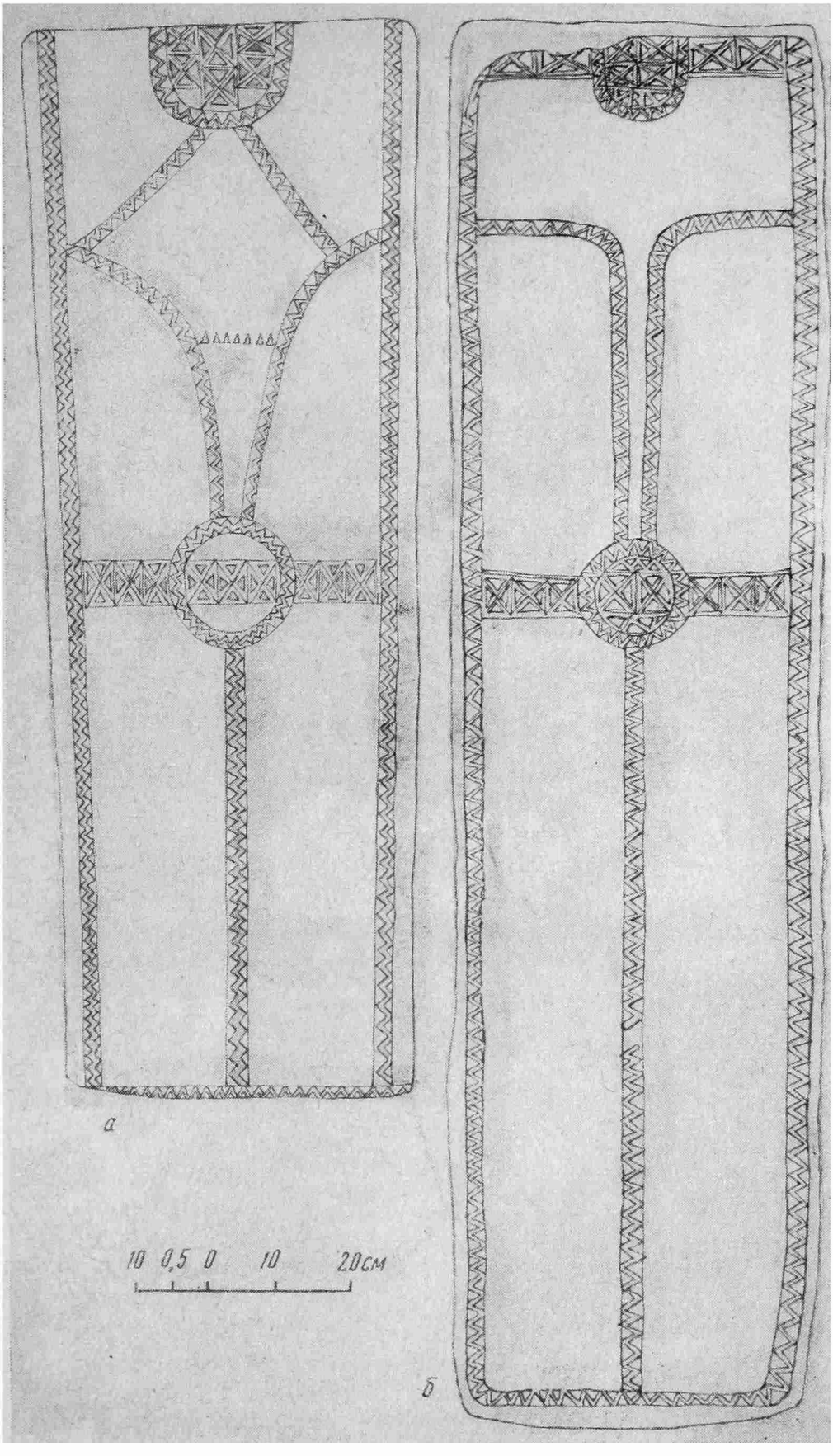


Рис. 3 (*а, б*). Прорись орнамента надгробных плит погребений митрополитов Киприана и Фотия

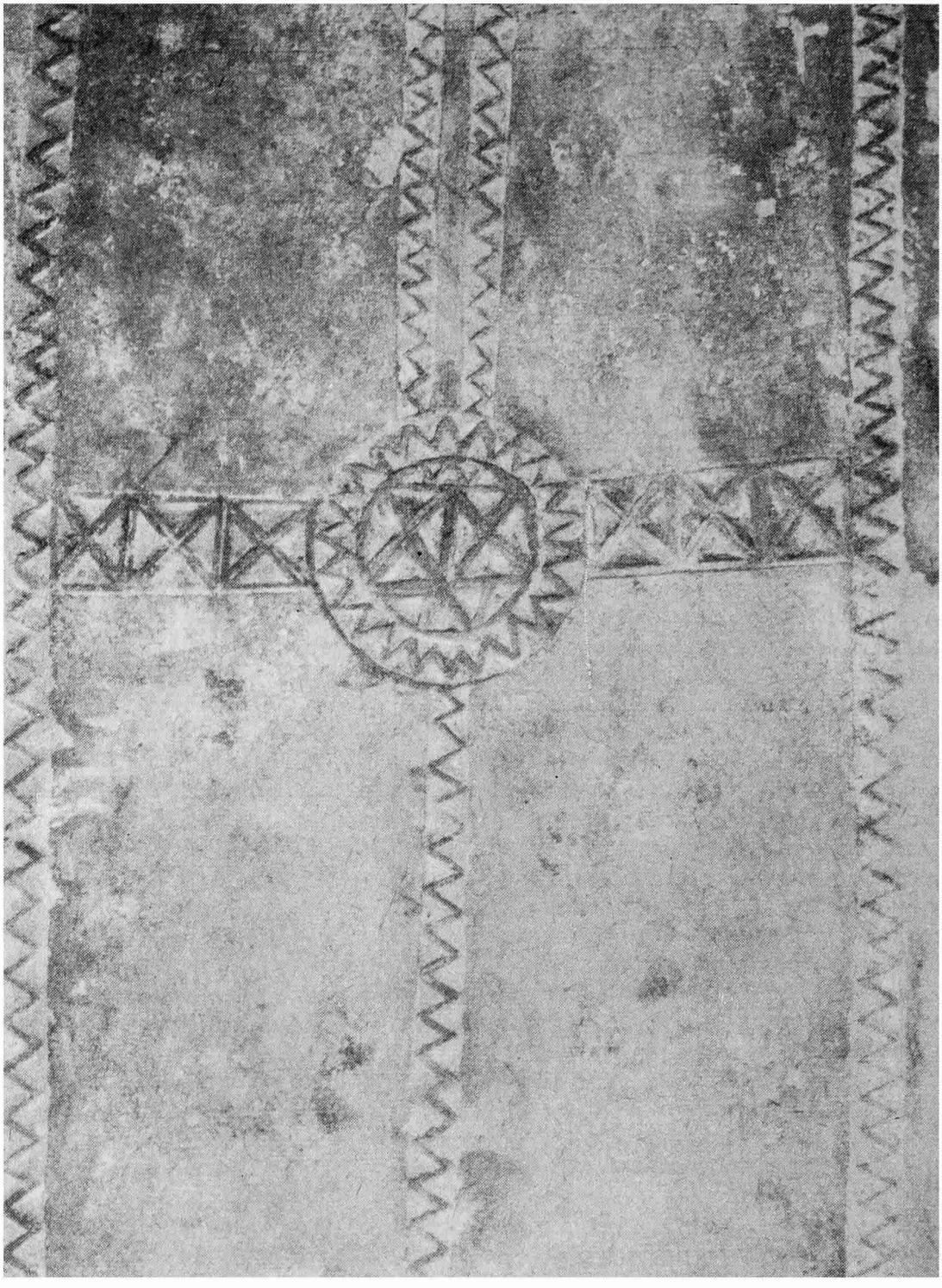


Рис. 4. Намогильная плита с погребения митрополита Фотия (деталь орнамента)

(рис. 3, *б*). Надгробие сохранилось полностью. Орнаментика представляет собой разновидность декорировки описанного выше памятника. Плиту украшает четко выполненный узор из орнаментальных клейм с внутренним заполнением (рис. 4). Характерны крупные, глубоко врезанные треугольники, нанесенные умелым и опытным резчиком. Орнамент размечен очень точно, создавая строго симметричный рисунок. Обращает на себя внимание заполнение поля клейма, украшавшего поперечную орнаментальную ленту, в отличие от надгробия 1406 г. Налицо эволюция орнамента от клейма с очерченным контуром к пальметке со сплошным заполнением поля. Ис-

чезают тяги от верхнего клейма — деталь, приближающая рассматриваемый памятник к орнаментике плит конца XV в. Характерно, что обе плиты не подписаны и орнамент на них распределен таким образом, что не оставалось места для эпитафии.

Следовательно, мастер заранее исключил возможность надписи на плитах.

Митрополит Фотий был родом с Пелопоннеса. В 1410 г. он прибыл в сопровождении послов в Москву. После нашествия Едигея митрополия была опустошена, и Фотий предъявил претензии великому князю за посягательства на доходы его кафедры. Боярам удалось поссорить митрополита с князем Василием Дмитриевичем. После смерти князя Фотий поддерживал малолетнего его сына, утверждая тем самым новый московский порядок престолонаследия по нисходящей линии, а не по старшинству. Деятельность митрополитов Киприана и Фотия сыграла большую роль в развитии художественных ремесел Москвы в начале XV в. С их именем связан ряд выдающихся произведений прикладного искусства [13].

Места захоронений митрополитов были отмечены не только надгробными сооружениями. У юго-западного угла собора сохранился каменный постамент неизвестного назначения. Его размер 24 × 43 *см*, высота 70 *см*. В плане он расположен у изголовья гробниц митрополитов Киприана и Фотия (см. рис. 1).

Здесь находился памятный крест, указывающий на захоронение митрополитов с наружной стороны храма. В описи имущества Московского Успенского собора (не ранее 1898 г.), хранящейся в архиве Оружейной палаты, имеются сведения о том, что в юго-западном углу собора у гробницы святителей Киприана и Фотия устроен под железным навесом каменный памятник с изображением этих святителей. Навес над крестом хорошо виден на фотографии из архива Оружейной палаты.

У северного фасада собора в северо-западном углу на постаменте сохранился белокаменный резной крест, по всей вероятности, связанный с захоронением митрополита Ионы (1461 г.) (рис. 5). Т. В. Николаева датирует его по стилистическим признакам XV в. В описи имущества Успенского собора значится «каменый памятник с крестом и изображением святителя сего на памятнике». Важные сведения о принадлежности крестов-памятников содержатся в Главной описной книге Московского Большого Успенского собора: «В северо-западном углу собора против того места, где почивают мощи св. Ионы митрополита, извне построен небольшой, изсеченный из камня крест, на коем изображены бог Саваоф и св. Иона; таковой же крест находится извне в юго-западном углу собора, против того места, где почивают под спудом мощи святителей Киприана и Фотия, на этом кресте изображены бог Саваоф и св. Киприан и Фотий» [14]. Пробная расчистка красочного слоя, произведенная художником Ю. С. Батхелем, показала, что поверхность креста у северного фасада собора закрыта многослойной покраской, под масляной записью была обнаружена монограмма, расположенная над резным крестом средокрестия. Слева от него открылось изображение копия́. На фотографии 1914 г. из архива Кремля просматривается контур изображения святого на нижнем конце креста, на нижней перекладине видна плохо читаемая надпись в одну строчку. Исследование надписи на кресте, произведенное при помощи фотосъемки с усилением контраста [15], показало, что ее следует читать: СВ. ИОНА МИ.МОСК. Тем самым была проверена принадлежность и дата этого памятника. Первоначально его украшала только белокаменная резьба по контуру креста в виде зигза-

---

[13] Т. В. Николаева. Произведения русского прикладного искусства с надписями XV — первой половины XVI в. САИ, Е1—49, М., 1971, стр. 29.

[14] АМК. Фонд Успенского собора. Главная описная книга Московского Большого Успенского собора за 1853 и 1854 гг., л. 3 (об).

[15] Экспертиза проведена Всесоюзным научно-исследовательским институтом МВД.

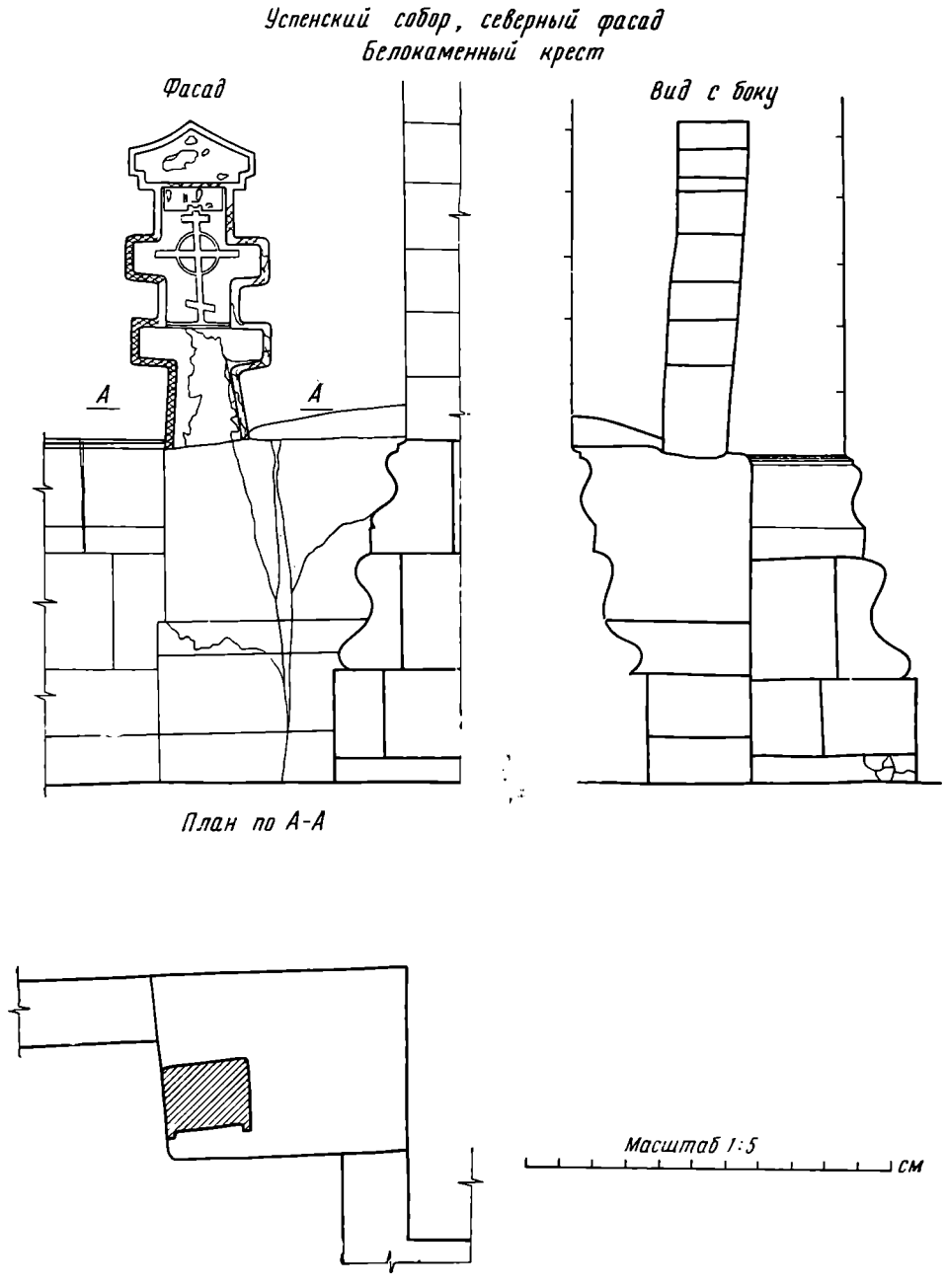


Рис. 5. Белокаменный резной крест у северного фасада Успенского собора

гообразной линии из врезных треугольников в один ряд [16]. В средокрестии изображен венок в виде круглой пальметки с тем же узором.

Обычай установки у гробниц митрополитов памятных крестов в какой-то мере объясняет отсутствие эпитафии на надгробных плитах, отмечавших уровень дневной поверхности захоронений. Традиционная мемориальная надпись помещалась на крыше белокаменных саркофагов, опущенных в могильную яму.

Не исключена возможность, что у рядовых погребений грунтового некрополя Москвы XII—XIV вв. наряду с богато орнаментированными, но безымянными плитами также могли ставиться не дошедшие до нас намогильные кресты с изображением или надписью, указывающей на их принадлежность. В этой связи интересно наблюдение Т. В. Николаевой, сде-

[16] Подобная орнаментальная кайма по контуру креста, напоминающая деталь декорировки ранних намогильных плит, украшает лицевую сторону памятника 60-х — 70-х годов из дер. Лахмокурье Вологодской области.

ланное во время изучения некрополя Троице-Сергиевой лавры, где была обнаружена надгробная плита без орнамента на передней узкой торцовой стороне [17]. Т. В. Николаева считает возможным предположить, что ее закрывал несохранившийся памятник.

Таким образом вновь открытые плиты из усыпальницы митрополитов в Московском Кремле позволяют установить связь и преемственность в орнаментике надгробий начала XV в. с группой тех же памятников одного из древнейших грунтовых некрополей Москвы, раскопанного в Кремле. Легко прослеживается дальнейшая эволюция орнамента из врезанных треугольников («волчий зуб»), нанесенных в трехгранно-выемчатой технике, от простейшей каймы до развитой орнаментальной композиции, расположенной таким образом, что исключалась возможность помещения на памятнике эпитафии. Несомненна глубокая архаичность орнамента, уходящая корнями в древнюю символику языческих верований [18].

Плиты из Успенского собора представляют интерес для изучения народного искусства как памятника древнерусского декоративно-прикладного ремесла. Новые находки в Кремле свидетельствуют о широкой распространенности художественной обработки камня в древней Москве.

В связи с исследованием намогильных плит из усыпальницы митрополитов необходимо обратить внимание на интересную деталь погребального обряда XV в.— обычай установки у гробниц крестов-памятников.

N. S. Chéliapina

DALLES TOMBALES DES METROPOLITES CYPRIEN ET PHOTIUS DANS LA CATHEDRALE DE L'ASSOMPTION DU KREMLIN DE MOSCOU

Résumé

L'article est consacré à l'analyse de deux dalles en pierre blanche recouvrant les tombes des métropolites Cyprien et Photius dans la Cathédrale de l'Assomption du Kremlin de Moscou. Conformement aux sépultures, les dalles étaient datées de 1406 et de 1431. Découverts récemments, ces monuments représentent une forme interessante, inconnue jusqu'ici, des pierres tombales du début du XV s. Leur analyse permet de préciser certains détails du rite funéraire accompagnant les inhumations dans le sépulcre des métropolites. La coutume d'installer près des tombeaux les croix mémoriaux portant les effigies des défunts et les épitaphes explique en quelque sorte l'absence de celles — ci sur les dalles tombales. Les particularités ornementales de pierres tombales permettent de suivre l'évolution du décor à partir des plus simples bordures contournant les dalles de XIII—XIV ss découvertes par les fouilles dans le Kremlin de Moscou jusqu'à la composition ornementale développée des dalles de XV—XVI ss découvertes à Moscou et à ses environs.

---

[17] Т. В. Николаева. К изучению некрополя Троице-Сергиевой лавры. Загорский музей-заповедник. Сообщения, 3. Загорск, 1960, стр. 185.

[18] Т. В. Николаева. О некоторых надгробиях XV—XVII вв. Загорского музея-заповедника. СА, 1958, 3, стр. 179.

Заметки

В. А. ПОСРЕДНИКОВ

ОТКРЫТИЕ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ В НАРЫМСКОМ ПРИОБЬЕ

В 1972 г. старший геолог отдела изысканий Томского отделения института «Энергосетьпроект» Н. В. Евтушенко передал в Томский областной краеведческий музей палеолитический нуклевидный скребок и обломок кости крупного животного, найденные им у с. Могочино Молчановского района Томской области. В октябре 1972 г. лаборатория истории, археологии и этнографии Томского университета организовала экспедицию для обследования местонахождения и определения его характера. В экспедиции принимал участие антрополог В. А. Дремов.

Местонахождение обнаружено на мысу склона третьей надпойменной левобережной террасы р. Оби. Высота террасы над уровнем реки 40—50 *м*, высота склона около 15 *м* (рис. 1). Терраса, а вместе с ней мыс и его склоны покрыты лесом и кустарником, поверхность задернована. И только обрушившаяся оконечность мыса вскрыла глубокие горизонты четвертичных отложений. В результате зачистки обнажения обнаружился следующий разрез (рис. 2): 1) 0,0—0,2 *м* — гумус темно-серый; 2) 0,2—0,5 *м* — суглинок серый; 3) 0,5—3,2 *м* — суглинок беловато-серого цвета с тонкими горизонтальными прослойками светло-серовато-голубоватого и светло-серовато-желтоватого цвета; фракция однородная, пылеватая; структура крупная, столбчатая; отваливается по вертикальным трещинам, образуя отвесную

Рис. 1. Могочинское палеолитическое местонахождение

стенку; лёссовидные суглинки; 4) 3,2—3,3 *м* — песчано-гравийный горизонт бурого цвета, сцементирован окисями железа; 5) ниже 3,3 *м* — песок среднезернистый желтый.

Для определения характера местонахождения нами были проведены раскопки на площади в 1 $м^2$. Несмотря на незначительную разведочную площадь, было собрано сравнительно большое количество разнообразных орудий — скребки, рубящие орудия, отщепы, обломки (рис. 3). Кроме того, была найдена берцовая кисть молодого мамонта[1] и несколько фрагментов костей и зубы более мелких животных.

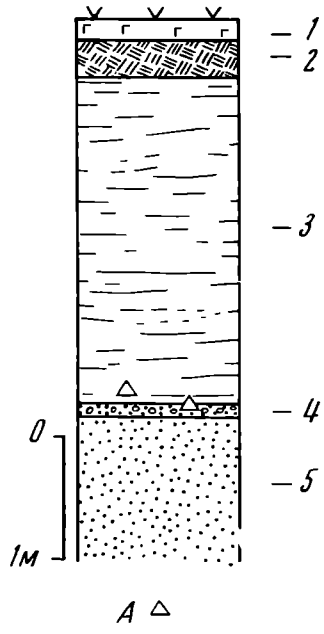


Рис. 2. Разрез верхних отложений мыса. А — горизонт залегания каменных вещей и костей мамонтовой фауны

Все каменные вещи и кости залегали непосредственно в песчано-гравийном горизонте (горизонт 4), на нем и до 5 *см* выше его. Сверху они были перекрыты трехметровой толщей лёссовидного суглинка. Некоторые из орудий были прочно сцементированы с песчано-гравийной средой.

Предварительные наблюдения геологических условий залегания находок позволяют высказать предположение, что время существования стоянки, по-видимому, совпадает с начальной фазой отложения лёссовидных суглинков. По мнению геолога Н. В. Евтушенко, проводившего в районе Могочино изыскательские геологические работы, лёссовидные суглинки в конкретном случае могут быть датированы каргинским межледниковьем. Однако геологическая датировка требует дальнейшего уточнения.

Палеолитическая стоянка у с. Могочино в Нарымском Приобье является в настоящее время самой северной из четырех известных в Западной Сибири памятников эпохи палеолита (Томская, Ачинская, Чернозерская, Могочинская). Открытие ее на Западно-Сибирской равнине создает большие перспективы для

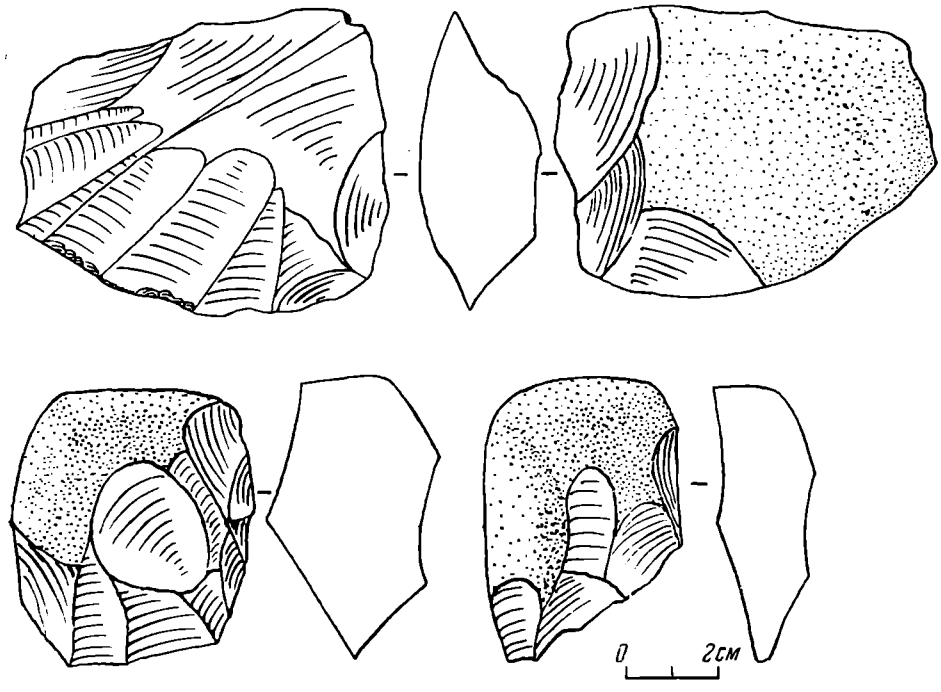


Рис. 3. Каменные вещи Могочинской палеолитической стоянки

[1] Определение заведующего палеонтологическим музеем Томского университета В. Л. Ананьева.

обнаружения здесь новых палеолитических памятников. Вместе с тем уже эта находка позволяет в значительной мере изменить наши прежние представления о процессе расселения человека в эпоху палеолита на территории Западной Сибири. Совсем недавно считалось, что человек столь древней эпохи мог проживать только в примыкающей к Западной Сибири области Саяно-Алтая и его отрогов. Новое открытие совершенно определенно свидетельствует, что люди в эпоху палеолита проникали и осваивали районы Западной Сибири, расположенные далеко к северу от горной страны.

В. А. АЛЁКШИН

КАМЕННЫЕ ГИРИ С ДРЕВНЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ЮЖНОЙ ТУРКМЕНИИ

Уплощенные каменные диски непонятного назначения были впервые обнаружены на анауских поселениях американской экспедицией Р. Пампелли во время раскопок эпонимного памятника близ аула Анау под Ашхабадом [1] (рис. 1, *1*). Уже тогда было обращено внимание на унифицированную форму дисков, несмотря на то, что их линейные параметры значительно варьировали и, следовательно, изделия имели различные весовые номиналы.

Все диски, как правило, округлой формы, в верхней части каждого сделано овальное отверстие, образующее горизонтальную ручку, которая служила для переноски изделия. Пампелли высказал предположение, что они использовались в качестве гирь [2], но так как большинство этих предметов было найдено во фрагментах, весовой анализ изделий произведен не был, за исключением целой гири с северного холма Анау, которая была взвешена. Вес ее оказался равным 13,59 *кг* [3]. В настоящее время аналогичные диски известны для большинства анауских памятников, но весовые номиналы их по-прежнему никем не определены, хотя в специальной литературе за дисками укрепилось название «гири», и исследователи, занимающиеся проблемами культуры древних земледельцев юга Туркмении, принимают предположение Пампелли, оговаривая, однако, необходимость весового анализа этих предметов [4].

Судя по стратиграфии обследованных памятников, диски-гири появляются еще в комплексах времени Намазга I [5]. Наиболее поздние находки их относятся к эпохе бронзы и обнаружены в верхних слоях Алтын-Депе. К сожалению, условия залегания гирь в культурном слое поселений остаются неясными. Определенно мы можем судить лишь о двух массивных гирях с Кара-Депе, найденных во втором сверху строительном горизонте, относящемся ко времени Намазга III (рис. 1, *2*, *3*). Одна лежала в хозяйственном дворе неподалеку от помещения, которое, вероятно, служило хранилищем для сушки зерна, вторая найдена в жилой комнате [6]. Одна из гирь с поселения Алтын-Деле находилась в заполнении жилого помещения.

---

[1] R. Pumpelly. Ancient Anau and the Oasisworld. Explorations in Turkestan. Prehistoric Civilizations of Anau. Washington, 1908, II, p. 478—479, fig. 506—510.

[2] Ibid., p. 478.

[3] Ibid., p. 478.

[4] В. М. Массон. Энеолит южных областей Средней Азии, II., Памятники развитого энеолита юго-западной Туркмении. САИ, Б3—8. М.— Л., 1962, стр. 22, табл. XI, *10*, *12*, *13*; его же. Средняя Азия и древний Восток. М.— Л., 1964, стр. 166; его же. Кара-Депе у Артыка. Тр. ЮТАКЭ, X, Ашхабад, 1961, стр. 373; В. И. Сарианиди. Энеолитическое поселение Геоксюр. Тр. ЮТАКЭ, X, Ашхабад, 1961, стр. 268.

[5] И. Н. Хлопин. Энеолит южных областей Средней Азии. ч. I, Памятники раннего энеолита южной Туркмении. САИ, Б3 — 8. М.— Л., 1963, стр. 9.

[6] В. М. Массон. Кара-Депе у Артыка. Тр. ЮТАКЭ, X. Ашхабад, 1961, стр. 354, рис. 12, стр. 451, табл. XXXII, *1*, *4*.

Аналогичные гири известны и на памятниках древних земледельцев Ирана и Афганистана. В слое Сиалк III был обнаружен фрагмент подобного изделия из алебастра (рис. 1, *8*). Автор раскопок предполагает, что это обломок гири [7].

На поселении Гисар гиря из песчаника найдена в мусорной свалке слоя Гисар IC [8] (рис. 1, *10*). В помещении 4 сгоревшего здания Гисара IIIB встречена каменная гиря из красно-коричневого камня, растрескавшаяся в результате пожара. Рядом с ней находились остатки обуглившейся пшеницы [9] (рис. 1, *11*). Кроме того, в слое Гисар IIIC обнаружены каменные [10] и один алебастровый [11] диски, форма которых идентична форме гирь (рис. 1, *12*, *13*, *14*). Однако в отличие от последних они тщательнее обработаны и менее массивны.

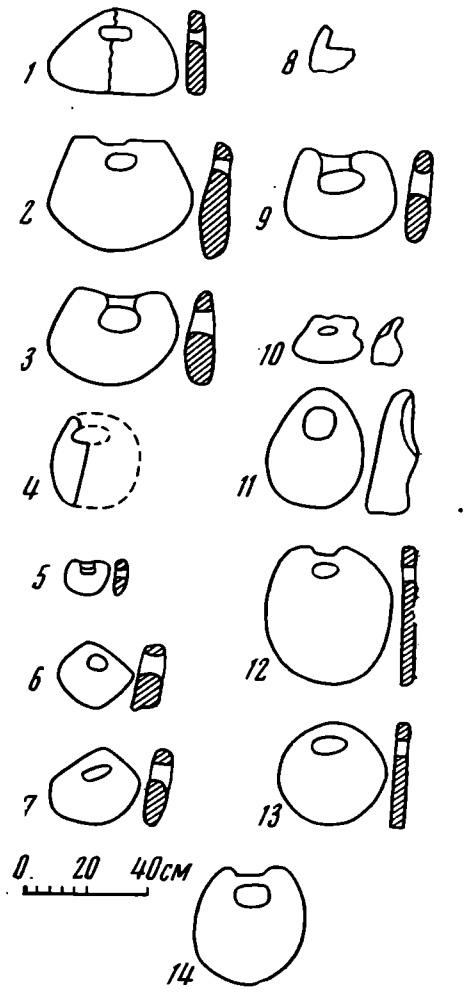


Рис. 1. Гири с древнеземледельческих поселений южной Туркмении, Ирана и Афганистана

1 — северный холм Анау; *2*, *3* — Кара-Депе; *4*—*7* — Алтын-Депе; *8* — Сиалк, *9* — Мундигак, *10*—*14* — Гисар. *2*, *3*, *4*, *5* — песчаник; *6*, *7*, *9* — известняк, *8*, *14* — алебастр

Алебастровый диск был найден Шмидтом в богатом погребении «воина» [12], содержащем разнообразный инвентарь: серебряный и алебастровый кувшины; изделия из меди (жезл, двузубец, топор, долото), лазуритовые бусы, медные серьги с золотой обкладкой. Перед коленями погребенного находился алебастровый диск с ручкой (рис. 1, *14*) и алебастровый цилиндр с вогнутыми сторонами и канавкой, прорезанной по диаметру верхнего основания цилиндра.

Аналогичные каменные диски совместно с цилиндрами неизвестного назначения встречены в так называемых кладах на холме сокровищ Тепе Гисара [13]. Они тоже относятся к верхнему слою памятника. Первоначально Шмидт считал, что алебастровый диск с ручкой, так же как и найденный вместе с ним цилиндр, являются предметами культа [14], но в основной публикации материалов Гисара он уже склоняется к мысли об использовании диска в качестве гири. То же самое назначение он предполагает и для каменных дисков, найденных в слое IIIC [15].

Между тем гири из грубого необработанного камня и диски из слоя Гисар IIIC отличаются друг от друга некоторыми деталями. Первые массивны, грубы, с широкой неудобной ручкой, без дополнительной обработки. Их находят вблизи хозяйственных и жилых построек. Вторые характеризуются изяществом отделки, они менее массивны, с четко выделенной ручкой, которая имеет дополнительную обра-

[7] R. Ghirshman. Fouilles de Sialk 1938, I, p. 55, 142, pl. LXXXV, S. *223*.

[8] E. Schmidt. Excavations at Tepe Hissar. Philadelphia, 1937, p. 58, pl. XVIII, A, H*2095*.

[9] Ibid., p. 221, pl. LXIII, H*2772*.

[10] Ibid., p. 219, pl. LXII, H*3492*, H*2895*.

[11] E. Schmidt. Tepe Hissar. Excavations, 1931, MJPh, 1933, XXIII, 4, pp. 423—431, pl. CXXXVI, A, H *174*.

[12] Ibid., pp. 442—443; p. 447, pl. CLII; p. 448, pl. CLIII, A.

[13] E. Schmidt. Excavations at Tepe Hissar, p. 175.

[14] E. Schmidt. Excavations, 1931. MJPh, 1933, XXIII, 4, p. 423—431.

[15] E. Schmidt. Excavations at Tepe Hissar, p. 311.

ботку. Диски этого типа обнаружены в погребениях или кладах. Кроме того, гири из необработанного камня не сопровождаются находками каменных цилиндров с вогнутыми сторонами, как это имеет место с дисками из слоя Гисар IIIC. Мы не в состоянии дать сейчас определенную интерпретацию дискам второго типа, хотя вполне возможно, что они связаны с какими-то культовыми таинствами. Поэтому обратимся снова к грубым массивным гирям из необработанного камня.

Подобные находки известны и в Мундигаке, где в слое I обнаружена почти целая гиря, а от другой, найденной в жилом помещении, сохранились лишь небольшие фрагменты. Гиря из Мундигака изготовлена из белого неполированного известняка[16] (рис. 1, *9*). В районе Годар-и-Шах (южный Афганистан) в полуразрушенном мазаре Д. Далесом найден ряд каменных изделий, относящихся к эпохе энеолита или бронзы. Среди них была и гиря из грубо обработанного камня. Каким образом эти вещи попали сюда, осталось невыясненным, так как поиски древнего могильника или поселения вблизи мазара не дали результатов. Скорее всего, они принесены откуда-то издалека верующими мусульманами уже в наши дни и оставлены здесь в качестве приношений[17].

Таким образом, налицо значительное распространение этой категории археологического материала в древнеземледельческих памятниках Туркмении, Ирана и Афганистана, а абсолютное тождество формы всех изделий указывает на их однозначное функциональное назначение (за исключением, возможно, дисков слоя Гисара IIIC). К сожалению, все гири, приведенные в качестве аналогий анауским, никем не взвешивались, хотя авторы раскопок безоговорочно признают именно такое функциональное назначение данных изделий.

Гири, найденные в южной Туркмении, изготовлены из мраморовидного известняка или из песчаника. Залежи этих пород известны в Копет-Даге и по левому берегу р. Теджен[18]. Автору заметки известны шесть гирь с анауских поселений. Четыре из них хранятся в ЛОИА и две в Государственном Эрмитаже. Весовой анализ их дал довольно интересный результат:

Гиря № 1 (рис.1, *7*)	Алтын-Депе	Подъемный материал. Эпоха бронзы	Вес 6,975 *кг* ≈ 7 *кг*
Гиря № 2 (рис. 1, *6*)	» »	То же	Вес 5,475 *кг* ≈ 5,5 *кг*
Гиря № 3 (рис. 1, *5*)	» »	Заполнение жилого помещения. Эпоха бронзы	Вес 4,020 *кг* ≈ 4 *кг*
Гиря № 4 (рис. 1, *4*)	Алтын-Депе, фрагмент	Подъемный материал. Эпоха бронзы	Вес 3,900 *кг*[19]
Гиря № 5 (рис. 1, *2*)	Кара-Депе	Слой Намазга III. Хозяйственный двор	Вес ≈ 26,5 *кг* 26,430 *кг*
Гиря № 6 (рис. 1, *3*)	» »	Слой Намазга III. Жилое помещение	Вес 19 *кг*

Уже первые четыре гири обнаруживают четкую взаимосвязь своих весовых номиналов. Разница веса в гирях № 1—3 составляет 1,5 *кг*. Если предположить, что подобная разница служила какой-то мерой веса и что в дальнейшем вес дисков возрастал на ту же самую единицу, равную 1,5 *кг*, то, следовательно, должны были существовать гири весом в 8,5 и 10 *кг* Именно 10 *кг* весит гиря № 4, найденная на Алтын-Деле. Но тогда можно предположить, что существовали гири весом 11,5 *кг*; 13; 14,5; 16; 17,5; 19;

[16] J. M. Casal. Fouilles de Mundigak. Paris, 1961, I, p. 235; II, Fig. 135, 4.

[17] F. G. Dales. Prehistoric Research in Southern Afghan Seistan «Afghanistan», Kabul, 1971, XXIV, 4, p. 31, Fig. 18, 19.

[18] И. Н. Хлопин. Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита. М.— Л., 1964, стр. 129.

[19] Фрагмент гири № 4 оказался весьма значительным по своим размерам, благодаря чему нам удалось восстановить ее форму и вычислить объем недостающей ее части. Зная удельный вес песчаника, из которого гиря была изготовлена, мы установили, что первоначально она весила 10 *кг*.

20,5; 22; 23,5; 25; 26,5 *кг* и т. д. В таком случае весовые номиналы гирь с Кара-Депе (гири № 5 и 6) укладываются в реконструируемую нами систему мер веса древних земледельцев южной Туркмении (рис. 2).

Эта система, видимо, имела здесь давнюю и устойчивую традицию, хронологические рамки которой охватывают период от развитого энеолита вплоть до эпохи бронзы, и получила широкое распространение (расстояние между Алтыном и Кара-Депе около 120 *км*). Лишь вес гири, найденной американцами на северном холме Анау в слое, соответствующем времени

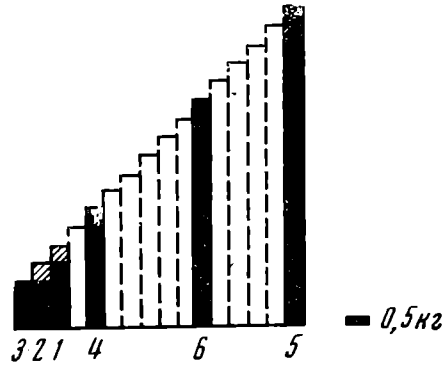


Рис. 2. Графическое изображение результатов весового анализа гирь с анауских поселений. Сплошной заливкой показаны взвешенные гири; штриховкой — возрастание их веса на 1,5 *кг*; пунктиром — веса гирь, существование которых предполагается

Цифры под столбцами означают номера взвешенных гирь в порядке их перечисления в тексте

Намазга II (по общепринятой ныне периодизации), не обнаруживает той закономерности, которая характерна для всех остальных экземпляров. Вес этой гири, как указывалось выше, равен 13,59 *кг*. Возможно, что в период Намазга II система весов еще не была унифицирована, либо американцы допустили неточность во взвешивании, либо часть гири была отколота, на что тогда не было обращено внимания. Закономерность, связывающая весовые номиналы каменных дисков, позволяет нам сделать вывод, что предположение Пампелли, принятое другими исследователями, имеет под собой реальную почву. Гири, видимо, использовались прежде всего для взвешивания продуктов земледелия, как об этом писал В. М. Массон [20].

Древним земледельцам необходимо было точно определять количество зерна, нужное для потребления семьи, для семян, а в более позднее время и количество зерна, идущее для обмена на другие продукты. Не случайно на Кара-Депе одна гиря найдена поблизости от зернохранилища, а в Гисаре гиря находилась в помещении, где, видимо, хранились запасы зерна. Находки гирь в жилых помещениях, вероятно, связаны с их вторичным использованием в качестве пяточных камней, как это имело место в Мундигаке [21].

К сожалению, данные полученные в результате весового анализа гирь из южной Туркмении, ни с чем не сопоставимы, так как подобные анализы, как уже указывалось выше, не проводились на аналогичных материалах Ирана и Афганистана. Для этого времени известна лишь метрология древнего Шумера, но он находился слишком далеко от южной Туркмении. К тому же вопрос о торговых связях этих двух регионов в эпоху энеолита и бронзы остается открытым. Поэтому совершенно неожиданным явилось то обстоятельство, что веса гирь с анауских поселений оказались кратными целому числу древнешумерских мин (мина — наиболее распространенная единица веса в древнем Шумере, приблизительно равная 0,5 *кг*) [22].

Ответить на вопрос случайно или нет весовые номиналы анауских гирь кратны древнешумерским минам, не представляется возможным, хотя, судя по письменным источникам, торговая экспансия Шумера была чрезвычайно обширной и захватывала в свою сферу многие периферийные варвар-

---

[20] В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток. М.— Л., 1964, стр. 166.

[21] J. M. Casal. Fouilles de Mundigak. Paris, 1961, I, p. 235.

[22] А. А. Вайман. Шумеро-вавилонская математика III—I тыс. до н. э. М., 1961, стр. 25; И. Клима. Общество и культура древнего Двуречья. Прага, 1967, стр. 151.

ские земледельческие общины [23]. Вполне возможно, что в эпоху бронзы такие связи между Шумером и южной Туркменией уже осуществлялись, как это, например, отмечено в отношении торговых связей южной Туркмении с Харапской цивилизацией [24].

Посредниками в торговле между южной Туркменией и Шумером могли выступать земледельческие общины Ирана и Афганистана. Четыре из шести взвешенных гирь относятся именно к эпохе бронзы.

Разумеется, наше предположение о взаимосвязи анауских и древнешумерских мер веса не подкреплено конкретными фактами и является лишь рабочей гипотезой. Гораздо существеннее выглядят итоги весового анализа гирь, хотя и здесь хотелось бы иметь большее число наблюдений для окончательных выводов. Интересно было бы сопоставить веса гирь из южной Туркмении с аналогичными изделями древних культур Европы. Но здесь находки гирь довольно редкое явление. Можно лишь упомянуть медные слитки в виде двойных топоров во Франции и Германии. Их вес тяготеет в какой-то единице между 500 и 600 *г* [25], т. е. приблизительно равен опять же одной древнешумерской мине. Возможно, это обстоятельство находится в какой-то связи с проникновением металла в Европу с Древнего Востока и с тем, что его относительно высокая стоимость не позволяла изготавливать тяжелые слитки, так как их реализация натолкнулась бы на значительные трудности. Веса же свинцовых и оловянных гирь из свайных поселений позднебронзового века Швейцарии близки к весу финикийской мины (0,727 *кг*) [26].

В заключение еще раз отметим, что гири появляются на анауских поселениях в слоях времени Намазга I. Первоначально они, видимо, использовались для учета продуктов земледелия и для внутреннего обмена. Впоследствии, возможно, гири становятся необходимыми и для внешнего обмена.

---

[23] В. М. Массон. Ук. соч., стр. 231—234.
[24] Его же. Протогородская цивилизация юга Средней Азии. СА, 1967, 3, стр. 165—191.
[25] Г. Кларк. Доисторическая Европа, М., 1953, стр. 279.
[26] Там же, стр. 273, примеч. 200.

А. Л. НИКИТИН

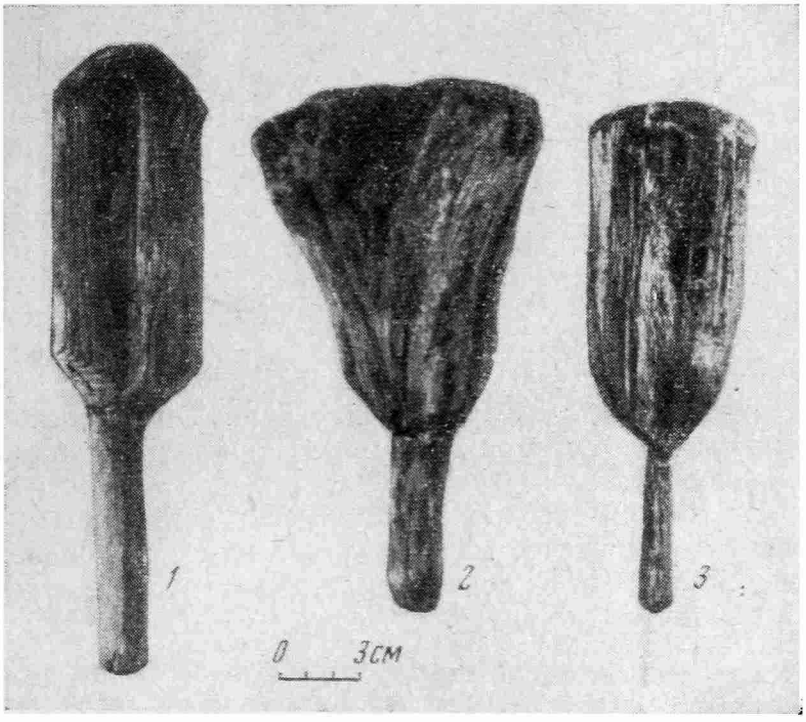
О ТАК НАЗЫВАЕМЫХ КОЛОТУШКАХ

При раскопках торфяниковых неолитических поселений, особенно на северо-западе Европейской части СССР, встречаются своеобразные деревянные предметы. Они напоминают короткую лопатку или совок (рисунок), отличаясь от них большей толщиной. Форма уплощенной части может быть различной — ромбическая, овальная, треугольная, прямоугольная. Внешняя сторона «щитка» в поперечном сечении, как правило, выпуклая, внутренняя — обязательно плоская. На плоской стороне, обычно в центре ее, находится углубление со следами ожога и обугливания. Значительно реже здесь присутствуют вмятины и выбоины.

Поскольку в слоях, где находили подобные предметы, часто встречаются следы пожаров, обожженные части колотушек не привлекали внимания; исследователей гораздо больше интересовали вмятины и выбоины. Вот что пишет по этому поводу Л. В. Ванкина: «Почти в каждом сарнатском жилище были найдены одна или несколько деревянных колотушек, специально изготовленных для раскалывания водяных орехов. Эти колотушки (общим числом 23) являются косвенным, но достаточно убедительным свидетельством значительной роли собирательства в экономике эпохи неолита. Колотушки имеют четырехугольную или трехугольную форму,

посередине от раскалывания орехов образовалось углубление, где при анализах были обнаружены застрявшие в древесине острые шипы водяного ореха... Длина колотушек обычно колеблется от 14 до 30, ширина — от 7 до 16, толщина — от 3,3 до 6 *см*» [1].

Подобная трактовка вызывает возражения. Такому функциональному назначению этих предметов противоречит как форма «колотушек», так и следы ожога в углублениях на плоскости [2]. В первом случае утверждение исследователей вступает в противоречие с основным законом техники, где



«Колотушки» из раскопок стоянки Сарнате (по Л. В. Ванкиной)

приложение силы к точечному объекту обязательно концентрируется на минимально допустимой площади. Поскольку лесной или водяной орех правомерно рассматривать как точечный объект, его раскалывание «колотушкой» можно уподобить забиванию гвоздя кухонной доской. Правило это можно назвать «законом молотка», и оно ни разу не нарушается ни в одном из орудий древнего или нового времени. Обломки водяного ореха в трещинах размокшего дерева не могут служить достаточным аргументом, так как указанные предметы на стоянке Сарнате часто находимы были именно в кучах такой скорлупы [3].

Рассматривая колотушки, можно убедиться, что их рабочей частью является плоскость щитка, а не край его или конец. Исходя из функциональных возможностей, плоскостью может служить: основой, на которой производится какая-либо работа; посредником приложения силы к среде (весло); посредником в превращении кинетической энергии в механическую (лопасть водяного колеса).

Из указанных трех вариантов одинаково возможны первый и второй. Наличие ожогов на плоскости сужает поиск и приводит к мысли, что «колотушки» применялись для переноса на небольшое расстояние двух объек-

---

[1] Л. В. Ванкина. Торфяниковая стоянка Сарнате. Рига, 1970, стр. 95.

[2] Следует заметить, что ручки, напротив, никогда не бывают обожжены. Такая «дифференцированность» повреждений позволяет сразу же исключить возможное действие пожара.

[3] Л. В. Ванкина. Ук. соч. (например, в жилище «К», стр. 37 сл.).

тов — горящих углей и раскаленных камней, иначе говоря, использовались как печной совок.

Догадка близка к истине, но ей не соответствует форма предметов. Конструктивная идея совка заключается в помещении центра и оси тяжести ниже оси рукоятки, или же на одном с нею уровне, как у лопаты, но никогда не выше. Даже на приведенных фотографиях можно видеть, что рукоятка расположена в иной плоскости, чем рабочая поверхность (ниже ее). Отсюда следует, что каждый предмет, видимо, является лишь половиной пары, а в целом — щипцами для переноса раскаленных камней из очага в сосуд при приготовлении пищи. Размеры неолитических сосудов, толщина их стенок, нахождение сосудов в специальных ямах рядом с очагами на стоянках — все это подтверждает общепринятую точку зрения, что обитатели неолитических поселений поднимали температуру в сосуде не внешним, а внутренним его нагревом. Этот прием можно до сих пор наблюдать у «общественных» деревенских пивоваров в Вельском районе Архангельской области, где раскаленные крупные камни переносят в бадьи большими деревянными щипцами, а мелкие, при «домашнем» производстве пива,— подобными же деревянными лопаточками. Следует отметить, что аналогичную картину для недавнего прошлого Псковщины установил А. М. Микляев [4].

Размеры указанных «колотушек» вполне соответствуют размерам неолитических сосудов и удобству манипулирования. Становится понятным и обугленность, и выемки в центре, сделанные как для удобства захвата камня, так и выжженные им.

Правильность данного предположения могут подтвердить находки подобных предметов в паре (что маловероятно) или же расположение их в непосредственной близости от очага. Последнему условию полностью отвечают находки на стоянке Сарнате [5].

---

[4] Личное сообщение А. М. Микляева.
[5] Л. В. Ванкина. Ук. соч., стр. 26, 30—31, 37.

Я. И. СУНЧУГАШЕВ

МЕДЕПЛАВИЛЬНАЯ ПЕЧЬ ЭПОХИ БРОНЗЫ

Археологической экспедицией Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории в 1972 г. открыта древнейшая медеплавильная печь относительно хорошей сохранности. Таких печей в Сибири до сих пор было известно только две. Первая исследована на территории Тувинской АССР в 1962 г. [1], другая — в 1968 г. на бывшем медном руднике Темир в Хакасии [2]. Публикуемый памятник находится в верховьях лога Кюг, в 18—20 *км* от улуса Верхний Аскиз. Этот микрорайон в археологическом отношении до сего времени не изучался. Здесь нами зафиксированы в трех пунктах следы металлургической деятельности древних людей и курганы тагарской эпохи всех стадий.

Медеплавильня обнаружена по следам шлака, выходившим на поверхность. После снятия дерна толщиной от 0,05 до 0,50 *м* обнажился медный шлаковый отвал диаметром 5 *м* при толщине 0,25 *м*. Он состоял из кусков шлака длиной до 0,35, шириной 0,25, при толщине 0,1—0,15 *м* (рис. 1). В изломе некоторых слитков хорошо видны корольки красной меди.

---

[1] Я. И. Сунчугашев. Горное дело и выплавка металлов в древней Туве, М., 1969, стр. 86.
[2] Я. И. Сунчугашев. По следам древних металлургов Хакасско-Минусинской котловины. АО, 1968, М., 1969, стр. 231; его же. Медеплавильне 2500 лет. «Природа», 1969, 7.

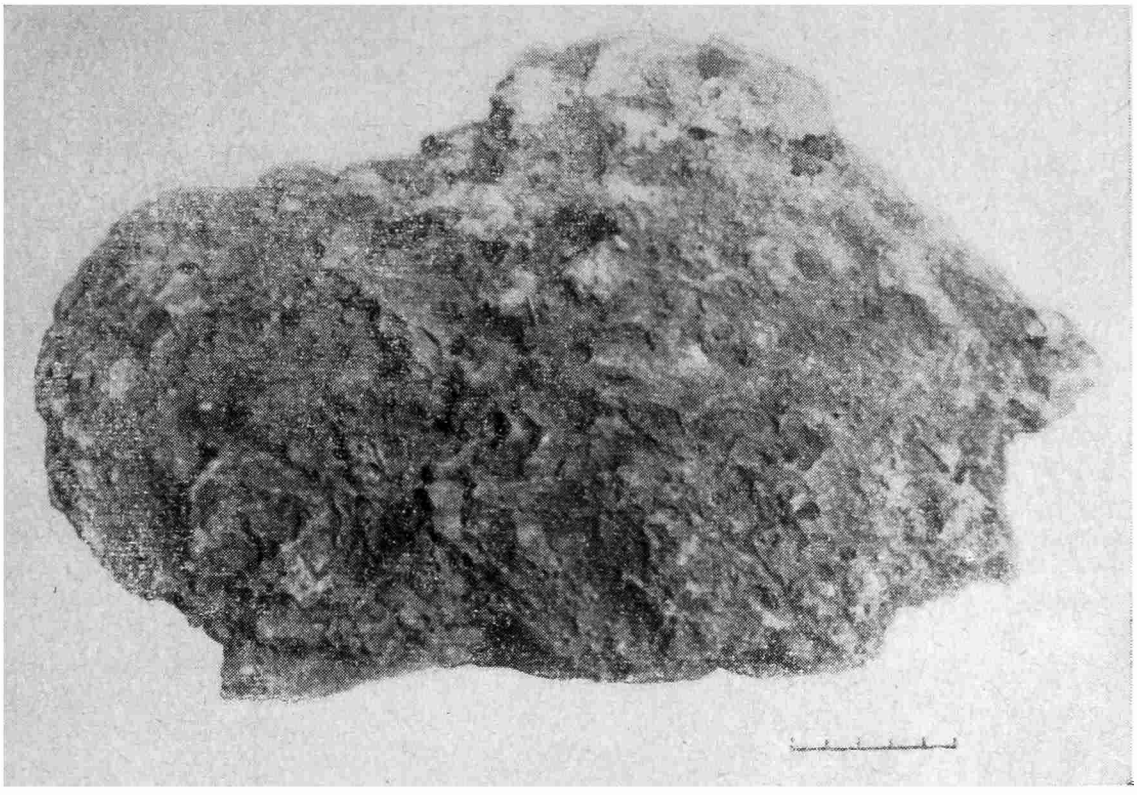


Рис. 1. Слиток медного шлака

С северо-западной стороны отвала находилась медеплавильная печь, сложенная целиком из розоватого песчаника (рис. 2). Разборка каменной кладки показала, что она сооружилась так: первоначально была вырыта в глинистом грунте яма, затем в ней сделана прямоугольная камера-топка (0,75 × 0,70 *м*) из вертикально поставленных толстых плит (рис. 3), на которых лежала растрескавшаяся на несколько частей плита. Топка заполнена глиной, золой, древесным углем и небольшими кусками шлака.

На опорной плите было кольцо (диаметром до 1,6 *м*), выложенное из песчаниковых плит в два-три слоя (рис. 2). В середине кольца помещалось продолговатое чашевидное приспособление (длина 0,55, ширина 0,44 *м*), сделанное из каменных плиток, скрепленных серой глиной. Здесь зафиксирован сильно обожженный слой (мощность 5 *см*) мелкозернистого формовочного песка. Пространство между чашевидным сооружением и внутренним краем кольца нарочно заполненно желтой глиной.

Медеплавильня работала на древесном (лиственничном) угле. Надо полагать, что плавка меди производилась в глиняном тигле, который, вероятно, находился в чашевидном приспособлении. Тигель прогревался снизу и снаружи (сбоку). Последнее предположение основывается на находке воздуходувного сопла, лежавшего на каменном кольце. Оно было направлено узким концом к середине. С восточной стороны печи находилась небольшая выемка, в которой, вероятно, помещался воздуходувный мех. Для плавки шли, несомненно, местные медные руды. Надо полагать, что древние металлурги добывали высококачественную руду недалеко от медеплавилен. Где именно древние добывали медь, сказать пока трудно, так как район в геологическом отношении исследован недостаточно полно.

Вместе со шлаками найдены кости домашних животных (овца, корова или лошадь), фрагменты литейных форм из глины и обломки глиняной посуды. Особый интерес представляет орнамент на керамике — косые насечки, елочка, ямки (рис. 4). Таких узоров, насколько нам известно, на тагарской посуде нет. Своеобразный профиль, высокая шейка и другие признаки

Рис. 2. Медеплавильная печь

Рис. 3. Топка печи

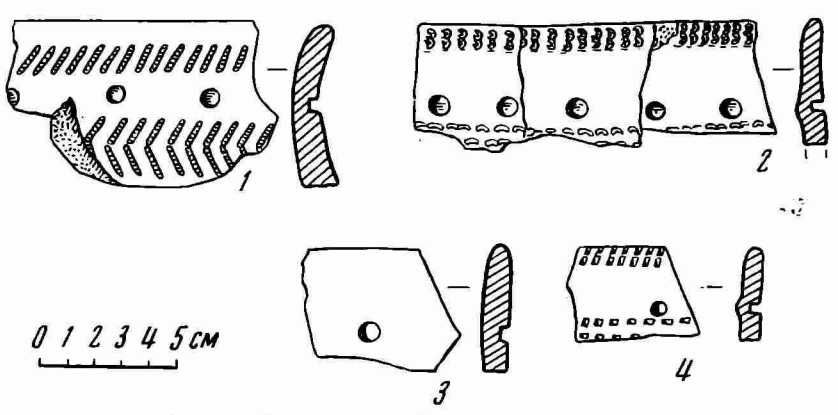


Рис. 4. Фрагменты бытовой посуды

позволяют датировать эту керамику (и медеплавильню в целом) эпохой бронзы, а именно поздним этапом карасукской культуры [3].

Описанный нами памятник, а также археологические наблюдения в долине Кюг (наличие и раннетагарских металлургических остатков) позволяют полагать, что здесь длительное время проживали родовые общины,

[3] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 136; Н. Л. Членова. Памятники переходного карасук-тагарского времени в Минусинской котловине. СА, 1963, 3, стр. 50.

занимавшиеся горнорудным делом. Говоря о металлургии карасукского времени, С. В. Киселев совершенно справедливо отметил: «На среднем Енисее большинство медных месторождений находится в горнотаежном районе, где, очевидно, не жило основное карасукское население, тяготевшее к большим рекам и прилегавшей к ним степи. Неудивительно поэтому, что здесь мы встречаемся с территориальным обособлением горного дела — формой, характерной для времени первого общественного разделения труда» [4].

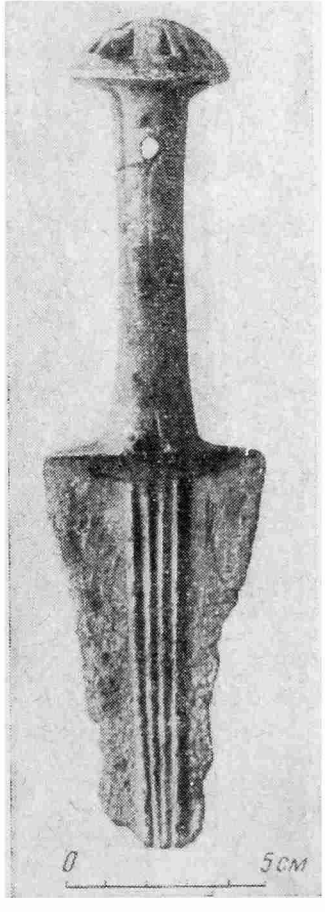
[4] С. В. Киселев. Ук. соч., стр. 164.

С. Л. ДУДАРЕВ

КИНЖАЛ ЗАКАВКАЗСКОГО ТИПА ИЗ ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ

В сентября 1971 г. в окрестностях с. Майртуп Шалинского района Чечено-Ингушской АССР учителем местной школы краеведом Р. Ибаевым был найден бронзовый кинжал с фрагментированной рукоятью и обломанным лезвием, который был передан им в Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы [1].

Общая длина сохранившейся части кинжала 21 *см* (рисунок). Круглая в сечении рукоять увенчана массивным грибообразным навершием с ажурным прорезным орнаментом. На ней имеется отверстие, скорее всего для темляка. Лезвие кинжала с обеих сторон украшено продольными нервюрами (по четыре с каждой стороны).



Бронзовый кинжал из окрестностей с. Майртуп

Подобный кинжал для территории Чечено-Ингушетии уникален. Ближайшие аналогии ему мы находим в кобанских могильниках Северной Осетии (Верхнекобанском, Кумбултском, Галиатском) [2], а также в Дагестане (с. Турчи) [3]. Впрочем, все кинжалы этого типа в перечисленных памятниках найдены вне комплексов и не могут указывать на конкретную дату. В Ворнакском [4] и в особенности Самтаврском [5] могильниках Закавказья, откуда происходит основная масса подобных кинжалов, последние датируются XI — X вв. до н. э.

Есть основания считать, что майртупский кинжал связан с известными уже комплексами археологических находок в этой местности. В 1967 г. в окрестностях Майртупа, на территории прежде зафиксированного могильника скифского времени[6], был обнаружен клад бронзовых вещей, датировка которого, по В. Б. Виноградову, наиболее

[1] Приношу благодарность зав. сектором археологии и этнографии ЧИНИИИЯЛ В. Б. Виноградову за предоставление мне права опубликовать находку.

[2] П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, VIII. М., 1900, табл. XI, *1*; XCVI, *5*; CXVII, *1*.

[3] В. И. Марковин. Дагестан и горная Чечня в древности. МИА, 122, 1969, стр. 99, рис. 41, *4*.

[4] А. Л. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964, стр. 115, табл. XI, *3*; XXXV, *3*.

[5] Р. М. Абрамишвили. К вопросу о датировке памятников эпохи поздней бронзы и широкого освоения железа, обнаруженных на Самтаврском могильнике. ВГМГ, XIX-A, XIX-B. Тбилиси, 1957, стр. 140, табл. I, *82*.

[6] В. Б. Виноградов. Археологические разведки в Чечено-Ингушетии в 1965 г. Археолого-этнографический сборник. II, Грозный, 1968, стр. 213.

вероятна в пределах IX—VII вв. до н. э.[7]. Оттуда же происходят два глиняных лепных сосуда, переданных в Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт учителем Б. А. Ахмадовым. Крупный, биконической формы, горшок, с широким горлом и узким дном, украшен по тулову тремя горизонтальными налепными валиками и комбинацией из налепных валиков, напоминающей «якорь». Другой сосуд имеет горшковидную форму. Он значительно меньших размеров, с несколько сужающимся к горлу и закругляющимся возле дна туловом, украшенным по окружности четырьмя валиками с защипами. Датировка их первыми веками I тысячелетия до н. э. весьма вероятна из-за установленного сходства с посудой памятников типа Ишхой-Юрт и Зандак[8].

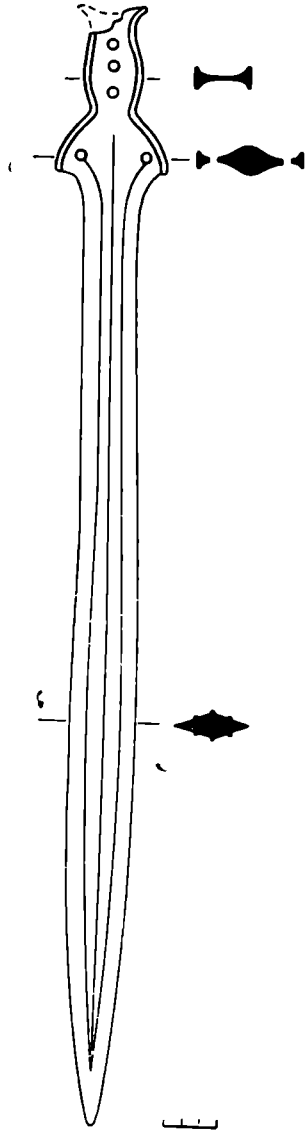
Можно полагать, что и описанный выше кинжал закавказского типа следует отнести к рубежу II—I или началу I тысячелетия до н. э.

[7] В. Б. Виноградов. Новые комплексы скифского времени из Чечено-Ингушетии. СА, 3, 1970, стр. 203—204, рис. 1.

[8] В. И. Маркович. Ук. соч., стр. 17, рис. 3, *2*; стр. 52,рис. 22, *1*.

Г. Т. КОВПАНЕНКО

БРОНЗОВЫЙ МЕЧ С БЕЛЬСКОГО ГОРОДИЩА



Древнейший бронзовый меч с Бельского городища

В 1962 г. в Полтавский краеведческий музей поступил бронзовый меч (инв. № А 2017), найденный случайно школьником на Бельском городище.

Он относится к типу мечей с черенком для рукояти (Griffzungenschwert). Накладки рукояти навершия не сохранились. Клинок имеет листовидную форму, слегка расширяющуюся в нижней части, а затем переходит в острие (рисунок). Сечение ромбовидное. Посредине вдоль клинка с обеих сторон имеются профилированные ребра. Черенок овальной формы, плоский, с бортиком по краю и тремя отверстиями (диаметр 5 *мм*) для крепления накладки. Наверху он заканчивается двумя роговидными отростками (один не сохранился). Перекрестие подтреугольное, с бортиком по краю и двумя отверстиями. Меч хорошей сохранности. Общая длина его 53 *см*, длина клинка 45, ширина 3—3,4, длина рукояти с перекрестием 8, ширина 2,5 *см*.

Публикуемая находка не имеет прямых аналогий среди мечей, распространенных на территории Лесостепной и Степной Украины в предскифское и раннескифское время[1]. Подобные мечи обычны в памятниках эпохи поздней бронзы и раннего гальштата Северной, Средней и Южной Европы. С территории Украины известно лишь несколько мечей подобного типа. Все они отличаются от описываемого формой клинка, рукояти и навершия. Один из них найден случайно в 1888 г. у с. Завадовка в Подолии[2], другой,

[1] А. И. Тереножкин. Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев, 1961, стр. 133—138; А. И. Мелюков. Вооружение скифов. САИ, Д 1—4, М., 1964, стр. 46 сл.

[2] K. Pulaskiego. Wiadomość o dwu zabytcach bronzowych znallzionych na Podolu. Pamietnik Eizyjograficzny. IX. Warszawa, 1889.

от которого сохранились обломки клинка, известен в составе вещей Райгородского клада на Лугащине [3]. Значительно чаще подобные мечи встречаются в западных областях Украины [4]. Полной аналогией нашей находке является меч из клада в Хиде (Семиградье), который датируется Ф. Хольсте IX в. до н. э. (гальштат B2) [5]. Видимо, к этому времени следует относить и меч с Бельского городища.

[3] В. А. Городцов. К вопросу о киммерийской культуре. Тр. САРАНИОН, II, 1928, стр. 56—57, рис. 13.

[4] І. К. Свешников. Пам'ятки бронзовоі доби з західних областей УРСР. Архив ИА АН УССР, ф. 12, № 267; K. Bernjakovic. Bronzezeitliche Hortfunde vom rechten Ufergebiet des oberen Theisstales (Karpatoeukraine USSR). Slovenska Archeologia, VIII, 2, 1960, Taf. 7.

[5] F. Holste. Hortfunde Südosteuropas. Marburg, 1951, Taf. 49, 1.

И. Б. ВАСИЛЬЕВ

САРМАТСКИЙ КУРГАН НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ БАШКИРИИ

Осенью 1971 г. Башкирским отрядом Нижнекамской археологической экспедиции был раскопан курган в устье р. Базы, левого притока р. Белой у села Атасово Илишевского района БАССР. Группа, к которой принадле-

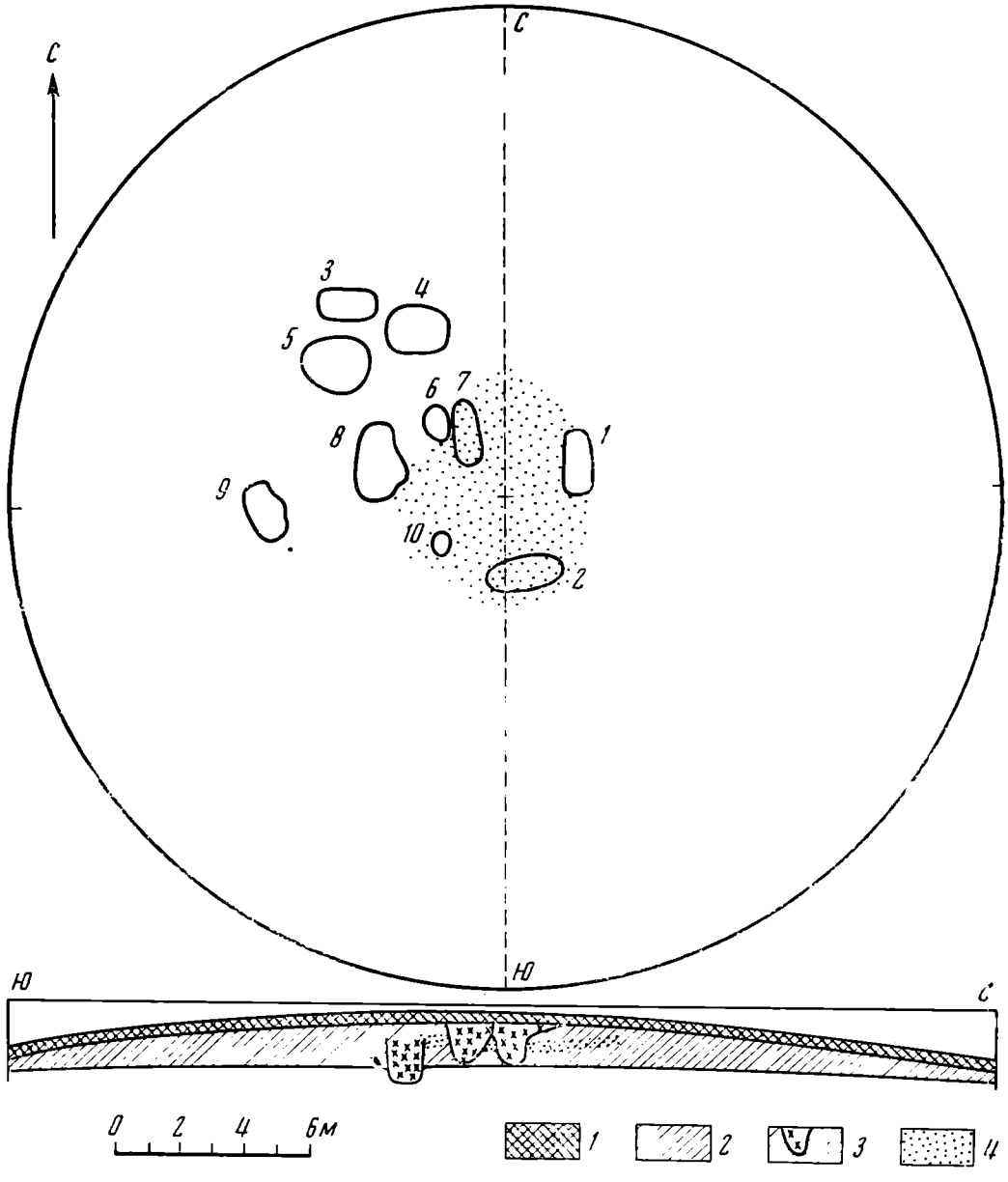


Рис. 1. План и профиль кургана

1 — пахотный слой; *2* — гумус, *3* — грабительский вкоп, *4* — прокал

жит этот курган, состоит из пяти насыпей диаметром 20—30 *м*, высотой 0,6—1,2 *м*. Могильник расположен на высокой коренной террасе левого берега р. Базы, на колхозном поле. Открыт он в 1964 г. Г. И. Матвеевой.

Диаметр раскопанного кургана 30 *м*, высота 1,2 *м* (рис. 1). В центре его, на глубине 0,8 *м* от современной поверхности, обнаружено округлое пятно прокаленной земли диаметром около 6 *м*. Оно прорезалось тремя поздними грабительскими вкопами, два из которых до материка не дошли, а третий попал прямо в погребение № 2 (рис. 1, *2*).

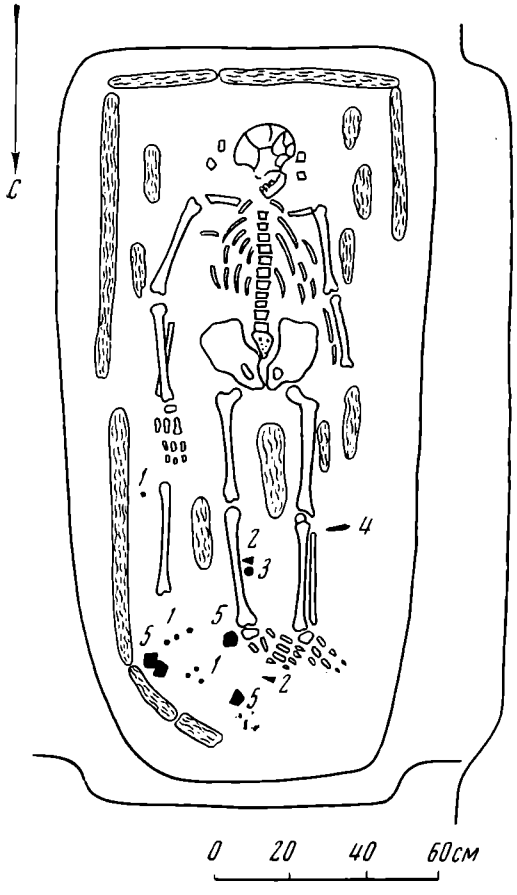


Рис. 2. Погребение № 1

1 — бусы, *2* — бронзовые наконечники стрел, *3* — крупная стеклянная бусина, *4* — железный наконечник стрелы; *5* — куски песчаника

Под насыпью находилось семь погребений и три ямы овальной формы, возможно, также следы грабительских ходов (рис. 1, *4*, *5*, *10*). Могильные ямы имели овальную форму: две ориентированы по линии З — В, четыре — С — Ю (рис. 1, *1—3*, *6—9*).

Погребение № 1 (рис. 2). Могильная яма прямоугольной формы имела размеры 2 × 1 *м*, глубину 0,15 *м* от уровня материка. Скелет погребенного лежал на спине, в вытянутом положении, головой на юг. Могила была обложена деревянными плахами. Под костяком прослеживались следы подстилки из коры. У ног найдены два бронзовых трехгранных наконечника стрел (рис. 3, *1*), железный втульчатый наконечник стрелы с узкими лопастями (рис. 3, *2*), узорчатая глиняная бусина (рис. 3, *3*), три желтых и три белых круглых бусины. У правой большой берцовой кости лежала крупная многогранная бусина из голубого стекла. В углу могилы, у ног, найдено несколько кусков белого песчаника.

Погребение № 2. Могильная яма овальной формы имела размеры 1,8 × 1 *м*, глубину 0,43 *м*. Западная часть могилы разрушена грабительским вкопом, который хорошо виден на профиле кургана (рис. 1). Кости верхней части скелета в беспорядке встречались в заполнении могильной ямы. Позвоночный столб, таз и бедренные кости сохранили анатомический порядок. Погребенный лежал на спине, в вытянутом положении, головой на запад. В заполнении восточной части могилы найдены маленькие кусочки коралла и бусины: 43 — черные лигнитовые (рис. 3, *5*), *4* — белые стеклянные (рис. 3, *5*), *2* — желтые.

Погребение № 3. Могильная яма прямоугольной формы имела размеры 1,7 × 0,85 *м*, глубину 0,2 *м*. На дне ее, в вытянутом на спине положении, лежал скелет плохой сохранности, ориентированный головой на запад. Слева от костяка, в области грудной клетки, находились две половинки глиняного округлого пряслица (рис. 3, *4*). У левой ступни лежала лопатка барана, на ней остатки ножа в деревянных ножнах.

Ямы № 4 и 5. Вероятно, являются следами грабительских вкопов. Остатков костяков не обнаружено, в яме № 4 найден кусок дерева.

Погребение № 6. В пятне прокаленной глины на глубине 0,8 *м* от поверхности кургана, лежало несколько человеческих костей и кусочки угля.

Погребение № 7. Могильная яма овальной формы имела размеры 1,8 × 0,74 *м*, глубину 0,23 *м*. В заполнении ее встречалось много углей. На дне могилы лежала лучевая кость, два позвонка и бедро человека.

Погребение № 8. Могильная яма овальной формы имела размеры 2,5 × 1,1 *м*, глубину 1 *м*. Восточная стенка могилы была нарушена грабительским вкопом, где в беспорядке лежали кости ног человека, крестец, ребра и нижняя челюсть. На дне могилы найдены череп, лопатка, ребра,

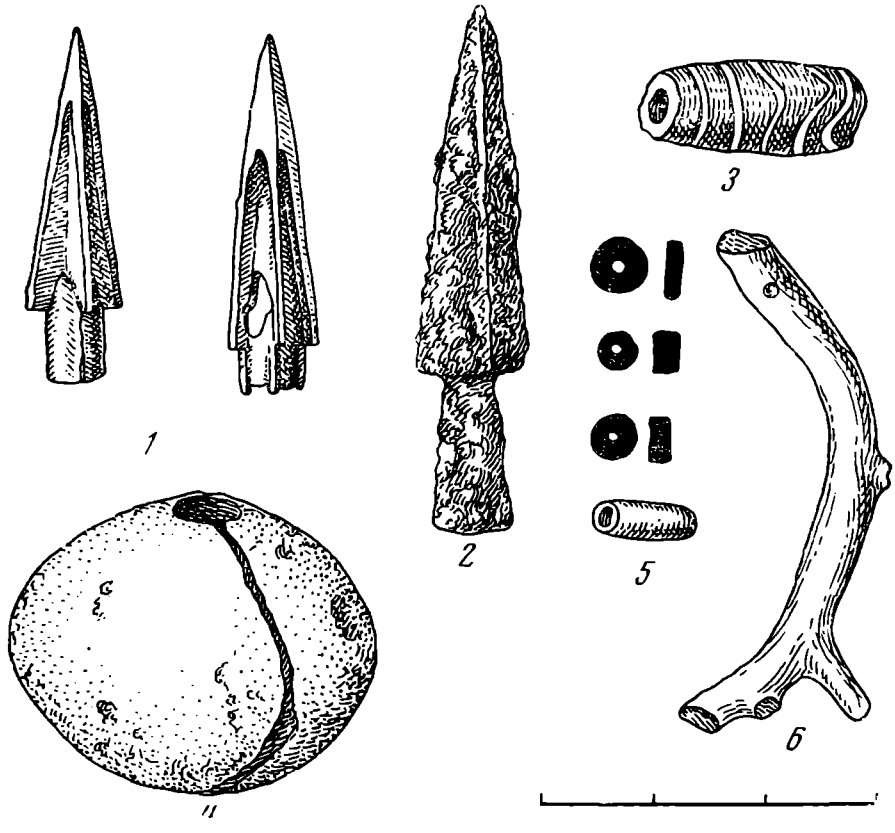


Рис. 3. Инвентарь

1 — бронзовые наконечники стрел, *2* — железный наконечник стрелы, *3* — бусина, *4* — пряслице, *5* — бусы, *6* — подвеска из коралла (*1—3* — погр. № 1; *4* — погр. № 3; *5* — погр. № 2; *6* — погр. № 9)

остатки деревянного бруска. В заполнении могильной ямы встречались угли.

Погребение № 9. Могильная яма прямоугольной формы имела размеры 1,7 × 1 *м*, глубину 0,15—0,2 *м*. Восточная стенка могилы была нарушена грабительским вкопом. На дне найдена подвеска из коралла (рис. 3, *6*), кусок белого песчаника, белая галька, угли, остатки деревянного бруска.

Судя по погребальному инвентарю могильника и обряду захоронения, раскопанный курган принадлежит к памятникам типа Старо-Киишкинского могильника [1] и относится к прохоровской культуре. Находка сарматского кургана на северо-западе Башкирии говорит о проникновении отдельных групп ранних кочевников далеко к северу от их основной территории [2], до низовьев р. Белой.

---

[1] М. Х. Садыкова. Сарматский курганный могильник у дер. Старые Киишки АЭБ, 1, Уфа, 1962, стр. 88—122; е е ж е. Сарматские памятники Башкирии, МИА, 115, 1962, стр. 243—248.

[2] К. Ф. Смирнов. Ранние кочевники Южного Урала, АЭБ, 4, Уфа, 1971, рис. 2.

В. П. ШИЛОВ

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ СОСУДЫ ИЗ КУРГАНА У с. БОЛЬШАЯ ДМИТРИЕВКА

В 1887 г. у с. Большая Дмитриевка на р. Латрыке Аткарского района Саратовской обл. И. А. Волковым обнаружено интересное женское погребение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении головой не на юг, как обычно, а на запад. В могиле встречены три глиняных горшка, бусы из стекла и кости, бронзовый браслет с шишечками по внешнему краю, два бронзовых кольца с двумя фигурками лежащих двугорбых верблюдов, бронзовая подвеска и три металлических южноиталийских сосуда [1].

1. Высокий бронзовый ковш с отвесными стенками, без поддона, с шайбой на конце рукояти. Наружная поверхность его позолочена, а внутренняя

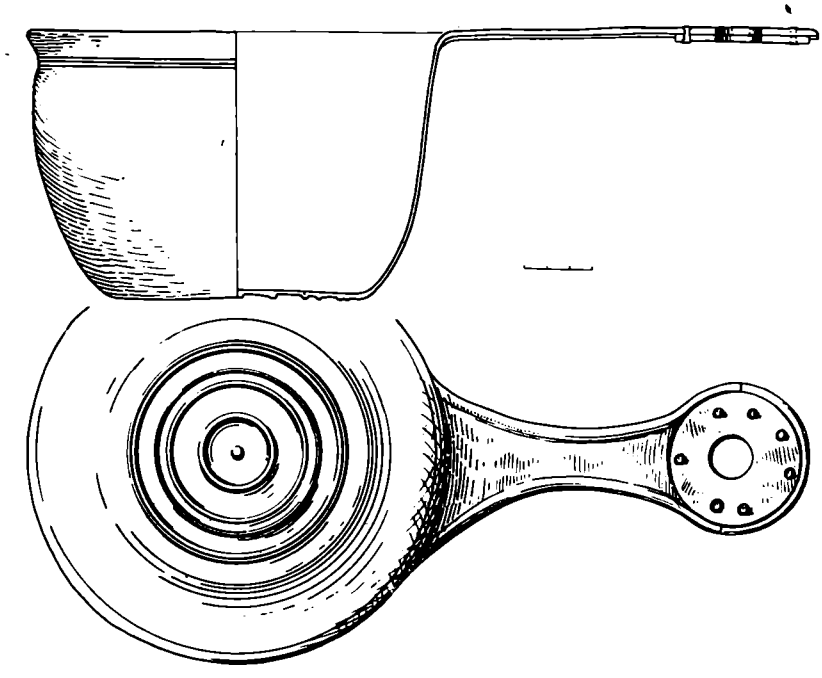


Рис. 1. Бронзовый ковш

покрыта полудой. С нижней стороны шайбы рукоятки приклепано семью заклепками дополнительное кольцо из красной меди, вырубленное, видимо, зубилом (рис. 1).

Аналогичные высокие ковши Г. Эггерс относит к типу № 140 и датирует их ступенью BI (I—50 гг.) [2]. Как уже отметил Д. Б. Шелов, по своим морфологическим признакам ковш из с. Большая Дмитриевка ближе всего изделиям южноиталийского фабриканта Луция Циппия Полибия, который выпускал свои изделия во второй половине I в. [3]

Наиболее близкой аналогией большедмитриевскому служит ковш из богатого погребения у Высокой Моравы с клеймом фабриканта Луция Циппия Полибия, которое В. Ондроух датирует рубежом I—II вв. или самым началом II в.[4].

---

[1] И. А. Волков. Больше-Дмитриевские курганы, Тр. СУАК, I, 3, Саратов, 1888, стр. 287 сл.; Е. К. Максимов. Сарматские погребения из кургана у с. Большая Дмитриевка Саратовской области. СА, 1957, 4, стр. 157 сл.; Д. Б. Шелов. Италийские и западноримские изделия в торговле Танаиса первых веков н. э. ААН. XVII. Budapest, 1965, стр. 266—267.

[2] H. J. Eggers. Der römische Import in freien Germanien. Hamburg, 1951, стр. 172, табл. 12, *140*.

[3] Д. Б. Шелов. Ук. соч., стр. 266.

[4] V. Ondrouch. Bohaté hroby z doby rimskei na slovensku. Bratislava, 1957, стр. 212—213, рис. 19, табл. 3 и 11, *1*.

2. Бронзовый клепаный сосуд горшковидной формы. С двух противоположных сторон отогнутого края приклепаны два ушка из бронзовой проволоки, концы которой (атташе) расклепаны в виде треугольных пластин. Каждое атташе крепилось одной медной заклепкой.

Сосуд носит следы ремонта; так, к нему припаяно новое днище. Края нового дна загнуты на придонную часть сосуда и вырезаны в виде прямоугольных зубчиков. С внутренней стороны хорошо заметны рваные края старого, вероятно прогоревшего от длительного употребления, дна сосуда [5]. Кроме того, на сосуде имеются еще две прямоугольные заплатки (одна на вновь вставленном дне и вторая на одном боку, выше дна), приклепанные шестью медными заклепками (рис. 2). Таким образом, сосуд подвергался ремонту не менее двух раз. Починка южноиталийских бронзовых сосудов, в частности вставка новых донцев, довольно частое явление [6].

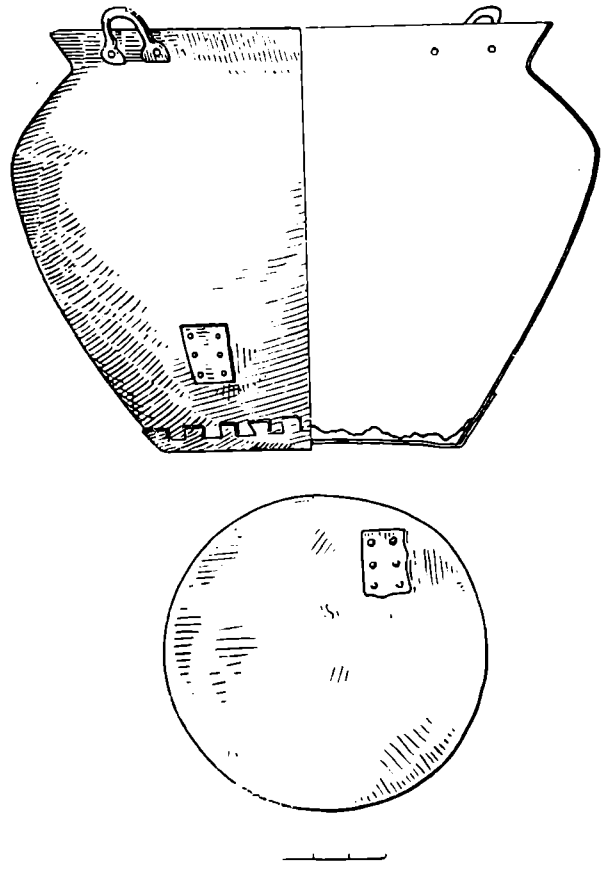


Рис. 2. Бронзовое ведерко

Сосуды с биконическим туловищем и отогнутым наружу краем Г. Виллерс называет ведерками баргфельдского типа [7]. Аналогии им известны близ Сиссека [8]. На одном из ведерок Сиссека оказалась надпись с указанием центурии и имени легионера. Это дает основание предполагать, что они входили в экипировку римского солдата [9]. По мнению А. Радноти центром изготовления ведерок багфельдского типа могла быть Южная Италия [10]. На основании находок таких сосудов в позднелатенских могилах у Гвибиаско и Идрии Г. Виллерс относит начало их изготовления к I в. до н. э.[11]. Однако сосуды этого типа встречаются в начале I в. (Гофхейм [12], Невштадт [13]), из чего А. Радноти заключает, что они могли бытовать и в несколько более позднее время [14].

---

[5] Е. К. Максимов. Ук. соч., стр. 159. Е. К. Максимов неправильно восстанавливает технологию ремонта днища этого сосуда.

[6] M.H.P. Boesterd Discription of the Collections in the Rijksmuseum G. Kam at Nijmegen. Bronze vessels. Nijmegen, 1956, табл. V, *142*.

[7] H. Willers. Die römischen Bronzeeimer von Hemmoor. Hannover, 1900, стр. 108, 111, рис. 43.

[8] V. Hoffiler. Antike Bronzegefässe aus Sissek. OJH, 1908, стр. 121 сл.; см. также A. Radnoty. Die römische Bronzegefässe von Pannonien. Dis. Pan., VI, 1. Budapest, 1938, табл. XXIII, *2*, XXXII, *3*.

[9] A. Radnoty. Ук. соч., стр. 113; ср. Д. Б. Шелов. Ук. соч., стр. 267.

[10] A. Radnoty. Ук. соч., стр. 121—122.

[11] H. Willers. Neue Untersuchungen über die römische Bronzeindustrie von Capua und von Niedergermanien Hannover und Leipzig, 1907, стр. 22.

[12] E. Ritterling. Das frührömische Lager bei Hofheim. Nas Ann, 34, Wiesbaden, 1904, стр. 51—52, рис. 17.

[13] J. Curle. A Roman Frontier Post and its People the Fort of Newstead in the Parish of Merlose, 1911, стр. 274, табл. 53, *8*.

[14] A. Radnoty. Ук. соч., стр. 113, 121—122.

Итак, ведерки баргфельдского типа датируются в основном I в. до н. э. — I в. н. э. Учитывая следы по крайней мере двух ремонтов, надо полагать, что большедмитриевский сосуд, прежде чем попасть в могилу, находился длительное время в употреблении. Поэтому его следует датировать концом I в.

3. Серебряное позолоченное ситечко с выступающим бортиком и длинной (отломанной в настоящее время), круглой в сечении боковой рукоятью, конец которой моделирован в виде прямоугольной пластинки-лопаточки. Обычно подобные ситечки встречаются в сопровождении ковшов с весловидными ручками [15] (рис. 3).

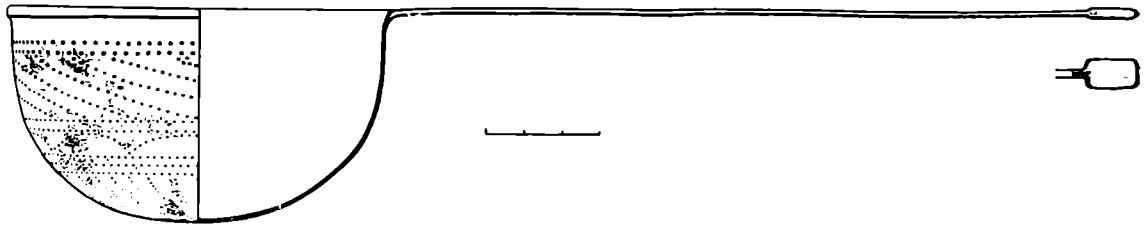


Рис. 3. Серебряное ситечко

Г. Эггерс относит такие изделия к типу № 160 [16]. На большедмитриевском серебряном ситечке и на ситечке типа № 160 Г. Эггерса совершенно одинаковая система расположения отверстий. В обоих случаях по краям идет круговой ряд отверстий, сгруппированных в косые линии, которые ограничены сверху и снизу двумя круговыми рядами дырочек. Ниже обязателен ряд отверстий, расположенных дугами и ограниченных снизу двумя круговыми рядами таких же отверстий. На донце они идут по радиальным прямым. Верхние отверстия, расположенные по радиальным линиям, образуют небольшие дужки. Диаметр отверстий в обоих случаях постепенно уменьшался сверху вниз [17]. Вместе с тем ситечко типа № 160 Г. Эггерса и большедмитриевское отличаются формой ручки. Если в первом случае она весловидная, то во втором — круглая в сечении и завершается лопаточкой. Такая форма ручки мне не известна. Г. Эггерс относит ситечки типа № 160 к ступеням BI (0—50 гг.), BII (50—150 гг.) и CI (150—250 гг.), считая, однако, что основная их масса датируется 50—150 гг. до н. э., т. е. стадией BII. На основании сходства системы расположения отверстий на большедмитриевском ситечке и сосудах из Сисции, где имеется клеймо галльского мастера Gasatus'a, и из Олонешты, где Б. Н. Граковым прочитано клеймо фабриканта Бриссака, Д. Б. Шелов высказал предположение, что большедмитриевский сосуд галльского происхождения [18]. Однако, как отметила уже А. И. Милюкова, большедмитриевское ситечко резко отличается от упомянутых сосудов формой ручки, неизвестной на изделиях южноиталийских и галльских центров [19]. Поэтому вопрос о месте изготовления ситечка с такой формой ручки остается пока открытым. А. Радноти отмечает, что первоначально ситечки появляются в Южной Италии в середине I в.[20] Г. Виллерс на основании находки аналогичного ситечка в римском лагере Халтерне, существовавшем в 11 г. до н. э. до 16 г. н. э., относит начало их изготовления к рубежу нашей эры [21].

---

[15] G. Ekholm. Romerska vinskopor och kärl av Hemmoortyp. UpplTid, XLV, 1. Uppsala, 1934, стр. 14, рис. 8.

[16] H. I. Eggers. Op. cit., табл. 13, *160.*

[17] На неточном рисунке, приложенном к статье Е. К. Максимова, не отражается эта особенность уменьшения величины отверстий, сверху вниз.

[18] Д. Б. Шелов. Ук. соч., стр. 266.

[19] А. И. Милюкова. Сарматское погребение из кургана у с. Олонешты. СА, 1962, 1, стр. 200.

[20] A. Radnoty. Ук. соч., стр. 76.

[21] H. Willers. Neue Untersuchungen..., стр. 70.

Исходя из того, что большедмитриевское ситечко обнаружено в комплексе, где два других южноиталийских сосуда датируются временем, предшествующим поздним стадиям BII, можно предполагать, что оно относится или к поздней фазе BI, или к первой половине фазы BII Г. Эггерса, т. е. ко второй половине I в.

Исходя из вышеизложенного, погребение Большой Дмитриевки следует относить ко второй половине I в. или к самому началу II в. Этому не противоречат содержавшиеся в погребении два бронзовых кольца с фигурками двугорбых верблюдов (camilus bactriana). Аналогичные по функциональному назначению кольца, но с изображениями трех человеческих голов, встречены в кургане 38, раскопанном Н. И. Веселовским у станицы Усть-Лабинской [22]. Близкие бронзовые кольца встречены также в кургане 50 ст. Тифлисской, где они увенчаны двумя стоящими фигурами козлов [23]. К сожалению, обе катакомбы, раскопанные Н. И. Веселовским, почти полностью ограблены, и поэтому сказать что-либо определенное о времени их сооружения не представляется возможным. В могильнике у с. Никольского Енотаевского района Астраханской области в кургане 12 обнаружена в 1965 г. пара аналогичных бронзовых колец с фигурками стоящих козликов. Погребение датируется второй половиной I в.[24]. По форме глиняных сосудов большедмитриевское погребение относится не к позднесарматскому, как считает Е. К. Максимов, а к среднесарматскому времени. Таким образом, погребение у Большой Дмитриевки относится ко второй половине I в. или к самому началу II в.

[22] Н. И. Веселовский. Курганы Кубанской области в период римского владычества на северном Кавказе. Тр. XII АС, I, М., 1905, стр. 361, рис. 53.

[23] ОАК за 1901 г., стр. 85, рис. 166.

[24] В. П. Шилов, И. П. Засецкая, Л. Я. Маловицкая. Работа в Нижнем Поволжье. АО — 1965, М., 1966.

И. А. СЫРКИНА

О БРОНЗОВЫХ ПЛАСТИНАХ ИСТЯЦКОГО И СУЗГУНСКОГО КЛАДОВ

В мае 1962 года группа школьников краеведов-любителей нашла в лесу близ Тобольска несколько круглых бронзовых пластин. Диски находились в песчаном грунте под корнями вывороченной бурей сосны: один из них — на поверхности выброса, десятки других залегали на глубине примерно 10—15 *см*. Один из находчиков, школьник А. Саргин, передал Тобольскому музею-заповеднику 31 диск (рис. 1, *3—5*).

Место находки — Сузгунские юрты (правый берег Иртыша, в 9 *км* ниже устья р. Тобола), которые находятся чуть севернее местности Сузге-Тура, известной в археологической литературе как Сузгунская сопка. В 1948 г. у ее южного склона, в ложке́, В. Н. Чернецовым и В. И. Мошинской был открыт памятник эпохи бронзы — Сузгун II [1]. Публикуемые находки были обнаружены в 200 *м* от него, во втором ложке́, параллельном первому.

5 дисков имеют диаметр 11,5 *см*, 7—12, 17—12,5, 2—13 *см*. Толщина их неодинакова, что, видимо, связано с технологическими недоработками в процессе изготовления. Об этом говорит и тот факт, что колебания толщины диска значительны даже у отдельных экземпляров. Пластины имеют выступы — продолжения плоскости дисков. Длина выступов колеблется от 1 до 2, ширина — от 2 до 3 *см*. Обычно выступ тем длиннее, чем он уже. Пластины — выпукло-вогнутой формы. Выпуклая сторона тщательно отшлифована.

[1] В. И. Мошинская. Сузгун II — памятник эпохи бронзы лесной полосы Западной Сибири. МИА, 58, 1957.

Диски изготовлены из так называемой белой бронзы. Внешняя сторона плакирована. Там, где наблюдаются дефекты литья в виде наростов металла плакировочный слой отстал; в этих зонах встречены коррозированные участки. В других местах плакировочный слой потемнел. Внутренняя сторона пластин покрыта большим слоем патины. Изготовлялись диски ковкой с дальнейшей зачисткой и подправкой краев.

Наиболее близкой аналогией пластинам Сузгунского клада можно считать Истяцкие бляхи (рис. 1, *1, 2*; 2), опубликованные в свое время Гейке-

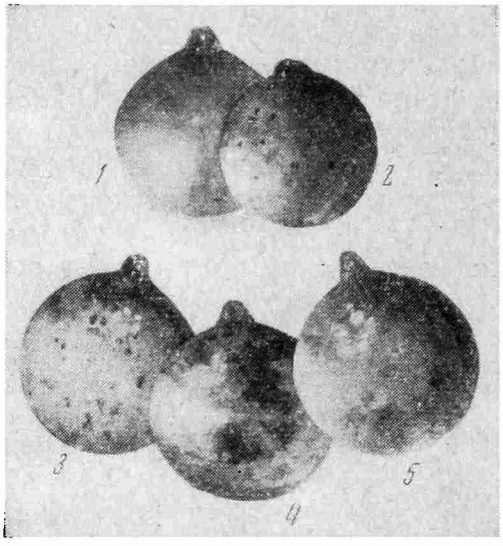


Рис. 1. Пластины из Истяцкого и Сузгунского кладов

1, 2 — Истяцкий клад; *3—5* — Сузгунский клад

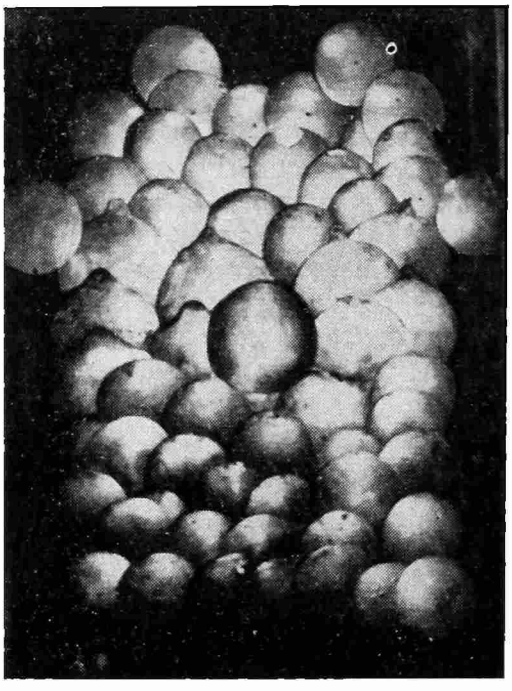


Рис. 2. Пластины Истяцкого клада

лем и более полно описанные и проанализированные В. Н. Чернецовым. Сходство дисков из Сузгунского и Истяцкого кладов настолько разительно и в размерах, и в материале, и в технологии изготовления (повторяется даже характер брака отдельных пластин), что не остается сомнений в том, что они относятся к одному времени и, возможно, изготовлены руками одного мастера. В отличие от сузгунских бляхи Истяцкого клада носят следы долгого употребления, о чем говорит изношенность плакировочного покрытия, трещины и поломки некоторых экземпляров, процарапанные рисунки мифологического содержания и т. п. Пластины же Сузгунского клада совершенно «новые», на них нет даже отверстий для подвешивания, встреченных на истяцких бляхах.

Отмеченное сходство позволяет синхронизировать Сузгунский клад с Истяцким, который имеет надежную дату: там были найдены бронзовое зеркало ханьского времени (в пределах конца первых двух десятилетий II в. н. э.) и изображение Артемиды (первая треть II в. до н. э.) [2].

Кроме истяцких блях бронзовые пластины подобные сузгунским были обнаружены в Пьяноборском [3] и Уфимском [4] могильниках. А. А. Спицын в свое время сделал априорное заключение, что «бляхи, по всей видимости, имеют связь с шаманским культом» [5]. С мнением А. А. Спицына о назначе-

[2] В. Н. Чернецов. Бронза усть-полуйского времени. МИА, 35, 1953, стр. 164.
[3] А. А. Спицын. Пьяноборский могильник. МАР, 25. СПб., 1901, стр. 2.
[4] А. П. Смирнов. Железный век Башкирии. МИА, 58, 1957, стр. 35.
[5] А. А. Спицын. Ук. соч., стр. 3.

нии бронзовых блях подобного типа соглашался и В. Н. Чернецов: «Культовое назначение блях несомненно, поскольку почти все они имеют процарапанные изображения мифологического содержания» [6]. Другой точки зрения на характер бронзовых дисков из Уфимского могильника, подобных пьяноборским, придерживается А. П. Смирнов: «Это был, по-видимому, панцирь, состоявший из кожи с нашитыми на него литыми медными пластинами» [7].

Бляхи Истяцкого клада (по инвентарным книгам Тобольского музея, оттуда в свое время поступило 92 диска) дают комплекс характерных черт, которые подтверждают точку зрения А. П. Смирнова. Культовое значение этих пластин, несмотря на процарапанные на них «священные» изображения, носит пока лишь гипотетический характер и не может быть принято окончательно.

Ниже приводится таблица характеристик Истяцких блях.

Диаметр пластин, *см*	Расположение отверстий					Из них с изображением
	у края	в центре	на выступе	два у края	расположение не выявлено	
До 8	3	2	—	—	2	—
До 8,5	4	6	—	—	6	5
До 9	11	7	—	2	7	5
До 9,5	6	2	—	1	4	3
До 10	2	—	3	—	1	4
До 10,5	—	—	1	—	2	1
До 11	—	—	4	—	1	2
До 11,5	—	—	1	—	—	—
До 12	—	—	6	—	1	4
Более 12	—	—	1	—	2	3
Более 18	—	1	—	—	—	1

Из таблицы видно, что отверстия на пластиночных выступах располагаются на бляхах с диаметром от 10 *см* и более. Пластины же с диаметром менее 10 *см* имеют отверстия у края (такое расположение преобладает среди пластин диаметром от 8 до 9,5 *см*). Две пластины диаметром 8,5 и 9,5 *см* несут по два отверстия у края. Разнообразие в размерах пластин, наличие или отсутствие выступов, характер расположения отверстий находят, как нам кажется, наиболее вероятное объяснение в интерпретации истяцких и сузгунских блях как панцирных пластин.

Е. В. Черненко, например, так объясняет различие в величине и способе крепления панцирных пластин на скифских доспехах: «В состав набора одного панциря очень часто входили пластины разной величины. Это можно объяснить стремлением обеспечить максимальную подвижность частей доспеха на животе, пояснице, в плечевом и локтевом суставах» [8]. И дальше: «Основных отверстий было вполне достаточно для надежного крепления частей набора на основе. Свободно висящие пластины, закрепленные лишь в верхней части, обеспечивали воину, одетому в панцирь, максимально возможную подвижность» [9]. К подобному типу панцирных пластин можно отнести все диски Сузгунского клада и диски диаметром более 10 *см* из Истяцкого клада.

Но кроме основных на некоторых бляхах встречаются дополнительные отверстия. Назначение их, по мнению А. Лаппо-Данилевского, заключается в том, чтобы помешать нижней части пластины подниматься при движениях воина, когда острие оружия противника могло войти под пластины панциря. Такая система дополнительных креплений использовалась лишь

---

[6] В. Н. Чернецов. Бронза усть-полуйского времени, стр. 165.
[7] А. П. Смирнов. Ук. соч., стр. 35.
[8] Е. В. Черненко. Скифский доспех. Киев, 1968, стр. 28.
[9] Там же, стр. 30.

на рукавах или плечах доспеха [10]. К этому типу пластин относятся две бляхи из Истяцкого клада, имеющие по краям по два отверстия. Пластины же с отверстиями в центре, по словам Е. В. Черненко, «были нижней частья оплечий кожаного панциря» [11]. Бляхи Истяцкого клада с диаметром менее 9 *см*, имеющие отверстия в середине, по всей видимости, использовались с той же целью.

Назначение сузгунских и истяцких пластин для панцирного покрытия объясняет и их форму, и наличие плакировочного покрытия. Так, выпукловогнутая форма блях вызвана тем, что выгнутая пластина, согласно законам сопротивления материалов, в два раза прочнее, чем ровная, а тщательная полировка и плакировка поверхностей преследовала не только декоративные цели. «Блеск оружия вызывает у врага особый ужас»,— отмечали еще римские военные теоретики.

Вес каждого диска из Сузгунского клада колеблется между 60 и 140 *г*. Общий же вес 92 пластин, относящихся, по инвентарным книгам Тобольского музея, к Истяцкому кладу, приблизительно равнялся 6—7 *кг*. Вес значительный для культового облачения, но вполне приемлемый и допустимый для панциря, ибо «панцирь плотно облегал тело воина, и его тяжесть разномерно распределялась по разным местам». И далее: «Часть ее несет ключица и надплечие, часть — плечи, часть — грудь, часть — спина, часть — живот, так он почти не похож на ношу, а скорее на предмет, приложенный к телу» [12].

Расположение дисков из Истяцкого и Сузгунского кладов на панцирях по аналогии с реконструированными скифскими, очевидно, было таково, что в любом участке панциря образовывался слой из 3—4 пластин. Удар по скользящему, подвижному, наборному из дисков панцирю, надо полагать, в значительной мере гасил и смягчал удар наступательного оружия, равномерно распространяя его на соседние зоны доспеха. Кроме того, сила удара, во многом ослабленная даже при разрушении одной или нескольких пластин, гасилась за счет подвижности дисков, упругости основы и самого тела. Это объясняет нам тот успех, которым пользовался подобный пластинчатый доспех как основное средство тяжелой личной защиты воина на протяжении довольно длительного периода [13].

Панцири с круглыми пластинами редко встречаются на территории нашей страны. Зато хорошо изучены скифские и савроматские доспехи, для которых были характерны небольшие продолговатые «прямоугольно-овальные» пластины [14]. О самом раннем использовании круглых дисков для усиления защитной одежды воина говорит И. М. Дьяконов. По его мнению, на длинных безрукавных плащах, в которые одеты воины, изображенные на штандарте из Ура и на инкрустированной панели из дворца и храма Иштар в Мари (середина III тысячелетия до н. э.), нашиты круглые металлические пластины. Эти доспехи рассматриваются им в качестве своеобразного панциря, древнейших металлических доспехов [15]. «Они защищали,— пишет А. М. Хазанов,— в основном от стрел, но представляли известную защиту и от копья или дротика. В Месопотамии такие доспехи быстро выходят из употребления. Однако они очень долго бытуют в Закавказье, причем традиция их изготовления прослеживается непрерывно с конца III тысячелетия до н. э. по V в. до н. э.» [16].

---

[10] А. Лаппо-Данилевский. Скифские древности. СПб., 1887, стр. 94.
[11] Е. В. Черненко. Ук. соч., стр. 43.
[12] Ксенофонт. Сократические сочинения, III, 10, 13.
[13] Е. В. Черненко. Ук. соч., стр. 55.
[14] Из последних работ следует назвать: А. М. Хазанов. Очерки военного дела савроматов. М., 1971.
[15] И. М. Дьяконов. Общественный и государственный строй древнего Двуречья и Шумер. М., 1959, стр. 178, 179.
[16] А. М. Хазанов. Ук. соч., стр. 53.

Древнейшие же панцири с набором из круглых пластин были открыты в Закавказье в погребении 10-го могильника у Паравана (конец III тысячелетия до н. э.) [17]. Панцири, укрепленные нашитыми на основу круглыми пластинами, получили распространение в эпоху бронзы на территории островной Греции. В Фесте на Крите и на Кипре (Амафус и Идалион) найдены части таких доспехов [18].

В памятниках XII—XI вв. до н. э.— в могиле Некрополя Артика — Т. С. Хачатряном были обнаружены круглые металлические пластины от панцирей такого типа [19]. Подобные находки были обнаружены также в погребениях у Дилижана, Кедабеке, Польгюльдикдаге, Доланоре, Гозлу [20]. Все они датируются VIII—V вв. до н. э. А в 1962 г. А. О. Мнацаканян на материалах погребения (конца II — начала I тысячелетия до н. э.) из могильника у с. Головино в Армении реконструировал панцирь этого типа [21].

В некоторой мере наши представления о том, как выглядели панцири с круглыми пластинами, могут дополнить известные изображения. Так, на барельефе, обнаруженном в развалинах Танаиды (I в.), изображен всадник в панцире из круглых пластин [22]. Интересно заметить, что Танаида, возрожденная в I—II вв. благодаря изменению торговых путей на Восток, вела в этот период довольно оживленные торговые сношения с Малой и Средней Азией, чем, возможно, и вызвано появление здесь столь не свойственного для Причерноморья защитного оружия. Попутно отметим, что А. Снодграсс, говоря о необычности чешуйчатого панциря в античной Греции, приходит к выводу о ближневосточном его происхождении [23].

Всадники, одетые в панцири из круглых пластин, изображены на фресках из Керченских катакомб, открытых в 1873 г. [24]. И, наконец, наиболее вероятное и полное представление о чешуйчатом панцире из круглых пластин, подобных истяцким и сузгунским, дает изображение всадника с Колывано-Вознесенского завода. Литая массивная статуэтка из хорошего золота приобретена Г. Миллером на Колывано-Вознесенском заводе и передана им в Кунсткамеру в числе прочих сибирских древностей. Фигура всадника выполнена очень тщательно, проработаны мельчайшие детали его одеяния. «Всадник представлен в характерной одежде: туловище его заключено в узкий и короткий чешуйчатый панцирь с короткими рукавами (заметим, что как бы для большей наглядности каждая круглая пластина, из которых состоит доспех, передана одна подле другой.— *И. С.*), часть спины покрыта поверх панциря родом рубахи, оставляющей грудь непокрытой, с вырезом на спине, стянутой у пояса спускающейся ниже талии короткой юбкой, украшенной по подолу круглыми металлическими бляхами, ноги защищены от холода узкими штанами или чулками, вдетыми в кожаные ботинки, вполне схожими с теми, в которые обуты ассирийские воины на барельефах. Голова воина покрыта мягкой шапкой, являющейся вариантом той формы, которая известна под именем «кирбасии» как отличительный убор скифов. Руки всадника, как у известных изображений ассирийских воинов, обнажены почти от плеча, причем левая рука украшена у кисти браслетом» [25].

---

[17] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, стр. 101, табл. CXV.

[18] Е. В. Черненко. Ук. соч., стр. 147.

[19] Т. С. Хачатрян. Материальная культура древнего Артика. Ереван, 1963, стр. 60, 61, рис. 9.

[20] С. А. Есаян. Погребения VI—V вв. до н. э. в горах Шамшадина. СА, 1965, 3, стр. 232.

[21] А. О. Мнацаканян. О раскопках могильников у с. Головино (Армения). КСИИМК, 46, 1962, стр. 63—71.

[22] Русские древности в памятниках искусства. I, СПб., 1889, стр. 14, рис. 12.

[23] Е. В. Черненко. Ук. соч., стр. 147.

[24] Русские древности в памятниках искусства. II, СПб., 1889, стр. 68, рис. 35.

[25] Русские древности в памятниках искусства, II, стр. 47.

Одеяние всадника, его доспехи, фигура, поза и т. п. напоминают нам тип среднеазиатского воина, в костюме которого сказывается сильное иранское влияние.

Итак, после сказанного выше можно сделать некоторые выводы. Во-первых, дисковидные пластины Сузгунского клада, имеющие практически полную внешнюю и функциональную аналогию с такими же бронзовыми пластинами Истяцкого клада, датируются первой половиной II в. до н. э. Во-вторых, круглые бронзовые пластины из Истяцкого и Сузгунского кладов имели не культовое назначение, несмотря на имевшиеся на некоторых из них грубо нацарапанные мифологические изображения, а скорее употреблялись как защитные панцирные пластины. При этом функциональное назначение пластин не исключает наличия на них мифологических сюжетов и персонажей, что хорошо известно из археологических и этнографических материалов у многих народов мира. Подобные мифологические символы могли играть роль своего рода «оберегов», наделяющих доспехи и их владельцев магической силой, способной предохранить воина как от удара наступательным оружием, так от вредоносной магии противника. В-третьих, оба клада, Сузгунский и Истяцкий, принадлежали, по всей видимости, представителям одного из кочевнических азиатских племен, находившихся под сильным влиянием иранской культуры. Об этом говорят: «колоколообразная» форма истяцких шлемов, распространенная, по мнению Б. З. Рабиновича, в первых веках I тысячелетия до н. э. на Среднем Востоке [26]; наличие в Истяцком кладе котла «скифского типа» и наконечника копья, к сожалению, не поступивших в фонды Тобольского музея; переднеазиатское происхождение панцирей с круглыми бляхами, известных по изображениям середины III тысячелетия до н. э. в Месопотамии; присутствие в Истяцком кладе культовых изображений птиц с «личинами», смысл которых, по мнению В. Н. Чернецова, «во всех своих деталях может быть понят лишь в свете иранского фольклора» [27]; принадлежность к Истяцкому кладу китайских зеркал, которые, по-видимому, употреблялись не по назначению и служили панцирными украшениями, о чем говорят пробитые отверстия на них.

Такое объединение вещей, носящих отпечаток влияния самых различных культур, можно объяснить лишь принадлежностью их представителям среднеазиатских кочевников, которыми в то время могли быть ирано-язычные сако-массагетские племена, находившиеся в конце I тысячелетия до н. э. в постоянных контактах не только с югом (Ираном), но и с востоком (Китаем), а также с греческими колониями Причерноморья.

[26] Б. З. Рабинович. Шлемы скифского периода. Тр. ОИПК, I, Л., 1941, стр. 120.
[27] В. Н. Чернецов. К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье. Тр. ИЭ, нов. сер., 1, М.— Л., 1947.

В. И. МАРКЕВИЧ, Э. А. РИКМАН

КЛАД III — IV вв. н. э. ИЗ БУКОВИНЫ

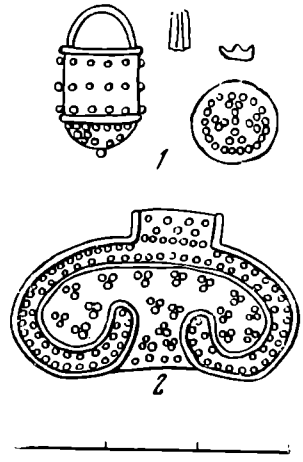
В Кельминецком районе Черновицкой области Украинской ССР во время археологических разведок 1970 г., производившихся В. И. Маркевичем, у местных жителей собраны предметы из клада, который был найден в излучине Днестра, между селами Грушевица и Нагоряны, на поселении черняховской культуры.

Излучина перерезана валом (именуемым местным населением Траяновым) и рвом первых веков до нашей эры, которые защищали вход на городище с запада. Здесь обнаружены удлиненные кирпичи с клеймами [1]. Клад,

[1] Сообщение В. И. Москаленко, директора школы из с. Глина Бричанского района Молдавской ССР. Дата сооружений определена Б. А. Тимощуком, разрезавшим укрепления траншеей.

по сообщениям местных жителей, находился в крупном сосуде (двуручная амфора или зерновик) и состоял из золотых кубков, инкрустированных красными камнями, браслетов, серег, монет-подвесок, оружия. В археологический музей Академии наук Молдавской ССР поступили только три предмета: монета, подвеска-ведерко и лунница.

Золотая монета императора Аврелиана (270—275), служившая подвеской, пробита и снабжена золотым кольцом[2]. Золотая миниатюрная подвеска-ведерко (рис. 1, *1*) с цилиндрическим туловом, коническим дном и профилированной ручкой выполнена из склепанных и спаянных золотых пластинок. На тулове в три ряда зернь, а на дне ею заполнены четыре равнобедренных треугольника, смыкающиеся вершинами. Аналогичные подвески известны среди инвентаря могильников черняховской культуры у с. Рыжевка (Уманский район Черкасской обл.), Бельбек III в окрестностях Севастополя. Особенно широко они представлены в погребениях позднеримского времени (III—IV вв.) на территории ГДР, Чехословакии и Польши[3]. Из упомянутых земель, видимо, ведеркообразная подвеска могла попасть в Поднестровье.



Предметы из клада у с. Грушевица

1 — золотая подвеска-ведерко, *2* — золотая лунница

Золотая лунница (рис. 1, *2*) склепана и спаяна из листиков золота. Основой является лунообразный листик, на лицевой поверхности которого отчеканена выпуклая фигура, подчеркивающая лунообразные очертания предмета. Она обрамлена по контуру вертикально поставленной невысокой пластинкой и линией, выложенной из зерни. Шариками, сгруппированными по три и одиночными, покрыто центральное поле лунницы и втулка для ее подвешивания.

Лунница первой половины I тысячелетия н. э. на территории Нижнего и Среднего Поднестровья встречена впервые. Но в Подолии (Косановский могильник), Поднепровье (Черняховский могильник) и Нижнем Подунавье (Тыргшор) лунницы уже были найдены[4].

Мотив лунарного знака известен в орнаментации серолощеного кубка из могильника черняховской культуры III—IV вв. Балцаты II[5]. Лунница с имитацией зерни воспроизведена на серолощеном сосуде из памятника черняховской культуры Будешты[6]. Эти факты свидетельствуют, что лунницы настолько вошли в обиход племен черняховской культуры, что даже имитировались в орнаменте керамики.

Клад из с. Грушевица, видимо, сокрытый представителями знати племен черняховской культуры, вместе с кладом из с. Кирилены[7] служит свидетельством имущественного неравенства, существовавшего у варваров.

---

[2] Монету определил В. В. Кропоткин.

[3] В. В. Кропоткин. Золотая подвеска в виде ведерка из Рыжевки. СА, 1972, 1.

[4] Н. М. Кравченко. Косановский могильник. МИА, 139, 1967, табл. XVI, *24*; В. П. Петров. Черняховский могильник. МИА, 116, 1964, стр. 67; Gh. Diaconu. Tîrgşor, Bucureşti, 1965, p. 70, CXXV, *3*.

[5] Э. А. Рикман. Художественные сокровища древней Молдавии. Кишинев, 1969, стр. 44.

[6] Э. А. Рикман. Памятник эпохи великого переселения народов. Кишинев, 1967, рис. 45, *4*.

[7] А. А. Нудельман, Э. А. Рикман. Два клада и находки отдельных монет (римских и ранневизантийских) из Молдавии. Изв. Молд. филиала АН СССР, 4 (31). Кишинев, 1956, стр. 143—154.

С. Н. ОРЛОВ

РАСКОПКИ НА ТЕРРИТОРИИ КАМЕННОЙ КРЕПОСТИ В СТАРОЙ ЛАДОГЕ

(Из материалов староладожской экспедиции 1949 г.)

Многолетние раскопки на земляном городище в Старой Ладоге, начатые еще в 1938 г., привели к необходимости изучения ближайших окрестностей, и в первую очередь территории каменной крепости [1]. Каменная крепость в Старой Ладоге, о закладке которой известно из летописи 1114 г., расположена к северу от земляного городища на мысу, образованном впадением р. Ладожки в Волхов. Памятники разделены балкой, очевидно несколько расширенной искусственно (рис. 1). Раскопки на территории каменной крепости впервые были проведены Н. Е. Бранденбургом в 1884—1885 гг. С целью выяснения стратиграфии он пересек широкой траншеей северную часть крепости около Тайничной башни. По его описанию, культурный слой (чернозем) здесь достигал 1,5 аршина, а ниже залегала материковая глина. В траншее были найдены обломки глиняных горшков курганного типа с волнистым и линейным орнаментом, свинцовая пуля и сундучный замок [2]. Около Стрелочной башни Н. Е. Бранденбург заложил вторую траншею, следы которой видны и сейчас (мы ее нанесли на план) (рис. 1).

В 1938 г. экспедиция возобновила разведки на территории каменной крепости. Была заложена траншея в 2,5 × 6 *м* в северной части городища против Тайничной башни (рис. 1). Мощность культурного слоя здесь 1,5 *м*; он был сверху донизу перекопан поздними могильными ямами. В траншее найдено свыше 60 предметов из железа и бронзы, в числе которых отметим два железных подсвечника, наконечник стрелы (четырхгранный в сечении, с утолщением на черенке) и железную подковку.

Таким образом, раскопки Н. Е. Бранденбурга и разведка 1938 г. в каменной крепости установили наличие культурного слоя значительной толщины, нарушенного поздним кладбищем [3]. Задача дальнейшего исследования заключалась в том, чтобы отыскать участки культурного слоя, не потревоженные могилами. С этой целью летом 1949 г. был заложен раскоп 7 × 7 *м* у северо-восточного угла Воротной башни (рис. 2). Культурный слой здесь достигал 1,20—1,40 *м*, был менее разрушен поздними перекопами и имел следующие слои: под дерновым слоем залегал строительный мусор до глубины 0,2 *м*. Ниже, вдоль западной стенки раскопа, находилась вымостка из известняковых плит. Под ней, по всей площади раскопа залегал слой темного рыхлого перегноя толщиной 0,50—0,60 *м*. В южной части раскопа в темном перегное обнаружены остатки сгоревшей постройки. Ниже ее, за исключением могильных ям, залегал плотный темно-серый слой толщиной 0,30—0,40 *м*. Этот слой подстилался светлой материковой глиной. При зачистке материка встречались тонкие угольно-зольные пятна (рис. 3) [4].

Изучение слоя плотного серого перегноя, лежащего непосредственно на материке и не потревоженного кладбищем, доказало, однако, что он был нарушен в более древний период: перегной залегает аморфным слоем, без прослоек. Гончарная и лепная посуда встречалась вместе в одном слое. Вся толща перегноя насыщена известью, от чего он имел серый оттенок. Нару-

[1] Археологическая экспедиция Академии наук СССР, Ленинградского университета и Эрмитажа работала под руководством В. И. Равдоникаса. В. И. Равдоникас, Старая Ладога. СА, XII, 1950, стр. 26.

[2] Н. Е. Бранденбург. Старая Ладога. СПб., 1896, стр. 144.

[3] Кладбище вокруг церквей Георгия и Дмитрия Солунского существовало до 1924 г.

[4] В 1958 г. Г. Ф. Корзухина провела небольшие раскопки в южной части крепости. В своей публикации она упоминает о раскопках 1949 г. (Г. Ф. Корзухина. О времени появления укрепленного поселения в Ладоге. СА, 1961, 3, стр. 77). Находки из раскопок 1949 г. хранятся в Новгородском музее.

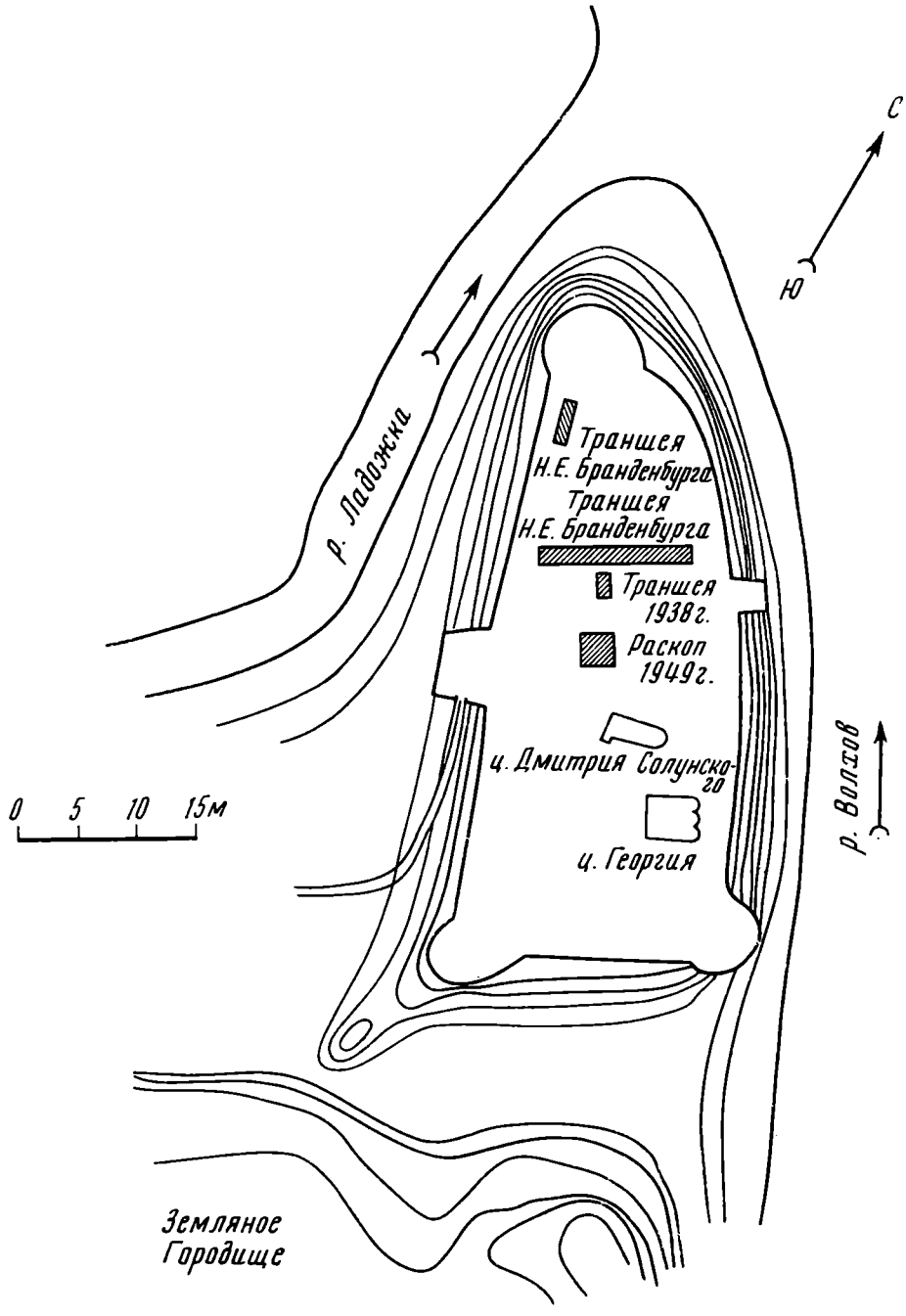


Рис. 1. Ситуационный план расположения каменной крепости и участка северной части Земляного городища в Старой Ладоге

шения культурных напластований, очевидно, связаны с планировкой площади мыса при постройке каменной крепости в начале XII в.

В предматериковом слое плотного темно-серого перегноя найдено свыше 60 обломков лепных горшков и приблизительно столько же фрагментов сосудов, сделанных на гончарном круге. Лепная посуда преимущественно баночной формы или со слабо профилированными стенками. Глиняное тесто имеет густую примесь крупной дресвы, от чего поверхность горшков бугристая. Обжиг хороший, цвет обычно темно-серый. На некоторых обломках встречается темный нагар на внутренней стороне. В нижней части обломка небольшого лепного горшка хорошо видны углубления от вдавления кончиков трех пальцев. На фрагменте нижней части лепного сосуда нанесен орнамент в виде неровных волн (рис. 4, *6*). Имеется один обломок верхней части большого лепного горшка баночной формы. Толщина стенок у этого сосуда в верхней части 2,5 *см*, диаметр около 0,80 *м* (рис. 4, *8*). Вся лепная керамика из нижнего слоя, описанная выше, по форме, составу гли-

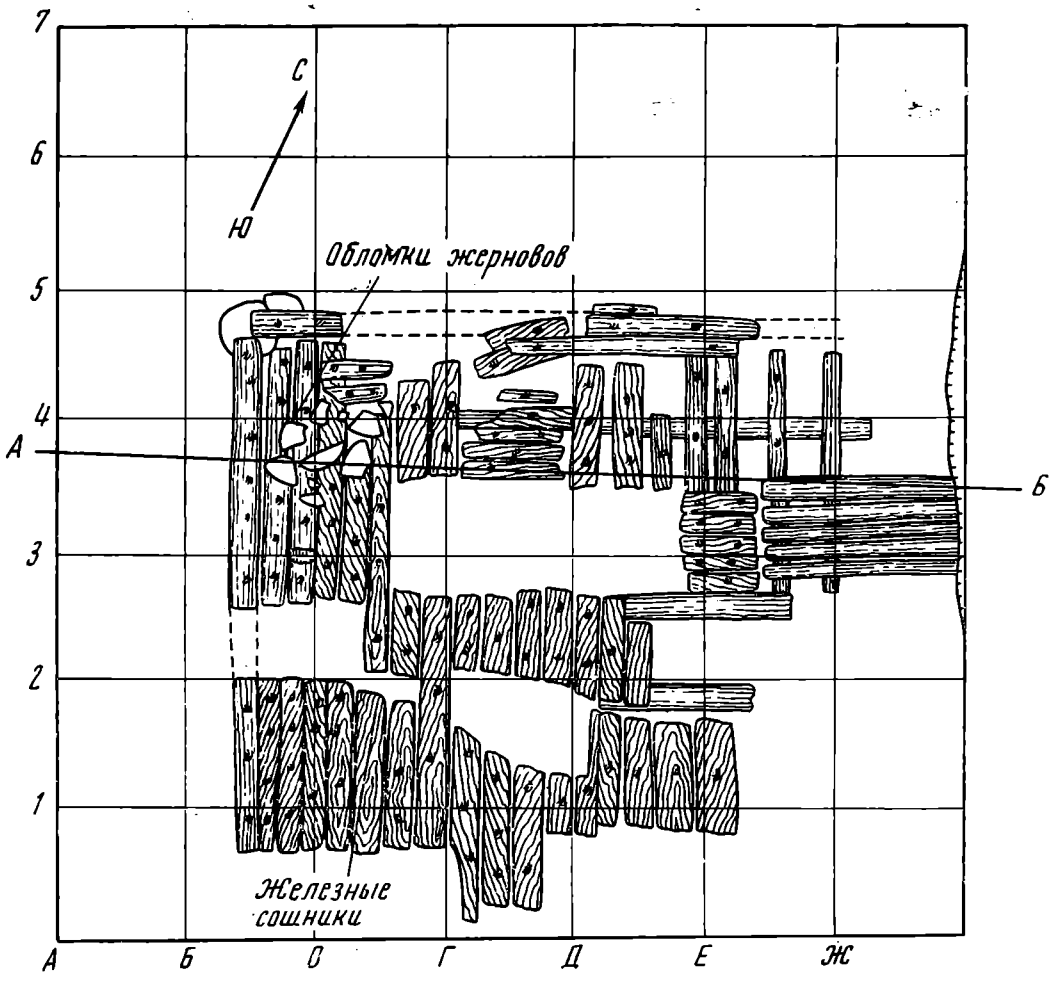


Рис. 2. План раскопа 1949 г. на территории каменной крепости в Старой Ладоге

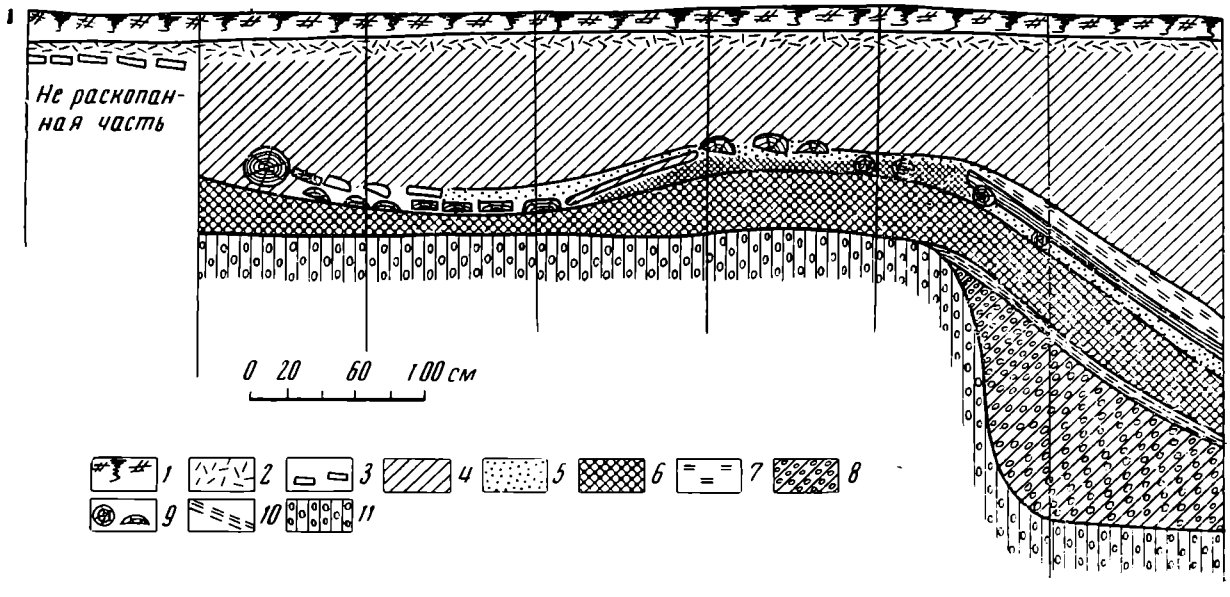


Рис. 3. Разрез раскопа 1949 г. по линии АБ в каменной крепости Старой Ладоги

1 — дерновый слой; *2* — строительный мусор; *3* — каменные плиты; *4* — рыхлый гумус; *5* — песок; *6* — темный плотный гумус; *7* — обожженная глина; *8* — гумированный гравий; *9* — дерево; *10* — древесный тлен; *11* — материковый гравий

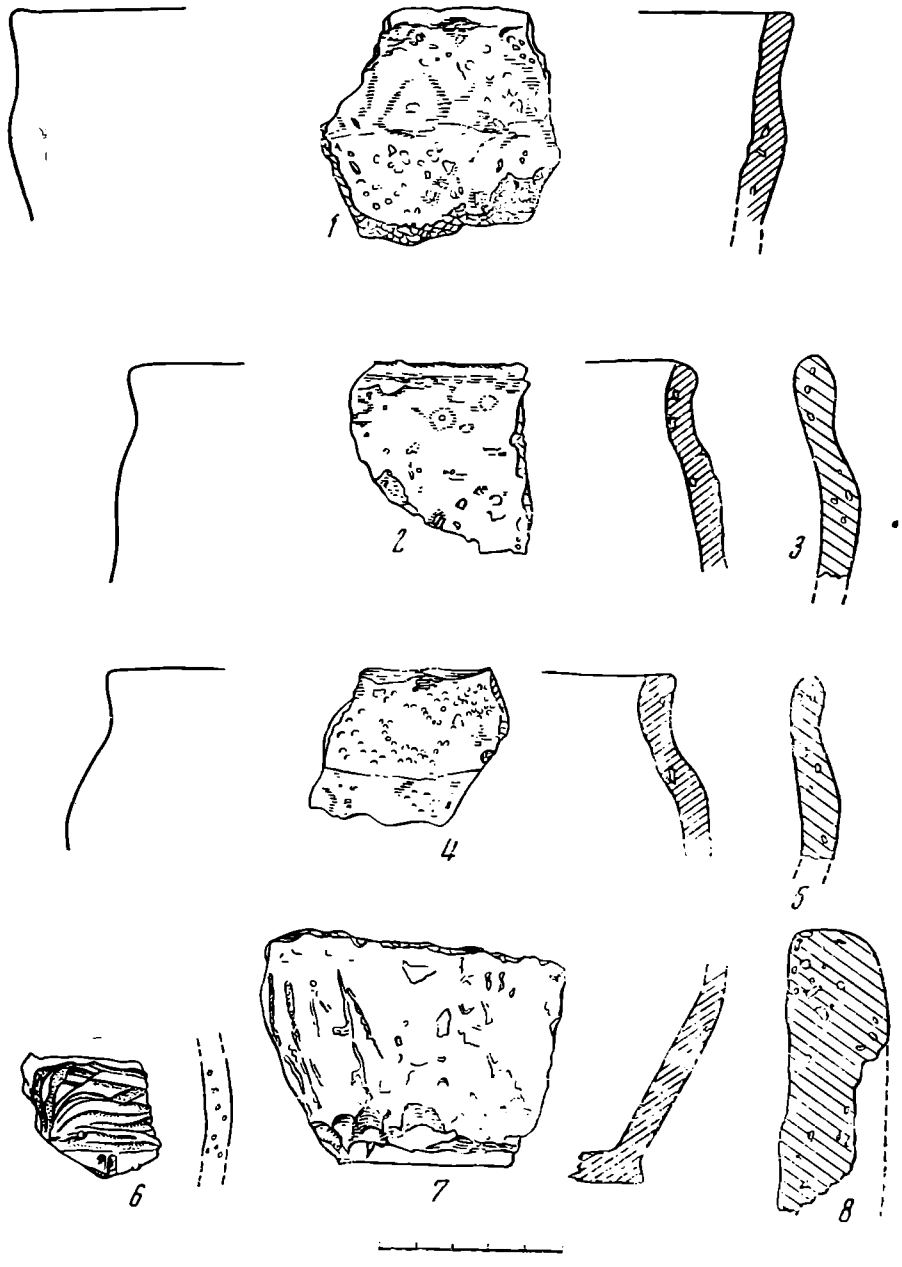


Рис. 4. Лепная керамика из каменной крепости Старой Ладоги

ны и технике изготовления идентична лепной посуде из нижнего горизонта земляного городища [5].

Гончарная посуда этого слоя разнообразна. Здесь есть и образцы древнейших форм горшков, и более поздняя — XI—XII вв. (рис. 5). Изделия из железа в нижнем слое представлены следующими предметами: два кресала в виде вытянутого овала, обломок ножа, обломок массивного долота, болт и шесть гвоздей. В этом же слое найден обломок литейной формы из песчаника для отливки гривн новгородского типа (рис. 6).

В слое темного рыхлого перегноя, выше предматерикового слоя, на глубине 0,85—0,95 *м* от поверхности, обнаружено основание сгоревшей деревянной постройки, от которой сохранились остатки сильно обгоревшего пола и часть бревна западной стены. Остальные части постройки уничтожены поздними могильными ямами (рис. 2). Доски пола имели ширину

[5] Я. В. Станкевич. Керамика нижнего горизонта Старой Ладоги. СА, XIV, 1950, стр. 187—201; е е ж е. Классификация керамики древнего культурного слоя Старой Ладоги. СА, XV, 1951, стр. 219—246.

0,22—0,35 и толщину 0,05—0,06 *м*; они лежали на толстых балках. Три доски в кв. В 1—2, Г 1—2 имели по три сверленых отверстия диаметром 0,035 *м*, в которых сохранились остатки деревянных гвоздей. Эти доски, судя по форме, являются, очевидно, остатками от разобранных судов. Вдоль западной стены пол состоял не из досок, а из горбылей, которые лежали в одном направлении и на одном уровне с досками пола. Очевидно, вдоль западной стены внутри помещения находились нары и под ними не было надобности иметь гладкий пол. Эти соображения подтверждаются и

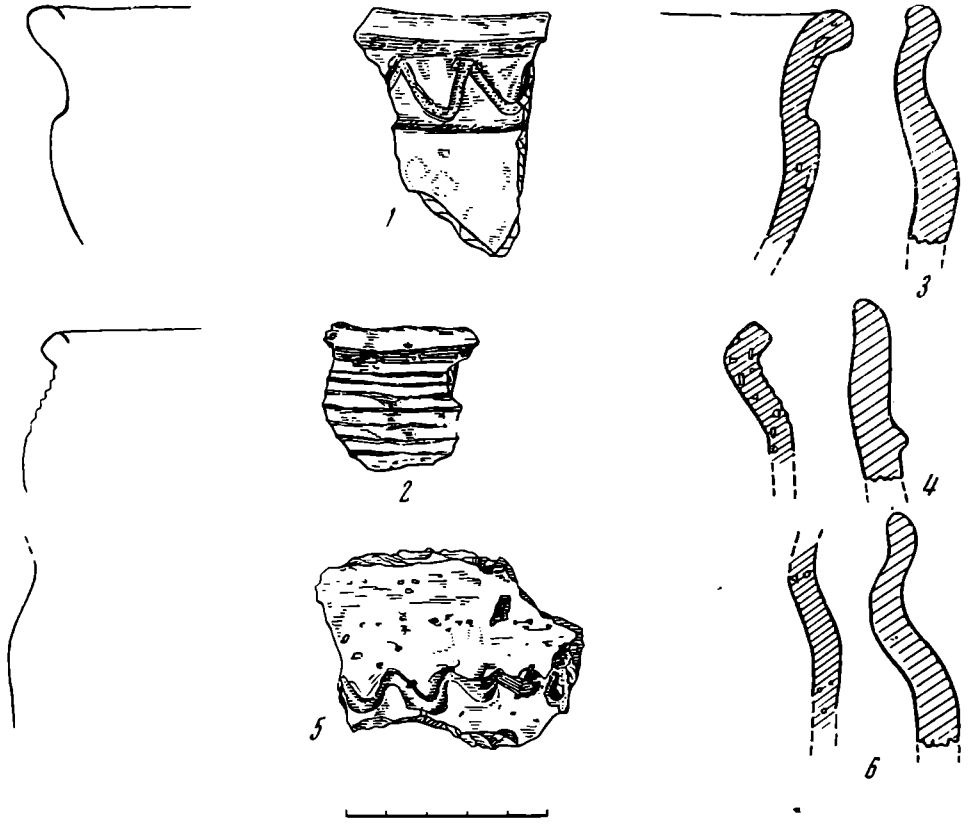


Рис. 5. Гончарная керамика из каменной крепости

находкой обломков трех жерновов, лежавших поверх остатков горбылей (в северо-западном углу помещения в кв. Б 4, В 4). Очевидно, мукомольный постав стоял в углу, а во время пожара жернова свалились и раскололись на куски (рис. 2). Участок пола в кв. Г 4—5, Д 4—5, Е 4—5 был выстлан узкими досками, лежащими перпендикулярно остальному полу. Остатки этих досок сохранились только в кв. Г 4, Е 4. В кв. Д 4—5 пол выгорел, но часть подстилающей балки сохранилась. В остальной части этот участок пола разрушен могильной ямой. В кв. Е 3—5, Ж 3—5, примыкая с южной стороны к балке, а с западной к остаткам пола, на настиле из чурок диаметром 0,10—0,12 *м* залегал слой красной пережженной глины толщиной 0,10—0,15 *м*, смешанный с углями и золой. Восточные концы настила разрушены ямой, а западные покоились на двух балках (переводинах), положенных с юга на север. Слой глины на настиле, очевидно, представляет собой остатки глинобитной печи, одна сторона ее соответствовала длине балок, на которых лежал настил под печью (1,85 *м*), а вторая равнялась, видимо, длине настила, но он сохранился только на протяжении 1,54 *м* (рис. 3).

Площадь постройки была покрыта сверху сплошным слоем перегоревшего красного песка с углями и золой. Эта прослойка местами достигала 0,05—0,10 *м*. Из этнографии известно, что песок часто насыпают на потолок жилища с целью утепления. В момент пожара потолок упал, а песок покрыл горевший пол и загасил огонь. Плахи от рухнувшего потолка сохра-

нились в кв. В 2, Д 4—5. В северо-западном углу постройки, в кв. Б 4—5, Г 4—5, под полом обнаружена яма размерами 1,5 × 2 *м* и глубиной 0,40—0,50 *м*, очевидно, служившая подпольем (рис. 3). Никаких находок здесь не было.

Из этих наблюдений можно сделать вывод, что сгоревшая постройка была жилой избой с глинобитной печью в северо-восточном углу и с мукомольным поставом в северо-западном углу. Точные размеры постройки восстановить невозможно, так как три угла не сохранились, но, исходя из об-

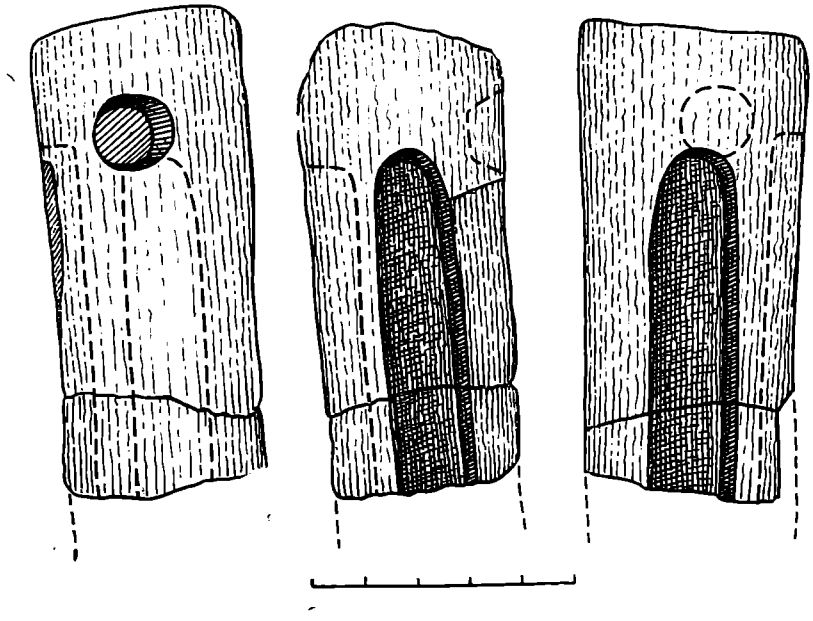


Рис. 6. Обломок литейной формы из песчаника

щих размеров, можно заключить, что изба была квадратной в плане, площадью примерно 6 × 6 *м*.

По линии разреза А мы обнаружили глубокую западину, куда сползли все вышележащие культурные слои и восточная часть остатков печи. Чтобы выяснить причину сползания, мы углубились по линии разреза до дна ямы, которое оказалось на глубине 3,5 *м* от поверхности. Выяснилось, что яма представляет собой подкоп, размеры которого нашими раскопками установить не удалось. Мы открыли только часть западной стены подкопа шириной 1 *м*. Потолок подкопа был выстлан деревянным настилом, что хорошо видно по коричневой прослойке от перегнившего дерева. Существовал ли подкоп в момент бытования постройки, сказать трудно, но ясно, что обвал произошел уже после пожара. Это четко видно на разрезе (рис. 3). Все культурные напластования сползли в яму, не нарушив общего послойного залегания. Заполнение ямы подкопа ниже слоя темного перегноя и коричневой прослойки от деревянного перекрытия состоит из суглинка, перемешанного с перегноем, щебенкой и крупным гравием. Никаких находок в заполнении подкопа не найдено [6].

На площади сгоревшего жилища встречено более 30 обломков глиняных горшков, сделанных на гончарном круге; часть из них принадлежит одному сосуду. Многие черепки сильно деформировались от огня; некоторые имеют орнамент в виде редких бороздок. Поверх пола в кв. В 2 в куче углей найдено два железных парных асимметричных сошника и остатки перегоревшего железного присошника (полицы). В трубке одного сошника и в трубке присошника сохранились остатки обугленного дерева от насада. Второй сошник сильно пострадал от огня, и трубка для насада отвалилась

[6] Обнаруженный подкоп, очевидно, представляет собой часть «Государевой зельницы», которая, как известно из описей XVII в., находилась около воротной башни.

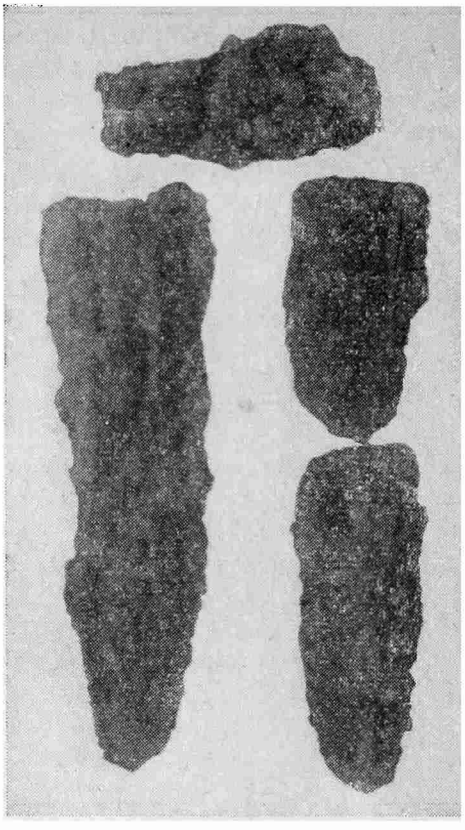


Рис. 7. Сошники и полица от коловой сохи

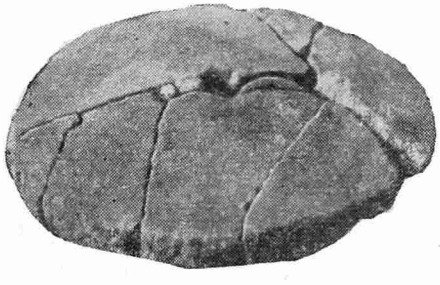


Рис. 8. Нижний постав каменного жернова

(рис. 7) [7]. Находка в одном месте двух сошников и присошника свидетельствует о том, что они принадлежали одной сохе, которая, очевидно, лежала над потолком жилища и в момент пожара рухнула вместе с ним. Здесь мы имеем редкий случай археологической находки основных металлических деталей от одной двузубой коловой сохи: двух сошников и присошника (полицы). В этнографической литературе присошники широко известны. В различных районах они варьировали по форме. Полную аналогию для найденного присошника мы находим у сох в Смоленщине, они бытовали там еще в конце XIX в.[8]

В кв. Б 4, В 4 на поверхности горелого пола, как уже упоминалось выше, найдены обломки от трех жерновов, два верхних «верховода» и один нижний «подстав». Оба «верховода» по изогнутости рабочей части полностью подходят к выпуклости нижнего «подстава». Следовательно, все три жернова являются остатками одного мукомольного постава (рис. 8). Никаких металлических частей, относящихся к поставу, найдено не было. На всей площади пожара и около него собрано свыше 70 кусочков слюды, очевидно, от оконницы. Некоторые куски слюды сохранили форму в виде треугольников и квадратов со сторонами 0,03—0,05 *м*.

Исходя из общего комплекса находок, собранных в сгоревшей избе, в том числе посуды с преобладанием поздних форм и большого количества слюды от окон, дату бытования постройки следует отнести ко времени не ранее конца XVI и начала XVII в. Эта дата может быть подтверждена и следующими соображениями: в 9 *м* от южной стены сгоревшей избы в первой половине XVII в. была построена деревянная церковь Дмитрия Солунского, на месте которой стоит современная одноименная церковь, перестроенная в 1901 г. Н. Е. Бранденбург замечает, что эта церковь вряд ли могла быть построена раньше конца шведской оккупации Ладоги в начале XVII в., т. е. не ранее Столбовского мира 1617 г.[9] Подобного мнения придерживался и И. Ф. Романченко[10]. Следовательно, сгоревшая постройка могла существовать здесь только до постройки церк-

---

[7] Общая длина целого сошника 29,2 *см*, длина трубки для насада 14,5 *см*, внутренний диаметр раструба 0,55 *см*. Общая длина сохранившейся части присошника 16 *см* и ширина 0,7 *см*.

[8] A. Bielenstein. Holzbauten und Holzgeräten der Latten. Petrograd, 1918, стр. 478, рис. 449.

[9] Н. Е. Бранденбург. Ук. соч., стр. 239.

[10] И. Ф. Романченко. Древности Старой Ладоги в памятниках зодчества, I. СПб., 1905, стр. 15.

ви, иначе трудно допустить чтобы жилая постройка могла находиться так близко к деревянному церковному зданию [11].

Таковы данные, собранные при разведке в каменной крепости в 1949 г. Наличие большого количества обломков древнейших форм лепной керамики в нижних слоях культурных отложений дает возможность говорить о том, что на месте каменной крепости находилось поселение, синхронное нижним горизонтам «Земляного городища» Ладоги. В связи с этим необходимо остановиться на выводах Г. Ф. Корзухиной [12].

Культурные напластования в южной части каменной крепости также оказались перемешанными на большую глубину от поверхности, и только в предматериковом горизонте обнаружен слой плотного гумуса толщиной 0,25—0,4 *м* [13]. Этот слой близок по своей структуре предматериковому слою плотного перегноя на нашем раскопе 1949 г. Мы считает, что предматериковый слой, обнаруженный на раскопе 1949 г,. перемешан при строительстве оборонительных сооружений. Г. Ф. Корзухина делает вывод, что нижний, предматериковый слой гумуса в ее раскопе 1958 г. не нарушен и все находки, которые там собраны, относятся к X в.[14] Но с такой обобщенной датировкой находок, опубликованных Г. Ф. Корзухиной, нельзя согласиться. Кроме того, напильники, а здесь их найдено два, в памятниках X в. на Северо-Западе встречаются крайне редко. Так, в слоях X в. и ниже на «Земляном городище» Ладоги напильники, насколько нам известно, ни разу не были найдены [15]. На огромной площади Неревского раскопа в Новгороде за 11 лет исследований в слое X в. найден только один напильник, причем небольших размеров [16]. В раскопе 1958 г. встречены железный нож с прямой спинкой и неотделенным черенком, пастовые и мозаичные бусы [17]. Все эти предметы характерны для более раннего времени, чем X в. [18] Комплекс кузницы, в отложениях которого найдены напильники, перекрывает, по описанию Г. Ф. Корзухиной, нижний предматериковый перегной, и он отложился, на наш взгляд, позднее X в. Следовательно, нет оснований считать, что поселение на месте каменной крепости в Ладоге возникло на 200 лет позднее, чем на «Земляном городище». Они были заселены одновременно. Чтобы решить этот и многие другие вопросы древнейшей истории Ладоги, необходимо возобновить археологические исследования там в широком плане.

---

[11] Возможно, что изба сгорела во время борьбы со шведскими оккупантами в 1610—1611 гг.

[12] Г. Ф. Корзухина. О времени появления укрепленного поселения в Ладоге. СА, 1961, 3, стр. 76—84. В этой публикации Г. Ф. Корзухина неправильно интерпретирует текст моей брошюры «Старая Ладога», изданной в 1949 г., где якобы я датирую VI в. нижние слои поселения в каменной крепости. На самом деле я никакой даты не упоминаю, а пишу, что самое раннее поселение в Ладоге было на мысу, на месте каменной крепости. Говоря так, я имел в виду поселение эпохи раннего металла, так как отдельные черепки от горшков типа «Дьяковых городищ» были нами найдены на берегу под крепостью. При обследовании долины р. Волхова в 1968 г. вновь обнаружены поселения рубежа нашей эры в 0,5 *км* южнее и 1,5 *км* севернее каменной крепости в Ладоге. Следы такого же поселения известны и на правом берегу Волхова, напротив каменной крепости (С. Н. Орлов. Отчет об археологическом обследовании долины реки Волхова в 1968 году). Архив ИА, Р — 1, 3681.

[13] Г. Ф. Корзухина. Ук. соч., стр. 77 сл.

[14] Там же.

[15] Г. П. Гроздилов и П. Н. Третьяков. Описание находок из раскопок в Старой Ладоге, произведенных Н. И. Репниковым в 1909—1913 гг. Сб. «Старая Ладога». Л., 1948, стр. 71—139; В. И. Равдоникас. Старая Ладога. СА, XI, 1949; СА, XII, 1950; Г. П. Гроздилов. Раскопки в Старой Ладоге в 1948 г. СА, XIV, 1950, стр. 139—186.

[16] Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. МИА, 65, 1959, стр. 17 сл.

[17] Г. Ф. Корзухина. Ук. соч., стр. 78, 79, рис. 2, *8*.

[18] Г. П. Гроздилов. Ук. соч., стр. 164, 165, рис. 18, *4*; Ф. Д. Гуревич. Древнейшие бусы Старой Ладоги. СА, XIV, 1950, стр. 171—186; З. А. Львова. Стеклянные бусы Старой Ладоги. «Археологический сборник Гос. Эрмитажа», 10, 1968, стр. 65 сл.

М. Н. ЛОЖКИН

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ В КРАСНОДАРСКОМ КРАЕ

В 50 *км* к югу от станицы Отрадной Краснодарского края на правом берегу р. Уруп расположен хутор Ильич. Южнее и юго-западнее хутора, между лесистыми ущельями рек Урупа, Кувы и Гамовской, возвышается водораздельное плато, входящее в систему Скалистого хребта и расчлененное глубокими балками. Местное население эту территорию называет «За Кувой». Здесь находится большое средневековое городище, которое исследовалось экспедицией Краснодарского педагогического института под руководством Н. В. Анфимова (1965—1968 гг.).

С востока и запада городище защищено скалистыми обрывами и ущельями рек Кува, Гамовская и Уруп, а с севера (со стороны степи) перекрыто системой рвов, валов и оборонительных стен (рис. 1). Остатки двух каменных стен прослеживаются и в узкой южной части плато, несколько южнее балки Балабанка. Первая линия обороны (ров и вал) возведена с напольной (северной и северо-восточной) стороны городища, где плато, постепенно понижаясь, сходит на нет и сливается с долиной р. Уруп. Оплывшие ров и вал тянутся на расстояние около 1 *км* с запад на восток — от Урупского ущелья до начала скальных обнажений по левому берегу р. Кувы.

В 3 *км* к югу от первой линии обороны наблюдается вторая, состоящая тоже из рва и вала. Она простирается от балки Карагачевой до безымянной балки, примыкающей к р. Куве, и имеет длину 425 *м*. Следы третьего рва и вала длиной 70 *м* видны на расстоянии 1,3 *км* к югу от второй линии обороны, у урочища Лохматый бугор. В среднем валы достигают в высоту от 0,8 до 1,25 *м*, ширина их до 5 *м*; рвы имеют глубину до 0,5, ширину до 4 *м*. Между описанными оборонительными рубежами плато расчленено балками, имеет удобные участки для пашни, сенокоса и выпасов (около 307 *га*). Наибольшая площадь находится между первым и вторым рубежами (около 110 *га*).

В 1 *км* к югу при въезде на «Поляну летней МТФ», заметны следы предполагаемой оборонительной стены, представляющей в настоящее время задернованное всхолмление (высотой от 0,8 до 1,25, шириной до 4,8, длиной 489 *м*), протянувшееся от ущелья балки Гамовской до ущелья р. Уруп. В 1 *км* к юго-западу прослеживается вторая стена (всхолмление высотой до 1,3, шириной 6,6, длиной 240 *м*).

В 7 *км* юго-западнее «Поляны летней МТФ» обнаружены еще две крепостные стены, перекрывавшие седловину между р. Гамовской и балкой Перевертайкой, выходящей к р. Уруп. Внешне они прослеживаются как задернованные каменные валы, поросшие лесом. Высота валов до 1,0, ширина 6,5, длина северной стены 130, южной — 85 *м*. Расстояние между ними 130 *м*. У южной стены частично сохранилась кладка: в западной части высота 1,3, ширина 0,8 *м*; в восточной соответственно 1,15 и 1,15 *м*. Стены сложены на скальном основании из грубо обработанных известковых плит, скрепленных известковым раствором. Площадь, включенная в описанную оборонительную систему, составляет около 600 *га*. Мощность культурного слоя и его характер пока не установлены. Центр городища, очевидно, находился на современной «Поляне летней МТФ». Нами исследованы здесь руины четырех христианских церквей.

Церковь № 1 находится в северо-восточной части «Поляны». В плане она четырехугольная, зального типа (11,24 × 5,05 *м*); апсида глубиной 2,25 *м* скрыта в толще восточной стены; с запада пристроен придел (5,15 × × 3,91 *м*). Длина всего здания 15,15 *м* (рис. 2). Фундамент заложен на буте из щебенки на небольшой глубине. Кладка регулярная на известковом растворе из обработанного известняка и блоков ракушечника. Внутри здания сохранились следы штукатурки. Толщина стен от 0,8 до 0,9, высота до

0,9 *м*. Алтарное возвышение со стороны зала было облицовано пятью хорошо отесанными плитами ракушечника. Остальная площадь пола апсиды была залита известковым раствором, частично сохранившимся до сих пор. При расчистке апсиды и около нее найдено 360 фрагментов резной каменной алтарной преграды (рис. 3). Изучение фрагментов дало возможность выявить различные вариации плетенки (жгут, плетенка с шишечками), один

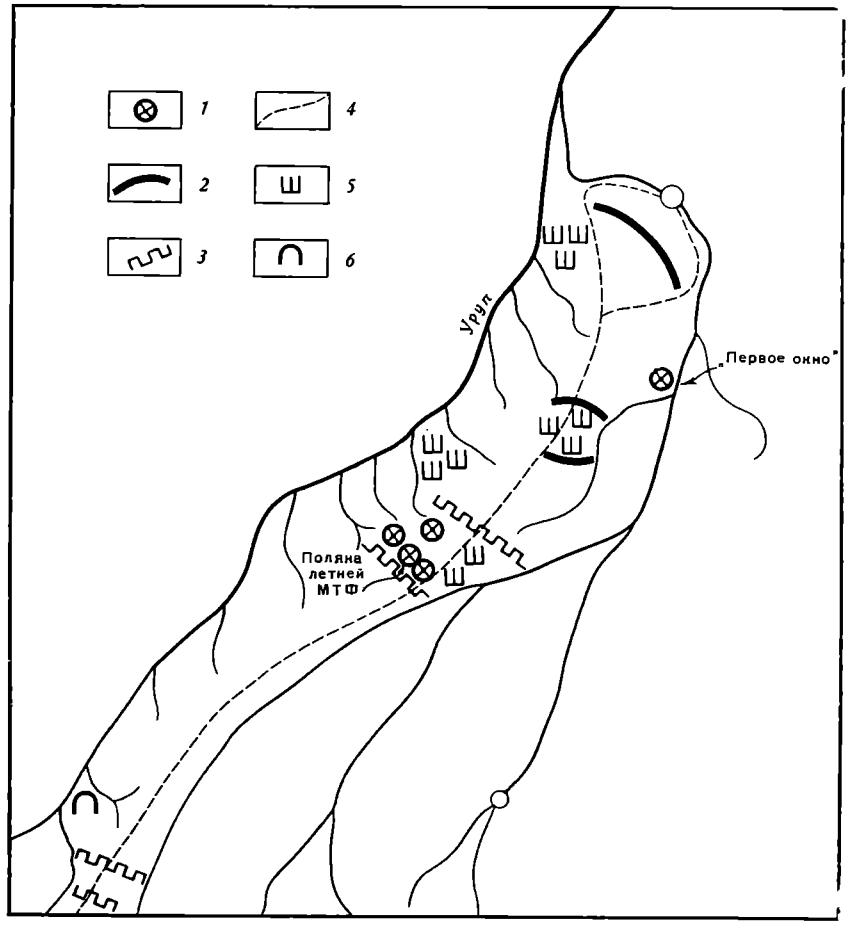


Рис. 1. Схематический план Ильичевского городища

1 — раскопанные храмы, *2* — рвы и валы, *3* — крепостные стены, *4* — дороги, *5* — скопления керамики на пашне, *6* — гончарная печь

фрагмент пальметты и фрагмент фестона, украшавшего арку. Сюжетных мотивов не обнаружено.

Вдоль южной и северной стен зала выявлена одноступенчатая каменная кладка, образующая выступ для сидения (ширина 0,3, высота 0,35 *м*) (рис. 4). Подобное устройство обнаружено в храме Ачануа в Гудаутском районе Абзахии [1]. На расстоянии 1,15 *м* от плеч апсиды сохранились основания пилястр несущей арки из блоков ракушечника.

Установить характер покрытия пола невозможно, так как вся его площадь перекопана. Западный придел пристроен после сооружения церкви; стены его примыкают впритык. Они разной толщины (южная 0,8, северная 0,85, западная 0,88 *м*). В кладке употреблены большие блоки известняка. В завале внутри здания встречены большие блоки, тщательно вытесанные из ракушечника (0,88 × 0,7 × 0,25; 0,6 × 0,75 × 0,23; 0,57 × 0,6 × 0,26 *м*). Лицевая сторона их слегка вогнута (до 0,03 *м*) и покрыта тонким и прочным слоем штукатурки. Видимо, эти блоки из арочных конструкций и потолочных перекрытий.

---

[1] А. К. Кация. Памятники архитектуры в долине Цкуара. «Материалы по археологии Абхазии». Тбилиси, 1967, стр. 73.

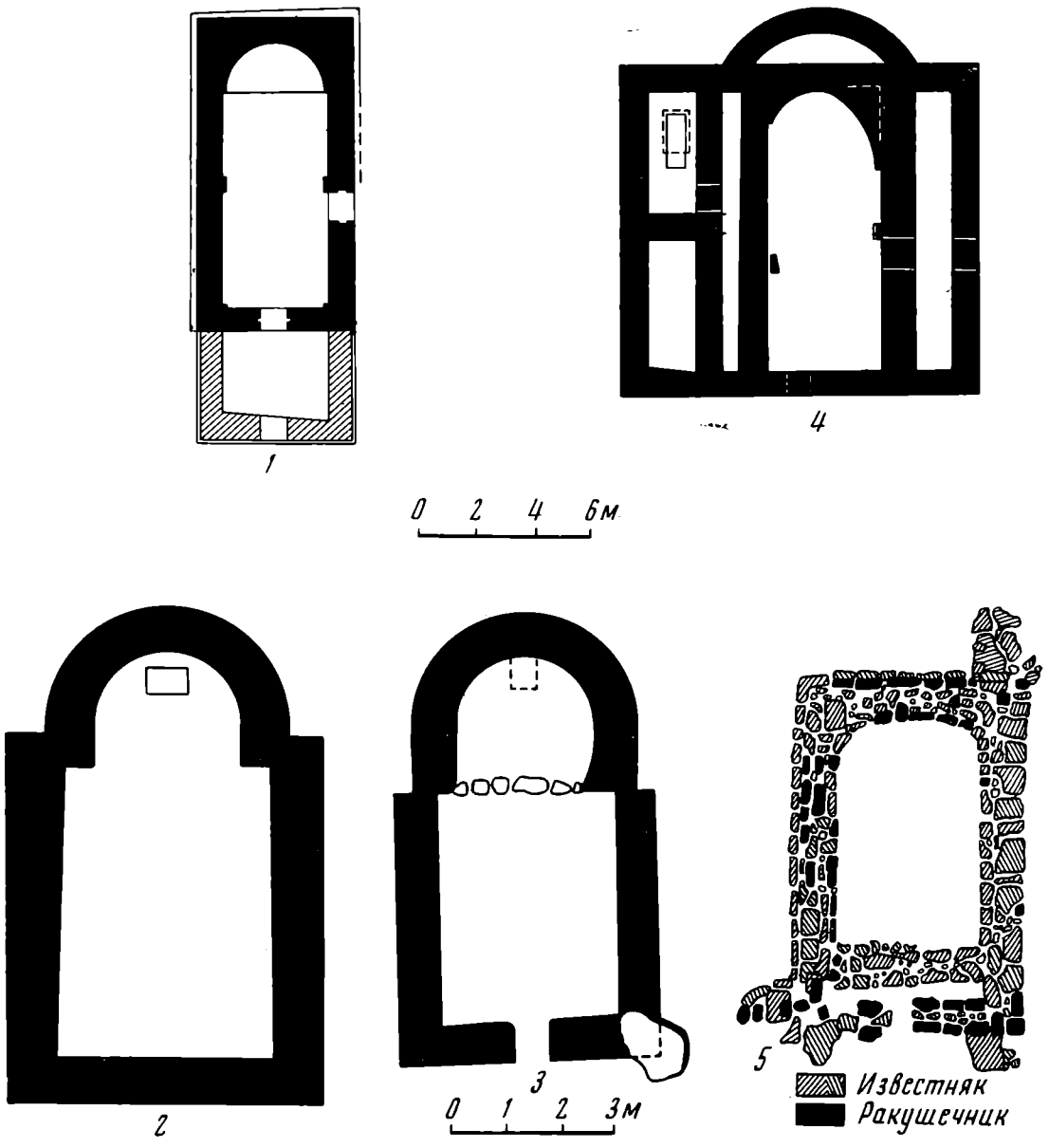


Рис. 2. Планы средневековых церквей у хут. Ильич

1 — церковь № 1; *2* — церковь № 2; *3* — церковь на «Первом Окне»; *4* — церковь № 3; *5* — церковь № 4

На полу у апсиды найдена золотая византийская монета, чеканенная при императоре Никифоре III Вотаниате (1078—1081 гг.), который изображен на вогнутой стороне монеты [2]. На выпуклой стороне помещено изображение Иисуса Христа. Монета пробита (рис. 5). В апсиде обнаружен также пластинчатый крест, выкованный из целого куска железа. Второй крест найден у северо-восточного угла церкви на глубине 0,3 *м*. Кроме того, встречены железная скоба, железные штыри с кольцами, два железных наконечника стрел, каменный строительный отвес с прочерченным крестом, фрагмент импортного сосуда с сине-белой росписью глазурью.

При расчистке придела открыты четыре вытянутых на спине захоронения у южной стены (два головой на запад, два — на восток); там же найден бронзовый нательный крестик, 21 железный наконечник стрел, две железные скобы, железный предмет неизвестного назначения.

Церковь № 1 имеет много общего с известными на Северном Кавказе грузинскими средневековыми храмами [3]. Обычно эти архитектурные па-

[2] Определение монеты сделано И. В. Соколовой (Гос. Эрмитаж).

[3] Л. П. Семенов. К вопросу о культурных связях Грузии и народов Северного Кавказа. МИА, 23, 1951, стр. 303—306; Е. И. Крупнов. Грузинский храм «Тхаба Ерды» на Северном Кавказе. КСИИМК, XV, 1947.

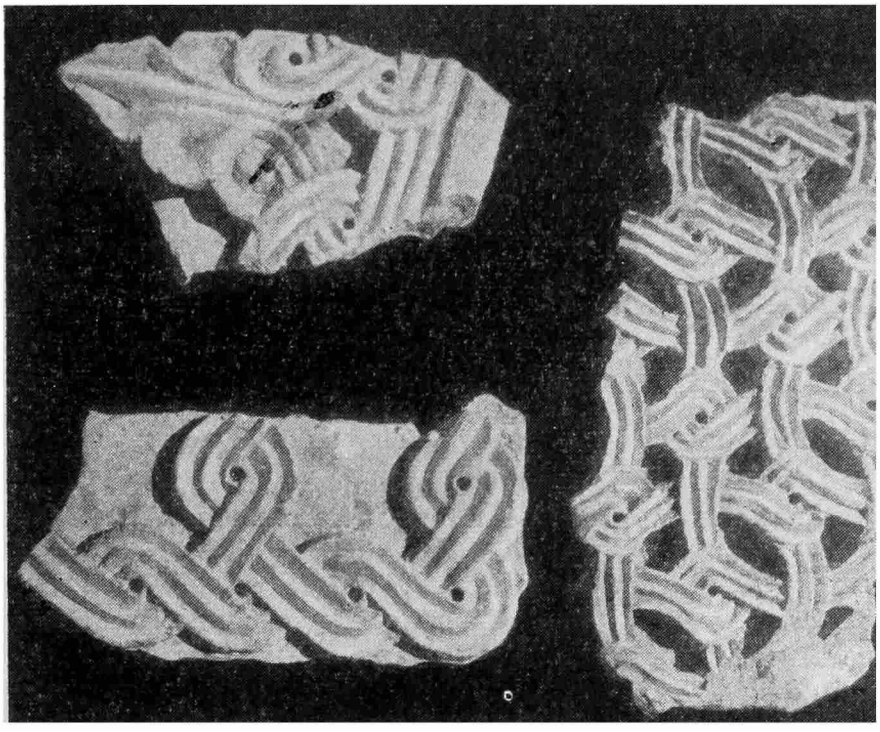


Рис. 3. Фрагменты резной каменной алтарной преграды из церкви № 1

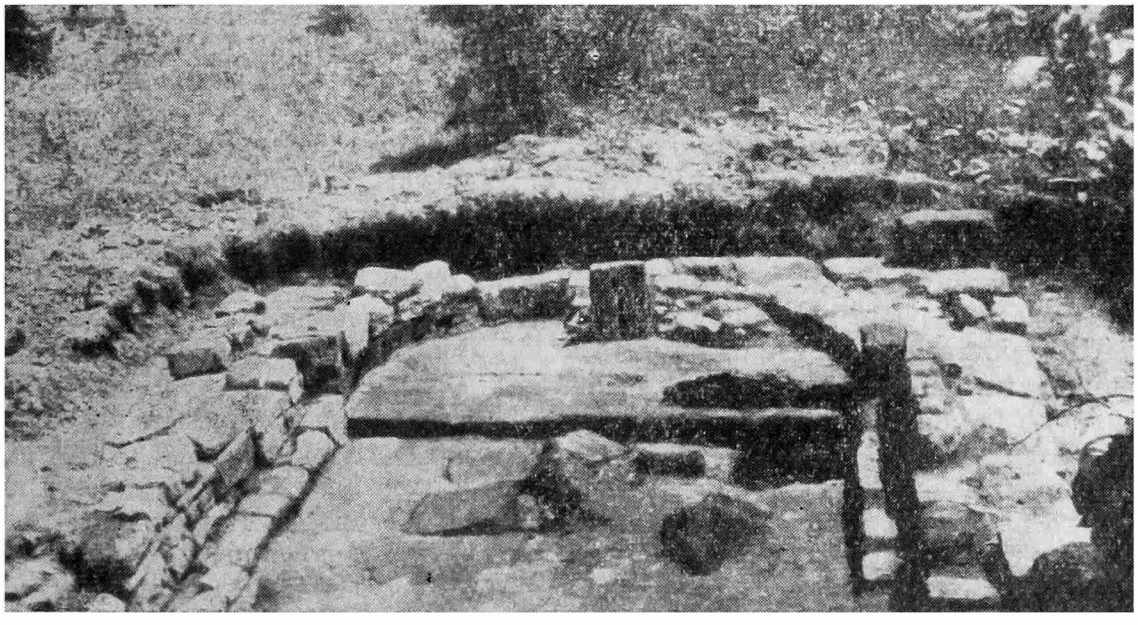


Рис. 4. Церковь № 1 после раскопок

мятники представляют в плане вытянутый прямоугольник, апсиду, скрытую в толще восточной стены, одну или две арки, вход с юга. Грузинское (или грузино-абхазское) происхождение памятника подтверждает и алтарная преграда. Наиболее близкая аналогия ей известна в церкви с. Полтавского в Абхазии, которая датирована П. С. Уваровой XII—XIII вв.[4] Орнаментация нашей преграды близка узорам на алтарных преградах храмов Сахте, Гудрехского монастыря, Мерия и др. в Грузии XII—XIII вв. По мнению Р. Шмерлинг и А. Вольской, в XII в. сюжетные мотивы, украшав-

[4] П. С. Уварова. Христианские памятники. МАК, IV. М., 1894, стр. 17, 26, рис. 15.

шие алтарные преграды, заменяются преимущественно орнаментальными [5]. Среди фрагментов алтарной преграды церкви № 1 сюжетных мотивов нет.

Таким образом, мы имеем достаточные основания отнести этот интересный архитектурный памятник к XII в., связывая его строительство с культурным влиянием, шедшим из-за Кавказского хребта. Церкви подобной архитектуры ранее не были известны в бассейне верхней Кубани, а каменная орнаментированная алтарная преграда обнаружена на Северном Кавказе впервые.

Рис. 5. Золотая византийская монета из церкви № 1

Церковь № 2. Аналогична церкви, расположенной неподалеку, на скалистом возвышении «Первое Окно», близ домов хут. Ильич (рис. 2, *2*, *3*; 6). Поэтому рассмотрим их одновременно. Часовня на «Первом Окне» в плане четырехугольная (7,7 × 3,0 *м*), как и часовня № 2 (9,0 × 5,0 *м*), с выступающими апсидами. Фундамент церкви на «Первом Окне» выложен на скальном основании, а в церкви № 2 на неглубокой забутовке из мелких камней. Толщина стен от 0,9 до 1,2 *м*. Остатки их, высотой от 0,3 до 0,8 *м*, были сложены без раствора из грубообработанных камней известняка. Промежуток между внешним и внутренними панцирями забутован. Выявлены остатки каменных престолов. На «Первом Окне» престол (0,5 × 0,5 × 0,5 *м*) примыкал к центру стены апсиды, а в часовне № 2 (0,39 × 0,45 × 0,30 *м*) находился на расстоянии 0,4 *м* от стены. В церкви «Первого Окна» полом служило скальное основание. В церкви № 2 пол, видимо, был выложен плоскими камнями (у западной стены вскрыты остатки вымостки). Имеются некоторые различия в сочленении стен апсиды со стенами здания. Найдены целые и фрагментированные пластинчатые кресты («Первое Окно» — 6 целых крестов и 15 фрагментов, церковь № 2 — 2 фрагмента железных и 1 бронзовый нательный крестик). У стен церкви на «Первом Окне» открыто шесть христианских погребений с незначительным количеством вещей (костяная пуговица, железная поясная пряжка, серебряная пуговица-бубенчик).

Предварительную датировку этих памятников определяют аналогии с церквами Ниже-Архызского городища на р. Большой Зеленчук, где В. А. Кузнецовым открыто и опубликовано несколько сходных церквей, суммарно датированных XI — XII вв. [6] Эта дата подтверждается находкой железных пластинчатых крестов, обнаруженных неоднократно при раскопках христианских памятников X—XII вв. Северного Кавказа [7].

Церковь № 3. Остатки ее находятся в 10 *м* севернее церкви № 1 (рис. 2, *4*). Храм четырехугольный (14,4 × 15,6 *м*), с выступающей апсидой (глубина 1,5 *м*), центральным залом, южным и северным приделами. Южный придел (14,4 × 2,6 *м*) имел вход, соединявший его с залом. Северный придел состоял из двух помещений: восточного (1,8 × 4,4 *м*) и западного (1,8 × 4,5 *м*). В восточном помещении обнаружен начисто ограбленный склеп; стены его были облицованы оштукатуренной камен-

---

[5] Р. О. Шмерлинг. Малые формы в средневековой архитектуре Грузии. Тбилиси, 1962, табл. 68, 69, 72, 78, 79; Н. Вольская. Рельефы Шиомгвимн. Тбилиси, 1957, стр. 89—90.

[6] В. А. Кузнецов. Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе, 1971, стр. 176.

[7] Т. М. Минаева. Археологические памятники на р. Гиляч в верховьях Кубани. МИА, 23, 1951, стр. 293, 294; В. А. Кузнецов, О. В. Милорадович. Археологические исследования в Северной Осетии в 1959 г. КСИА АН СССР, 86, 1961, стр. 95; Е. И. Крупнов. Христианский храм на городище Верхний Джулат. МИА, 114, 1963, стр. 53, 54.

ной кладкой. Склеп был закрыт плитой. Восточное помещение соединялось с центральным залом дверным проемом шириной 1,0 *м*.

Фундамент и стены храма сложены из обработанных камней известняка с редким включением блоков ракушечника, на растворе; стены в интерьере были оштукатурены. Здание подвергалось перестройке. В зале сохранились остатки северной стены, построенной во время реконструк-

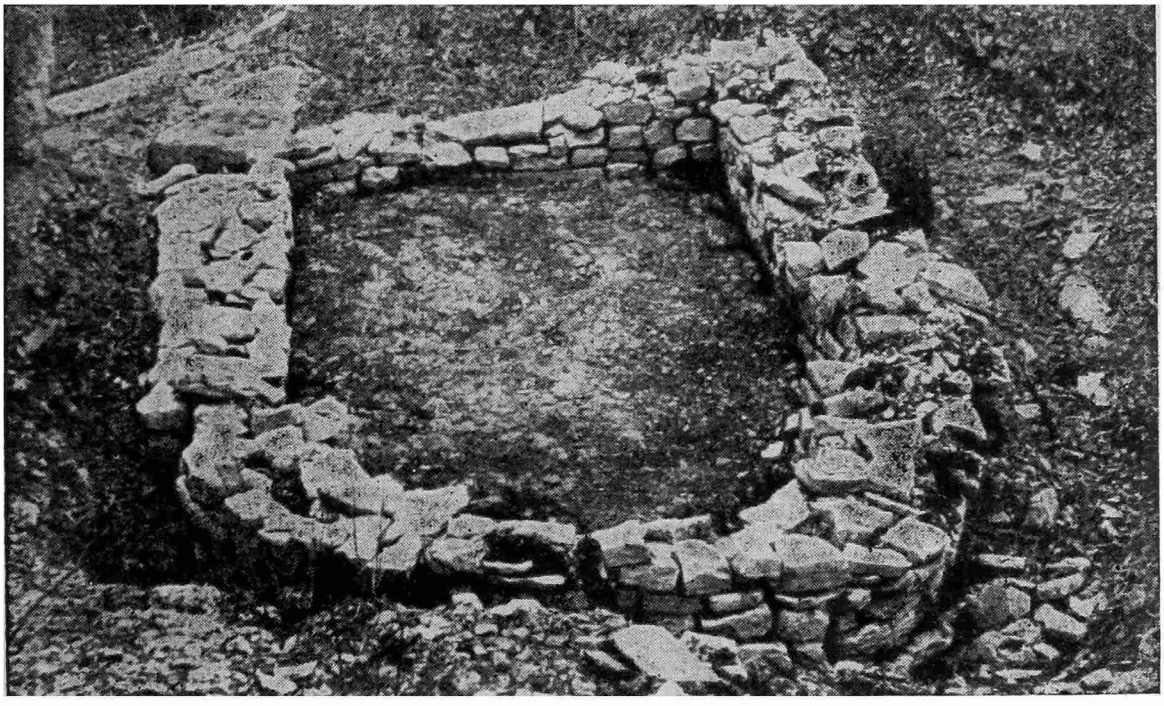


Рис. 6. Церковь на «Первом Окне» после раскопок

ции церкви. Сложена она впритык к западной стене храма, кладка небрежная, из грубообработанных или совсем не обработанных камней известняка. Эта стена шире остальных (1,39 *м*), фундамент заложен на меньшую глубину (в среднем на 0,15 *м*), одна плита вложена в стену вертикально. Видимо, тогда же была выведена и вторая апсида (внутренняя).

При расчистке завала в нефе на уровне пола встречены два раздавленных глиняных сосуда и жернов ручной мельницы. Особо отметим найденную при раскопках створку бронзового креста — энколпиона (рис. 7).

Время постройки церкви № 4 определяется аналогиями с другими церквами городища (XII — начало XIII в.). Перестройка здания, видимо, произошла позднее, скорее всего в XIII—XIV вв. Эти датировки требуют уточнения.

Церковь № 5. В 370 *м* восточнее церкви № 1 под невысоким курганообразным всхолмлением, состоявшим из задернованных камней и строительного мусора, открыты в 1968 г. остатки разрушенной церкви № 5 (рис. 2, *5*). Здание четырехугольное (7,98 × 5,64 *м*) с апсидой, вписанной в толщу восточной стены. Фундамент сложен на грунте (чернозем), с цокольной ступенькой с севера и востока. Стены состоят из плит известняка и хорошо обработанных блоков ракушечника. Они сохранились в высоту от 0,4 до 0,5 *м*, толщина их от 0,8 до 0,9 *м*. Кладка фундамента и стен производилась без раствора.

Заметны следы перестроек здания. Сохранились остатки южной стены на участке, где ее строительство было продолжено в восточном направлении (шириной 1, длиной 1,75 *м*). Она возводилась одновременно с первоначальной постройкой всего здания. К западной стене пристроена вторая, видимо, с целью укрепления здания. Вход намечается с запада,

Рис. 7. Створка бронзового креста-энколпиона из церкви № 4

ширина его 0,67 *м*. Пол, возможно, был выложен каменными плитами, из них пять сохранилось у западной стены. Плиты кровли не выявлены.

У южной стены открыты известняковые намогильные плиты, сдвинутые с первоначальных мест. Погребения нарушены, кости скелетов разбросаны. У западной стены открыто 12 христианских грунтовых захоронений с небольшим количеством погребального инвентаря (бронзовые пуговицы, железная оковка гробов, нательный янтарный крестик, сердоликовая бусина).

Церковь № 5 по своему плановому решению близка описанной выше церкви № 1, сложена в одинаковой технике кладки и должна быть также отнесена к XII в.

На «Поляне летней МТФ» нами выявлено еще пять-шесть вытянутых в плане курганообразных возвышений, ориентированных по линии запад-восток. Не исключено, что это также остатки средневековых церквей. Раскопки их не производились.

Сосредоточение нескольких церквей XI—XIII вв. на Ильичевском городище не может не привлечь внимания исследователей. Сейчас, когда археологическое изучение этого обширного комплекса только началось, было бы преждевременно делать далеко идущие выводы. Но даже располагая изложенным выше материалом, мы можем ориентировочно определить время городища X—XIII вв. (возможны и более ранние слои, так как в скалах балок Кувы, Гамовской, Балабанки выявлены пещерные погребения с инвентарем VIII—IX вв.) и считать его довольно значительным местным культурным и экономическим центром. В пользу последнего говорят многочисленные находки железных сыродутных шлаков, каменная литейная форма для отливки крестообразных серег, мельничные жернова, завал гончарной печи на берегу р. Балабанки и т. д.

Раскопки последних лет на Нижне-Архызском городище X—XIII вв. показали, что оно было культурным и политическим центром западной Алании, резиденцией аланских епископов в X—XIV вв.[8] Ильичевское городище расположено в 70 *км* к северо-западу от Нижнего Архыза, на западной границе Алании[9], и, вероятно, его духовенство находилось под юрисдикцией аланской кафедры. Рассмотренные в настоящей статье архитектурные памятники дают новый ценный материал как по истории христианства на Северном Кавказе, так и по истории средневековой северокавказской архитектуры.

---

[8] В. А. Кузнецов. Алания в X—XIII вв., стр. 164—168, 191.

[9] Т. М. Минаева. К истории алан верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971, стр. 185; Е. П. Алексеева. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971, стр. 94; В. А. Кузнецов. Ук. соч., стр. 11.

В. Е. ВИХРОВ*, Ю. В. ВИХРОВ, В. А. БОРИСОВ,
С. Ю. КАЗАНСКАЯ

СОХРАНЕНИЕ ДРЕВЕСИНЫ ИЗ РАСКОПОК БЕРЕСТЬЯ

Летом 1970 г. экспедицией Института истории АН БССР были вскрыты в западной части Брестской крепости при слиянии р. Муховца и р. Западного Буга остатки древнерусского города Бреста — летописного Берестья [1]. Первое упоминание о Берестье относится к 1019 г. Оно являлось форпостом на пограничье древнерусского государства.

В культурном слое, мощность которого доходила до 7 *м*, обнаружены деревянные жилые и хозяйственные постройки. Всего было вскрыто 8 построек. Некоторые из них имели по 9—12 венцов. Найденные остатки датируются XII—XIII вв. Ввиду его особого значения Берестье включено в список важнейших археологических памятников. Было принято решение о проведении неотложных работ по сохранению и консервации остатков деревянных сооружений. Работы по консервации были поручены лаборатории модификации древесины Белорусского технологического института им. С. М. Кирова.

Размеры раскопа составляли 8×16 *м*. Общий объем древесины построек достигал 20 $м^3$. Работы по вскрытию сооружений были закончены археологами в конце июля, и сооружения в течение двух месяцев находились во вскрытом состоянии. Стены построек срублены из сосновых бревен диаметром 25—35 *см*. Доски для полов и лаги изготовлены из дуба. В связи с быстрым высыханием вскрытой древесины началось ее интенсивное растрескивание. Особенно сильно пострадали южные обогреваемые солнцем стенки построек. Верхние бревна венцов были разрушены почти до сердцевины. Часть стен просела и некоторые бревна были раздавлены тяжестью лежащих выше венцов. Некоторые стенки угрожающе покосились.

Для прекращения интенсивного процесса разрушения мы укрепили постройки, установив с обеих сторон их стенок доски, стянутые болтами. Помимо этого часть венцов была скреплена между собой вбитыми в них длинными (40×50 *см*) металлическими стержнями. Все постройки были смочены водой и тщательно укрыты полиэтиленовой пленкой, защитившей древесину от дальнейшего высыхания.

Для консервации древесины был разработан метод, заключающийся в ее глубокой пропитке специальными синтетическими смолами с их последующим переводом в древесине при помощи термообработки в полимер. Для определения оптимальных режимов консервации были изучены физические свойства ископаемой древесины. Для этого из каждого венца центрального строения отбирались пробы. Влажность и плотность древесины определялись в нескольких точках по радиусу и длине бревен. Древесина построек оказалась крайне неоднородной. Так, по радиусу бревен среди относительно плотной древесины встречались участки сильно разрушенные, легко растирающиеся между пальцами. Средняя плотность древесины в абсолютно сухом состоянии составляла около 0,24 $г/см^3$. Влаж-

---

* От редакции. Один из авторов статьи — Виктор Евграфович Вихров, заслуженный деятель науки Белорусской ССР, ректор Белорусского технологического института, доктор сельскохозяйственных наук, профессор — скончался 13 июля 1972 г. С историками и археологами Виктора Евграфовича связывал особый научный интерес. Он увлекался определением пород археологического дерева, применением дерева в древности, стабилизацией формы влажных деревянных изделий и определением абсолютного возраста деревянных находок. В. Е. Вихровым совместно с его учениками были созданы консервирующие растворы и разработана технология стабилизации археологической древесины, за которые все археологи нашей страны ему очень признательны.

[1] Раскопки проводились сотрудником института П. Ф. Лысенко.

ность бревен значительно возрастала к основанию построек и от периферии к середине бревен изменялась от 40 до 300%.

Для консервации древесины нужно было заменить содержащуюся в бревнах воду синтетической смолой. Смола должна при пропитке легко замещать воду в древесине и полимеризоваться при воздействии относительно невысоких температур. Важно было также, чтобы смола не изменяла цвет и фактуру древесины, имела невысокую стоимость, выпускалась промышленностью. На основании исследований, проведенных в лаборатории, была выбрана марка смолы, удовлетворяющая поставленным требованиям.

Пропитка древесины проводилась в два этапа. Сначала бревна обмазывались при помощи кисти водным раствором смолы, который легко впитывался в более сухие поверхностные слои бревен. После подсыхания бревен обмазка повторялась. В течение дня каждое бревно обмазывалось дважды. После десятикратного обмазывания смола проникла на глубину до 4 *мм* и ее впитывание значительно замедлилось. На эту операцию было израсходовано около 2 *т* смолы.

Во время работы раскоп периодически заливался водой, откачка которой в связи с отсутствием в начале работ электроэнергии была очень затруднена. Вода вымывала смолу из нижних венцов построек, половых досок и лаг, что значительно понижало эффективность работы.

Затем бревна построек пропитывались смолой под давлением. Аппарат глубинной пропитки представлял собой герметически закрытую емкость с отходящими от нее шлангами, снабженными на конце пустотелыми иглами диаметром 8 *мм* с отверстиями диаметром 3 *мм* по периметру и заглушенными концами. Смола заливалась в емкость и под давлением 4—10 атмосфер, создаваемым баллоном со сжатым воздухом, подавалась по шлангам через иглы в древесину. Иглы вкалывались на глубину 10 *см* на расстоянии 20—30 *см* друг от друга. На глубинную пропитку было израсходовано 6 *т* смолы.

Наиболее тяжелым оказался процесс термообработки древесины. Работы по термообработке были начаты в конце ноября, температура окружающего воздуха в это время составляла +5 —0° С. Над раскопом был построен навес, сам раскоп закрыт полиэтиленовой пленкой. Под пленку подавался горячий воздух $t = 100°$ С от двух моторных печей, применяемых обычно на аэродромах для прогрева двигателей самолетов. Температура воздуха в раскопе достигала 40—50°С. При этой температуре проводилась плавная подсушка древесины построек. Одновременно осуществлялся подогрев стен строений лампами инфракрасного излучения и газовыми горелками, работающими от баллонов с газом.

Следует отметить, что лампы давали узкий концентрированный поток лучей и участки между ними оставались непрогретыми, сами лампы были громоздки и неудобны в работе, а подвод электроэнергии в мокрый раскоп был весьма опасен. Поэтому впоследствии мы отказались от применения ламп. Прогрев газовыми горелками оказался более равномерным и легко регулировался. После окончания подсушки температура бревен при помощи газовых горелок поднималась до 100—120° С, что было вполне достаточно для полной полимеризации смолы в древесине. После окончания термообработки состояние древесины резко изменилось. Все бревна приобрели плотный, очень прочный слой из модифицированной древесины, толщиной 4—5 *мм*, за которым следовал 60-миллиметровый слой древесины, пропитанный менее сильно, но также достаточно хорошо упрочнившийся. Плотность наружной корки составляла около 0,9 *г/см*^{3}, плотность более глубоких слоев 0,6 *г/см*^{3}. Влажность наружного слоя на глубине до 5 *см* не превышала 5%. Древесина строений приобрела натуральный вид. Отдельные частицы уже разрушенной древесины склеились, образовав монолит. Часть пустот в бревнах заполнилась полимером, что значительно упрочнило древесину и частично реставрировало форму бревен.

Работы по консервации были начаты 29 октября и окончены 25 декабря 1970 г. и проводились в тяжелых метеорологических условиях. 3 марта 1971 г. был проведен контрольный осмотр построек. К комиссии участвовали сотрудники Белорусского технологического института им. С. М. Кирова и археологи Института истории АН БССР. Комиссия установила, что постройки хорошо перенесли зиму и имеют высокую прочность. Установлено, что обработанные смолой стены хорошо противостоят механическим воздействиям, колебаниям температуры и влажности воздуха. Древесина сохранила свою форму и фактуру. Комиссия пришла к выводу о целесообразности продолжения работ по консервации вновь найденных построек Берестья при проведении раскопок в 1971 г.

Подобные работы по консервации вскрытых построек без их разбора, судя по известным нам литературным данным, в полевых условиях до сих пор не производились. Аналогичным методом было законсервировано около 100 сильно насыщенных водой деревянных археологических изделий. Они первоначально вымачивались в консервирующем составе, затем подвергались термообработке. Общее время консервации от 7 до 30 суток. После обработки они приобретали прочность и стойкость к атмосферным воздействиям, однако цвет обработанных изделий стал темнее, чем необработанных.

В последнее время в проблемной лаборатории модификации древесины разработан принципиально новый метод консервации небольших деревянных находок, позволяющий в течение 5—10 час. в полевых условиях произвести полную обработку ископаемых изделий. Очень важно, что древесина полностью сохраняет цвет и текстуру, значительно увеличивая при этом свою прочность. Форма и размеры изделий практически не меняются.

Метод очень прост и не требует для своего осуществления дорогостоящих материалов и оборудования. Новым методом уже законсервировано более 150 находок из раскопок городищ Берестья и Новгорода и передано краеведческим музеям для открытой демонстрации. Мы считаем, что разработанный нами метод может быть широко применен для консервации деревянных изделий и сооружений, сохранившихся в насыщенном водой культурном слое.

Критика и библиография

Охотники, собиратели, рыболовы. Проблемы социально-экономических отношений в доземледельческих обществах. Отв. редактор А. М. Решетов. Л., 1972, 288 стр. Тираж 1350 экз.

Выпущенный Ленинградским отделением Института этнографии АН СССР компактный сборник содержит важную и интересную информацию об обществах, чей тип хозяйственного уклада является древнейшим в эволюции человеческого общества. Как справедливо отмечено А. М. Решетовым во «Введении», такой сборник появляется в отечественной литературе впервые (стр. 10). Методологическая значимость поднимаемых сборником проблем первостепенна. Систематизация данных по социально-экономическим отношениям в обществах охотников, рыболовов и собирателей, сохранивших этот архаичный хозяйственный уклад до XVIII—XIX, а кое-где и до XX в., вычленение наносных явлений, объясняемых воздействиями соседних высокоразвитых структур, дают основания для реконструкции древнейшего прошлого человечества. Правда, рассматриваемая книга еще не содержит такого исследования: и археологические материалы, и данные этнографии рассматриваются в ней по региональным выборкам, тематика которых зачастую определялась наличием соответствующих специалистов или разработок. Однако уже материал, представленный в виде сборника статей, ярко демонстрирует не только намечающиеся перспективы, но и имеющиеся достижения.

Состав работ, представленных в сборнике, так же как и их жанр, достаточно разнообразен. Статьи Г. П. Григорьева «Восстановление общественного строя палеолитических охотников и собирателей» и Л. П. Хлобыстина «Проблемы социологии неолита северной Евразии» представляют собой аналитические сводки (у Г. П. Григорьева по материалам верхнего палеолита Восточной Европы), ориентированные на проблематику, выделенную в подзаголовке книги. Традиционная тематика отечественной этнографии — изучение народов Сибири — представлена статьями Г. М. Василевич об эвенках, Е. А. Алексеенко о кетах, Ч. М. Таксами о племенах Амура и Сахалина, Л. В. Хомич о лесных ненцах и Р. Г. Ляпуновой об алеутах. Важные общетеоретические вопросы поднимают В. М. Бахта, Т. В. Сенюта и Ю. В. Маретин. Одни работы написаны на основе литературных данных (статьи Г. Надь об охотниках и собирателях Восточной Африки, С. А. Маретиной об индийских кадарах, Е. В. Ивановой о тайландских мрабри, Д. И. Тихонова о филиппинских аэта, Р. Ф. Итса о тайваньских горцах), другие — с использованием полевых наблюдений (Мак Дыонг «Хозяйственно-культурный тип охотников, собирателей и рыболовов у некоторых народов Северного Вьетнама»). Наконец, работы С. А. Токарева об общественном сознании первобытного человека, А. М. Решетова о системах родства, В. Р. Кабо о принципах исторических реконструкций и Л. Г. Герценберга о древнейшем языковом ландшафте, а точнее, о невозможности его установить по существу выходят за рамки доземледельческой эпохи. Наряду со статьями, содержащими статичное описание, в сборнике представлены подлинно исследовательские работы, которым свойственно стремление к формулировке лишь тех выводов и заключений, которые непосредственно вытекают из анализируемого материала, а не являются очередной вариацией привычного традиционализма. Эта ведущая тенденция сборника является одним из основных его достоинств.

Остановимся кратко на некоторых общих вопросах, затрагиваемых в рассматриваемой книге. В. Р. Кабо достаточно полно показал необходимость вдумчивого подхода к реконструкции прошлого по данным этнографии с ориентацией на восстановление не конкретных форм, а общих закономерностей социального развития (стр. 53—67). Поливариантность возможной интерпретации данных археологии в должной мере учитывается Г. П. Григорьевым (стр. 17—18, 23). Пренебрежительное отношение к возможностям научной ретроспекции (статья Л. Г. Герценберга; ср. возражения у А. М. Решетова во «Введении» на стр. 5—6) нельзя считать правильными. Дело не в общих пожеланиях, а в конкретной разработке методики. К условиям использования

данных этнографии для палеоисторических реконструкций, приводимым В. Р. Кабо (стр. 64), мы бы добавили единство культурно-хозяйственного типа, нашедшего в формулировках В. Р. Кабо лишь завуалированное выражение (ср. «Введение», стр. 3). В этой связи особенно важно заключение Ю. В. Маретина, что бродячие (нам меньше нравится применяемый автором термин «кочевые») охотники Восточной Суматры «должны быть помещены на уровне палеолитического населения (вероятно, верхнепалеолитического.—*В. М.*) и даже более низком» (стр. 98).

При использовании данных этнографии об архаических обществах необходимо каждый раз учитывать разлагающее влияние внешней среды, вносящее существенные изменения в хозяйство и общественные отношения. Так, у лесных охотников Сибири с вхождением в состав русского государства и введением ясачной повинности особое значение приобрел пушной промысел (стр. 172), который, надо полагать, развивался и раньше, стимулируемый торговыми связями; индийских собирателей теперь интересуют не съедобные коренья, а объекты, пользующиеся спросом на рынке: имбирь, кардамон, мед, ценная древесина. Как пишет С. А. Маретина, «хозяйство кадаров, оставшись по форме собирательским, стало совершенно иным по целям и содержанию» (стр. 116).

Центральной проблемой первобытной истории является вопрос о формах социальных отношений и соответственно социальных единиц в древнейших обществах. Сейчас, например, совершенно ясно, что нельзя говорить о матрилокальном или патрилокальном браке, основываясь лишь на материалах древних жилищ и поселений (об этом справедливо пишет Г. П. Григорьев, стр. 22). При разработке тонкой методики проблема локальности брака может быть поставлена на материалах могильников. Вместе с тем, как отмечает Л. П. Хлобыстин, в лесном неолите преобладание обильных по инвентарю и занимающих особое место погребений приходится на долю мужчин, что по меньшей мере не позволяет говорить о ведущем экономическом положении женщин (стр. 37). Правда, порой женщины занимали в обществе достаточно высокое положение, как об этом свидетельствует материал Оленеостровского могильника, несмотря на стремление Л. П. Хлобыстина подвергнуть его известной реинтерпретации (стр. 38). Данные этнографии показывают широкое распространение патрилокальности у охотников и собирателей. Группы австралийских охотников, как правило, патрилокальны (стр. 81); патрилокален брак у бродячих охотников Суматры, чей глубокий архаизм не вызывает сомнений (стр. 101). У кадаров Индии локальность жительства брачных пар вообще определяется соображениями удобства (стр. 121).

На смену зачастую схоластическим рассуждениям о матрилокальности и патрилокальности теперь приходит исследование основных социальных ячеек древних обществ. Здесь прежде всего выявляется большая роль малой или индивидуальной (но не моногамной!) семьи, начиная с очень раннего времени (ср. стр. 68). Анализ планировки жилищ приводит к выводу, что малая семья была основной ячейкой общества уже в верхнем палеолите (стр. 12—13), причем на многосемейных поселениях имело место посемейное распределение и потребление пищи [1]. Г. П. Григорьев не без оснований ставит вопрос об отсутствии принципиальных различий между верхнепалеолитической общиной и общиной эпохи мустье или ашеля. Можно думать, что будут получены данные, позволяющие удревнить и малую семью. Например, известное мустьерское погребение мужчины, женщины и ребенка в Ла Ферраси вполне могло быть таким семейным кладбищем. Отметим, кстати, что отсутствие анализа материалов погребений, в настоящее время достаточно многочисленных [2], заметно обедняет статью Г. П. Григорьева. Размеры жилищ свидетельствуют о наличии малой семьи и в лесном неолите (стр. 30—31).

В полном соответствии с подобными заключениями находятся и данные этнографии. У кубу малая или парная семья не только играет большую роль, но и, по словам Ю. В. Маретина, «именно она является наиболее устойчивой социальной формой» (стр. 102).

Малая семья была исходной молекулой первобытного общества, из которой формировались более значительные структуры. Материалы этнографии ясно показывают, что следующей такой структурой в обществах охотников, рыболовов и собирателей была локальная группа, известная у австралийцев (стр. 77), кубу (стр. 99—100), кадаров (стр. 119), у охотников и собирателей Восточной Африки (стр. 109) и Таиланда (стр. 144). У кубу в состав бродячих групп входит от 5 до 14 человек; во главе группы стоит наиболее опытный мужчина. Количество членов группы не стабильно и определяется сезоном хозяйственного цикла. Восточноафриканские охотники в дождливый период кочуют по саванне мелкими группами до 20 человек, занимаясь собирательством и охотой на мелких животных. В сухой сезон, во время коллективных охот на крупную дичь, группы объединяются в коллективы, насчитывающие 40—70 человек (стр. 109). Археологически подобная сезонная изменчивость превосходно зафиксирована исследованиями Р. Макнейша в Мексике [3]. Родственные связи

[1] С. Н. Бибиков. Некоторые аспекты палеоэкономического моделирования в палеолите. СА, 1969, 4.

[2] S. R. Binford. A Structural Comparison of Disposal of the Dead in the Mousterian and Upper Paleolithic. «Southwestern Journal of Anthropology», 1968, 24, 2.

[3] R. S. McNeish. Ancient Mesoamerican Civilization. «Science», 1964, 143.

между членами группы были совсем не обязательны (стр. 102, 131). В то же время простейшие генеалогические связи существовали, что, по мнению Ю. В. Маретина, позволяет говорить о зародышевых чертах родовой структуры (стр. 104). Он предлагает для обозначения данной стадии развития общества термин «раннеродовая община» или даже «предродовая община» (стр. 104). Размеры позднепалеолитических памятников Восточной Европы позволяют видеть в них поселки локальных групп (стр. 63). Сезонными стоянками таких групп следует считать ашельские стойбища на юге Франции [4].

К числу традиционных заблуждений следует отнести и неточные представления о роли в структуре первобытного общества рода, который никогда не был хозяйственной единицей и не образовывал обособленных поселений (стр. 22). Очень хорошо охарактеризовал истоки этой традиционности А. М. Решетов: «Очевидно, терминология, которую мы теперь узко понимаем как родственную, на самом деле отражала сложную структуру первобытного коллектива... Она не только отражала родственные отношения, но и являлась следствием социальных, прежде всего экономических, связей. Родственные отношения лежат для нас на поверхности по своей форме, но они выражают более широкие социальные отношения по своей сути» (стр. 234). В этой связи представляется некоторой натяжкой утверждение В. М. Бахты и Т. В. Сенюты о доминировании отношений родства над отношениями по производству материальных благ в доклассовых обществах (стр. 90).

Глубокая архаичность, примитивность хозяйства собирателей и охотников субтропического и тропического поясов ярко характеризуется многочисленными примерами. Они даже не делают запасов (стр. 95, 115), и вся их жизнедеятельность сводится к передвижениям в поисках пищи, которая тут же потребляется. Возможно, в этом архаизме лежит объяснение застойности палеолитических культур центральной и южной Африки. Вместе с тем на определенном этапе своего развития доземледельческая экономика делает возможным формирование классовых отношений, как это хорошо известно на примере индейцев северо-западной Америки. В рассматриваемой книге этот уровень развития представлен обществом алеутов XVIII—XIX вв. Основу хозяйства алеутов составляла охота на морских животных, дополняемая рыболовством и собирательством. Общество имело сложную социальную структуру с выделившейся зажиточной прослойкой, военной знатью, рядовыми общинниками и рабами. Существовал обычай убийства рабов после смерти хозяина (стр. 221—222). Военный предводитель имел от 4 до 8 ближайших помощников — нечто вроде военной дружины (стр. 227). Нет сомнений, что здесь имел место процесс интенсивного разложения первобытнообщинного строя и формирования основ классового общества (стр. 9). Это стало возможным благодаря высокоспециализированной экономике, доставлявшей значительный прибавочный продукт. Недаром плотность алеутского населения была исключительно высока (стр. 216). Вероятно, речь должна идти об особом пути развития, представленном племенами незамерзающих морей в северной части Тихого океана, где формирование классовых отношений происходило на основе неземледельческой экономики. Этот путь развития представлен и первобытной Японией, где высокоразвитое рыболовство и собирательство, в значительной мере ориентированное на «дары моря», привело к весьма раннему развитию высокоразвитых комплексов с богатой художественной керамикой и женскими терракотовыми фигурками, свидетельствующими о сложении культа плодородия (дзёмон, V—II тысячелетие до н. э.). Показательно, что в Японии не делалось никаких попыток к одомашниванию животных, несмотря на наличие дикого кабана, до тех пор, пока в I тысячелетии до н. э. с материка не были получены домашняя лошадь и свинья. Как в обществах алеутов, тлинкитов и хайда, имущественная дифференциация и обособление ремесел в древнейшей Японии происходило на основе комплексной рыболовческо-собирательско-охотничьей экономики. Однако темпы такого развития были очень невысоки и намного уступали обществам, перешедшим к оседлому земледелию. Поэтому раннее появление в Японии керамики (еще в XI—X тысячелетиях до н. э.) [5], видимо, необходимой для варки пищи в условиях ориентации на «дары моря», не должно нас особенно удивлять. Недаром и на побережье северо-западной Америки разложение первобытного строя начинается в ту пору, когда оседлоземледельческие цивилизации Нового Света уже успели пережить несколько циклов подъема и упадка.

Рассматриваемый сборник лишний раз подтверждает важность совместного анализа данных археологии и этнографии. Весьма интересно указание на такие признаки родовой принадлежности, как нагрудный орнамент, цветовая гамма на костюме и утвари (стр. 165; ср. у Л. П. Хлобыстина, стр. 84). Малочисленность коллективов бродячих охотников тайги (стр. 167) хорошо фиксируется по небольшим размерам могильников и для эпохи неолита (стр. 35—36). Участие в коллективной охоте мужчин, начиная с возраста в 7—10 лет (стр. 130), помогает понять наличие охотничьего оружия в верхнепалеолитических погребениях мальчиков на стоянке Сун-

---

[4] H. de Lumley. Une cabane acheuléenne dans le Grotte du Lazaret. Paris, 1969.

[5] Ч. С. Чард, Р. Е. Морлан. Абсолютная хронология каменного века в Японии. В кн.: Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск, 1970, стр. 117, 118.

гирь[6]. Вероятно, усопшие уже принадлежали к половозрастной группе охотников. У бродячих охотников и собирателей джунглей в условиях отсутствия камня и раковин все орудия делались из бамбука (стр. 96), что подтверждает справедливость заключений о широком распространении не дошедших до нас бамбуковых изделий в каменном веке Юго-Восточной Азии[7].

Из мелких замечаний отметим, что статью Л. П. Хлобыстина обедняет отсутствие ссылок. Г. П. Григорьев с излишним скептицизмом относится к использованию в палеосоциологических реконструкциях такого признака, как площадь археологической культуры (стр. 23), чему он сам ранее уделял первостепенное значение[8] (см. также у Л. П. Хлобыстина, стр. 33—34). Недостатки сборника в целом отчетливо представляет и его составитель, отмечая отсутствие статей по антропологии и биологии человека и особенно по демографии (стр. 6). Мало внимания уделено и исследованию первобытной экономики, которое не может быть восполнено описанием видов хозяйства. Все это должно стать предметом последующих исследований и изысканий. Ценность же и важность рассмотренного сборника, написанного в основном на высоком методологическом уровне, не вызывает сомнений.

В. М. Массон

---

[6] О. Н. Бадер. Вторая палеолитическая могила на Сунгире. АО-1969. М. 1970, стр. 42, 43.

[7] П. И. Борисковский. Первобытное прошлое Вьетнама. М.— Л., 1966, стр. 101.

[8] Г. П. Григорьев. Начало верхнего палеолита и происхождение Homo sapiens. Л., 1968, стр. 146—150; его же. Первобытное общество и его культура в мустье и начале позднего палеолита. В кн.: Природа и развитие первобытного общества. М., 1969, стр. 201—203.

F. Hole, K. V. Flannery, J. A. Neely. Prehistory and human ecology of the Deh Luran plain. An early village sequence from Khuzistan, Iran. Memoirs of the Museum of Anthropology, University of Michigan, № 1. Ann Arbor, 1969, XV, 438 pp., 140 figs — 44 pls.

Замечательные результаты исследований американской экспедиции Ф. Хоула, К. Флэннери и Дж. Нили в долине Дех Луран в Юго-Западном Иране в 1961 и 1963 гг. уже по предварительным публикациям вошли в научный оборот и получили широкое признание в мировой науке, в том числе в работах советских ученых[1]. Полный отчет об этих работах, законченный в июне 1967 г., вышел в свет в 1969 г. Это фундаментальный труд, прекрасно изданный и богато иллюстрированный.

Основные материалы получены из раскопок поселений Али Кош и Тепе Сабз. Первый из них представляет собой холм округлой формы, диаметром 135 и высотой 4 *м*. Раскопки (площадь раскопа 100 $м^2$) производились по квадратам, размером 1 × × 1 *м*, слоями по 10—20 *см*. Вся земля просеивалась через два грохота. Такая скрупулезность оказалась исключительно плодотворной. Усовершенствование методики привело к поразительным результатам в фиксировании растительных остатков и мелких находок и дало возможность обнаружить строительные остатки, тогда как другие исследователи на аналогичных памятниках не смогли их выявить (стр. 23—26). Раскопки были доведены до материка на площади 40 $м^2$. Мощность культурных напластований достигала 7 *м*. В основании лежат слои фазы Бас Мордех, представляющие древнейшие свидетельства оседлой жизни в долине. Затем следуют наиболее мощные отложения фазы Али Коша, сверху они перекрываются слоями фазы Мохаммад Джаффар (стр. 29—49, рис. 4—12).

На Тепе Сабз, расположенном в 16 *км* от Али Коша, работы велись траншеей площадью 30 $м^2$ на западном краю холма. Общая толщина слоя достигает почти 10 *м*. Культурные наслоения этого поселения представляют непосредственное продолжение Али Коша. Выделено четыре строительных периода — фазы Сабз, Хазинех, Мехмех и Баят (перечислены в хронологическом порядке снизу вверх — стр. 50—64,

---

[1] В. М. Массон. От возникновения земледелия до сложения раннеклассового общества. Доклады и сообщения археологов СССР. VII Междунар. конгресс доисториков и протоисториков. М., 1966; Б. В. Андрианов. Древние оросительные системы Приаралья. М., 1969.

рис. 13—19). Разведывательные раскопы заложены также на Тепе Мусиян Е (стр. 65—72, рис. 20, 21) и Ашрафабад (стр. 73).

В разных культурных слоях обнаружены строительные остатки, отдельные погребения, большое количество кремневых орудий, отщепов, керамики, костей животных, карбонизированные семена и зерна. Стратиграфическая последовательность выявлена исключительно четко и обстоятельно документирована. В книге дана детальная классификация всех без исключения категорий находок со статистическими подсчетами послойного распределения каждого типа. Для того чтобы читатель мог представить огромный объем проделанной работы, приведем некоторые цифровые данные. Археологи обработали 41 000 каменных орудий (табл. 4, 5), около 92 000 нуклеусов и отщепов (табл. 6, 7), около 18 000 фрагментов керамики (табл. 18, 19), почти 100 000 костей животных (стр. 262) и 45 000 зерен, семян и т. п. (стр. 385). Отметим также, что хронология всех семи периодов-фаз опирается на серию из 31 радиоуглеродных дат (стр. 331—341, табл. 77). Она хорошо согласуется с датами, установленными для памятников Загроса, и сопоставлена с аналогичными комплексами Ближнего Востока (табл. 76, 78, 79).

Одно из достоинств рецензируемой книги — освещение основных закономерностей становления и развития производящего хозяйства в Юго-Западном Иране. Поскольку материалы и выводы исследователей представляют большой интерес и еще недостаточно известны в нашей литературе, позволим себе привести краткую характеристику основных этапов.

Древнейшая фаза — Бас Мордех (7500—6750 гг. до н. э., стр. 34—40, 342—345). Поселение состояло из небольших однокомнатных жилищ, построенных из блоков глины (размером 15 × 25 × 5—10 *см*). Комнаты (2 × 2,5 *м*) с глинобитным полом, покрытым циновкой. Домостроительные приемы самобытны и отличаются от синхронных памятников Ближнего Востока. В хозяйстве населения тесно переплеталось собирательство, возделывание злаков, разведение домашних коз (в меньшей мере овец), охота и рыболовство. Обнаружение зерен пшеницы и ячменя, дикорастущие предки которых отсутствуют в этом равнинном районе, заставляет предполагать, что они были заимствованы извне, из горных районов. Урожай убирали кремневыми составными серпами. В небольшом количестве (всего 1%) представлены орудия из обсидиана, который поступал из района оз. Ван, расположенного в 900 *км* от Дех Лурана. Керамика отсутствовала. В употреблении были каменные сосуды. Довольно разнообразен набор украшений: клыки кабана, раковины, в том числе каури, каменные бусы и др. Эта фаза по характеру инвентаря может быть сопоставлена с памятниками типа Зави-Шеми Шанидар, Карим-Шахир в горной полосе.

В период Али Кош (6750—6000 гг. до н. э., стр. 347—350) возрастает роль земледелия (культурным злакам принадлежит около 40% всех зерен) и охоты на крупных копытных животных, отмечается уменьшение роли собирательства, происходит увеличение обрабатываемой площади. Но наиболее ярко прогрессивное развитие отражено в домостроительстве — появляются многокомнатные дома и увеличиваются размеры комнат до 3×3 *м* (употребляются блоки-кирпичи иного размера — 40×25× × 10 *см*). Выделяются дворы с очагом и хозяйственными ямами. Имеются определенные остеологические свидетельства доместикации коз. Расширяется ассортимент каменных орудий. В большом количестве встречены разные зернотерки, песты и т. п. Несколько больше орудий из обсидиана. Появляются плетеные циновки и корзины, часть которых покрыта натуральным асфальтом для водонепроницаемости. Значительно больше каменных сосудов. Кроме глиняных фигурок животных появляются первые изображения человека. Обнаружены под полом жилищ захоронения в скорченной позе. На женских черепах заметна деформация. В инвентаре преобладают украшения, среди которых встречены привозные бусы из бирюзы и медная бусина — пожалуй, наиболее древнее металлическое изделие в мире. Али Кош — единственное поселение этой фазы в долине. Площадь его около 1 *га* и население не более 100 человек. Типологически эта фаза синхронизируется с докерамическим слоем Джармо и Тепе Гуран.

Фаза Мохаммад Джаффар (6000—5600 гг. до н. э., стр. 350—354) знаменуется нововведениями в области добычи пищи, домостроительства и изделиях. Жилища построены из сырцовых блоков-кирпичей на фундаменте из камней и валунов. Стены обмазаны и расписаны красной охрой. В начале периода овец разводили меньше, чем коз, но к концу этого периода соотношение стало обратным. Продолжается развитие земледелия при сохранении известной роли охоты и собирательства в хозяйстве. Наиболее заметное новшество — появление первых глиняных сосудов. Керамика представлена тремя типами, в том числе имеются сосуды с геометрической росписью. Формы их повторяют формы каменных сосудов. В целом отмечается более разнообразное употребление глины в этот период. Наблюдаются изменения в погребальном обряде, например отсутствует деформация черепов, что, возможно, объясняется малочисленностью захоронений и преобладанием среди них мужских. Для этой фазы помимо Али Коша известно еще два небольших поселка, что дает основание говорить об увеличении плотности населения. Особенности материальной культуры позволяют сопоставлять эту фазу с Тепе Гуран и Сабз, а также с Самаррой и Матарра в долине Тигра.

Период Сабз (5500—5000 гг. до н. э., стр. 354—358) составляет переломный этап

в доистории Ирана. Именно в этот период появляются первые свидетельства использования ирригации в земледелии. Внедряется шестирядный ячмень, который становится в дальнейшем основной культурой в равнинной Месопотамии. Найдены полированные каменные плоские топоры, употребляемые в земледелии. Их появление, очевидно, не случайно совпадает с возникновением ирригации. В скотоводстве также происходят изменения — начинается разведение крупного рогатого скота. Впервые обнаружены кости домашней собаки. Значительные усовершенствования отмечаются в керамическом производстве — появляются новые типы керамики, улучшается ее качество; сосуды, очевидно, уже обжигаются в специальных печах. Незначительный объем раскопок не позволяет охарактеризовать домостроительство и погребальный обряд. Значительные изменения происходят в кремневой индустрии. Уменьшается общее количество орудий, в качестве сырья используется кремень плохого качества, полностью исчезает обсидиан. Все эти изменения, несомненно, отражают уменьшение роли охоты в жизни общества. В этот период в долине было не менее шести поселений, что свидетельствует о дальнейшем увеличении плотности населения. Вопрос о местном происхождении культуры фазы Сабз остается открытым, поскольку по сравнению с предшествующим периодом заметны существенные различия в ее облике. Наибольшее сходство отмечается с ранним Убейдом в Южной Месопотамии, а не с Северной Месопотамией и не с горными районами.

Последующие три фазы: Хазинех (5000—4500 гг. до н. э., стр. 359—360), Мехмех (4500—4100 гг. до н. э., стр. 361—363) и финальная фаза Баят (4100—3700 гг. до н. э., стр. 363—366) характеризуют дальнейшие этапы развития раннеземледельческой культуры в долине Дех Луран, ставшей провинциальной тихой заводью по сравнению с соседней Сузианой, находившейся на пути образования городской цивилизации.

В целом исследования американских археологов в Дех Луране позволили по-новому осветить исторический процесс становления экономики нового типа — земледелия и скотоводства на Ближнем Востоке. Особо следует отметить четкость проблемной программы исследований и комплексный подход с привлечением данных естественных наук. Общая картина становления производящего хозяйства и основные положения авторов не вызывают каких-либо возражений. Это не исключает возможности разной оценки некоторых фактов и возможности иной трактовки. Так, упомянутые выше советские исследователи полагают, что на начальном этапе основу хозяйства по-прежнему составляла охота. Это заключение, однако, не вытекает из публикуемых материалов, и вообще на современном уровне наших знаний определение значимости того или иного способа добычи пищи в истории такой древней эпохи является делом исключительно сложным. Остается открытым вопрос о соотношении данной конкретной периодизации с общей археологической периодизацией — мезолит, неолит, энеолит. В книге ни разу не употреблен термин «неолит» или «неолитическая революция». Весьма возможно, что в этом объемном труде могут быть какие-то частные недостатки. Но мне удалось заметить лишь одно упущение — непонятное противоречие в указании количества поселений для периода Хазинех на одной и той же стр. 360: в начале говорится о 6—8, а затем о 12 поселениях.

Самостоятельную ценность представляют приложения. Особо отметим исследование известного датского палеоботаника Х. Хельбека «Собирательство, неорошаемое и орошаемое земледелие в Дех Луране доисторического периода» (стр. 383—426). Специальные статьи посвящены анализу медной бусины из Али Коша (стр. 427—428), обсидиана (стр. 429—433) и сравнительному изучению фаунистических находок из Дех Лурана и синхронного поселения Рас аль-Амия в Южной Месопотамии, где кости животных исследовались очень мало (435—438). Рецензируемая книга представляет образец комплексного подхода к решению сложнейших исторических проблем возникновения и развития производящего хозяйства.

Оценивая книгу в целом как выдающееся явление в мировой исторической литературе, следует особо подчеркнуть, что она отражает наиболее прогрессивное направление в зарубежной науке и что своим трудом американские исследователи, обращающие главное внимание на разработку проблем истории древней экономики, объективно содействуют укреплению материалистических позиций в изучении основных закономерностей истории человечества.

Ю. А. Заднепровский

M. Buchvaldek, D. Koutecky. Vikletice, ein schnurkeramisches Gräberfeld. Praehistorica III, Acta Instituti Praehistorici Universitatis Carolinae Pragensis. Praha, 1970.

В 1961—1965 гг. во время строительства плотины на р. Огре у Нехраниц округ Хомутов в северо-западной Чехии экспедиция Археологического института Чехословацкой Академии наук в Мосте исследовала могильник, в котором обнаружено 179 погребений. Из них 164 относятся к культуре шнуровой керамики, два — к баалбергской фазе культуры воронковидных кубков, шесть — к энеолиту (культурная

принадлежность их не определена) и семь — к унетицкой культуре. Кроме того, встречена одна яма с материалом культуры колоколовидных кубков. Памятник расположен в треугольнике между Виклетице, Драгонице и Вадковице. В 1961 и первой половине 1962 г. экспедицией руководил Е. Неуступный, а с сентября 1962 по 1965 г.— Д. Коутецкий. В раскопках принимали участие М. Бухвальдек, В. Крута, Е. Неуступный, М. Личка и др.

Рецензируемая работа представляет собой публикацию 164 погребений культуры шнуровой керамики. В вводной части дается описание местоположения могильника и методика раскопок. Основная часть работы посвящена описанию погребений и обнаруженного в них инвентаря. Она иллюстрирована 132 таблицами рисунков и 45 таблицами фотографий вещей. Сообщаются подробные сведения о формах, размерах и ориентировке могильных ям, положении погребенных и т. д.

Распределение погребений на площади могильника, состав почвы в заполнении могильных ям позволили авторам высказать предположение, что первоначально над погребениями были курганные насыпи, исчезнувшие в результате распашки на протяжении многих веков. Преобладают прямоугольные могильные ямы, но нередки и овальные. Ямы квадратной в плане формы сооружались лишь для парных захоронений. Изредка встречались ямы ромбической формы. Большинство могильных ям ориентированно по длинной оси — с востока на запад. По антропологическим данным и по характеру археологических находок авторы разделяют погребения на мужские, женские и детские. Для мужских обычно положение покойника на правом боку, головой к западу; для женских — на левом боку, головой к востоку. Парные погребения составляли 10% (захоронения женщин с детьми, мужчин с детьми или двух детей). Совместные захоронения мужчины и женщины не встречены.

Далее идет описание керамики и приводится большая текстовая таблица со всеми необходимыми данными о размерах, формах, цвете, составе текста и т. д. В 146 погребениях (90% всех погребений культуры шнуровой керамики могильника Виклетице) обнаружено 396 глиняных сосудов. Среди них: амфоры (154 экз.), кубки (58), кувшины (30), сосуды яйцевидной формы (39), кубки с ручками (34 экз.). В значительно меньшем количестве найдены цилиндрические кубки (12 экз.), чаши (16), кувшиноподобные горшки (11), горшки яйцевидной формы (12 экз.) и др. В мужских погребениях находилось в среднем по 2—3 сосуда, в женских — 3—5, а в парных от 5 до 20. Некоторые типы керамики встречены или только в мужских, или в женских, или в детских погребениях. Так, бокалы, кувшиноподобные горшки и яйцевидные сосуды ни разу не были встречены в мужских погребениях (для них характерны кубки). На 10 сосудах обнаружены отпечатки зерен злаков, но определение их еще не проведено. Описание глиняных сосудов дополняется анализом обжига керамики, проведенным Й. Едличка в Пражском химико-технологическом институте. Сосуды обжигались при температуре 900 и 1100, а часть при 650°.

Следующий раздел посвящен краткой характеристике каменных шлифованных орудий и оружия: топоров-молотов, булав, клиновидных топоров. Сверленые топоры-молоты (13 экз.) разделяются на фасетированные, типа 2 (ВНА 2) и так называемые атипичные. Последние составляют 2/3 всех топоров, найденных в рассматриваемом могильнике. Топоры-молоты и булавы с конической сверлиной обнаружены главным образом в мужских захоронениях, но встречены и в захоронениях юношей и детей. Клиновидные, не сверленые топоры тоже характерны, прежде всего, для мужских захоронений, но попадаются иногда в захоронениях юношей (3 случая) и детей (1 случай).

Небольшая статья С. Венцля (Археологический институт ЧСАН, Прага) посвящена определению функционального назначения каменных орудий. Автор считает, что клиновидные топоры употреблялись в качестве орудий труда (массивные — как топоры, а плоские — как тёсла). Каменные сверленые топоры-молоты, по мнению автора, употреблялись как оружие и символ власти, а булавы — как символ власти и оружие. В заметке И. Кукла (Геологический институт ЧСАН, Прага) дается петрографическое определение шлифованных каменных изделий.

Вторая статья С. Венцля посвящена описанию кремневых предметов, полировальных плит, костяных орудий, а также украшений из раковин, зубов животных и металла. Из 94 орудий, обнаруженных в 72 погребениях, 74 — из кремня, 20 — из кварцита. Они найдены в 33 мужских (43 экз.), 27 женских (37 экз.) и 7 детских захоронениях. Среди кремневых орудий преобладают ножевидные пластины и ножи с одно- и двусторонней ретушью. Встречены также наконечники стрел (3 экз.), скребки, сверла и отщепы кремня. По определению автора, на 12 экз. ножей и ножевидных пластин следы употребления отсутствуют, а 14 экз. использовались как ножи-серпы. Последние обнаружены в мужских захоронениях.

Полировальные плиты из песчаника (8 экз.) найдены в мужских (5 экз.) и женских (3 экз.) захоронениях. Костяные орудия представлены шильями или проколками (7 экз.) и долотом. Найден также один обломок рога оленя. Украшения из раковин обнаружены лишь в четырех погребениях. Украшения из зубов животных или имитация их в кости встречены в 8 женских погребениях (от 6 до 80 штук). По определению А. Т. Клазон (Биологоархеологический институт Гронингенского университета, Голландия), они изготовлены из зубов собаки, лисицы, барсука, выдры и благородного оленя. Украшения из металла (меди) обнаружены в 9 погребениях. Они

представлены спиральными височными кольцами (10 экз.), бусами (4 экз.) и браслетом из круглой в сечении проволоки, в полтора оборота. За исключением одного височного кольца, найденного в детском захоронении с положением умершего на правом боку, все медные украшения встречены в женских захоронениях. Анализ металла не производился. Во многих погребениях могильника Виклетице встречалась охра, особенно в женских захоронениях.

Очень любопытна статья И. Хохол (Археологический институт ЧСАН, Прага), посвященная антропологическому анализу скелетов из погребений культуры шнуровой керамики могильника Виклетице. Серия антропологического материала представлена остатками 130 скелетов. Из них определимыми оказались 118 (44 детей и 74 взрослых). Из взрослых индивидуумов по полу определены лишь 26, 18 мужчин и 8 женщин. Средний возраст детей был 7, 6 лет, взрослых — 37,4, а для всей группы он составлял 26,3 лет. Средний возраст мужчин был 32,7 года, а женщин — 36,4 лет. Антропологический анализ иллюстрируется серией интересных таблиц.

Для определения антропологического типа автором использованы черепа из 14 мужских и одного неопределенного захоронений. Результаты анализов свидетельствуют о том, что население, оставившее могильник Виклетице (культуры шнуровой керамики), в антропологическом отношении было неоднородным. В его составе автор выделяет кроманьоидный (или палеоевропеоидный) и средиземноморский типы, а также смешанный кроманьоидно-средиземноморский тип. В одном случае отмечены арменоидные признаки, которые в энеолите Чехии известны лишь у населения культуры колоколовидных кубков. Позже признаки арменоидного типа встречаются у населения унетицкой культуры как результат участия населения культуры колоколовидных кубков в формировании унетицкой культуры. Наличие признаков арменоидного типа в погребении культуры шнуровой керамики, по мнению автора, объясняется контактом с культурой колоколовидных кубков.

Определению костей животных из погребений культуры шнуровой керамики посвящена заметка А. Т. Клазон. Анализ костей животных показывает, что население, оставившее эти погребения в могильнике Виклетице, занималось скотоводством и охотой. Однако о соотношении этих отраслей и их роли в хозяйстве судить трудно. В ряде погребений найдены кости крупного и мелкого рогатого скота и свиньи, а также зубы собаки, лисицы, барсука, выдры и благородного оленя. Кроме костей животных, встречены костяные орудия, изготовленные из костей оленя, лося и быка или коровы.

В заключительной части работы авторы подводят итоги исследований, определяют хронологические рамки могильника, рассматривают стратиграфию погребений, а также связи культуры шнуровой керамики с другими культурами.

Они полагают, что преобладающая часть погребального инвентаря могильника Виклетице относится к III группе находок культуры шнуровой керамики Чехии по классификации М. Бухвальдека [1], а ко II группе может быть отнесена лишь небольшая часть, обнаруженная в отдельных погребениях. Стратиграфические наблюдения, а также форма и орнамент сосудов позволяют авторам предполагать существование хронологических связей между культурой шнуровой керамики Чехии и культурами воронковидных сосудов, шаровидных амфор и колоколовидных кубков.

Исчерпывающая публикация результатов раскопок погребений культуры шнуровой керамики могильника Виклетице — самого большого по количеству погребений могильника в Средней Европе, представляет значительный научный интерес. Эта работа является новым важным источником для изучения культур шнуровой керамики не только Чехословакии, но и всей Европы.

И. И. Артеменко

---

[1] M. Buchvaldek. Die Schnurkeramik in Böhmen. Praha, 1967.

Я. И. Сунчугашев. Горное дело и выплавка металлов в древней Туве. МИА, 149, 1969, 140 стр., 63 илл.

Одним из важнейших видов производственной деятельности человека в древности являлась добыча медной и железной руд и выплавка из них металла. Рассматриваемая работа посвящена археологическому изучению древнего горного дела и металлургии в Туве. Она состоит из введения, пяти глав и заключения, с приложениями анализов химического состава известных медно-бронзовых изделий эпохи бронзы и раннего железа Тувы и медных шлаков из исследованных тувинских медеплавилен.

Уже во введении автор совершенно справедливо указывает, что древние медные рудники Тувы являются своеобразным заповедником в нашей стране, где лучше всего сохранились памятники древнего горного дела и металлургии меди (стр. 7). Причину этого он видит в том, что в отличие от большинства древних металлургических центров медные рудники эпохи бронзы и раннего железа Тувы не подвергались разрушению средневековыми и позднейшими горными работами и сохранились в том виде, в каком их оставили древние рудокопы. Однако это обстоятельство объясняется

не столько тщательностью извлечения богатых окисленных медных руд в выработках (что не является характерной особенностью только Тувы, как, очевидно, полагает автор), сколько указанным им отсутствием современной добычи первичных (сульфидных) медных руд (стр. 6—7).

В главе 1 рассматривается история и методика исследования памятников древнего горного дела и выплавки металлов в Туве. Изучение этих памятников здесь началось недавно, так что в историографическом плане приводятся лишь немногие известные факты, преимущественно из литературных источников. Автор показал, что основная заслуга в открытии и изучении древних рудников и плавилен Тувы принадлежит советским исследователям, главным образом археологам и геологам, причем надо сказать, что немалую лепту в это дело внес и он сам. Наряду с принятыми археологическими методами исследования им были впервые в советской археологической науке применены и геологические поисковые методы (металлометрическая и флорометрическая съемки), давшие хорошие результаты. Представляется очень важным четкое определение автором геологических условий поисков расположения местонахождений древних выработок, причем, по-видимому, вполне правомерен его вывод и о том, что они «могут быть применены при изучении древних горных выработок и в других районах Сибири» (стр. 16—17).

Следующие четыре главы посвящены конкретному описанию открытых в Туве древних горных выработок на медь и железо и памятников древней выплавки этих металлов. На основании тщательного анализа всех имеющихся данных автор выделяет различные типы древних горных выработок, медеплавилен и железоплавилен, делает важные выводы о технике древних горных работ и выплавке металлов из руд, об организации древней добычи меди и железа, решает вопрос о датировке рассматриваемых памятников, при этом вполне правомерно указывая на возможность довольно ранней добычи металлов в Туве, еще в афанасьевское время (стр. 57—58). Исходя из результатов химического состава ряда бронзовых изделий эпохи бронзы и раннего железа, Я. И. Сунчугашев совершенно справедливо указывает на возможность местной добычи олова в указанное время.

Вполне понятна большая осторожность, проявленная автором при решении вопроса о продолжительности употребления каменных орудий в древнем горнорудном деле.

Говоря, что каменные орудия сосуществовали в горном деле с медными и бронзовыми орудиями вплоть до появления железных орудий (стр. 71), он для более позднего времени не решается определить, употреблялись ли они в качестве добывающих орудий на железных рудниках Тувы, хотя и указывает, на основании данных из соседней Минусинской котловины, на вероятную возможность их применения при дроблении руды перед плавкой (стр. 109). Дело в том, что по материалам самой Тувы нельзя ответить на этот вопрос, а для ряда других областей данные на этот счет различны. Так, в Древнем Египте в рудниках конца эпохи бронзы и в Лаврийских рудниках Древней Греции в VI—IV вв. до н. э. использовались только металлические орудия, в то время как, например, в Средней Азии некоторые каменные орудия продолжали употребляться наряду с металлическими даже до средневековья [1].

Автор предположительно несколько расширяет хронологические рамки бытования некоторых типов медеплавилен Тувы по сравнению с имеющимися данными. Это и понятно, так как время их существования можно определить только в отношении единичных конкретных медеплавилен, еще не гарантирующих точных хронологических границ каждому типу. Тем не менее для типа медеплавильных ям он почему-то делает исключение, определив по отдельным имеющимся материалам их датировку V — III вв. до н. э. и отвергнув мнение о возможности отнесения их также и к эпохе бронзы, как это до сих пор считалось (стр. 93—94). Между тем среди других аналогий медеплавильным ямам Тувы им указывается и плавильная печь позднего андроновского времени на известном Алексеевском поселении в Западном Казахстане (стр. 93—97). Кроме того, следует учитывать, что отдельные примитивные типы медеи железоплавилен, появившиеся в древности, видимо, могли бытовать очень длительное время. Так, выплавка меди или железа в горшках-тиглях практиковалась еще недавно в целом ряде мест, в частности на Алтае [2], в Конго, а также и в Туве, на что, впрочем, указывает и сам автор (стр. 97).

Нельзя согласиться с утверждением, что в карасукское время орудия и украшения «делались уже исключительно из бронзы» (стр. 58). Видимо, это досадная описка, так как тут же Я. И. Сунчугашев ссылается на С. В. Киселева, который говорит только об основных орудиях карасукского времени в соседней Минусинской котловине, изготовлявшихся из бронзы (стр. 58—59).

---

[1] А. Лукас. Материалы и ремесленные производства Древнего Египта. М., 1958, стр. 334; Р. В. Шмидт. Очерки по истории горного дела и металлообрабатывающего производства в античной Греции. Изв. ГАИМК, 108. М.— Л., 1935, стр. 250; О. И. Исмаилов. Из истории горного дела и геологических представлений у народов Средней Азии с древнейших времен до XVIII века. «Очерки по истории геологических знаний», 4. М., 1955, стр. 44.

[2] Ю. С. Гришин. Производство в тагарскую эпоху. МИА, 90, 1960, стр. 139.

Несмотря на отдельные отмеченные недостатки, рассматриваемая работа вносит значительный вклад в изучение древнего горного дела и металлургии в нашей стране. Она представляет немалый интерес не только для археологов и историков, но также и для более широкого круга читателей, в особенности для специалистов горного дела, геологов и металлургов.

Ю. С. Гришин

A. Salamon, I. Erdélyi. Das völkerwanderungszeitliche Gräberfeld von Környe. Akadémiai Kiadó, Budapest, 1971. 76 стр., 70 таблиц; приложения — 20 стр., 14 таблиц и 2 плана на вкладках.

Книга А. Шаламон и И. Эрдели посвящена публикации чрезвычайно интересного раннесредневекового могильника в Кернье (Северная Венгрия). На сохранившейся части могильника (120 × 30 *м*) было раскопано 152 погребальных комплекса: 131 могила мужчин, женщин и детей и 21 конское захоронение. Авторы предполагают, что до начала раскопок песчаный карьер уничтожил примерно половину могильника. Погребения, ориентированные головами к западу, образуют скопления. Через всю сохранившуюся часть могильника, по ее длинной оси, проходит свободная от могил полоса шириной 5—8 *м*. Мужские могилы образуют в большинстве скоплений компактные группы, женские могилы в основном лежат вне этих групп, а детские — по краям скоплений могил взрослых. Преобладают ямы, в 24 случаях были саркофаги из досок, в двух — долбленые колоды. Наиболее обилен и разнообразен инвентарь мужских могил. Кернье выделяется среди одновременных памятников на Среднем Дунае особым обилием оружия. Найдены длинные двулезвийные мечи, короткие однолезвийные «саксы», копья, боевые топоры, луки и стрелы, умбоны щитов. Много воинских наборных поясов различных типов. Напротив, женские могилы небогаты: овальные пряжки со щитком на шипе от женских поясов меровингского типа, бусы, серьги, изредка шпильки и браслеты. В отличие от меровингских могил совсем нет фибул. Глиняные сосуды, ножи и костяные гребни встречены и у женщин, и у мужчин; серьги также были в четырех мужских погребениях. Боевые кони захоронены на животе с подогнутыми ногами, головой к востоку. Многие имеют во рту удила или стремена по бокам скелета. Иногда при коне лежит копье, а в одной могиле — глиняный сосуд. Большинство коней положено у ног хозяина, крупом к нему, на продолжении оси его могилы. Около некоторых могил воинов — два или три конских погребения. Могилы воинов с большим набором оружия есть почти во всех скоплениях могил, как и безинвентарные погребения.

Авторы детально анализируют находки и указывают им многочисленные аналогии. Подобны аварским трехлопастные черешковые стрелы, луки с костяными накладками на середине и концах, Р-образные скобы мечей, стремена с пластинчатым и с петлевидным ушками, *Т*-образные псалии, розетковидные бляшки, украшавшие колчаны, тисненые обкладки сбруи (в том числе крестовидные с бахромчатым узором по краю), серьги с шаровидной подвеской, цветные глазчатые бусы, перстни, прессованные обкладки мужских поясов (часть в виде псевдопряжек), сделанные из одного куска металла пряжки мужских поясов, пряжки для сумок с перпендикулярной петлей на заднем конце обоймы (типа Сэлона — Истрия и типа Папа). Даже свинцовый крестик из могилы 106 имеет аналогии в аварских могилах в Алаттьяне, Юташе и Варпалоте.

Аналогии другой группе вещей из Кернье авторы находят в меровингских древностях и у гепидов Среднего Дуная. Сюда относятся щиты с умбонами, короткие однолезвийные саксы, некоторые типы копий, боевые топоры, втульчатые стрелы, ножницы, кривые ножи и ножи с желобком, женские овальные пряжки со щитком на шипе, некоторые (единичные) формы бус, шпильки, длинные костяные гребни, сумка с накладками в виде орлов, мужские пояса с железными бляхами, часто украшенными серебряной инкрустацией. С германцами сближает обычай класть много оружия в могилы, дощатые саркофаги (авторы отмечают, что у авар саркофаги появились лишь на поздней стадии). От аварских кладбищ Кернье отличается иным положением коней, отсутствием в могилах костей от жертвенного мяса, малочисленностью пряслиц, иной керамикой. Керамика раннеаварских могил обычно лепная, в Кернье почти вся посуда сделана на круге; особенно характерна серая керамика с орнаментом из прямых и волнистых линий или из оттисков фигурных штампов. Авторы, хотя и сравнивают эту посуду с гепидской и лангобардской, считают, что ее нельзя приписать ни одному из древнегерманских племен и что ее корни надо искать в местных позднеантичных традициях.

В результате анализа материала А. Шаламон и И. Эрдели пришли к выводу, что «находки из Кернье, с одной стороны, связаны с лангобардскими могильниками Северной Италии, с кругом меровингской культуры, а с другой — с самой поздней группой гепидских находок и с самой ранней группой аварских находок» (стр. 71). Судя по равномерному распределению вещей аварских и германских форм по всей площади могильника, можно говорить об «обществе, которое, несмотря на этническую

разнородность, могло образовывать определенное единство» (там же). Таковы выводы, непосредственно вытекающие из материала.

На дату и историческую интерпретацию Кернье оба автора смотрят по-разному. И. Эрдели придерживается традиционной датировки таких древностей раннеаварским периодом (после 568 г.) в полном соответствии с собранными в книге аналогиями. А. Шаламон держится иного мнения и излагает его в специальной главе (стр. 65—71). Эта глава уже публиковалась ранее [1] и включена в книгу без изменений. Одновременно с выходом книги А. Шаламон повторяет и развивает свои выводы в статье, написанной совместно с Л. Баркоци [2]. А. Шаламон и Л. Баркоци считают, что при датировании и интерпретации археологических памятников решающее значение должны иметь общеисторические соображения. Хорошо вооруженное население, в культуре которого смешались западные германские и восточные кочевнические элементы, устроившее свое кладбище в нескольких километрах от позднеримской крепости и недалеко от римской стратегической дороги,— все это ассоциируется у А. Шаламон с разноэтничным гарнизоном наемных византийских солдат. Хотя письменные источники ничего не говорят о византийских войсках VI в. на севере Паннонии, А. Шаламон предполагает, что этого района не могла не коснуться западная политика Юстиниана, связанная с попыткой вернуть Италию после смерти Теодориха. Подтверждение этого А. Шаламон видит в том, что византийцы санкционировали в 547—548 гг. захват Паннонии лангобардами. Только на основании таких предположений, не опирающихся на прямые указания письменных источников, сделан вывод о возможности пребывания византийских гарнизонов (набранных из варварских племен) в 527—568 гг. даже на севере Паннонии. А. Шаламон предполагает, что с приходом авар в 568 г. эти гарнизоны могли присоединиться к лангобардам, уходившим в Италию.

Публикуя интереснейший могильник у развалин хорреума внутри римской крепости в Фенекпусте [3], Л. Баркоци на основе методически близких допущений и предположений пришел к выводу, что в Фенекпусте также стоял гарнизон наемных солдат, но набранных из населения, бывшего под влиянием византийской культуры. Этот гарнизон должен был в 500—527 гг. находиться на службе остготского короля Теодориха и ушел после смерти этого короля. Взгляды А. Шаламон и Л. Баркоци дополняют друг друга. Оба автора датируют изученные ими памятники прежде всего по соображениям исторического характера. Они детальнейше изучили археологический материал, собрали множество аналогий из раннеаварских и итало-лангобардских древностей, формировавшихся после событий 568 г. Но так как эти факты противоречат исторической концепции, исследователи считают их непоказательными и стараются обязательно найти параллели в археологических материалах первой половины VI в. Указываемые ими ранние параллели малочисленны, слабо выражены, подчас мнимы. Авторы забывают о правиле датировать зарытие комплекса лишь по самой поздней вещи. Отнесение комплексов с вещами «аварского» типа к доаварскому времени будет убедительным лишь тогда, когда авторы сумеют найти четкие археологические признаки, отличающие такие вещи от аналогичных аварских и оправдывающие их объединение в особый ранний этап. Одно из достоинств работ А. Шаламон и Л. Баркоци заключается в том, что обосновывая и защищая с большой увлеченностью свои концепции, они наряду с этим дают читателю большой и объективно подобранный материал, противоречащий их концепциям. Читатель получает возможность сам оценивать изложенное.

Попытка расширить дату кочевнических древностей «раннеаварского типа» (обычно относимых ко времени между 568 г. и второй половиной VII в.) на всю первую половину VI в. не нова. Еще венгерский историк Д. Шимоньи предложил удревнить их на 50 лет (начиная с 500 г.), поделив между аварской и «протобулгарской» эпохами [4]. К последней он отнес Кернье и аварские могилы в Варпалоте. Третью аварскую группу (с литыми бляшками поясов), обычно относимую к VIII в., Д. Шимоньи предложил датировать с 568 г. и приписал ее центральноазиатским аварам. Единственным основанием для всех этих передатировок послужило смелое предположение, что до авар во второй половине V и первой половине VI вв. по всей Карпатской котловине постоянно жили большие массы кочевников — «паннонских протобулгар». Известно, что письменные источники ясно говорят о преобладании там в этот период оседлых (гепиды, готы, лангобарды), о малом значении мелких местных кочевых групп и о спорадических набегах на Дунай булгар из Северного Причерноморья. Обо всем этом источники рассказывают подробно и четко. Поэтому Д. Шимоньи использовал несколько неясных (в основном более поздних) упоминаний названия «булгары» вне этих основных подробно описанных событий. Эти упоминания настолько

---

[1] Á. Salamon. Über die ethnischen und historischen Beziehungen des Gräberfeldes von Környe (VI Jh.). AAH, XXI, 3—4, 1969, стр. 287—291.

[2] L. Barkóczi, Á. Salamon. Remarks on the 6th Century History of «Pannonia». AAH, XXIII, 1—4, 1971, стр. 139—153.

[3] L. Barkóczi. A 6th Century Cemetery from Keszthely-Fenékpuszta. AAH, XX, 1—4, 1968, стр. 275—311; L. Barkóczi, Á. Salamon. Remarks...

[4] D. Simonyi. Die Bulgaren des 5. Jahrhunderts im Karpatenbecken. AAH, X, 3—4, 1959, стр. 227—250.

лишены конкретного содержания, что в одинаковой мере могут быть использованы и за, и против концепции Д. Шимоньи. Поэтому теория Д. Шимоньи осталась только предположением, лишенным всякой доказательной силы. К тому же Д. Шимоньи имеет совершенно превратное представление об археологии, ее месте в ряду наук и о специфике ее методов. Он считает, что надо сначала наметить историческую картину по письменным данным (пусть даже очень неясным), а потом из массы недатированных (по мнению Д. Шимоньи) археологических материалов выбрать такие, которые лучше всего подходят по географическим и культурно-этнографическим особенностям к данной картине, и в соответствии с этим назначить им дату. Так представляет Д. Шимоньи соотношение между письменной историей и археологией. Этим объясняется его уверенность в том, что любое добавление нового имени в пестрый перечень народов, участвовавших в событиях V—VI вв. на Дунае, сразу же должно вести к перевороту в археологии. Естественно, что предположения Д. Шимоньи никак не могут быть привлечены в пользу удревнения Кернье и Фенекпусты-хорреума. В своей книге А. Шаламон лишь очень сдержанно напоминает о существовании «протобулгарской» теории Д. Шимоньи (стр. 68).

Итак, прямых исторических данных за удревнение дат нет. Археологические аргументы также свелись в основном к одним предположениям (вследствие отнесения большинства аналогий к непоказательным и принципиального предпочтения исторических соображений данным археологии). Вот примеры. Говоря о наборных поясах с геральдическими бляшками, А. Шаламон и Л. Баркоци не отрицают, что все факты свидетельствуют в пользу их отнесения ко второй половине VI и VII в. Но это резко противоречит их хронологии Кернье и Фенекпусты-хорреума. Поэтому высказываются предположения, что в Италии такие пояса кто-нибудь мог употреблять еще до лангобардов (до 568 г.), а возможно, их принесли туда жители Кернье, которые могли иметь такие пояса уже до 568 г. и затем ушли с лангобардами в Италию в 568 г. И на этом основании делается вывод, что находки поясов не противоречат удревнению исследуемых памятников (стр. 67). Л. Баркоци, признав, что все факты говорят о дате серег с малой корзиночной подвеской второй половиной VI и VII в., тут же «исключает датировку этого типа временем после 568 г.» [5] на основании находки таких серег в могиле франкской королевы Арнегунды, умершей около 565—570 гг., и двух более отдаленных аналогий конца V — первой половины VI в. Таких примеров много. Ни А. Шаламон, ни Л. Баркоци не привели сколько-нибудь однозначных аргументов за удревнение. А. Шаламон признает в своей книге, что ни в Кернье, ни в других памятниках «раннеаварского типа» для «раннего датирования из-за несовершенств современного исследования нет конкретных стратиграфических данных или находок, датированных археологическими методами» (стр. 71).

Из всех категорий вещей, определяющих дату Кернье, наиболее изучены пояса. Многие исследователи связывают наборные пояса с геральдическими бляшками (в том числе с тисненными узорами, как у авар) с кочевым миром Азии. Однако еще никем не доказано на фактах, что на востоке (в Центральной Азии или в Северном Причерноморье) они появились раньше, чем на Дунае. Реальные азиатские наборные пояса V—VI вв. (если судить по таштыкскому из Уйбата, корейским, китайским и японским) совсем иные. Орнаментация и форма бляшек дунайских поясов отражает византийские традиции. Происхождение моды на пояса с подвесными ремешками просто не выяснено. Их наличие в гуннскую эпоху не доказано: ведь богатые могилы ни разу не раскопаны учеными, расположение в них вещей неизвестно и отнесение некоторых наконечников к подвесным ремешкам пояса — лишь предположение, навеянное более поздними аналогиями VI—VII вв. Немаловажно, что инкрустированные пояса из Башкирии (Бирск, Уфа и др.), продолжающие традиции V в., не имеют подвесных ремешков. Но каковы бы ни были их предшественники, геральдические пояса с подвесными ремешками второй половины VI и VII в., сложились в особый тип в сфере воздействия византийского ремесла. Их самые ранние образцы происходят с окраин Византийской империи (Садовско-Кале и Суук-Су). У кочевников Восточной Европы такие пояса пока не найдены ранее VII в. [6]. Постановка вопроса о том, кто принес эти пояса на Дунай из Азии — «протобулгары» или авары — неправомерна и по другой причине. Ведь картографирование показало три параллельно существовавшие локальные группы поясных бляшек: 1) Нижний Дунай (Садовско-Кале, Пятра Фрекэцей) и Крым, а позднее вся Восточная Европа, Сибирь и окраины Средней Азии; 2) Средний Дунай, Италия, с ответвлением в меровингские древности (Зёммерда и др.); 3) Малая Азия (Мерсин) и Среднее Поднепровье (анты?). Все эти группы не связаны между собой генетически, но близко сходны и восходят к разным ветвям византийского прикладного ремесла. Чем дальше к северу (Неволино, Агафоново) и к востоку (Кудыргэ на Алтае, Ханойутский сомон в Монголии), тем более этот византийский отпечаток теряется с течением времени [7]. Судя по находкам, мода возникла во второй половине VI в., одновременно на всем

---

[5] L. Barkóczi, A. Salamon. Remarks..., стр. 142.

[6] А. К. Амброз. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. I. СА, 1971, 2, стр. 112, 118—122, рис. 5 и 6.

[7] А. К. Амброз. Рец. I. Erdélyi, E. Ojtozi, W. Gening. Das Gräberfeld von Newolino. СА, 1973, 2, стр. 291—295, 298, рис. 2, *1*.

протяжении Византийской империи, возможно, на потребу ее варварских федератов и солдат. Тот же стиль отражают византийские пряжки типа Суцидава. Чтобы сдвинуть начало восточноевропейского варианта этого стиля на первую половину VI в., нужны новые хорошо датированные находки, более древние, чем Садовско-Кале и Суук-Су. Пока же их нет.

Итало-дунайский вариант поясов до сих пор не разделен на хронологические этапы. Памятники I аварской группы типологически однородны и содержат монеты VII в. Если бы исследователи не располагали письменным сообщением о приходе аваров в 568 г., они, несомненно, отнесли бы I аварскую группу в основном к VII в. и только ссылка на историков дает им повод растягивать археологическую дату на вторую половину VI в. Но ведь письменные источники ничего не сообщают об аварской культуре времени завоевания: она могла значительно измениться на новом месте. Поэтому вопрос об аварских памятниках VI в. только тогда выйдет из области предположений, когда будут указаны отличия аварских древностей VI и VII вв. и I аварская группа разделится на два этапа. Решение этого вопроса еще предстоит венгерской археологии. Пока же все большему числу авторов представляется, что опубликованные до сих пор аварские древности I группы в основном принадлежат VII в. (Д. Чаллань, И. Бона, А. К. Амброз). Выдвигая убедительные возражения против удревнения Кернье, И. Бона относит его к VII в. [8].

Для спора о дате Кернье очень важны находки аварских вещей в хорошо датированных меровингских могильниках. Ведь авары были новым населением на Дунае. Прошло немало времени после 568 г., пока количество оставленных ими могил возросло настолько, чтобы их можно было обнаруживать теперь без сплошного исчерпывающего исследования больших территорий. Для сравнения напомню, что от двух столетий (VI—VII вв.) господства в степях Восточной Европы (не считая Кавказа) болгар, тюрков, авар и хазар известно сейчас едва ли более 30—40 погребений, не дифференцируемых по племенам и народам [9]. Только в эпоху салтовской культуры (VIII—IX вв.) находки кочевнических могил стали почти столь же обильными, как древности аварской эпохи в Подунавье. Поэтому можно надеяться, что в соседних оседлых областях, особенно в больших и долговременных кладбищах меровингского типа, аварские вещи скорее встретятся в ранних сочетаниях, чем в спорадических находках начала аварской эпохи на территории самого каганата. Тем показательнее результаты исследования Ф. Штайн об аваро-меровингских связях. Самые ранние комплексы с аварскими вещами на западе (только обкладками луков и трехлопастными стрелами) относятся к «позднему VI и раннему VII вв.». Более устойчивые аварско-баюварские связи прослеживаются с первой половины VII в. [10]. Часто сопоставляемый А. Шаламон с Кернье баюварский могильник Линц-Цицлау, содержащий много раннеаварских вещей, начался не ранее 620—630 гг. Большинство приведенных Ф. Штайн примеров раннеаварско-меровингских связей относятся к первой половине и отчасти третьей четверти VII в. В могилах I аварской группы встречаются даже меровингские многочастные поясные наборы последней трети VII в. (на западе они бытовали до рубежа VII—VIII вв.). Это противоречит попыткам датировать рубеж I и II аварских групп серединой VII в. и дает еще один аргумент за отнесение этого рубежа приблизительно к 670—680 гг. Как видно из обстоятельной работы Ф. Штайн, в меровингских комплексах первой половины и середины VI в. никаких «протобулгарских» вещей, аналогичных раннеаварским, нет.

До сих пор к датированию кочевнических древностей Подунавья не привлечен такой важный элемент, как конское снаряжение. Исследователи ограничивались констатацией общего сходства раннеаварских стремян со стременами памятника танского императора Тайцзуна 637 г. Считалось само собой разумеющимся, что такие стремена имелись у авар уже за 70 лет до этого, в 568 г. А. Шаламон идет еще дальше, допуская их существование на Дунае уже в 527—568 гг., почти за сто лет до изображений 637 г. Однако стремена из Кернье и других раннеаварских памятников имеют слишком развитую форму, чтобы датировать их так рано. Это вполне сложившийся «классический» тип стремян, основные элементы которых претерпели впоследствии лишь незначительные изменения. Они сделаны из железа, слабо овальны или почти круглые, с пластинчатым ушком или петлей на короткой суженной шейке. Пластинчатая подножка довольно широкая. На этом этапе развития она усилена снизу утолщенным ребром, которое позднее постепенно исчезает. В 1955 г. И. Ковриг учла на Среднем Дунае 152 таких стремени с пластинчатым ушком (из 95 находок) и 25 с петлей (из 21 находки) [11].

Изучение истории седла и стремян показывает, что аварские стремена относятся к первой половине (могилы 20 и 90 в Кернье) и ко второй половине VII в. (остальные стремена Кернье). Широкое распространение стремян в кочевом мире началось

---

[8] I. Bóna. Ein Vierteljahrhundert Völkerwanderungszeitforschung in Ungarn. AAH, XXIII, 1—4, 1971, стр. 297, 300, 301.

[9] А. К. Амброз. Проблемы..., II. СА, 1971, 3, рис. 11, *2—3*.

[10] F. Stein. Awarische-merowingische Beziehungen. Ein Beitrag zur absoluten Chronologie der awarenzeitlichen Funde. Studijné zvesti AÚSAV, 16. Nitra, 1968, стр. 234.

[11] I. Kovrig. Contribution au probleme de l'occupation de la Hongrie par les Avars. AAH, VI, 1955.

лишь после радикального усовершенствования дальневосточного седла в период между 582 и 637 гг. Следовательно, совершенные стремена, подобные найденным в Кернье, не могли принести «паннонские протобулгары» второй половины V или первой половины VI в., а лишь кочевники, пришедшие из Азии не ранее конца VI или начала VII в. К этому же времени относится первое упоминание аварских стремян византийцами. Вероятно, это не были авары (поселившиеся в 568 г.), а какая-то другая, может быть, небольшая группа центральноазиатских кочевников, пришедшая к аварам позднее (подобно племенам тарниах, забендер и коцагир в 596 г.) и познакомившая авар с новым видом конского снаряжения. Уже давно были основания предполагать, что многие комплексы I аварской группы (в том числе Кернье) относятся ко второй половине VII в. Изучение стремян Кернье позволило с большей уверенностью утверждать это, привлекая для абсолютной хронологии точно датированные изображения и находки стремян Дальнего Востока. К чертам второй половины VII в. относится в Кернье большинство стремян, псевдопряжки, трехчастные обкладки поясов, серьги с одним шариком, Т-образные бляшки с дисками на концах и многие другие вещи. В первой половине VII в. на месте могильника в Кернье были лишь два одиночных погребения воинов с конями (№ 20, 23, 90, 99) [12]. Разделение Кернье на этапы подтверждается на материалах других аварских памятников. Благодаря особому богатству инвентаря, обширности могильника, а главное его исчерпывающей публикации в книге А. Шаламон и И. Эрдели, этот памятник приобретает значение одного из наиболее важных для изучения хронологии аварской эпохи.

От датировки Кернье, Фенекпусты-хорреума, а с ними и многих других памятников зависит реконструкция исторического процесса в Среднем Подунавье. Если связать их с событиями первой половины VI в., пришлось бы говорить об исчезновении почти всего оседлого населения в западной половине аварского каганата и о безраздельном господстве там кочевой стихии. Если же отнести эти памятники к аварской эпохе, этническая картина аварского каганата усложнится. Окажется, что кроме авар и их кочевых союзников, здесь жили большие группы оседлого разноэтничного населения. Зажиточные и хорошо вооруженные, они поддерживали далекие и тесные связи с германским миром на западе и с византийским на юге. Это были не пресловутые «рабы-пастухи» авар, а их союзники, вероятно, имевшие внутреннюю автономию. Часть этого оседлого населения, носителей так называемой кестхейской культуры, венгерские археологи уже давно связывают с провинциально-римским населением, уцелевшим среди бурь эпохи переселения народов. Непрерывное развитие памятников Кестхея и Фенекпусты с VI по VIII в. помогает понять, каким путем некоторые античные традиции в сельском хозяйстве и в топонимии дожили в Венгрии до средневековья. Судя по памятникам типа Кернье, авары не только поддерживали близкие связи с германцами-баювариями, но в самой Аварии поселялись какие-то германские группы. В восточной части каганата, судя по византийским свидетельствам второй половины VI и начала VII в., продолжали жить гепиды. Взаимоотношения авар с оседлым населением обычно представляли только как суровое рабство, опираясь на сообщения франкских хроник и русской летописи. Чехословацкие археологи уже давно высказали сомнение в том, что эти сообщения полно отражают характер взаимоотношений авар и их подданных. Материалы раскопок Кернье, Фенекпусты, Кестхея, Чакберень — новое подтверждение этих сомнений. В свете этих параллелей легче понять и сложение на севере Аварии смешанной славяно-аварской культуры VIII в., как показали раскопки в Микульчицах, непосредственно предшествовавшей великоморавской. Вероятно по всей Аварии наряду с кочевниками жило разноэтничное оседлое население, связанное с завоевателями разными степенями зависимости — от порабощения до военной федерации. Возможно, что в ранний период аварского господства положение покоренного населения было тяжелее, а впоследствии оно стало приобретать все большие возможности развития своей культуры.

В последнее время в дискуссию о дате Кернье кроме археологов включился биохимик И. Лендьел [13]. Им были взяты более 700 образцов губчатого вещества костей из раннесредневековых могильников (130 из Кернье) и определена степень их разложения (декомпозиции — Д) по специальной формуле. Нанеся на шкалу все значения Д от 1,5887 до 8,7329% и зная, что лангобардские образцы из Паннонии, согласно письменным данным и археологии, относятся к периоду между 527—568 гг., И. Лендьел получил абсолютно-хронологическую таблицу с конца V до начала VII в. Фенекпуста-хорреум отнесен им к 500—525 гг., 89% могил Кернье к 522—568 гг., 6% к 568—583 гг. и 5% к 583—608 гг. Эти даты очень близки к тем, которые предложили А. Шаламон и Л. Баркоци, но резко противоречат хронологическим данным других археологов. Конечно, в ряде случаев археологические даты далеки от совершенства и могут со временем подвергнуться уточнению. Но есть и такие даты, которые опираются на абсолютно датированные находки, не позволяющие согласиться с их значительным удревнением. Так, стремена Кернье оказались бы самыми древними же-

---

[12] А. К. Амброз. Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (см. в этом номере журнала); его же. Рец. I. Erdélyi, E. Ojtozi, W. Gening, СА, 1973, 2; его же. Проблемы..., I, стр. 118—120.

[13] I. Lengyel. Chemico-Analitical Aspects of Human Bone Finds from the 6th Century «Pannonian» Cemeteries. AAH, XXIII, 1—4, 1971, стр. 155—166.

лезными стременами такого типа; они были бы синхронны стременам стадии В в Южной Корее и северно-вэйским в Китае и появились бы на 100 лет раньше танских стремян с рельефов 637 г. Псевдопряжки из Кернье были бы на 100—150 лет древнее перещепинских (с монетами 641—668 гг.). Изученный И. Ковриг могильник в Кестхее по декомпозиции относится к 495—657 гг. Но в нем хорошо представлена III группа аварских древностей, возникшая через несколько десятилетий после конца I группы и закончившаяся на рубеже VIII—IX вв. По хронологии И. Лендьела, она растянулась бы на 200 лет и началась бы за несколько десятилетий до Перещепина и близких к нему венгерских памятников типа Бочи и Урдомба. Сделанная во II германском зверином стиле (по определению Л. Баркоци) орлиная фибула из Фенекпусты, отнесенная к 500—525 гг., появилась бы почти одновременно с возникновением предшествовавшего I стиля. Все это заставляет особенно подробно и внимательно рассмотреть обоснования новой хронологии. Однако при публикации расчетов И. Лендьела и их комментировании в статье Л. Баркоци и А. Шаламон не дано никаких материалов для дискуссии. Значения Д даны только по могильникам в целом, без разделения по отдельным погребениям. Поэтому читатель не может судить о том, как различия Д соотносятся с различиями комплексов и с топографией могильников. Не указано даже соотношение между 700 древними и 700 контрольными образцами, взятыми от свежих трупов. Если нанести Д современных костей (в среднем 2,3754884%) на таблицу И. Лендьела, они попадут на отметку, соответствующую не XX в., а 486 г.!

Вся хронология И. Лендьела основана на допущении, что в разных могильниках Венгрии и Италии декомпозиция в течение полутора тысяч лет протекала одинаково. Но ведь и незначительное колебание в скорости процесса декомпозиции могло привести за такой долгий срок к отклонениям, стирающим разницу в 50—100 лет, ничтожную по сравнению с общей длительностью процесса (с VI до XX в.), но решающую для археолога. Вероятно, нужны какие-то специальные исследования на месте, чтобы учесть такие отклонения или, наоборот, отвергнуть их возможность. Для дальнейшего обоснования нового интересного метода датирования следует пожелать И. Лендьелу и его соавторам-археологам в самое ближайшее время полностью опубликовать значения Д по всем погребениям, включенным в хронологию. Важно полностью опубликовать и археологические материалы могильников в Фенекпусте и Сексарде-Паланке. Для выявления сильных и слабых сторон метода декомпозиции и дальнейшей его разработки следовало бы в будущем датировать и опубликовать несколько памятников всех периодов между III и X вв., выбранных с таким расчетом, чтобы они образовали непрерывный хронологический ряд, начинающийся и кончающийся бесспорно датируемыми памятниками провинциально-римской и мадьярской эпох. Это позволило бы скорее достигнуть взаимопонимания между сторонниками разных взглядов на хронологию.

Таковы вкратце некоторые проблемы, связанные с выходом рецензируемой книги. Публикация А. Шаламон и И. Эрдели 152 новых могильных комплексов аварской эпохи имеет большое значение не только для изучения археологии Средней Европы, но и СССР. Книга прекрасно издана. В издательстве Венгерской Академии наук давно стало хорошей традицией полностью публиковать важные археологические памятники по комплексам. Продуманное сочетание разномасштабных иллюстраций, контурных рисунков и фотографий позволило достичь широкого охвата материала при относительно небольшом объеме книги. Все находки воспроизведены по комплексам (от 1 до 12 комплексов на таблице) в густо расположенных контурных рисунках на 29 таблицах. Их масштаб 1 : 2. В случае необходимости даны дополнительные проекции и разрезы. Крупные вещи (сосуды и мечи) опубликованы отдельно от мелких: на 5 таблицах с масштабом 1 : 4. Самые интересные находки повторены на фототаблицах. Важные мелкие находки (бляшки поясов, детали мечей) и штемпели на керамике дополнительно воспроизводятся в натуральную величину на трех контурных рисунках в тексте. Эту гибкую методику исчерпывающих публикаций важных памятников, применяемую уже во многих странах, следовало бы шире использовать и нашим археологам и работникам издательств. Ведь только полная публикация археологических памятников по комплексам отвечает современному уровню науки. Хочется пожелать авторам обсуждаемой книги скорейшей публикации и других важных памятников, которых с большим интересом ждут археологи разных стран.

А. К. Амброз

C.-A. Moberg. Introduktion till arkeologi. Jämförande och Nordisk fornkunskap. Stockholm, «Natur och Kultur». 1969. 231 стр., 45 рис. и много набросков в тексте. [К-А. Моберг. Введение в археологию. Сравнительная и северная преистория].

«Археология — одна»,— сказал Чайлд [1]. Это значит, что специфика ее предмета и принципы ее методики едины во всех ее отраслях. Несмотря на очевидность этого

[1] V. G. Childe. Piecing Together the Past. London, 1956, стр. VI.

факта, начальные руководства по археологии, как справедливо подметил автор рецензируемого шведского учебника профессор Карл-Аксель Моберг, чрезвычайно разнообразны. Действительно, как бы ни назывались эти руководства – строго: «Введение в археологию» (С. А. Жебелев, А. В. Арциховский, И. Потрац, Г. Г. Нимейер, К.-А. Моберг и др.), «Основы археологии» (А. В. Арциховский), «Начала археологии» (К. Кеньон) или более затейливо: «Приглашение к археологии» (Дж. Диц), «Вне истории» (Б. Триггер) и т. п.,— казалось бы, перед авторами стоит одна и та же задача. Но этого нет. Причиной нередко является преимущественная ориентировка на одну из отраслей — классическую археологию (Нимейер), или первобытную (Ю. Эггерс) [3], или даже еще уже — палеолит (Леруа-Гуран) [4]. К.-А. Моберг исходил из задачи ввести читателя в изучение всех древностей мира, с преимущественным вниманием к прошлому Северной Европы, в соответствии с программой обучения шведских студентов. Но это сказывается больше в отборе примеров, чем в сути и структуре изложения. Более важные различия вносятся расчетами на определенный круг читателей: одни авторы имеют в виду начинающих любителей (К. Кеньон, Дж. Диц, А. С. Амальрик и А. Л. Монгайт) [5], другие — всех студентов-историков (А. В. Арциховский, Д. А. Авдусин), третьи — интеллигентных читателей различного профиля (Ю. Эггерс), четвертые — пожалуй, только студентов, специализирующихся по археологии (Леруа-Гуран, Нимейер, К.-А. Моберг). Наибольшие различия вносятся собственными методическими установками авторов, их теоретическими воззрениями, их подходом к археологии, пониманием ее места и природы. По-разному излагают основы своей науки те, кто воспринимает ее сугубо в гуманитарном ключе, и те, кто требует уподобления физике или молекулярной биологии; те, кто ценит лишь факты и их обобщение, и те, кто придает решающее значение гипотезам, теориям, моделям; те, кто видит в материалах археологии отражение единообразного закономерного прогресса, и те, кто усматривает в них лишь взаимодействие несопоставимых культур или просто игру индивидуальных волевых решений. Очень по-разному...

В итоге мы получаем «Введения», несхожие даже по структуре. Одни авторы (например, Ю. Эггерс) прослеживают вместе с читателем историю науки и, пройдя по дороге ошибок и открытий, подводят его к современному состоянию. Другие совершают экскурс по этапам исследовательской обработки материала: от разведок и раскопок через камеральную и лабораторную обработку к кабинетной интерпретации (А. С. Амальрик и А. Л. Монгайт, К. Кеньон и др.). Третьи (А. В. Арциховский, Д. А. Авдусин) делают канвой изложения хронологический обзор памятников мира или страны. С моей точки зрения, в этих последних вариантах получается не «введение в археологию» и не «основы археологии», а в лучшем случае краткий курс истории материальной культуры. Не случайно первые наброски такого курса возникли тогда, когда история материальной культуры была у нас призвана подменять собой археологию. Моберг в структуре своего учебника исходит из целостного представления о системе археологической науки и ведет читателя от общих принципов и понятий к частным вопросам, от задач археологии к средствам их реализации, от наблюдения к объяснению.

Мобергу удалось придать своему учебнику почти несовместимые качества: соединить ясность и краткость с увлекательностью и при этом вложить в текст большой объем информации. Изложение предельно насыщено и логично, однако местами последовательным чередованием кратких вопросов и ответов напоминает катехизис, а порой сбивается на суховатый инструктаж. Вообще, судя по характеру изложения, адресат Моберга — шведский «идеальный» студент философского факультета, специализирующийся по археологии — деловитый, трезвый, но не очень интеллектуальный юноша. Он не терпит длинных фраз и глубокомысленных рассуждений «с одной стороны, с другой стороны». Ему нужна простота и ясность от начала до конца. И Моберг дает ему простоту и ясность — даже с риском впасть в односторонность, поскольку не все в нашей науке просто и не во всем достигнута ясность. Но может быть, мы всего лишь привыкли к академической громоздкости и бесцветной сухости многих руководств и учебников, и поэтому нас смущают легкость чтения и неожиданные в учебнике приемы подачи материала?

---

[2] С. А. Жебелев. Введение в археологию, I—II. Пг., 1923; А. В. Арциховский. Введение в археологию. М., 1947; его же. Основы археологии. М., 1955; Д. А. Авдусин. Археология СССР. М., 1967; C. Kenyon. Beginnings in Archaeology. London, 1952; V. G. Childe. A Short Introduction to Archaeology. London, 1956; F. Hole, R. F. Heizer. An Introduction to Prehistoric Archaeology. 1966; J. Deetz, Invitation to Archeology. Garden City, N. Y., 1967; J. A. H. Potratz. Einführung in die Archäologie. Darmstadt, 1968; D. G. Trigger. Beyond History. New York. 1968; H.-G. Niemeyer. Einführung in die Archäologie. Darmstadt, 1968; D. Roe. Prehistory. An Introduction. London and Basingstoke, 1970.

[3] H. J. Eggers. Einführung in die Vorgeschichte. München, 1959.

[4] A. Lerois-Gourhan. La prehistoire. Paris, 1966.

[5] А. С. Амальрик, А. Л. Монгайт. Что такое археология. М., 1957; E. Pyddoke. What is Archaeology? London, 1964.

Исследовательские операции археологов иллюстрируются примерами, выраженными в удачно подобранных чертежах, фотоснимках и таблицах с подрисуночными пояснениями, а в тексте рассыпано множество схематичных набросков, зачастую шутливых. В яркой обложке, небольшая по размеру книга мало напоминает привычный облик учебников. В ней аккумулирован ряд новых и смелых идей, в том числе интересные идеи самого автора.

Моберг предложил учебник, нетрадиционный по форме и очень современный по содержанию. Книга состоит из трех разделов. I раздел называется «Познакомься с археологией» и содержит пять глав. В первой («Введение в кризис», стр. 15—22), отталкиваясь от замечания Х. Арбмана о наметившейся «дисгармонии» в современной шведской археологии, о какой-то стагнации исследований, Моберг констатирует более широкое распространение кризисных явлений — в мировой археологии. Выход из кризиса Моберг видит в перестройке всей структуры науки (и приводит примеры поисков новых путей — работы Л. Бинфорда, Чжана Гуан-чжи, Дэвида Кларка, А. Леруа-Гурана, Ж.-К. Гардена, М. Мальмера и др.), а для Швеции специально — в отказе от научной изоляции, в восприятии оплодотворяющих стимулов от представителей других стран (приведенный список не предназначен показать, каких именно, но все же отражает направление надежд) и других наук. По мнению Моберга, назрела и перестройка университетского образования шведских археологов. В известной мере анализ кризиса археологии служит автору обоснованием нетрадиционности учебника. В последних четырех главах Моберг рассматривает «предархеологическую ситуацию» (донаучные представления о древнейшем прошлом): дает «коротенькую-коротенькую (kort-kort) хронику» человечества по археологическим находкам (стр. 26—28), затем чуть менее коротенькую (стр. 29—32) хронику развития самой археологии (от «иллюстрирующей» к новой самостоятельной интернациональной науке); помещает посмертный фрагмент Х. Арбмана о развитии скандинавской археологии и заканчивает главой «Археология и политика». В этой главе Моберг приводит любопытные примеры националистического использования фактов археологии (особенно времен викингов) в Швеции от XVII в. до наших дней, вспоминает о Коссине и гитлеровской археологии, о битвах на археологических картах между учеными малых восточноевропейских и центральноевропейских государств в межвоенный период (здесь было «эльдорадо для националистически-политической археологии» — стр. 38) и в завершение говорит о политической «социал-археологии», представители которой стремятся не внести истину, а лишь археологическими фактами подтвердить во что бы то ни стало заранее заданные схемы Маркса и Энгельса. Поскольку я уже рассматривал аналогичные взгляды подробнее [6], нет надобности входить здесь в дискуссию по этому вопросу. Напомню лишь, что как раз Маркс и Энгельс весьма отрицательно относились к прямолинейному использованию отдельных фактов археологии в партийной борьбе и видели политическое значение археологии в другом [7]. Поругав по шаблону догматичных эпигонов Маркса и Энгельса, сам Моберг дает трактовку отношения археологии к политике, не столь уж далекую от той, которой придерживались классики марксизма. Отвергнув политические спекуляции археологией, Моберг пишет: «Но является ли данная книга целиком аполитичной? Нет». И поясняет, что науку и политику невозможно изолировать друг от друга. Он так формулирует «идеологическую роль археологии в политической жизни: помогать в объяснении фактов и вопросов о взаимозависимости и общности человечества» (стр. 40). Что ж, неплохо, хотя и неполно.

Остались вне поля зрения соотношения археологии с религией и философскими учениями, с теориями других наук, специфика и границы предмета археологии и ее место в системе наук, проблема отраслевой дифференциации археологии и многое другое. И хотя в пожеланиях расширить обзор трудно установить рациональную границу (автор связал себя задачами экономии места для других разделов), все же эта первая, основополагающая часть оставляет впечатление недоговоренности. Два последующих раздела явно перевешивают и в целом книга получилась с заметным уклоном в методический техницизм. Вероятно, таковы интересы автора и таковы, быть может, особенности представляемого им направления.

В определении последующего плана книги проявилось предлагаемое Мобергом деление археологии на две части: описательную (археографию) и объяснительную (собственно археологию), аналогично традиционному для ряда западных стран различению этнографии и этнологии (правда, Моберг не рассматривает свои археографию и археологию как разные науки). Само функциональное разделение, надо признать, существует на деле, так же как существует среди археологов стихийное разделение на «практиков» (полевых, лабораторных и кабинетных — «вещеведов») и «теоретиков». Все чаще раздаются голоса в пользу того, чтобы узаконить это положение, разделив служебные функции в учреждениях и введя бифуркацию в подготовку

---

[6] Л. С. Клейн. О типичных приемах современной критики марксизма в археологии. СА, 1968, 4, стр. 138—150.

[7] Л. С. Клейн. Вопросы первобытной археологии в произведениях Маркса и Энгельса. Вестник ЛГУ, 1968, 8, стр. 38—43.

кадров [8]. Готовят же отдельно физиков-теоретиков и физиков-экспериментаторов, а физика старше и достигла более высокого уровня развития, чем археология, так что вправе в чем-то подавать пример. Дифференциация наук по разным критериям неизбежна, но с ней приходит утрата цельности и целенаправленности. В какой мере следует уже сейчас разделять две системы исследовательских операций в археологии — вопрос сложный. Моберг разделяет резко, последовательно и полно, а его двоякое использование термина «археология» (для совокупности обеих систем и для второй системы) усугубляет этот раздел: более широкое значение термина снимается новым, более узким, и, видимо, должно отмереть (язык науки не способен долго терпеть двойственность термина). Останутся две науки — археография и археология [9].

II раздел книги называется: «Материал в системе — археография» (стр. 41—119). В археографии, охватывающей наблюдение, документацию и упорядочение данных, Моберг различает «археоскопию» — работы, основанные больше на интуиции, с широким взглядом, но неизбежным субъективизмом результатов, и «археометрию» — более узкие, но объективные измерительные операции. Предлагает понятие «археограмма», не разъясняя его. В этот раздел книги входит семь глав (гл. 6—12). В них автор перечисляет категории данных, которыми пользуется археолог (гл. 6), затем (гл. 7) категории специально археологических источников — здесь же даны понятия «памятник», «комплекс», «комплекс в пакете» (или «в упаковке») и др., далее следует классификация памятников по видам человеческой деятельности, отложившейся в них (поселения, погребения, жертвоприношения и т. д.) вплоть до объектов «неизвестного назначения». Документация (гл. 8) продемонстрирована главным образом в учете памятников для археологической карты и как фиксация стратиграфических соотношений при раскопках. Разъяснено различие между «естественным» членением объектов и «искусственным», условным (но не указаны условия целесообразного применения того и другого). Схема в конце главы показывает, как посредством документации «фильтруются» свойства материала и предстают в аналитически разобранном виде (стр. 90). Сравнительно много места уделено вопросу: «сходные и несходные. О форме и других свойствах» (гл. 9, стр. 92—112). Автор пишет: «Действия со сходством и несходством — центральные во всей археологической работе. Материал упорядочивается по сходству и несходству» (стр. 92). О трудностях объективной оценки сходства и несходства дает хорошее представление эпиграф из Шекспира: «Гамлет: Видишь ли ты это облако с краю? Оно очень напоминает верблюда. Полоний: Да, ваше высочество оно и впрямь, похоже на верблюда. Гамлет: Мне кажется, оно похоже на корабль. Полоний: Да, вернее будет, что на корабль. Гамлет: Или на кита. Полоний: Аккурат на кита» («Гамлет», III, 2). Из этого примера Моберг выводит мысль о том, что сходство — не абсолютное, а относительное понятие (стр. 102). Как и многих западных исследователей, его очень занимает вопрос, насколько наши представления о сходстве и несходстве археологических объектов близки к соответствующим представлениям древних людей, оставивших эти объекты. Ведь это вопрос о том, насколько верно наша классификация отражает порядок, который устанавливал в материале первобытный человек. Однако если первобытный человек реализовал свои представления (пусть и не идеально) в материале и если мы получаем этот материал в достаточно репрезентативной выборке, то мы увидим сравнительные сходства и несходства различных деталей. Которые из них были важными для функционирования объектов и сформированы намеренно, а которые являются игрой случая? Чтобы ответить, надо знать функции вещей. Есть различные средства для этого, и практика показывает, что в общем и целом мы познаем функции древних вещей успешно. Если так, то и сравнительную важность деталей, сходство которых должно быть определяющим, мы в силах наметить. А это значит, что мы близко подойдем к пониманию замыслов первобытного человека — что делать схожим.

Относительность сходств и несходств связана не только с возможностью различного выбора показателей, но и с необходимостью выбора эталона. В сущности, нельзя сказать, схожи или несхожи два горшка (даже при четком выборе показателей), если есть только эти два горшка. Можно сказать лишь, больше или меньше схожи они между собой, чем с третьим горшком или с любыми другими предметами (стр. 190). Но так как два горшка, изолированных от всего мира,— это чистейшая абстракция и всегда налицо множество объектов, то это множество уже всегда фигурирует в интуиции исследователей как заранее заданный, хотя и расплывчатый эталон. Его уточнение для метризации — задача скорее практическая, чем теоретическая. Здесь условность не опасна, как не опасна условность языка. Если и найдется среди археологов Гамлет, склонный то и дело менять свои представления о сходстве и несходстве (горшков, а не облаков), то ему не найти Полония, готового согласиться с любой переменой.

Принимая понятие «типологического элемента» у Мальмера, Моберг вводит следующие его характеристики: наличие (есть или нет?), частота, распределение (про-

---

[8] Ю. М. Захарук. До разробки теоретичних основ археології «Археологія», 1971, 1, стр. 12. D. P. Agrawal. Archaeology and the Luddites. «Antiquity», XLIV, 1970, 174, стр. 117—118.

[9] Мало ли других возможностей наименования для второй системы: назвал бы археософией, что ли (или археогнозией, археотетикой и т. п.).

порции), членение, изменения в параметрах. Классификация и сериация (построение типологических рядов) излагаются в основном по Мальмеру и Дэвиду Кларку.

«Далекое и близкое. О месте» (гл. 10) — так озаглавлено изложение комплекса вопросов, связанных с залеганием находок (понятия in situ, переотложения и т. п.). Здесь же рассмотрены приемы картографического метода, включая горизонтальную стратиграфию. Сведения по хронологии (гл. 11) очень конденсированы, но два, казалось бы, частных вопроса выделены в самостоятельные параграфы: «Иллюзии систем периодизации» и «Иллюзии «чистых» комплексов» (стр. 136—139). Эти вопросы действительно заслуживают внимания, потому что часто игнорируются, а между тем входят в сферу не того или иного отдельного метода хронологии, а в саму сердцевину, археологическую сердцевину построения хронологии. Схематичность деления культуры на этапы и локальные варианты выражается, по Моберту, в том, что мы часто не можем установить, является ли та или иная деталь хронологическим или локальным показателем. Это, конечно, верно, но беда, видимо, не в схематизации (она неизбежна при обобщении), а в том, что нередко обе задачи — установить периодизацию и выделить локальные варианты — решаются по отдельности, последовательно, одна за другой. Отсюда и колебания в трактовке деталей. На деле же обычно нет четкой квадратной решетки границ, как на схеме Моберга. То есть нет отдельных общекультурных этапов (хронологических вариантов) и постоянных локальных вариантов, а есть типологические варианты — каждый со своими границами во времени и пространстве, способными изменяться. Вот эти-то варианты и надобно выделять, а затем определять хронологические и территориальные границы каждого из них.

Моберг указывает, что, по мнению ряда исследователей, в сущности, нет «чистых» комплексов, а есть более или менее «нечистые», «смешанные» комплексы. Он отмечает также, что в ходе исследований «менее нечистые» комплексы имеют тенденцию оборачиваться «более нечистыми», которые, однако, и удобнее для статистической обработки (добавим: в каких-то отношениях).

В конце раздела (гл. 12) Моберг прослеживает общий путь систематизации материала «от признака к технокомплексу», по Дэвиду Кларку. При этом он включает в свою систему употребительные в американской литературе понятия «пучок» или «скопление» (cluster), «горизонт», «традиция» и не включает традиционное для европейской археологии понятие «культура». Путь от признака к «технокомплексу», в отличие от Кларка, ведет у него не через «культуру».

На заключительной виньетке этого раздела Моберг изобразил замочную скважину и ключ. Пояснение к виньетке гласит: «Все археологические работы требуют ясной теории» (стр. 155). Какую же теорию Моберг считает ключом для археологии?

На это, очевидно, должен ответить последний, третий раздел книги: «Люди в системе — археология». Понимание поведения людей лежит в основе археологической теории, способной оживить «мертвые факты археографии» (стр. 156). В этом разделе восемь глав (гл. 13—20).

В начале раздела Моберг рассматривает основной исходный принцип любой археологической теории, который он метко определяет как «археологический актуализм». «От людей к находкам — от находок к людям» (название гл. 13). Принцип заключается в том, что отправным пунктом в познавании поведения исчезнувших людей нам служит наше знание поведения современных людей. В основе идеи актуализма, сыгравшей важную роль и в развитии геологии, лежит убеждение в принципиальном единстве и сходстве давних и современных (актуальных) процессов и законов, в археологии — свойств, потребностей и элементов поведения людей. Моберг приводит предостережения против вульгарного актуализма — слепого и некритичного переноса современных понятий на прошлое (мы называем это модернизацией), упоминает и противоположную крайность — отказ французских археологов А. Леруа-Гурана и А. Ламэн-Эмперер если не от принципа актуализма, то от привлечения этнографии. Актуализм, освобожденный от наивной вульгаризации, от модернизаторских крайностей и обогащенный представлениями о развитии, образует основу историзма[10], которым и руководствуются археологи в своих реконструкциях. Без этого понятия в изложении методологической базы археологии отсутствует должная полнота и четкость. К сожалению, в этой главе нет сведений о системе понятий Ю. Эггерса (живая культура — мертвая культура — музейная культура). Разбор ее был бы здесь уместен. Стоило бы также подробнее остановиться здесь на оценке возможностей археологии в деле объективной реконструкции прошлого: сомнения относительно тех или иных важных аспектов этих возможностей очень популярны на Западе, нередки и на Севере Европы (заметны отчасти у М. Мальмера, Г. Гьессинга и др.).

Кратко рассмотрев вопрос о том, как выражается в археологических остатках соотношение человека с природой (гл. 14), Моберг приходит к более подробному разбору соотношений между людьми в археологическом отображении — «Люди и другие люди» (гл. 15). Эпиграф к этой главе взят из Плавта: homo homini lupus. В этой главе рассматриваются возможные виды контактов между людьми и ставится вопрос, коренной для всех основных археологических теорий, сменявших одна другую последние сто лет (эволюционизма, миграционизма, диффузионизма, стадиализма, экологизма и т. д.): откуда появляется инновация? Ответ, однако, смазан. Далее постро-

[10] Г. А. Подкорытов. Историзм как метод научного познания. Л., 1967.

ена любопытная таблица, в которой по одну сторону дана колонка индикаций в материале, а по другую — колонка их возможных интерпретаций. К числу контактов отнесен и контакт между поколениями, с чем связана проблема «континуитета» (преемственности, непрерывности).

Важный вопрос — «Люди в системе, история в системе» (гл. 16) — представляется в очень упрощенном виде. Разложены по простенькой схеме возможные подходы к систематизации: неисторический, исторический, в последнем — обратный (от неархеологических исходных пунктов) и прямой (от археологического материала), в обратном два варианта — конкретизирующий («индивидуализирующий» у Моберга) и генерализирующий. Все они почти только перечислены. Несколько абзацев посвящено системе «трех веков» и ее модификации у Чайлда (с использованием периодизации Моргана). Охарактеризован системно-кибернетический подход Д. Кларка. И все. И это «люди в системе, история в системе» для студента философского факультета, для будущего археолога? Маловато. Судя по изложению, сам Моберг понимает системный подход как некую модернизацию экологического подхода. В заключении главы подано собственное предложение Моберга по систематизации людей и истории. Он считает, «что центральным археологическим объектом исследований являются ф о р м а ц и и, что ареальные исследования формаций не могут осуществляться иначе, чем будучи делом целого коллектива («команды») археологов, историков, социологов и естествоведов разного рода» (стр. 192). Приводимые им примеры показывают, что под формациями он понимает экосистемы определенных географических ареалов. Плановая работа мощных комплексных экспедиций противопоставляется старой «музейной археологии», которая складывала в узоры уже вырванные из контекста вещи. Да, мощные экспедиции, плановая работа, тотальное, как любят говорить немцы, обследование ареалов — это, конечно, хорошо. Но если это рассматривается как генеральная линия систематизации людей и истории, то тут есть одна опасность, которая еще более ясно выступает в выдвинутой Мобергом в последних главах трактовке проблемы субъекта исторического процесса: «Они и мы. О находках и языке» (гл. 17); «Археология, введение в человечность» (гл. 18); «Каковы выводы археологии?» (гл. 19) и «Подготовка археологов» (гл. 20).

Моберг напоминает о том, что переход от наивно-романтической археологии, с ее поисками решений важных общечеловеческих проблем, к чисто научной археологии, с ее специализацией и дифференциацией, в какой-то мере повлек за собой утрату перспектив. Средства заслонили цель, и Август Стриндберг смог увидеть в археологии лишь «сортировку пуговиц, более или менее идиотическую». Нужно снова восстановить ясное понимание целей и Моберг делает удачную попытку «мысленного эксперимента» — приглашает читателя вообразить, что археология вдруг исчезла. Он приводит ряд вопросов, которые будут накапливаться у смежных наук и вообще у человечества и или останутся без ответа, что сильно обеднит человеческое сознание и современную культуру, или... снова возникнет археология (стр. 201).

Но вопросы диктуются разными интересами. В одних кругах, где имеет место повышенное внимание к судьбам своей узкой группы, противопоставляемой (мы и они) всему миру, возникает «мы-археология» (vi-arkeologi), этноцентрическая, национальная наука. В других кругах преобладают интересы к судьбам всего человечества, к общечеловеческому,— возникает антропоцентрическая археология.

Нет, Моберг, несмотря на очевидность его симпатий и антипатий, не требует полного отказа от первой в пользу второй. Он считает необходимыми региональные исследования «формаций», а это привязывает к территории определенной группы. Отсюда сдержанность противопоставления: «Поэтому, полагаю я, археология будет б о л е е научной, взятая в м е с т е с антропоцентрической альтернативой, чем б е з н е е» (стр. 210). Но тут-то и сказывается ограниченность привязки к региональной «формации»: история творилась не землями, а людьми, и ее логические «континуитетные» цепи, цепи культурной преемственности проходили не через почву региона, а через ряды поколений внутри определенных групп людей — «социальных организмов», этносов, религиозных общин, политических организаций и т. п. Группы же эти то сидели прочно на одной земле, то передвигались, более того, взаимодействовали между собой, передавая друг другу культурные достижения. Кстати, межгрупповые отношения далеко не всегда строятся по принципу homo homini lupus. Проблема «мы — они» в социальной психологии вообще сложнее голой антитезы.

Но для нас главное не в этом. Принимая единственным субъектом исторического процесса совокупное человечество, эволюционисты и стадиалисты открыли ряд законов, но не смогли продемонстрировать их взаимодействие, объяснить многие явления действительности. Потребовался переход к изучению частных субъектов — упомянутых групп людей и отдельных культур, которые этими группами оставлены [11]. Культуры всегда имеют границы во времени и пространстве. С помощью хронологических штудий мы можем в археологии выделять последовательные ряды культур — «секвенции». Такие секвенции образуются в региональных сводках и в иде-

[11] Г. П. Г р и г о р ь е в. Совершенствование методики изучения палеолита в СССР. В сб. «Теоретические основы советской археологии (тезисы)». Л., 1969, стр. 13, 14.

ализированном виде выглядят как стратиграфические колонки. Поэтому я называю их «колонными секвенциями». Можно построить «колонные секвенции» и в «формациях» Моберга. Но вся соль в том, что исторический процесс, прослеживаемый в этих секвенциях, будет фиктивным, кажущимся: реальный исторический процесс протекает не в «колонных секвенциях», а в «трассовых» или «генетических секвенциях» — рядах генетически связанных культур (все равно, с физической преемственностью людей или через контакты). Эти ряды не однолинейны, они ветвятся, сливаются, но их надо проследить, а для этого нужны операции по переводу группировки материала из колонных секвенций в генетические.

Ключ к этой проблеме — интерпретация смены культур в колонных и генетических секвенциях, объяснение трансформаций и скачков. Вот почему археологи бьются над решением этого ключевого вопроса и вокруг предлагаемых ответов на него формируются основные археологические теории. Но это как раз та проблема, которая в учебнике Моберга совершенно опущена — вместе с рассмотрением прежних теорий. Зачем же тогда было рисовать ключ и скважину?

Корень этого упущения, мне кажется, в том, что Моберг, следуя модному среди западных археологов поветрию, рожденному из принципов «контекстного» направления (Уолтер Тэйлор, Чжан Гуан-чжи, Глин Даниел и др.), игнорирует существование отдельных культур и не видит промежуточных инстанций между отдельным человеком и человечеством. Такое представление о мире пропагандируется философией экзистенционализма. Не стоит, однако, принимать желаемое за действительность.

В последней главе книги приводятся любопытные сведения о системе университетского образования археологов в Швеции по реформе 1969 г. Вначале все студенты, избравшие археологию, занимаются по единому учебному плану. На 1-м курсе они проходят археологическое вещеведение, всеобщую и северную преисторию, методику описания материала, методику культурно-исторического истолкования, полукурс техники исследования древностей. На 2-м курсе: сравнительную преисторию, методику и анализ, добывание и обработку материала, экспедиции, полукурс техники исследования древностей. На третьем курсе пишутся курсовые работы и обсуждаются в семинарах специальные проблемы методики и теории. На четвертом приобретается более узкая специализация, например в Упсале — по античной культуре и египтологии, в Лунде — по средневековой археологии, в Гётеборге, где работает Моберг, и в Стокгольме — по северной и сравнительной истории первобытного искусства. Моберг предлагает разделить узкую специализацию на два потока — с этноцентрической и антропоцентрической ориентировкой. Для первой рекомендуются: искусствоведение, отечественная этнография, северная и сравнительная преистория. Для второй: археология, культурная и социальная антропология, всеобщее языкознание, физическая антропология.

По этому поводу можно лишь сказать, что издали весь этот учебный план представляется чрезмерно специализирующим с самого начала, сужающим кругозор студента. Еще более узкая специализация предложена Мобергом — пойдет ли она на пользу делу?

В конце книги виньетка: земной шар, в который воткнут указатель дорог. Налево — «мы», направо — «все». Стрелки развернуты в разные стороны, пути двух археологий безнадежно расходятся. Более перспективным представляется третий путь, на котором общечеловеческое познается через конкретные культуры и узнается в конкретных культурах, прогресс человечества рассматривается в генетических секвенциях, а оба направления сливаются. Но для этого нужна более широкая подготовка кадров. Может быть, интересный учебник Моберга следовало бы сделать чуть-чуть потолще...

Л. С. Клейн

Хроника

ВТОРАЯ ДОНСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

28—30 октября 1971 г. в Ростове-на-Дону состоялась конференция по вопросам археологии Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья, приуроченная к 10-летию музея-заповедника Танаис. Конференция была созвана по инициативе Ростовского областного краеведческого музея, Ростовского государственного университета, Института археологии АН СССР. В работе конференции приняли участие сотрудники Института археологии АН СССР и его Ленинградского отделения, Московского, Ленинградского, Ростовского, Кубанского университетов, музеев Ростовской области, Ростовского областного отделения Общества охраны памятников истории и культуры.

Необходимость в созыве такого совещания назрела давно. Со времени Первой Донской археологической конференции (февраль 1962 г.) прошло почти 10 лет. За это время на Нижнем Дону и в Северо-Восточном Приазовье работало большое количество экспедиций, накоплен и обобщен значительный археологический материал. Был создан и приобрел большую известность археологический музей-заповедник Танаис, выросли кадры донских археологов. Широкое строительство гидросооружений и мелиоративных систем выдвинуло целый ряд новых задач и проблем. Об этом говорил, открывая конференцию, председатель Областного отделения Общества охраны памятников В. И. Андрианов.

Всего заслушано 19 докладов. Первый день конференции был посвящен вопросам исследования Танаиса, Д. Б. Шелов (ИА АН СССР) подвел итоги раскопок на городище Танаис, которые позволили осветить многие стороны жизни не только самого Танаиса, но и всего района Нижнего Дона в древности. В настоящее время твердо установлена дата основания города (первая четверть III в. до н. э.) и существование в Танаисе эллинистического времени двух городских районов с разноэтничным населением. Археологические материалы характеризуют Танаис первых веков нашей эры как крупный торгово-ремесленный центр. Разгром города, относящийся к 40-м годам нашей эры, можно определить как результат передвижения племен готского союза. Дальнейшее исследование городища и его некрополя, а также других памятников Нижнего Подонья, современных Танаису, позволит выяснить некоторые нерешенные проблемы, в том числе вопросы этнической истории и условия окончательной гибели и запустения этого важного центра.

Л. М. Казакова (музей Танаис) коротко остановилась на истории создания заповедника Танаис и его роли в воспитании уважения к памятникам древнейшего прошлого. Г. Г. Гончарова, экскурсовод заповедника, познакомила участников конференции с раскопанными объектами.

Последующие доклады и сообщения были посвящены различным вопросам древнейшей истории Подонья — Приазовья. За прошедшее десятилетие на Нижнем Дону изучен ряд стоянок древнекаменного века, а также открыто и исследовано много новых памятников эпохи неолита и бронзы.

В докладе М. Д. Гвоздовер (НИИ антропологии МГУ) подведены итоги изучения верхнепалеолитических стоянок на Каменной балке. Своеобразие кремневого инвентаря позволяет выделить особую каменнобалковскую культуру, материал которой не имеет аналогий в южной степной зоне (Амвросиевка, Большая Аккаржа), а по ряду признаков сходен с палеолитическими комплексами Грузии.

Доклад Л. Я. Крижевской (ЛОИА АН СССР) был посвящен результатам исследования матвеево-курганских неолитических поселений. Найденный здесь материал позволил говорить о своеобразной неолитической культуре, облик которой не совсем укладывается в рамки традиционных представлений о восточноевропейском степном неолите. Здесь наблюдается более сложная картина соотношения хозяйственных укладов, в частности производящего и присваивающего хозяйства.

Т. Д. Белановская (ЛГУ) на материалах неолитического поселения Ракушечный Яр дала характеристику хозяйства обитателей стоянки, определив его как переходное от присваивающего к производящему. Сопоставление материала Ракушечного Яра с комплексами территориально близких неолитических памятников Украины говорит о значительно бо́льшей роли присваивающих форм хозяйства у донского населения.

Итоги пятилетнего изучения Константиновского энеолитического поселения были подведены в докладе В. Я. Кияшко (Ростовский ун-т). Остановившись на характере находок, докладчик отметил своеобразие этого памятника, которое заключается в сочетании признаков, присущих степным районам, с чертами, характерными для материальной культуры эпохи раннего металла на Кавказе. Памятник может быть отнесен к не исследованной пока энеолитической культуре, сложившейся в зоне контакта степного населения с обитателями южных районов. Типологический анализ находок, сопоставление их с материалами Степного Причерноморья и Северного Кавказа позволяет датировать поселение третьей четвертью III тысячелетия до н. э.

Э. С. Шарафутдинова (ЛОИА АН СССР) остановилась на периодизации памятников эпохи поздней бронзы на Нижнем Дону. Она выделила два периода: первый соответствует сабатиновскому этапу (XIII—XI вв. до н. э.), второй — белозерскому (X—VIII вв. до н. э.). К последнему этапу автор относит поселения кобяковской культуры, которая наряду с позднесрубными элементами обладает специфическими признаками, а по ряду черт сопоставима с культурами Северного Кавказа. Видимо, носители кобяковской культуры пришли с Северного Кавказа. Н. В. Анфимов (Кубанский ун-т) познакомил присутствующих с результатами раскопок курганов эпохи бронзы у ст. Урупской.

Ряд докладов был связан с исследованиями памятников античности и общими проблемами этого периода для районов Северо-Восточного Приазовья и Северного Причерноморья. И. Б. Брашинский (ЛОИА АН СССР) рассказал о раскопках на Елизаветовском городище, в котором, судя по материалу, на протяжении ряда веков скрещивались культурные влияния и традиции разных этнических групп. Этот пункт был основным центром греко-варварской торговли на Нижнем Дону. В местной материальной культуре докладчик отмечает черты, свидетельствующие о связях с Северным Кавказом (меоты), со скифами Приднепровья, савроматами. Есть основание предполагать значительное воздействие эллинской культуры на местное население. Раскопки Елизаветовского курганного могильника позволили отодвинуть дату начала его существования в первую половину V в. до н. э. Выявлены до сих пор неизвестные черты погребального обряда этого периода. Наибольший интерес представляет открытие ряда женских погребений с оружием.

К. К. Марченко (ЛОИА АН СССР) остановился на оборонительных укреплениях Елизаветовского городища, изучение которых велось в 1970—1971 гг. Их возникновение может быть отнесено к рубежу IV—III вв. до н. э., к самому началу передвижения сарматских племен через Дон в степи Северного Причерноморья. Елизаветовское поселение окружено двумя обводами рвов. Внутренняя стенка рва, окружавшего «акрополь», была укреплена каменной обкладкой. Прослежено два строительных горизонта в сооружении рва.

Связям Нижнего Дона и Херсонеса в IV—III вв. до н. э. был посвящен доклад А. Н. Щеглова (ЛОИА АН СССР). На основании сравнительного анализа амфор из Херсонеса и амфор, встреченных на Елизаветовском городище, докладчик отрицает ввоз херсонесского вина на Елизаветовское поселение при посредстве Боспора, предполагая возможность непосредственных контактов между Херсонесом и елизаветовцами. Причины этого объясняются общеполитической обстановкой того времени. Не исключено, что Херсонес, стремясь противостоять Боспору, мог заключать временные союзы с варварами.

И. С. Каменецкий (ИА АН СССР) подвел итоги раскопок Подазовского городища, которое в настоящее время является наиболее полно исследованным меотским укрепленным поселением. Оно датируется последней четвертью I в. до н. э. — концом II в. н. э. Впервые получены данные о планировке поселения меотов. Отработана методика раскопок и сбора материала на памятниках такого типа. Характер слоя и тщательность методики раскопок делают Подазовское городище опорным памятником для установления и проверки датировок различных категорий археологического материала.

Несколько докладов было посвящено характеристике наиболее интересных находок и отдельных категорий археологического материала из различных памятников Нижнего Дона.

Дав подробную характеристику находок из Садового кургана на окраине Новочеркасска (золотые фалары, серебряные позолоченные чаши с чеканными рельефными медальонами), С. И. Капошина (Ленинград) подчеркнула их значение как наиболее выдающихся образцов сарматского и античного искусства. Нижнедонские курганы дали многочисленные изделия художественной торевтики, а также предметы сарматского звериного стиля, что выделяет Нижнее Подонье как район, где в сарматскую эпоху были сосредоточены наиболее богатые могильники сарматской знати.

В. М. Косяненко (Ростовский музей) дала подробный анализ краснолаковой керамики из некрополя Кобякова городища и пришла в заключению, что формы сосудов и качество лака близки изделиям малоазийских мастерских. Они датируются первой половиной I в. н. э. Гораздо меньше местной причерноморской керамики, относящейся ко II—III вв. н. э. Некрополь Кобякова городища дает приблизительно такой же процент привозной краснолаковой керамики, как Танаис и другие города Боспорского царства в первые века нашей эры.

Средневековая тематика нашла отражение в докладе В. С. Флерова (Таганрогский музей) об итогах раскопок Семикаракорского городища в 1971 г. Семикаракорское городище — один из самых крупных памятников крепостной архитектуры Хазарского каганата. Раскопками выявлено четыре сырцовые оборонительные стены с панцирным покрытием из обожженного кирпича. Чувствуется наличие сложной и тщательно продуманной системы обороны. Автор предполагает, что Семикаракорская крепость была сооружена и погибла до строительства Саркела.

В связи с большим размахом мелиоративных работ и строительством гидросооружений в Ростовской области работают новостроечные археологические экспедиции. Некоторые доклады были посвящены результатам полевых работ на новостройках.

М. Г. Мошкова (ИА АН СССР) остановилась на итогах раскопок Цимлянской экспедиции в зоне строительства Романовского рисового совхоза. В. Е. Максименко (Ростовский ун-т) доложил об исследованиях Койсугского курганного могильника (Азовский район), где он выделил погребения различных периодов эпохи бронзы и группу могил раннего железа. Наиболее ранние погребения относятся к энеолиту, самые поздние — к III—II вв. до н. э. Койсугские курганы дают большое разнообразие погребального ритуала, что говорит о сложности этнического состава населения этого района на протяжении всего периода сооружения курганных насыпей.

О результатах исследования трех курганов на территории колхоза им. XX партсъезда (Азовский район) в 1971 г. рассказали А. А. Горбенко (Азовский музей) и В. А. Кореняко (Ростовский ун-т). Получен значительный материал эпохи бронзы и первых веков нашей эры. Он позволяет по-новому взглянуть на некоторые вопросы древней истории Донской дельты.

Конференция приняла решение, в котором подчеркивается необходимость создания на Нижнем Дону в связи с огромным размахом гидромелиоративных работ и увеличением объема археологических исследований новостроечного центра на базе Ростовского университета и Ростовского областного Музея краеведения для организации и координации археологических исследований в зонах новостроек, особенно в северных и восточных районах области, слабо изученных в археологическом отношении. Участники конференции высказали пожелание о сохранении традиций периодического созыва региональных конференций, подводящих итоги археологических исследований на Дону и Северо-Восточном Приазовье.

Л. М. Казакова

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИКСП — Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья
АНО — Античное общество
АО — Сб. «Археологические открытия»
АП УРСР — Археологічні пам'ятки
АСГЭ — Археологический сборник Гос. Эрмитажа
АЭБ — Археология и этнография Башкирии
ВВ — Византийский временник
ВАУ — Вопросы археологии Урала
ВДИ — Вестник древней истории
ВЛГУ — Вестник Ленинградского гос. университета
ВНОТ — Вестник научного общества татароведения
ВССА — Вопросы скифо-сарматской археологии
ГМТР — Гос. Музей Татарской республики
ГНАМ Плов — Годишник на народние археологически музеи Пловдив
ЖМВД — Журнал Министерства внутренних дел
ЗАО — Записки Археологического общества
ЗОРСА [ЗРАО] — Записки отделения русской и славянской археологии Русского Археологического общества
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИБАИ [ИБАД] — Известия на Археологический институт. София
ИГАИМК — Известия Гос. Академии истории материальной культуры
ИЖ — Исторический журнал
ИИМК — Институт истории материальной культуры
ИМКУ — История материальной культуры Узбекистана
ИОАИЭ — Известия Общества археологии, истории и этнографии. Казань
ИРАИМК — Известия Российской академии истории материальной культуры
ИФЖ — Историко-филологический журнал АН Армянской ССР
КБН — Корпус боспорских надписей
КГУ — Казанский гос. университет
КСИА АН СССР — Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР
КСИАУ — Краткие сообщения Института археологии Академии наук Украины
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН
КФАН — Казанский филиал Академии наук
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАР — Материалы по археологии России
МАЭ — Музей антропологии и этнографии. Ленинград
МАЭС ТГУ — Музей археологии и этнографии Сибири Томского гос. университета
НЭ — Нумизматика и эпиграфика
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
ОИПК ГЭ — Отдел истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа
ОЛДП — Общество любителей древней письменности
ПДП — Памятники древней письменности
ПИМК — Проблемы истории материальной культуры
ПСА — Проблемы скифской археологии
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РДППП — Сб. «Раннеславянские древности в Поднепровье, Побужье и Поднестровье»
САИ — Свод археологических источников
Сб. ОРЯС — Сборник Отделения русского языка и словесности АН СССР, 101, 3, Л., 1928
СГЭ — Сообщения Гос. Эрмитажа
СМАЭ — Сборник Музея антропологии и этнографии
СЭ — Советская этнография
ТКАЭЭ — Тувинская комплексная археолого-этнографическая экспедиция
Тр. АС — Труды археологического съезда
Тр. ВОАО — Труды Восточного отделения археологического общества
Тр. ГИМ — Труды Государственного Исторического музея
Тр. ГЭ — Труды Гос. Эрмитажа
Тр. ИИАЭ АН КазССР — Труды Института истории, археологии и этнографии Казахской ССР
Тр. ИЭ — Труды Института этнографии
Тр. ОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР
Тр. СА РАНИОН — Труды Секции археологии Российской ассоциации научных институтов общественных наук
Тр. ТГУ — Труды Томского гос. университета
Тр. СУАК — Труды Саратовской ученой архивной комиссии
Тр. ЧНИИ — Труды Черкесского научно-исследовательского института
Тр. ЮТАКЭ — Труды Южно-туркменистанской археологической комплексной экспедиции
Уч. зап. ЛГУ — Ученые записки Ленинградского гос. университета

Уч. зап. МГУ — Ученые записки Московского гос. университета
Уч. зап. ПГУ — Ученые записки Пермского гос. университета
Уч. зап. ТГПИ — Ученые записки Томского гос. педагогич. института
ЭВ — Эпиграфика Востока
AAH — Acta Archaeologica ...Hungarica, Budapest
AJA — American Journal of Archaeology
AÉ — Archaeologíaí Értesitö, Budapest
AnnSocABrux — Annales de la Société d'archéologie de Bruxelles
Arch Anz — Archäologische Anzeiger
Arch Au — Archaeologia Austriaca
Arch Iug — Archaeologia Iugoslavica
AS — Anatolian Studies
AÚSAV — Archeologický ústav Slovenskej Akadémie Vied, Nitra
BASPR — Bulletin of the American School of Prehistoric Research
BIL — Bulletin de l'Institut Liégeois
BonnJ(BJb) — Bonner Jahrbücher des Rheinischen Landesmuseums in Bonn und des Vereins von Altertumsfreunde im Rheinlande
DAGH — Ch. Daremberg et E. Saglio. Dictionnaire des antiquités grecques et romaines...
Diss Pan — Dissertationes Pannonicae
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua
IF — Istanbuler Forschungen
JDAI — Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts
JRAS — Journal of the Royal Asiatic Society
JVMGA — Jahrbücher des Vereins für mecklenburgische Geschichte und Altertumskunde
K — W — G. Kieseritzky und K. Watzinger. Griechische Grabreliefs aus Südrussland. Berlin, 1909
ÖJh — Jahreshefte des Österreichischen Archäologischen Instituts in Wien
OIP — The University of Chicago. Oriental Institute. Publications
PZ — Prähistorische Zeitschrift
SCIV — Studii si cercetari de istorie veche
SMIA — Suomen Muinais — muisto — yhdistyksen aikakanskirja
TTKB — Türk Tarih Kurumu, Belleten
ZfE — Zeitschrift für Ethnologie

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ» за 1973 год

	№	Стр.
А. И. Айбабин. К вопросу о происхождении сережек пастырского типа	3	62
Н. Д. Аксенова. Жилые дома в Болгарах в районе Ханской усыпальницы и Малого минарета	4	218
Н. Д. Аксенова, А. П. Смирнов. Скульптурная голова с городища Великие Болгары	3	245
В. А. Алёкшин. Каменные гири с древнеземледельческих поселений Южной Туркмении	4	238
М. Х. Алешковский, Б. Л. Альтшуллер. Благовещенский собор, а не придел Василия Кесарийского	2	88
А. Е. Алихова. Мавзолей города Мохши-Наровчата	2	226
А. К. Амброз. Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV—VIII вв.)	4	81
А. К. Амброз. A. Salamon, I. Erdélyi. Das völkerwanderungszeitliche Gräberfeld von Környe. Bp; 1971	4	289
Н. К. Анисюткин. Орудия клювовидных форм в раннем и среднем палеолите	1	228
Г. Е. Арешян. Малоазийские формы в керамике Армении среднего бронзового века	4	40
Ф. Х. Арсланова. Памятники андроновской культуры из Восточно-Казахстанской области	4	160
И. И. Артеменко. M. Buchvaldek, D. Koutecky. Vikletice, ein schurkeramisches Gräberfeld. Praha, 1970	4	285
О. Н. Бадер. Вторая палеолитическая могила на Сунгире (Верхнее погребение)	3	133
О. Н. Бадер, Г. Н. Матюшин. Новый памятник среднего палеолита на Южном Урале	4	135
К. М. Байпаков. Средневековое погребение в Илийской долине	2	257
И. А. Баранов. Погребение V в. н. э. в Северо-Восточном Крыму	3	243
В. И. Бибикова. К интерпретации остеологического материала из скифского кургана Толстая Могила	4	63
В. И. Бидзиля, Э. В. Яковенко. Рало из позднеямного погребения конца III — начала II тысячелетия до н. э.	3	146
А. А. Бобринский, М. Г. Гусаков. Реконструкция гончарной мастерской III—IV вв.	1	150
Н. Н. Бусятская. Стеклянные бусы Селитренного городища	1	217
Г. К. Вагнер. Декоративная система «золотых дверей» Суздальского собора и вопрос о их датировке	1	96
Б. А. Василенко. Заметки о древнегреческих керамических клеймах	3	233
В. М. Василенко. Б. А. Колчин. Новгородские древности. Деревянные изделия. М., 1968; его же. Новгородские древности. Резное дерево. М., 1971	2	299
И. Б. Васильев. Сарматский курган на северо-западе Башкирии	4	249
Г. И. Вздорнов. Икона Нерукотворного образа Спаса — памятник псковской живописи XV века	3	212
В. Е. Вихров, Ю. В. Вихров, В. А. Борисов, С. Ю. Казанская. Сохранение древесины из раскопок Берестья	4	277
Г. А. Вознесенская, Б. В. Техов. Технология производства кузнечных изделий из Тлийского могильника (X—VI вв. до н. э.)	3	153
Ю. Н. Воронов. Келасурская стена	2	100
Ю. Н. Воронов, В. А. Юшин. Новые памятники цебельдинской культуры в Абхазии	1	171
Л. К. Галанина. Впускное погребение I в. н. э. Курджипского кургана	2	45
А. Ц. Геворкян. О древнейшей меднорудной базе Армении	4	32
В. Ф. Генинг. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок	1	114

	№	Стр.
Е. А. Горюнов. Некоторые вопросы истории Днепровского лесостепного Левобережья в V — начале VIII веков	4	99
Г. П. Григорьев, В. П. Третьяков. Окский бассейн в эпоху камня и бронзы. Тр. ГИМ, вып. 44, М., 1970	1	314
Ю. С. Гришин. Я. И. Сунчугашев. Горное дело и выплавка металлов в древней Туве, 1969	4	287
В. П. Даркевич, Н. А. Соболева. О датировке литовских монет с надписью «печать» (по материалам Шанчайского клада)	1	83
Ю. М. Десятчиков. Сарматы на Таманском полуострове	4	69
Д. А. Дрбоглав. Латинская берестяная грамота из Новгородских раскопок	3	108
С. Л. Дударев. Кинжал закавказского типа из Чечено-Ингушетии	4	247
А. П. Журавлев. Клад заготовок сланцевых орудий на стоянке Пегрема I	1	247
Ю. А. Заднепровский. F. Hole, K. U. Flannery, J. A. Neely. Prehistory and human ecology of the Deh Luran Plain. 1969	4	283
Ю. Н. Захарук. Проблемные ситуации в археологии	4	3
К. В. Зиньковский. Новые данные к реконструкции трипольских жилищ	1	137
В. А. Ильинская. Относительная хронология раннескифских курганов бассейна реки Тясмин	3	3
Л. М. Казакова. Вторая Донская археологическая конференция	4	301
Л. С. Клейн. New perspectives in archeology. Edit. by Sally R. Binford and L. R. Binford. Chicago, 1968	2	303
Л. С. Клейн. C. A. Moberg. Introduction till arkeologi. Stockholm, 1969	4	294
М. М. Кобылина. Пан на надгробной плите из Фанагории	3	174
В. Б. Ковалевская, Ю. А. Краснов; А. К. Амброз. I. Erdélyi. E. Ojtozi, W. Gening. Das Gräberfeld von Nevolino. Akadémiae Kiadó. Budapest, 1969	2	280
Г. Т. Ковпаненко. Бронзовый меч с Бельского городища	4	248
Л. Г. Колесникова. Кому принадлежали антропоморфные надгробия Херсонеса?	3	37
Л. В. Копейкина. Самый ранний образец расписной древнегреческой керамики из раскопок на острове Березань	2	240
С. Н. Кореневский. Металлические втульчатые топоры Уральской горно-металлургической области	1	39
И. А. Кочетков. О принципах изображения архитектуры на иконах митрополитов Петра и Алексия	4	123
В. В. Кропоткин. О датировке кувшина из Чистиловского могильника (Тернопольская область)	3	240
В. В. Кропоткин, Т. И. Макарова. Находка монеты Олега-Михаила в Корчеве	2	250
В. А. Кузнецов. Аланская культура Центрального Кавказа и ее локальные варианты в V—XIII веках	2	60
Е. Е. Кузьмина. Навершие со всадниками из Дагестана	2	178
И. Л. Кызласов. О происхождении стремян	3	24
Л. А. Лелеков. История Иранского государства и культуры. К 2500-летию Иранского государства	1	318
М. Н. Ложкин. Новые памятники средневековой архитектуры в Краснодарском крае	4	270
Б. В. Лунин. Д. Б. Шелов. Танаис и Нижний Дон в III—I вв. до н. э. М., 1970	3	282
В. Е. Максименко. Новые материалы по эпохе ранней бронзы на Нижнем Дону	1	249
В. И. Маркевич, Э. А. Рикман. Клад III—IV вв. н. э. из Буковины	4	260
В. И. Марковин. Дольмены Западного Кавказа (некоторые итоги изучения)	1	3
А. И. Мартынов. Новые материалы о тагарско-таштыкских поселениях и жилищах	3	163
И. С. Масимов. Раскопки святилища эпохи бронзы на Алтын-депе	2	139
В. М. Массон. Сб. «Охотники, собиратели, рыболовы. Проблемы социально-экономических отношений в доземледельческих обществах». Л., 1972	4	280
Г. Н. Матюшин. Мезолитический и неолитический комплексы поселения Мысового на Южном Урале	4	143
Л. Г. Мацкевой, Г. А. Пашкевич. К палеогеографии Керченского полуострова времен мезолита и неолита	2	123
С. Е. Михальченко. Систематизация массовой неполивной керамики золотоордынских городов Поволжья	3	118
Н. Н. Негматов. О живописи дворца афшинов Уструшаны	3	183
Д. В. Наумов. Химический состав стекла Селитренного городища	1	224

	№	Стр.
А. Л. Никитин. Могильник Дикариха на Плещеевом озере (раскопки 1961 и 1964 гг.)	2	158
А. Л. Никитин. О так называемых колотушках	4	242
И. Т. Никулицэ. Погребальный обряд гетов в IV—III вв. до н. э.	2	27
Обзор литературы по археологии Средней Азии и Казахстана, вышедшей в 1970 году	1	297
С. Н. Орлов. Раскопки на территории каменной крепости в Старой Ладоге	4	262
К. В. Павлова, П. А. Раппопорт. Городище Осовик	1	200
Н. Л. Подольский. О принципах датировки наскальных изображений. (По поводу книги А. А. Формозова «Очерки по первобытному искусству». М., 1969)	3	265
Е. Ф. Покровская. Предскифское поселение у с. Жаботин	4	169
М. Д. Полубояринова. Иконка с Селитренного городища	2	255
В. А. Посредников. Открытие палеолитической стоянки в Нарымском Приобье	4	236
Н. М. Постникова. К антропологии населения Волжской Болгарии. Антропологические материалы из могильника «Минарет»—XIV—XV вв.	3	203
Л. В. Прищепенко. Растительные остатки с поселения Ак-Тепе	1	239
А. Д. Пряхин. А. Х. Халиков, Г. В. Лебединская, М. М. Герасимова. Пепкинский курган. Йошкар-Ола, 1966. А. Х. Халиков. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969	3	276
Г. А. Пугаченкова. Керамические печи кушанского времени в Южном Узбекистане	2	205
В. А. Ранов. P. Biberson. Galets aménogés du Maghreb et du Sahara. Paris, 1968	2	260
П. А. Раппопорт. Трубчевск	4	205
Р. Л. Розенфельдт. Раскопки курганов у с. Битягово в 1968—1970 гг.	1	192
Р. Л. Розенфельдт. Итоги полевых археологических исследований в 1971 г.	2	313
Э. В. Ртвеладзе. Мавзолей Маджара	1	271
А. П. Рунич. О конской сбруе из района Пятигорья	1	163
Л. М. Рутковская. Т. Н. Сенигова. Средневековый Тараз. Алма-Ата, 1972	3	291
Е. А. Рыбина. Раскопки Готского двора в Новгороде	3	100
В. В. Седов. Еще раз о вкладе балтов в культуру восточных славян (о статье Г. Ф. Соловьевой «О роли балтского субстрата в истории славянских племен Верхнего Поднепровья»)	3	73
Ю. Б. Сериков. О находке тесла в верхнем палеолите Дона	3	226
В. В. Сидоров. Давыдковская стоянка на реке Яхроме	2	146
В. В. Сидоров. К вопросу о функциях скребков	3	228
Р. А. Симонов. Византийская нумерация в эпиграфике Первого Болгарского царства и начало славянской письменности	1	71
Р. А. Симонов. Берестяная грамота № 342 разъясняет темное место у Кирика Новгородца	2	83
К. Ф. Смирнов. T. Sulimirski. The Sarmatians. New York — Washington, 1970	2	270
П. Н. Старостин, Е. П. Казаков, Р. С. Габяшев. Игимский могильник	1	260
Л. В. Субботин, И. Т. Черняков. Фракийский кенотаф у с. Зализничное на левобережье Нижнего Придунавья	2	238
Я. И. Сунчугашев. Из истории орошаемого земледелия в Хакассии	3	238
Я. И. Сунчугашев. Медеплавильная печь эпохи бронзы	4	244
И. А. Сыркина. О бронзовых пластинах Истяцкого и Сузгунского кладов	4	255
В. С. Титов. R. Tringham. Hunters, Fishers and Farmers of Eastern Europe 6000—3000 B. C., London, 1971	2	263
В. С. Титов. Х. А. Кинк. Восточное Средиземноморье в древнейшую эпоху	1	287
В. Титов, И. Эрдели (Москва, Будапешт). Современная организационная структура археологии в Венгерской Народной Республике	3	249
Х. Тодорова (София). Новая культура среднего неолита в Северо-Восточной Болгарии	4	16
В. П. Третьяков, Е. А. Шмидт. Стоянка каменного века в бассейне р. Катыни в Смоленском Поднепровье	1	244
Н. Е. Урушадзе. К семантике прикладного искусства древнего Кавказа и Закавказья	1	54
Р. Г. Фахрутдинов. Задачи археологического изучения Казанского ханства	4	113
М. Н. Федоров. Из истории денежного обращения в Средней Азии конца VIII — первой половины XII в. (К проблеме «черных дирхемов»)	2	75

	№	Стр.
Л. В. Фирсов. Опыт радиоуглеродного датирования античных и средневековых образцов из Херсонеса	2	244
А. А. Формозов. Распространение сегментов и трапеций в каменном веке Европейской части СССР	1	235
А. А. Формозов. Новые книги о наскальных изображениях в СССР (обзор публикаций 1968—1972 гг.)	3	257
Н. А. Фролова. Монетное дело Боспора в правление Котиса III (227—233 гг.)	3	49
А. Х. Халиков. О столице домонгольской Булгарии	3	83
М. Д. Хлобыстина. Происхождение и развитие культуры ранней бронзы Южной Сибири	1	24
М. Д. Хлобыстина. Некоторые особенности андроновской культуры минусинских степей	4	50
Л. С. Хомутова. Техника кузнечного ремесла в древнерусском городе Серенске (вторая половина XII—XIV в.)	2	216
Е. В. Черненко, В. Б. Виноградов, В. А. Петренко. А. М. Х а з а н о в. Очерки военного дела сарматов. М. 1971	2	271
Н. Л. Членова. Карасукские находки на Урале и в Восточной Европе	2	191
Л. А. Чилашвили. М. Н. М и ц и ш в и л и. Поливная керамика в древней Грузии (IX—XIII вв.). Тбилиси, 1969	3	289
Э. В. Шавкунов. О назначении подвесных бронзовых рыбок и оленьего рога с Шайгинского городища	1	264
Э. С. Шарафутдинова. Заключительный этап позднего бронзового века на Нижнем Дону (памятники кобяковской культуры)	2	3
Н. С. Шеляпина. Поселение железного века на Боровицком холме Московского Кремля	1	254
Н. С. Шеляпина. Надгробия митрополитов Киприана и Фотия в Успенском соборе Московского Кремля	4	227
В. П. Шилов. Металлические сосуды из кургана у с. Большая Дмитриевка	4	252
Е. А. Шмидт. Д. А. А в д у с п н. Полевая археология СССР. М., 1972; его же. Археология СССР, М., 1967	1	320
В. А. Шнирельман. Натуфийская культура (обзор литературы)	1	278
П. Н. Шульц, Н. И. Навротский. Прикубанские изваяния скифского времени	4	189
А. Л. Якобсон. Сборник «Античная древность и средние века». Свердловск, 1971	3	284
Артамонов Михаил Илларионович	2	322
Синицын Иван Васильевич	2	323

СОДЕРЖАНИЕ

Ю. Н. Захарук (Москва). Проблемные ситуации в археологии 3
Х. Тодорова (София). Новая культура среднего неолита в Северо-Восточной Болгарии 16
А. Ц. Геворкян (Ереван). О древнейшей меднорудной базе Армении . . 32
Г. Е. Арешян (Ереван). Малоазийские формы в керамике Армении среднего бронзового века 40
М. Д. Хлобыстина (Ленинград). Некоторые особенности андроновской культуры минусинских степей 50
В. И. Бибикова (Киев). К интерпретации остеологического материала из скифского кургана Толстая Могила 63
Ю. М. Десятчиков (Москва). Сарматы на Таманском полуострове 69
А. К. Амброз (Москва). Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV—VIII вв.) 81
Е. А. Горюнов (Ленинград). Некоторые вопросы истории Днепровского лесостепного Левобережья в V — начале VIII веков 99
Р. Г. Фахрутдинов (Казань). Задачи археологического изучения Казанского ханства 113
И. А. Кочетков (Москва). О принципах изображения архитектуры на иконах митрополитов Петра и Алексия 123

Публикации

О. Н. Бадер, Г. Н. Матюшин (Москва). Новый памятник среднего палеолита на Южном Урале 135
Г. Н. Матюшин (Москва). Мезолитический и неолитические комплексы поселения Мысового на Южном Урале 143
Ф. Х. Арсланова (Усть-Каменогорск). Памятники андроновской культуры из Восточно-Казахстанской области 160
Е. Ф. Покровская (Киев). Предскифское поселение у с. Жаботин 169
П. Н. Шульц, Н. И. Навротский (Ленинград). Прикубанские изваяния скифского времени 189
П. А. Рашпорт (Ленинград). Трубчевск 205
Н. Д. Аксенова (Казань). Жилые дома в Болгарах в районе Ханской усыпальницы и Малого минарета 218
Н. С. Шеляпина (Москва). Надгробия митрополитов Киприана и Фотия в Успенском соборе Московского Кремля 227

Заметки

В. А. Посредников (Томск). Открытие палеолитической стоянки в Нарымском Приобье 236
В. А. Алёкшин (Ленинград). Каменные гири с древнеземледельческих поселений Южной Туркмении 238
А. Л. Никитин (Москва). О так называемых колотушках 242
Я. И. Сунчугашев (Абакан). Медеплавильная печь эпохи бронзы 244
С. Л. Дударев (Грозный). Кинжал закавказского типа из Чечено-Ингушетии 247
Г. Т. Ковпаненко (Киев). Бронзовый меч с Бельского городища 248
И. Б. Васильев (Куйбышев). Сарматский курган на северо-западе Башкирии 249
В. П. Шилов (Ленинград). Металлические сосуды из кургана у с. Большая Дмитриевка 252
И. А. Сыркина (Тобольск). О бронзовых пластинах Истяцкого и Сузгунского кладов 255
В. И. Маркевич, Э. А. Рикман (Кишинев, Москва). Клад III—IV вв. н. э. из Буковины 260
С. Н. Орлов (Новгород). Раскопки на территории каменной крепости в Старой Ладоге 262
М. Н. Ложкин (Краснодарский край). Новые памятники средневековой архитектуры в Краснодарском крае 270
В. Е. Вихров, Ю. В. Вихров, В. А. Борисов, С. Ю. Казанская (Минск). Сохранение древесины из раскопок Берестья 277

Критика и библиография

В. М. Массон (Ленинград). Сб. «Охотники, собиратели, рыболовы. Проблемы социально-экономических отношений в доземледельческих обществах». Л., 1972 280
Ю. А. Заднепровский (Ленинград). F. Hole, K. V. Flannery, J. A. Neely. Prehistory and human ecology of the Deh Luran plain, 1969 283
И. И. Артеменко (Москва). M. Buchvaldek, D. Koutecky. Vikletice ein schnurkeramisches Gräberfeld. Praha, 1970 285

Ю. С. Гришин (Москва). Я. И. Сунчугашев. Горное дело и выплавка металлов в древней Туве. 1969 287
А. К. Амброз (Москва). A. Salamon, I. Erdélyi. Das völkerwanderungszeitliche Gräberfeld von Környe, Budapest, 1971 289
Л. С. Клейн (Ленинград). C. A. Moberg. Introduction till arkeologi, Stockholm, 1969 294

Хроника

Л. М. Казакова (Ростов-на-Дону). Вторая Донская археологическая конференция 301
Указатель статей, опубликованных в журнале «Советская археология» за 1973 год 306

SOMMAIRE

You. N. Zakharouk (Moscou). Situations problematiques en archéologie . . 3
H. Todorova (Sofia). Nouvelle culture du néolithique moyen au Nord — Est de la Bulgarie 16
A. Ts. Guévorkiane (Erévan). A propos de la plus ancienne base minière du cuivre en Arménie 32
G. E. Aréchian (Erévan). Les formes anatoliènnes dans la poterie arménienne du bronze moyen 40
M. D. Khlobystina (Léningrad). Certaines particularités de la civilisation d'Andronovo dans les steppes de Minoussinsk 50
V. I. Bibikova (Kiev). A propos de l'interprétation du matériel ostéologique provenant du tumulus scythe Tolstaïa Moguila 63
You. M. Déciattchikov (Moscou). Sarmates sur la presqu'île de Taman . . . 69
A. K. Ambroz (Moscou). Etriers et selles de l'ancien moyen age en tant que indiquateur chronologique (IV—VIII ss) 81
E. A. Gorunov (Léningrad). Certaines questions de l'histoire des steppes boisées de rive gauche du Dniepr (V — début du VIII ss) 99
R. G. Fakhroutdinov (Kazan). Objectifs de l'exploration archéologique du Khanat de Kazan 113
I. A. Kotchetkov (Moscou). A propos de principes de la représentation de l'architecture sur les icônes des métropolites Paul et Alexis 123

Publications

O. N. Bader, G. N. Matiouchine (Moscou). Nouveau gisement du paléolithique moyen à l'Oural de Sud 135
G. N. Matiouchine (Moscou). Ensembles mésolithique et néolitique du campement Myssovaïa à l'Oural de Sud 143
F. Kh. Arslanova (Oust-Kaménogorsk). Sites de la civilisation d'Andronovo dans la région de Kazakhstan oriental 160
E. F. Pokrovskaïa (Kiev). Village préscythe près de la baurgade de Jabotine 169
P. N. Chultz, N. I. Navrotski (Léningrad). Idoles de l'époque scythe dans le cours de Kouban 189
P. A. Rappoport (Léningrad). Troubtchevsk 205
N. D. Aksenova (Kazan). Maisons d'habitation aux environs du Maly Minaret et du Sépulcre de Khan 218
N. S. Chéliapina (Moscou). Dalles tombales des métropolites Cyprien et Photius dans la Cathédrale de l'Assomption du Kremlin de Moscou 227

Notes

V. A. Posrédnikov (Tomsk). Découverte d'un campement paléolithique sur l'Ob dans la région de Naryme 236
V. A. Alekchine (Leningrad). Poids de pierre provenant des anciennes agglomérations d'agriculteurs au sud de Turkménistan 238
A. L. Nikitine (Moscou). A propos des soi-disant maillets 242
Ia. I. Sountchougachev (Abakan). Four à cuivre de l'âge de bronze 244
S. L. Doudarev (Grozny). Un poignard de type transcaucasien provenant de la RSSA de Circassie et d'Ingouchétie 247
G. T. Kovpanénnko (Kiev). Epée en bronze provenant de l'oppidum de Belsk 248
I. B. Vassiliev (Kouibychev). Tumulus sarmate au Nord — Ouest de la Bachkirie 249
V. P. Chilov (Léningrad). Vases métalliques provenant du tumulus de Bolchaïa Dmitrievka 252
I. A. Syrkina (Tobolsk). Sur les plaquettes du bronze des trouvailles d'Istiatsk et de Souzgoune 255

V. I. Markévitch, E. A. Rikmane (Kichinev, Moscou). Trésor de III—IV ss de Boukovina 260
S. N. Orlov (Novgorod). Fouilles sur le territoire de la forteresse de pierre à Staraïa Ladoga 262
M. N. Lojkine (Région de Krasnodar). Nouveaux monuments de l'architecture moyenâgeuse dans la region de Krasnodar 270
V. E. Vikhrov, You. V. Vikhrov, V. A. Borissov. S. You Kazanskaïa (Minsk). Conservation du bois provenant des fouilles de Bérestié 277

Critique et bibliographie

V. M. Masson (Léningrad). Recueil: «Chasseurs, cueilleurs, pêcheurs. Problèmes des rapports socio-économiques dans les collectivités préagricoles.» 1972 280
You. A. Zadnéprovski (Léningrad). F. Hole, K. V. Flannery, J. A. Neely. Prehistory and human ecology of the Deh Luran Plain, 1969 283
I. I. Artemenko (Moscou) M. Buchvaldek—D. Koutecky. Vikletice ein schnurkeramisches Gräberfeld. Praha, 1970. 285
You. S. Grichine (Moscou). Ia. I. Sountchougachev. Industrie minière et fonte des métaux au Touva ancien 287
A. K. Ambroz (Moscou). A'. Salamon, I. Erdélyi. Das völkerwanderungszeitliche Gräberfeld von Környe, Budapest, 1971. 289
L. S. Kleine (Léningrad). C. A. Moberg. Introduction till arkeolcgi Stockholm, 1969 294

Chronique

L. M. Kazakova (Rostov-sur-Don). Deuxième conférence archéologique de Don 301

К нашим читателям

В целях обеспечения своевременной доставки нашего журнала каждому подписчику присвоен постоянный цифровой код, который будет сообщен Вам Центральным подписным агентством «Союзпечать».

При возобновлении подписки на 1974 и последующие годы цифровой код следует проставлять на нижней строке абонемента, справа от фамилии, инициалов (наименования организации, выписывающей данное издание).

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Сдано в набор 16/VII-1973 г. Т-16208 Подписано к печати 28/IX-1973 г. Тираж 2930 экз.
Зак. 2629 Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Усл. печ. л. 27,3 Бум. л. 9³/₄ Уч.-изд. л. 30,1

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10